

ФАНТАСТИКА 2002
выпуск 2

ФАНТАСТИКА

2002
выпуск 2

**ЮЛИЙ
БУРКИН**

**АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ**

**ЛЕОНИД
КУДРЯВЦЕВ**

**ЛЕОНИД
КАГАНОВ**

**АЛЕКСЕЙ
КАЛУГИН**

**ЕВГЕНИЙ
ЛУКИН**

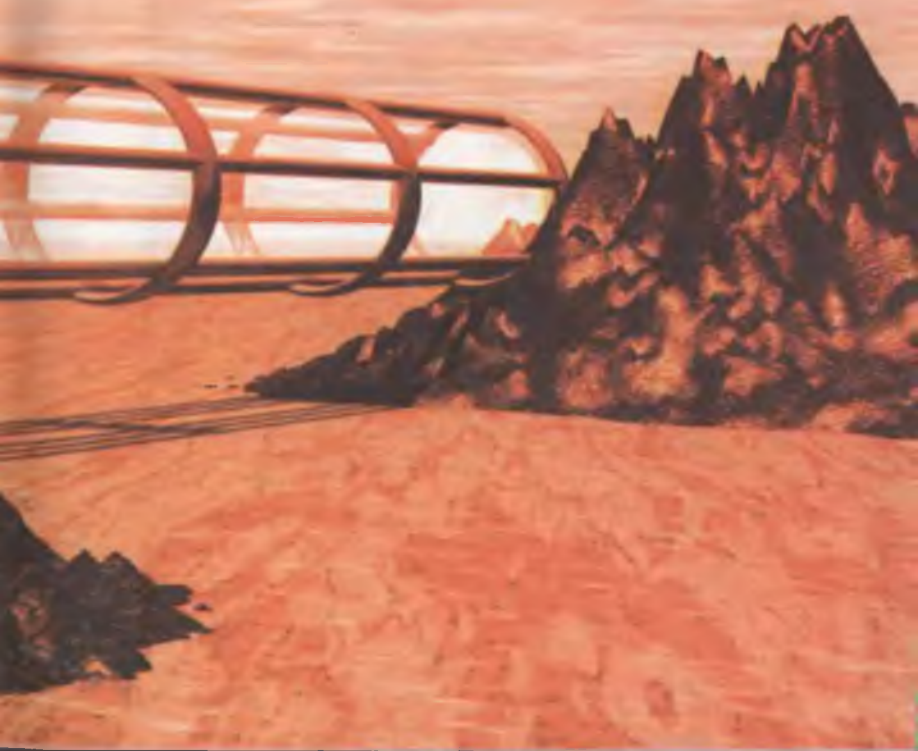
**СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО**

**ДМИТРИЙ
СКИРЮК**

И ДРУГИЕ...

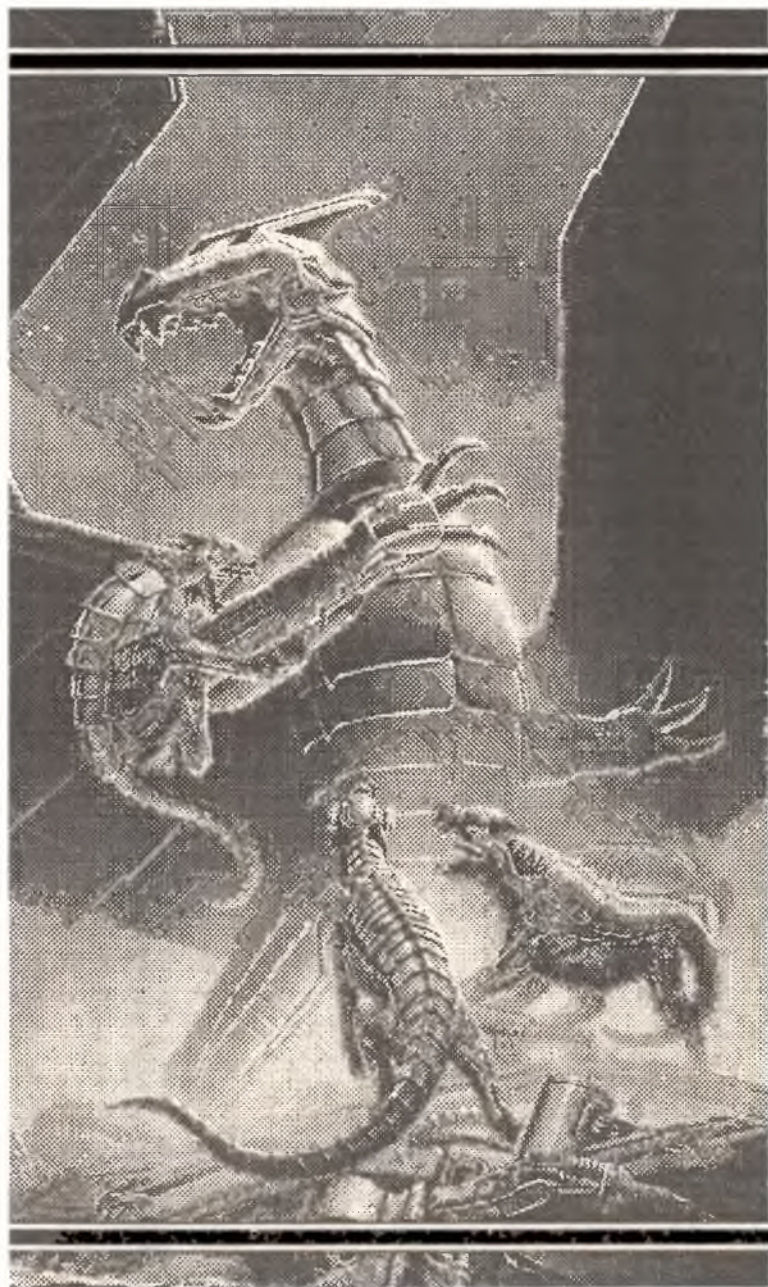

З В Е З Д Н Ы Й

А А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

ФАНТАСТИКА

2002

ВЫПУСК 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО • МОСКВА • 2002

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Ф22 -

Составитель Н.А. Науменко

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная Александром Корженевским.*

Подписано в печать 26.03.02 г. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. псч. л. 28,56. Тираж 15000 экз. Заказ № 694.

**Фантастика 2002. Вып. 2: Повести, рассказы. — М.: ООО
Ф22 «Издательство АСТ», 2002. — 534, [10] с. — (Звездный лабиринт).**

ISBN 5-17-014022-3

Поклонники отечественной научной фантастики!
НЕ ПРОПУСТИТЕ!

Издательство АСТ предлагает вам ОЧЕРЕДНОЙ сборник повестей и
раесказов «Фантастика — 2002/2».

Дмитрий Володихин, Леонид Каганов, Леонид Кудрявцев, Алексей
Калугин, Евгений Лукин, Юлий Буркин, Дмитрий Скирюк, Александр
Громы и многие другие!

Помимо художественных произведений, в сборник «Фантастика —
2002/2» вошли также статьи о проблемах жанра и традиционный обзор
«положения дел» в российской фантастике в 2001 г.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© ООО «Издательство АСТ», 2002

ПОВЕСТИ

© И. Борисенко, 2002

© Д. Володихин, 2002

© В. Мидянин, 2002

Игорь Борисенко

КУРЬЕР

— Что-то выбрали? — поинтересовался официант в короткой белой курточке. На его длинном лице не выражалась ни одна эмоция: задавая вопрос, он меланхолично разглядывал окна магазина на другой стороне площади. Я решительно взгляделся в меню, в которое пялился уже минут пять. Нижняя губа выпятилась, выражая крайне упорную работу мозга. Я вспомнил, что один знакомый, которого трудно назвать «добрым» или «хорошим», говаривал, будто все мои мозги как раз в этой губе и сосредоточены. Насупившись, я поджал ее назад. Тем временем официант уже стал проявлять беспокойство. Лицо его перестало быть отстраненным, оно слегка нахмурилось. Белоснежным полотенцем официант настойчиво протирал спинку свободного стула у моего столика. Знаю я, о чем он думает: «Вот еще один проклятый чужестранец уселся здесь отдохнуть после беготни по городу. Закажет сейчас крохотную чашечку кофе, или стакан фруктовой воды, или пива — и все. Ему плевать на то, что несчастные гарсоны здесь зарабатывают с суммы заказа, а не с числа посетителей!»

— Скажите, а продукты у вас настоящие? — спросил я наконец. — В меню это как-то не отражено...

— *Что именно* вы хотели заказать? — с нажимом поинтересовался официант. Кажется, я в его глазах терял остатки уважения как клиент. — Здесь есть и природные продукты, и синтезированные.

— На корабле кормили сплошь синтетической дрянью... Ну, я имею в виду ту жратву, что мне по карма-

ну. — Я стал говорить попроще, потому что вспомнил, кем являлся в данный момент. Заштатный мастер автоматизированного комплекса по добыче железа с маленькой сырьевой планетки, не очень богатый, не очень образованный и не очень умелый в общении с людьми. — То есть там были и натуральные продукты, но по таким ценам — о-е-ей!!

Увидев, что официант готов отхлестать меня по щекам полотенцем, лишь бы прервать поток слов, я кивнул головой и повернул меню к его лицу.

— Покажите, где тут натуральные продукты. Надеюсь, у вас они подешевле... Так хочется чего-то настоящего!

— Вот. — Он ткнул пальцем в строчки. — В каждом разделе, «Закуски», например, или «Супы», первые пять пунктов — блюда из натуральных продуктов.

— Ага! — обрадовался я. — Тогда мне салат из помидоров со шпинатом, зеленый суп, бутылку пива и... А вот это — что, правда медальон из омара? Я таких штук никогда не ел. Вдруг опять какая-то синтетическая дрянь «с ароматизаторами, идентичными натуральным»?

— Я же сказал вам, первые пять блюд — натуральные!!! — тщательно выговаривая каждое слово, ответил официант. Все, пора закончить над ним издеваться. Только еще совсем чуть-чуть.

— И это самый настоящий омар?

Тут вдруг официант стушевался. Он забыл полотенце на спинке стула, с которого, наверное, уже стер всю полировку, и почесал щеку.

— Ну... Нет, это местный омар. Какое-то близкое к настоящим омарам животное из океана Арктура.

— А, какая мне разница! — воскликнул я. — Все равно настоящего в жизнь не попробовать, давайте хоть такого. Не зря ведь омаром назвали, наверное, похож? Как вы думаете?

Официант коротко кивнул, помечая в электронном блокноте заказанные мной блюда.

— Больше ничего не желаете? Вина — натурального и довольно дешевого?

— Не, я вино не люблю, я чего покрепче. Только сейчас напиться еще рановато — только прилетел! — С явным вздохом облегчения официант ушел. Не очень-то они здесь воспитанны, хотя вроде столица, одна

из главных площадей... Национальная особенность, наверное. Есть такие народы, где вежливость и подобострастие как таковые отсутствуют. Иногда это хорошо, иногда плохо. Но мне фактически на вежливость официантов наплевать — просто хотелось подурачиться, расслабиться после долгого скучного перелета. Проклятая легенда заставила меня лететь с той самой чахлой планетки на дешевом маршруте. На мой взгляд — лишняя перестраховка, но начальство так не думало, а главный голос в этих вопросах всегда почему-то остается у начальства.

Зато теперь ничто не заставляет меня торопиться. Я слез с корабля и приехал на площадь Рембрандта — интересно, в честь кого они ее назвали? Неужели в честь того самого древнего художника, такого пухленького типа с усиками и служанкой на коленях? А может, просто у первого губернатора, щеголя и аристократа, была собака по кличке «Рембрандт» и в честь нее он назвал площадь? Черт знает. Но я люблю вот так задаваться пустяковыми вопросами на новых планетах, когда узнаю новые факты и названия. Будто впереди не ждет никакая работа, а я просто приехал отдыхать. Сажу здесь, где столики выставлены прямо на мостовую, мимо иногда проходят быстрым шагом люди в деловых костюмах, над головой мелькают флаеры. Небо, правда, не ахти какое — то ли с фиолетовым отливом, то ли еще с каким. Вот и тусклая луна, висящая в зените, тоже явно фиолетовая...

Тем временем официант принес мой заказ, быстро выставил на столик тарелки, стаканы, бутылку и убежал, даже не спросив, не надумал ли я чего еще заказать. Хотелось пристать к нему с какой-нибудь дурацкой просьбой, но тут вдруг желудок заурчал, обнаружив аппетит. Я набросился на еду и прикончил ее за каких-нибудь минут десять. Салат был вкусным, суп — слишком жидким, пиво горьковатым, а медальон, на мой взгляд, слишком пах тухлятиной. На самом деле я омара ел, и мог спокойно набить им тут морды за обман потребителя: поест какой-нибудь неискушенный человек их медальон и на всю жизнь уверится, что омар — это дерьмо.

Но зато теперь я мог сказать себе, что откушал еще одно блюдо из экзотического животного. Надо не забыть вечером записать это в свой дневник. Хорошо по-

есть — моя слабость. Я запоминаю вкус всех блюд, какие пробую, запоминаю, где я их пробую, и даже их названия, которые иной раз весьма сложны для моего не слишком развитого разума. Тем не менее я аккуратно фиксирую все в электронном дневнике, и записей собралось уже так много, что мне пришлось наращивать память. Когда выйду на пенсию — напишу «Кулинарную книгу путешественника». Да, да, даже название я уже придумал. Вот только бы начальство не прознало про мое скромное хобби. Узнает — вклеит наказание, а книжку отберет. Как так? Иной раз изображаешь какого-нибудь олуха, который в первый раз вылетел со своей деревенской дыры, а у него в записной книжке — чуть не тысяча блюд с почти такого же числа планет, каждое с описанием оставленного впечатления. Я, правда, подстраховался — все это оформлено у меня в виде электронной книги, уже готовой. Новые записи я аккуратно вставляю перед самым ее концом, где записаны разные данные о годе издания и прочей чепухе. Кстати, эту чепуху я срисовал с настоящей кулинарной книги.

Благодушное переваривание обеда вкупе с размышлениями не погасило моей внимательности. Когда желудок переваривает, а мозги размышляют, мои глаза по-прежнему смотрят по сторонам, и уши не перестают регистрировать звуки. Поэтому я вовремя заметил странного субъекта, решительно направляющегося к моему столику от ближайшего угла. У него были взъерошенные волосы, вороватый взгляд и сжатые кулаки. Небрежно одетый, он выглядел немного неуместно на этой деловой площади, заполненной офисами крупных фирм и министерств. Интересно, что ему надо? Надеюсь, он не хочет затеять драку с таким крепким и неробким на вид человеком, как я? После обеда я драться не люблю.

Оставалась еще вероятность, что это просто какой-то сумасшедший, который либо пройдет мимо, либо ограничится глупыми вопросами типа «веруешь ли ты в Моара-Пратту?». Не переставая за ним наблюдать, я осторожно подобрал ноги, чтобы в случае чего встать быстро и без помех. Взъерошенный человек подошел к моему столику и молча уселся напротив, вперив в меня свой горящий взгляд.

— Наслаждается? — хрипло спросил он. Голос какой-то странный, словно искаженный. — Только

все это не настоящее. Они усыпили вас в такси, по дороге из космопорта, привезли в Резиденцию контрразведки и в лаборатории подключили к компьютеру. Все вокруг — виртуальная реальность. Они знают, что им не тягаться с федеральным агентом в техническом оснащении и слежка не даст результата. Они знают, что им не взломать ваших мозговых барьеров и нужные сведения не выкачать. Поэтому они решили вас обмануть, засунув в компьютер и проследив, куда вы направитесь.

— Что за бред? — только и смог спросить я у странного человека, при этом забыв обо всем на свете и вцепившись в край столика своими холеными пальцами. Слишком дикие вещи он говорил. — Кто ты такой?

— Не важно, кто я. Просто друг в Резиденции. Я очень рискую, подключаясь к вашей программе. Мне пора идти.

— Но погоди... Как же так! Зачем хватать меня и садить в программу? Я простой мастер смены, начальник кучи роботов, я ничего не знаю и ничего не умею! Кому я нужен?

— Я рискую жизнью, а вы пытаетесь притворяться? Поздно. Они знают, кто вы. Не имею представления, откуда, но знают. Вас ждали. Вас подставили. И вы на грани провала миссии.

Человек порывисто встал и явно собрался уходить. У меня же будто ноги отнялись, ибо идиллический вечер отдыха на этой планете закончился, не успев начаться. Не было смысла притворяться, ибо раз он говорит мне такие вещи, значит, точно знает, кто я такой на самом деле. Это такая ситуация, когда надо решать: либо играть полное незнание до конца, как барану, либо говорить начистоту. Риск есть, но вдруг важно принять его помощь? Я человек рискованный и соображать долго — просто не моя специальность.

— Эй, подожди! — крикнул я вослед удаляющемуся собеседнику. — Какого черта ты тогда уходишь? Помоги, я не знаю, что делать! Я не могу поверить твоим словам просто так! Соверши какое-нибудь чудо, чтоб мне сразу стало ясно, где я — в настоящей жизни или виртуальной реальности!

— Она очень реальная, эта реальность, — сказал человек через плечо. Он уже почти дошел до угла, из-за которого появился пару минут назад. Тут я снова почувствовал ноги и вскочил, чтобы настигнуть его и выяснить все

до конца. У самого угла взъерошенный человек обернулся и посмотрел на меня своими горящими глазами.

— Если хочешь проверить — воткни себе нож в сердце или прыгни с небоскреба. Единственное, чего не может позволить программа, — это твоей смерти. Потому что и настоящее тело тогда погибнет, и для Них все пропало.

Сказав это, человек повернул за угол. Мне казалось, что его можно достигнуть в два прыжка, но нога вдруг подвернулась в самый неподходящий момент. Прыгая на здоровой, я ухватился руками за гладкий мрамор, покрывавший стены, и заглянул на ту улицу, по которой должен был идти удравший незнакомец. Его там не было.

Само по себе это ничего не значило, он мог проникнуть в любую из трех или четырех ближайших дверей и даже в окно. Пускай для этого ему пришлось бы показать чудеса скорости и ловкости, но это вполне по силам человеку. Что мне думать? Я был сбит с толку и не мог найти решения. Ясно, что нет никакого проку от беганья и заглядывания в каждую из этих дверей, а значит, придется делать то, что мне не очень нравится — думать и принимать решения. Черт подери, я простой курьер, который везет пару длинных цифр в своем мозгу, посылку для резидента, засекреченного до того, что его не знает даже представитель Специальной Службы на этой планете. Мне по профессии не положено принимать решения, черт возьми! Драться, убивать, обнаруживать слежку и избегать ее — вот это пожалуйста, а делать выбор, от которого зависит исход операции, я страшно не люблю. Не сказать, чтобы и этому нас не учили, но никто не говорил, что мне это нравится или я в этом очень искушен.

Нога моя болела, но наступать на нее я мог — значит, все в порядке, просто небольшое растяжение. Весь в тягостных думах, я брел обратно к столику, где меня уже поджидал встревоженный официант. Когда я обратил на него внимание, он быстренько вернул на лицо равнодушное выражение и забросил полотенце себе на плечо.

— Вы так резко убежали, что мы подумали, вы не хотите платить по счету, — с легким негодованием в голосе сказал он. Я молча показал на чемоданчик, стоявший рядом со стулом.

— Ну, потому я и не вызвал в тот же момент полицейских. Что случилось?

Надо же, забота! Или это нечто другое? Нет, мне есть сейчас над чем поломать голову, кроме этого пустяка.

— Он... Этот человек — вы его видели? — он украл мою камеру. Сдернул со стола и бросился бежать, а я пытался догнать, но подвернул ногу.

— Может быть, все-таки вызвать полицейских?

— Не надо. Она была старая и наполовину сломанная. Лучше давайте счет.

— Вот он.

На этой отсталой планете не пользовались галактическими расчетными аппаратами — вместо этого они имели внутреннюю систему расчета по электронным карточкам. Мне одну такую выдали на таможне в обмен на содержимое расчетчика, теперь я протянул ее официанту, и тот вставил этот пластиковый прямоугольник внутрь маленького аппарата. В специальном окошечке появились цифры списываемой суммы, но я даже не смог сообразить, что это за число. Хоровод мыслей кружил в мозгу, и ни одна из них мне не нравилась. Кто-то серьезно опростоволосился! Почему никто не предусмотрел такой ситуации и не научил, как себя вести в этом случае? Что мне делать? Какими методами узнать правду? Не имею представления. Я ничегошеньки не знаю об этой проклятой виртуальной реальности, кроме того, что она существует и может погрузить человека в полностью или частично искусственный мир. Каковы механизмы ее действия, как она устроена — неизвестно. Это словно космические корабли... Я знаю, что они есть, я пользуюсь ими и даже смогу управлять некоторыми моделями, но как они устроены — убей меня боже, не знаю. Вспомнив бога, я быстро перекрестился, ибо, кроме Него, мне надеяться ни на кого не приходилось. Официант вернул карточку, и я вцепился в нее изо всех сил, словно надеясь на ошупь найти ответ, увидеть, как пластик тает под нажимом пальцев. Нет, все осталось по-прежнему, вполне реально или неотличимо от реального. Мне захотелось заорать и броситься бежать, но я смог взять себя в руки. Подхватив чемодан, я пошел прочь, провожаемый внимательным взглядом официанта. Вернее, не пошел, а сделал два шага и застыл

как вкопанный. Черт побери! Если тот странный человек сказал правду, то что получается? Им нужно от меня одно: адрес человека, к которому я послан. Они не могут выкачать сведения из мозга, потому что барьеры, воздвигнутые в СС, никому не сломать. Выпытать у меня они ничего тоже не смогут — вся загвоздка в том, что прямо сейчас я не знаю маршрута. В памяти сидело одно название: площадь Рембрандта, куда я должен явиться. Потом совершить прогулку по ее периметру, разглядывая названия вливающихся улиц, и когда глаз остановится на нужном, сработает ментальный механизм и я стану «вспоминать», куда мне идти. Наверное, если б они просто привезли меня на эту площадь под конвоем, то ничего бы не заработало, но в этом я не уверен, потому что все эти мозголомные штучки для меня такой же темный лес, как и виртуальная реальность. Раньше мне казалось, что все эдакое — хорошая задумка. Но теперь оказывается, что они могут обмануть меня и подглядеть, куда я пойду. Слежки не будет, зачем следить там, где все фиксируется компьютером. Посмотрят потом кино, в котором я иду в нужное место.

Я стоял и боялся ступить дальше, боялся смотреть на улицы. Мозги — опасная игрушка. Мне стало страшно, потому что я представил, как иду по улицам, совершенно уверенный в том, что убегаю от врага, а на самом деле вывожу его на тот самый адрес. Вдруг мое тело само потянет по запрограммированному маршруту? Глупость? Но каковы законы виртуального мира? Я не знал. Куда мне идти? Что делать? Отправиться в космопорт и с позором возвращаться на базу? Но что я там скажу? Что встретился с человеком, рассказавшим о нереальности мира вокруг меня? Однако сам факт того, что я вернулся, будет доказательством обратного. Им нужен адрес, они построили мир своего города. Их реальность должна кончиться там, где они никогда не были, они не смогут точно воспроизвести нужные детали. Значит, если я отправлюсь в космопорт, то... Стоп. Космопорт будет прежним. Если я взлечу, то задание будет провалено и меня ждет страшная взбучка за то, что я его не выполнил. Но если я не попытаюсь взлететь, то поездка в космопорт ничего не выяснит. Каша какая-то в голове получается! Что же делать? Вонзить нож в сердце и посмотреть,

умру ли я? Вот это звучит просто страшно. Может, кто-то хочет моей смерти и заставляет совершить самоубийство? Вопросы, вопросы, вопросы. Их слишком много для одного испуганного нештатной ситуацией человека. Нужно постараться сформулировать несколько гипотез, рассмотреть их и принять решение. Больше никак.

Итак, первое. В моем состоянии, с плавящимися от перегрузки мозгами, я не должен двигаться, чтобы совершенно случайно не привести их на место. Пусть этот официант думает обо мне что угодно, пусть вызывает полицию, пускай я не двинусь с места, пока не придумаю, как поступить. Я оглянулся: официант уже исчез. За двумя столиками сидели парочки, занятые оживленной беседой, и никто не обращал внимания на странного субъекта, застывшего посреди площади. Редкие прохожие продолжали спешить по своим делам и тоже не оглядывались. Интересно, может, это что-то доказывает? Или тут просто полно чудаков, ведущих себя странно? Ну все, хватит придумывать чепуху. Нужно решать проблему. Итак, я могу плюнуть на предупреждение и просто продолжить выполнять задание. Но в моей инструкции первым пунктом стоит такой: «При малейшем сомнении в соблюдении всех условий секретности и безопасности выполнения миссии ее следует прекратить». Вот только мнение о соблюдении этих условий нужно составлять самому, и никак это не регламентируется. Увы, никто за меня не решит, опасна ли ситуация, действительно ли это «сомнения» или просто глупость? Кажется, от подобных мыслей меня скоро будет трясти. Я снова возвращаюсь в одно и то же место в своих рассуждениях. В тупик. Хорошо, берем за основу обратное: сомнения есть (есть! Есть-есть, неужели не видно!). Тогда нужно бросать все, вызывать такси и отправляться в космопорт, чтобы улететь к чертовой матери. И наткнуться на красноречивое непонимание моих поступков начальством. Зачем им такой тупица, как я? Еще выгонят, куда я тогда пойду? Я же больше ничего делать не умею... Есть одно простейшее решение, которое все разрешит для моего несчастного, раскалившегося от мучительных раздумий мозга. Оно закончит ВСЕ. Воткнуть себе нож в сердце или сброситься с небоскреба. Небоскребы — вот они вокруг, сколько угодно, а нож можно отобрать в этом самом

кафе, на кухне. Если я умру, то взъерошенный человек обманул меня, но это уже не будет иметь никакого значения. Если произойдет чудо и я продолжу жить с проткнутым сердцем или отскочу от мостовой живой и невредимый — значит, я в плену компьютерного мира. Кажется, мои губы растянулись в кривой ухмылке. Я осознал, что ладонь, сжимающая ручку чемоданчика, мокра от пота. Я медленно взял скользкую пластиковую дужку в другую руку и обтер вспотевшую ладонь о полу куртки. Справа раздался короткий гудок. Из ближайшей улицы под названием «Первая» (какой ужас! Я увидел название!) резво выползло приземистое чудище — просторная кабина над тупорылым капотом и длинный крытый кузов. Я не разглядел, был ли это наземный грузовик или спустившийся вниз флаер, потому что перевел взгляд себе под ноги. Недалеко от носков моих ботинок на площади была нарисована широкая полоса, ограниченная двумя желтыми линиями, и именно по ней двигался грузовик. Для чего он тут ехал? Я не знал. И придумывать объяснение не успевал, потому что монстр приближался, не снижая скорости, в уверенности, что я стою рядом с полосой, ожидая, пока он проедет. Я некоторое время смотрел на светящуюся надпись «Продукты» над кабиной, на толстые щеки водителя, на блестящую решетку, украшающую передок. Когда они были совсем близко, я прыгнул вперед, как раз на центр полосы.

Прыгая, я не сводил взгляда с кабины. Глаза толстяка превратились в бильярдные шары, грозившие выпрыгнуть ему под ноги, он что-то заорал и отчаянно закрутил руками. Тихонько гудевший грузовик вдруг зашипел, как тысяча змей, которым разом наступили на хвосты, и его блестящая решетка совершила рывок. Только что она мчалась, чтобы покончить с моим телом, опрокинув его на мостовую и раздавив, а тут вдруг метнулась в сторону, пролетев в метре от меня. Корму грузовика стало заносить. Мгновения растянулись в часы, когда задний конец этого монстра боком неотвратимо скользил ко мне. Я чувствовал, как мелко дрожат руки и ноги, а разум в эти секунды молил меня отпрыгнуть.

Желание отшатнуться было так велико, что я не удержался и сделал шагок назад, всего один маленький

шаг. Через мгновение грузовик вильнул задницей в паре сантиметров от моего носа. Сразу после этого машину стало заносить в другую сторону — это водитель пытался вывернуть назад на полосу, только безуспешно. Монстр промчался по площадке кафе, раскидывая стулья и столы. Раздался дикий вопль. Красное прямоугольное тело грузовика отъехало в сторону, словно какой-то занавес, открывая мне картину разрушения — куски белой пластиковой мебели, удирающая в ужас парочка людей. Раздался скрежещущий удар, с которым капот врезался в стену рядом с кухней кафе, и весь грузовик содрогнулся, как раненый зверь. Потом все стихло. Я с трудом сглотнул ставшую необычайно густой слюну и сделал несколько шагов вперед. На левом боку грузовика, сзади и внизу, находились три небольших колеса. Из-под среднего торчала женская рука с ярко-белой кожей, так резко контрастирующей с лужей темной крови, текшей прямо ко мне. Мои внутренности сковал холодок, такой предательски слабый, как в детстве, когда ты совершил шалость и точно знаешь, что мама вскоре о ней узнает, и тогда тебе не поздоровится. Только эта шалость была намного серьезнее. Я забыл все свои сомнения, неотрывно разглядывая тонкую изящную ручку. Одно дело убивать врагов, людей (пусть даже и женщин), которые сами желают твоей смерти, и другое — загнать в гроб ни в чем не провинившееся перед тобой существо. Матерь божья, что я наделал!! Рука сама поднялась и принялась рисовать на груди кресты.

С неба донеслось легкое шуршание. Я медленно поднял лицо и увидел полицейского на «соло», воздушном мотоцикле, больше похожем на летающий велотренажер, только без педалей. Служитель закона неспешно опустился рядом и ловко выпрыгнул из седла. На нем был белый шлем, темно-сиреневая или фиолетовая форма — портных явно вдохновил цвет луны — с белыми воротником, крагами, ремнем и ботинками. Осмотревшись, полицейский поднял забрало шлема, взглянув на меня выцветшими голубыми глазами, спрятанными среди множества морщинок. Заслуженный ветеран.

— Вы целы, сударь? — спросил он, ласково беря меня за рукав.

— Я... прыгнул под грузовик, но он... повернул и... — Слова мне давались с трудом, так как во рту совсем пересохло.

— У вас шок. Все нормально, сейчас я поставлю укол, и вы будете в порядке.

Что за черт!!! У него под ногами труп, впереди разбитый грузовик и разрушенное кафе, из которого не выходят служащие, а он пытается за мной ухаживать? Где смысл в его действиях? Лебезит перед инопланетником? Да нет, что он, так сразу узнал во мне чужестранца? Может, это признак... Я похолодел от той мысли, что пришла мне в голову, но удержать ее в рамках уже не мог. Пока полицейский, неторопливо оглядываясь, доставал из поясной сумочки шприц, я протянул руку к кобуре, которую он так любезно повернул ко мне. Поперек рукоятки находился ремешок с замочком, но он был небрежно расстегнут... А может, он ожидал сопротивления и на всякий случай расстегнул? Не важно. Я ловко вытащил пистолет наружу и быстро рассмотрел: незнакомая мне модель, наверное, местная, с двумя стволами, один явно электропарализатор, второй — огнестрельный, крупного калибра. Окошко с индикатором зарядки, предохранитель. Примитивно и доступно для понимания. Полицейский удивленно повернулся обратно ко мне и поднял брови.

— Что вы делаете?

— Нет, что делаете *вы?*! — воскликнул я в ответ. — Сдуваете с меня пыль, потом принесете извинения за доставленные неудобства и поведете на прогулку?

Полицейский, донельзя ошарашенный, раскрыл рот и протянул правую руку ко мне, за пистолетом. Наверное, хотел убедить и успокоить. Я быстро прицелился ему в лоб. В глазах пожилого служаки мелькнул страх. Он дернулся всем телом в попытке отстраниться и закрыть лицо руками, словно они могли остановить пулю, но я уже выстрелил. В его скуле появилась глубокая черная дыра, и только потом он прикрыл ее белоснежным обшлагом. Мне показалось, я слышал тихий толчок пули о внутреннюю поверхность шлема, когда полицейский резко дернул головой: так иногда кивают в ответ энергичные люди, только тут движение было обратным. Потом полицейский раскинул руки и свалился на мостовую. Я шумно выдохнул и почувствовал слабость во всем теле. Зачем я это сделал? Мне показалось, что

он ведет себя неестественно, что еще мгновение — и они обратят мой эксперимент в фарс, выставив меня невинным пешеходом, на которого чуть не наехал тупой водитель. Теперь моя вина неоспорима, и они должны взять меня. Немного не то, что я собирался сделать. Даже вовсе не то, но я завяз в этом по уши! Я выронил пистолет наземь и стоял в ожидании развязки. Рядом лежал труп с черной дырой в скуле, из которой сочилась тонкая струйка крови, рядом стоял грузовик с красным боком, украшенным белой надписью «Развоз продуктов». Такой реальный, я даже потрогал и почувствовал его тепло и твердость... Впереди раздался скрип. Я посмотрел вдоль грузовика и увидел, что из кабины вывалился толстяк-водитель. Еле держась на ногах, он побрел ко мне. Толстые щеки его были мертвенно бледны, почти как та рука, что торчала из-под колеса, по лбу и переносице текла кровь, глаза безумно вращались. С носа красные капли падали прямо на толстое брюхо, торчавшее далеко вперед. Водитель подошел так близко, что волны его тяжелого дыхания долетали до моего лица.

— Ты... Ты чего наделал? — просипел он. — Ты чего натворил?!

Он вглядывался в меня налитыми кровью глазами, словно хотел укорить и заставить плакать. Потом перевел взгляд на труп у моих ног и словно впервые его увидел.

— Ах, так ты еще и «баклажана» убил? Сука!!! — Я нелепо улыбнулся, и в тот самый момент толстяк с неожиданным для его комплекции и состояния проворством врезал правой рукой мне по носу. Ощущения были такие, словно кто-то одним ударом вколотил в переносицу толстый гвоздь, который внутри загнулся и вышел в глотке. Верхняя губа онемела, а в носу непереносимо зашипало... Лицеизрея поворачивающиеся вокруг меня стены, небо, я завалился на спину, безвольный, как мешок с требухой. Хорошо еще, рефлексы не подвели, заставили выставить локти, чтобы не расшибить затылок. Тем не менее падение прошло весьма болезненно. В голове шумело, перед глазами летали разноцветные амебы, а мысли рассыпались вокруг...

Через некоторое время я снова смог усваивать окружающую обстановку посредством зрения и слуха. Толстяк неподвижно стоял на прежнем месте, истекая кровью

и пыхтя так, словно он только что пересек всю площадь бегом. Затем он нагнулся и нерешительно поднял пистолет, который принялся вертеть в руках. Очевидно, не имел представления, как с ним обращаться... Тут со стороны донеслось завывание сирен, привлекавшее наше внимание — мое и толстяка. Недалеко, но и не близко от места происшествия приземлялись бело-фиолетовые полицейские флаеры, три штуки. Едва они коснулись поверхности, наружу высунулись пистолеты. Мне показалось, что я услышал кашлянье громкоговорителя, но толстяк опередил их выступление своим.

— Эта скотина завалила «баклажана»!!! — завопил он, указывая на меня пистолетом. В следующую секунду раздался многоголосый треск. Все полицейские дружно рвут свои хлопчатые рубашки? Нет, они просто разом дали по очереди из автоматических пистолетов. Я видел, как промчавшаяся мимо стая пуль вгрызлась в бок грузовика, отбивая от него краску и делая маленькие круглые кратеры с дырочками в середине. По дороге некоторые из них пролетели сквозь жирное тело злосчастного водителя, заставив его совершить замысловатый танец, который состоял из переступания с ноги на ногу, с пятки на носок, и трясения всеми жировыми прослойками. Потом толстяк, словно он устал плясать, внезапно отшатнулся назад, ударившись затылком о борт своего грузовика. При этом возник странный гулкий стук — и непонятно, где это гудело, то ли в голове, то ли внутри кузова. Мостовая подо мной заметно содрогнулась, когда туша толстяка рухнула под колеса... Прямо на ту несчастную белую ручку... Впрочем, ей все равно. Им ведь всем все равно, не так ли? Ведь они — не настоящие? — вопрошал я сам у себя. Однако глаза исправно поставляли мне страшные картины разыгравшейся вокруг трагедии. Водитель обливался кровью, хлынувшей у него изо рта, пропитавшей всю рубашку, уже собиравшейся под агонизирующим телом в большую лужу. Он пытался что-то сказать, глядя на меня меркнущими глазами, но не мог, только разевал рот наподобие умирающей рыбы. Полицейские, прикончившие ни в чем не виноватого гражданина, быстро приближались к нам. Двое держали на мушке испускающего дух толстяка, один целился в глубь кафе, а еще один, подняв пистолет к

плечу дулом в небо, устремился ко мне. Ну конечно, помочь и оградить от опасности несчастного, случайно угодившего в неприятности гостя планеты, подумал я и усмехнулся. Тут же меня перестала грызть совесть за торчащую из-под колеса руку, пожилого полицейского с дырой в голове и умиравшего в луже крови толстяка. Все это пугающие картинки, потому что в реальной жизни такого не бывает, черт вас дери. Теперь-то я точно знаю, как отличить настоящую реальность от искусственной.

Приблизившийся полицейский, на сей раз в закрытом черном шлеме, подал мне руку, чтобы помочь подняться с мостовой.

— Вы в порядке, уважаемый? — спросил он через грохотавший на всю округу усилитель. Я кивнул. — Не пострадали? Вижу, вы ранены.

А, это он про поддельную кровь, струящуюся из моего виртуального носа. Сейчас начнет вытирать ее платочком, ставить обезболивающие уколы, гладить по головке и успокаивать. Хотя надо сказать, что от вымышленного лекарства для утоления неправдашной боли я бы не отказался, потому что от настоящей она, на мой теперешний взгляд, не отличалась. Но нет, я не буду играть в их дурацкую игру.

— Я только что убил вашего коллегу. Выстрелил ему прямо в голову, — нагло заявил я, вырвав руку из пальцев полицейского. Тот отшатнулся назад, нерешительно опуская пистолет, но потом совладал с собой, снова поднял его над плечом, опять схватил меня за руку, на сей раз сильно и грубо, и толкнул к флаеру. Как-то разом он забыл о вежливости и милосердии.

— Сейчас разберемся. К машине, быстро. — Но я хрипло и тихо хохотнул, ибо поздно они спохватились. Неужели эти люди настолько тупы, что не понимают: я их разоблачил?! Сколько мне тут еще болтаться, кто знает? Надо было прыгать с небоскреба, там бы они не смогли юлить. Или нет? Я представил, как прыгаю с небоскреба и застреваю на балконе через два этажа или падаю на крышу пролетавшего мимо флаера, который к тому же опускался, чтобы я не дай бог не разбился... А если б я ткнул себя ножом? Ну, скользнуло бы острие по ребру, и я остался с царапи-

ной. А прохожие, чуткие граждане, тут же схватили бы меня и отобрали опасное оружие.

Так я размышлял, тычками подгоняемый к флаеру. Меня затолкали в заднюю дверь, и я оказался в тесной длинной кабине, отлитой из пластика, с ровными поверхностями и без единой щелки — чтобы подозреваемые не могли даже надеяться отломать кусок и воспользоваться им как оружием. Ни окон, ни вентиляционных решеток. Как я буду дышать? Какая разница. В принципе, мне и дышать-то незачем. Я попробовал задержать дыхание и просидел, напыжившись, почти минуту. Потом сдавившее грудь удушье взяло свое, и я шумно засосал воздух, вызвав при этом резкую боль в сломанном носу.

Единственным украшением моей тюрьмы был экранчик, составлявший с передней стенкой одно целое — просто квадрат другого цвета. Словно дождавшись, когда я кончу свои дурацкие упражнения, он засветился.

— Внимание! Вы находитесь в полицейском флаере! — сказала миловидная женщина в форме. Вот спасибо, а я-то думал, что попал в ресторан! — Наши работники проводят осмотр места происшествия и опрос свидетелей. Вам сейчас будет задано несколько вопросов.

Женщина зачем-то сделала паузу, смотря на меня безучастно и неподвижно. Уверенность в нереальности окружающего мира снова стала понемногу сдавать под натиском паники и бьющейся в самой середине мозгов мысли: а если я не прав?! Они включили запись, чтобы допросить меня, пока сами разбираются на месте. Что дальше? Вдруг сейчас меня отвезут в участок, быстро осудят и посадят в одиночку на всю жизнь? То-то интересно мне будет все эти годы гадать, настоящие вокруг стены или нет... Хотя так долго не промучаешься, с ума спрыгнешь.

Женщине на экране было плевать на мой безумный взгляд и частое хриплое дыхание. Она дала немного времени сосредоточиться и начала допрос — впрочем, как выяснилось, короткий и не утомительный.

— Ваше имя, гражданство, возраст, профессия.

— Михаил Гаккель, планета Весна, 36 лет, инженер. — Я старался говорить четко и спокойно, и это у меня получалось. Не хотелось бы повторять по пять раз, если б их не удовлетворило качество записи.

- С какой целью прибыли на Арктурус?
- Трехдневный отдых на побережье Великого океана.
- Ваше описание произошедших событий?
- Я бросился под машину, но она отвернула и врезалась в кафе. Потом я застрелил полицейского.

Я ждал расспросов «почему» да «зачем», но запись, видимо, никто не контролировал. Это к лучшему, потому что объяснять весь этот бред я не собирался. Честно говоря, я сам себе уже начал казаться ненормальным, так что чем меньше я буду погружаться во все это дерьмо, тем лучше для меня.

— Разбирательство продолжится в полицейском участке, — оповестила меня женщина в форме и выключилась. Я снова оказался один в узкой тесной кабине из белого пластика, изрядно замаранного множеством посетителей. Впрочем, скучать пришлось недолго. До моего слуха донеслись приглушенные звуки шагов, несколько неразборчивых слов. Потом флаер покачулся — раз, другой, — когда полицейские сажались внутрь. Над мертвым экраном вдруг появилась прозрачная панель, за которой я увидел часть лица с глазами, которые весьма злобно посмотрели на меня из-за перегородки. Очевидно, это был полицейский, недовольный моими поступками. Я отвернулся, откинувшись на жесткую неудобную спинку, и попытался расслабиться.

Черта с два у меня это получилось. Как только я закрыл глаза, мысли принялись возникать и лопаться, как пузыри в стакане газированной воды. Что теперь? Если это виртуальный мир, то до какого предела они намерены мучить меня своими вывертами? А если нет... Об этом даже подумать-то страшно. Если я облажался и поверил обманщику, тогда я натворил такого, что лучше бы мне скорее сдохнуть. Нет, нет, нельзя об этом думать. Какие шансы на то, что все вокруг похоже на правду? Грузовик меня не сбил — ладно, пускай. «Баклажан» отказался принять меня за виновника происшествия... тоже пускай. Слишком рано я взвился! Нужно было выждать еще хотя бы минут пять... Водитель вышел и схватился за пистолет — с одной стороны, явная попытка выгородить меня, дескать, это он уложил полицейского и пытался стрельнуть в меня, с другой — вполне возможно, что человек в шоке так и будет действовать.

Боже, боже правый, куда я иду в своих размышлениях? Неужели все это вокруг меня настоящее, а я — сбрендивший, запутавшийся человечек? Я обхватил голову руками, словно так пытался заглушить душившие меня сомнения. Флаер тем временем тряхнуло так, что я прикусил язык и больно задел ладонью разбитую переносицу. Не успел я взвыть от негодования и облегчения — наконец-то, некогда придумывать страшилки! — как оказался стоящим на голове. Машину перевернуло, но я не успел свалиться на крышу, потому что все еще раз крутанулось. Меня стучало разными частями тела о выступающие края убогого интерьера, колотило и возило туда-сюда. Потом страшный удар вдавил меня в переднюю стенку. Кабина начала вращаться в горизонтальной плоскости, все быстрее и быстрее. Куда мы движемся и с какой скоростью, я не мог сказать, пока еще один сильнейший удар не сотряс флаер сбоку. Я упирался ногами и спиной в разные стенки, но это не помогло: ноги подогнулись, и я лбом врезался в белый пластик. За мгновение до того, как отключиться, я ясно осознал, что мы падаем вниз. Быстро падаем.

...Я очнулся от новой встряски, не такой сильной, как первые две, и направленной снизу. Раздался сильный треск пополам со скрежетом. Прямо надо мной в крыше пробежала трещина, от которой вся кабина раскрылась, как орех. Некоторое время я лежал, прислушиваясь к ноющим шишкам по всему телу, потом вдруг подумал о спасении жизни. Вдруг сейчас машина загорится? Или утонет? Или еще чего? Я с трудом протиснулся в щель на крыше и огляделся. Вокруг слался зловещий вонючий туман, открывавший в частых прорехах мрачные темные стены по обеим сторонам неухоженной мостовой. Судя по выбитым окнам, свисавшей лохмами облицовке, кучам разной дряни прямо посреди улицы, этот район не относился к фешенебельным. Наш флаер лежал вплотную к одной из стен, в большой куче свежего строительного мусора, под немалой дырой в стене на уровне второго-третьего этажа. Вся передняя часть летающей повозки стала гигантской кашей пластика, металла и плоти. У одного «баклажана» вместо груди образовалось красно-черное месиво, а у второго отсутствовало полчерепа. Спрашивать у них, что такое приключилось, я посчитал

бесполезным. Вместо этого быстро выбрался наружу (что сопровождалось новыми ранениями, так как края узкой трещины не отличались гладкостью). Заглянув в разбитую кабину, я вынул у обоих полицейских пистолеты, небрежно засунутые в кобуры без защитных ремешков. Поиски аптечки ничего не дали, скорее всего она обратилась в мусор вместе со многими другими частями флаера. Брать какие-то препараты из поясных хранилищ мертвецов я не решился.

Засунув пистолеты за пояс и прикрыв их лапами куртки, я побежал прочь. Зачем? Сначала этот вопрос мне в голову не приходил, видно, шок от пережитой катастрофы был слишком велик. Когда я завернул за пару углов, спугнув каких-то оборванцев, и увидел прежние мусорные улицы, покинутые дома, сердце постепенно перестало стучать со скоростью швейной машинки. В тело возвращалась притупившаяся было боль, в голову — исчезнувшие были сомнения. Какого черта я бегу? Куда? Что надеюсь сделать тут с этими пистолетами за поясом? Я отчетливо вспомнил все, что так благополучно забыл совсем недавно. Кафе на площади Рембрандта, взъерошенный человек, сомнения и их чудовищные последствия. Нет, уж теперь я не поверю в то, что все вокруг реально. Куда полетел флаер? В какие-то непонятные трущобы? Вряд ли они находятся посреди города, на пути к ближайшему участку. Неужели так сложились обстоятельства, что он разбился? Да чушь это собачья!!!

— Выключайте! Хватит морочить голову!!! Никому вы ее не задурите, кроме самих себя!!! — заорал я в туманный воздух над головой. Где-то далеко заметалось эхо, превратившее мои слова в неразборчивый звериный вопль.

Из окна в трех шагах от меня, на уровне первого этажа, высунулась небритая рожа, сидевшая на укрытых грязной тряпкой плечах.

— Ты чего вопишь? — зло крикнул незнакомец. — Тут люди отдыхают!

Я прищурился, стараясь разглядеть говорившего как следует. Для этого пришлось подойти ближе. Человек скрывался во мраке, царившем внутри здания, и увидеть подробности его одежды и строения тела не удавалось.

— Ты кто? — спросил незнакомец, протиравший серую щеку кулаком. — Чего в кровище весь? Выгнали?

— Откуда? — наконец смог спросить я. Наверное, потому, что услышал нечто интересное.

— Хех. Из города, конечно.

— Нет, не выгнали. Я упал с неба, во флаере. Он там разбился.

— Да ты чего! Сильно?

— В лепешку. Я чудом выжил.

— В лепешку? — В голосе незнакомца почувствовалось разочарование. — А ты, значит, выжил. Вещички-то не за был прихватить?

— У меня их не было. Я там ехал заключенным.

— Это как?

— Как, как. Полицейский это был флаер.

— Чего? Вот так новости! Надо, значит, отсюда линять, а то облаву устроят как пить дать. — Серое существо явно забеспокоилось, завертело головой и скрылось во мраке. Через мгновение голова высунулась обратно: — А ты тут оста- ешься?

— Нет.

— Тогда пошли, придурок!

Я задержался лишь на секунду, которая потребовалась для возрождения всех моих сомнений в полном объеме. Я все еще цеплялся за мысль, что всему вокруг можно найти объяснение.

— Какой-то ты двинутый, что ли? Сильно ударился? — участливо спросил меня мой проводник внутри, когда я про- бился по темным коридорам вслед за мечущимся пятном его фонарика.

— Я... Не местный. С другой планеты. Только сегодня прилетел.

— А, вон оно чего! И сразу в кутузку?

— Так вышло. — Видно, расспрашивать о проблемах с законом тут было не принято, потому что незнакомец неко- торое время только сосредоточенно сопел. Я давно потерял чувство направления и не соображал, сколько времени мы идем. Жутко болела голова — вся целиком, не выде- ляя из себя отдельных ощущений для переносицы.

Когда меня стало тошнить и я готов был просить проводника остановиться, он сам повернул ко мне лицо, пугающе раскрашенное отсветами фонаря.

— Ну, вот тут можно посидеть... — Он показал мне лучом света на какой-то топчан. — Чего делать-то будешь?

— Не знаю. — Я упал на указанное мне сиденье. Жаль, что без спинки, очень жаль. Вообще мне надо лечь и закрыть глаза, но кто знает, какие планы насчет меня у этого хитрого человечка? Не продаст ли он меня на запчасти или еще куда? Слишком уж радушно встретил и согласился вести за собой. Я удержался от желания лечь и постарался сосредоточиться. — Слушай, где я оказался, а?

— Ха! Так ты не знаешь?! — Мой собеседник очень развеселился. — Мертвый район. Не слыхал? А, ну да, ты ж только прилетел. 10 гектаров столицы занимает наш Мертвый город. Здесь никто не живет, все дома брошены. Лет двести назад тут одна компания дельцов выстроила спальный район, чтобы сдавать квартиры в аренду, а потом правительство издало закон, не разрешающий арендной плате превышать некий предел. Эти дома стали невыгодны, и селить тут никого не стали. С тех пор владельцы ждут, когда придет правительство посговорчивее, чтобы они эти дома снова в строй ввели. Ждут-ждут, но пока без толку, а кварталы эти наши... приличные люди сюда не заходят.

— Ага... — кивнул я и тут же сморщился от боли. Значит, куча заброшенных домов прямо посреди города? Они снова меня напрягают! Ведь может такое быть, да? К сожалению, я не учил географии их замечательной столицы перед миссией. Это шло вразрез с методами засекречивания... Теперь приходится мучиться. — Слушай, мне надо попасть в космопорт. Поможешь?

— Куда? Космопорт? Не, это далеко больно. За городом к тому же. Мы, свободные бродяги, из своих владений стараемся не высовываться. Схватят и ушлют навечно в сельскохозяйственные лагеря. Не, не хочется. Где-нибудь рядом — пожалуйста... если есть чем расплатиться.

— Есть, — прошептал я, не задумываясь, что ж это такое у меня есть. — Мне надо подальше от площади Рембрандта выбраться.

— Ясно, — ответил незнакомец. Говорил он издалека, удаляясь, так как дрожащий фонарь перемещался прочь.

— Эй, ты куда?! — спросил я испуганно.

— К нужным людям. Не бойсь, все будет в порядке.

Фонарь некоторое время дергал своим жидким лучиком туда-сюда, потом пропал. Я остался один в полной темноте и тишине, если не считать затихающего шороха шагов и стучащую где-то далеко капель. Тьма была полной: сколько я ни вглядывался в нее, различить ничего не получалось. Боль не прекращалась, удивительно смешиваясь с усталостью, которая клонила меня в сон. Я готов был отдать все что угодно, лишь бы лечь сейчас на эту жесткую и наверняка грязную лавочку под своей задницей и уснуть. Да так оно и будет: если я усну, то наверняка лишусь всего... Нет. Ждать, ждать. Когда-нибудь эти невообразимые приключения кончатся так или иначе. Скорее бы. Ждать я ненавижу.

Вскоре снова раздался шорох шагов, на сей раз быстро усилившийся и превратившийся в многоголосое шарканье и стук подошв о каменный пол. Отсветы красного огня сначала выявили передо мной дверной проем, потом наполнили его дрожащими уродливыми тенями. Множеством теней — от их слишком большого количества мне стало не по себе. Неужели для того, чтобы провести человека по тайным тропам этих бродяг, нужно пять человек? Когда они появились из-за поворота, я верил им еще меньше. Двое несли горящие ярко-красным огнем факелы, один — фонарь. В мечущихся отсветах огня я ничего не мог толком разглядеть, только видел, что один выше остальных, что ни у кого не блестит металл, что все они заросли космами волос.

— Этот? — басом спросил один из пришедших, наверняка самый здоровый.

— Ага, — подтвердил другой, знакомый голос, и тут же фонарь обвел меня светом с ног до головы. Я прикрыл рукой лицо, чтобы не ослепнуть от яркого света. В тот же момент в голове мелькнула мысль: сейчас они бросятся и скрутят меня. Или еще будет торг — сколько стоит это побитое тельце да на что оно годно? Левая рука сама по себе скользнула под куртку и нащупала пистолет.

— Ну, тебе что ли в город надо выбраться? — спросил тем временем высокий. Я не ожидал от него этого

вопроса и сразу не ответил. Ведь не собирается он на самом деле меня выводить? — Эй, ты помер уже? Я с тобой разговариваю.

— Жив еще... Да, мне надо в город.

— А чем платить есть?

— Есть.

— Карточка не пойдет. Золото, камни, дурь есть?

— Есть украшения.

— Это хорошо, — говоривший удовлетворенно засопел. Неужели он действительно собрался меня отвести, а не прикончить и распродать на запчасти? Ведь я — сбежавший заключенный, за меня не будут наказывать, меня и искать-то не будут. Или будут, но найдут ограбленного и выпотрошенного и спросу с преступников не будет... Или я плохо знаю эту планету? Опять начинаются эти сомнения, эти мучительные переливания мыслей из левого полушария в правое!!!

— Только мне надо подальше от площади Рембрандта, — недоверчиво сказал я.

— Как хочешь. — Здоровяк, кажется, пожал плечами.

— И расчет после.

— Да? А не обманешь?

— Нет.

— Ну ладно, мы тебе и не дадим обмануть.

Не знаю, были ли эти бродяги на самом деле такими простофилями или это ошибка тех людей, которые их придумали. Бесплодные метания — так ли, иначе, мне нечем платить. Я не хочу никуда идти. Я хочу, чтобы все кончилось. Пусть это все кончится здесь и сейчас.

— Пошли! — сказал вождь бродяг, отступая из комнаты в коридор. Я достал пистолет и выстрелил в ближайшего ко мне человека с факелом. Вспышка света от выстрела была невообразимо ярче их жалких светильников, она озарила разом всю застывшую группу. Они даже не успели испугаться, так и стояли с хитрыми рожами и напряженными телами. Когда я выстрелил во второй раз, то увидел ярость, растерянность и страх на разных лицах. Первая моя жертва, раскинув руки, валилась назад. Факел отлетел в сторону и попал на человека с фонарем — моего первого знакомого в этой шайке. Вся его ветхая одежда вспыхнула прак-

тически разом, он выронил фонарь и ринулся в сторону, завывая и размахивая руками. Еще один словил пулю прямо в лицо, когда кричал мне какие-то слова. Последний бросил факел в мою сторону, но попал в несчастного, который уже горел. Факел ударил того в голову и прервал череду воплей. Объятое пламенем тело рухнуло на пол как раз посередине между мной и противниками, освещая все довольно ярким светом. Тот, что метал факел, потерял время, и я спокойно успел продырявить его глупую голову. Последний, которого я считал вождем шайки, высокий, косматый человек с безумным взглядом (или мне так просто показалось из-за отсветов пламени в его зрачках?), тоже не блеснул смекалкой. Вместо того чтобы скрыться за поворотом, он вынул длинный нож и бросился ко мне — слишком далеко, чтобы успеть достать даже такого усталого и полуживого человека, как я.

Он сделал два больших шага, прыгнул над горящим телом, разметав потрепанные полы своей одежды. Я успел достать из-за пояса второй пистолет и расстрелял его с двух рук, морщась от боли, которую мне доставляла вся эта свистопляска, от звука выстрелов до собственных движений. Громила с ножом нелепо взмахнул руками, коротко всхрипнул и упал прямо к моим ногам.

Я поднялся с топчана, разглядывая пистолеты в руках в свете горящего трупa. Неужели еще не все? Неужели мои страдания продолжатся? Я опустил руки и вдруг увидел, что пистолеты остались на месте. Это так удивило меня, что я не заметил исчезновения боли, терзавшей тело на протяжении последнего получаса. Я провел рукой вверх и наткнулся на пистолет, висевший в воздухе, — такой же твердый и реальный, как с самого начала, и только там, где его сжимали мои пальцы, остались странные проемы. Я непонимающе посмотрел вокруг и сначала ничего не понял. Что-то не то, но что? Только через пару секунд я понял: огонь. Пламя на трупе застыло, как на фотографии. Над ним висели тлеющие багровые ошметки одежды, которые потоки горячего воздуха возносили вверх еще пару секунд назад. Теперь они оставались на месте. Я двинулся вперед, с удивлением глядя, как пламя остается неподвижным. Прошел несколько шагов до поворота коридора, выходящего из

помещения, в котором сидел на топчане, и увидел темноту. Это была странная темнота, похожая на ту, окружавшую меня некоторое время назад, когда я дожидался прихода проводника, но она казалась намного ТЕМНЕЕ. Не отсутствие света — отсутствие чего бы то ни было...

Я протянул руку, чтобы потрогать эту необычную тьму, и вдруг потерял сознание.

...И очнулся в некоем космосе, лишенном тяготения. Я парил, не сдерживаемый никакими силами, не испытывая давления ни с какой стороны. Только лицо уродовала странная маска, похожая на приспособление аквалангиста — зажим для носа, большие очки, загубники во рту, и все это скреплено вместе. Вокруг простиралась зеленая муть, настолько непрозрачная, что я мог видеть только небольшие куски шлангов, подававших мне свежий воздух и отводивших выдохнутый. Как только я осознал, что контролирую тело, то дернулся всеми его частями, какими смог, и тут же ощущение невесомости исчезло. Руки ударились о нечто твердое, с затылка меня будто бы привязали за волосы. Вместо покоя и умиротворенности пришел дикий страх, паника. Где я? Что они со мной сделали? Я смутно помнил, что кто-то хотел подстроить мне какую-то гадость, связанную с экспериментами над мозгами, только пока не мог сообразить, что же точно там было. Сиюминутный страх неизвестности был сильнее. Я некоторое время метался в зеленой жиже, потом немного успокоился и вскоре понял, что по сторонам у меня стенки, а внизу, на некоторой глубине, — пол. Преодолевая сопротивление чего-то державшего за голову сзади, я попытался плыть вверх, вернее, туда, где не было ограничения. А вдруг это ошибка? Вдруг я просто плавал вниз лицом? Плотность жидкости такова, что меня не тянет ко дну, но и не выталкивает на поверхность. Что делать? Опять рисковать.

Я никак не мог освободиться. Пришлось протянуть руку, испытывавшую почти те же ощущения (будто кто-то привязал к каждому волоску на ней тоненькую веревочку), к голове и прощупать затылок. Точно в том месте, где кончаются кости черепа, в плоть была воткнута трубка. Я чуть помедлил, потом решительно выдернул ее наружу... Боли не было, только странное чувство, что я вытягиваю с этой чепухой из своего тела по крайней мере половину позвоночного

столба. Тут же я наткнулся на трубку у виска и вырвал ее тоже. На сей раз с половиной головного мозга... Э... чего уж тут терять! Я подтянул вторую руку и выдернул остатки разума вместе с трубкой с другой стороны головы. После этого я смог наконец совершить заметный рывок «вверх» и неожиданно для себя самого вынырнул на воздух. В глаза ударил яркий свет, я зажмурился, растерялся и снова скрылся с головой. Но теперь я знал, что почем. Осторожно щупая руками, я нашел край «ванны», в которой плавал, и подтянулся. Пришлось зажмурить глаза, потом открывать их и снова закрывать. Наконец я мог смутно видеть темные и светлые пятна, причем первых было больше над головой, а вторых — на уровне моих глаз и ниже. Не иначе, как потолок с лампами и аппаратура у стен. Цепляясь руками за края, а ногами за дно, я выпрямился, оказавшись высунутым наружу до плеч. Первым делом нужно было сорвать маску. Я долго шарил на затылке, с ужасом ощущая под пальцами рану, но никаких ремней или чего-то подобного не нашел. Тогда я просто рванул маску с себя и она разом слетела. Неужели она держалась только на носу этой крошечной прищепкой?

Задумываться было некогда, потому что прямо перед моим мутным взором, посреди мигающих и темных стоек аппаратуры, у трех расположенных рядом кресел, один человек в сером халате, высокий и плечистый, душил второго, гораздо меньшего ростом и сложением. Прижав его к стене над одним из кресел, нападающий яростно сдавливал горло противника, вяло пинавшего его ногами в колени и пах. Очевидно, один из них — мой друг, второй — враг, не так ли? В голове пока могли формироваться только самые простые мысли. Я попытался подняться на руки над краем «водоема» (весьма дурно пахнущего, кстати), но не смог — они просто подгибались, когда тело, покидая жидкость, резко тяжелело. Тогда я уперся ногами в противоположную стенку «аквариума» и, скользя, стал толкать тело вверх и вбок. В последний толчок были вложены все оставшиеся силы. Я до пояса перевесился через край и едва не задохнулся. В потоках зеленой жижи я рухнул вниз, больно ударившись плечом и расшибив ухо. Ни о каком участии в драке не могло быть и речи, я просто лежал на полу, голый, жалкий, и

смотрел, как здоровяк душит шуплого. Под аккомпанемент моих и собственных тяжелых вздохов высокий человек наконец закончил свое дело. Тело шуплого сползло вниз и упокоилось в одном из кресел. Как мило! Дяденька выпил лишнего и решил отдохнуть... Только у самого страшного алкоголика не бывает такого синего лица, вылупленных глаз и прикушенного зубами кончика языка.

Убийца отшатнулся, разворачивая свои руки ладонями к лицу. Какая картинная поза, так и кричит: «Что я сделал? Ой-ей-ей!!!» Вот так, рассматривая ладошки, победитель повернулся ко мне. Руки его опустились, а дышал он очень тяжело, словно этого его душили. Я смог сесть, прижимаясь спиной к теплому боку «аквариума», хотя и руки и ноги страшно скользили в жиге, которой было покрыто все тело.

— Я его убил, — трагическим голосом заявил мне высокий человек. Судя по голосу, он близок к истерике. — Я **УБИЛ ЧЕЛОВЕКА!**

— А я уже много человек убил, — хрипло пробормотал я. При этом мне показалось, что вылетающие из горла слова были маленькими, жесткими, даже колючими шариками. Но говорить надо было, не то мужик совсем распахнется. Вдруг это мой друг?

— Зачем он пришел? — продолжал плакать мой собеседник. Да, таким тоном говорят на кладбище: «Зачем ты нас покинул? Почему не жил дальше?» Неужели здоровяк сейчас разревется?

— Оператор ушел в сортир. Я ему в кабинку сунул раздавленную капсулу с сонным газом и побежал сюда. Но этот дурак смотрел на монитор слежения в своем кабинете и тоже пришел. Он сразу все понял... Я не мог себя остановить... я словно впал в безумие, — лихорадочно рассказывал мне высокий. Пока он это говорил, я медленно встал, слегка пошевелил ногами-руками и в первый раз глубоко вздохнул.

— Ты кто? — спросил я, улучив просвет в горестном плаче. Здоровяк вздрогнул, словно я его стукнул, быстро замигал и вдруг преобразился. Он разом стянул с себя только что владевшие мозгом переживания и стал соображать трезво.

— Я? Человек в кафе. Это я вам помог.

— Спасибо, — искренне ответил я. — И решил на этом не останавливаться?

— Да. Я ведь просто не знал, что делать. Я не знал об их планах... ничего не знал. Я тут просто рядовой программист. И до вашего попадания просто занимался своей работой. Это первое мое... задание.

— Тебя недавно завербовали?

— Не так уж недавно, но я был... вроде как законсервирован. Я даже не знаю, правильно ли сделал, что влез в ваше дело.

— Ну, с моей стороны — очень даже правильно. — Я нашел в себе силы улыбнуться. — Ты не возражаешь, если мы будем что-то делать? Я не знаю, где я, что со мной сотворили и куда мне метнуться. А ты?

— Я? Я знаю, где мы с тобой... Ну, конечно... — Он немного смутился. Вообще, несмотря на рост и впечатляющую фигуру (пожалуй, чисто физически покрепче меня будет), он казался молодым и несмышленным. — Мы сейчас в Резиденции КРиК, на 5-м этаже. Судя по всему, надо отсюда быстрее сматываться.

— Что есть «крик»?

— Корпус Разведки и Контрразведки.

— Мне надо смыть с себя эту дрянь или просто стереть. И одеться во что-то.

Мой неожиданный помощник показал на дверь в стене, в том месте, где кончалась аппаратура. В маленьком закутке там была раковина с краном, зеркало и рулон бумажных салфеток. Я открыл воду, быстро смыл всю мерзость с головы, надеясь, что запаха не останется. Мыться целиком, наверное, нет смысла. Кстати, почему нет никакой тревоги? Разве это в порядке вещей — пленник выбрался, какой-то там контролер задушен, а кругом тишина и покой? От этих мыслей меня оторвало зрелище в зеркале. Я сначала не понял, кто это — человек с расплюснутым в старой драке носом, глубоко посаженными глазами, густыми черными бровями и бескровными узкими губами? Да, это я, и черные пятна под глазами — мои. И торчащие скулы тоже. И выбритые виски с маленькими ранами, из которых свисают тоненькие белые ниточки, и голый затылок с дыркой, которую я рассмотреть не могу. Главным образом, меня удивило то, что нос цел — его мне ломали уже несчетное число раз, и я сразу узнаю, сломан мой хобот или нет. Тут я вспомнил,

что «последний раз» его мне перебили не по-настоящему, а понарошку. Странно, все это время он продолжал болеть... и только сейчас, когда я обратил на это внимание, боль потихоньку исчезла.

Намочив комок салфеток, я кое-как обтер голое тело. Какое-то оно синее, нездоровое. Слабость моя чудесным образом уходила вслед за липовой болью в носу, оставалась только тошнота. В общем, из умывального закутка я вышел в гораздо лучшем состоянии, чем был до захода туда. Мой высокий друг стоял у компьютерного терминала, сосредоточенно на него глядя и нажимая визуальные кнопки на экране.

— Мне нужна одежда, — сказал я. Он ответил, не оглядываясь:

— Рядом с умывальной, в шкафу, есть халаты.

— Этого мало. Больше ничего?

— Нет... Ах, дьявол! Я не могу достать записи охранных камер из коридора! Они увидят, как я входил сюда... Я пропал! — Он повернулся ко мне с яростью во взгляде и искаженным ртом — наверное, собирался сказать нечто нехорошее, но, увидев, как я раздеваю свежезадушенного начальника, поперхнулся.

— Что ты делаешь? — наконец смог спросить он.

— Я не могу гулять в одном халате. Придется позаимствовать у этого дядьки брюки, рубашку и ботинки, хотя не знаю, налезут ли они?

— Подрегулируй. Наверняка размеры изменяются в небольших пределах. Неужели на других планетах такого нет?

— Знаешь, у меня в мозгах сейчас полная каша... Я уже и имени своего вспомнить не могу. Тебя как звать?

— Эрнст.

— Уф, язык сломаешь. А ты меня, Эрни, называй Курьером.

— Это твоя кличка?

— Нет, моя должность в СС.

— Как? Ты простой курьер? Я... я думал, ты агент.

— Бывает, люди ошибаются. А что такого? Какая тебе разница, курьер я или агент?

— Не знаю! Я пошел на службу в СС не ради идеи, за деньги. Десять лет службы, кругленькая сумма де-

нег, эмиграция с планеты. А тут, в самом начале службы, раскрылся ради... ради мелкой сошки! Неужели за это мне выплатят всю сумму? Мне в такое не верится, а значит, я просто полный неудачник...

— Зачем ты все это болтал, идиот? Тебя ведь наверняка записали! Сам во всем признался...

— Нет. Я все выключил, кроме записи изображения, потому что начальство любит включать картинку, чтобы посмотреть на подчиненных — только без звука. Камера за спиной, по губам они не прочтут. Вся сигнализация тоже выключена... Но какое это все имеет значение! Я погиб, я пропал, я сам себя похоронил!!!

— Не бойся, Эрн! СС не бросает своих людей, какими бы мелкими сошками они ни были, и заслуг никаких не забывает, так что ты еще не пропал. А чтобы по правде не пропасть, нам надо удирать.

Я уже одел на себя одежду мертвеца, даже после регулировки оказавшуюся малой, но это только причиняло неудобство, а в глаза не бросалось. Вот натяну ботинки, и дело сделано.

— Что нас ждет за дверью? Куда идти-бежать?

— За дверью? — Что за дурацкая у него привычка все переспрашивать? Время только зря тратит. — Коридор, несколько лабораторий и кабинетов, а еще выход к лифтам. Но там охрана и двойная дверь — одна открывается с этой стороны, вторая с той. И охранников, соответственно, двое.

— Плохо дело.

— Дверь с нашей стороны чаще всего открыта. Так что нужно каким-то образом заставить второго охранника открыть внешнюю...

— Ну, давай приставим нож к горлу внутреннего охранника и заставим того открыть дверь!

— Опять убийство?!

— Нет, если все будут послушными — тогда без убийств обойдемся.

— А если не будут? Эти охранники — люди не из лучших! Вдруг тот, снаружи, скажет: убивайте, я не хочу терять работу из-за того, что выпустил преступников. — Эрнст ухватился рукой за подбородок в мучительных раздумьях. — Да и ножа тут нет. Лучше выманить от поста

внутреннего охранника, нейтрализовать его, а потом инсценировать драку. Тогда внешний охранник откроет дверь и ринется ему на помощь, мы нейтрализуем его и выберемся наружу.

— Да чего ради он побежит? Поднимет тревогу, и все... — махнул рукой я. В общем, все равно, что делать, моя голова пуста, как мусорное ведро с утра. — Пойдем, время уходит. Будем действовать по обстановке. Здесь есть что-нибудь вроде палки поувесистее?

— Нет. От кресел даже мне куска не отломать.

Я тяжело вздохнул. Суровая обстановка.

— Ладно, идем.

— Давай, я тебя подхвачу, будто ты ранен.

— Для чего?

— Увидишь.

Так мы и вышли в коридор — Эрнст тащил меня, поддерживая за талию, закинув мою руку себе на плечо, а я вяло переставлял ноги и опустил голову как можно ниже. Мы проковыляли метров пять, после чего Эрнст закричал:

— Охрана! Помогите! Доктора Бриано стукнуло током!!

Мне страшно хотелось посмотреть на результат этого нехитрого обмана, но я не мог поднять головы. Зато я услышал приближающийся топот и наконец разглядел на полу прямо около себя ноги в массивных ботинках. Никто из них двоих — Эрни и охранника — ничего не успел сообразить. Я мгновенно поднял голову, а рука уже летела следом. Мне нужна была секунда, чтобы увидеть, на каком уровне у этого человека шея. По прошествии небольшого промежутка времени моя сильная ладонь захватила сей важный орган в крючок и рванула в сторону. Опешивший охранник послушно шваркнулся спиной о стену и сполз вдоль нее на пол. Я легонько брыкнул его краем ботинка в кадык, который сломался со странным звуком — будто петух начал кукарекать, но кто-то сдавил его бока и воздух вышел слишком быстро.

— Нейтрализован! — прошептал я. Неизвестно почему, ведь охранник падал достаточно громко... Но в коридор тем не менее никто не вышел.

— А он будет жить? — озабоченно спросил Эрнст. Вот лопух!

— Будет, хотя лечиться долго придется, — соврал я. У этого парня на глазах, должно быть, розовые линзы. Он смотрит на человека с расплюснутым горлом, с лезущей изо рта красной пеной и интересуется его способностью жить! Ладно, я его воспитывать не собираюсь.

На голове у охранника была симпатичная черная кепка — как раз то, что надо: прикрыть мой израненный затылок; только эмблему снять. Но это потом, сейчас нужно на время превратиться в него. Я быстро стащил его форму, не забыв даже ботинки, напялил на себя, сунул за пояс маленький парализатор. Благодаря вмешательству богов коридор все еще был пуст...

Мы подкрались к повороту, за которым находился пост. Со своей позиции я видел столик и кресло покойного охранника, камеру над ними, смотревшую на дверь.

— Итак, ты меня души и наваливайся сверху обязательно! — подучил я Эрнста. — Будем надеяться, тот олух за внешней дверью соблазнится выстрелить тебе в спину и уберет последнюю преграду между нами и свободой.

— Мне в спину? — испуганно откликнулся Эрнст. Интересно, а он слышал все остальное?

— Не бойся, пусть он только откроет дверь, я выстрелю первым. Кстати, теперь я точно увидел — с нашей стороны дверь поднята!

Мы быстро сосредоточились, заняли исходную позицию (почти как для танца) и выпрыгнули из-за угла. Не знаю, что там делал второй охранник, озабоченно всматривался через дверь, недоумевая, куда так шустро убежал его коллега, или почитывал газетку. Я старательно изображал борьбу, пытаясь не повернуться к двери лицом, что вышло отлично. Эрнст будто бы вправду собрался задушить меня и быстро повалил на пол, а сам упал сверху. Тут же вокруг заревела сирена. Пропали! — подумалось мне. Сквозь пыхтение Эрнста и громкий стук крови в ушах я услышал еще один звук, шипение поднимающейся двери. До того момента я слегка придерживал руки напарника, чтоб тот не слишком давил, но тут отпустил и схватился за рукоятку парализатора. Он был засунут за пояс у меня на брюхе. Однако Эрнст так сильно навалился сверху, что я не мог его вытащить!

Тогда я двинул парню коленом между ног, и когда он

согнулся, поднимая пузо вверх, выдернул оружие и немного повернулся, прямо на полу. Второй охранник уже остановился рядом с дверями, чтобы спокойно всадить в спину Эрни парализующий заряд, но я был быстрее. Или он остолбенел, когда увидел выглядывающую из-под нападающего совершенно незнакомую рожу? Какая разница... Между нами проскочила толстая голубая искра. Охранник свернулся, как горящая бумага, прижал к себе руки-ноги и успокоился на полу. Мне пришлось дать Эрнсту пощечину, так как по-иному парень отказывался отпустить меня. Некоторое время он с отрешенным видом, чуть не плача, сидел прямо на полу, а я в это время снимал с себя форму охранника и менял его ботинки на ботинки задушенного в лаборатории щуплого человека. Потом поднял парня на ноги, содрал с него халат и скомандовал:

— Быстро к лифтам!

Вначале Эрни, пару раз оглянувшийся на охранника, послушно бежал за мной, но у самых дверей лифта вдруг потянул назад.

— Нет, нельзя!! — Когда я повернулся, это был уже другой Эрнст, не испуганно-растерянный, не впавший в бездумную ярость, а сообразительный и спокойный. От прежнего состояния осталось только тяжелое дыхание. — В лифте нас могут заблокировать. Идем по лестнице.

Я хотел поинтересоваться, почему нас не смогут заблокировать на лестнице, но Эрнст не стал ждать вопроса, а огромными шагами понесся в сторону. Мне оставалось только бежать за ним. На лестнице после каждого пролета, как я и думал, стояла дверь, только все они были открыты. Мы успешно миновали десяток маршей и выбежали в холл. Там тоже была сирена, носились люди, а у дверей двое постовых любезно уговаривали всех не паниковать и не пытаться выйти до особого распоряжения. Когда мы осторожно приблизились к двери, там скопилось уже человек двадцать пять. Что это они все делали в Резиденции Спецслужбы, на местных работников они не больно похожи? Может, тут буфет хороший? — подумал я. Надо было думать о том, как выбраться, но в голову лезли любые другие мысли, только не нужные. Вой сирены тем временем серьезно действовал всем на нервы. Вокруг люди то и дело оглядывались, вжи-

мали головы в плечи. Один из мужчин, солидный с виду человек, раздраженно спросил:

— Да что случилось?!

— Ничего серьезного. Сейчас мы разберемся и все будут свободны, — успокоил его человек, стоявший около входной двери за небольшой конторкой.

— Ложь! — сказал вдруг шепотом Эрнст. — На седьмом этаже в лаборатории был выброс газа. Там все сдохли, а газ тяжелый и ползет вниз. Мы еле удрали с пятого, а газ идет следом, скоро и вестибюль накроет.

Солидный мужчина мгновенно побледнел и стал проталкиваться к выходу.

— Пропустите меня! — орал он. — Я — важный человек из департамента полиции! Я не хочу здесь подыхать!

Оба охранника грудью встали на пути к двери, ловя мелькающие руки разгорячившегося полицейского чиновника и урезонивая его словами. Однако тот продолжал трепыхаться, крича о том, что не желает подыхать в этом вонючем курятнике. Эрнст прошептал вранье о вырвавшемся газе еще парочке людей и толпа превратилась в гудящий, напирющий на дверь рой. Охранники оглядывались назад, словно собираясь отступить, но поздно — полицейский чин уже сам хватал их за руки. Человек от конторки пытался урезонить паникеров, но его слова тонули в шуме. Наконец Эрнст истерично воскликнул: «ГАЗ!!!» Мысленно восхищаясь им и аплодируя, я из задних рядов наблюдал, как полицейский вдруг схватил охранников за головы — по одной в каждую руку — и с громким стуком столкнул их. Очевидно, он не всю жизнь был начальником... Охранники мешками упали ему под ноги. Третий, за конторкой, с расширившимися от ужаса глазами полез куда-то вниз, но со стороны прилетело выдранное из пола кресло, которое попало ему в голову. Мне даже показалось, что голову унесло первой, а потом, несколько задержавшись, следом упало тело. Кто-то нагнулся над конторкой и открыл двери. Толпа, а вместе с ней и мы, хлынула наружу. Впереди бежал полицейский, а навстречу, по широкой лестнице от стоянки флаеров, уже поднимались несколько его коллег.

— Назад! Включите респираторы! Эвакуировать гражданских! Оцепить здание! — кричал лидер нашей

группы беглецов, размахивая в воздухе разноцветным документом довольно больших размеров. Полицейские вытянулись в струнки, пропустили нас и стали организовывать оцепление, направленное наружу, а не внутрь.

Мы спешно добрались до стоянки.

— Ты куда? — спросил я Эрнста.

— Как куда? К своему флаеру.

— Так, во-первых я должен похвалить тебя. Отличная работа! С такими талантами ты на Специальной Службе не заваляешься. Во-вторых: ты что, собрался лететь на своем флаере?

— М-да, это неумно... Я сразу не сообразил.

— Ничего, бывает. Включи ему программу полета домой, а сам возвращайся ко мне, полетим на флаере охранника! — Я достал из кармана захваченные в качестве трофея ключики и нажал кнопку снятия сигнализации и открытия замков. Далеко справа откликнулся мелодичный звон и мигание огоньков... А рядом мигали еще и еще. Я как-то забыл, что не одни мы торопились убраться отсюда. Я нажал кнопку еще раз, теперь точно определив, какая машина на нее отозвалась. Эрнст убежал влево, я пошел направо. Залез в кабину сначала на место водителя, потом передумал, оставив его для Эрни. Все-таки он местный, а я не знаю ничего, кроме площади Рембрандта. Но туда мне не надо.

Через пару минут Эрни примчался, и мы взлетели в воздух. Вокруг уже было полно полицейских, рядом с зданием Резиденции бурлила целая толпа в мундирах — издали казалось, что там идет какое-то древнее сражение.

— Куда теперь? — спросил Эрнст, откинувшись на спинку кресла и переводя дух. Я думал над этим уже минут десять, но придумать ничего не мог.

— Как ты думаешь, у нас есть шансы проникнуть в космопорт и дать деру? — спросил я, чтобы хоть что-то сказать.

— Без посторонней помощи — никаких, — грустно ответил парень. Так я и знал. — А разве у тебя нет прикрытия?

— Курьерам не положено знать своего прикрытия, потому что это шишки рангом повыше таких, как я. Вроде того, что они меня знают, следят, опекают, и достаточно. Может, они сейчас подойдут и заберут нас отсюда.

— А как ты их узнаешь?

— Не имею понятия. Но узнаю, будь уверен. В СС мастера придумывать такие штуки. Я бы мог даже выйти на улицу, проорать в небо: «Спасите!» Наши должны увидеть.

— Значит, наша планета под постоянным приглядом?

— А ты как думал? Арктурус пытается проводить политику, независимую от Объединенных Планет. Такое поведение привлекает пристальное внимание... Но это все чепуха. Что нам делать — вот проблема.

Мы некоторое время летели, но никто нас не останавливал — ни друзья, ни враги. Тогда я приказал Эрни сесть на оживленной улице. Еще некоторое время мы стояли на месте, но никто так и не подошел... Время между тем таяло. Я не имел иллюзий насчет того, как долго мы сможем скрываться от полиции на такой развитой планете, как Арктурус. Нам оставалась пара часов, если не меньше. Не выходить же в самом деле, не орать в небо «На помощь!».

— А к кому тебя послали? — спросил Эрнст. — Ты ведь шел на связь?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Я ведь должен был вспоминать это по дороге. — Некоторое время я сидел молча, потом в голову пришла безумная идея. Я даже рассмеялся и тут же чуть не заплакал, потому что она была еще и грустной. — Знаешь что, Эрни? А вдруг меня послали к тебе? Вот хохма.

Он непонимающе захлопал глазами — ну чисто дитя, ей-богу! Даже личико у него подходящее, гладкое и розовое.

— Меня послали к тебе с номером счета, по которому ты получал бы деньги, чтобы мог продолжать деятельность, но я спалился, и ты тоже спалился из-за меня, и я шел зря?! О господи, я думал, все головоломки и дурацкие ситуации кончились, ан нет.

— То есть ты думаешь, что шел ко мне?

— Вполне может быть. Давай проверим: лети на площадь Рембрандта. Пойдем по следу и увидим, куда он нас приведет. А вдруг это не ты, а человек, который нам поможет? Вдруг он в космопорту работает?

— Нет!!! — Эрнст отчаянно замотал головой. — Так нельзя.

Так мы делать не будем. Вдруг тебя правда послали ко мне, и мы придем к моему дому, а там нас уже ждут?

— А что же делать? Просто так сидеть здесь? Только ты не сомневайся, рано или поздно за нами и сюда придут. Лучше уж попытаться.

Эрни неуверенно положил руки на пульт управления флаера и замер.

— Э... ты что, живешь близко к площади Рембрандта?

— Нет... Но вдруг тебя решили заставить начать изда-дека?

— Да что ты в конце концов!! — разозлился я и взмахнул руками, насколько это можно было сделать в тесной кабине. — Мне показалось, что ты достаточно смелый парень, и мозги у тебя были. Пойдем по маршруту, и если окажется, что мы идем к твоему дому, остановимся. Так пойдет? Весь квартал разом они проверить не смогут. Против разных там средств электронного наблюдения у меня есть встроенный генератор помех.

— Куда встроенный? — спросил сбитый с толку моим повышенным тоном Эрни.

— «Куда-куда»... Куда надо. Летим.

И мы полетели. По дороге нам казалось, что в воздухе слишком много полицейских, но все они куда-то спешили и не обращали на нас внимания. Однажды я увидел странную группу домов, с окутанными сизым туманом улицами и черными стенами.

— Что это? — удивленно спросил я.

— Где? А, это Мертвый город.

— Значит, он существует...

— О чем это ты?

— Да так. В виртуальном мире я туда попал... — задумчиво протянул я. Мне вспомнились тогдашние метания, тогдашние глупые поступки... Сейчас все гораздо проще, но тем не менее я все еще в дерьме по уши и не вижу выхода.

До самой площади мы молчали, так без слов вышли наружу и застыли на мостовой, в тени высокого дома со строгими зеркальными стеклами в окнах.

— Сколько всего улиц подходят к площади? — спросил я, прерывая долгое молчание. Эрнст с каждой минутой мрачнел все больше и больше, а вид его от этого становился злобещим. Я мысленно погладил себя по голове — умный мальчик, прихватил с собой парализатор. Кто

знает, вдруг этот парнишка окончательно свихнется и решит сдаться, скрутив и меня, чтобы скостить будущий срок? Надо следить за ним, и побольше болтать. Так наши учителя-психологи советовали в школе Службы.

— Четыре, — буркнул Эрни в ответ на мой вопрос.

— Какие?

— Первая, Рембрандта, Цветочная и Героев.

— Ах да, Первую я случайно увидел... гм... тогда, когда шлялся по вашему виртуальному городу, и ничего не случилось, так что она отпадает.

— Тогда поворачивай налево, справа как раз Первая.

Я оглянулся и всмотрелся вдаль — площадь-то была изрядных размеров. В центре бил неперменный фонтан, сделанный в виде скульптурной группы грудастых девиц в длинных платьях, ливших воду из кувшинов. Вокруг ходили люди, главным образом мужчины и женщины в деловых костюмах, с деловыми серьезными минами на лицах и с быстрыми деловыми походками. На выходивших фасадах на площадь зданиях практически отсутствовали броские вывески — здесь преобладали солидные офисы, министерства, которые в рекламе не нуждались. Изредка попадались большие плакаты, звавшие закусить обедом и выпить кофе. Все так походило на площадь Рембрандта в моем полубредовом, как казалось сейчас, путешествии по виртуальному Арктурусу, что мороз прошел у меня по коже. Я со страхом посмотрел на открытое кафе около Первой улицы. Точно, оно самое. Мне вдруг показалось, что я увижу там самого себя, издевающегося над официантом... Но нет, это просто глупость! Нервы шалят, а их надо держать в узде. Я с усилием сглотнул и повернул голову, чтобы смотреть в другую сторону.

Мы прошли мимо небольшой стоянки с красным транспарантом «Только для служебных машин!», миновали еще одно уличное кафе, на сей раз совсем крошечное, и достигли улицы, втекающей в площадь слева. На стене крайнего дома с противоположной от нас стороны висела мраморная доска средних размеров, а на ней собака неведомой породы застыла в вечном скачке.

— Что это? — спросил я, тыкая пальцем в сторону доски.

— Где? — как всегда переспросил Эрни, хотя сам в это время уже смотрел в указанном мною направлении.

— Да вон! Собака или мне кажется?

— Ну.

— Что «ну»? Что это такое?

Эрнст посмотрел на меня как на полного недоумка и даже оскалил зубы, чтобы обругать, но в последний момент сдержался.

— Ты думаешь, сейчас самое время обсуждать достопримечательности?

— А что тут такого? Мы все равно идем, так надо занять себя беседой. Так мы меньше будем привлекать внимание — пусть люди принимают нас за туриста и гида, а не за двух целеустремленных мрачных и опасных типов, о которых следует сообщить в полицию! — От этой моей сентенции у Эрни открылся рот. Наверное, такая мысль ему в голову не приходила и оказалась полной неожиданностью. Он в своей обычной манере похлопал глазами и начал мямлить.

— Ну... Это вроде памятник Собаке... Площадь названа в честь собаки по кличке Рембрандт. У одного из первых колонистов, разбивших лагерь на этом самом месте, был пес. По легенде, однажды ночью он разбудил всех отчаянным лаем. Люди выскочили наружу с ружьями в поисках угрозы, но ничего не увидели. Лагерь был обнесен защитным барьером, даже часовой сторожил, но они ничего не видели и не слышали, а собака лаяла до тех пор, пока ее не побили. Люди улеглись спать снова, и снова собака подняла лай. Они во второй раз поднялись на ноги и принялись высматривать угрозу, но все вокруг было спокойно... Собаку опять побили, а люди уже не могли уснуть — они стали варить кофе, бродить по лагерю... И тут из земли полезли огромные черви размером в мужскую руку каждый. Потом их назвали Ночными Убийцами. Оказалось, что эти твари охотились на местных травоядных животных: следовали за ними, слушая дрожь земли, а когда их жертвы ложились спать ночью, черви нападали. На самом деле они ближе к змеям, так как имеют зубы и впрыскивают быстродействующий яд. Однако бодрствовавшие колонисты встретили их огнем ружей и от нападения умерли только трое. Почти в ту же самую ночь на второй, больший по размерам лагерь напала другая стая червей и уничтожила почти все его население. Поэтому Манда-ла стала столицей Арктуруса, поэтому в честь собаки-спасительницы названа ее главная площадь. — Эрни

говорил с воодушевлением и при этом восхищенно разглядывал доску, к которой мы подошли вплотную. Потом он оглянулся на меня и нахмурился, когда увидел глупую улыбку на моих губах. — Что тут смешного?

— Ты знаешь, когда я в кафе... ну, виртуальном кафе размышлял о причинах возникновения названия этой площади, мне почему-то пришло в голову, что это могло быть имя собаки.

— Я не понимаю, почему ты издеваешься?

— Я не издеваюсь, я удивляюсь загадочности человеческого разума... Вернее, удивлялся, потому что сейчас перестал.

— Это почему?

— Потому что это именно та улица, которая мне нужна. Но ключом к возвращению этого воспоминания должно было быть не название, а вот это изображение собаки... Если я вернусь, надо сказать нашим умникам, чтобы они лучше прятали в мозги секретные сведения... Или вообще придумали нечто новое.

Эрнст выглядел вконец сбитым с толку. Это хорошо, по крайней мере отвлечется от своих плохих мыслей. Я вытянул руку вдоль улицы, приглашая этим жестом идти прочь от площади. Эрнст облизнул пересохшие губы и пошел вперед.

Улица состояла из старинных пятиэтажных домов, только высота каждого из этих этажей равнялась, на мой взгляд, двум обычным. Стены были серыми, мрачными, очень толстыми на вид, а окна больше походили на бойницы. Наверное, на заре освоения планеты здесь случались войны.

— Не молчи, Эрни, — ласково сказал я. — Знаешь, история каждой планеты неповторима и по-своему интересна. Пусть тебя не злит моя невольная улыбка во время твоего рассказа, не он ее вызвал, поверь. Скажи, а почему улица тоже названа в честь собаки? Ведь это так?

— Да, — нехотя пробормотал Эрнст, не глядя на меня. — Хочешь заговорить мне зубы? Ладно, я сам хочу куда-нибудь засунуть свою голову со всеми мыслями, чтобы на минуту расслабиться... Итак, по следующей легенде, в эту сторону знаменитый Рембрандт умчался однажды в дикий лес, окружавший тогда маленькое поселение с един-

ственной улицей — Первой. Его выманили местные животные, подражавшие чужим голосам, и наверняка сожрали.

— Несчастливая судьба у спасителя планеты...

— Да. Чтобы тебе стало совсем грустно, его хозяин, досточтимый Франсиско Калавер, вечером того же дня хвативший пса, пошел на его поиски и стал жертвой тех самых тварей, что сожрали его Рембрандта. Они много людей извели, пока не были уничтожены... — Эрни тяжело вздохнул, словно рассказывал о смерти близкого друга.

Я старался изо всех сил, спрашивая своего спутника буквально обо всем, что попадалось на нашем пути, лишь бы не дать ему грустить еще больше. За разговором мы дошли до большого перекрестка с черной стелой посередине. На трехметровом, трехгранном столбе сидела, раскрыв крылья, мрачная хищная птица. Эрнст тут же рассказал мне, что на этом месте, в давней войне на заре Эпохи Стабильности, погибли 14 братьев Эктор, защищавших город от захватчиков в рукопашной схватке. Стелу я незамедлительно вспомнил как ориентир, от которого следовало повернуть направо. После этого Эрни сразу забеспокоился.

— Что такое? — спросил я.

— Что? Мой дом в той стороне, вот что! — воскликнул он. Парочка ближайших пешеходов обернулась, поглядев на возбужденного Эрни укоризненно и даже подозрительно.

— Тише, тише! — прошипел я. — Он уже близко?

— Нет, но...

— Тогда, ради бога, потерпи еще чуть-чуть!

Я бросил выдавливать из него устные экскурсии в историю Арктуруса, заставив прибавить шаг. Мы дошли до улицы Ниньо, тоже оказавшейся ориентиром, а по ней достигли небольшого участка набережной по берегу совершенно крошечного прудика, усаженного деревьями, со множеством лавочек вокруг. Только с одной стороны подходила улица — от мощной каменной балюстрады вниз, к воде, спускался крутой берег высотой метров пять. Тут я остановился.

Эрнст нервно впился пальцами в перила.

— Ну, твой дом рядом? — спросил я уже в который раз.

— Да, — ответил тот наполовину испуганно, наполовину зло.

— Сколько?

— Пару кварталов на запад.

— Тогда расслабься, парень. Я шел не к тебе.

Он шустро обернулся ко мне, перестав разглядывать черную воду пруда с таким видом, словно собирался в ней утопиться.

— Видишь? — Я показал на приземистое здание, создавшее щербину в ряду небоскребов по противоположной стороне улицы Ниньо. С виду оно казалось трех- или четырехэтажным, но на втором окна тянулись до самого верха, не оставляя места для других. Венчала все шикарная золоченая крыша с длинным шпилем, на котором развевался сине-красный флаг.

— Дом собраний, — автоматически откликнулся Эрнст. — Там заседают на конференциях разные партии... Такова традиция...

— Ладно, на сегодня пока достаточно лекций по истории и быту родины, дружище. У нас осталось совсем мало времени, поэтому следует торопиться. Я не буду объяснять, почему тебе не следует идти со мной.

— Ты меня бросишь?

— Нет. Просто чем меньше ты будешь знать, тем лучше. Останься здесь, сходи вон в то заведение внизу, около прудика, выпей там пива или сока. Если веришь в Бога, отправь ему парочку молитв, а я тем временем дойду до конца.

— В это здание?

— Нет, следующее за ним.

— Ладно... Но ты поторопись.

— Сам знаю. Ты тоже води себя смирно, никуда не уходи, потому что искать тебя я не собираюсь, понял? Если что-то случится... Впрочем, тут инструкций не придумаешь. Я уже видел, как ловко ты можешь действовать, постарайся что-нибудь придумать.

— Я уже устал. — Эрнст и вправду повесил нос. Плечи у него тоже опустились, отчего он напоминал размокшее под дождем огородное пугало — видел я раз такое на одной отсталой планете.

— Ничего! — Я ободряюще похлопал его по плечу. — На вот, держи парализатор. Тебе он больше нужен.

Я подмигнул ему и пошел прочь. Не оглядываясь.

Для начала нужно было заглянуть в этот пресловутый Дом Собраний. Приближаясь к цели, я реф-

лекторно начал проверяться и на всякий случай замечать следы. А вдруг нас уже давно пасут? Я вошел внутрь и быстро проследовал по широким, богато украшенным коридорам. Они кишели народом, охрана тоже присутствовала, но внимания на меня не обратила, и потом я увидел там гораздо более странных личностей, и в смысле одежды, и в смысле прически. Впрочем, черная кепка скрывала главное — дыру в моем затылке, а бритыми висками никого не удивишь, так что зря боялся. Я нашел себе длинный пустой коридор и проверил хвост. Никого. Жучки на теле исключались: если б на меня подцепили хоть один, мой правый клык дал бы об этом знать сильной вибрацией. В ребра были вделаны антенны специальной системы, вшитого где-то в животе устройства постановки помех. Для дальнего и ближнего наблюдения с помощью разных электронных средств я был незаметен. Они могли смотреть только собственными глазами, а уж их я постараюсь обмануть.

Сюда я вошел как крепкий человек среднего роста с выпирающими из легкой рубашки мышцами, в синих узких штанах и черной кепке на затылке. Посмотрим, что можно с этим сделать. Бродя по коридорам, я наткнулся на большой бар, отчего-то весьма скудно освещенный. Народу было немного, но мне понравился один посетитель, сидевший за стойкой и увлеченно с кем-то разговаривающий по телефону. На соседнем стуле лежало его длинное черное пальто.

Я зашел, примостился рядом и заказал стакан пива. Надо сказать, оно было весьма кстати — горло я так и не промочил с того самого момента, как вылез из проклятой ванны с зеленой жижей. Я расплатился одной из карточек Эрни, залпом осушил стакан, сказал «спасибо» и покинул бар. Пальто было у меня в руках.

Я на всякий случай ушел с ним в другой конец здания. Есть риск, что рассеянный господин поднимет тревогу и охрана станет останавливать всех в длинных черных пальто. С другой стороны, люди часто забывают свои вещи, особенно когда их уже «не забыл» кто-то другой. Я забежал в туалет и со всей возможной скоростью сбрил волосы со своей головы, благо в здешних туалетах были и бритвы, и лосьоны после бритья. Свою страшную дыру залепил там же, ибо пластырь входил в бритвенный набор. Так, в паль-

то и со сверкающей лысиной, я спокойно прошел через дверь и направился вдоль фасада направо. Длинное пальто слегка увеличит рост и скрадет телосложение, да и лысина поможет сбить с толку. Не бог весть какая маскировка, но действует это здорово, проверено на себе. Беззаботно пиная собственные полы, на ходу я оглядел всю улицу: кусок набережной, дома с той стороны, дома с этой стороны. Ничего подозрительного не видно. Повернув за угол, я отсчитал третий дом от поворота слава. Нет, я не наврал Эрнсту, я ведь не говорил, что моя цель СРАЗУ за Домом Собраний. Следующий за ним, да, но не сразу, а второй по счету и немного в стороне. Это здание было высоким и узким доходным домом, в нем селились не очень богатые, но видные люди, которым трудно ездить каждый день из своих загородных домов. Вокруг теснился небольшой парк, обнесенный невысокой, но массивной металлической оградой. Я прошел внутрь и гордо миновал консьержа, проводившего меня взглядом, но не сказавшего ни слова. Здесь на виду не было ни одного охранника, ни одной камеры, но я знал, что слежка ведется в каждом уголке и неусыпно — просто она не должна была мешать жильцам, отвлекать их внимание. В лифт, на 21-й этаж. Я чувствовал, что кулаки в карманах давно стали мокрыми. От забравшегося внутрь привычного холода зубы не могли устоять на месте и прыгали вверх-вниз. Черт возьми, все-таки я ненавижу эту работу! Дрожать, как обгадившемуся на морозе щенку, это просто унижительно. А все потому, что я боюсь. Куда деть этот страх? До поры до времени я держу его в узде, но кто даст гарантию, что это не кончится в самый неподходящий момент? Мерзкий страх за свои поступки и опасения перед тем, что они вызовут в будущем. Правильно ли я делаю, направляясь сюда? А если и правильно, чего я жду от незнакомца, к которому иду? Скорее всего в его положении проще пристрелить меня и выбросить труп подальше. Самое ужасное в том, что родная Специальная Служба может спокойно согласиться с правильностью этого поступка!

Но у меня не было выхода. Я вышел из лифта в полном одиночестве и оказался в длинном пустом и ярко освещенном коридоре. По полу тянулись красные дорожки с длинным ворсом, каждая дверь была из темного дере-

ва, а потолок и стены неярко искрились — на их облицовку пошел какой-то неизвестный мне минерал нежно-зеленого цвета. Долго стоять на месте нельзя... Я сосчитал до десяти и пошел вдоль этих искрящихся, как морской лед, стен, отсчитывая двери. Апартаменты «К»... Апартаменты «Л»... Апартаменты «М»... Потом завернул за угол и дошел до ближайшей двери. Теперь я точно знал, что должно случиться нечто страшное.

На ковровой дорожке, ближе к середине, явственно виднелись вытертости... А косяки дверей сохраняют царапины, которые помнят долгие годы и многих сменившихся жильцов. Они почти вечны по сравнению со мной, зашедшим сюда на пару минут и обреченным исчезнуть навсегда. Шаг, другой, третий. Я плыл в тумане, в который обратилось время, заполнившее весь коридор и ставшее осязаемым. Вот она, высокая мощная дверь со змеистым рисунком древесной структуры, выпяченной напоказ неизвестным столяром и покрытой лаком в те времена, когда меня еще не было на свете. Какие глупые мысли лезут мне в голову! Почему? Я не мог сдержать их приход. Лицом к лицу с буквой «Н», когда-то яркой и выпуклой, а теперь потускневшей и вдавившейся в глубь дерева, я поднял руку и нажал на звонок. Приглушенный бой колоколов. Сбивающееся дыхание — чье? Мое? Секунды, похожие на шаги преследователя, падают с потолка на пол и растворяются там среди похожего на мириады коротких струек крови ворсинок. Нет ответа. Я в отчаянии жму кнопку еще раз, но она не поддается под моим пальцем. Безотчетный ужас охватывает меня с ног до головы, заполняет каждую клетку, смешивает все мысли в бесформенную и бесполезную массу...

Кажется, в этот самый момент я бросился бежать. Остатки разума были объаты одной мыслью: я совершил ужасную ошибку!! Какую? Я добежал до поворота и застыл на месте, непонятно каким образом держась на ватных ногах. За поворотом была ТЬМА, не отсутствие света, а отсутствие чего бы то ни было. Я отшатнулся от нее, раскрыв рот в диком, отчаянном вопле. В тот же момент темнота прорвала тысячу маленьких дырочек в окружающей меня реальности и хлынула оттуда, затопляя мир своими непроглядными волнами. Она ворвалась прямо в мой открытый

рот и смысла без остатка, уничтожив каждый электрон из бывшего моего тела. Нет, нет! Это было не мое тело. Это было то, что я СЧИТАЛ своим телом, но не оно само. Конечно. Занавес. Меня размазало, словно раздавленную ударом муху.

...И на сей раз я каким-то образом оказался в том самом кафе, с которого все началось, рядом с тем местом, где в площадь Рембрандта вливается Первая улица. Мой столик был заставлен тарелками с содержимым весьма мерзкого вида — серая каша, красная слизь, коричневый порошок... Вокруг не оказалось ни одной живой души, и плотный белый туман ключьями полз над мостовой. Нет, это не мостовая, просто земля. Я сидел, чувствуя себя очень неудобно оттого, что должен был есть принесенную еду, но не мог себя заставить это сделать. Вдруг в тумане мелькнуло пятно. Я насторожился, одновременно чувствуя облегчение: вот он, предлог отказаться от «обеда». Пятно снова мелькнуло и превратилось в собаку, веселого маленького спаниеля, принявшего прыгать у моих ног с требованием поиграть. Я наклонился, протягивая руку, чтобы погладить собаку, но та ловко увернулась и отпрыгнула, словно приглашая следовать за ней. Я встал и сделал шаг. Наверное, такова была его игра — убежать и догонять. Почему-то я надеялся, что рано или поздно спаниель даст себя погладить.

Столики и стулья кафе скрылись в тумане и теперь найти путь назад можно было только случайно. Собака вилась передо мной, но вдруг застыла и насторожилась. Я не слышал ни звука, вообще ни одного, но непонятным образом понял, что вызвало тревогу моего маленького друга. Вой, далекий, болезненный и зовущий, а потому жуткий. Поглядев на меня блестящими черными глазами, спаниель рванулся прочь, к этому завлекающему призыву. «Нет, Рембрандт, нет!!!!» — завопил я что есть мочи, но даже сам не услышал своих слов. Тогда я бросился в погоню... Долго бежал в безмолвном белом тумане неведомо куда, с каждой секундой все больше обливаясь потом, холодным потом до нельзя испуганного человека. Когда последние капли надежды догнать бежавшего навстречу смерти пса иссякли, он появился под ногами. Рембрандт сидел на задних лапах, склонив голову набок, отчего правое ухо отвисло едва ли не до земли. Я облегченно вздохнул, расслабился и

протянул руку к собачьей голове. Но она вдруг стала расплываться, теряя прежний черный цвет, раскрылась пасть, из которой полезли извивающиеся щупальца. Я опять закричал, и опять беззвучно. Самое большое щупальце обвилося вокруг моей протянутой руки и шлепнуло меня по щеке...

Сон, конечно сон!! — с облегчением понял я, раскрывая глаза в скудно освещенной комнатухе. Щека тем не менее горела. Рядом стоял тип в сером костюме, с пистолетом в правой руке и левой, сжатой в кулак перед моим носом. Вокруг голые зеленые стены, из мебели два стула и кресло. К одному стулу привязан я, а к другому избитый до того, что на лице не осталось живого места, человек в сером халате. Вернее, когда-то он был серым, теперь стал в буром от крови.

— Очнулся, скотина? — процедил сквозь зубы человек с пистолетом. Он разогнулся, одернул костюм и сделал шаг назад.

— Где я? — прошептали мои губы практически самостоятельно. Кажется, я был цел, только руки немного затекли. Через минуту я понял, что не привязан к стулу, как сначала показалось, просто мои связанные в запястьях руки заведены за спинку. Ноги тоже спутаны и засунуты далеко под стул.

— Здесь у тебя нет права задавать вопросы! — жестко ответил тем временем человек с пистолетом. Голос у него был тихий, но отвратительный. Как, впрочем, и лицо — узкое, длинное, с почти незаметными в полумраке бровями и оттопыренными ушами. — Знаешь, что я с тобой сделаю, инопланетный выродок?

— Не понимаю причин вашей агрессивности, уважаемый... — Я помедлил, вспоминая, кто я такой и что со мной происходило до попадания в бредовый туман. — Я простой инженер, приехавший отдыхать на вашу... кх... гостеприимную планету. А вы...

В горле у меня страшно пересохло и я не мог говорить быстро, чем оппонент немедленно воспользовался.

— Ты простой инженер? Я вижу, ты и сам с трудом вспомнил эту сказку. Ты приехал сюда со шпионской миссией, чтобы подрывать устои нашего государства, вредить экономике и отравлять мозг граждан! Ты убийца и негодяй!

— Я не убил в жизни даже насекомого...

— Заткнись!! Полчаса назад трое лучших людей КРиК погибли из-за твоих происков! Ты привел нас не к резиденту, а в ловушку! Когда наши парни ворвались в квартиру, их там просто изжарило, словно куриц в огромной микроволновке!!!

Я плохо соображал, это факт. Все, о чем говорил, нет, уже кричал человек с пистолетом, мне казалось сплошной нелепицей. Какая ловушка? Какая квартира? Но вдруг через мутную пелену смешавшихся мыслей проник луч воспоминаний. Коридор с красной дорожкой на полу и стены, искрящиеся зеленым мягким светом морского льда. Я навел их на квартиру, когда они смогли меня обмануть, но она оказалась ловушкой! Я громко рассмеялся в тот самый момент, когда все вспомнил и все понял. Вот так молодцы работают в Специальной Службе!! Ловко они всех провели... Человек напротив, услышав смех, с перекошенным лицом подпрыгнул обратно ко мне и одним ударом рукояткой пистолета по носу заставил меня булькать кровью и соплями.

— Заткнись, ублюдок! Тебе недолго осталось, никто не удержит меня от мести. Я ведь знаю, они только говорят о наказании, а сами уже готовы отпустить тебя к друзьям.

Человек еще раз одернул костюм. Не отворачиваясь от меня, он попятился назад и вправо, к стулу с окровавленным пленником.

— Ты отправишься вслед за этим предателем!!! — заверещал он. Схватив человека в халате за короткие волосы, он поднял голову, до того момента безвольно свисавшую на грудь. От губ потянулась длинная красная нитка слюны, из горла вырвался тихий стон, но глаза несчастного не открылись. Палач приставил дуло пистолета ко лбу жертвы и нажал на спусковую кнопку. Выстрел выбросил далеко назад, на зеленую стену, комок бурого цвета, а во лбу бедняги образовалась большая круглая дыра, из которой сразу потекла струйка крови. Теперь уж действительно безжизненное тело подалось назад и убийца медленно, с хищной кривой ухмылкой отпустил волосы. Труп вместе со стулом упал на жесткий пол. Глухой стук, возникший при этом, поневоле заставил меня вздрогнуть.

Человек с пистолетом наклонился, чтобы вытереть о полу халата свою левую руку, потом медленно разогнулся и направился ко мне.

— Меня ничто не остановит, дружок, — почти пропел он, снова тихо и зловеще, словно какая-то балованная женщина, решившая прикончить надоевшего мужа. Встав рядом, он картинно развернул торс полубоком, вытягивая пистолет так, что он почти уперся мне в лоб. Сейчас будет то же самое, что и с тем беднягой. Громкий хлопок, плевков мозгами и кровью на стену и глухой стук упавшего тела. Нет! Так думал он, а не я.

Я ведь был из Специальной Службы, а там делают все, чтобы их людей не могли убивать легко и просто, как какого-нибудь заурядного гражданина. Поэтому я не ждал, зажмурившись, пули, которая пробуравила бы мне всю голову насквозь и привела бы ее в негодность. Я поднял руки вверх. Мой противник этого явно не ожидал, так как не могут люди перевести плотно связанные за спиной руки через голову. Обычные люди — но не те, над кем поработали хирурги СС, заменившие суставы на более совершенные. Глупый палач имел только одно мгновение на то, чтобы пустить мне пулю в лоб, однако он использовал его на то, чтобы изумленно моргнуть. Когда его веко поднялось, мои сцепленные запястья стукнули по пистолету, направляя дуло далеко вниз. В результате вылетевшая из него пуля прошла в пол между моими ногами.

Одновременно с ударом по рукам я прыгнул вверх, отталкивая стул прочь и ударяя макушкой в челюсть врага. Он безвольно мотнул головой и свалился замертво.

Я застыл с перекошенным лицом над телом поверженного противника и тяжело дышал, словно только что дрался по три раунда с парой боксеров. Меня трясла ярость и я едва удержал себя от того, чтобы кинуться на человека в сером костюме и растоптать его. Руки и ноги были стянуты кандалами с перемычками изменяемой длины — двигаться в них, когда поводок сведен до минимума, практически невозможно. С трудом сохраняя равновесие, я обшарил карманы бездыханного злодея и обнаружил ключ. Когда руки были свободны, ярость снова нахлынула на меня, и тут я сдержаться не мог. Схватив пистолет, я уселся на грудь палача и стал методично наносить ему удары рукоятью по лицу, при этом шепотом приговаривая: «Никогда... не бей... меня... по носу... сука!!!» К концу этого бездумно-

жестокого издевательства на месте переносицы человека в сером костюме зияла черно-красная дыра с рваными краями, в которой с жутким сипением пузырилась розовая пена. Вскоре все звуки прекратились и пена исчезла: он умер. Я поднялся на ноги и выбросил пистолет в угол, потом упрямал к стене и стал гадливо вытирать о зеленую поверхность измазанные кровью руки. Боже, что со мной случилось? Я стал психом, не контролирующим свои эмоции. Один шаг до могилы... или повреждения рассудком. Стараясь не смотреть в то место, где лежало дело рук моих, я расстегнул кандалы на ногах и сделал шаг к двери.

Но дойти не успел. Ее открыли с той стороны, после чего некоторое время ничего не происходило. Я находился у стены, сбоку от дверного проема, поэтому не видел никого вне комнаты. Вжавшись в стену как можно сильнее, я приготовился прыгнуть на первого, кто войдет внутрь. Однако все вокруг вдруг поплыло перед глазами, завертелось и стало мутным водоворотом, завлекшим меня в свои глубины. В отчаянии я осознал, что действовал неправильно. Да. Нужно было взять пистолет и пустить себе пулю в лоб...

Неизвестно, сколько прошло времени — может, минута, а может, и неделя. Никаких снов, никаких видений, никаких мыслей. Очнулся я от того, что кто-то легонько стучал меня по щекам. Опять? Я не открывал глаза, проверяя способность двигаться. Руки и ноги свободны, значит, сейчас я покажу им, как бить меня по лицу!

К счастью, на сей раз я снова смог сдержаться и не броситься на двух людей, которых увидел, открыв глаза. Одеты во все черное мужчины с увесистыми чемоданами в руках и торчащими из носов белыми трубками. Тут я понял, что в моем больном носу громоздится такая же, и осторожно потрогал ее пальцем.

— Больно? — участливо спросил один из незнакомцев, пониже ростом. Кроме того, он был немного упитаннее второго и обладал светлыми волосами и белесыми глазами.

— Я вколол вам обезболивающее, но оно еще не подействовало, — продолжил увещевания он. — Фильтр не трогайте, иначе опять свалитесь спать.

— Кто вы? — спросил я гундосо. Впрочем, они говорили ничуть не лучше.

— Прикрытие, — ответил второй незнакомец, мрачный брюнет с пронзительным взглядом. — Я — Клоун, а это — Акробат.

Когда его представляли, Акробат кивнул головой и ободряюще улыбнулся.

— Охрана усыплена, приборы выведены из строя мощным импульсом ЭМИ, поэтому нам ничего не страшно. Однако задерживаться не следует, Михаил, — снова сказал пухлолицый Акробат. Улыбка с него просто-таки не слезала, только выглядела она несколько натянуто. Клоун кивнул в подтверждение его слов и глянул на часы.

— Четыре минуты. Сейчас власти не хватились, что с Резиденцией случилось нечто странное, но скоро какой-нибудь смысленный посетитель не станет заходить внутрь, увидит тела и поднимет тревогу. Пойдемте!

Вслед за Акробатом я вышел из комнаты, а Клоун двинулся замыкающим. В коридоре было гораздо светлее, чем там, откуда я только что вышел, поэтому толком рассмотреть обстановку не удалось, в глазах потемнело. Я просто шел вперед и пытался думать — но это не получалось. Изредка тихий возглас Акробата предупреждал меня о том, что на дороге валяется тело спящего сотрудника КРиК.

— Как вам удалось их всех усыпить? — наконец спросил я, хотя не был уверен, что получу ответ.

— Газ в вентиляцию. Без цвета, запаха, побочных эффектов. Держится примерно полчаса, после чего распадается на неподдающиеся детекции и опознанию элементы. В комнате, где вас держали, вентиляции не было, поэтому до того, как открылась дверь, вы оставались в сознании. Прошу сюда. — Акробат пригласил меня в кабину лифта. Я не понял, куда мы ехали в нем — вверх или вниз. Какая разница. В холле все было мне знакомо. Кажется, будто вчера я преодолел это место вместе с Эрни... Персонажем компьютерной мистификации. Как же глупо я выглядел, аплодируя, пусть даже мысленно, его поддельной изобретательности! Вокруг лежали тела — значит, здесь в самом деле много посетителей? Вот и два охранника у входа плюс еще один свисает с конторки. Упал на нее грудью, бедняга.

Сквозь послушно открывшуюся дверь мы вышли наружу. Какой-то гражданин удивленно уставился на

нас. Очевидно, этот пожилой джентльмен направлялся в Резиденцию. Когда мы проходили мимо, Акробат достал из кармана пистолет и выстрелил ему прямо в глаз. Джентльмен качнулся в сторону и упал на ступени с гаснущим в уцелевшем глазе удивлением. Следом за нами побежал ручеек крови...

До стоянки флаеров мы добрались без дальнейших нежелательных встреч и ненужных жертв. Машина была столь же неприметной, как и ее хозяева. Акробат услужливо открыл передо мной заднюю дверцу, пока Клоун сноровисто, хотя и без видимой спешки, сложил в багажное отделение чемоданы. Я забрался внутрь, чтобы утонуть в мягком и просторном сиденье, в тишине и покое... Мои спасители молча устроились впереди и незамедлительно взлетели. Похоже, теперь им до меня не было дела? Я от этого только порадовался, ибо последнее, чего мне хотелось сейчас, — это говорить и думать. Единственным желанием было забыться мертвым сном, а очнуться от него где-нибудь далеко от всех неприятностей и никогда больше не вспоминать об этом при-скорбном случае... Но стоило смежить веки, как стало совершенно ясно, что ни о каком покое не может быть и речи. Я не мог успокоиться. Я не мог уснуть. Я не мог не думать.

Не думать о том, что все вокруг — очередной обман, завлекающий меня в ловушку. Это было настолько сильное чувство, что я вздрогнул и открыл глаза, пытаясь заметить нечто, способное подсказать правильный ответ. Сколько раз я пробовал сделать это раньше, но все тщетно. Грубо, на глаз, я не в силах решить, что же вокруг меня — истинная реальность или виртуальная? Я отрешенно пощупал спинку сиденья, на которое в это время откинулся Акробат, и обнаружил под пальцами упругую шершавую замшу, немного потрескавшуюся от старости... Точно так она и выглядела. Я взглянул в окно, за которым пролетали небоскребы, зеркальные, матовые, прозрачные окна. Надписи и крыши с бассейнами, летними площадками, скопищами антенн, пустующими дискотеками и наполненными ресторанчиками. Никогда я не смогу решить, настоящие они или нет, даже если буду размышлять над этим весь день. Я могу только не верить в их реальность. И я так и делал. Кроме

неверия, у меня не было средства борьбы с моими противниками, а столь пассивная оборона никогда не приведет к победе. Я подумал, что могу выпрыгнуть за борт, и потрогал дверную ручку. Она была заблокирована.

— Хочется на воздух? — ласково спросил Акробат, повернув ко мне свою неискреннюю улыбку. — Потерпи немного, мы скоро будем на месте.

— На каком месте? — спросил я, словно прокаркал. Язык — словно напильник, я боялся задеть им зубы, чтобы не стесать их верхушки...

— У нашей штаб-квартиры, на площади Рембрандта. Только знаешь ли ты такую? Нет поди... — И снова эта улыбочка, от которой меня уже тошнит. Значит, моя любимая площадь на этой планете? Ах, какое интересное совпадение!! Дикая безумная злоба стала подниматься из глубин тела и расти, превращаясь в нечто страшное и полностью лишенное разума. Эта тварь уже показала свои зубы, когда я разможил башку неизвестному палачу в Резиденции, только на сей раз я не собирался сдерживать ее. Разуму здесь не место, ибо я потерял надежду вырваться из тисков засасывающего меня обмана. Я буду вечно скитаться по призрачной Мандале, кружа вокруг площади, названной по имени сгнувшейся собаки. Я больше не вернусь в настоящий мир. И прекратить это я не в силах... Значит, один-единственный выход, что у меня остался, это свихнуться. Не надо сдерживать разрушительные силы, потому что в данном случае они являются полезными.

Когда флаер сел на площади, на том самом месте, вернее, на копии того места, по которому недавно я проходил вслед за сгустком электронов по имени Эрни, на стоянке около малюсенького кафе, замок на дверце с шелканьем разблокировался. Акробат начал говорить Клоуну — что, я выслушивать не собирался. Вместо этого, выскочив на улицу, застыл рядом с передней дверцей. Когда она поднялась и явила удивленное толстошеекое лицо с приклеенной улыбкой, я ухватился прямо за нее. Акробат завопил, но не успел даже толком разогнуться, так, скрюченный пополам, и вывалился наружу. Вытащив его почти целиком, я коротко и сильно стукнул коленом по его короткой шее. Крик Акробата превратился в жуткий сиплый свист. Он про-

тяжно рыгнул, выплюнув на мостовую красную тягучую слизь, и мешком рухнул мне под ноги. Я обернулся налево: Клоун, бледный и растерянный, целил в меня из пистолета. Сначала мне показалось, что он начнет уговаривать образумиться и стать паинькой — ну, специально, чтобы я мог провернуть одну из своих штучек, — но он нажал на кнопку. Я рассмеялся ему в лицо, потому что не мог умереть. Все. Раньше я испытывал какие-то сомнения, метался в своих рассуждениях между «за» и «против», но теперь с этим покончено. Они все еще думают, что могут запудрить мне мозги... Нет, это у вас не пролезет. Пистолет Клоуна откликнулся глухим щелчком: осечка. Древнее и полузабытое слово, обозначающее отказ спускового механизма или брак патрона, сейчас такое практически невозможно. Какое совпадение! Я стал свидетелем чуда! Когда пистолет щелкнул во второй раз, я еще раз громогласно рассмеялся и перемахнул через крышу флаера одним могучим рывком. Клоун смотрел на меня, как испуганный кролик глядит на ползущего к нему змея. Он боялся, чувствовал свою обреченность, но не мог удрать... Совсем как настоящий.

— Что ты делаешь... Ты... спятил... — пролепетал он еле слышно. Мертвенно-белая кожа на его лице резко контрастировала с жгучим черным цветом волос.словно он уже умер, например, от обширной кровопотери. Я взял из его вялой руки пистолет и выстрелил ему в грудь. Клоун попятился на пару шагов и уселся на задницу, отчего вторая пуля снесла ему верхушку черепа, которая улетела далеко прочь и еще несколько раз подпрыгнула, ударяясь о мостовую по пути.

— Ты ни капли не похож на служащего Специальной Службы, — сквозь зубы сказал я мертвому телу. — Он никогда не будет таким жалким, испуганным болваном, как ты...

Зажав пистолет в руке, я быстро осмотрелся, жадно выискивая себе очередных жертв. Я буду крушить этот выдуманный мир, пока его создателям не станет страшно и они не выпустят меня на свободу или, что скорее, я свихнусь и мне будет уже все равно.

Прохожие вокруг нашего флаера остановились и смотрели на меня одинаково испуганными глазами. На мгновение я подумал, что все вокруг застыло и мне следует ждать очередного помутнения рассудка и встречи с

новым вариантом компьютерного Арктура, но люди снова задвигались. Их было два или три десятка, и все разом пошли в мою сторону, сжимая круг. В глазах больше не было страха, не было вообще никаких эмоций. Ко мне шли мужчины в темных деловых костюмах, шли стройные дамы в броских и строгих одновременно нарядах, пожилые джентльмены с морщинистыми лицами, пара престарелых толстых дам и даже один подросток с ранцем за плечами и холодной мертвенностью во взгляде. Напрасно они пытались запугать меня этой разношерстной толпой, ибо чем дальше заходила нелепость ситуации, тем меньше я задумывался над происходящим... Я просто поднял пистолет и начал бойню.

В процессе обучения я встречался с такими ситуациями, как эта — столкновение с напирющей толпой. Человеку, взятому в тиски и вооруженному одним огнестрельным пистолетом, справиться с ней очень трудно, если он будет стоять на месте. Нужно вести огонь только на поражение: один выстрел, один труп. Никаких колебаний, никаких задержек. Главное при этом контролировать свой страх, который стремится превратиться в панический ужас, но у меня с этим никаких проблем не возникнет, ибо я не боюсь. Вместо страха следует сдерживать ярость, что не менее трудно.

Я стрелял, целясь в лоб, методично, как в тире, выбирая тех, кто ближе, тех, кто выглядит опаснее — сначала здоровых мужиков, а потом женщин и детей. Один, второй, третий размахивали руками, когда пули выдирали клочья их черепов в брызгах крови, и валялись наземь, но остальные за это время приближались на шаг, а то и два. Мальчишку я едва не пропустил: он скрылся за стоящими флаерами и неожиданно выскочил всего в паре шагов от меня. Я перевел прицел со старичка, ковылявшего ко мне с занесенной над головой тростью, и влил пулю мальчишке, который несся вперед, наклонив голову, так усердно, что ранец мотался у него за спиной из стороны в сторону. Поймав пулю, он резко опрокинулся, как будто неожиданно наступил на лед и поскользнулся. Помимо воли я задержал на нем взгляд... Мальчишка упал на спину, выгнув спину на горбе своего ранца, разбросав в стороны руки и раскрыв рот с торчащими передними зубами. Красная, огромная дыра смотрела в небо с его лба...

Я дернулся в сторону старичка с палкой, чтобы доделать начатое дело, но тут за левую ногу сильно дернули. Я не успел даже удивиться, увидев внизу Клоуна, вцепившегося в штанину, пугавшего меня видом черно-красного провала на самой макушке. Не опуская пистолет, я вырвал ногу и изо всех сил пнул его по многострадальной голове. Клоун вылил из раны с пригоршню бурой жижи, когда покатился прочь... Но время было потеряно. Когда я снова поглядел в сторону старика, то увидел летящую палку. Даже нажатие спусковой кнопки уже не спасло ситуацию — пуля ушла далеко в сторону. В момент выстрела палка соприкоснулась с моим запястьем. В следующее мгновение оружие вылетело из пальцев, покотившись по брусчатке с жалобным грохотом. Старик шустро вернул руку, по обратной дуге собираясь разбить мне лицо, но я смог нагнуться и ответить ему с левой. Враг стоял немного далеко, поэтому удар вышел не самым лучшим, но я гордился обеими руками, которые в худшем случае сбивали человека с ног, как бы крепок он ни был. Однако старик лишь мотнул головой назад, словно хотел отбросить челку, и обагрил кровью из носа жидкие седые усы. Я этого никак не ожидал, и он спокойно воткнул конец палки мне в живот, а когда я согнулся, тщетно пытаюсь вдохнуть, добавил по загревку. Удар был очень силен. Ноги у меня подогнулись, а на мостовой снова ждал Клоун, весь перемазанный кровью, кусками костей и мозгов. Этот урод подполз ко мне и схватил за горло.

Старик, а потом и остальные, подбежавшие к нему на помощь, методично пинали меня и били всем тем, что подвернулось под руку — например, одна из дам ловко орудовала своей сумочкой. Клоун не переставал сжимать горло, а я даже не пытался остановить его. Каждый удар отдавался болью в потрохах, голове, ногах, руках, легкие жгло, но я отрешенно ждал: скоро все это закончится. В глазах помутилось и все удары разом отодвинулись за невидимый барьер, словно бы пинать стали не меня, а какой-то мешок рядом.

Через некоторое время я очнулся, потому что кто-то старательно поливал меня водой. Открыв глаза (левый — не до конца), я увидел перед собой Акробата с измазанными красным губами. Точь-в-точь как если бы он объелся варенья. Горло у него было сизым и разбухшим. Когда

я открыл глаза, Акробат отбросил в сторону бутылку минералки и схватил меня за волосы.

— Сейчас мы проведем с тобой маленькую экскурсию по нашему прекрасному городу, — прошамкал кто-то справа от меня. Я скосил глаза туда и обнаружил Клоуна. Выглядел он только что выбравшимся из могилы мертвецом, грязным, окровавленным и явно не живым. Тех, кто меня держал, разглядеть не представлялось возможным, но, судя по хватке, их было человек пять, не меньше.

Акробат растянул губы, отчего засохшая кровь на них потрескалась. Призывно махнув рукой, он предложил тащить меня следом за собой. Очевидно, он не мог говорить из-за расплющенного горла... Но если он встал и воскрес, почему бы ему не заговорить? Станные правила в этом виртуальном мире.

— Ты будешь смотреть на дома и улицы, Михаил, а потом скажешь нам, какая зовет тебя за собой, — сказал Клоун, идущий бок о бок с Акробатом. — Если ты собираешься сопротивляться, то знай, что здесь тебе придется гораздо хуже, чем в настоящем мире. Здесь больше простор для фантазии мучителя.

Я слушал его вполуха, но последние две фразы отложились в сознании. Единственное, чего я хотел сейчас, это оказаться как можно дальше от этого города, этих людей, этой планеты. Лучше всего вдаль от всех вообще, в одиночку на маленьком теплом острове посреди безбрежного океана. Лечь на песок под ласковым солнцем и ничего не делать, никуда не стремиться, ни о чем не думать... Похоже, это не входило в их планы. Они не оставили надежд выковырнуть из меня то, что им требовалось.

У дома с мемориальной доской, где собака непонятной породы застыла в вечном прыжке, мы остановились. Акробат приблизился ко мне и за волосы поднял голову, давая обзор во всю улицу.

— Ну? — тихо спросил Клоун. — Здесь больше нет ничего интересного? Может, твои хитрые хозяева спрятали здесь еще одну тропинку?

Я проигнорировал его вопрос, попросту закрыв глаза, за что тут же получил удар по носу. Дикая боль пронзила меня от макушки до пяток и выдавила стон из гор-

ла. Мой бедный, несчастный нос! Почему в каждой серии этого фарса они бьют меня по носу?! Я дернулся, так как на секунду забыл о своем незавидном положении. С тем же успехом можно пытаться вырваться, когда ты до самого горла погружен в ванну с затвердевшим цементом.

— Отвечай! — потребовал Клоун, не повышая голоса. Акробат взял твердыми цепкими пальцами за ноздри и с силой потянул. Страшная боль пронзила мое лицо, будто бы его целиком сдирали с черепа. В глазах потемнело. Не видя происходящего, я представил, что толстяк шарит своими ногтями внутри мозга, разрывая его на части. Но когда я снова открыл глаза, то тут же едва не лишился сознания. Лучше бы я их не открывал — потому что носа у меня больше не было. С маленького белого бугорка между глазами вниз свисали красные, сочащиеся кровью лохмотья, в которых жутко хлюпал воздух, который я пытался выдохнуть.

— Нет!!! — заорал я. Больше я не мог игнорировать происходящее вокруг, ибо чувства не подчиняются разуму. Мало понимать, что все это происходит понарошку, когда ты видишь свое изуродованное тело и чувствуешь совершенно не-отличимую от настоящей боль. Да, они определенно не преувеличивали своих способностей по развязыванию языков.

— Что нет? — безжизненно спросил Клоун. Акробат застыл рядом с измазанными в моей крови пальцами.

— Нет, здесь меня ничто больше не ждет. Нет!

— Ты не обманываешь нас?

— Нет! Нет!

Оба «агента прикрытия» молча повернулись и пошли вдоль площади. Вокруг стояли застывшие статуи людей, так и не дошедших по своим делам, висели в воздухе садившиеся, но так и не достигшие земли флаеры. Мы прошли по площади к следующей улице, и всю дорогу я бессильно свисал в руках своих палачей, а боль, заполнившая всю голову, стучалась в ней гигантским молотом. С каждым ударом я замечал новые капли крови, стекавшие с лохмотьев мне на подбородок и грудь.

— Смотри! — потребовал Клоун, как только мы дошли до новой улицы. Здесь стояли высокие старинные дома с лепными украшениями между окнами и громадными лоджиями на верхних этажах. На одной стене висела

табличка с названием «Цветочная». Боль мешала мне сосредоточиться и я смотрел на буквы и дома вокруг слишком долго. Акробат коротко ткнул меня в рану, однако это не помогло, так как я почти потерял сознание.

— Нет! — закричал я с истерикой в голосе, как только смог это сделать. — Это не то место, я ничего здесь не узнаю!!!

— Ты врешь, — холодно откликнулся Клоун, и я понял, что меня снова ждет нечто страшное.

— Нет, это правда!!! — снова завопил я, начав дергаться изо всех сил, но тщетно. Неотвратимый и ужасающий, Акробат приблизился ко мне. Это приближение само по себе оказалось гораздо страшнее, чем боль пытки. Ожидание боли ужаснее ее самой... Акробат вынул из кармана небольшой ножик. Державшие меня сзади люди вывернули левую руку, протягивая ее ладонью к нему. Акробат осторожно ухватился за запястье, но я успел сжать пальцы в кулак. Толстяк картонно улыбнулся и с размаху вонзил нож с тыльной стороны моей кисти, перерубив одним ударом и кости, и сухожилия. Раскаленная река нестерпимой боли побежала внутри руки к плечу, а потом выплеснулась на внутренности... Я кричал и извивался, но не в силах был вырвать руку из тисков палачей. Даже тени помутнения рассудка не находило на разум. Я с ужасом смотрел, как Акробат по очереди берет мои самопроизвольно растопырившиеся пальцы и срубает их, как лишние сучки с ветки дерева. Густая красная кровь обильно сочилась из обрубков, но я уже не чувствовал боли, вернее, она поглощалась той, первой рекой... И это было едва ли не страшнее.

— Нет... нет... — проплакал я. В таком состоянии трудно определить точно, но кажется, я и вправду плакал. Сил кричать уже не осталось.

— Хорошо, — сказал Клоун. — Пока мы этому поверим, но попозже, когда тебе станет ЕЩЕ хуже и ты вдруг вспомнишь, что забыл нам сказать нечто важное, не задерживайся с признанием.

И они снова поволокли меня по площади, наполненной застывшими людьми, которых я уже не видел. Рвущая меня боль незаметно утихла, превратившись в ноющую, сильную настолько, чтобы изнурять меня своим присутствием и в муках мечтать о забытии, и слабую настолько, что-

бы не лишить меня ни сознания, ни тем более жизни. Кровь сочилась из многих ран — все равно я скоро я впаду в беспамятство. Пока же я мутным взором уткнулся вниз, ибо никто не собирался поднимать мне голову, а в мозгу так и стояла яркая картина: мои пальцы, кувырком отлетающие от острого ножа. Где же это проклятое забытье? Крови вылилось вполне достаточно, чтобы отправить сознание в далекие небеса вне этого мира... Но черт побери и боже помоги, это ведь НЕ тот мир! Что, если кровь тут будет бежать из меня вечно, чтобы ни на миг не прекратить мучений? Я содрогнулся в руках палачей, добредших тем временем до очередного ущелья в окружающей площади стене домов.

— Смотри! — снова повелел Клоун, и я послушно, собрав все свои силы, стал пялиться вокруг. Я... я был побежден. За тот краткий миг, после того, как я подумал о бесконечности мучений, и до того, как Клоун раскрыл рот. Я уже готов был наплевать на Специальную Службу и презрение, которое ждет предателя. Мне нет дела до их высокопарных слов и поз, потому что они не были ЗДЕСЬ, а я был. Я хочу быстрее открыть свою тайну и спокойно умереть. Я больше не мог терпеть.

Потому я старательно разглядывал стены, окна, двери, вывески и новые мемориальные доски. Здесь их было много — рядом с каждым окном суровый каменный лик очередного великого героя Арктуруса. Я забыл про боль, напрягая зрение и мозг в попытке озарения, и чем дальше я всматривался, тем больше холодел и внутренне сжимался. Нет, ничего мне не казалось тут знакомым. Но ОНИ ведь этому не поверят!!! Я снова яростно дернулся, снова без результата... Боже, пусть они поймут! Я знаю, что здесь мне не скрыться, но пусть они перестанут мучить меня!!! Я скажу все, я больше всего на свете хочу помочь им... Но они не поверят в собственный успех, черт подери. Я бы и сам не поверил, потому что тайна должна быть — но ее нет! Сколько ни унижайся, пытаясь вымолить их прощение и заставить поверить, это бесполезно. Конечно, если ты сам не веришь в то, что происходит!

— Нет... — прошипел я. — Нет! Нет! Я не могу ничего узнать!!!

Клоун молча показал рукой вправо. Я сжался, ожидая после этого жеста очередной порции издева-

тельств и почти наделав в штаны, но нет, тут я ошибся. Им, персонажам компьютерного мира, не нужны слова и жесты, они все понимают и так. Этот взмах рукой — для меня.

Мы двинулись дальше и достигли новой улицы. Когда же они кончатся? Вроде Эрни говорил мне, сколько улиц вливаются в эту проклятую площадь. Четыре? Но одну я видел — Первую, а сейчас мы идем на четвертую по счету. Неужели пошли на второй круг?

— Смотри! — сказал Клоун и мне почудилось отчаяние в его ровном голосе. Нет, что только не привидится омраченному страданиями мозгу! У него не может быть эмоций теперь, когда не перед кем притворяться. Я в который уже раз послушно вгляделся в плавающую перед глазами улицу, в ее дома... Нет и не может быть. Первая улица, я уже видел ее название... Существовал, конечно, шанс на то, что я не рассмотрел какой-нибудь ключевой детали, именно поэтому виртуальные палачи приволокли меня сюда. Но они проиграли, а вместе с ними проиграл и я. В выигрыше только СС, как и должно было быть, никак иначе. Я понял это, понял всю свою мелкую значимость или даже отсутствие ее, понял нелепость желания стать предателем. Никто не позволит мне этого сделать. Я могу только страдать и умереть, если не смогу выполнить задания и провалился.

Я дико захохотал, трясаясь в крепких тисках множества рук так сильно, что они вынуждены были сжаться до невообразимого предела. Казалось, мои кости, далеко не самые хрупкие и тонкие по человеческим меркам, сейчас с треском переломятся. Клоун застыл, опустив руки, как обесточенный робот, а Акробат пошел ко мне с зажатым в ладони ножом. Руки державших рывком подняли меня вверх, заставив встать на ватные ноги и смотреть мучителю прямо в лицо. Акробат ткнул ножом мне в живот и стал вращать его там. Я дергался из стороны в сторону, я пытался подпрыгнуть и выскочить из своей кожи, чтобы только убежать от этой дикой боли, наматывающей все мое нутро на свои железные пальцы. Прожигающие насквозь щупальца проникали в каждый уголок, разрывали каждую клетку, разбивали на части каждую молекулу. Я был рад развалиться на самые мелкие кусочки, только бы не было больше того цельного организма, который в состоянии чувствовать все

это. Но этого не происходило. Я был одной огромной печенью Прометея, которую разрывали на куски когти боли — только для того, чтобы она срасталась снова для новой попытки. Это происходило в каждое мгновение.

Я больше не мог кричать, я лишился уже всего, осталась только способность чувствовать боль. Акробат опустился на колени и вскоре поднялся снова, держа в ладонях горсть сизых слизистых трубок, переплетенных друг с другом, покрытых пятнами крови, жутко воняющих. Молча, с улыбкой, он ткнул этой отвратительной требухой мне прямо в лицо...

Потом он выпустил мои кишки и застыл неподвижно. Они все застыли. Я выпал из ослабших объятий, им под ноги, жалкий, выпотрошенный, валяющийся в вонючей луже собственной крови, перемешанной с вытекающим содержимым кишок. Они безучастно смотрели в то место, где я стоял до того. Их выключили. Я пытался уползти от ужаса, от липкой мерзости, пробиравшей меня даже через боль, уползти от этой сизой страшной горки, недавно бывшей частью меня. Кажется, я все-таки сходил с ума... Но тут меня с верхом накрыла тьма, та самая, что не есть отсутствие света, а отсутствие чего бы то ни было.

...Больше всего я боялся очнуться. Но когда ты можешь бояться, то ты уже очнулся. Единственное, что я мог делать в этой ситуации, — не открывать глаза. Глупо, по-детски, словно думая: если я никого не вижу, значит, и меня не видят...

В затылок упирался узкий твердый край, спинка кресла или что-то вроде того, так как задницей и спиной я чувствовал жесткие поверхности. Мне казалось, что я размазан по ним, как кусок прокисшего и ни к чему не годного теста. Рядом слышались голоса, но никто не пытался меня бить. Пока...

Я лежал долго, упорно, без малейшего движения... Однако бесконечно это продолжаться не могло. Все тело страшно затекло и начало болеть не хуже, чем... нет, я не могу вспоминать это без крика! Резко дернувшись, я уселся прямо и широко открыл глаза.

Мой стул стоял посредине комнаты с зелеными стенами, точно такой же, как та, в которой я начал

третий этап своей эпопеи. У дальней стены в креслах устроились трое человек, которых я не мог рассмотреть сразу. Они сидели спокойно и не делали попыток встать или заговорить со мной — очевидно, просто наблюдали.

Дрожа от страха, я опустил взгляд и посмотрел на руку. Цела. Ну да, ведь и нос цел, как это я сразу не сообразил? Мало того, я был еще и совершенно свободен. Ни на руках, ни на ногах не было пут. Ну конечно, им нечего меня опасаться. Я медленно поднял правую ладонь и посмотрел на нее: она ходила ходуном. Потом медленно и осторожно ощупал живот, хотя и догадывался о том, что там нет огромных резаных ран... Однако чувства облегчения не было. Я не мог больше доверять своему зрению, слуху, осязанию и обонянию, ибо все они могут предать мой мозг. Кто знает, вдруг на самом деле они обкорнали меня по-настоящему, а теперь придумали новый трюк и смоделировали целое тело? Нет, я опять на дне ловушки без просвета и надежды выбраться. Все продолжается.

Никаких сил выражать свои отвратительные чувства у меня не было. Казалось, что я с ног до головы придавлен большущей металлической плитой и сдвинуть ее не смогу никогда. Я перевел взгляд с собственного тела на кресла у стены и попытался разобраться, что это за люди и какого черта они здесь делают?

Справа, ближе к двери, сидел человек средних лет в костюме полувоенного покроя, с надменным лицом и гнусными тонкими усиками. Сложив руки на груди, он пристально рассматривал меня. На двух других креслах — абсолютно другие личности: они поерзывали, словно находиться тут им было неловко. Одеты оба были в разные по стилю, но одинаково далекие от строгости костюмы, у одного к тому же поверх был накинут халат. Только прически как-то роднили всех троих — короткие, аккуратные, без всяких там цветных прядей или бантиков. Человек в халате выглядел немного испуганным и постоянно облизывал пересохшие губы, а тот, что отделял его от надменного усача, хмурился и играл желваками.

— Он на нас смотрит, — сказал вдруг человек в полувоенном костюме. Скривив губы, он повернулся к сидящему в центре и медленно процедил: — Смотрит с правом победителя. Он победил вашу дурацкую программу.

Человек в центре хмыкнул и с презрением отвернулся от говорившего, но потом поглядел на меня и ответил:

— Нас победил не он, нас победил тот предатель, который прячется в недрах Резиденции. Вы просто хотите свалить на нас вину своего друга Монтроза. — Голос у этого парня был жесткий. Он говорил отрывисто и безапелляционно, что не понравилось обладателю полувоенного наряда.

— Не надо так говорить со мной, Бальтазар. Ты забываешь, кто ты и кто я. Я такого не прощаю...

— А я вас не боюсь, уважаемый Вальданес. Я тоже не последний человек.

— И далеко не первый. После этого позорного провала я постараюсь, чтобы ноги вашей не было в КРиК. Ни вашей, ни вашего выкорыща! — При этих словах человек в халате вздрогнул и вжал голову в плечи, глядя на Бальтазара и Вальданеса с ужасом.

— Невيو — лучший специалист в области виртуальной реальности на всей этой вшивой планете! — взорвался Бальтазар.

— Почему же у меня нет имени вражеского резидента? — насмешливо спросил Вальданес. Похоже, что чем больше нервничал его противник, тем лучше чувствовал себя он сам. Однако стоило ему мельком посмотреть на меня, легкая улыбка испарилась, как попавшая на раскаленную сковородку вода.

— Да потому, что здесь завелась крыса, Вальданес!!! — взревел Бальтазар и в ярости стукнул по подлокотникам кресла. Вслед за этим он вскочил на ноги и принялся мерить шагами комнату между мной и креслами.

— Извините, — пролепетал Невيو. — Но все шло просто прекрасно, пока неизвестный субъект не внедрился в течение процесса моделирования и не сообщил объекту важных сведений... Скажите, господин Гаккель, вы ведь продолжили бы выполнять задание, если бы тот человек в кафе не сбил вас с толку?

Я не сразу понял, что он обращался ко мне. С трудом вспомнил — что это за фамилия такая, Гаккель. Моя ведь... Пока я соображал, остальные тоже перевели взгляды на меня.

— Я просто хотел поехать на берег океана и отдохнуть... — устало сказал я им. Вальданес запрокинул голову и негромко рассмеялся. Легонько похлопав ладонью о ладонь, он сказал:

— Вот это профессионал! Он до сих пор не сдался! — Если б он только знал, как далеки от истины эти слова. — Ему плевать, что он там говорил в вашей дурацкой нереальности! Всегда можно заявить: «Я просто думал, что это милое развлечение, часть туристской программы, и поэтому вам подыгрывал!»

Бальтазар гневно пронзил смеющегося Вальданеса взглядом василиска.

— Вам весело? Вы уверены в себе? Ничего, я погляжу, будет ли улыбка на вашем лице, когда нас вызовут к началству. Между прочим, я припомню вам вмешательство в процесс нашей работы. Сразу же после появления человека в кафе следовало свернуть программу! Каждая следующая фаза становилась все более и более смехотворной...

— Пытаетесь списать на меня гибель наших людей на подставном адресе? А кто кричал «Он попался!», когда мы засекли этот адрес?

— Все, с вами бессмысленно говорить. — Бальтазар сложил губы бантиком и кивнул: — Невио, идем. Нам тут делать нечего.

Они вышли, провожаемые высокомерным взглядом Вальданеса. Кто он такой? Я не знал. Наверное, шишка среднего масштаба. Второй уровень управления... Если я сейчас брошусь и задушу его, то... Что это изменит? Если бы я мог упасть перед ним на колени и рассказать, по какому адресу проживает тот человек, к которому я шел, то сделал бы это немедленно. Может, тогда они отпустили бы меня. А сейчас... Я не верил, что сижу в настоящей комнате рядом с настоящей шишкой из пресловутого КРиК. Слишком картинно они ругались здесь. Слишком горько я научен предыдущими случаями. И в любом случае у меня нет сил, чтобы задушить даже ребенка...

Некоторое время мы сидели в молчании, разглядывая друг друга. Потом в дверь постучали и Вальданес коротко ответил: «Войдите!» На пороге комнаты появился высокий крепыш в безупречном костюме.

— За ним приехали, — почтительно сказал он. Вальданес кивнул и поднялся на ноги. Прищурившись, он поглядел на меня и нехотя выдавил:

— Прощайте, незнакомец. Эту игру выиграли вы, но не думайте, что это чистый выигрыш. Мы ведь тоже кое-чему научились. И в следующий раз, быть может, победа будет за нами!

После этого он круто повернулся на каблуках и вышел прочь. Крепыш, чуть ли не беря под козырек, посторонился, а потом зашел внутрь. Сейчас он разделается со мной в этих противных зеленых стенах? Нет, кажется, шел разговор о том, что за мной приехали? Специальная команда убийц, которая должна как следует замести следы? Я криво улыбнулся, когда представил, что они повезут меня кончать на площадь Рембрандта. Да запросто! Я сейчас разом готов придумать правдоподобный сценарий для нового этапа компьютерной игры со мной в качестве главного героя. Они привезут меня на площадь, по дороге рассказав, что вот сейчас застрелят и бросят рядом с тем самым уличным кафе, где все началось, чтобы дело выглядело как совершенно случайное уличное убийство. Потом даже найдут виновных и засудят их как следует. Но пуля скользнет по ребру, а контрольный они делать не будут, для правдоподобности, я останусь жив и смогу побродить по площади Рембрандта... От подобных мыслей меня бросило в холод. Сколько же еще это будет продолжаться? Нет, ради бога, нельзя так мучить человека! Я что-то замычал тащившему меня крепышу, но что толку... Никто не будет меня слушать, если только я не стану говорить то, что им нужно. А этого я просто не знаю. Очевидно, зря я ругал умников из технического отдела СС — спрятали они эти знания лучше не бывает. Однако, ненавидеть я их стал еще больше.

Рядом с лифтом в стену было вправлено зеркало в темной бронзовой раме с завитушками и цветами. Когда я увидел свое отражение, то не узнал его, так же, как не сразу узнал «свою» фамилию. Оттуда на меня глядел изможденный человек с ввалившимися глазами, пепельной кожей, покрытой нездоровыми багровыми пятнами. Помятая куртка и такие же штаны висели на мне мешками, а кисти рук торчали из рукавов, как у пятилетнего пацана, одевшего одежду отца... Что они со мной сделали? — подумал я. Но потом вспомнил: это ведь не я. Просто им захотелось разнообразить визуальный ряд или как это называется.

На лифте мы спустились в холл. Тот самый, в котором толкалось множество людей, непонятно что делавших в здании Спецслужбы. Два охранника у дверей и один чуть в стороне от них, за конторкой. Фикусы, зеркала, разные киоски, торгующие мелочевкой... Я немного удивился — зачем меня повели через главный вход? Впрочем, какая разница?

Навстречу к нам с диванчика рядом с журнальным столиком поднялся широколицый старик, с крепкой еще фигурой, но уже очень старым, морщинистым лицом. Сотрудник КРиК толкнул меня в его сторону и буркнул:

— Забирайте!

Старик кивнул и подхватил меня под руку, очевидно боясь, что упаду.

— Эх они тебя отделали, сынок! — сокрушенно покачал головой он, не забывая идти к выходу. — Ну ничего, теперь ты в безопасности.

— Кто ты такой? — безучастно спросил я, даже не глядя на него, а только на дверь. За ней широкая лестница, спускающаяся к стоянке флаеров, а на той стороне высокие дома с голубыми стенами и окнами...

— Я твой друг, — ласково ответил старик. — Полномочный посол Весны на этом гадком шарике. Сейчас я отвезу тебя прямо на корабль до дома, а потом займусь сочинительством гневных протестов властям, учинившим такое беззаконие над гражданином суверенной, хоть и маленькой, планеты!

Я грустно кивнул. Что ж, они придумали нечто новенькое! Как они хотят вывернуться в этой ситуации? Мы молча пересчитали ногами все ступени, сели в блестящий, шикарный флаер с зелено-голубым флагом на крыше и полетели прочь.

— Ну все, — облегченно сказал старик в кабине. — Теперь можно считать тебя почти что в безопасности... По крайней мере говорить мы можем смело.

Это точно, подумал я. Все, что можно сказать о себе разоблачающего, я уже сказал. Старик улыбался всеми своими морщинами, коих набиралось лет на сто, не меньше. Тут они изрядно переборщили, такие старцы не служат в поле, они могут сидеть только в кабинетах начальников, да и то вряд ли. На пенсии, вот где им самое место. Прав-

да, можно предположить, что вся его внешность — не более чем маскировка. Вот, опять начинается это... Гадания на кофейной гуще, метания туда-суда, которые я так ненавижу. «За» и «против», каждое из которых в равной степени имеет право на существование.

— Что же они с тобой сотворили? Знаешь, я ведь видел твое изображение и могу сказать — ба-а-альшая разница! — Старик открыл бар и налил мне в стакан немного какой-то прозрачной жидкости. — Не знаю, можно ли тебе спиртное? Хотя оно, думается мне, никому и никогда повредить не может. Вангуаль, местная водка. Пей.

Она была отвратительной, жгучей и вонючей, как тот поддельный омар. Может, ее на них и настаивают? Толкают этих тварей в каждое свое блюдо, как на Петакуле, где не садятся за стол без пряностей из лиан. И приправа из этих лиан, и водка из лиан, и суп тоже из них варят. Надо сказать, алкоголь меня взбодрил. Давненько я его... гм... не чувствовал. Вроде как мой ослабленный организм быстро хмелел? Мне стало намного лучше, руки и ноги лишились значительной части той тяжести, что висела на них с момента пробуждения. Я даже немного улыбнулся в ответ на какую-то шутку старичка, и тут же прикусил язык. Может, это и есть их план, простой и верный: напоить и так выведать ответ? Э... ну а я-то чего испугался? Ведь выведать они ничего не смогут, зато я как следует напьюсь.

— Налей мне еще, добрый человек! — протянул я стакан, но старик, взглянув на меня пристально, покачал головой.

— Нет, тебе уже хватит. Сейчас мы едем прямо в космопорт. Я посажу тебя на рейс до Весны, а там встретят. Не могу сказать, просто не знаю, будет ли кто присматривать за тобой на корабле, так что ты постарайся сам за собой уследить. Сразу помногу не ешь и не пей. Постепенно придешь в норму. Покажись врачу, только не рассказывай правду, соври что-нибудь... Не мне тебя учить.

Я помотал головой, надеясь, что так смогу привести в порядок мысли. Неужели я слышал сейчас про космопорт? Неужели я все-таки дождался? Нет, не может быть. Я не должен верить — иначе потом будет больнее. Они выдумали особенно хитрый ход и теперь его разыгрывают.

— А как же мое задание? — хрипло спросил я тем не менее. Этот вопрос сам вырвался наружу, несмотря ни на какие посторонние мысли.

— Ты его выполнил как следует, — ухмыльнулся старик. — Смотри, мы уже на месте! Корабль летит через двадцать минут — не правда ли, здорово будет так быстро убраться из этого дрянного местечка?

Я отрешенно кивнул, даже не поняв толком, что такое он сказал, так как в мозгу билась его предыдущая фраза. «Ты выполнил его как следует»... Что это значит?

— Что это значит — выполнил задание? — с нотками истерики в голосе воскликнул я, схватив старика за рукав. Тот ласково накрыл мои скрюченные пальцы своей холодной, иссохшей ладонью и ободряюще улыбнулся — сначала мне, потом таможеннику, до поста которого мы уже добрались. Досматривать на мне было нечего — мой чемоданчик, с коим я прилетел сюда, отдали мне только на той стороне, в начале ведущего к посадочным тоннелям коридора. Старик не остался со мной, попросив довести «молодого человека» до места. Он по-прежнему держал меня под руку и не переставал беседовать...

— Ты все же не кричи так громко... Хотя я понимаю, как несладко тебе пришлось. Тем не менее ты выполнил свое задание.

— Как? — прошептал я, готовый расплакаться. — Что ты мелешь, старик! Они сломали меня, превратили в инвалида! Я сдал им адрес, я сделал это просто, без всякой борьбы!

— Чепуха. Это был подставной адрес, квартира-ловушка. Когда их бугаи вломились туда, их ждал сюрприз! — Старик гаденько хихикнул.

— Я был готов сдать им все, что знал, я хотел этого больше всего на свете. Я хотел, чтобы все кончилось. Я провалился с громким треском. Только вот оказалось, что я не знаю НИЧЕГО. Как так, старик? К кому же я тогда шел?

— Ты? Ты ни к кому не шел. У тебя не было настоящего адреса. Ты был нашим отвлекающим маневром, парень. Пока они мучились, пытаюсь извлечь из тебя несуществующие тайны, настоящий курьер доставил посылку в место назначения.

Я тихо рассмеялся, так тихо, что даже сам не слышал ни звука. Просто разинул рот и трясся на ходу,

шатаясь и грозя свалить тщедушного провожатого на пол. Оказывается, я был глупой подсадной уткой, вот как. Я терпел, пытался бороться, страдал и в конце концов стал почти шизиком — и все это ради прикрытия?

— Я знаю, тебе больно было услышать, — сказал старик, когда мы приблизились к повороту коридора. — Но ты должен четко понимать: на нашей службе всегда жертвуют кем-то или чем-то. Такова наша работа. Ты шел, не подозревая о настоящем предназначении собственной миссии, и выполнил ее как нельзя лучше. Не расстраивайся, все будет хорошо. Тебя ждет отдых, лечение...

Он мерно говорил своим немного дребезжащим, но все же хорошо поставленным голосом профессионального болтуна, а я с ужасом смотрел на приближающийся поворот. Все это было зря. Кто вернет мне теперь чувство уверенности в реальности? Кто вычистит из головы ужас, который засел там крепче некуда? Да, конечно, в СС прекрасные специалисты. Они покопаются в моей голове, чтобы заблокировать все плохие воспоминания, все мои страхи. Но как мне дожить до встречи с ними? Как я буду ждать, живя вместе со своей паранойей, во время долгого перелета до Весны? И кто гарантирует, что чистка будет полной? Вспомни Рембрандта, мысль о котором пролезла сквозь все барьеры.

Я шел, тяжело дыша, но вскоре все мысли улетучились из-под моего многострадального черепа, вытесненные паникой. С каждым шагом я непроизвольно прижимался к старику все сильнее и сильнее, сжимал его рукав в своих скрюченных пальцах и никак не мог проглотить слюну. Впереди меня ждал поворот коридора. Все предыдущие мысли не имеют никакого значения по сравнению с этим, ибо теперь я осознал, что никуда не лечу. Стоит мне подойти к этой загогулине, как они выключат свой компьютер и станут злобно хохотать, так ловко отобрав у меня свободу, в которую я готов поверить. Это просто новая попытка, гораздо более изощренная, чем отрезание пальцев и вырывание кишок, это испытание разума. Они будут мучить меня долго, раз за разом ставя на порог веры в свободу и выбивая почву из-под ног в последний момент...

С такими мыслями, в которые не хотелось верить, из последних сил я шел к повороту, как на заклинание,

потому что на самом деле мне хотелось бежать в обратную сторону. Если сейчас мы свернем и увидим там тьму, ту, что означает не просто отсутствие света, а отсутствие чего бы то ни было? И даже если за ним будет все в порядке, сколько еще поворотов ждет меня впереди? На каком я не выдержу ожидания?

5.10.2000—29.10.2000

Дмитрий Володихин

МЯТЕЖНОЕ СЕМЯ

2508 год от Сотворения мира

«Раб, будь готов к моим услугам». — «Да, господин мой, да». — «Восстание я хочу поднять». — «Так подними же, господин мой, подними. Если не поднимешь ты восстание, какохранишь ты свои припасы?» — «О раб, я восстание не хочу поднять». — «Не поднимай, господин мой, не поднимай. Человека, поднявшего восстание, или убивают, или ослепляют, или оскопляют, или схватывают и кидают в темницу».

«Диалог господина и раба о смысле жизни»

Луна покинула небесную таблицу.

Для нежного и холодного существа по имени Син* не-сносны грубоватые ухаживания крепыша Ууту. В месяцы дожда и долгих теней этот неотесанный грубиян выступает не в полной силе. Его можно терпеть, можно даже оспаривать его право овладевать небесной таблицей изо дня в день... ибо изысканным натурам неприятна любая регулярность. Порой они подолгу ведут беседу среди бледнеющей тьмы. Она, высокая, худощавая Син, осыпает мужлана колкостями, тонкие губы ее растянуты в презрительной усмешке... Он, кряжистый коротышка, мускулистый живчик Ууту, терпит ее издевательства, все пытается завести с нею дружеский разговор, но, конечно же, напрасно. В конце концов он

* В шумеро-аккадской мифологии Нанна-Син был персонажем мужского пола. В дошумерской — странной муже-женщиной.

прекращает спор своей властью, поскольку именно он владеет временем света. «Уходи!» — повелевает он Син. Тогда ей остается только смириться и уйти в изысканные сады тьмы. Но для столь неторопливой беседы пригодны лишь месяцы дождя и долгих теней. Сейчас другое время. Реки полноводны, из земли не ушла плодоносная сырость, но месяцы зноя еще впереди. Стоит второй месяц суши, солнечный диск просыпается рано, жар его нестерпим для белой кожи Син. Уста его источают странный аромат, от которого хочется быть побежденной... Но Уту и сейчас еще не в полной силе, лишь время зноя и коротких теней сделает его владыкой.

...Луна убежала с небесной таблицы.

Миновала последняя доля второго шареха. Ибо на земле, занятой победоносным воинством полдневных городов, доли отсчитываются от лунного заката и следующего лунного заката — по шесть доль в шарехе. Во втором шарехе Син появлялась в виде сияющего серпа. В первом она шествовала посреди небесных знаков юным серпиком. Наступила первая доля нового шареха текущей луны, третьего. По ночам холодная красавица будет выходить из города теней в наряде полнолуния...

Каждую долю в Высоком шатре войска Баб-Ану сменяется командующий, а вместе с ним ануннак, дающий силу и мудрость его приказам. Три лугалья трех мятежных городов и три ануннака, чья сила безгранична... Что может остановить могучий Урук, священный Ниппур, богатый Эреду, когда силы трех великих городов собраны воедино? Кто устоит против них?

Лугаль Халаш, князь священного города Ниппура, откуда начался великий путь ануннаков-освободителей, занял кресло из черного дерева. В такую рань сюда не зайдет никто из тысячников. Войско должно отдохнуть перед битвой. Они устали. Долю назад подошли отряды из-под Сиппара. Гарнизон сопротивлялся до последнего, в рядах борцов Баб-Ану, осаждавших сиппарскую цитадель, не хватало теперь каждого третьего. Шарех назад пала Барсиппа. И тоже пришлось потрудиться. Пускай отдыхают. Возможно, сегодняшняя доля завершит все их предприятие. А ведь

в самом начале риск представлялся столь высоким, а прибыль столь сомнительной...

Халаш был родом из молодой семьи, еще два поколения назад не имевшей права защищать свою жизнь, свое имущество и свой скот в стенах ниппурской крепости, когда город осаждали враги. Даже за право торго приходилось платить! Теперь все переменялось. Ан! У твоих ног лежу я в пыли, тебе пою, твоей власти жертвую лучшее. Ты дал мне сияние мощи, какого не имеют и цари бабаллонские. Ты возвысил меня, и я слуга твой. Теперь все переменялось. Лугаль ниппурский, поставленный царем Донатом, мертв. Старые семьи унижены и смирились, а те, кто не смирился, пошли под нож. Праведники изгнаны из священного города, столичные чиновники скормлены псам. Молодые сильные семьи никому не уступят власть над Ниппуром. Ан! Послужим тебе до конца и совершим тот очистительный обряд над дерзким Баб-Аллоном, какой тебе нужен. О Ан!

Его семья — из купцов, а еще того раньше они кочевали на самых границах Царства, не желая платить подати, рыть каналы и отдавать родичей в солдаты. Отец Халаша помнил те времена, когда старейшие никак не могли решить: осесть ли роду на земле ниппурской или сделать город своей добычей.

Лугаль раздувал ноздри. Привычка торговца: по запаху, исходящему от драгоценной ароматической палочки, определять, сколько сиклей серебра сейчас тлеет и превращается в дым. Напрасная трата. Да и весь этот поход следовало бы несколько... удешевить. Слишком много запасных стрел. Люди дешевле бронзы. Слишком много провизии. Конечно, войско идет по землям союзников, и негоже обижать славный город Киш. Но ведь война... Да и земля — не священная земля Ниппура. Кое-чем можно было бы и попользоваться.

Тонкий аромат перемешивался со смрадом, силился победить его и не мог. Полбеда, что всю ночь в шатре пробыли буйные влюбленные и запах их неистовых схваток все еще не выветрился. У звероподобного урукского лугалья Энкиду кожи не видно под шерстью, а его ануннак Инанна имеет странную привычку являться в обличье хрупкой девушки, на вид ему (ей? кто их поймет?) не дашь

и пятнадцати солнечных кругов... Так вот, это полбеда. Но чем, великий Ан, так несет от его собственного, ниппурского ануннака Энлиля? Чем? Сколько мы с ним вместе, но привыкнуть невозможно. Сидит на другом кресле, из чистой бронзы, до чего же дорогая блажь! Пребывает в любимом обличье — человекобыка. Бычьего в нем — рогатая голова и... разумный человек не обратит внимания, а женщины долго провожают взглядом. Никогда, ни единого разу Энлиль не прикрывал этого одеждой. Все что угодно, только не это. Ну хорошо. Бык. Но запах-то не бычий. Простая ходячая говядина пахнет привычно; вообще скотина, она и есть скотина, пахнет она вся уютно, по-домашнему. Как можно не любить скотские ароматы? А этот... Только по видимости бычьей породы. Тянет от него чем-то непонятным, но очень, очень опасным. Оно и понятно: ануннаки — сильный род, люди против них, как псы против львов. И глаза — совсем не бычьи. Когда Энлиль является в человекоподобном виде, нет в нем ничего необычного. А сейчас... Даже смотреть страшновато. Добро бы один стоячий зрачок, как у кота. А тут — по три таких зрачка в каждом глазу.

Энлиль заговорил. У него был голос зрелого мужчины. Глубокий, звучный. Но совершенно обыкновенный. Ничего особенного. Язык городов темного Полдня он знал, похоже, с рождения. Все ануннаки говорят на полдневном наречии чисто и складно, точно выговаривая все слова. Впрочем, они также чисто говорят и на столичных говорах; никакой разницы — высокая эта речь или низкая. То же и с языком низкорослых эламитов. И даже редкие пришельцы с темной Полночи, люди-быки, чья мощь ужасает, говорят с ануннаками свободно, хотя их птичье шелканье, кажется, позабыто уже всеми со времен Исхода. У бородатых и черноголовых людей суммэрк, первейших слуг ануннаков, — своя речь. Ануннаки понимают ее, а люди Полдня — нет... ну, почти нет. Ведь все языки суть дети одного, старшего. Может быть, это речь людей-быков... Когда-то Халаш поинтересовался, как называется язык ануннаков в тех местах, откуда они сами родом. Энлиль засмеялся и в ответ издал странное басовитое гудение. Ничего человеческого... Вот, мол, Халаш, как называется. Запомни, мол, может, пригодится.

Так вот, Энлиль заговорил:

— В полдень к тебе придут послы от царя Доната. Они попросят вернуть Урук. И еще кое-что. Помельче. Наверное, Сиппар. Взамен предложат мир. Так вот, я советую тебе принять его.

— Советуешь или повелеваешь?

— Ты давно рядом со мной, ты знаешь, я никогда не приказываю. Я предлагаю взять что-нибудь и называю цену. Иногда я советую тебе, как лучше поступить. За это ты кормишь меня, поишь и приводишь ко мне жриц. Ну и славишь меня, согнув колени, когда потребуется.

«Как будто он из рода купцов, а не я», — досадовал лугаль. Странные боги. Не повелевают, а торгуются. Втроем стоят целого войска, но ленятся поднимать оружие... Вот Энмешарра, тот был да-а-а. Но для него не существовало своих и чужих. Он различал только то, что стоит на его пути, и то, что там не стоит... Энмешарра... Ан, что это было за существо? Бог?

— Господь Энлиль, если позволишь, я пренебрегу твоим советом.

— Ничего иного я и не ждал. Для нас не столь уж важно, что именно сегодня произойдет. Будет ли заключен мир, погибнет ли ваше войско...

— Войско борцов Баб-Ану, господь.

— Какая разница? От этого оно не перестает быть вашим.

Лугаль этого не понимал. Впрочем, важнее было другое.

— Господь Энлиль! Ты говоришь странные вещи. Либо мир, либо нас разобьют... Но сегодня у нас по два или даже по три бойца на каждого воина в царском войске. Время главенства Баб-Аллона закончилось. Царь Донат и его эбихи пришли к славному городу Кишу за собственной смертью...

Халаш мог бы добавить многое в пользу своих слов. Гордый Баб-Аллон взят в кольцо. Борцы не дают землепашцам собрать урожай с полей, палят ячмень, отгоняют кочевников, не позволяя им продавать скот. А великая река Евфрат, по которой могли бы подняться к столице Царства торговцы рыбой, перекрыта кораблями людей суммэрк: им сполна заплачено серебром, тканями и драгоценными досечками из кедра. В столице скоро начнется голод, если уже не начался.

Правда, упрямый лугаль Урнанши, владыка славного рода Лагаша, хоть и отложился от Царства, не пожелал присоединить свои силы к мятежной армии. Да и ануннака своего, Нингирсу, не впустил за стену, не поселил в храме... за что и лишен сияния мощи. Но ведь и в спину не ударил. Правда, Эшнунна осталась верной царю Донату III... Но она далека от столицы и слаба. Правда, за Иссин пришлось заплатить полной мерой... Но это было давно, и раны мятежного войска затянулись.

С начала великого похода и до сих пор Творец пальцем не шевельнул, дабы защитить «излюбленных сыновей» своих. Неудачи одна за другой преследуют царя Доната.

— Послушай, лугаль. Ты ведь не дурак, хотя и низкого рода. Ты видел мою силу. Ты знаешь, как далеко я вижу. Я даю тебе хороший совет. Ни Инанна, ни Энки не пожалели своих лугалей, не сказали им ничего. Я — говорю. Я знаю, что ты еще можешь нам пригодиться.

— Но почему, господь? Мы побеждаем...

— Вы — никто. Пыль под ногами. Жидкая глина, которую научили шевелиться и не расплзаться в бесформенные груды. Ваша война — это битвы слепых и одноглазых. Слепые — вы. Царь кое-что понимает. То, что сейчас кажется победой, — не более чем иллюзия собственной силы. Слышал ли ты когда-нибудь о пехоте ночи?

— Клинок царства? Последний резерв? Но их совсем немного.

— Даже если бы царь Донат не привел семьдесят два раза по тридцать шесть ладоней воинов, то и одной пехоты ночи было бы достаточно, чтобы разогнать ваш сброд. Слышишь ты? Их, черных, будет всего-навсего двадцать четыре раза по тридцать шесть ладоней, но вам — хватит. Нетрудно одноглазым убивать слепых...

Энлиль засмеялся. И насколько обычным был его голос, настолько же странным — смех. Словно камнем били о металл, не щадя ни того, ни другого. Лугалю захотелось уязвить ануннака. Есть на свете существа, которых боится и он. Во всяком случае, боялся когда-то.

— Господь, ты помнишь Энмешар...

Многое произошло в следующий миг. В шатре стало холодно, свет померк, а Энлиль исчез со своего

кресла в мгновение ока. Сейчас же длинные и тонкие, как у женщины, пальцы с неженской силой сжали губы лугалья.

— Ты! Как ты смеешь! — зашипел названный бог Ниппура.

Тьма понемногу рассеялась, пропал и холод. Но рука ануннака все еще запирала уста Халаша.

— Послушай меня, дурак. Я как раз решаю вопрос: убить тебя сейчас же ради собственной безопасности или подождать?

Халаш сидел ни жив ни мертв. Боялся пошевелить перстом, даже вдохнуть поглубже. С тех пор как выпал его жребий и жители освобожденного Ниппура выбрали его своим лугалем, прочие же пять вождей ушли из стен города, вокруг головы, плеч и ладоней Халаша пылало радужное сияние мощи — мелаammu. Такое же мелаammu было даровано Нараму из Эреду и Энкиду из Урука. Сияние тусклоло, когда ануннаки выражали недовольство повелителями городов, и, напротив, жарко вспыхивало, когда им нравились деяния лугалей. Больше всего Халаша пугали не слова наглой священной коровы, не тон, которым они были сказаны, не сила пальцев ануннака. О нет. Долго пребывая рядом с чем-нибудь величественным и страшным, понемногу привыкаешь... Но прежде не было такого, чтобы мелаammu превращалось из ослепительного ковра в сеточку из редких и тусклых блесков. Краем глаза лугаль видел именно это: ладони почти не светились... Как жутко, Ан, как жутко!

— Так вот, послушай меня. Ты — не простой человек. Ты лугаль. И слово твое полновеснее целой толпы слов, если они изречены любым из тех, кем ты правишь... Одни только имена, произнесенные тобой, могут вызвать из царства теней таких существ, от которых земля смешается с водой и небом, кровь зальет весь твой город на высоту человеческого роста, огонь пожрет все живое. И даже тридцати шести раз по тридцать шесть слов тебе не хватит, чтобы загнать их обратно... А мне, поверь, жалко город, призванный отдавать мне все лучшее, чем владеют его жители... Простофиля, обещаешь ли ты никогда не произносить имя, которое только что чуть не слетело с твоих уст? Если да, медленно кивни. Если нет или если ты неискренен со мной, твоя голова утратит связь с плечами... Мне нетрудно будет узнать самые потаенные твои желания.

Халаш кивнул. Пальцы отпустили его губы. Когда ануннак уселся на свое место, лугаль разочарованно спросил:

— Но почему, господь? Ведь нам никогда не найти союзника сильнее...

Очень странно видеть смеющуюся корову. Рога чиркают по бронзовым фигуркам крылатых козлов, вставших по углам спинки кресла, как люди, во весь рост; струйки слюней брызжут во все стороны.

— Союзник? Страж матери богов — союзник тебе? Охо-хо. Да он в этом мире никому не враг и не союзник. Он просто — верная смерть. Для всех. Даже для меня. Я не знаю, как устроена его голова. Но тебя, меня, всех жителей Баб-Аллона, Урука, Ниппура, Эреду, всех людей суммэрк, всех эламитов, да вообще — всех, он видит не как людей или живых существ, а как обстоятельства. Он не понимает разницы между тобой, медным ножом и пшеничной лепешкой. Охо-хо, союзник! Ты понял меня, лугаль?

— Да, господь.

— Ты ничего не понял. Ты не знаешь, что он такое. Я объясню тебе. Как ты думаешь, лугаль, кто победит: я или все войско славного города Ниппура, если оно выйдет против меня?

— Победишь ты, господь...

Энлиль заглянул в глаза собеседнику.

— И все-таки ты ничего не понял.

— Я понял, господь. Нет никаких сомнений в том, что победишь ты. Ничто не помешает тебе одолеть нас.

— Сейчас ты несколько приблизился к истине. Но почему, мой любезный лугаль, князь священной кучки халуп, мы, ануннаки, не бьемся против царского войска? Отчего мы лишь помогаем вам, людям, но не делаем за вас всей работы? Ведь для нас это, как могло бы показаться, совсем несложно? Втроем, полагаю, мы обратили бы в бегство намного более сильную армию, чем та, которую выставил сегодня Донат.

Халаш решил про себя: как только дела пойдут худо, он вызовет Энмешарру, как бы ни пугал его Энлиль. Вызовет хотя бы ради того, чтобы этот насмешник вновь поперхнулся от страха. И пусть хоть вся благословенная земля Царства от моря до Полночных гор вывернется на-

изнанку! Вслух же он сказал то, чего ждал от него ленивый бог Ниппура:

— Я слепец, господь. Должно быть, я не способен разглядеть нечто важное.

«Иногда боги бывают ленивы, иногда жестоки, иногда глупы. Они как люди. Вот и все, чего я не вижу. Если Творец не властен над всеми нами, то боги — это просто очень много силы», — так размышлял Халаш. Лицо его... Да что его лицо: дед Халаша, великий торговец, выделялся с лицом еще не такие штуки! Даже очень мудрые люди купят у тебя старого коня или больную овцу, когда у тебя умелое лицо.

— Ты слепец. На земле и в земле, на воде и в пламени костра, в кронах деревьев и в дуновении ветра иногда можно увидеть, услышать, почуять шаги судьбы. И отойти с ее дороги. Мы можем кое-что делать за вас по вашей же просьбе. Иногда. Но вступи мы в открытый бой с царевой ратью, на ее стороне сейчас же встанут существа посильнее нас. Тогда вся благословенная земля Царства вывернется наизнанку... И ваш буйный Полдень — в том числе. А теперь скажи, милейший, ведь ты хотел бы знать мое истинное имя?

Лугаль молчал, пораженный. Не сам ли Энлиль повторял ему не раз: правильно назвать суть предмета или человека — значит наполовину завладеть им... Зачем отдает он истинное имя свое? Желает убедиться в покорности лугаля? Что не дерзнет он даже шагу сделать в направлении, откуда может грозить ануннаку опасность? Но ответь ему «нет» — все равно не поверит. Лугаль молчал, мудро молчал, даруя ниппурскому богу выражение лица, поворот головы и застывшие на подлокотниках пальцы — совсем как у потрясенного человека. Лугаль молчал, будто бы пораженный.

— Действительно, не поверю, — молвил Энлиль, — но не столь уж это и важно. Имя мое таково, что использовать его мне во вред невозможно. Мое имя — цифра. Шесть раз по тридцать шесть и четыре. А имя стража матери богов — просто два. И мощь его во столько же раз, чтобы тебе было понятно, превосходит мою, во сколько шесть раз по тридцать шесть воинов и еще четыре сильнее всего двух. В наших краях так: чем меньше цифра, тем больше силы.

А если ты не цифра, ты прах. Понял ли ты, благород-

ный лугаль из погонщиков скота родом? Извини, запомнювал. Из скототорговцев.

— Господь, я внимательно слушал тебя. Уста твои...

— Уста мои, как у коровы. И рога преогромные. Так вот, лугаль, представь себе того, кто встанет против него, против стража...

Халаш молчит. Кто встанет, тот и встанет. Не стоит бояться хорошей драки.

— ...И что останется от земель и городов, которые станут знаками на таблице великой битвы... Со священным городом Ниппур, например.

— Кто мы для вас, господь? Для тебя, для Инанны из Урука и для Энки из Эреду? Кто мы для вас? Зачем вы подняли нас в поход, если не верите в нашу победу?

— Кто вы?.. Вы — мертвые герои. Для Инанны и Энки лучше всего, если вы останетесь лежать здесь, на поле, недалеко от славного города Киша как настоящие мертвые герои. Вам оставалось так немного до высоких стен Баб-Аллона... Ваши дети и ваша родня, я надеюсь, придут, чтобы отомстить за вас. Впрочем, по мне, так и трусы сгодятся. Если эти трусы достаточно ловки и сообразительны, чтобы заключить мир, когда им приносят его в дар. Пожалуй, этим трусам будет с чего начать потом, лет через пять... или десять... Но, возможно, могучий лугаль, ты предпочтешь остаться героем в памяти потомков? Как нерасчетливо!

Халаш утвердился в своем решении. О Энмешарра...

— Господь, я слушал тебя и слышал тебя. Если не хочешь помочь нам победить, отойди и не мешай. Мы победим сами.

Коровья морда усмехнулась совершенно по-человечески...

Когда царские послы, ничего не добившись, отправились восвояси, опустел и шатер командующего. Лугаль Урука Энкиду и лугаль Эреду Нарам ушли к своим воинам. Ануннаки, забыв о божественном величии, устроились на высоких пальмах — с комфортом наблюдать за ходом боя, ибо зрелище великого человекоубийства приятно для них. Халаш велел вынести черное кресло на возвышение перед шатром. Вокруг него собрались бегуны — разносить приказы войскам. Поодаль встали крепкие ниппурские воины

в доспехах с медными пластинами и лучники народа сум-мэрк — защищать жизнь лугаля, писцы с красками, кисточками и кусками пергамента — записывать деяния храбрых борцов Баб-Ану, обнаженные по пояс барабанщики — подавать войскам сигналы. Степенно переговаривались командиры резервных отрядов в сияющих шлемах и дорогих одеждах — им предстояло в нужный момент по мановению руки Халаша устремиться в гущу сражения и добыть победу.

Между тремя лугалями было заключено соглашение: только один из них, а именно тот, кому подошла очередь, командует войском и принимает все решения на протяжении доли. Другие два знают обо всем важном, что происходит в эту долю, подают ему советы, спорят с ним, однако всегда подчиняются его приказам. Но лишь красавица Син стыдливо закроет свой лик, лугаль прежней доли склонит голову перед лугалем новой доли.

Так вот, исход сегодняшнего дела и всего предприятия мятежных городов полностью зависел от решительности и искусства Халаша ниплурского...

Лугаль обозрел равнину, черную от людей и приправленную искрами от оружия, блистающего на солнце, — как густая темная похлебка бывает приправлена маленькими ломтиками чеснока. Плохая, неплодородная земля. Торговец Халаш оценил бы ее очень низко: соляные проплешины тут и там, глина... Чтобы поднять ее, потребовались бы усилия сотен крестьян и множество лет. Слева — канал, древнее которого нет на земле Царства. Столь широкий и столь глубокий, что кажется, будто прорыли его не люди, а гораздо более могущественные существа. Начавшись в Баб-Аллоне, тянется он от полноводного Еввав-Рата к славному городу Кишу, а оттуда еще дальше — к великой реке Тиххутри. Весной Еввав-Рат бесится, заливая все вокруг. Тогда Тиххутри и жадные до воды песчаные пустыни спасают жителей этой земли, принимая в себя губительную силу паводка. Даже цари бабаллонские не в силах чистить канал чаще, чем раз в сорок восемь и два года — так он велик. Берег его зарос высоким тростником, превратился в болото и приютил во множестве речных змей, чей яд убивает долго, но наверняка. Справа — другой канал, гораздо моложе,

уже и мельче, но зато облицованный кирпичом, чистый. Строить царские мастера умеют, тут ничего не скажешь...

Ан, к тебе обращаюсь, нас ты научишь так строить?

...На том берегу, за молодым каналом, во множестве росли финиковые пальмы. В поле колосился добрый ячмень... Месяц аярт, отметил про себя лугаль, самое время собирать урожай, жалко, осыплется, пропадет... да что же тут такого — пропадет? Это ведь не наше, это царское добро, пусть столица скрипит зубами от голода, пусть встанет на колени, попросит лепешку с отрубями, с травой пополам! Может, дадим. Не все же им из нас тянуть! А все-таки жалко, очень жалко, хороший ячмень... Белые поля хлебной рати перечеркнуты были черными клинками пожарищ. В прошлую долю конники жгли тамошние поля. Выгорело, однако, немного. Погода стояла безветренная, а все приканалье с той стороны разделено на небольшие участки маленькими канальцами, отходившими от главного, и, дальше, просто канавами. Огонь никак не желал перескакивать с участка на участок... Горелые и уцелевшие шести водочерпалок-даллим укоризненными перстами торчали на канальцах тут и там.

Как раз посередине между двумя великими каналами, старшим и младшим, белела пыльными колеями дорога из Баб-Аллона в Киш. Вдалеке, за вражескими отрядами, над нею высился безлесный холм. Там, наверное, тучи царских лучников, камнеметы, словом, вся радость... Даже несведущему в военных делах человеку ясно: кто владеет холмом, тот владеет сражением.

Тысячи пеших бойцов царя Доната III закрывали своими телами дорогу на столицу. С флангов поставлены были конные отряды.

Таблица этого сражения проявится гораздо позднее, когда поле между двумя каналами укроется одеялом из неумных человеческих тел. Тогда каждый увидит, что было на ней начертано и кому назначена была победа. Но как тут не увидеть, как не понять с самого начала: роли борющихся сторон ясны. Войско мятежных городов — таранит, ибо обойти невозможно. Силы Царства встречают удар тарана и стоят до последней крайности, поскольку отступить для них — гибельно...

Еще ни Халаш, ни царь не подали сигнала, а тлеющий огонек битвы уже отыскал себе первую пищу. Поединщики, выйдя из рядов, раззадоривали товарищей геройством. Лучники вяло обменивались подарочками, целя в командиров. На той, царской, стороне громко скрипнули деревянные механизмы камнемета. Лугаль не слышал этого, но он увидел, как тяжелая глыба набрала высоту, а потом ударила землю, немного не долетев до его воинов. Нестройный гул солдатских голосов в отдалении выводил гимн в честь царя и всего Царства, как всегда бывало перед большим сражением.

Ууту стоял в сиянии всей своей огненной мощи — не так, как бывает в месяцы зноя, но воинам, изготовившимся к бою, приходилось несладко. Тени исчезли.

Нет причин медлить.

Халаш поднял правую руку.

Сейчас же над полем поплыл барабанный гул. Пестрые значки и флажки над головами борцов Баб-Ану колыхнулись. Пехота трех городов, стоящая в центре позиции, пришла в движение. Лучники выступили вперед и осыпали неприятеля стрелами. Большинство лучников мятежа — суммэрк. Лукавые люди, не любят меча, не любят прямого боя — сила на силу, — зато стрелки из лука у них очень хороши...

Справа с гиканьем понеслась вперед конница кочевников, что живут на полночь от Царства. Ох, как опасно было приводить их на эту землю. И без того летучие отряды кочевников то и дело пронзают провинции Царства... Прежде столичные эбихи останавливали их всех... нет, не всех, конечно, но очень многих, далеко от цветущих городов. В степях, где стоят одинокие крепости Царства, насмерть бились бабаллонцы вместе с провинциалами против диких всадников... Так было. Теперь, в смутное время, кочевники доходят до Урука, даже до Ура, даже до Страны моря. Изгнать их невозможно, покуда руки связаны борьбой с Донатом. Разве что вылавливать и отбрасывать назад самых дерзких... Или нанять. Многие сочли это неплохой идеей. Лугаль Нарам и ануннак Энки дежурили в ту долю. Нарам отдал северянам половину платы за их мечи, обещал вторую часть после падения Баб-Аллона, принял трех тысячников с их людьми в войско и... приучил дикарей, что здесь они могут

чувствовать себя как дома. Халаш был бы не прочь узнать после сражения о тяжелых потерях степной конницы. Об очень тяжелых потерях... Некоторые союзники беспокоят не меньше врагов.

Кстати, Нарам. Тоже родом из младшей семьи, бывшей в услужении у Храма. Оттого слишком умный: в храмах Царства любят умников. Все желает перемудрить Доната. Все с ануннаками спорит. Халаш не то чтобы знал, а нутром чуял: победа достигается не силой и не умом, не храбростью и не богатством, а... Ан знает чем. Чем-то таким, что способно связать и то, и другое, и третье, и четвертое воедино. Но как назвать такую способность? Что стоит выше всего и всем повелевает? Опять же, Ан знает... Перехитрить бабаллонцев невозможно. Иначе бы их перехитрили и растоптали шесть раз по тридцать шесть солнечных кругов назад или еще раньше. Нарам придумал попытать военного счастья новым способом. Посадил на колесницы лучников, прикрепил к ободам колес медные ножи и костяные шипы, а потом уверял всех, мол, нагонит страху на царскую рать. Во-он они, его колесницы, помчались... а сзади держится конный отряд. Лошади дороги. Ох, как дороги лошади, расход ужасный! От Ура и Эреду на полдень и до самых степных форпостов Царства на полночь не найти удобного места, где их можно разводить. Так что почти все они — привозные. И ужасно, ужасно дороги.

Что там, вдалеке, справа и слева, не видно было Халашу. Побили царских конников северяне или не побили? Нагнали страху колесницы Нарамы или не нагнали? Пыль, поднятая копытами лошадей, встала непроглядной завесой. Далеко. Не видно. Прямо перед насыпью, на которой стояло кресло Халаша, пехота ударились о пехоту. Над полем стоял всеобщий крик сражающихся воинов и лязг оружия. Царские пешие бойцы построились ровными рядами, выставив длинные копья. Когда падал один, на его место сейчас же становился копьеносец из второй шеренги. Нападающие не имели никакого правильного строя. Толпы борцов Баб-Ану, словно множество роев рассерженных пчел, бились о стену щитов, кое-где проламывали ее ненадолго, но сейчас же вновь откатывались назад. Если бы Донат мог выставить равное по силе войско, центр мятежников был бы уже

разбит. Но на равнине между каналами держало строй даже меньше бойцов, чем говорил Энлиль. Может быть, тридцать шесть раз по тридцать шесть ладоней. Может быть, сорок два раза. Или, как считали полночные города по-старому, будучи еще под властью царя, тысяч восемь... Плюс немногочисленная конница. По четыре борца Баб-Ану на каждого царского ратника. Халаш умел отлично считать. И счет говорил ему со всей определенностью: как бы умело ни сражались пехотинцы Доната, опора всей позиции, к вечеру их задавят числом, голой силой цифр, превосходящих другие цифры.

Если ты не цифра, ты прах...

С утра тени понемногу подбирают полы своей одежды, как люди, переходящие реку: все глубже, глубже, короче должны быть полы, иначе промокнут. Когда Ууту прямо стоит над землей и поливает своим жаром все живое, теней нет, полы подобраны к самому поясу. Но потом становится не так глубоко...

Едва пальцы, тростник и фигуры людей стали давать крошечные тени, к Халашу явился бегун от Нарам. Перевел дух, опустил на колени, коснулся лбом земли.

— Говори.

— Высокий лугаль! Мой господин беседует с тобой моими устами... — Бегун перенял даже медлительную, раздумчивую манеру Нарам: — Прямо за царской конницей большое болото, Халаш. Колесничих частью перестреляли из луков, частью же пропустили через строй, и они въехали в это болото. Конницы примерно поровну, никто не может одолеть. Дай хоть семьдесят две ладони бойцов, и я сломаю их. Я, Нарам, лугаль Эреду, сказал.

— Передай господину своему, лугалю Нараму, мои слова своими устами. — Халаш помедлил. — Бейтесь сами. Я, Халаш, высокий лугаль, сказал. Беги обратно...

Нет, он ничего не даст. Черная пехота, пехота ночной силы еще не вышла на поле. Что решит потасовка двух жалких горстей конницы? Пусть убивают друг друга. Им есть чем заняться на этой таблице.

Вскоре к шатру прибыл второй гонец, от полночных степняков. Их, дикарского, рода. Борода покра-

шена в лазурь. Соскочив с коня, едва наклонил голову и заговорил на певучем наречии кочевников:

— Бой не взят ударом. Бой возьмут мечи.

Ни слова не говоря, лугаль указал ему в ту сторону, где сражались прочие дикари. Мол, сообщил, и возвращаясь. Здесь выходило то же самое, что и у Нарама. Никто не опрокинул неприятеля. Теперь конники сошлись в неудобной и тесной сече. Там так узко, так худо для конного боя! С одной стороны — канал, с другой — кипение сражающейся пехоты. Не развернешься. Количество не сыграет роли. Тут либо одна из сторон переупрямит другую, а это вряд ли, и те, и другие не любят отступать... либо... все решит пехота, и остается ждать успеха в центре.

Пока все шло, как и ожидал Халаш. Перед строем царских ратников лежало множество убитых борцов, но командиры мятежников приводили все новые свежие отряды. Бой шел своим чередом, перемалывая людей.

...Явился бегун от Энкиду.

— Говори.

— Высокий лугаль! Мой господин беседует с тобой моими устами... — Гонец сделал паузу и вдруг рыкнул изменившимся голосом: — Я иду. Я, лугаль Урука, сказал.

— Возвращайся назад.

Должно быть, это очень страшно, подумал Халаш. Должно быть, это очень страшно, когда стоишь с копьем в шеренге, а спереди на тебя идет чудовище с дубиной, усеянной каменными и медными шипами. Ибо именно такое оружие любит чудовище по имени Энкиду. Отсюда не различить, как повел своих людей лугаль урукский. Но в других боях Халаш бывал поближе и видел все своими глазами. Урук славится силачами, воины там хороши и любят меч. Однако это всего-навсего люди. И не более того. Их ведет за собой Энкиду. Их и... Очень редко люди помнят высокие слова тьмы. Им нелегко среди сородичей, поскольку высокая тьма делает их нестерпимо дикими. Но силы в каждом из них — на трех человек, и звери идут за такими, как цыплята за курицей. Вокруг гиганта с дубинкой, ослепительно сияющего своим мелаammu, прямо перед остальными урукскими пешими бойцами, бегут степные львы и волки. И добравшись до царской пехоты, звери будут сбивать

ратников и рвать клыками. Не ради насыщения, а ради верности Энкиду...

Тени слегка удлинили полы своих одежд.

Очередной заряд из камнемета поднялся над бьющими-ся пешцами и ударил в самое человеческое месиво.

У подножия холма строй ратников Доната стал понемногу прогибаться. Показалось? Нет, отходят. Отходят, отходят! Вот уже вступили на склон холма, им там неудобно драться. Как видно, добилось своего чудовище Энкиду...

Медленно-медленно пешая рать Царства уступала поле боя мятежным городам.

Если Творец не пошлет чудо царю Донату, его дело погибло. В самом центре, там, где прогнулся пеший строй, Энкиду разрежет бабаллонскую рать надвое. И тогда — все, конец. Осталось подождать скорого и неотвратимого исхода.

Халаш прикинул: он бы сейчас рискнул последним резервом. Цари бабаллонские всегда поступали именно так. Уже случались мятежи, да и тьма-внешняя не раз бросала свои полчища к воротам столицы. Когда нечем больше остановить врага, очередной государь вынимает свой черный клинок...

Ну так что же, покажет ли Донат пехоту ночи? Пора бы. Еще чуть-чуть, и она станет бесполезной. Лугаль ниппурский так ждал этого момента. Так готовился к нему. Чтобы раз и навсегда. Чтобы прихлопнуть наверняка. Прихлопнуть и забыть. Сколько их там будет? Двадцать четыре раза по тридцать шесть ладоней пеших бойцов? У него наготове второе больше. Лучших людей, отборных. Давай, царь! Бей.

А!

И впрямь, на вершине холма показались воины. Последний резерв Царства выходил на поле. Все произошло так, как ожидалось. Что теперь? Теперь они ринутся вниз, сомнут урукцев Энкиду, продавят пешие отряды, вставшие за ними, и растеряют силу удара в этом бою. Вот тогда-то ими и займется резерв... Ну, давайте! Это так удобно: ударить сверху.

Пехота ночи не двигалась с места. Но перед нею происходило нечто странное. Продвижение Энкиду замедлилось.

Остановилось. Люди на вершине холма все еще не начали своего движения, а борцы, знаменитые урук-

ские силачи, побежали вниз, оставляя склон. Только теперь лугаль ниппурский понял: пехота ночи поливала атакующих стрелами. Четыре тысячи лучников, которые, по слухам, будут так же хороши в бою на мечах, а если надо, устроят копейный таран — что это такое, Халаш не знал. Никогда не видел. Сейчас они работали как лучники. Четыре тысячи стрелков...

Склон опустел. Теперь пехота ночи начала свое гибельное движение. Халаш увидел, как спускается по склону один черный квадрат... второй... третий... всего восемь. Восемь маленьких черных квадратов... Не ускоряя шага, будто и не нужна им сила удара, они добрались до подошвы холма и нырнули в кипящее море вражеской пехоты. Лугаль не мог разобраться, что происходит у него в центре. Никак не разглядеть...

— Сейчас разглядишь. — Энлиль стоял у него за креслом. — Ты еще не знаешь, лугаль, как это бывает, когда твоя судьба оказывается у тебя под носом? Сейчас она придет за тобой.

— Я готов, господь Энлиль.

— Ты слепой дурак, лугаль. Беги, пока ты еще можешь удрать отсюда. Мне удобно было вершить дела вместе с тобой. Мне незачем давать тебе дурной совет. Так вот, беги.

— Зачем тебе надо спасти меня, господь? Меня не нужно спасать. Но если бы и потребовалось, отчего ты так заботаешься обо мне? Ты, воплощенный холод!

— Затем, что ты ценный и умелый дурак. Я потратил на тебя столько времени! Другие дураки, поверь, намного хуже. Нарам и Энкиду тебе в подметки не годятся. Беги, Халаш, беги! Мы еще приставим тебя к делу, мы еще возвысим тебя. Быть может, ты вновь станешь лугалем.

— Мне не надо им становиться вновь. Я государь Ниппура и останусь им...

— ...примерно семьдесят два раза по тридцать шесть ударов сердца. Столько тебе еще быть лугалем Ниппура, упрямец!

— Помоги или отойди, господь.

Ануннак замолчал.

Халаш наконец понял, чья берет в центре. Черные квадраты разрезали пешие отряды борцов, как медный нож режет баранье мясо. Ни на миг царские бойцы не ос-

танавливались. За их спинами тянулись широкие коридоры, усыпанные трупами и телами умирающих. Следуя за ними, поредевший строй царских копейщиков шаг за шагом теснил растерявшихся мятежников по всему центру. Вопль страха набирал силу над пехотой борцов Баб-Ану...

Черные шли молча. Никаких кличей. Никаких гимнов. Этим не нужно ни кличей, ни гимнов.

Лугаль поднял левую руку. К нему подошел гуруш Нумеа, командир ниппурских пешцов. Туда, как и в отряд Энкиду, отбирали лучших, сильнейших, самых рослых. Им достались дорогие доспехи. Их обучили бою в сомкнутом строю, как дерется бабаллонская пехота. Каждый из них ехал на онагре, а не взбивал ногами дорожную пыль: силы этой рати сохраняли для решающего сражения. Халаш показал Нумеа цель атаки. Ниппурцы двинулись навстречу черным квадратам.

Лугаль должен был закончить дело сам. Да, отец его был торговцем, и дед тоже был торговцем. Но у всей их семьи текла в жилах слишком беспокойная кровь, чтобы навсегда согласиться с чьей-нибудь властью. Изворотливая покорность купца так и не стала мэ для рода Халаша. Отец незадолго до смерти сказал ему: «Все, что ты получишь после меня, — грязь. По-настоящему дорого стоят только две вещи: уметь повелевать другими людьми и никогда никому не подчиняться». Никто не встанет над лугалем Ниппура. За власть и силу свою пусть умрет гордый Баб-Аллон! Труп Царства будет лежать на этом поле...

Последний резерв мятежных городов поведет в бой он, лугаль священного Ниппура. Лучших конников, собранных в трех городах, от людей суммэрк, от эламитов и кочевников. Лучших из лучших. Их не меньше, чем бойцов во всех восьми черных квадратах. Они свежее, они рвутся в бой. И еще одно, главное. В отряд допустили только тех, кто крепко верит в пришествие Ана и его будущее воцарение. Эти будут биться за своего бога, а за богов люди бьются даже лучше, чем за собственную жизнь.

Черные квадраты разделили войско мятежных городов пополам. Ровно посередине. Они добились того, чего тщетно добивался звероподобный Энкиду. Не ускоряя и не замедляя темп движения, пехота ночи двинулась навстречу ниппурцам. Стена щитов и копий со

страшным грохотом столкнулась с другой стеной. Ровно миг держалось равенство сторон. Миг, не более. И миновало безвозвратно сразу после первого удара. Черная пехота прошла сквозь ниппурцев, никак не отличив этих воинов ото всех прочих. Будто не лучшие бойцы священной земли противостояли им, а пьяный сброд, будто не было истрачено столько серебра из городской казны на их доспехи!

Халаш хотел ударить сбоку, когда ниппурцы завяжут бой с черной пехотой. Ничего из этого не вышло. Конники едва успели тронуться с места, а ниппурского отряда уже не существовало. Дорогу им преградила бегущая, обезумевшая от ужаса толпа. Последний резерв лугалья вынужден был остановить движение и пропустить беглецов.

Черные квадраты, разбив ниппурцев, остановились. Халаш и его конники стояли против них, изготавившись к бою. Лугаль видел пехоту ночи впервые. Так близко, что не составляло труда разглядеть лица. И это были лица людей, совершенно спокойных и уверенных в исходе дела. На них не читалось ни страха, ни гнева, ни даже усталости. Халаш понял, что на таблице битвы с самого начала было начертано его поражение. Он не сумел бы победить эти восемь квадратов, хотя бы встал против них со всей армией мятежных городов...

Сколько там ему осталось ударов сердца?

Халаш мысленно простился со званием лугалья. Простился со своим прошлым, прошлым торговца. Простился с семьей. Его судьба очищалась от всего, что не нужно для последнего броска. Древняя ярость, страшная, неукротимая, ярость против всех, кто смеет возвышаться, полыхнула багровым пламенем. Энлиль! Ты никогда не поймешь меня. В тысячу раз лучше укусить и подохнуть, чем служить. Халаш хотел одного: дотянуться и ранить, убить, разорвать, как рвут людей львы Энкиду. Помоги, Ан!

Кто желает быть выше меня? Сильнее? Чище? Кто желает править мною? Кто желает посадить меня на цепь? Кто хочет, чтобы я отказался от ничтожной доли моей свободы? Умри!

Умрите вы все!

...Конную лавину на полдороги остановил дождь стрел. Воины падали, лошади переворачивались, топ-

тали копытами своих, опрокидывались вместе со всадниками... Через барьер человеческих и лошадиных тел прорывались редкие умельцы — лишь для того, чтобы умереть на несколько мгновений позже. Беспольное оружие рассыпалось по земле. Лучшим из лучших так и не удалось нанести удар.

Лугаль священного города Ниппура слетел с коня, грянулся оземь, круги поплыли перед глазами. Его войско гибло, а он сам валялся в пыли и ждал смерти. Ан! Отчего я даже не дотянулся до них? Не достал хотя бы одного? Ярость все еще кипела в Халаше, мешаясь с бессилием.

Сквозь гул сражения, сквозь крики гнева и боли прорывались иные звуки. Командиры черных отдавали короткие лающие команды, стрелы с ласковым шелестом искали податливую плоть...

Отчего я не ранил хотя бы одного из них?

Конники падали, падали, падали, а у черных лучников все никак не заканчивался запас стрел.

Да пусть же вместе с надеждой и свободой пропадет вся эта проклятая земля! Пусть не будет у нее хозяина!

— Иди ко мне, давай, иди, Энмеш...

Энлиль, все еще стоявший на насыпи, облокотившись о кресло командующего, поднял бровь. Халаш получил страшный удар в голову. Надо же было агонизирующей лошади так метко приложить его копытом...

Халаш прежде никогда не видел этого человека, но от лазутчиков и от Энлиля знал о нем немало. Низенький, чуть не в полтростника росточком и очень широкий в плечах. Молодой, а волосы его коротко обрезанные, черные, все испачканы седой солью. Бороду не носит. Почему? Обычно так делают, когда растет козлиная. Губы тонкие, вытянуты, будто прямая палочка. Кожа на лице темная, грубая, ветрами и зноем порченная, словно воловьша шкура. На левой щеке безобразная лиловая вмятина в добрую четверть мужской ладони размером: плоть не была рассечена или отрублена, ее как будто вдавили... Глаза маленькие, колющие, серые, такими глазами умный злой волк высматривает больную овцу... ту, что будет отставать от стада. Халаш видел волков не раз. Наглые бесстрашные твари, он побаи-

вался их зубов, как собака. Его бы воля, никогда не связывался бы с волками. Но пастуху иначе нельзя, пастух должен заглядывать в глаза волкам — иной раз с очень близкого расстояния... Этот, почти карлик, смотрел на Халаша с настороженной ленцой... настоящий волк. И движется так же: не поймешь, то ли быстро, то ли медленно, только что вроде бы стоял вон там, а теперь оказался вот здесь... Как успел? Большие ладони, длинные цепкие пальцы, привычные к любому оружию, да и без оружия, видно, хороши...

Беспощадный Топор, эбих центра, Рат Дуган.

Бывший лугаль ниппурский не боялся боли, не жаль ему было и крови своей. Он примет казнь свою, назначенную царем Донатом через оскотление, без криков о пощаде. Три раза по шесть и еще пять солнечных кругов назад к их кочевому роду пришло недоброе время. У отца, слабого человека, отобрали почти всех овец. Рыбаки, грубые и дерзкие люди, кто сладит с ними! Даже царские писцы и гуруши, бывает, сторонятся тех рыбаков, что промышляют в море... Отец привел их всех в Ниппур, отдал последних овец Храму и поклонился священнику. Целый шарех вся семья ничего не делала, ела хлеб, сколько хотела, пила молоко и сикеру вдоволь. Потом пришел храмовый писец, было утро, Ууту, еще слабый и вялый, едва бросал свет на небесную таблицу, даже вспоминать не хочется... Люди храма поставили отца пасти свиней. Свиней! Отец было попытался объяснить, что негоже ему, человеку не из последних, да еще торгового рода, иметь дело с нечистыми животными. Писец ему ввернул урукское присловье, мол, есть ослики, которые умеют быстро бегать, а есть другие ослики, которые умеют громко орать... Мол, будет тебе шуметь, ты теперь то же, что и мы, выходи на работу. Отец не мог противиться, его бы выгнали со всей семьей за стены, помирать от голода и дикого зверья. Так он увидел, что город быстро делает тебя младшим человеком, низким человеком. Сказал писцу: «Сейчас иду», а сам позвал Халаша и велел ему: «Погляди-ка!» Взял глиняный горшок, разбил его, осколком распорол себе тыльную сторону ладони и помазал кровью оба уха. «Халаш! Я теперь должен верить в их Творца, хоть я его не видел и не слышал ни разу, он ничего не подарил мне, ни разу не давал совета и ничем не пригрозил. Слабый дух, вот он что такое.

Но ты помни, кто мы. Помни, мы были вольными людьми. Каждый в нашем роду имеет сильных духов-защитников, и ты получишь таких же, когда тебе минует десятый солнечный круг. Они, Халаш, невидимы и очень легки, легче волоконца от лозы. Сидят у меня на плечах, один слева, другой справа, и разговаривают. Левый считает, что я ни на что не годен, но он шепчет в ухо самые ценные советы, он настоящий ловкач и видит воду вглубь, аж до самого дна. С ним легко обмануть любого простака. Правый с ним спорит, наш, говорит, тоже ничего. Если надо бежать быстрее обычных людей и драться за двоих, этот поможет. У них такой обычай, что дают все даром. Если удача подвернется, то еще и добавляют. Но если приходит недоброе время, тебя побили или обманули, то ты перед ними виновен. Надо платить кровью. Только своей. Сейчас меня согнули, и я плачу своим духам-защитникам, но совсем чуть-чуть, хорошо...»

Появились они в свой срок и у Халаша, точно отец говорил. Пять лет Халаш пробыл пастухом, потом выбился в купцы, как дед и прадед. Творцу ли он поклонялся, ануннаку ли, простые боги людей кочевья не покидали его плеч. В них привычно верил бывший ниппурский лугаль, а иным силам доверять не хотел. Всю битву Левый говорил: «Беги», а Правый обещал: «Хочешь, сделаю так, чтоб одним ударом валил бы человека?» Кого из двух слушать? Надоели, старые ворчуны. Теперь, однако, был перед обоими виновен Халаш, и расплатиться следовало сполна. Он проиграл бой, всю войну, собственную свободу и все свое имущество: не оставят его добро в покое царские писцы, когда доберутся до славного города Ниппура. Много проиграл — и вина велика. Хотел было отомстить, когда очнулся. Тащат его в сторону два царских пешца в кожаных шлемах, признали важную птицу по одежде — уже сумерки, лиц не видно. А только видно, что никакого мелаammu не осталось, не светятся ладони, даже слабой искорки не исходит от них. «Что ж я теперь, не лугаль?» — усомнился было Халаш. И позвал: «Энмешарра! Энмешарра!» Ничего. До простых людей, хотя бы и недавних правителей, не снизойдет страж матери богов. Не получилось — отомстить. Выходит, кончилась власть, и не уйти от кредиторов, а заем ох как велик. И то, что его теперь, по велению царя, оскоят, — отличная но-

вость. Он будет жить, и он не смирится, не простит. А духи получают великую жертву. Наверное, им достаточно. И каждый понимающий человек подтвердит: эти бестолковые баблонцы только помогают ему, делают полезное дело. Сам бы Халаш, пожалуй, отрубил бы себе кисть левой руки. Гораздо хуже. А это... жалко, конечно, но не так неудобно и... с чужой помощью.

На миг бывший лугаль усомнился: да неужели все так и вышло? Неужели мог он проиграть? Неужели кольца Ана не дошли до столичных ворот? Как же так! Непобедимая сила стояла у них за спиной. И не помогла... Вон лекарь перебирает свои железки, варит какое-то зелье. Нет, и вправду сделка рухнула, одни потери... Правда. Не во сне привиделось.

...А как страшно было смотреть со стен Ниппура еще до всего, в самом начале: в сумеречный час две темные фигуры, каждая по три тростника ростом, медленно приближались к городу. Колыхание их одежд по слабому ветерку завораживало взгляд. Люди сбежались с полей и из ближайших селений под защиту гарнизона. Гулко ударили створки ворот.

Глупцы! Защититься от этого стенами, воротами и мечами невозможно.

Первый великан — безлик и весь, с ног до головы, одет в черное. Ладони, шея и лицо обмотаны черными же тряпками. Кожи не видно ни на мизинец. Закрыты тряпками глаза, рот, ноздри, уши... При каждом шаге земля прогибалась под ним, не желая носить эту жуткую тяжесть. Стрелы отскакивали от него. Камень, пущенный из катапульты, ударил в живот, но великан ничуть не замедлил движения. Когда безликому оставалось до стен не более четверти полета стрелы, громоподобный шелест зазвучал в голове у Халаша: «Энмешарра... Энмешарра... Энмешарра...» Кто-то из стоящих рядом, застонав, стиснул виски ладонями, кто-то полетел вниз, на землю.

Вторая — женщина, если можно так назвать существо, у которого три пары грудей. Волосы собраны под пестрым платком, увитым пунцовыми лентами. До пояса она была обнажена, ноги и лоно скрывала юбка, состоящая из живых, извивающихся змей. В правой руке великанша держала нож. Кожа ее — черней копоти, сама она толста и широкоплеча, тяжелый висячий жир собран в складки на спине и на бедрах.

Энмешарра остановился прямо напротив стены. Будь чудовище еще чуть повыше, оно увидело бы за нею новенький дом почтенного кожевника Шана, владельца двух изрядных мастерских, главы одной из старших семей Ниппура... Энмешарра пренебрег воротами. Он даже не поднял рук. Просто все услышали тяжелый вздох — точно так же, как раньше слышали имя великана: вздох прозвучал в головах. Сейчас же рухнул участок стены, освободив пришельцам дорогу внутрь города. Энмешарра перешагнул через тела солдат, попадавших в пролом и израненных осколками кирпича. Еще вздох, и Шанов дом лег руинами. Потом еще один, еще, еще, еще...

Его спутница прошла через брешь, осыпаемая стрелами и дротиками. На ее теле не появилось ни одной царапины. Вместо шелеста в головах — пронзительный скрип: «Нинхурсаг... Нинхурсаг... Нинхурсаг...»

В тот же миг Левый шепнул Халашу: «Не бойся. Это может оказаться полезным. Только не оскорбляй пришельцев». А Правый пообещал: «Если придется покричать, твой голос будет втрое громче обычного. Помни это». Станные мысли зароились в голове у простого ниппурского пастуха: «А не пора ли переменить мз? Не упустить бы случай».

Добрая половина солдат разбежалась, побросав оружие. Прочие стекались к лугалю ниппурскому, поставленному за год до того царем Донатом. Лугаль велел немедленно привести к пролому городского первосвященника, хоть бы тот и упирался.

Два чудовища стояли посреди развалин, от них исходил тяжкий смрад, как от разлагающейся падали, но ошутимее смрада был холод. Все, кто оказался в ту пору недалеко, поживались от странного морозца, разносимого ветром от великанов. Энмешарра повел рукой. Руины, а также все, что было прежде создано с любовью и тщанием из доброго кирпича и подходящей глины, все, что накоплено было в домах: зерна, одежд, серебра и другого добра, — все, что ныне лежало в хаотическом беспорядке у страшного пролома близ Речных ворот славного города Ниппура, немедленно обратилось в воду. Волна хлестнула по горожанам и солдатам.

Кое-кого сбило с ног, некоторые закричали от ужаса.

Но больше было таких, кто боялся двинуть рукой или

ногой, боялся и слово вымолвить перед лицом кошмара, пришедшего в дом. Эти стояли по щиколотку в воде, не шевелясь.

В головах зазвучал голос безликого, и голос этот был таков, как будто камень ожил ненадолго и раздает повеления; не больше живого было в нем, чем в крепостной стене:

— Лугаль! Лугаль ниппурский! Слушай меня.

У молодого черноусого правителя, стоявшего во главе горсти солдат, достало мужества не ответить.

— Лугаль! Я собираюсь разрушить твой город, засыпать колодцы, обрушить каналы, убить людей и животных. Слышишь ли ты меня?

— Слышу, урод.

Халаш был совсем недалеко, он видел руки лугалья, закрытые ото всех прочих солдатскими спинами. Пытаясь унять страх, правитель сжал их мертвым замком, так, что кожа побелела.

— Лугаль! Я очистил место. Вели всех собрать здесь. Если пожелаешь, я сохраню им жизнь. Но царь править ими не будет, и ты уйдешь отсюда. Лугаль! Почему ты медлишь? Если не скажешь им собраться, мэ города Ниппура оборвется через шестьдесят вздохов. Я сказал.

Бегуны, один за другим, отправлялись в разные кварталы. Правитель не стал перечить.

Солдаты, толпа ниппурцев и оба чудовища стояли в молчании. Не было привычного гуда, какой всегда летает над большим скоплением людей. Потоки воды растекались по утопанной земле городских улиц. Понемногу из всех концов города стали прибывать группки ниппурцев. Толпа множилась, и вот Энмешарра сказал:

— Достаточно. Пусть старый город слушает меня. Я пришел, чтобы распорядиться вашими жизнями.

Пауза. Ласковый шепот воды.

— Я дам вам закон и государя. Или убью вас всех.

Лугаль:

— У нас есть и закон, и государь!

— Были, лугаль.

— Есть, урод!

— Мне ни к чему спорить с мертвецом, хотя бы он стоял во весь рост и подавал голос.

В толпе — испуганные шепотки: «Где же первосвященник? Где? Где? Ползком ползет?» Лишь на следующий день оставшиеся ниппурцы узнают: в тот же миг, когда древняя стена городская пала перед Энмешаррой, бит убари суммэрким восстал. Бит убари — кварталы чужеземцев — издавна были в Ниппуре, задолго до того, как отец Халаша привел в город свою семью. Самый большой из них принадлежал людям суммэрк, черноголовым. Сколько их жило там? Сто? Да, может быть, сто, в крайнем случае двести. Капля — для старого города Ниппура. Но наступило время перелома, и эта малость сыграла свою роль... Прежде бегунов лугалья черноголовые отыскивали первосвященника ниппурского и резали его со всеми слугами, а потом перебили иных священников со слугами и семьями. Так что некому было откликнуться на зов лугалья, некому было бороться с силой, против которой не помогают ни камень, ни металл, ни живая плоть.

И все-таки лугаль не желал уйти. Мэ не отпускала его. Энмешарра:

— Слушай, город Ниппур! Грядет ваш господь! Примите его и слушайтесь во всем.

Великанша занесла руку с ножом и ударила сама себя в живот. Ни один сикль страдания не взошел на ее лицо. Глаза Нинхурсаг оставались так же холодны, как голос Энмешарры. Между тем нож медленно двигался книзу, из расселины в плоти хлестала кровь, змеи подняли головы и принялись слизывать ее с черной кожи... Вниз, вниз, вниз, почти до самого лона. Правой рукой Нинхурсаг потряхнула с живота шипящих гадов, как будто отмахнулась от назойливых мух; потом запустила пальцы в собственное чрево и вытащила тельце младенца. Обыкновенного смуглого... мальчишку (что именно мальчишка, выяснится потом). Так же бесстрастно обрезала пуповину. Положила чадом на мокрую глинистую землю и воздела обе руки вверх: в одной пуповина, в другой окровавленный нож. Уста ее разомкнулись — единственный раз за все время пребывания в Ниппуре — и проскрежетали всего одно слово:

— Примите!

Чрево Нинхурсаг стремительно затягивалось, а кровь на нем из алой превратилась в розовую, потом в белую и, наконец, стала невидимой, совсем исчезла.

Тут толпа не выдержала. Многие завывали во весь голос, особенно те женщины, которые отважились выйти к чудовищам вместе со своими мужьями. Двое или трое забились в судорогах, не помня себя. Добрая половина бросилась врассыпную. Но тут Энмешарра поднял руку и словно бы начертил в воздухе двойной клин. Те, кто уже почти скрылся на кривых расходящихся улочках, попадали замертво. Шелест в головах:

— На место.

Направляемые ужасом, ниппурцы послушались и вернулись обратно. Энмешарра продолжил:

— Вот ваш бог.

Лугаль выкрикнул:

— Наш Бог — Творец!

— Теперь поклонитесь этому богу. Имя нового господина для Ниппура — Энлиль из рода ануннаков, слуг Ану величайшего и лучезарного.

— Это, — не отступался лугаль, — враг и порождение врага. Я не поклонюсь ему, и другим не следует.

— Храбрый мертвец.

Младенец нечеловечески быстро рос. Люди дали бы мальчишке годик или даже два. Энмешарра повелел:

— Слушай меня, город Ниппур. Ваш князь слаб, а я силен. Я покараю тех, кто не желает повиноваться. Вот ваш бог...

— Нет!

— ...Вот ваш бог. Нового князя выберете сами, как он вам скажет. Царь вам не нужен, оставьте Царство. Будете сами по себе. Вся воля ваша, ничего не станете платить. А если Царство не отпустит вас, низвергните его. Сила непобедимая будет на вашей стороне. Смотрите, что может треть моего глаза, если освободить ее на время одного вздоха!

Энмешарра осторожно отогнул уголок тряпки, закрывавшей ему глаза. Отогнул совсем немного. Халаш стоял так, что не мог доподлинно разглядеть: какая именно часть глаза чудовища получила право взглянуть на мир, но по всему видно — никак не больше обещанной трети. Тут же в море ниппурских домов образовалась узкая просека. Будто некое огромное невидимое существо взяло нож и вырезало узкую полосу города, как вырезают кусок мяса из сви-

ной ноги. От стены и до стены ниппурской образовался коридор шириной в шесть шагов или около того. Иные дворы и дома оказались разрезанными прямо посередине, мелкая домашняя утварь выпадала оттуда наземь.

Левый шепнул Халашу: «Смотри! Вот настоящий господин. Не будь простаком». Правый подхватывал: «Подчинись сильному. Может быть, он даст тебе что-нибудь».

Толпа ахнула. Бежать на сей раз побоялись. Громовой шелест сводил ниппурцев с ума:

— Те, кто не хочет повиноваться, пусть встанут рядом с вашим мятежным князем. Те, кто будет верен Энлилю и всей силе нашей, пускай встанут напротив.

Толпа задвигалась. Лугаль выкрикнул:

— Творец и государь с нами! Встанем крепко! Стыдно бояться! Идите ко мне.

Но тех, кто встал напротив, оказалось намного больше. Некоторые старшие семьи остались верны ему и Донату, чиновники, ремесленники, работавшие на дворец, да и то не все. Из прочих перебороли страх немногие. На другой стороне собрались почти все младшие семьи, торговцы, рыбаки, многие из бедных земледельцев и пастухов. Те, кто боялся, и те, кто хотел большего. Халаш был среди них.

Мальчишка тем временем все подрастал, не открывая глаз и не подавая никаких признаков жизни. Тело, лежавшее у ног Нинхурсаг, могло бы принадлежать пятилетнему ребенку.

Старый город Ниппур разделился. Как страшно! Никогда прежде не случалось стоять ниппурцам против ниппурцев. Разве это не страшнее двух великанов и чудовищного ребенка? Многие бы сказали — страшнее... Халаш не был родным для города. Он пришел извне, и аромат давней свободы был растворен в его крови. Дед его был богат и крепок. Отец ослабел, но не дал роду погибнуть. Их сын и внук ждал момента, когда свобода и богатство вернутся к семье.

Шелест:

— Что стоите, ниппурцы? Неужели воля наша непонятна? Неужели не хотите показать вашу верность?

Но так прочен был порядок в старом городе Ниппуре и так привыкли все его жители к непоколебимости этого порядка, что ни страх смерти, ни жажда возвыше-

ния не сдвинули толпу с места. Ниппур не хотел идти против Ниппура. Семья не хотела идти против родичей, а квартал против добрых соседей. Тогда Халаш — первым, — а за ним тамкар Кадан, рыбак Флорт по прозвищу Крикун да еще один черноголовый из бит убару суммэрким — кто знает, как его зовут? — выскочили вперед и заорали:

— Бей!

Сейчас же великий вой встал у разбитой стены старого города Ниппура. Две толпы — одна подобная грозовой туче, а другая ночному небу — столкнулись. Только что город стоял на порядке и на любви. Но кое-что всегда было рядом, пряталось в тени и ждало своего часа. Кое-что, чему нет имени и в то же время — много имен. Одного слова оказалось достаточно, чтобы выдавить это из сердец. У каждого — свое. У Халаша — жаркая горечь песка из бесплодной пустыни, где смерть ласково улыбалась его деду и отцу, обещая утешить, раскрывая объятия легко... так легко, так легко! И обманчиво слабый город живо сделал сильных людей кирпичом в своих стенах. Они не смеют! У Флорта — журчание свободы, дарованной грубой и опасной работой морского человека и оборванной трижды руками городских гурушей. Как он бился, не желая признать их власть! Как расшвыривал их, как дрался. Каждый раз стража пригибала его плечи к земле. «Воля не твоя, рыбак! Калечить людей тебе не позволено». Они не смеют! У Кадана — ноющий холодок ветра — за сто ударов сердца до урагана и за девяносто девять до спасительного горного ущелья. Кто опытнее Кадана в Ниппуре? Кто искуснее его? Он проходил путь от низшего в гильдии купцов до высшего всякий раз, когда бабаллонец с проклятыми табличками выносил приговор: «Отобрать все. Этот опять взял себе из имущества Храма». Они не смеют! Воля всего твердого и милосердного в городе столкнулась с волей черного огня, неверного, недоброго, зыбкого, но упрямством своим — прочнее горного камня... Бывает, бывает огонь прочнее камня, будь он проклят!

Люди ударили в людей. Грудь в грудь. Пальцы сжимают чужие запястья, рвут чужие мышцы, тянутся к чужому горлу. Где там нагнуться, чтобы взять камень с земли! Если был с собой нож, бронза его не раз войдет в плоть врага, если не было, что ж, зубы попробуют человеческой плоти. Две толпы калечат друг друга, ослепнув от ярости, не хуже

пса и волка, которым сама их внутренняя суть не велит примиряться.

Многие из тех, кто встал против лугалья, нерешительно топтались за спинами нападавших. Они наблюдали за смертоубийством, не зная, куда себя деть. Как случилось такое? Можно ли мирно жить на одной улице с людьми, которые на твоих глазах всего за один удар сердца превратились в зверей? Они смотрели на свалку и хотели одного: чтобы происходящее не случилось. Никогда. Ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем. А в двух десятках шагов перед ними один ниппурец ломал кости другому...

Халаша сдавливали со всех сторон, хватали за руки, били, сбивали с ног. Невесть как он поднимался. И старый, еще дедов, короткий нож у него был. Убирая заостренной бронзой врагов со своей дороги, Халаш рвался к лугалю. Так, будто неведомая сила откуда-то извне вертела им в толпе, безошибочно направляя туда, где бился черноусый князь, подталкивая, не давая попасть под чужой удар, помогая убивать без промашки.

Верных государю ниппурцев было по одному на восемь мятежников. Горсть солдат и гурушей во главе с лугалем была их единственной надеждой уцелеть. Но и у них тоже было свое — о чем не говорят никогда, но и не забывают даже на день. Они здесь были господами и опорой города. Они видели то, что стоит в тени. Они всегда, из года в год, желали ударить и раздавить. Но закон останавливал их. Теперь, одной рукой приняв ладонь смерти, они освободились. А освободившись, били столько, сколько пожелают, того, кто попался первым, и так, как прежде им не было позволено. Каждому из них от всего сердца хотелось влить расплавленный металл в бесплодное влагище бунта.

С обеих сторон — не было пощады.

— К пролomu! — направил лугаль своих. Это был единственный путь для спасительного отступления. Солдаты падали вокруг правителя один за другим.

Безумие. Мятеж не отпустил бы никого, всех бы положил на месте. Те, кто бился с мятежом, взяли бы с собой, за порог оборванной мэ, сколько можно бунтовщиков. Чем больше, тем лучше! Любой ценой. Только что обе стороны отлично ладили в одном городе. Теперь

мало кто думал о собственной жизни. Уцелеть? Спасти? Убить — нужнее...

— Бей!

Какая-то женщина, потеряв рассудок, билась в судорогах у самого края побоища и рвала на себе волосы. Ее глотка то и дело исторгала визг:

— Бей! Бей!

И все-таки понемногу толпа верных отходила к бреши. Солдаты, те, кто не убежал раньше, стояли крепко. За каждого из них толпа-ночь платила полновесным клоком своей тьмы. Наконец бой пошел на кучах глины и кирпича, между нависающих справа и слева челюстей городской стены. Верные, а их осталось, быть может, двести или триста человек, вырвались из бойни. Лугаль последним уходил из города, отданного под его руку царем. Лицо его и ладони были покрыты ранами, шлем сбит с головы, хриплое дыхание рвало горло. Он уходил последним и вдруг остановился, когда все его солдаты уже вышли наружу. Халаш и Флорт, один с ножом, а другой с дубинкой, встали против него. Смертельно уставший князь собрал всю силу, всю сноровку, оставшуюся у него в руках, и вонзил клинок рыбаку между ребер. Халаш ударил его ножом в плечо. Лугаль уже не смог достать свое оружие из мертвого тела. Отшатнулся. Прислонился спиной к стене.

— Слава Творцу... я остался.

Халаш впоследствии не раз думал об этих словах черноусого, но постичь их смысл не сумел. Остался? Дурак...

Он подошел вплотную и распорол лугалю горло. Схватил мертвеца за волосы, не дал сразу упасть. Кровь лилась черным потоком на одежду Халаша, на кирпич и на землю. Он не выдержал и закричал прямо в мертвые глаза, отдавая гнев — свой, отца и всех тех, кто жил с ними рядом в Ниппуре, с мечтами о настоящей воле, и кто никогда не решался даже заговорить о ней. Во всей жизни Халаша не было ничего приятнее жертвенной княжеской крови, щедро украсившей его грудь и пальцы.

Уставшие, покрытые грязью и кровью, победители встали у пролома, наблюдая за Халашем. У них не было сил преследовать беглецов и не было решимости повернуться лицом к новому закону. Наконец Халаш раз-

жал пальцы, и тело лугалья распласталось на битом кирпиче. Кончено. Что теперь?

Шелест Энмешарры:

— Посмотрите на вашего бога. Поклонитесь ему.

Наконец все они повернулись. В грязи стоял на одном колене обнаженный мужчина. Не старше тридцати солнечных кругов. Рослый, крепкий, красивый. Короткие прямые волосы невиданного в земле Царства цвета бледного золота. Глаза... не поймешь, какая радужка: серая? голубая? зеленоватая? фиолетовая? алая? — оттенок все время меняется. Да и разглядеть трудно — поздние сумерки. Кожа белая, гладкая и чистая, словно у мальчика, притом мышцы, как у опытного солдата. И... то, чем так тщеславятся мужчины... едва ли не побеждает здравый рассудок своими размерами. Но в общем, ничего необычного. Ничего божественного.

Шелест:

— Я сказал, поклонитесь ему. Город Ниппур! Каждый должен коснуться лбом земли, по которой ступает Энлиль.

Ниппурцы — все, как один — покорились. И те, кто дрался только что, и те, кто стоял в стороне. Грязь на лбу объединила их прочнее кровного родства.

Это был великий и страшный миг в истории города. Его судьба словно бы разделилась на две части: до поклона и после него. Тем, что произошло до, можно было гордиться, а можно — досадовать, что не вышло умнее и краше. Что же касается после... тут уж либо держаться хозяев до конца, либо с первого удара сердца новой эпохи крепко учиться просить прощения.

Энмешарра указательным пальцем правой руки прикоснулся к плечу Энлиля.

— Я выпускаю тебя!

Новый бог Ниппура встал с колена, выпрямился. Весь он с ног до головы был заляпан кровью собственного рождения.

И тут оба духа-хранителя Халаша шумнули, мол, давай! Пришло твое время! Ради этого ты, недотепа, и прикончил лугалья. Может, Халаш измазал себя кровью высокого совсем и не по той причине. Может, он даже и не помышлял о продолжении. Может, и само действие принесло ему... что-то вроде освобождения... Но только не привык

пастух и торговец, сын пастуха и торговца, пренебрегать столь очевидным советом своих кочевых богов. Что сделать? О, Халаш очень быстро понял, что ему делать. Он выступил из общей толпы и принялся сдирать с трупа сотника Анкарта одежду из тонкой шерсти. Тысячеглазая тварь Ниппур взглядом своим почти прокалывала ему спину, как костяная игла прокалывает непослушную кожу... зыбкий шорох прошел по толпе. Суетливые люди в такие времена гибнут первыми... Это да. Зато и добиваются большего.

Халаш скоро справился со своей работой. Пал на колени перед Энлилем. Слова, способные возвысить, сами пришли ему на язык. Род его был таков: мужчины, так близко и бытово знавшие хождение по пятам за смертью, умели вовремя протянуть руку за прибылью, крикнуть громче, сказать нужное.

— О Господь! Твоя нагота совершенна. Мои глаза недостойны видеть твое тело. Одежда, которую я принес, чтобы даровать твоему величию, лишь первый и самый скромный из всех даров, которые принесет тебе город Ниппур. Прими! Не держи на нас гнева за то, что ничего лучшего не можем дать тебе сейчас.

Энлиль не побрезговал. Неторопливо оделся. Потом, когда мятеж стоял во всей земле Царства подобно львиному рыку, он признается Халашу: мол, жребий в день выборов нового лугалья для славного города Ниппура вряд ли мог выпасть иначе... уж больно приятно было поощрить негордого и понятливого человека. Толпе одетых горожан и впрямь не стоит видеть своего бога обнаженным. Право, совсем не стоит! Еще подумают нечаянно, что это нищенствующий бог.

К тому времени тьма опустилась на город. Фигуры людей, громада стен и неровные линии улиц расплывались в неверном свете факелов. Кто-то стоя ждал своей участи. Кто-то опустил на землю в изнеможении. Бесконечный несчастливый день еще не иссяк с заходом солнца. Наконец Энлиль заговорил. Луна станет полной и вновь похудеет почти что до невидимости, потом вновь разбухнет и поплывет над городом, подобно бугристой серебряной лепешке, и тогда Халаш будет знать, как легко говорить его богу шестью разными голосами. Как легко ему подобрать голос, подходящий для новых обстоятельств. Скажем, голос,

похожий на кожу, снятую с теплой ночи, ласковый и возвышенный; ради одного слова, сказанного так, ниппурские женщины готовы были резать собственную кожу и вскрывать жилы. Или голос... странный, двоящийся, насмешливый и высокий, какими бывают звуки у мастера тростниковой флейты... если признать, что голос может уподобиться человеку, то этот голос прячет за спиной серебряную пластину и то и дело легонько ударяет в нее маленьким молоточком. Но в тот вечер под ушербным сверкающим хлебцем, на политой кровью земле у разбитой стены зазвучал голос повелений... И вроде бы он был не столь уж громким, но от первых же звуков боль стискивала беспощадным обручем головы ниппурцев, из ушей начинала капать кровь, из мышц уходила сила. Сам воздух, кажется, дрожал, и дрожь передавалась телам людей. Не колокольчики, а барабаны раскатывались в словах господина из рода ануннаков, слуг Лучезарного. Тысячи приглушенных барабанов, хозяева которых били так скоро, что скорее бить для человека невозможно.

— Я, Энлиль, беру старый город Ниппур со всеми душами в живущих телах. Слушай, город! Я владею тобой, воле моей нет препятствий. Ты моя вещь. Если скажу умереть — умрешь. Если велю сражаться — будешь сражаться. Если прикажу отдать все, чем владеешь ты сам, — отдашь.

Никто не смел перечить ему. Черные, слегка подсвеченные туши Нинхурсаг и Энмешарры скалами загораживали его спину. Голос защищал грудь не хуже бронзы. Страх и пролитая кровь держали ниппурцев крепче собачьего ошейника.

— Я, Энлиль, ставлю свою ногу на твою грудь, Ниппур. Желает ли кто-нибудь из тех, что населяют тебя, шевельнуться под моей стопой, показать свою силу?

Никто не пожелал.

— Я, Энлиль, вижу твою покорность. Я поселюсь в твоём храме, Ниппур. Не будешь ты, город, молиться Творцу. Не будешь поклоняться Творцу. Будешь сгибать колени передо мной. Дашь мне одежд, пищи, женщин и всего, чего я пожелаю. Изберу себе слуг, сколько нужно. Назову правителя. Дам тебе, старый город, новую мз. Не желаешь ли возысить голос против меня?

Халаш оглянулся. Все-таки на это могли решиться далеко не все. Но тогда никто не пошевелился в

толпе. Лишь наутро стало известно о том, что еще две сотни ниппурцев ушли за городскую стену. Некоторые признались родне: поклоняться такому невозможно, страшно, преступно. Уж лучше оставить очаг за спиной, уйти из тела города и стать никем.

— Я, Энлиль, милостив к покорным. Сила моя безгранична. Но послушных рабов своих я пожалую. Ответь мне, Ниппур, куда уходят души тех, кто владеет твоей землей?

Куда... Творец их забирает, судит и дарит им мэ в мире своем, далеко отсюда. Суд его строг, но он любит свое творение и, наверное, не будет чересчур жесток, определяя посмертный жребий души. Так, во всяком случае, говорил первосвященник. Каждый ниппурец впитывал это предначертание чуть ли не с молоком матери. Впрочем, кто знает пути Творца... Говорят, он добр. Говорят, он не жалуется злых дел и сам не творит их. Но никто в точности не скажет, как именно Он понимает добро и зло. Остается верить в его любовь и мудрость, как верит маленький ребенок, почти младенец, в любовь и мудрость своей матери. Вот чему поклонялись до сих пор в старом городе Ниппуре.

Что ответить новому богу? Веру ниппурскую и всей благословенной земли Царства, подаренной Творцом, этот и сам, видно, знает... Кто должен ему отвечать? Был бы здесь первосвященник, ответил бы, как полагается. Был бы лугаль, тоже, наверное, сказал бы, что надо. Толпа молчит, толпа родеет.

И все-таки вышла вперед одна женщина, Мамма из квартала кожевников, полукровка, пришедшая от семьи суммэрк. Мать четверых детей, полная, грузная, с черными прямыми волосами, поблескивавшими в факельном свете. Муж ее, мастер Нарт, любитель сикеры, каких поискать, все хвастался в питейном доме, сколь ласковы ее руки... Частенько жители квартала склоняли перед ней голову: кажется, само дыхание Маммы исполнено было щедрой женской силы, которой нетрудно и приятно подчиняться. Таких людей немного в Ниппуре... горожане говорят, что следы их сандалий прорастают цветами. Мамма тихо ответствовала Энлилю:

— Куда души уходят, Творец знает. Оба вы сильные. Но его я люблю, а тебя боюсь. Ты страх, и больше ничего.

— Ниппур! Ты знаешь, как ответить.

Ну, город городом, а Халаш знал ответ. Он подошел к черноволосой сзади. Мамма начала было поворачиваться на шум шагов, и в тот же миг смертоносная бронза глубоко вошла ей в бок. Халаш так и хотел: не убивать сразу. Пусть-ка поймет всеми кишками, что ее власть здесь тоже кончилась. Пусть посмотрит в самые очи свободе. Однако Мамма как будто предвидела свою судьбу. Как будто загодя готовилась к смерти. Для чего было заглядывать в глаза собственной гибели? Что можно увидеть в глазах смерти, кроме смерти? Что светится темным огнем в глазах душегуба, кроме убийства? О нет. Мамма успела еще обвести взглядом черные силуэты крыш. Этот город был с нею нежен. Эта земля ластилась к ее ступням.

— Здесь было так весело...

Халаш сделал в тяжелом женском теле еще четыре дыры. Кровь Маммы пала на его одежду, впиталась в нее и смешалась с кровью молодого лугаля. Такова была последняя любовь жены кожевника Нарта.

Иногда случается так, что смерть сближает очень разных людей, при жизни едва знавших друг друга. Глубинные сути их вольно смешиваются, уже не нуждаясь в телах... Князь ниппурский и Мамма, быть может, не перемолвились и десятком слов. Но было в них, надо полагать, нечто нерасторжимое.

Энлиль:

— Я прощаю твой бунт, Ниппур. Ты сам исправил свою вину.

Никто из горожан не посмел поднять глаза.

— Я, Энлиль, желаю дать тебе, Ниппур, драгоценный совет. Знаю я, что бог твой прежний, которого вы именовали Творцом, всего лишь ловкий маг. У него в крови нет ничего божественного, он рожден матерью. Слава его велика, но он всего-навсего человек и подвластен смерти. Я — бог истинный и силой своей могу творить великие чудеса. Спрашивал я, куда отправляются души ваших умерших. Ты не знаешь, раб мой город. Ты ждешь какого-то суда, Ниппур. Так я покажу тебе и всем, чьи дома объаты твоей стеной, куда именно уходят души, когда мэ прерывается...

...Спустя две луны после первой встречи Халаша и Энлиля новый лугаль ниппурский как-то спросил у ануннака: отчего тот обращался с речью не к ниппурцам, а к городу? Тот ответил своему любимцу: мол, что за глупость — несолидно для бога в день первого знакомства устанавливать столь фамильярные отношения со своими рабами. «М-м-м», — прокомментировал ответ Энлиля главнейший его раб...

— Я, Энлиль, поднимаю завесу тайного! — И действительно, голосистый мужчина в обносках Анкарта сделал рукой движение, словно убрал какую-то невидимую преграду перед толпой.

А! Была ночь. Обыкновенная ночь месяца уллулта. Тьма. Невыносимая духота сушила глотки. Но на город опустилась иная мгла, как будто тень истинной ночи, ночи ночей. И подернутая маревом серая водянистая плоть этой тени показалась ниппурцам чернее и гуще и предполночной тьмы.

— Я, Энлиль, владелец города Ниппура, дарю тебе, мое имущество, слово. Это слово уцурту. Так зови, Ниппур и все, кто тебя населяет, чертеж мэ от рождения и до смерти, а также и после смерти. Чертеж, ибо все предопределено богами с начала и до самого конца. Уцурту людей — служить и терпеть. Большого никому из них не позволено. Вот что такое посмертная мэ.

На колеблющемся полотне великой тени показались размытые пятна, силуэты... фигуры? Изображение становилось все отчетливее.

Большая тростниковая лодка. Столь большая, что никто в старом Ниппуре не сумел бы построить такую же. Высокий худой человек в одежде, сделанной из тонкой льняной ткани и украшенной золотыми пластинами. На голове его шлем из желтого металла, за поясом тяжелый топор. Он вяло пошевеливает рулевым веслом. Тем не менее лодка быстро идет поперек течения великой реки — берегов ее не видно. Судно битком набито обнаженными людьми, мужчины и женщины перемешаны, и все они стоят в странном оцепенении, не в силах двинуть рукой или переставить ногу. Плоть нежная и плоть грубая поставлены рядом. Кожа тоньше чистой воды и кожа тверже старой циновки трутся друг о друга. Лица искажены страхом, досадой, гневом, печалью. Нет улыбающихся лиц...

Понятно, сообразил тогда Халаш. Если бы они могли сражаться, такая куча живо осилила бы одного перевозчика, хотя бы и голыми руками против топора. Видно, этот — тоже какой-нибудь бог. Держит их невидимой силой.

Среди прочих стояли в лодке и Анкарт, и его солдаты, и первосвященник, и Флорт, и многие другие ниппурцы, павшие сегодня у бреши в городской стене. Тела их еще не прибраны, а души... вот они, души. Черноусый лугаль — здесь же, у самого борта. И Мамма рядом с ним, бок о бок.

— Ниппур! Имя того, кто перевезет души твоих насельников из жизни в смерть — Уршанаби. Единственный речной перевозчик, который не берет никого в обратную сторону, ибо смерть — это Кур-ну-ги — Земля, откуда нет возврата.

Корабль смерти скоро измерил пространство, отделяющее царство живых от царства мертвых. Нос его дрогнул на мелководье. Ладья остановилась, и тут вся толпа, вглядывавшаяся в уцурту посмертья, ахнула: побережье Кур-ну-ги на десять локтей выложено было хлебными лепешками, покрытыми густым слоем плесени. Выходит, и вправду смерть безнадежна, раз хлеб не полагается ушедшим душам... Хлеб! Хлеб напрасно гибнет, и никому нет до этого дела...

Уршанаби выгрузил души, как бревна, таская их на плече, и оттолкнулся веслом. Лодка пошла обратно. Души сейчас же обрели признаки жизни. Кто-то метнулся было в реку, но перевозчика было не догнать. Кто-то заплакал. Кто-то лег и попытался заснуть, видно, жизнь наполнила его душу усталостью. Но в смерти не бывает снов, и глаза мертвецов не закрывались...

Все, собравшиеся на берегу, были зрелыми людьми. Наверное, в посмертьи они вновь обретали тела времен собственного расцвета — вместо стариковских. А те, кто ушел из жизни в детском возрасте, становились за порогом такими, какими должны были стать на другом берегу через десять, пятнадцать или двадцать солнечных кругов после того, как мэ их прервалась.

Душам не позволили разбрестись. Скоро их окружила стая огромных рыкающих львов. А с неба... или нет, сверху откуда-то, нет неба в смерти, нет солнца и луны, а есть только высокий сумеречный потолок, — так вот, оттуда, с потолка, явилась стая крылатых баранов с копытами.

Тыкая остриями в человеческие тела, бараны погнали людей к высокой стене из серого камня. Львы следовали по сторонам, никому не давая отделиться от общей толпы и сбежать. И души, подчиняясь копейным уколам, почти бежали. Потому что боль в смерти есть.

Все они, дойдя до стены, двинулись вдоль земляного вала. Ни единой травинки не росло на скользкой глинистой почве. Сырой туман висел так низко, что за ним едва-едва угадывались каменные зубцы и башни. Бараны и львы остановили человеческое стадо у ворот. Створки... странные створки из того же серого камня, как будто закрой ворота, и стена сомкнется, не оставив ни трещинки на месте ворот... так вот, створки были распахнуты наружу. Над воротной аркой грубо вытесан знак «оттаэ» — восемь. Выходит, для жителей земли Царства здесь приспособлены особые ворота. Может быть, людей эламитов принимают под шестеркой, а горцев, старший народ, — удостоили единицей... Впрочем, какая разница для мертвеца, где стоять и куда идти, ведь отсюда нет возврата.

Сразу за воротами открылся широкий двор, мощный диким горным камнем, столь драгоценным во всей земле Царства — от моря до самого канала Агадирт и полночного вала. Посреди двора стояли восемь кресел из черного металла. Такого не знал никто из ниппурцев. На возвышении — трон, искусно вырезанный из кости, а что за кость, думать не хочется... За троном, шагах в десяти — двухэтажный дом. Преужасный! — поскольку собран он весь из того же черного металла, поседевшего (видно, от старости) рыжими пятнами. Прямо на стене его грубо намалеван чем-то алым все тот же знак «оттаэ», что и на воротах. За ним — бесконечная равнина, даль ее укрыта густым серым туманом.

Из железного дома вышла женщина в одеянии, которое любят у суммэрк: четыре короткие юбки, сшитые из полос кожи неравной ширины и надетые одна поверх другой. Выше пояса она была обнажена, и с телом ее происходило странное: контуры груди, плеч, рук слегка расплывались, и сколько мужчины из толпы мертвецов ни пытались разглядеть подробности, ничего не получалось; но каждый из них почему-то подумал, что при жизни не видел никого прекраснее. Смотрели на лицо. С ним тоже... творилось

непонятное. Никто не умел остановить взгляд на подбородке, на носу или на лбу. Не получалось. Огромные глаза, узкие, как у полных кочевников. Выкаченные белки и темные пятна чудовищно больших зрачков с радужками... Слишком больших для человека. Так вот, глаза приковывали к себе все внимание, нисколько не оставляя его для прочего. Глаза... невообразимо хороши, так хороши, что даже ужасны. Чего больше в них — красоты или угрозы?

Женщина хлопнула в ладоши. Села в одно из восьми кресел и принялась раскладывать на коленях рабочий прибор писца. Есть такой обычай в земле Царства: женщинам позволено исполнять работу писцов. Так, значит, и в тех местах, где судят души умерших, этот обычай соблюдается...

Из железного дома вышли двое мужчин, похожих на Энлиля, как две капли воды. Они заняли еще два кресла. Один из них поставил перед креслом маленькую деревянную скамеечку для ног, но скамеечка оказалась слишком узкой, и левая ступня в сандалии то и дело соскальзывала вниз. Мужчина сделал неумовимо быстрое движение рукой. Сейчас же вместо двух ног на скамеечку лег толстый рыбий хвост, отросший прямо из торса.

Затем появились четыре раба с носилками, на которых возлежала худая изможденная старуха — кожа клочьями свисает с черепа. На голове у нее серебряная диадема: толстый обруч грубой работы, один высокий треугольный зуб спереди, над лбом, а из этого зуба торчат четыре пары изогнутых кверху рогов. Диадема украшена сердоликом, лазуритом и сверкающими камнями, имя которых Ниппуру неизвестно. Рабы сажают старуху на трон.

...Однажды Энлиль ответит на очередной вопрос любопытствующего Халаша, почему, мол, остались пусты прочие кресла: «О! Чего ради мы не сделали лугалем Кадана? Наверняка он был бы сообразительнее тебя. Все так просто! Милейший пастух... э-э... лугаль! Нас там нет, потому что мы здесь»... А почему восьмерка? Что в ней за тайный смысл? «А потому, дражайший повелитель овец... э-э... ниппурцев, что ворота для вашей дохлятины — как раз между седьмыми и девятыми. Им-то и пристало быть восьмыми».

Рабы выносят восемь скипетров, каждый по три локтя длиной. Скипетр из кедра и скипетр из кипа-

риса, скипетр из клена и скипетр из самшита, скипетр из серебра и скипетр из золота, скипетр из бледного золота, в котором часть долей истинно золотые, часть же — из чистого серебра, и скипетр из черного металла. Рабы становятся по бокам трона, у одного из них старуха молниеносным движением выхватывает черный скипетр; ее длинные бледные пальцы цепко держат тяжелый цилиндр, испещренный рисунками и письменами. Царица подземного мира открывает рот, шевелятся ее лиловые губы, приходят в движение объедки беззубых десен, но голос... голос тонок и приятен, как у маленькой девочки:

— Возлюбленная дочь моя, Гештинанна, великий писец Земли, откуда нет возврата, искуснейшая в своем ремесле, прекраснейшая из дев Царства мертвых, чей взгляд обещает сладкую смерть, чья рука выводит уцурту душ, перевезенных сюда кораблем Уршанаби, тебя вопрошаю: сколько прерванных мэ явилось сюда, из каких мест пришли они к последнему причалу и какого они рода?

Большеглазая красотка:

— О блистательная мать моя, Эрешкигаль, дающая истинную силу, хозяйка Двора судилища, правительница Земли, откуда нет возврата, царица нижних чертогов, подательница искусства в темных обрядах и советчица женщин, страждущих тайного знания, неистовых плясок и власти, растущей из земли, тебе отвечаю: их тридцать шесть раз по тридцать шесть; прерванные мэ пришли к последнему причалу из земли Царства; некоторые из Баб-Аллона и Сиппара, Лагаша и Уммы, Барсиппы и Эреду, Эшнунны и Урука, Ура и Мари, но более всего из Ниппура. Семьдесят два и три из них — из рода людей суммэрк, честных и покорных рабов твоих; шесть и два из них — из рода полуночных кочевников, не знающих истинных богов; два — из рода хозяев гор, старших людей, ведающих чистые обряды; прочие же — простые подданные Царства, обманутые Творцом.

Эрешкигаль, для которой, как видно, вся эта церемония была делом обыкновенным, обратилась к «энлилиям»:

— Вернейшие мои слуги, судьи-ануннаки, род преданный Лучезарному и помощникам его, скоро повинующийся и служащий давно, род украшенный заслуга-

ми, вас вопрошаю: есть ли среди пришедших к последнему причалу те, кто достоин лучшей доли?

Судьи встали. Рабы с бичами принялись нахлестывать человечесьё стадо, строя его в шесть рядов. Ауннаки быстрым шагом обходили мертвецов, начав — один с заднего ряда, другой — с переднего. Они то ли всматривались в глаза, то ли принохивались, то ли отыскивали одним лишь им известные приметы. Тот, мимо кого проходил ауннак, валялся лицом вниз и застывал. Кое-кого, очень редко, может быть, одного из сотни или полусотни мертвецов они поддерживали руками, не давая упасть. Такие стояли, подобно пальмам на поле битвы, окруженные неподвижными телами. Наконец обход завершился. Один из судей поклонился старухе и заговорил:

— О могучая и пресветлая владычица наша, Эрешкигаль, дающая истинную силу, хозяйка Двора судилища, правительница Земли, откуда нет возврата, царица нижних чертогов, подательница искусства в темных обрядах и советчица женщин, страждущих тайного знания, неистовых плясок и власти, растущей из земли, тебе отвечаем: никто из нечестивцев, обманутых Творцом, лучшей доли не достоин; шесть раз по шесть и пять людей суммэрк лучшей доли недостойны; один кочевник лучшей доли не достоин; про старший народ знаешь сама; пять раз по шесть и три людей суммэрк имеют добрых наследников — вослед их ушедшим душам принесены жертвы; один человек суммэрк и один кочевник могут быть записаны в рабы, потому что пригодны к службе Лучезарному.

Эрешкигаль нахмурилась. Ответ не порадовал ее. Халаш задумался: не желает ли старая стерва больше рабов? И какие такие заслуги нужны человеку, чтоб его заметили в Земле, откуда нет возврата, и возвысили званием раба на службе у Лучезарного? А! А! Вот, выходит, какие! Тот единственный человек суммэрк, которому дарована была эта милость, показался знакомым Халашу. Конечно. Именно он крикнул: «Бей!» — когда мятеж ниппурский едва тлел. Крикнул вместе с Халашем, Каданом и Флортом. Убитый лугалем Флорт тоже должен быть где-то там, в толпе, но ему одного крика не хватило для возвышения. Не жалуют, выходит, царевых подданных на том берегу... Больше, выходит, надо стараться.

Старуха отверзла уста:

— Вы, нечестивые, и вы, люди суммэрк, нерадивые рабы, хотя и чтите истинных богов, но верность ваша зыбка, обращаю к вам свой гнев! Души ваши достойны нижних чертогов. Ступайте туда. Хлеб ваш будет горек и тверд. Вода ваша будет солона и загрязнена нечистотами. Воздух, которым будете дышать там, наполнен зловонием. Свет больше не достигнет ваших глаз. Это мое владение, и под стопой моею будете быть. К вам нет ни милости, ни пощады. Век ваш отныне наполнен муками и никогда не прервется. Стража!

Эрешкигаль сделала паузу. Львы, бараны и рабы с бичами подняли укусами и ударами ранее неподвижные тела, сбили их в кучу и погнали к дому.

— Вы, люди суммэрк, чьи наследники и родня желают доброго ушедшим душам. Уцурту вашей посмертной мэ некрасив. Будете утруждены и покоритесь всякой нижайшей твари Царства моего. Но в пище и воде ущерба не потерпите. Ваш путь — в верхние чертоги, к владыке Нергалу... и передайте этому разгильдяю, что больше я за него дежурства отсиживать тут не собираюсь!

Легкий бег тростинки в руках Гештинанны остановился. Судьи застыли в своих креслах, отвернув лица от диадемоносной монархини. Впрочем, та быстро осознала промашку. «Чего не бывает со старыми... э-э... богами» — так по прошествии многих дней Энлиль прокомментирует Халашу этот маленький конфуз.

— Стража!

Увели верхнечертожников.

Перед троном теперь стояли четверо. Царица мертвых:

— Вы, старший народ, к вам обращаю я речь... — Она утомленно вздохнула и продолжила гораздо более буднично: — Как обычно. Поработаете тут у меня, пока новые тела не будут готовы... Может, шареха три.

Двое недовольно переглянулись.

— Но, пресветлая владычица...

— Цыц! Много стали на себя брать.

Два «хозяина гор» удалились безо всякой стражи.

— Теперь вы, не обойденные милостию! Служили вы Творцу, ясно, как служили, иначе уцурту вышел бы вам другой. Желаете ли ходить под моей рукой?

— Желаем! Желаем!

— Гештинанна, забирай.

И напоследок скороговоркой:

— Слуги мои и рабы! Во имя Лучезарного, во имя Ана могучего, во имя силы его, суд мой справедлив. Возлагаю последнюю печать на уцурту осужденных.

...Серый занавес исчез над Ниппуром. И показалась ниппурцам ночь светлой.

— Я, Энлиль, твой владыка, старый Ниппур, дарю тебе свет истины. Нет никакого суда над душами тех, кто населяет тебя, помимо суда пресветлой царицы Кур-ну-ги, госпожи Эрешкигаль. Воистину обмануты вы и унижены, ибо души всех ниппурцев получают в Земле, откуда нет возврата, худший уцурту: им суждено жить в нижних чертогах, во мраке, голоде и мучениях. Отныне я научу тебя, Ниппур, как провожать души твоих людей в Царство мертвых и как доставлять им добрую пищу, питье и прочее. Как славить истинных богов, какой заключать с ними договор, каким способом приходить к ним на службу и как добиваться их помощи. До сих пор ходил ты во тьме, теперь познаешь свет.

И закончил:

— Ты можешь убирать тела мертвецов, а потом отдыхать, мой город. Завтра, после захода Син, все жители твои соберутся на площади у храма. Я избираю себе слуг.

...И все-таки не поверил Энлилю Халаш. А духи его шептали ему в уши, мол, какая разница? Следует приблизиться к силе, сила возвысит. А уж что она тебе говорит — не столь важно. Какой торговец не хвалит свой товар, но много ль правды в такой похвале? Первосвященник говорил одно, Энлиль показал другое, а халашева простая вера, какую дарит кочевникам неласковое сердце степей и пустынь, предполагала, что все обстоит куда проще. Умер человек, и умер, какая в нем душа? Было его тело живым, а стало падалью. Если голоден род, мертвеца можно бы съесть. Если нет, следует бросить его зверям и птицам. Падаль — их законная пища. Что мудрить! Забирайся выше, пока жив...

Лукавый Энлиль, открывая исток мятежа, скажет ему: «О лугаль, потрясающий копьем, способный закопать все колодцы страны и накормить глотку ее пылью... Разумеется, ты видишь в том маленьком торжестве,

которое я устроил в первый вечер моего владычества в Ниппуре, один обман. Представление, которым, бывает, забавляют народ музыканты, певцы, плясуны... только половчее. Не отвечай, я и так знаю. Милейший! Так вышло, что именно твоя вера мне нужна меньше всего. Ты мой... ты наш от макушки до пят безо всякой веры. Тебе и не нужно знать, сколько было правды в моей живой картинке. Просто делай, что велю, когда велю и как велю. С тебя достаточно».

А потом пояснил суть дела. Ан желает утвердить власть свою в Царстве. Желает появиться там во всем великолепии на царском троне. Но не может, потому что его сдерживает древнее проклятие, наложенное магом Творцом. Как преодолеть его? Нужен особенный обряд. «Баб-Аллон» — значит «ворота бога». И главные ворота столицы называются точно так же. Когда через них в город одновременно войдут шесть людей, несущих каждый в левой ладони кольцо с печатью Ана, а в правой чашу с кровью того, кто сопротивлялся Ану так или иначе и творил препоны победе его слуг, дело будет почти сделано. Им останется обернуться, вылить кровь на кирпич ворот и наречь их «Баб-Ану», ворота Ана... Именно люди? Да, именно люди, только люди, и никто кроме них. Нам, ануннакам, например, бесполезно туда соваться. Видишь, все очень просто. Правда, там видимо-невидимо стражи, и еще того хуже — вместе со стражей стоят слуги столичного первосвященника, а они довольно прозорливы для людей... Так что хитростью не выйдет. Да, уже пробовали. Но вместе с Ниппуром будут и другие города. Урук, Лагаш... прочие, может быть. Туда Энмешарра приведет иных ануннаков, а те посадят лугалей, каких надо.

— Принимаешь? — спросил он Халаша, протягивая перстень.

— Да.

На серебре красовалось изображение тринадцатилучевой звезды...

Халаш понял Энлиля по-своему. Кольца, да. Очень хорошо. Нужен обряд. Понятно. Еще того нужнее сильное войско борцов под знаменем Баб-Ану. Очень сильное войско. А когда Баб-Аллон падет, там уж хоть с кольцами ходи, хоть на золоте сиди... Пусть это называется обряд с

перстнями. Да пусть хоть как называется... Надо начать большое выгодное дело.

...И вот теперь все это позади. Дело, начавшееся так славно, окончилось крахом. Мэ, раз переломившись, утратила твердость, и ветер жизни потащил ее без чина и порядка, не обещая укоренить где-нибудь. Халаш лежал на траве лицом кверху и приглядывался к злому умному волку Рату Дугану. Да и волк изучал его. Занималось блеклое утро, нежная худышка Син держала оборону на самом кончике небесной таблицы — совершенно так же, как и вчера, когда великое воинство борцов Баб-Ану стояло во всей славе и силе на равнине между каналами, ожидая приказа к первому натиску. Ушла всего одна доля, и вместе с ней иссякла сила, кончилась слава, одноглазые свершили суд над слепыми... Руки! Проклятые руки связаны за спиной. Как они посмели!

Ненавижу. Почему они ломают нам хребет, а не мы — им? Чем достойнее они? Почему их ноги попирают наши спины, почему не мы повелеваем ими? Почему моя воля порушена? Ненавижу.

— Я ненавижу вас всех. От царя до последнего солдата. — Бывший лугаль ниппурский произнес это по-бабаллонски, громко, отчетливо, чтобы услышали и поняли все присутствовавшие. Двое копейщиков, приставленных держать его, заухмылялись. Лекарь, занятый своим делом, не обратил внимания. Лицо эбиха осталось бесстрастным.

— Слышишь меня, Рат Дуган! Я запомнил твое лицо. Ты знаешь, я останусь жив, и ты должен отпустить меня после того, как изуродуешь. Так велел тебе твой царь, а ты все исполнишь. Так знай, за всех и за себя я отомщу тебе одному. Мне не жаль моей жизни. Найду тебя и вырву твои поганые волчьи глаза. Слышишь, ты! Жди меня. Я никогда не отступлюсь.

Эбих вымолвил с безразличием в голосе:

— Я знаю.

Глаза его спокойны. Пса наказывают, пес визжит...

Тогда Халаш проклял его и весь его род до третьего колена самыми крепкими и ужасными проклятиями, какие только знал. Эбих как будто не слышал его.

— Пей! Будет не так больно... — Лекарь поднес к губам Халаша глиняную плошку с бурой жижицей. Четыре глотка живой горечи. Потом опустил на колени,

натор его мужскую гордость и кожу вокруг нее какой-то дрянью, так что все там занемело, словно умерло.

— Эбих! Позволь вопрос.

Рат Дуган медленно кивнул. Валяй, мол.

— Почему мы никак не могли поразить черную пехоту? Ни издали, ни в ближнем бою. О лучезарный Ану! Я не понимаю. Да хоть руку мою заberi, эбих, вместе с этим, но объясни, в чем тут дело...

Усмешка чуть искривила губы полководца. Его спрашивали об очевидном.

— Вор, ты ведь из купцов? По ухваткам вижу. В тамкары не вышел, но торговый человек.

— Ты прав, палач.

— Твоя мэ — лодки и караваны, меры и гири, серебро и зерно. Отчего ты решился надеть на себя диадему правителя и взять в руку меч воина? Ведь ты купец. Ты захотел переменить мэ, потому что не сумел высоко подняться, придерживаясь собственной. Будь ты усерднее в своем деле и в своей судьбе, не захотел бы бунтовать. Ведь тогда ты стоял бы выше. Хотя бы тамкаром стал. Но ты пожелал взять много, быстро и без труда...

— Ты не хозяин, я не раб твой. Оставь поучения, эбих! Просто объясни.

— Я объясняю. Нет никакого секрета. У черных пешцов мэ воина начинается с рождения. Они смертны, их можно ранить, победить, уничтожить. Но до сих пор никто не мог ни победить, ни уничтожить их, потому что они очень усердны. Весь их день от восхода до заката отдан мэ воина. Сравни себя... всех вас, не сумевших как следует научиться своему делу и взявшихся за чужое. Кто вы перед ними? Трава и дерево... Ты готов?

— Ненавижу... Говорю тебе без гнева. Ненавижу тебя, их всех, вашего царя и... ты понял меня. За вашу высоту и надменность, за ваше усердие.

— Теперь это не важно. Ты готов. Это должно быть почти не больно.

И все-таки Халаш не выдержал и закричал.

В его крике утонул шепот полководца: «А может быть, им помогли...»

Василий Мидянин

ЯСТРЕБ И СКОРПИОН

1

Судя по всему, в обледенелом мире безымянной планеты существовало некое подобие утра. Чернильный мрак неожиданно стал тонким, как папиросная бумага. В глубоких каменных пещерах дрогнули и колыхнулись стылые озера жидкого кислорода. На фоне разгорающегося зарева из-за неподвижных, причудливо изуродованных метеоритами зубцов дальней горной гряды внезапной вспышкой показался краешек чужого ослепительно голубого солнца. Искаженный туманом и обманчивой перспективой, на мгновение он померк, пересекая по диагонали одну из ледниковых вершин, скользнул вверх по ущелью и вспыхнул вновь несколькими градусами правее. Повернув голову, Лафарж сумел различить, как со склонов гор в глубину долины потянулись огромные и невесомые облака потревоженного инея. Перевалы окрасились в бирюзовый цвет. Многокилометровые, неправдоподобно четкие тени скалистых пиков отвесно упали на растрескавшееся от ежесуточного чудовищного перепада температур низинное плато, покрытое густым слоем дымящегося кристаллического снега. Темнота неторопливо отступала с плоскогорья, подолгу задерживаясь возле громоздких валунов, расколотых жестоким морозом, цепляясь за острые карнизы и оставляя черные лужицы под осыпающимися базальтовыми уступами.

Прошла целая вечность абсолютного холода, прежде чем голубой диск с неровным нимбом протуберанцев

целиком поднялся над горизонтом. Подтаявшие массы рыхлого снега обрушивались в предгорья титаническими лавинами. Шершавые, слоистые, сизые от тонкой известняковой пыли ледяные шапки, уродливые грибы, выросшие на валунах за короткую местную ночь, заструились тягучими ручьями жидкого хлора, который быстро испарялся и плотными ядовитыми клубами расползался по поверхности скал. Оставляя за собой смазанный зеленоватый след, анилиновая звезда начала очередное патрулирование в небе одинокого космического острова, миллиарды лет бесцельно дрейфующего посреди Великой Пустоты.

Окружающее пространство внезапно потемнело — зафиксировав критический уровень освещенности, опасный для сетчатки глаз виртуального пилота, контроллеры автоматически понизили яркость экранов внешнего обзора. Лафарж моргнул от неожиданности и перевел взгляд на мерцающее серебром табло хронометра, парившее перед ним на расстоянии вытянутой руки рядом с горизонтальной строкой программного меню. Наступление очередного рассвета означало, что прошло не меньше двух часов бортового времени с того момента, как они с Семеновым проникли внутрь защитного периметра Базы. По предварительным расчетам на всю операцию им отводилось три четверти часа плюс-минус десять минут, включая акцию прикрытия и отход. Запас времени был минимальным и не оставлял возможности для маневра, но охотники рассчитывали воспользоваться эффектом неожиданности и беспрепятственно исчезнуть задолго до объявления общей тревоги. Однако нелепая гибель Волка в самом начале миссии отправила детально разработанный план к чертям. В результате вместо того чтобы, посеяв панику среди террористов, отступать к подпространственному коридору, Лафарж был вынужден ужом ползти над плоскогорьем, укрываясь от боевых кораблей, которые обезумевшие от ярости вражеские пилоты все-таки сумели поднять с разгромленных стартовых площадок.

Оставшаяся справа глубокая вулканическая выемка была доверху наполнена чернотой. По ее краю параллельным курсом двигался неразличимый среди скользящих теней злополучный пассажирский лайнер. Огромный корабль с трудом маневрировал среди исполинских известковых

колонн и проросших из почвы пятидесятиметровых ледяных игл, однако Лафарж надеялся на мастерство и самообладание его пилота. Противник временно потерял их из виду, и теперь необходимо было перевести дух и без спешки решить, как действовать дальше.

Анализируя сложившуюся обстановку, звездный охотник с тоской убеждался, что шансов на благополучный исход у него мало. Федеральная эскадра должна была появиться лишь через несколько часов бортового времени. Драться в одиночку Лафарж не хотел, поскольку не был самоубийцей, однако дожидаться подкрепления он тоже не мог — четыре черные точки, выстроившись полукругом в нижнем углу дополнительного виртуального окна, настроенного на поиск цели, все ближе подбирались к его убежищу. Четыре дискообразных боевых «ската» висели над дневной стороной безымянной планеты, нащупывая беглецов зеленоватыми расширяющимися лепестками сканирующих лазеров.

У низкого перекошенного горизонта, головокружительно обрывавшегося в бесконечность космического пространства, вспыхнуло и растеклось гигантской полусферой мутное сиреневое свечение — судя по всему, террористам удалось восстановить силовой купол своей полуразрушенной базы. Впрочем, теперь это уже не имело абсолютно никакого значения. Снизившись до предельно допустимой высоты, Лафарж подобрался к скалам на такое расстояние, что мог протянуть руку и потрогать пористые плоскости иссеченных свирепым климатом базальтовых плит. Разумеется, это была иллюзия, вызванная работой системы виртуального пилотирования, поскольку между охотником и поверхностью обледенелых камней находились подсобные помещения, оружейные отсеки и наружные броневые панели обшивки «кондора», а также несколько десятков метров водородной атмосферы. Эффект присутствия создавала сеть виртуальных камер и телеметрических приборов, установленных в разных точках корпуса звездолета, которые транслировали трехмерное изображение на шлем Лафаржа, оборудованный специальными очками-экранами. На эти экраны, кроме того, выводился внутренний коммуникационный канал, а также дополнительная информация, обработанная компьютером.

Все следящие устройства располагались на обшивке таким образом, чтобы звездный охотник воспринимал контуры боевого корабля как очертания собственного тела. Это позволяло ему мгновенно ориентироваться в пространстве и уверенно маневрировать. Значительно облегчал управление кораблем комплекс обратной связи: для того чтобы совершить какой-либо маневр или пустить в ход оружие, Лафаржу нужно было лишь вообразить требуемое действие. Встроенные в шлем нейронные датчики фиксировали изменение интенсивности биотоков мозга пилота, определенным образом реагирующего на конкретную ситуацию, и передавали соответствующую команду бортовому компьютеру. Применение комплекса обратной связи было весьма эффективным — в сражении космических кораблей, когда счет времени чаще всего велся на десятые доли секунды, мысленный приказ порой выполнялся системой управления раньше, чем боец сам успевал осознать его. Единственным ограничением скорости прохождения команды была скорость человеческой мысли.

Движущиеся плоскости сканирующих лучей безумными светящимися бабочками металась по причудливым скальным наростам, по зигзагообразным кавернам, затянутым водородным льдом, по трещинам, выемкам и впадинам каменистой пустыни, бессильные выловить в хаотичном переплетении линий и пунктиров на радарх два крошечных пятнышка, скрывающихся в сумраке дальнего каньона. Одна из бабочек взмахнула прозрачными крыльями прямо перед лицом виртуального пилота, и тот криво усмехнулся. Если бы Семенов не полез на рожон, все было бы иначе. Два боевых «кондора» могли оказать вполне достойное сопротивление четырем маломощным рейдерам. Однако обгорелые останки напарника покоились сейчас в долине неподалеку от базы террористов, а доблестный Ястреб Лафарж позорно прятался от горстки озверевших космических крыс, ибо соотношение сил сложилось не в его пользу.

Лафарж знал Семенова больше десяти лет, но за все это время они провели только две совместные операции — Волк предпочитал работать в одиночку. Они не были друзьями, их знакомство ограничивалось случайными встречами в «Пьяной лошади». Получив вознаграждение за

очередную выполненную миссию, Семенов сутками просиживал один за угловым столиком и мрачно пропивал свой заработок, время от времени выставляя щедрое угощение подвернувшимся под руку коллегам. Порой под руку попался Лафарж, но и тогда разговора между ними не получалось — Волк предпочитал отмалчиваться, фиксируя взгляд на чем угодно, но только не на собеседнике. Иногда Ястребу казалось, что у Семенова стремительно развивается кататония — отгородившись от окружающего забором пустых бутылок, он мог просидеть несколько часов подряд не меняя позы, не произнося ни слова, отстраненно созерцая колышущуюся в бокале ярко-голубую, словно свет чужого солнца, маслянистую жидкость. Впрочем, периодические приступы апатии, равно как и непрекращающиеся запой, не мешали ему с блеском выполнять новые задания спецслужб, транспланетных корпораций и частных клиентов.

Хроническая угрюмость, страсть к уединению и склонность к неоправданному риску стали причиной того, что завсегдатаи Охотничьего клуба окрестили его Волком. Именно так обычно и зарабатывались боевые прозвища — не на космических трассах и не на полях сражений, а за бокалом подогретого наркопива. Над стойкой клубного бара витал расплывчатый, но устойчивый слух о том, что в начале карьеры Семенову пришлось убить на Поединке своего близкого друга, после чего он стал похож на потерявший ориентацию «тираннозавр». Неимоверное количество выпитого не оставляло следов на его лице, его реакция оставалась молниеносной, но странная пустота, сочившаяся из его глаз во время раздумий над бокалом, с каждым годом становилась все чернее и глубже. Инстинктивно Ястреб недолго любил этого нелюдимого пилота, однако Семенов принадлежал к Охотничьему Братству, и Лафаржу теперь было больно думать о том, что еще один из его братьев не сумел дожить до возраста Иисуса Христа...

Пронзительный писк радара вернул виртуального бойца к действительности. В правой части дополнительного радарного окна возникла еще одна черная точка. Секундой спустя Лафарж разглядел у себя над головой магниевую вспышку света, отраженного обшивкой пассажирского лайнера. Сдали нервы у первого пилота, либо перед его ко-

раблем неожиданно появилось какое-то препятствие — так или иначе, лайнер на мгновение показался над сплошной линией каменистых пиков, и изогнутые вращающиеся плоскости сканирующих лучей пересеклись на его корпусе.

Игра в прятки закончилась внезапно, но Лафарж был готов к этому. Мысленным прикосновением к крайнему правому квадратику парящего в пространстве менеджера программ он перевел все системы корабля в боевое положение. Массивный «кондор» вынырнул из дымящейся котловины, словно чудовищная, трепещущая в клубах хлорного пара бронированная оса, окутанная золотистым ореолом плазменного залпа. Сброшенные охотником вспомогательные псевдокрылья с дополнительными излучателями, несколько мгновений скользившие с двух сторон от его звездолета, должны были дезориентировать противника — при удачном стечении обстоятельств на радарх это выглядело как звено атакующих легких истребителей. Увлеченные лайнером террористы слишком поздно зафиксировали новую цель и, не сумев оперативно перестроиться в боевой порядок, бросились врассыпную, спасаясь от мчащейся прямо на них эскадрильи, извергающей лавину ослепительного огня. Один из «скатов», занимавших позицию в центре строя, камнем упал вниз, к поверхности планеты, второй резко ушел вверх. Метнувшись в образовавшуюся щель, Лафарж догнал третьего террориста и, прежде чем тот успел опомниться, оказался в его «мертвой зоне». С этого расстояния противники не могли атаковать друг друга, поскольку плазменная вспышка при поражении цели уничтожила бы самого атакующего. Выключив таким образом из игры трех лишних участников, чтобы не сражаться сразу на несколько фронтов, звездный охотник за доли секунды расправился с четвертым, огневая мощь которого значительно уступала мощи «кондора». Поглотив торопливые плазменные плевки обреченного рейдера, шквал вращающегося пламени разорвал его корпус и расплескался в пространстве, лизнув обшивку корабля Лафаржа — удар был нанесен с очень близкого расстояния, почти из «мертвой зоны».

Сделавшие свое дело вспомогательные псевдокрылья, потеряв скорость, начали падать, захваченные силой притяжения безымянной планеты. В следующее мгно-

вание террористы опомнились и сомкнули строй, однако теперь их было только трое, и это давало охотнику некоторые шансы на победу. Чудом избежав столкновения с остатками уничтоженного корабля, Лафарж нырнул вниз, к скалам. Пространство за его спиной качнулось от сокрушительного залпа, который поспешил дать из всех орудий третий «скат».

Рассыпавшиеся веером рейдеры сели «кондору» на хвост. Оглянувшись, охотник отчетливо разглядел ослепительные молнии, вспыхивавшие в излучателях преследователей — один впереди, двое других сзади. «Маленькая дистанция. — Лафарж оценивающе прищурился. — Секунд через двадцать они прихлопнут меня, как муху...»

Навстречу стремительно неслась пустынная долина. Из гигантских трещин в почве били фиолетовые газовые гейзеры, густой желтый пар тек по оплывшим ледниковым склонам. Огромная тень горного хребта, похожая на сгорбленного, ошестинившегося зверя, извиваясь, ползла к плоскогорью. Усилившийся ветер выгнал из ущелий туман и швырнул им в приближающиеся корабли.

Расстояние между Лафаржем и преследователями быстро сокращалось. Пока виртуальному пилоту удавалось успешно сдерживать огневую активность противника, разбрасывая во все стороны ложные цели для фотонных ракет и магнитные ловушки для плазменных струй, однако на минимальном расстоянии эти трюки могли не сработать. Ответный огонь охотника также не причинял террористам особого вреда — они лишь слегка отклонялись от курса, минуя быстро остывающие облака горячей плазмы, выбрасываемые излучателями «кондора». Имея дело с тяжелыми истребителями, аналогичными по классу его собственному, Лафарж мог бы, уповая на свое мастерство пилотирования, попробовать несколько сложных маневров в ущельях и среди горных вершин — даже если бы противники и не разбились о камни, пытаясь следовать рискованной трассе охотника, им пришлось бы уходить от столкновений и терять драгоценные секунды. Однако маленькие подвижные рейдеры не испытывали никаких затруднений, совершая фигуры высшего пилотажа невысоко над скалами. Лафаржу срочно требовалась новая тактика, поскольку беспорядочное бегство себя явно не оправдывало.

Впереди снова сгустилась чернота, горизонт приблизился, горы ушли вниз, и в глубине долины открылся глубокий известняковый каньон, стилизованной молнией рассекший мерзлый грунт плоскогорья. На дне каньона все еще царила ночь — сюда, на полуторакилометровую глубину, пока не проникли лучи безумного светила, которое уже уничтожило весь снег в долине и теперь плавило высокогорные ледники. Осыпающиеся стены гигантской трещины густо покрывала тонкая серебристая паутина выступивших на поверхность цинковых жил. С этим каньоном можно было сыграть старую, как мир, но довольно эффектную шутку.

Усилием мысли Лафарж направил свой боевой корабль в трещину, одновременно сбросив скорость до минимума. Трюк был рискованным — ширина каньона едва ли превышала ширину «кондора» в десять раз. Теперь любое препятствие, оказавшееся на пути, могло стать для охотника надгробной плитой.

Лафарж взмок от напряжения, с огромным трудом миная крутые повороты и изгибы гигантского коридора. Два «ската», нырнувшие вслед за ним в каньон, выглядели стремительными юркими пираньями, атакующими барракуду. Третий продолжал преследование поверху, пытаясь ураганным огнем прижать «кондор» к грунту. Они уже почти захлопнули створки капкана, когда охотник увидел наконец распластавшиеся по одной из стен ущелья многометровые матово-серебристые щупальца цинковой жилы, проступавшие из-под толстого слоя хлорного инея. Несколько тысячелетий с тех пор, как геологический разлом обнажил это месторождение, нагреваемый местным солнцем металл расширялся днем и сжимался ледяными ночами, понемногу разрушая свою каменную колыбель. Стена каньона, заключавшая в себе жилу, была покрыта неровным узором длинных и тонких трещин, дно устилал внушительный слой известняковой пыли. Такое явление было обычным для планет подобного типа.

За долю секунды до того, как поравняться с жилой, Лафарж резко увеличил мощность двигателя, и чудовищный резонанс разорвал трещины в скалах до самого дна. Каменные стены рухнули позади «кондора», похоронив под собой один из рейдеров — охотник услышал в науш-

никах короткий оборвавшийся вопль изумления, а затем хриплую ругань пилота второго вражеского корабля, шедшего на значительном расстоянии следом за первым и сумевшего неимоверным усилием взмыть в небо прежде, чем тысячи тонн известняковых глыб обрушились в каньон, сметая все на своем пути.

Истребитель Лафаржа вырвался из тучи металлической пыли и скальных обломков, словно корабль аргонавтов, проскочивший через коварные смыкающиеся скалы. Мгновенно, не давая террористам опомниться, охотник развернулся и напал на третий рейдер, который даже не пытался оказать сопротивления — настолько неожиданно возник из обрушивающегося каньона призрачный продолговатый силуэт боевого «кондора». Плазменный удар расколол «скат» на части, и оплавленные спекшиеся шары багрового шлака, в которые превратился корабль террориста, по касательной устремились к поверхности планеты.

Спасшийся из каньона противник атаковать Лафаржа не спешил. Во время предыдущего молниеносного боя охотник следил за ним краем глаза — уходя от места схватки, тот совершал какой-то странный маневр, словно собирался обогнуть «кондор» по огромной параболе. И лишь тогда, когда это ему удалось, Лафарж осознал, что маленькая точка «ската» на экране расположена теперь на одной линии с размытым пятнышком пассажирского крейсера.

Уверенный в том, что террористы будут стоять насмерть, он не сделал поправку на поврежденный двигатель лайнера. Это была уже вторая грандиозная ошибка, допущенная им за сегодняшний день — первой было то, что он позволил Волку сунуться в насквозь простреливаемое ущелье. Пока Лафарж отвлекал на себя рейдеры, громоздкий пассажирский корабль так и не смог набрать скорость, необходимую для перехода в гиперпространство. Единственный выживший «скат» устремился за ним и, прежде чем Лафарж догнал их, приблизился к лайнеру на минимальное расстояние, заставив сбросить скорость предупредительным залпом из всех орудий.

Теперь охотник стрелять не мог: даже если бы он сумел попасть точно в рейдер, который казался детской игрушкой на фоне огромного лайнера, плазменная де-

тонация уничтожила бы оба корабля. Ощущая пульсирующее в кончиках пальцев ледяное бешенство, Лафарж молча наблюдал, как успокоившийся террорист разворачивает свой корабль, чтобы состыковаться с внешним шлюзом лайнера. Если ему удастся проникнуть внутрь, заложники снова окажутся в его руках.

— Охотник, да ты просто ураган, — одобрительно шевельнулось в наушниках. Террорист говорил скрипучим голосом с омерзительным акцентом обитателей Магелланова Облака. — Ты нас урыл, как котят. Однако игра все-таки осталась за мной, а?

— Черта с два, — пробормотал Лафарж.

Итак, последняя звездная охота уважаемого ветерана закончилась полным провалом, правда, при счете 3:1 в нашу пользу. Нет, совсем не так представлял себе Лафарж завершение своей карьеры. На самом деле для того, чтобы с триумфом отправиться на пенсию, вовсе не обязательно терять напарника и сотню заложников.

Пройдя зенит, голубое солнце постепенно превращалось в размазанную рваную кляксу жгучего света. Теперь ему предстоял стремительный и плавный спуск за горизонт. В долине, словно в тигле алхимика, кипело озеро расплавленных горных пород, по его поверхности стелились фиолетовые испарения и плавали желтые известковые островки. На плоскогорье бушевали огненные смерчи, по камням струилось прозрачное вещество, напоминающее воду, — расплавленные слезы скал.

Красивый, мать его, пейзаж, отстраненно подумал охотник, однако содержать опорную базу в таких чудовищных условиях — дорогое удовольствие. Расходы на защитное оборудование для стартовой площадки, ангаров и подземных помещений вполне способны за несколько месяцев разорить дотла небольшую колонию. Впрочем, вложенные в базу деньги окупились десятикратно — три года успешного космического пиратства значительно увеличили кассу повстанцев. Властям и в голову не приходило искать гнездо неуловимых «черных крыс» почти в самом центре Обитаемых секторов, на крошечной планете близ Аккерма, половина которой тает от невероятного жара, в то время как другая половина покрывается пятидесятиметровым

слоем хлорного льда. Ребята могли бы и дальше наводить ужас на Федерацию, но допустили несколько мелких небрежностей, ухватившись за которые, Лафарж сумел выйти на систему Голубого солнца. Черт возьми, он сделал даже больше, чем мог, ведь первоначально планировалась лишь общая разведка. Вопреки всему, вопреки здравому смыслу и гибели напарника, вопреки тому, что у террористов была установка, генерирующая защитное поле, и десятикратное превосходство в огневой мощи, Лафарж сумел проникнуть на базу, вывести оттуда заложников и напоследок разрушить несколько жизненно важных сооружений этого крысиного логова. Увы, увлекшись схваткой с четырьмя рейдерами, чудом уцелевшими после того, как охотник прямо на стартовой площадке разнес вдребезги два десятка их менее удачливых собратьев, заложников он потерял снова. Однако в конечном счете хищный спрут, терроризировавший Обитаемые сектора, лежал у его ног с обрубленными щупальцами, и девяносто пять звездных туристов, которыми пришлось пожертвовать ради этого, были лишь малой частью тех двух тысяч человек, кого чудовище успело проглотить раньше. Неужели это не триумф?

Нет. Не триумф.

Слабый противник украл у него победу — победу, которая должна была увенчать его карьеру. Украл подло и нагло. Ни одна тварь в этой части Обитаемых секторов не имела права унижать члена Охотничьего клуба, старый комбинезон которого два сезона подряд висел на почетном месте в «Пьяной лошади». Ни одна космическая крыса, дважды в год по случаю управляющая заштопанным рейдером, не могла похвастаться тем, что заставила Ястреба Лафаржа сложить оружие.

Жесткая психологическая подготовка и постоянная работа с виртуальной системой управления кораблем приучили Лафаржа к молниеносным размышлениям, поэтому он принял решение четыре секунды спустя после того, как в его шлеме затих голос террориста. Еще секунду охотник по традиции дал себе на то, чтобы отыскать в памяти предмет, чувство или долг, которые могли бы удержать его на этом свете. Похоже, таких вещей было много. В очередной раз убедившись, как бывало уже десятки раз до этого,

что жить стоит, Лафарж невесело фыркнул и послал свой корабль вперед.

Охотника вдавило в конструкцию из переплетенных амортизационных ремней, которая мягко подалась под его телом, смягчая перегрузку. Возбужденный мозг Ястреба в последние предсмертные секунды работал четко и быстро, отдавая команды корабельным системам. Охотник знал, что ему вряд ли удастся остаться в живых после тарана, поскольку корпус корабля противника был покрыт киммеритовой броней, однако это не беспокоило его. Он слишком часто смотрел в лицо опасности и привык философски относиться к собственному существованию. Кроме того, в подобном финале имелась положительная сторона: таким образом он не умрет к сорока годам от паралича мозга, как большинство охотников-ветеранов, и не сопьется к тридцати, как большинство охотников-неудачников. И пусть завсегдатаи «Пьяной лошади» выпьют за упокой его души, а Буйвол Мельник скажет трогательную речь в честь своего героически погибшего брата.

Видимо, террорист даже не успел понять, в чем дело, когда сверкающая громада «кондора» врезалась в его рейдер. От столкновения корпус «ската» лопнул, словно скорлупа спелого ореха. Сила удара была такова, что Лафаржа едва не выбросило из амортизационной системы. Пространство вокруг него содрогнулось, голубое светило над головой описало сложную кривую и исчезло за спиной. Мимо промелькнул мертвый рейдер с выпущенными наружу внутренностями, который отшвырнуло в сторону вместе с пристыкованным шлюзом лайнера. Верх и низ поменялись местами, теперь под ногами охотника находилась безграничная сфера, наполненная звездами, а над головой нависали скалы.

Носовая часть корабля Лафаржа при столкновении была разбита вдребезги, однако некоторые его системы пока еще продолжали функционировать. Пилот ослеп на правый глаз, поскольку большинство камер и датчиков по правому борту в результате скользящего удара было уничтожено. Ястреб представил себе катапультирование, но спасательная капсула, из которой он управлял кораблем, от мощного сотрясения заклинилась в направляющих. Затаив дыхание, Лафарж напряженно слушал, как воздух тяжело давит

изнутри на смятую ударом носовую часть, как со скрипом подается изувеченная обшивка. Пронзительные сигналы тревоги в наушниках шлема едва не разорвали ему барабанные перепонки. Оглушенный, он с трудом различил грохот обрушившихся броневых переборок, отсекавших разгерметизированные помещения от рубки. Сейчас он никак не мог повлиять на ситуацию, и ему только оставалось ждать, чем это все закончится.

2

В колыхании бирюзовой маслянистой жидкости действительно было что-то завораживающее. Лафарж сидел в Охотничьем клубе за любимым столиком Волка и молча смотрел в свой ополовиненный бокал. Еще один бокал местного наркопива стоял рядом с ним возле аккуратно придвинутого к столу пустого кресла — традиционное прощальное угощение для погибшего брата.

— Прошу прощения, пилот, здесь не занято? — донесся из-за его спины вкрадчивый голос.

Взвившись от негодования, Лафарж резко развернулся в кресле:

— Ворон, имей совесть! Ты что, не видишь, что я с другом?

— О. — Ворон изобразил на лице сдержанное сочувствие. — Волк?.. — осторожно поинтересовался он после паузы.

— Его больше нет.

— Вот как... — Ворон Крейвен понимающе покачал головой. — А ведь я сто раз говорил вам, ребята, — только идиоты связываются со спецслужбами...

— Пожалуйста, засунь свое мнение себе поглубже в задницу.

— Прости, Ястреб.

Оторвавшись от созерцания наркопива, Лафарж приподнял бровь, заметив, что Ворон все еще стоит возле его стола.

— Какие-то проблемы? — поинтересовался он.

— Насколько я понимаю, проблемы у тебя, охотник. Утенек Минелли рассказал мне, что ты остался без ко-
рабля.

Лафарж поднял голову и посмотрел на Ворона, который с непроницаемым видом взирал на него сверху вниз.

— Вот что: пересядем-ка за стойку.

Они пересели за стойку бара. Ястреб захватил с собой свой бокал, а Крейвен заказал минерализированного сока.

— Итак, тебе нужен корабль.

— К черту корабль, Ворон. Знаешь, перед вылетом я никому ничего не говорил... Охотничье суеверие, что ли. Это была моя последняя охота. Я отправляюсь жить в Метрополию, и будь оно все проклято.

— Ястреб, бойся Неба! Ты же в числе лучших охотников! Твой комбинезон два сезона подряд...

— Мой комбинезон — это просто старая тряпка, которая несколько лет валялась у меня в ящике с инструментами. Я слишком стар для такой жизни, Крейвен. Мне двадцать восемь лет, я и так задержался в большом космосе дольше других.

— Послушай, Ястреб, задета честь Звездного Братства. Ты должен выслушать меня, а потом решишь, отправляться тебе на пенсию или немного задержаться.

— У тебя три минуты — пока я не допью это пиво.

— Тебе известен охотник Родригес? Скорпион Родригес?

— Я несколько раз видел его в Клубе. Но это было давно, и мы вряд ли обменялись хотя бы парой фраз. Какая помощь требуется Скорпиону Родригесу?

— Да нет, помощь скорее требуется нам, а не ему... Скорпион нарушил законы Федерации и, кроме того, нарушил вторую заповедь Братства — не обращать оружия против других охотников, если только это не официальный Поединок.

— Так.

— Он захватил вольфрамовые рудники на Барракуде XI. Эта крошечная планета буквально нафарширована вольфрамом, она дает два процента его годовой добычи по Обитаемым секторам, и потеря ее рудников принесет «Интерстеллар металл» весьма серьезные убытки.

— Не делай из меня идиота, — прервал его Лафарж. — Стратегические объекты подобного типа обычно защищены оборонными спутниковыми системами «Аргус». Насколько я знаю, они весьма эффективны. По крайней мере до сих пор я не слышал, чтобы кто-нибудь прорвался через «Аргус» в одиночку.

— Да, ты прав — Родригес будет первым таким человеком. Он проник через спутниковый пояс в трюме танкера-рудовоза, который пришел на Барракуду за очередной партией вольфрама. Пилоты танкера рассказывают, что он захватил их неподалеку от Оливии, но мы все же проверяем их на причастность к этому делу — слишком все гладко вышло... Когда трюм рудовоза раскрылся, Скорпион вылетел оттуда на своем «тираннозавре», быстро уничтожил сооружения наземной системы обороны, после чего под угрозой плазменного залпа собрал весь технический персонал и охрану, погрузил их в танкер и выслал с планеты. Теперь неуязвимость «Аякса» играет против нас — все попытки проникнуть на рудники оказались тщетными. Мы потеряли на этом два боевых корабля. Защитный пояс надежно защищает рудники от вторжения извне, но, к сожалению, он оказался бесполезным при вторжении изнутри.

— Каким же образом следящие системы ухитрились не обнаружить в трюме танкера боевой корабль?

— Возможно, кто-то из персонала помогал ему. Кроме того, на борту танкера не было зафиксировано никаких агрессивных веществ...

— За исключением солидного запаса холодной плазмы, — уточнил Лафарж.

Крейвен пожал плечами:

— На Барракуду постоянно доставлялись партии холодной плазмы для горнопроходческих работ.

— Выходит, он удачно нашел слабое место.

— Точно.

— Для чего ему понадобились эти чертовы рудники?

— При помощи автоматизированных систем он добывает вольфрамовую руду и переправляет ее в какую-то отдаленную колонию. После введения санкций на торговлю с мирами, поддержавшими сепаратистов, контрабанда стратегического сырья стала приносить доходы, сопоставимые с космическим пиратством.

— Он что, в одиночку управляет целым шахтным комплексом?

— Нет, задействована только одна шахта. Если не соблюдать техники безопасности, с ней вполне может управиться один человек. Время от времени на Бар-

ракуду прибывают три допотопных рудовоза, загружаются вольфрамом и исчезают. Мы приблизительно вычислили сектор, где базируется порт назначения контрабандистов, но это — сто восемьдесят пять обитаемых миров, половину из которых составляют мятежные колонии. Более точно проследить путь их следования мы не смогли — они принимают все меры предосторожности, по несколько раз минуя подпространственные коридоры.

— Вы пытались задержать рудовозы?

— Разумеется. Но, как ты понимаешь, это реально сделать только в то время, пока они еще не разогнались до шести единиц и не вошли в подпространство — то есть в непосредственной близости от Барракуды XI. А там их охраняет Скорпион. Когда трое военных пилотов попытались захватить эти рудовозы, Родригес покинул рудник на своем корабле и уничтожил всех троих. Понимаешь, на одном «тираннозавре» за полторы минуты уничтожил трех «орионов»?!

— Ловко, — одобрил Ястреб.

— Тебе смешно, — горько констатировал Ворон.

— Да, — подтвердил Лафарж. — Если откровенно, я не вижу повода для вмешательства. Ты прекрасно знаешь, что звездные охотники не охотятся друг на друга ни за какие деньги. Мой сезон закрыт, Ворон. Прощай.

— Он нарушил не только федеральный закон! — Крейвен заторопился. — Он обратил оружие против братьев! Когда корпоративный совет понял, что не справляется своими силами, мы наняли и отправили в сектор Барракуды пятерых звездных охотников для патрулирования. Рудовозы больше не появлялись — по-видимому, Родригес каким-то образом сумел их предупредить. Держать без дела такой флот было слишком накладно, и мы отозвали троих. Через двенадцать часов рудовозы появились вновь. Родригес уничтожил двух патрульных и отправил еще один караван с рудой в неизвестном направлении.

— Кого убил Скорпион? — поинтересовался Лафарж, глядя в бокал.

— Младенцев. Шмель и Барс. Ты вряд ли их знал. Каждому из них еще не было пятнадцати.

Лафарж помолчал, гоня бокал взад-вперед по стойке.

— Рекомендую рассказать об этом Буйволу Мельнику, — наконец произнес он нехотя. — Тогда полклуба бесплатно отправится на Барракуду, чтобы выколупнуть Скорпиона оттуда.

— Будет бойня, — пожал плечами Ворон. — Барракуда нужна «Интерстеллару» целой, а не в виде облака инертного газа. Подумай, сколько твоих братьев останется там навсегда, когда вы начнете штурмовать Аргус.

— Я понимаю. — Лафарж задумчиво побарабанил пальцами по бокалу. — Будет большая и глупая бойня.

Ворон никак не мог угадать настроение Ястреба. Он вкрадчиво проговорил:

— Ястреб, ты способен завалить Родригеса. Ты можешь выманить его за пределы спутникового пояса, прикинувшись еще одним новичком-патрульным, охотником за рудовозами. Дальше все решит твое мастерство. Когда ты свяжешь его боем, твои напарники смогут захватить Барракуду. Родригесу придется отключать Аргус, когда он покидает планету, иначе он не смог бы вернуться обратно.

— Хорошо. — Лафарж помолчал. — Как с оплатой?

— Я уполномочен предложить тебе любую шестизначную цифру.

— Иными словами, без одного кредита миллион?

— Да.

— Здорово он вас достал.

— Похоже на то.

Снова возникла пауза. Ястреб задумчиво жевал крошечного соленого осьминога, запивая его наркопивом.

— Я не возьму платы за эту работу, — произнес он наконец. — Мне плевать на ваши рудники, но кое-кто растоптал основной закон Звездной Охоты. Через пять минут я переключусь на технический канал — можете закачивать координаты. И, Ворон, позаботься о том, чтобы у меня был хороший корабль. Как ты знаешь, свой я разбил ко всем чертям.

— Доброй охоты, Ястреб, — благоговейно произнес Ворон, еще не веря в свою удачу.

— Доброй охоты всем нам, — отозвался Ястреб, возвращаясь к Волку Семенову.

Продолговатое веретено боевого корабля беззвучно вынырнуло из черного провала «кротовой норы», которая тут же схлопнулась, исторгнув вслед кораблю гигантский протуберанец лилового пламени. Преодолев за 18 относительных секунд расстояние в 85 световых лет, звездный охотник находился теперь в нескольких тысячах километров от Аргуса.

Пилот мысленно отключил автоматику и принял на себя управление кораблем, как только к нему вернулось зрение. Медленно, словно после тяжелой контузии, восстанавливались слух и обоняние. Чувство осязания вернулось почти сразу, но способность двигаться Лафарж обрел лишь четверть часа спустя. Специалисты называли это явление «охотничий паралич». Никто не мог сказать с уверенностью, чем вызывается это кратковременное расстройство функций мозга у человека, проходящего через «кротовую нору», поскольку подключенные к пилотам медицинские приборы не фиксировали никаких физиологических изменений. Ученые могли констатировать лишь последствия охотничьего паралича — при прохождении через подпространство в мозге человека разрушались крошечные капилляры, из-за чего постепенно ухудшалась координация движений и ориентировка в пространстве. Это было профессиональным заболеванием ветеранов Братства и федеральных пилотов, но им гордились, потому что заработать его можно было лишь после тысячи подпространственных переходов.

Проморгавшись, Лафарж направил свой «кондор» к мерцавшей в правой части экрана серебристо-серой планете, опоясанной цепочками искусственных кратеров — вольфрамовых карьеров. Он поднял взгляд на меню программ, мысленно настраивая внешний коммуникационный канал на экстренную частоту Братства.

Спустя некоторое время в левой части обозримого пространства развернулся темный прямоугольник дополнительного экрана связи.

— Если это очередная идиотская шутка... — задумчиво проговорил прямоугольник.

— Скорпион Родригес, я полагаю? — поинтересовался Лафарж.

— Он самый. С кем имею честь?

— Ястреб Лафарж. Ты не хочешь включить изображение?

— Желаете убедиться, что я не призрак? — Скорпион фыркнул.

Экран связи вспыхнул, продемонстрировав Лафаржу сидящего за столом человека в куртке федерального военного пилота.

— Я видел тебя в «Пьяной лошади», Ястреб Лафарж, — сказал он. — О тебе ходят легенды. Если мне не изменяет память, резня на Сириусе V в шестьдесят пятом году, а?

— Да.

— И Цербер III в шестьдесят девятом?

— Точно.

— И пираты Гидры Диксона тоже на твоей совести.

— Они слишком медленно двигались.

— Ясно. Насколько я понимаю, Ястреб, ты явился по мою душу.

— Да.

— Тебе не следовало раскрывать себя. На твоём месте я попытался бы разыграть дурачка, выманить меня за пределы защитного пояса и тут навязать мне бой.

— Я догадывался, что тебя не купить на такой дешёвый фокус.

— Именно. Что ты собираешься делать дальше?

— Я хочу задать тебе один вопрос, Скорпион. Всего один. На кой черт тебе сдались эти рудники?

— Ты уверен, что я собираюсь отвечать на твои вопросы?

— Мне нужно знать, Скорпион. Я должен понять, по каким причинам один из моих братьев может поступиться честью.

— Честью? — вспыхнул Родригес. — Что ты знаешь о чести, Ястреб? Перед Братством я чист. Если я и нарушил какие-то законы, то лишь грязные и несправедливые законы, установленные Федерацией. Эти рудники мои, ясно? Я открыл Барракуду десять лет назад, и по Торговому соглашению часть добываемой руды должна была принадлежать мне. И я пообещал, я поклялся отдать эту руду колонистам с одной захудалой планеты, которую я тебе не назову, чтобы они смогли привести в порядок свои ветхие звездные транспорты и сельскохозяйственные системы. Эти

жалкие люди подобрали меня, когда я окровавленным обрубком дрейфовал неподалеку от их солнца в оплавленных остатках того, что когда-то было моим боевым кораблем. Они вылечили и кормили меня, пока я не окреп, хотя им не было от этого никакой выгоды, а сами они едва сводили концы с концами. И когда я вновь обрел способность мыслить, я поклялся, слышишь, я дал слово чести, что вытаску этих людей из нищеты. Я отправился в Метрополию оформлять дарственную, и там мне разъяснили, что за время моего полуторагодичного отсутствия случились две колониальные войны, что Торговое соглашение расторгнуто, что вывоз стратегического сырья за пределы Федерации строго воспрещен и что вместо вольфрамовой руды мне положена компенсация в федеральной валюте. Но на кой черт моим колонистам сдались эти кредиты, если за пределами Метрополии они превращаются просто в набор цифр, записанных на инфокристалле?..

Ястреб молчал.

— Тысячная часть полуторагодичной добычи... Еще два захода рудовозов, я вывез бы остатки своей доли и удрал к черту на рога. Появись ты хотя бы на двадцать четыре часа позже — и поединок был бы уже не нужен...

— Хорошо, — произнес наконец Лафарж. — Красивая история, Скорпион. Мы все любим рассказывать подобные истории — в Клубе, за бокалом наркопива.

— Ты не человек, — угрюмо сказал Скорпион.

— Пошел к черту! Мне наплевать на тебя, на руду, на колонии и на всю Федерацию в целом. Я хочу знать, какие причины могут заставить охотника убить двух младших братьев.

— Это те шенки, которые напали на меня? — криво усмехнулся Родригес. — Ястреб, я сигнализировал им на нашей частоте. Я предупреждал их, что перед ними брат. Не знаю, сколько заплатили этим мальчишкам, но наверняка много, иначе они вряд ли осмелились бы нарушить заповедь. Я защищался, Ястреб. Я чист перед Охотничьим Братством.

— Наверное, у тебя есть какие-нибудь доказательства, Скорпион? Может быть, ты успел перед схваткой посетить Охотничий клуб и рассказать кому-нибудь о том, что происходит? У тебя есть телеметрические записи?

Скорпион пожал плечами.

— Зачем мне записи, если я вне закона. Думаешь, я подробно фиксирую все этапы своего преступления?

— Значит, мы имеем только твое честное слово против двух мертвых братьев?

— Пожалуй.

— Не густо.

— Брат, мне наплевать, густо это или не густо. Не разводи болтовню, меня уже тошнит от нее. Ты хочешь предложить мне Поединок?

— А ты, насколько я понимаю, желаешь отказаться?

— Нет, — резко сказал Родригес. — Если только это будет честный Поединок. Один на один.

— Тогда я жду тебя, Скорпион.

Четыре минуты спустя от одного из кратеров отделилась блестящая точка боевого «тираннозавра». Тяжелый звездолет медленно развернулся, блеснув в лучах восходящей звезды.

— Обсудим условия, Ястреб, — снова ожил коммуникационный канал. — По правилам Поединок должен быть честным и зависеть не от уровня техники, а от уровня мастерства. Твой «кондор» слишком легок, моя огневая мощь превосходит твою. Я думаю, будет справедливо, если я не стану пользоваться излучателями у основания вспомогательных крыльев.

— Не пойдет, — сказал Лафарж. — Если ты не будешь использовать эти излучатели, твой корабль окажется беззащитным, когда я поймаю его в атаке под углом в шестнадцать градусов.

— Ты не поймаешь меня на шестнадцати градусах, — сказал Скорпион.

— И все же, — сказал Ястреб. — Я обещаю не атаковать тебя, когда ты будешь беззащитен.

— На себя посмотри, — огрызнулся Скорпион.

— Ну и, разумеется, запрет на фотонные ракеты.

— Этого ты мог бы и не говорить. В честных поединках никогда не используют ракеты.

— Еще бы — чудовищная детонация. Если у тебя нет дополнительных условий, можем начать.

— Знаешь, Ястреб, мне будет чертовски неприятно убивать тебя.

— Мне всегда было чертовски неприятно убивать кого бы то ни было.

Экран погас.

Боевые звездолеты начали сближаться, как только прервался сеанс связи. Привыкшие к молниеносным действиям охотники не нуждались в дополнительных предисловиях.

Сблизившись со Скорпионом на расстояние атаки, Лафарж провел молниеносную разведку, нанеся несколько коротких плазменных ударов. Судя по всему, противник ему попался достойный — он умело уклонился от атак Ястреба, парировал последнюю залпом левого борта и тут же нанес собственный укол — энергичный, быстрый и точный. Прежде чем рассеяться в вакууме, быстро остывающий жидкий огонь ласково огладил киммеритовую обшивку «кондора». Если бы Ястреб клюнул на обманный маневр Скорпиона и не уклонился в последний момент, ему пришлось бы собирать по частям разлетевшийся по всему пространству отсек жизнеобеспечения.

— Первая боевая царапина! — Лафарж вслух поздравил свой новый корабль, ощущая, как в районе солнечного сплетения начинает закипать радостное предвкушение битвы.

Обменявшись ударами, звездные охотники разошлись, словно конные рыцари, преломившие копья на ристалище. «Тираннозавр» Скорпиона неторопливо развернулся, блеснув в свете местного солнца зеркальной поверхностью одного из основных псевдокрыльев с излучателями. «Кондор» уже ожидал его на боевой позиции; казалось, он неподвижно висит в пространстве, хотя на самом деле оба корабля стремительно неслись по орбите Барракуды, которая медленно проворачивалась под ними, желая продемонстрировать охотникам свою ночную сторону.

Они вновь начали сближение, и на этот раз первым атаковал Родригес. Проведя несколько неожиданно неприятных атак, Скорпион пронесся над Ястребом, на мгновение выпав из его поля зрения. Лафаржу пришлось перевернуться через голову, чтобы снова поймать его в перекрестье прицела.

Боевые корабли атаковали друг друга, словно две огромные и стремительные хищные рыбы. Лафарж наносил противнику удар за ударом, но тот умело па-

рировал все его выпады. Между тем Скорпион довольно быстро вдребезги разнес Ястребу кормовую надстройку, уничтожив при этом два орудия кормовой батареи. Лафаржу пока удалось лишь несколько раз поцарапать обшивку «тираннозавра». Тусклое оранжевое солнце с интересом следило гигантским фасеточным глазом за ходом Поединка, Барракуда XI медленно удалялась в его сторону, оставляя в пространстве длинный пылевой шлейф, с другой стороны светила показалась и торопливо побежала по небу крошечная Барракуда V. Горящие холодным ровным огнем звезды кувыркались перед глазами охотников, плясала перед каждым, выходя на линию огня, серебристая полоска корабля противника, стремительно перемещались по экранам, расчерчивая их прозрачными разноцветными линиями, предполагаемые траектории магнитных ловушек и ложных целей, вспухали багровыми облаками не достигшие цели плазменные заряды.

Лафаржу наконец удалось всерьез зацепить «тираннозавр», и тот, стремительно вращаясь, устремился к оранжевой звезде. Похоже, с одним из двигателей Скорпиону придется попрощаться. Лафарж бросился вслед за ним, но Родригесу удалось выровняться, а через несколько секунд запустить поврежденный двигатель — Ястреб с досадой увидел, как в кормовой части «тираннозавра» снова вспыхнула погасшая было зеленая звезда. Он попытался атаковать ошарашенного Скорпиона, воспользовавшись его замешательством, но тот умелым маневром пропустил его под собой, коротко огрызнувшись из орудий правого борта. На мгновение корабль противника показал Ястребу незащищенный бок, но излучатели у основания вспомогательных псевдокрыльев «тираннозавра» молчали — Скорпион четко соблюдал уговор. Лафарж дождался, пока Родригес сменит угол атаки, и снова обрушился на него в ореоле плазменного залпа, однако на этот раз Скорпион уже имел возможность парировать удар.

Поединок затягивался: вот уже шесть с половиной минут соперники не могли определить победителя. Они то настороженно кружили в пространстве, выискивая слабое место в обороне противника, то обменивались молниеносными уколами, но ни одному пока не уда-

лось добиться решающего перевеса. «Кондор» потерял одно из вспомогательных псевдокрыльев с излучателями, «тиранозавр» все-таки остался без одного двигателя, что значительно сказалось на его маневренности. Контроллеры выводили на шлемы охотников все новые массивы информации, кроме выполнения боевых маневров пилотам приходилось мгновенно оценивать множество параметров, касающихся поиска цели, состояния корабля, уровня боезапаса. Зрение поединщиков было загружено до предела, поэтому вспомогательные и второстепенные данные передавались им с помощью звуковых сигналов и тактильных раздражителей. Лафарж понемногу начал уставать — он привык тратить на подобные схватки от минуты до трех. Длительная, изматывающая корабельная дуэль, ведущаяся на пределе всех физических и душевных сил, слишком истощала организм. Обычно после каждой операции Лафарж терял пару килограммов веса.

Четыре негромких звуковых всплеска, оповещающих о появлении на поле битвы новых участников, раздались за спиной Ястреба в тот момент, когда два обожженных плазмой корабля соперников вошли в очередной убийственный клинч. Поединщики мгновенно прекратили взаимную атаку, оценивая новую опасность и пытаясь выяснить, к кому из них пришло подкрепление. Переключив внешний экран на поиск цели, Лафарж сразу распознал в четырех вынырнувших из подпространства размытых пятнышках федеральные армейские истребители. Не пытаясь сблизиться с охотниками, они устремились к поверхности Барракуды XI.

— Ты!!! — яростно взревел Скорпион. Заложив резкий вираж, он обогнул корабль Лафаржа, едва не столкнувшись с ним, и бросился наперерез рассыпавшимся веером федералам.

Ай, Ворон, Ворон, подумал Лафарж. Какая же ты дрянь. Быстро вызвав на дополнительный экран трехмерную карту программного обеспечения, Ястреб нырнул в нее и через доли секунды головокружительного полета по ее структурной решетке обнаружил на оптическом канале небольшое инородное утолщение. Примитивный виртуальный жучок. Вот так вот. Надо было внимательнее проверять обрудование, предоставленное Вороном.

Ястреб протянул руку и с досадой раздавил жучок. Впрочем, Ворона тоже можно понять. Узнав, что Лафарж не стал набирать команду для этой миссии и отправился за шкурой Скорпиона в одиночку, Крейвен переполошился и решил подстраховаться с помощью федералов. Убедившись с помощью жучка, что Скорпион отключил спутниковый пояс и покинул планету, они начали второй этап миссии.

И все же Ворон прекрасно понимал, что Скорпиона можно выманить с рудников только одним способом — предложив ему честный Поединок. И он наверняка отдавал себе отчет в том, что Ястреб не пойдет на Поединок, если узнает, что в это время федералы попытаются захватить Барракуду.

Выйдя из программной карты спустя полторы секунды, Лафарж усилием мысли послал свой корабль вслед за быстро удаляющейся точкой «тираннозавра». На сей раз Родригесу противостояли не три «ориона» и даже не четыре «ската». Четыре армейских корабля класса «молот» представляли собой полноценное подразделение военно-космических сил Федерации и при согласованных действиях были способны уничтожить звездный дредноут. Сбить одиночный «тираннозавр» для них не представляло никакого труда.

Скорпион дважды выстрелил в быстро настигавший его «кондор», затем замолчал. Догнав «тираннозавр», Лафарж образовал с ним простейший боевой порядок, подстраховывая с левого борта. Бывшие противники, мгновенно превратившиеся в союзников, стремительно мчались навстречу звену неповоротливых «молотов», прекрасно понимая, что в этом бою шансов у них нет.

Истребители наружных крыльев армейского звена начали несимметрично расходиться в стороны, образуя створки капкана. Привычно-хладнокровно Лафарж рассчитал, под каким углом следует атаковать крайнего слева федерала, чтобы попытаться на мгновение выключить из игры второго из тех двоих, что должны были достаться на его долю. Проверив Скорпиона в деле, Ястреб не сомневался, что тот уже оценил ситуацию, выбрал оптимальный вариант действий, близкий к выводам своего случайного напарника, и возьмет на себя именно те два «молота», которые определил для него

Лафарж. В противном случае двух ветеранов Братства сожгут в самом начале боя. «Если же он все понял

правильно, — усмехнулся про себя Ястреб, — у нас есть хорошая возможность продержаться минуты полторы и даже повредить перед смертью пару федеральных кораблей...»

Отвлекаясь на мгновение, Ястреб традиционно дал себе секунду на то, чтобы мысленно перебрать, словно драгоценные жемчужины, массу чрезвычайно убедительных доводов в пользу того, что жить стоит, осознать, сколько он потерял, поддавшись внезапному порыву охотничьей чести и встав плечом к плечу с тем, кого только что собирался убить, в совершенно безнадежной схватке. В моменты смертельной опасности Лафаржу безумно нравилось дразнить маленького трусливого человечка, который сидел у него в подсознании, глупого человечка, которого он презирал до глубины души и которого тоже звали Лафарж — вот только боевого прозвища у него не было. Весь свой охотничий сезон, без малого полтора десятка лет, Ястреб старался поступать назло трусливому человечку Лафаржу, и бог, хранящий смельчаков и идиотов, еще ни разу не обошел его своей милостью. Ястреб искренне считал, что безвыходных положений не бывает, и даже сейчас собирался не красиво расстаться с жизнью, а вопреки всему расправиться с превосходящими силами противника и одержать очередную победу.

Бог идиотов явно продолжал хранить его. Сердце Лафаржа радостно дрогнуло, отказываясь верить в удачу, когда он увидел, что створки капкана разошлись слишком широко — у них со Скорпионом появилась реальная возможность на полной скорости разорвать боевой порядок федералов. Более того, центральные корабли строя противника, которые должны были строго держать позицию и сковывать охотников непрерывным огнем, вопреки всякой логике тоже начали расходиться в стороны, понемногу удаляясь друг от друга и позволяя противнику атаковать их под самым удобным для него углом. Изумленный Ястреб машинально сбросил скорость, когда армейские «молоты», описав огромные дуги, развернулись на 180 градусов и стали удаляться в сторону оранжевого солнца.

— М-мать вашу! Охотники! — прорвался через коммуникационный канал голос федерального пилота. — Белый флаг! Белый флаг! Давайте поговорим спокойно!

Федерал говорил невнятно, язык и губы с трудом повиновались ему после охотничьего паралича.

— Здесь Ястреб Лафарж.

— Здесь Скорпион Родригес.

— Хвала Небу! Я уже решил, что вы врежете по нам из всех орудий. Майор федерального флота Дмитрий Янковский, командир истребительного звена. Получил приказ тайно снимать информацию с системы визуального наблюдения охотника Лафаржа. В случае, если охотнику Лафаржу удастся выманить пирата Родригеса за пределы спутникового пояса, моему звену предписывалось совершить прыжок и захватить планету, а также по возможности способствовать уничтожению Родригеса.

— Дьявол, — вырвалось у Лафаржа раздраженное.

— Вот именно. Охотники, я не собираюсь прерывать Поединок. Черт побери, должно же оставаться в этом безумном мире хоть что-то святое! Даю слово офицера, что мы не будем вмешиваться. Если победит Скорпион, он получит возможность вернуться на Барракуду. Прошу прощения, что нарушил ход Поединка, но охотничий паралич не позволяет сразу после прыжка взять на себя управление кораблем. Прыгнуть же нам с ребятами было необходимо — чтобы сюда не отправили кого-нибудь без романтических комплексов.

— Спасибо, пилот, — глухо проговорил Родригес. — Но для тебя это — трибунал.

— Охотник, с трибуналом я разберусь сам, — устало вздохнул майор. — Возвращайтесь на исходную позицию.

— Спасибо, Снайпер Янковский, — сказал Лафарж, разворачивая «кондор».

Несколько мгновений федерал молчал.

— Я думал, в «Пьяной лошади» меня уже не помнят, — наконец проговорил он.

— Я не имею привычки забывать людей, с которыми охотился в одной команде.

Две серебристые точки охотничьих кораблей неподвижно висели напротив четырех замерших в пространстве армейских истребителей.

— Надо закончить Поединок, — раздался наконец голос Скорпиона. — Человек подставился ради нас.

— Надо, — согласился Лафарж.

Длительная дуэль со Скорпионом на пределе возможностей утомила Лафаржа, поэтому после начала второго раунда Поединка он начал допускать ошибки. Возраст и поврежденные многочисленными подпространственными переходами сосуды головного мозга уже не в первый раз давали о себе знать, однако раньше Ястреб компенсировал свою слабость уровнем мастерства. Теперь же, столкнувшись с более молодым бойцом-виртуозом, Лафарж стремительно терял силы. Он запаздывал с ответной реакцией на доли секунды, но в корабельной схватке это было слишком много. Скорпион раз за разом доставал его плазменными уколами. Пока обшивки «кондора» достигала лишь полуостывшая, расползающаяся бесформенными разреженными облаками плазма, воздействие которой легко выдерживала наружная броня, однако с каждой новой атакой противник подбирался все ближе и ближе. Сражение переместилось на ночную сторону планеты, корабли охотников ярко вспыхивали на фоне огромного черного серпа, который выглядел еще темнее, чем окружающее его беззвездное пространство.

Надо было уходить на пенсию после битвы в системе голубого солнца. Не заворачивая в «Пьяную лошадь».

Если бы Скорпион задействовал кормовую огневую батарею полностью, Лафаржу пришлось бы совсем плохо — сказывалось отсутствие сбитых противником орудий. От стремительного круговорота схватки у Ястреба закружилась голова. Скорпион, напротив, словно обрел второе дыхание: почувствовав, что противник выдыхается, он начал наращивать скорость, навязывая Лафаржу совершенно невозможный темп. В какой-то момент Ястребу показалось, что от невероятного напряжения у него лопнут глаза. Несмотря на исправно действующую систему кондиционирования, по его вискам стекал жгучий пот. Уловив биохимические изменения в составе крови пилота, медицинская система ввела ему в вену стимулирующий состав; глюкоза и минерализованный витаминный раствор подавались почти с самого начала Поединка.

Пространство и время слились для Ястреба в бесконечную полосу мелькающих цветовых пятен. Не выдержав чудовищного напряжения Поединка, его сознание абстрагировалось от происходящего, предоставив возможность

действовать охотничьим инстинктам и навыкам: уйти от плазменного удара, поднырнуть под противника, попытаться достать его коротким уколом в брюхо, метнуться в сторону, спасаясь от ответного залпа... Лафарж действительно был слишком стар для всего этого. В его годы мозг большинства охотников превращался в тухлявую губку, наполненную гнойной жидкостью: постоянные физические и информационные перегрузки приводили к инсультам, страшным головным болям, местной амнезии, параличам.

В пылу схватки Скорпион еще раз на неуловимое мгновение подставил Ястребу незащищенный бок, видимо, даже не заметив этого. Он тоже заметно устал и начал допускать иногда мелкие промахи, но у Ястреба не было сил воспользоваться ими: они ускользали от его внимания, просачиваясь между пальцами, словно сухой песок. Лафарж попытался сосредоточиться, но ощутил в голове лишь гулкую пустоту. Пронзительно кричали мышцы, истерзанные все время меняющимися величиной и вектор перегрузками. Перед глазами скакали красные и зеленые концентрические кольца, мешая видеть поступающую на экраны информацию. Не выходя из боя, Лафарж мысленно отдал приказ медицинской системе, которая промыла активной жидкостью сначала его левый глаз, затем, когда он через несколько секунд проморгался и вновь обрел способность видеть, — правый. Федералы уже давно сконструировали виртуальную систему управления кораблем, которая напрямую транслировала телеметрические данные в мозг, минуя зрительные нервы, однако все работы в этой области были прекращены после того, как в сражении с флотом мятежной колонии Бельфорс была уничтожена оснащенная такими системами федеральная эскадрилья. Повстанцы весьма эффективно выводили армейских пилотов из строя при помощи серии упорядоченных лазерных вспышек, которые, непосредственно воспринимаемые мозгом, погружали людей в кому. При визуальном наблюдении вспышек такого не происходило.

Лафаржу казалось, что они сражаются уже несколько часов. Табло хронометра плавало за пределами поля зрения, чтобы не мешать обзору во время боя, однако даже когда Лафарж вызвал его, он не сумел определить время: вертикальные и горизонтальные палочки никак не

хотели складываться в цифры, а когда сложились, охотник так и не смог понять — много это или мало. Надорванное многолетними перегрузками сердце начало срывать с ритма и несколько раз на мгновение замирало, вызывая у Ястреба тошниво-тошнотворное ощущение тянущей пустоты в груди.

Он так и не смог понять, как получилось, что два плазменных столба на излете пробили корпус «кондора» в районе топливного отсека, плеснув жидким пламенем во внутренние коридоры корабля. Автоматика мгновенно среагировала на перепад давления, и переборки отсекали разгерметизированные помещения от рубки. Ругаясь в голос, Лафарж бросил корабль в сторону, потеряв в спешке еще один излучатель. Поединок явно складывался не в его пользу. Переломивший ход схватки Скорпион торопился закрепить успех, повиснув на хвосте у поврежденного «кондора» и расстреливая его из всех орудий, отсекая от него псевдокрылья с излучателями и пытаясь уничтожить телеметрические датчики. Хуже всего было то, что Родригес явно целился в силовую установку: судя по всему, он собирался лишить Ястреба возможности защищаться, а затем подарить ему жизнь. Более унижительного исхода схватки Лафарж, до сих пор не проигравший ни одного Поединка, не мог даже вообразить.

Перевернувшись через голову, он увидел преследующий его «тираннозавр», корпус которого переливался вспышками плазменных выстрелов, словно рождественская елка. Кормовая батарея противника по-прежнему не подавала признаков жизни. Лафарж открыл беспорядочную стрельбу, но теперь огневой мощи его корабля было недостаточно, чтобы эффективно парировать огонь Скорпиона. Потеряв еще одно орудие, он с трудом ушел с линии огня и в порыве отчаяния организовал стремительную контратаку. На мгновение его яростный натиск ошеломил Родригеса. Скорпион тоже устал, страшно устал. Сейчас все могло решиться за доли секунды — малейшая ошибка с любой стороны могла поставить точку в этом Пединке.

Первым ошибся Родригес.

Неимоверным напряжением воли не давая себе провалиться в беспамятство, подавляя слабость и невероятную дурноту, Ястреб увидел, как Скорпион раскрыл-

ся. Поднырнув под бешеный шквал лилового огня, извергаемого орудиями противника, Лафарж нанес молниеносный удар, которого Родригес парировать не сумел. Жидкое пламя прогрызло обшивку «тираннозавра», проникло внутрь корпуса, выжирая жилые помещения и автоматику. Остановившимся взглядом Ястреб наблюдал за гибнущим кораблем, надеясь, что от него отделится серебристая капсула катапульты, однако этого не произошло. Что-то сдетонировало в недрах «тираннозавра», и он размазался по экрану ослепительной плазменной вспышкой. Контроллеры услужливо понизили освещенность, оберегая сетчатку глаз Лафаржа.

Охотник закрыл глаза, обмяк в амортизационных ремнях, только сейчас почувствовав, что последние четверть часа все его мышцы были напряжены до предела. Он ни о чем не думал, ничего не осознавал, кроме нестерпимой боли, стремительно вращающейся между черепом и мозгом. Зафиксировавшая выход из режима боя медицинская система немедленно ввела Лафаржу релаксант, снимающий нервное напряжение — к сожалению, использовать его во время сражения не представлялось возможным, поскольку он значительно понижал скорость реакции.

— Поздравляю, Ястреб, — глухо, как сквозь вату, донесся до него голос Янковского. Страдальчески приоткрыв глаза, Ястреб мысленно приблизил к себе участок экрана, на котором медленно передвигались светящиеся точки. Трое федералов уже направлялись к Барракуде, Снайпер по-прежнему висел в пространстве. — Спасибо, что избавил от трибунала.

— Доброй охоты, Снайпер. — Пересохшие губы казались чужими, Лафарж почти не чувствовал их.

Янковский помолчал.

— Доброй охоты всем нам.

Он развернул свой «молот» и двинулся следом за подчиненными. Ястреб коротко вздохнул. Так было гораздо лучше. Ни к чему эти необязательные слова, воспоминания о боевом прошлом, дурацкие вопросы: «Как охота?» — «Как служба?»... Снайпер сам выбрал свой путь. Он многого не понимал в правилах Звездной Охоты и предпочел ей федеральный космический флот, однако в душе остался гордым и независимым охотником, готовым пожертвовать чем угодно во имя законов Братства. Впрочем, из-за этого

Лафаржу было бы еще тяжелее разговаривать с ним. Янковский не знал об уговоре между Скорпионом и Ястребом. Не знал он и том, что Ястреб, нарушив уговор, поразил корабль Скорпиона при атаке под углом в шестнадцать градусов — в то самое место, которое могла бы защитить молчаливая весь Поединок кормовая батарея «тираннозавра».

Лафарж сам осознал это лишь тогда, когда очертания «тираннозавра» на экранах внешнего обзора сменились контурами огненного облака.

Безвольно повиснув в амортизационной системе, Ястреб наконец позволил себе отключиться.

4

Он очнулся через несколько часов. Трудившаяся все это время медицинская система привела его организм в более или менее приличное состояние. Зафиксировав, что пилот бодрствует, автоматика начала выдавать на экраны текущую информацию. Движением головы Лафарж убрал ее с глаз долой. «Кондор» двигался по стационарной орбите вокруг Барракуды, и некоторое время Ястреб заворуженно наблюдал за шевелящимся и перемешивающимся жидким пламенем на поверхности оранжевой звезды.

Откуда-то снизу всплыла и поползла в перекрестье прицела овальная лиловая пиктограмма, в центре которой комично вышагивала на тоненьких подламывающихся ножках карикатурная лошадка с глазами в кучку и блуждающей по морде блаженной придурковатой улыбкой. Это был вход в виртуальный охотничий клуб «Пьяная лошадь», где собирались охотники, находившиеся в пределах Обитаемых секторов. Дальняя подпространственная связь, которую приходилось использовать охотникам для посещения клуба, стоила им целое состояние, но бар «Пьяной лошади», в который допускали только членов клуба, никогда не пустовал. Заветной мечтой многих новичков было попасть в общество скучающих и сплетничающих за стойкой легендарных ветеранов.

Лафарж устремился к пиктограмме и нырнул в нее, заставив лошадку отпрыгнуть в притворном ужасе.

Бесконечные мгновения полета через канал подпространственной связи, мельтешащий шорох в ушах, искры из глаз — и он оказался в одном из входных тамбуров бара. Выйдя из кабины, он неторопливо направился к стойке, за которой сейчас стоял, ритуально перетирая стерильные бокалы белым полотенцем, хозяин заведения, Буйвол Мельник, в свое время охотившийся в одной команде с самим Енотом Роки и безумной Пьяной Лошадью. Буйвол не стал дожидаться паралича мозга и, двадцать лет назад, в расцвете сил уйдя из большого космоса, основал Клуб, который несколько упорядочил анархический хаос ранней Звездной Охоты. Говорили, что в его уходе из Охоты виновата Пьяная Лошадь, безжалостно разбившая ему сердце и вскоре после этого погибшая в жестоком бою с федералами у Бетельгейзе. Несмотря на то что Мельник покинул Охоту, в Клубе он пользовался авторитетом и неизменно избирался третейским судьей для решения возникающих между охотниками споров, поскольку был самым старшим из присутствующих — не так давно ему стукнуло сорок три.

— Доброй охоты, старик, — сказал Лафарж, усаживаясь напротив него.

— Доброй охоты всем нам, — отозвался Буйвол. — Пиво будешь?

— Давай, — безразлично пожал плечами Ястреб. — Одним пивом больше, одним меньше...

Он опустил на стойку стиснутые кулаки.

— Выглядишь паршиво, — сказал Мельник. — Дрался?.. Лафарж отмахнулся.

— Давно хочу спросить: тебя не тошнит от регулярного общения со всякой мелюзгой, которая все время пищит, толкается, норовит потрогать тебя за нос и задать какой-нибудь идиотский вопрос о Еноте Роки? — вяло поинтересовался он, глядя, как привычно и ловко Мельник наполняет его бокал наркопивом. — Ты не собираешься ужесточить правила посвящения в Клуб?

— Ястреб, — сказал Буйвол, придвигая Лафаржу его порцию, — для меня вы все — мелюзга.

— Ага, — задумчиво произнес Лафарж.

Он покосился влево. Из глубины виртуального помещения к стойке торопливо пробирался Ворон

Крейвен. Поймав уголком глаза плавающее в пространстве программное меню бара, Ястреб мысленно активизировал изображение решетки, отказывая ему в доступе. Крейвен некоторое время побродил возле стойки, наблюдая, как Мельник полирует стаканы, затем двинулся обратно к своему столику.

— Старик, за что вы дали ему боевое прозвище? — поинтересовался Лафарж, отхлебнув релаксационного напитка. — Он ведь не охотник. Даже не пилот — просто черный маклер, посредник, перепродающий наши услуги.

— Знаешь, — сказал Буйвол, — благодаря Ворону тридцать процентов молодняка имеет постоянный заработок. По крайней мере того молодняка, что пасется в «Пьяной лошади».

— Да. Наверное, было бы обидно потерять такого эффективного посредника. — Лафарж отхлебнул из бокала и прикрыл глаза. — А все-таки в Метрополии ворон — помойное животное, обитающее в канализационных коллекторах, трусливый пожиратель падали, который никогда не видит дневного света.

— Ну, он все же не охотник и даже не пилот, — пожал плечами Буйвол. — Просто маклер. И иногда его хочется убить.

Они помолчали.

— Послушай, старик, — сказал Лафарж. — Как вы с Роки поступали, когда вам в руки попадал человек, растоптавший законы Братства? Если нет возможности вызвать его на Поединок?

— Обычно такие люди нам в руки не попадали, — пожал плечами Мельник. — Мы их просто уничтожали, чтобы эта зараза не расплодилась и Охота не превратилась в пиратство. Хотя... Однажды Пьяная Лошадь захватила одного желторотого, решившего поправить свои финансовые дела за счет братьев, живьем. Он просто сдался вместе с кораблем, когда узнал, кто вызывает его на Поединок. Этим он, возможно, сохранил себе жизнь. Лошадка ввела ему в навигационную систему случайные коды, паренек прыгнул через подпространство, и больше его никто никогда не видел. Возможно, он прыгает до сих пор, пытаясь вернуться в Обитаемые сектора.

— В ваше время люди умели веселиться, — покачал головой Лафарж.

— Не без этого.

Буйвол задумчиво перетирал стаканы. В виртуальном пространстве в этом не было совершенно никакой необходимости.

— Скорпион больше не появится, — внезапно сказал Ястреб.

— Надо же, — сказал Буйвол. — Еще один из наших. Неудачная неделя.

— За ним осталось что-нибудь?

— Сто двадцать монет.

— Я заплачу.

Ястреб постучал пальцем по услужливо всплывшему в поле зрения зеленому квадратику, и чек-кредит бара начал скачивать с его счета деньги.

— Как это произошло? — поинтересовался Буйвол. — Ты был с ним?

Лафарж смотрел в бокал с наркопивом.

— Я был с Волком. Волк остался должен что-нибудь?

— Нет. Волк всегда платил вперед. Как ушел Скорпион?..

— А на мне что-нибудь висит?

— Копейки, Ястреб.

— Я хочу заплатить. Боюсь, что в ближайшие несколько лет я не смогу заглядывать в Клуб.

— Жаль, — сказал Буйвол. — Правда жаль. Неудачная неделя.

В нижнем углу экрана снова побежали зеленые цифры кредита.

— Погоди-ка, — сказал Мельник, осененный внезапной догадкой. — Ты что, захватил Скорпиона за нарушение заповедей? Это он убил Волка?..

— Мне пора, старик, — сказал Ястреб. — Возможно, еще увидимся.

Лафарж покинул виртуальный Клуб и устремился в карту программного обеспечения. Запустив генератор случайных чисел, он быстро взломал оболочку навигационной системы и замкнул ее таким образом, чтобы числовые данные, необходимые для расчета подпространственного прыжка, поступали непосредственно с генератора. Когда загрузка слу-

чайных данных была успешно завершена, охотник неторопливо начал набирать скорость, необходимую для перехода в подпространство. Он отправлялся в Неисследованные миры, бесконечные просторы космоса, окружавшие Обитаемые сектора — жалкую по сравнению с головокружительной необъятностью Вселенной территорию, освоенную беспокойной человеческой расой. Ястреб не знал, где через несколько часов вынырнет его «кондор» — в центре звезды, в глубине метеорного потока, среди пылевой туманности или в «угольном мешке». Он не был уверен, что сумеет вернуться назад, поскольку из тех, кто рисковал прыгать через пространство наугад, возвращались единицы. Из тех, кто рисковал или кого отправляла в свободное плавание с неисправной навигационной системой безумная Пьяная Лошадь.

Охотничий сезон Ястреба Лафаржа был закрыт.

РАССКАЗЫ

- © Л. Кудрявцев, 2002
- © Л. Каганов, 2002
- © Е. Некрасова, 2002
- © Н. Караев, 2002
- © А. Калугин, 2002
- © Е. Лукин, 2002
- © С. Лукьяненко, 2002
- © Ю. Буркин, 2002
- © С. Логинов, 2002
- © Д. Скирюк, 2002
- © А. Щербак-Жуков, 2002
- © Д. Громов, 2002
- © А. Корепанов, 2002
- © С. Герасимов, 2002
- © А. Громов, 2002

Леонид Кудрявцев

НЕНУЖНЫЕ ВЕЩИ

Аппетитная, намазанная маслом булочка с какой-то зеленью и кусочками мяса. Называется — бутерброд. Правда, кто-то от него уже откусил, и отпечаток зубов остался вполне отчетливый. Очень маленьких зубов, скорее всего принадлежащих ребенку..

Чин-чин задумчиво почесал в затылке.

Он принадлежал к породе людей, наделенных умением рассматривать любое событие как повод для отвлеченных раздумий и невероятных предположений, совершенно при этом упуская из виду возможность использовать его для личного обогащения. Люди, подобные ему, как правило, удерживаются на плаву в бурном житейском море лишь благодаря большому везению. А стоит ему исчезнуть, как они достаточно быстро становятся бродягами и вынуждены спать, например, в предназначенных к сносу домах, без малейшей перспективы хоть как-то повысить свой жизненный уровень.

Впрочем, как раз сейчас повод для самых фантастических версий действительно был. Учитывая, как этот бутерброд появился...

Бродяга подумал, что отпечаток зубов вполне мог принадлежать, например, и лилипуту. А почему бы и нет? Хотя детей гораздо больше чем лилипутов. И значит...

Да ничего это не значит.

Чин-чин покачал головой.

Не имеет ни малейшего значения, кто именно откусил от этого бутерброда. Чаще всего попадающиеся ему во время регулярных обследований мусорных ящиков

продукты выглядели гораздо хуже. И он их ел, да еще как, поскольку люди так устроены, что время от времени им хочется есть. Причем многие это делают не реже трех раз в день. А некоторые аж умудряются за день набить себе живот раз пять-шесть. Правда, рано или поздно у них начинаются болезни, вызванные излишним весом.

Чин-чин задумчиво оглядел свою правую, довольно грязную и очень худую руку, потом проделал то же самое с левой. Нет, болезни, возникающие от ожирения, ему не грозили.

Это слегка успокаивало.

Он посмотрел в окно. В одной из створок сохранился большой кусок стекла, и солнечный луч, отразившись в нем, безжалостно уколол Чин-чину глаза. Поспешно отвернувшись от окна, бродяга снова устался на старый колченогий стол, на котором в пределах досягаемости его руки лежал бутерброд.

Осторожно взяв самыми кончиками пальцев, Чин-чин медленно поднес его к лицу и понюхал. Следствием этого было то, что желудок бродяги окончательно взбунтовался и громким урчанием напомнил о своем желании наполниться хоть какой-то пищей.

И все же долгая бездомная жизнь научила Чин-чина некоторой осторожности. Собрав всю свою силу воли, бродяга положил бутерброд обратно на стол.

Нет, прежде необходимо узнать, откуда он появился. Нельзя есть бутерброды неизвестного происхождения. Будь он найден в мусорном баке. А так... таким образом...

Сев поудобнее в продавленном, каким-то чудом до сих пор еще не развалившемся кресле, Чин-чин почесал мочку уха и попытался прикинуть, как ему все-таки поступить дальше.

Съесть или не съесть?

С одной стороны, ему и в самом деле случалось набивать себе желудок кое-чем, выглядевшим гораздо менее аппетитно. С другой, какая-нибудь найденная на дне мусорного контейнера засохшая хлебная корка гораздо предпочтительнее свеженького, лишь слегка надкушенного бутерброда, появившегося таким странным образом, возникшего из ниоткуда, материализовавшегося буквально из воздуха.

А так ли это было?

Чин-чин попытался вспомнить.

Итак, пять минут назад он сидел в этом же кресле и смотрел на этот же самый старый стол, мечтая о возможности перекусить. Стол был пуст, как сельское кладбище зимней ночью. Потом на нем возник бутерброд. Прямо у него на глазах. Вот сейчас его не было, а потом он появился.

Чин-чин вздохнул.

Ну хорошо, допустим, это чудо и бутерброд возник благодаря вмешательству святого духа. Но почему тогда он надкушен? Кто снял с него пробу? Боженька, решивший проверить вкус своего подарка? И почему у боженьки такие маленькие челюсти?

Теплый летний ветерок качнул оконную раму и она протяжно, очень громко закричала. Чин-чин не обратил на это ни малейшего внимания. Он продолжал думать.

Так есть или не есть? И вообще, как подобная материализация могла случиться?

Гм... материализация?

Чин-чин вспомнил прочитанную в детстве книжку. В ней говорилось о том, что любой человек, если он этого очень-очень захочет, способен материализовать свои желания, сделать их реальными.

Может, и сейчас... Ну уж нет, не так все просто.

Память тут же напомнила Чин-чину об огромном количестве случаев, когда ему хотелось есть ничуть не меньше, а то и больше, чем перед появлением бутерброда. Почему же тогда материализация получилась именно сегодня?

Любопытный вопрос.

Чин-чин озабоченно потер лоб, потом с обреченным видом протянул было руку к бутерброду, но передумал и на этот раз. Кто его знает, каково на вкус материализованное желание? Может, этот с виду такой вкусный бутерброд на поверку окажется чистейшим ядом?

А кстати, почему? Почему он должен оказаться ядовитым? И вообще, стоит ли слишком осторожничать? Если продолжать думать в этом направлении, то можно стать законченным параноиком.

Вот именно! А посему...

Бродяга все-таки не выдержал. Резко сглотнув накопившуюся во рту слюну, он быстро схватил бутер-

брод и судорожным движением откусил от него сразу же чуть ли не половину.

Какой там яд? Разве может отравка иметь такой чудесный вкус?

Прожевав и проглотив последний кусок, Чин-чин в изнеможении откинулся на спинку кресла. Он был сыт и не испытывал никаких неприятных ощущений. Таким образом, получалось, страхи его не имели под собой никакой почвы, совершенно никакой.

А значит...

Чин-чин подумал о том, что было бы неплохо, например, получать такие бутерброды постоянно, и не один раз в день, а по крайней мере — три. Конечно, это не могло сделать его жизнь райской, но все же... все же... А почему бы и нет?

Он внимательно оглядел пустой стол и сдвинув брови, попытался представить, как на нем появляется бутерброд.

Булочка и кусочки мяса с какой-то зеленью. Целый бутерброд. Очень вкусный... Впрочем, возможно, он даже и не такой вкусный... возможно, и надкушенный... не очень свежий... Лишь бы появился на этом столе, согласно желанию. Потом, после того как система будет отработана, можно настропиться в исполнении более сложных желаний. А сейчас...

Как и следовало ожидать, несмотря на все усилия, чудо не повторилось.

Осознав это, Чин-чин крепко выругался, но все же проигравшим себя не признал и сделал еще одну попытку. В этот раз он напрягся, словно роженица под конец схваток, и даже издал некое мычание.

Бесполезно.

Чин-чин снова откинулся на спинку кресла и уныло подумал о том, что вот кому-то другому, не такому, как он, неудачнику, чудо уж наверняка явилось бы не в виде надкусанного бутерброда, а, например, огромным бриллиантом или бумажником, битком набитым деньгами. Ему же...

Стоп!

Бродяга замер.

Какая-то мысль рождалась у него в голове, медленно, с натугой, словно цветочный росток, оказавшийся на свалке и поэтому вынужденный пробиваться к солн-

цу сквозь кучи мусора, ржавых консервных банок, пустых пакетов и пласты подмокших прошлогодних газет.

Мысль пробивалась, пробивалась и наконец — пробилась.

Чин-чин шелкнул пальцами.

Ему давно уже хотелось сделать этот эффектный жест, когда-то давно увиденный в кино, и вот наконец повод представился. Нет, конечно, он мог шелкать пальцами хоть сто раз на дню, но без повода, это было совсем не то. А вот сейчас, после того как для шелканья пальцами появилась реальная причина...

Если говорить точнее, то это было воспоминание. И достаточно важное. Бродяга вспомнил, что предшествовало появлению бутерброда. А была это довольно бесхитростная мысль о несправедливости устройства мира. Вот он, Чин-чин, сейчас очень голоден. А в это время кто-то из живущих на Земле почти наверняка на еду просто смотреть не может, мечтает от нее избавиться. И конечно, было бы здорово, если бы эта ненужная еда досталась ему, Чин-чину. Вот сейчас. Немедленно. Ненужная. Та, от которой кто-то мечтает избавиться.

Бродяга еще раз шелкнул пальцами и удовлетворенно кивнул.

Все верно. И доказательством этого является надкус, оставленный, конечно же, не лилипут, а самым обычным ребенком. Просто мама заставляла его съесть бутерброд, а закормленному малышу вовсе не хотелось есть и он представил, как бутерброд исчез. В этот же момент Чин-чину страшно захотелось получить не нужную кому-то еду. Два желания каким-то странным образом вошли во взаимодействие...

Да, теперь ему известны условия материализации. Почему бы не сделать еще одну попытку?

Чин-чин уселся в кресле поудобнее и попытался сконцентрировать мысли на еде. Кстати, это не потребовало от него больших усилий. На этот раз он даже не очень сильно напрягался. Ему просто достаточно сильно хотелось получить нечто съедобное, кому-то другому опротивевшее до колик.

И получилось!

На этот раз перед ним возникла тарелка с манной кашей. Каша была холодная и достаточно неприятная на вкус, но с изюмом. И вообще это была еда. А то, что какой-то карапуз ее лишился, так ведь по собственному желанию. Не так ли?

Вытащив из кармана погнутую алюминиевую ложку, Чин-чин с энтузиазмом опустошил тарелку и попытался прикинуть, каким еще образом можно использовать так неожиданно свалившийся на него дар.

Едой, допустим, он обеспечен. А еще чем?

Размышляя на эту тему, он почти машинально, вспомнив о том, чем его кормили в детстве, материализовал здоровенный кусок хлеба, намазанный вареньем.

Хлеб был свежий, а варенье — не очень вкусное. Впрочем, даже такого он не пробовал уже давно. Какой дурак выкинет в мусорный контейнер банку хорошего варенья?

Покончив с едой, Чин-чин вытащил из кармана окурок, внимательно его осмотрел и, признав достаточно длинным, хотел было прикурить, но вдруг передумал.

Почему — окурок? Неужели на всем свете нет ни одного человека, как раз в данный момент с отвращением думающего о принадлежащих ему сигаретах? Кто-то, пытающийся бросить курить, но совершенно неспособный это сделать.

Чин-чин усмехнулся.

Может, стоит ему немного помочь?

Пачка была здорово измусолена, но в ней все же обнаружили три целые сигареты. Затаившись ароматным дымом, Чин-чин попытался прикинуть, что прежний хозяин делал с этой пачкой, почему она в таком виде? Может, прежде чем сигареты исчезли, он мял их в руках, не в силах выкинуть в ближайшую урну?

Впрочем, какая разница? И вообще, не стоит ли ему сейчас еще немного поупражняться в полученном умении?

Он поупражнялся и в результате стал обладателем пары новеньких, из отличной кожи ботинок. Правда, цвет у них был довольно странный. Он несомненно наводил на мысли о заходящем солнце где-нибудь ближе к экватору. Только имело ли это значение для того, у кого на ногах были полуразвалившиеся опорки, судя по всему, обладающие гигантским, плотно насыщенным испытаниями и невзгодами прошлым?

Следующей вещью, полученной Чин-чином, было пальто из чудной сиреневой материи, названия которой он не знал, с наполовину утратившим волосяной покров собачьим воротником. Отложив его в сторону, Чин-чин попытался прикинуть, куда бы его можно было использовать? До холодов еще месяца три и все время таскать пальто за собой не имеет смысла. Кроме того, не раздобудет ли он в надлежащий момент с помощью новых чудесных возможностей нечто более элегантно и удобное?

Что именно? Почему бы не продолжить материализации?

Он продолжил.

За последующие полчаса он стал обладателем пары потертых шестипалых перчаток старого пыльного чехла от контрабаса, пропахшей кошками помятой шляпы, крохотного, пестрой расцветки зонтика с несколькими приличных размеров дырками, пенковой трубки, наполовину набитой кислого запаха табаком.

И еще... и еще... и еще...

Некоторое время спустя Чин-чин окинул задумчивым взглядом груды громоздившихся на столе вещей и решил, что настал момент немного передохнуть, осмыслить открывающиеся возможности.

Гм... возможности. Приятное слово. Обнадеживающее. Может, его предыдущая жизнь, со всеми ее невзгодами и испытаниями, была всего лишь прелюдией к этому моменту? Возможно, наступил его звездный час и уже завтра он будет жить не в заброшенном, предназначенном к сносу доме, а, например, в шикарном отеле?

Почему бы и нет?

Чин-чин хмыкнул.

Эк его растащило. Еще немного, и понадобится губо-закаточный механизм. Нет, конечно, отрицать значение происшедшего — глупо. Он и в самом деле обнаружил у себя некую чудесную способность. Правда, действие его дара распространяется только на вещи, окончательно кому-то надоевшие. И значит, если он и попадет в отель, то заведение это будет самого низшего разряда, для таких как он, неудачников.

Нет, проще всего остановиться на достигнутом, как он неоднократно поступал раньше. Вот только

неумение идти до конца превратило его в бродягу, в полном смысле этого слова, выкинуло на свалку жизни. Может, не стоит упускать счастливо подвернувшийся шанс взлететь повыше хотя бы сейчас?

Чин-чин призадумался.

Собственно говоря, а в чем еще он нуждается? Теперь с голода он не умрет. Одеждой, пусть плохонькой, но он обеспечен. Что еще нужно? Чем еще может снабдить его так кстати открывшийся у него чудесный дар?

Итак, хлебом насущным он обеспечен. Что следующее? Зрелища?

Хм... зрелища...

А почему бы и нет?

Телевизор, появившийся в углу комнаты, несмотря на отсутствие электричества, почему-то работал. Этим все его достоинства и исчерпывались. Ибо он был старый, прилично покореженный и показывал всего лишь две программы. По одной без перерывов все время шла самая наиглупейшая реклама, другая называлась: «круглосуточный курс умения своими руками надежно и экономично обустроить собачью будку». Посмотрев ее минут пять, Чин-чин убедился, что название программы отнюдь не шутка. В ней вполне серьезно учили дешево и хорошо строить собачьи будки. Самые разнообразные. Судя по титрам, действительно круглосуточно.

Следующая попытка принесла ему компьютер. Он тоже работал, не будучи подсоединенным к какому-либо источнику питания, но на его винчестере не было ни одной игрушки. Призвав на помощь все знания, приобретенные за два месяца, в течение которых он в свое еще относительно обеспеченное время работал сторожем в фирме по продаже компьютеров, Чин-чин пожелал несколько сидером-дисков с игрушками. Он даже получил их, но все диски были так поцарапаны, что ни одну игрушку установить так и не удалось.

Чертыхнувшись несколько раз, Чин-чин облокотился на стол и с ненавистью взглянув на экран бесполезного в данной ситуации компьютера, попытался подвести итог.

Итак, качественных зрелищ и увеселений ему чудесный дар обеспечить не мог. Нет, конечно, он мо-

жет попытать удачу еще по крайней мере несколько раз, материализовав, например, приемник или видеомэгнитофон. Вот только чем это закончится, можно предсказать почти наверняка.

А дальше? Каким еще способом можно использовать так неожиданно открывшиеся способности? Вполне возможно, если ему удастся придумать, каким образом их применить, перед ним откроются новые, блестящие перспективы. И тогда...

Тогда...

Хм...

А почему бы...

Чин-чин потратил некоторое время на обдумывание новой, неожиданно пришедшей ему в голову мысли. Похоже, осечки на этот раз не должно быть. Правда, риск велик, но кто не рискует, тот не пьет шампанского.

Кто не рискует...

Красивой эту женщину назвать было трудно. Миловидной — тоже. Пожалуй, она даже не могла претендовать на звание «ничего себе». Она была просто женщиной.

И так ли это мало, учитывая, кем был Чин-чин, где он находился и как до недавнего времени добывал хлеб насущный? Хотя... хотя... так ли все однозначно? Действительно, еще утром он был обычным бродягой, бездомным попрошайкой. А сейчас? Кто он сейчас?

— Ты кто? — спросила женщина.

Голос у нее был низкий, хриплый, и в нем достаточно явно чувствовалась агрессия.

Чин-чин усмехнулся.

Его вдруг поразила мысль, что он сейчас является хозяином этой женщины и может сделать с ней все что угодно. В самом деле, разве не он выдернул ее из какого-то находящегося, может быть, на другом конце страны города и перенес сюда, в заброшенный дом? Причем это только начало. Кто знает, какие возможности у него откроются, если он попытается их поискать? Он обнаружил у себя одну чудесную особенность. Почему бы не поискать и другие? Вдруг найдется еще нечто более серьезное, приносящее большую выгоду?

— Эй ты, скажи-ка мне, кто ты такой и как я здесь оказалась? И советую тебе сделать это побыстрее. Ты меня понимаешь?

В голосе женщины явственно прорезались визгливые нотки. Кажется, она собиралась закатить скандал. Причем, судя по-всему, это являлось для нее привычным делом.

Раньше угроза предстоящего скандала с кем бы то ни было ввергала Чин-чина в панику и заставляла немедленно капитулировать. Однако это было раньше. Сейчас внезапно открывшийся чудесный дар сделал его другим, изменил его отношение к людям.

— А какая тебе, собственно, разница, женщина? — внушительно сказал он. — Главное, я являюсь твоим господином, и ты должна мне подчиняться. Беспрекословно. Если же ты не согласна, если посмеешь мне перечить, то не успеешь оглянуться, как окажешься, например, в центре вулкана или на самом дне марианской впадины. Как, нравится?

Явно не оставляя намерения закатить скандал, женщина открыла было рот... Но тут вдруг, что-то наконец осознав, она бросила на Чин-чина испуганный взгляд и поспешно кивнула.

— Что ты хотела сказать? — требовательно спросил Чин-чин.

Ощущение победы его опьяняло. Кроме того, он знал основной закон любой войны. Захватить — трудно, удержать — в два раза труднее. А чтобы все же удержать, первым делом надо закрепиться на захваченных позициях как можно основательнее.

Женщина неуверенно взмахнула рукой, показывая, что все в порядке, но потом все же решилась, спросила:

— Ты не шутишь?

— А разве это похоже на шутки? — промолвил Чин-чин. — Оглянись вокруг, попытайся объяснить себе, каким образом ты сюда попала, а потом еще раз задай этот же вопрос. Не покажется ли он тебе идиотским?

— Хорошо, я подумаю, — сообщила женщина.

— Пока думаешь, заодно приготовь что-нибудь поесть.

Чин-чин пер вперед, не разбирая дороги, закусив удила, надеясь лишь на кривую, которая, как известно, иногда вывозит.

— А продукты? — оторопело спросила женщина.

— Сейчас.

Используя уже приобретенную сноровку, Чин-чин достаточно быстро снабдил женщину некоторым ко-

личеством продуктов, а также парой эмалированных кастрюль, каждая с одной ручкой, и облупившейся во многих местах эмалью. Правда, кастрюли были без дырок, не очень грязными и, значит, вполне годились в дело.

— Приступай, — скомандовал он.

— А плита? — спросила женщина.

— Ах да...

Для того чтобы манипуляции женщины не отвлекали его от раздумий, плиту Чин-чин сотворил в соседней комнате. Как он и рассчитывал, электрическая плита работала без подключения к сети. Как и следовало ожидать, работала она из рук вон плохо. Рассудив, что последнее уже не является его заботой, Чин-чин вернулся в свое кресло.

Прислушиваясь к тому, как в соседней комнате женщина гремит кастрюлями, новоявленный волшебник вдруг сообразил, что так и не знает, как ее зовут. Впрочем, она тоже не имеет ни малейшего понятия о его имени. И конечно, исправить это упущение недолго. Но стоит ли так торопиться? Возможно, эта женщина ему не подойдет?

И вообще, сейчас надлежало подумать не о всяких пустяках, а о вещах, гораздо более важных.

Каких?

Ну, например, у него было совершенно четкое ощущение, будто ему не удалось исчерпать все возможности открывшегося дара. Должно быть что-то еще. Какие-то новые выгоды, новые горизонты...

Над этим следовало хорошенько подумать. Благо теперь ему не нужно было отправляться на обход мусорных контейнеров и, значит, свободного времени у него было выше крыши.

И Чин-чин додумался.

Он едва успел покончить с очередным желанием, когда появившаяся из соседней комнаты женщина молча бухнула перед ним на стол жестяную миску, наполненную каким-то варевом.

— Что это? — поинтересовался Чин-чин.

— Бигус, — последовало объяснение.

Бродяга принялся.

Запах запросто мог вышибить слезу из менее привычного человека. И если это варево в самом деле

было съедобно, то называться оно могло действительно только бигусом. И все же это было первое горячее блюдо за многие месяцы, которое ему удалось попробовать.

Покончив с ним, Чин-чин удовлетворенно потянулся и подумал, что сделал не так уж и плохо, материализовав женщину. Ее стоит оставить при себе, а значит...

— Мне нужны мои близкие, — сказала женщина.

— Муж? — моментально насторожился Чин-чин.

— Давно сбежал, мерзавец.

— Ну хорошо, — успокаиваясь, махнул рукой бродяга. — Будут тебе близкие. Если, конечно, они не станут слишком мозолить мне глаза.

— Согласна, — промолвила женщина. — Только — сейчас.

Чин-чин удовлетворенно кивнул.

Эта женщина явно знала жизнь не с самой лучшей стороны и воспринимала окружающий мир без малейших иллюзий. Она знала, что появившуюся возможность что-то получить не стоит откладывать на завтра. Завтра скорее всего не будет ничего.

— Ну, так как? — спросила женщина. — Сейчас или когда-нибудь потом?

— Сейчас, — буркнул Чин-чин. — Иди в соседнюю комнату. Здесь у меня скоро будет важное совещание.

— Не надуешь? — поинтересовалась женщина.

— Нет. Иди и жди.

Она ушла, а Чин-чин попытался претворить ее желание в жизнь. Похоже, ему это удалось. По крайней мере из соседней комнаты теперь доносились два голоса. И второй был старушечьим, скрипучим, очень недовольным. Потом раздался еще один голос. На этот раз детский. И еще один. А может, это был все тот же ребенок?

Чин-чин хотел уже было отправиться в комнату женщины и устроить смотр своего так неожиданно разросшегося семейства, но, взглянув в окно, увидел подъехавшую к дому легковую машину и передумал.

Кажется, исполнялось желание, загаданное им перед тем, как женщина принесла бигус.

Бродяга довольно улыбнулся.

Если только все получится точно так, как он пожелал...

Ага, как же...

Некоторое время спустя Чин-чин убедился, что его надежды оказались напрасны. Конечно, не то чтобы совсем... но все же...

В общем, появившийся перед ним одетый в безупречный строгий костюм молодой человек, как он и рассчитывал, принес заполненные, согласно всем требованиям закона, документы. Согласно этим документам, он стал владельцем банка.

Вот только... Ну да, ну да, все верно... Была и закавыка, портившая всю картину.

Принадлежавший ему банк оказался чуть ли не самым захудалым на свете. Доход с него был настолько ничтожен, что переезд в жилище более комфортабельное, чем предназначенный к сносу дом, в ближайшее время представлялся совершенно эфемерным. Мановением руки отпустив молодого человека, Чин-чин еще раз взглянул на лежащие перед ним бумаги, прислушался к тому, как женщина в соседней комнате кого-то громко отчитывает, и тяжело вздохнул.

Теперь принцип действия чудесного дара был совершенно понятен. И значит, дальнейшее предугадать было нетрудно.

Абсолютно все его желания будут исполняться, вот только с одной-единственной постоянной поправкой. Что бы он ни захотел, чего бы ни пожелал, он получит самый худший из возможных вариантов, такой, от которого с радостью избавился кто-то другой, более удачливый.

Удачливый... Получается, он не просто неудачник, а самый большой из всех возможных? Неудачник в квадрате?

Гм... А ведь еще сегодня утром он мечтал всего-навсего о бутерброде. Сейчас же... Не слишком ли его растащило? Может быть, стоит умерить аппетит и довольствоваться синицей в руке? А журавль... а журавль пусть летит. Тем более что поймать его ну никак не представляется возможным. Но — хочется. Аппетит, как известно, приходит во время еды. И если постараться, если что-нибудь придумать...

А что именно?

Если он пожелает себе машину, то это окажется самая худшая, устаревшая, то и дело ломающаяся машина на свете. Если он надумает сменить женщину, то но-

вая будет ничуть не лучше той, которая сейчас находится в соседней комнате. Возможно даже — хуже. И какой смысл тогда что-то менять? Все-таки занять свой дом, поскольку теперь у него есть семья и ей необходимы удобства? Однако будет ли полученный с помощью чудесного дара дом лучше этого?

Ох, вряд ли... Ох, сомнительно...

Так что же ему остается? Обладая чудесным даром, всю жизнь питаться объедками и жить в развалах? И можно ли как-то изменить подобное положение, найти из него выход?

Гм...

Чин-чин снова взглянул в сторону окна и прищурился, получив очередной укол солнечным лучиком.

Выход... способность использовать представившуюся возможность...

Ну хорошо, если посмотреть на все происходящие с ним чудеса со стороны, то можно сделать довольно любопытный вывод. Собственно, все эти материализации являются всего лишь доказательством существования явлений с точки зрения науки необъяснимых. И если об этом проведает церковники... если они ему предложат работу... Причем совершенно не важно, какой церкви, учению или секте служить. Все они, в одинаковой степени испытывают гигантскую нужду в чудесах. И удовлетворяя эту нужду, можно в самом деле обогатиться...

Хотя, хотя...

Чин-чин еще раз почесал в затылке.

Если подумать, то приходишь к выводу, что набор стандартных чудес не так уж и обширен.

Излечение? Да, он наверняка может пожелать излечения того или иного человека. Но каким методом? Подсунув вместо проказы какую-нибудь не менее, а возможно, и более страшную болезнь? Накормить голодных семью надкусанными и заплесневелыми хлебами? Нет уж, настоящие чудеса для религиозных фанатиков должны проходить без сучка и задоринки. По крайней мере настоящие, за которые платят неплохие деньги. А дилетантов в этой области полным-полно и без него.

Чин-чин взял один из лежавших перед ним документов и внимательно прочитал тот абзац, из которого следовало, что он является владельцем банка.

Да, банка... Только толку-то с этого... Лучше бы уж не позориться. Сидел бы себе в этом предназначенном к сносу доме, питался надкусанными бутербродами и, возможно, был бы счастлив на полную катушку.

Кто в этом мире может быть по-настоящему счастлив? Только тот, у кого нет ничего, кому нечего терять. Чем выше ты поднимаешься, тем больше на тебя наваливается хлопот, забот, тем больше сил и нервов тебе приходится тратить. Это — неумолимый, не имеющий исключений закон.

А если все же?.. Если из этого закона есть исключения?

Чин-чин задумчиво покрутил головой.

Какие исключения? Каким образом они могут возникнуть? Разве что — чудом. Гм... чудом? А разве то, чем он только что занимался, не является чудом? Самым настоящим, невозможным чудом. И все-таки он это делал, усилием мысли переносил, возможно, с другого конца земного шара, вещи и даже людей. А потом, не ограничившись этим, он превратился во владельца банка. И если идти дальше по пути чудес...

У Чин-чина перехватило дыхание. Он вдруг осознал, на какую дорогу ступил и что маячит в ее конце. Кстати, если есть такая возможность, не проще ли всего, миновав промежуточные станции, сразу перенестись к финишу, получить самый главный приз? Кто или что помешает ему это сделать? Да никто. А посему...

Чувствуя, как у него похолодели от ужаса кончики пальцев, Чин-чин закрыл глаза и загадал желание...

Все оказалось именно таким, как он и представлял.

Белоснежное, простирающееся в бесконечность облако, нестерпимо сверкающая, словно сделанная из алмазов ограда и сияющие всеми цветами радуги, расположенные неподалеку от него огромные ворота. Перед воротами неторопливо прохаживался лысый толстяк в белой хламиде. В руках у него была внушительного размера связка ключей. Повернувшись спиной к воротам, Чин-чин обнаружил, что стоит на краю огромной дыры, через которую можно было разглядеть располагающуюся где-то далеко внизу некую планету. Впрочем, форма и расположение ее материков показались Чин-чину смутно знакомыми.

Удовлетворенно кивнув, он снова повернулся к воротам.

Прожаживавшийся перед ними толстяк, увидев это, сейчас же остановился и бросил на него преданный взгляд. Вся его поза выражала готовность немедленно и как можно лучше исполнить любое полученное приказание.

Да уж, приказание...

Чин-чин улыбнулся. В душе у него стремительно росла уверенность, что на этот раз все получилось, причем без досадных отклонений, так, как он и хотел, без осечек...

А ведь точно, получилось! И значит, он...

Чин-чин поднял руки и осторожно пощупал воздух у себя над головой. Там что-то было, некое почти неосязаемое вещество. Так и не сумев ухватить его, Чин-чин взглянул на свои пальцы и, увидев медленно исчезающие радужные пятна, вдруг сообразил, с чем имеет дело.

Ну конечно, это нимб. Ничем иным это быть не может. И значит... А тот лысый толстяк является...

Проще всего было бы подойти и, задав несколько вопросов, окончательно убедиться в справедливости своих подозрений. Впрочем, какие там подозрения? Все было ясно и так.

Последнее его желание исполнилось на все сто процентов. А значить, порочный круг, внутри которого он мог претендовать лишь на объедки, был разорван. Отныне, как и положено настоящему богу, он будет получать все только самое лучшее. Никаких поношенных вещей, окончательно опротивевших кому-то жен и детей, а также захудалых банков.

Чин-чину захотелось подпрыгнуть и издать радостный вопль. От этого его удержало лишь осознание только что обретенного величайшего статуса.

Вот какой результат может принести одна-единственная пришедшая в голову вовремя удачная мысль.

Стать богом. Разве не гениально? Разве не здорово? Жить в райском саду, не испытывая ни в чем нужды, жить вечно, время от времени ради развлечения приглядывая за этими жалкими людишками в соответствии с их делами, награждая или наказывая...

Кстати, а куда делся тот, кто был богом до него? Исчез, растворился, перестал существовать? И причиной этого была всего лишь не вовремя возникшая мысль о

несовершенстве подвластного тебе мира, секундное желание от него избавиться?

Чин-чин поежился.

Если такое произошло с его предшественником, то где гарантия, что подобное не может повториться еще раз? И может быть, стоит принять какие-то меры, как-то ограничить для жителей Земли возможность творить чудеса? Его предшественник, наверное, так и сделал, но ограничил только возможность творить обычные чудеса, не сумел предвидеть появление кого-то способного отбирать ненужные вещи. И этого для проигрыша оказалось вполне достаточно.

Подходя к воротам, Чин-чин дал себе самый строгий зарок принять надлежащий меры. Но только не сейчас. Немного погодя. Для начала надо убедиться в том, что все это не плод его воображения. Кто знает, может быть, настоящий бог все еще на месте, может быть, он оказался здесь всего лишь по недоразумению.

Его тревоги не оправдались.

Лысый толстяк шелкнул ключом, и ворота в райский сад мгновенно открылись. А заметив группу встречающих его ангелов, Чин-чин и вовсе успокоился.

Нет, все верно, все правильно. Он все-таки умудрился поймать свой единственный и неповторимый шанс. Да еще какой!

Гордо вскинув голову, он вступил под сень райского сада...

Немного погодя заглянувший к Чин-чину в гости бог соседнего мира рассказал ему о статусе доставшейся ему во владение собственности. Еще некоторое время спустя ново-явленному богу ради восстановления улетучившейся из его мира энергии пришлось в первый и далеко не последний раз заняться обследованием ближайших черных дыр, копаться в переполнявшем их мусоре.

Февраль 2002

Леонид Каганов

ЭПОС ХИШНИКА

Просто послушай секунду, о'кей? Услышь — это очень важное место! Я смотрел сверху на эту планету. Космонавт над этой землей. И я видел страдания. И войны. И жадность, жадность, жадность. И я подумал: прокляну продажу. Прокляну покупку. Прокляну этот сучий мир и давайте будем... Прекрасными.

Марк Равенхилл «Shopping & Fucking»

Как будто ничего не произошло. Потолок бокса ярко светился, а на оконном экране убаюкивающе кружилась галактика. Сиреневая, безобидная. Одни и те же созвездия медленно плыли по кругу. И тоскливо выла далекая сирена.

— Мамонты — это драконы? — снова промурлыкала Глайя.

— Прости? — Я очнулся и оторвал взгляд от звездного крошева.

— Гигантские вымершие рептилии. Я читал эпос.

— Читала эпос, — поправил я. — Ты существо женского пола! Выражайся правильно!

— Не срывайся, — сказала Глайя. — Все будет хорошо.

Мне стало стыдно. Глайя отлично знала русский язык. Когда механик принес ее на борт в плетеной корзинке, мурчала только «солнце» и «добрый день». Себя называла в третьем лице — «пушистый». Объяснялась жестами, смешно махала толстыми лапками. Русский выучила в первый день полета. Сидела безвылазно за планшеткой в каюте, не выходила даже поесть — мы с механиком носили еду в мисочке. Они жут-

ко талантливы, эти Чужие. Сейчас Глайя свернулась калачиком на холодном пластике медицинского стола и смотрела на меня большими глазами. Мышь размером со спаниеля. Кошка с расцветкой енота. Огромные глаза. Сплошной каштановый зрачок, никаких белков. Как ей не холодно? Я мерз даже в телаксовом комбезе. Хотя ведь у нее мех. Самый теплый мех в мире.

— Мне удобно говорить о себе в мужском роде, — промурлыкала Глайя. — Ведь человек мужского рода. И разум — мужского. И значит, все, что делает разум, должно быть мужского рода. Я Глайя из рода ют с планеты Юта. Я изучал ваш эпос. У вас очень маленький эпос, всего несколько тысяч лет. Можно выучить за сутки.

Глайя задумчиво уткнулась мордочкой в лапки. Я отвернулся. Медленноплыли звезды на экране. Отвратительные, холодные. Хотелось закрыть глаза, но тогда пространство заполнит сирена, безнадежная, как зубная боль.

— Сколько тебе лет? — спросил я тихо, просто чтобы нарушить тоскливый вой.

— В переводе на ваше исчисление... — Глайя задумалась, пушистый хвост покрутился вокруг ножки стола. — Хронологически мне шесть земных лет. А социально — около семнадцати.

— Ты несовершеннолетняя?

— Я совсем маленький. Но если бы я вернулся с Земли, выучив язык и эпос, то мог стать совершеннолетним.

Глайя свернула бархатные уши как два зонтика. Они скрылись в волнах серого меха. Это должно обозначать какую-то эмоцию. Свернула уши. Отчаяние? Печаль? Или ей тоже давит на мозг сирена? Что может быть глупее, чем сирена, пытающаяся сообщить о том, что уже сутки известно и без нее?

— Ты не ответил. — Глайя снова развернула уши. — Драконы — это мамонты?

— Нет. Мамонты — были такие слоны, — объяснил я. — Огромные косматые звери. Древние люди перебили их.

— Почему перебили? — Глайя смотрела громадными глазами.

— Глупые были. — Я отвел взгляд. — Жрать хотелось.

— Я забыл. Вы плотоядные. — Глайя снова задумчиво уставилась на автоклав в углу.

— Драконы — это вымышленные существа, вроде гигантских рептилий, — продолжил я. — Были и настоящие гигантские рептилии, но они вымерли за миллионы лет до появления человека. Никто не знает почему. А драконов по правде не было.

Я вдруг поймал себя на том, что разговариваю с ней как с ребенком. Но ведь это не ребенок...

— Как-то очень запутанно, — сказала Глайя.

А может, и ребенок... Я же не ксенопсихолог. Я бортовой фельдшер самого обычного человеческого корабля. Хвост снова махнул в воздухе. Огромный, белый с черными полосками.

— Слушай, — я глотнул, — а что, если эта чертова сирена... Это значит, что многие аварийные системы в порядке! Может, мы зря волнуемся, уже давно сигнал бедствия...

Глайя мягко плюхнулась со стола на все четыре лапки и в следующий миг уже сидела рядом с моим креслом.

— Не надо. Мы ведь решили пока не говорить про это? Мы будем рассказывать друг другу сказки про драконов, да?

Все-таки ребенок...

— Но если нас не найдут за двенадцать часов...

— Нет. — Глайя положила теплую лапку на мое колено. — Если разговор ничего не изменит, зачем разговор?

— Незачем, — согласился я и погладил ее спину.

Удивительно шелковистая. У земных зверей не бывает такой шерсти. Приятно сидеть рядом. Просто сидеть и смотреть, как сиреневая галактика нарезает круг за кругом.

— Еще три миллиона лет назад, — начала Глайя, — у нас тоже всюду жили драконы. Они нападали, но предки строили заграды. Есть такое слово — заграды? Потом юты размножились, и теперь ящеры живут только в заповедниках. Они не разумные, но в эпосе часто разговаривают.

— Я слышал, что ваша раса очень древняя, — вспомнил я.

— Первому эпосу более двух миллионов лет, — промурлыкала Глайя.

— Вы могли быть первыми в галактике.

— Мы первые.

— Я имею в виду — первыми покорителями космоса. Вы же такие умные.

Глайя повернула ко мне мордочку и посмотрела снизу вверх. Каштановые глазищи. Крохотная черная носопырка. Изыщные усы. И огромные бархатные уши.

— Ты тоже умный, — сказала Глайя. — Я расскажу тебе один наш старый эпос и ты все поймешь.

— Сказку? — Я поднялся с кресла и сел на пол рядом с ней.

— Да, сказку. У нас бывают похожие сказки, — сказала Глайя. — Про драконов, принцесс и рыцарей.

— Наши расы вообще похожи, — кивнул я. — Белковые кислородные организмы, даже клетки почти одинаковые. Есть гипотеза, что мы — одна форма жизни, занесенная на наши планеты из космоса. И метаболизм. Ведь ты попросила капли от головной боли и мы отправились в бокс, когда...

— Здесь надо остановиться. — Глайя требовательно постучала лапкой по моему колену. — Послушай, я рассказываю сказку. Постараюсь перевести дословно. Эта сказка звучит полдня, но я расскажу только сюжет. Давным-давно в поселке N жила принцесса...

— Тогда уж в замке. Принцессы не живут в поселках. Принцесса — дочь из элитного рода. Или у вас различий тоже не бывает?

— Бывают, конечно. В том-то все и дело — принцесса родилась очень красивая. У нее было белое мохнатое брюшко, очень пушистая спинка и самый длинный хвост в округе. У нее были бархатные уши и красивые глаза. Она была очень умной. Еще в раннем возрасте знала множество эпосов. Женихи поселения ее очень любили. С ней было ужасно приятно спариваться.

— Так нельзя в сказках. Спаривание — это табу. Ну, в смысле...

— Я знаю табу, я изучал ваш океанский эпос. Хорошо, буду цензурировать. Однажды летним днем принцесса вышла из заграды в дремучую хвою.

— Лес?

— Да, густой хвойный лес. Из надежной заграды. Вдруг из хвои выскочил дракон, схватил принцессу, взлетел в воздух и унес в горное гнездо. Жители поселения решили, что она погибла. Но самый некрасивый жених отправился ее искать. Он шел без отдыха много дней и ночей.

Трава, деревья, ручьи и птицы кормили его, согревали и показывали дорогу. Наконец он поднялся в гору и ночью вышел к гнезду дракона. Дракон спал, а принцесса была заперта в каменной темнице. Но он нашел щель, окликнул принцессу и она услышала его. Он был рядом, и они говорили обо всем на свете — ночь до утра.

Глайя замолчала и посмотрела на меня.

— Продолжай, я внимательно слушаю. — сказал я.

— Все.

— Что? Конец сказки?

— Да.

— А в чем смысл?

— Больше ей не было страшно.

— Он не победил дракона, не открыл темницу?

— Для нашей сказки это не принципиально. Может, победил, может, не победил. Может, не смог открыть темницу. Может, дракон утром съел обоих. Или дракон съел принцессу, а он спрятался. Зато принцесса знала, что рядом друг. Ей не было страшно. Он пришел, чтобы быть вместе. Ведь это важнее всего — быть рядом до самого конца.

— Идиотизм, — сказал я, поднялся с пола и сел в кресло.

— Конечно, сказка очень древняя, — кивнула Глайя. —

Но почему идиотизм?

— Вообще-то в сказках добру положено победить.

— Но ведь ты помнишь, что юты не хищники? — Она повернула мордочку. — Откуда в нашем эпосе идея победы?

— Значит, идея поражения? Хорошие сказки.

— В нашей культуре нет идеи поражения. Воспевание жертвенности — тоже эпос хищников. А у нас идея помощи.

— Идея пассивности!

— Нет.

— Превосходно! Глайя, ты знаешь, что твой мех считается самым ценным в галактике?

— Да.

— А знаешь, как еще пять лет назад браконьеры опускались на Юту и стреляли в твоих сородичей? И земляне, и бандиты других планет тайно летали на охоту? Это нормально?

— Ненормально. Было всего пятнадцать случаев, затем мы поставили систему ловушек, теперь этого

нет, браконьеры депортируются раньше, чем ступят на планету.

— А это нормально, что убийцы не наказаны?

— Мертвые шкурки не станут живыми ютами. Какой смысл наказывать?

Я не нашелся, что ответить, и только со злостью хлопнул руками по подлокотникам кресла.

— Я попробую объяснить, — сказала Глайя. — Представь, что горная лавина засыпала альпинистов. Вы же не станете мстить лавине?

— Идиотизм, — сказал я. — Непротивление злу.

— Почему непротивление? В нашем эпосе много сказок, где юты мешают дракону убить своих друзей. Просто они не герои и действуют разумно и сообща. Герой-одиночка бывает только в эпосе хищника.

— Почему?

— Потому что герой — это не тот, кто сильнее врагов. Герой — это тот, кто сильнее своих. Ему не должно быть равных в том, что он делает, поэтому герои хищников действуют в одиночку. В наших сказках обычно нет ни героев, ни врагов. Но мне хотелось рассказать тебе именно эту сказку, чтобы ты сравнил со своим эпосом.

— Ясно. — Я хмыкнул. — Показать, какие наши сказки поганные и какие ваши добрые?

— Как это удивительно, — промурлыкала Глайя, потерлась бархатным ушком о мое колено, обернулась и посмотрела мне в глаза. — Ты любой разговор превращаешь в борьбу. Неужели всерьез думаешь, что я хочу оскорбить твой эпос и похвалить свой?

— Извини, — смутился я.

— Извини... — повторила Глайя задумчиво. — Это слово мне было выучить сложнее всего. В нашем языке нет слова «извини».

— А какими словами вы просите прощения?

— Мы не просим прощения. У нас есть слово «счюйтц» — заблуждение, ошибка. Можно сказать собеседнику: «Мои слова были счюйтц». Но незачем демонстрировать отсутствие агрессии и просить не карать за проступок, понимаешь?

— То есть вы можете хамить друг другу, но вам и в голову не придет извиниться?!

— Мы не умеем хамить. — Глайя потянулась. — Если слова оказываются неприятными, то это не агрессия. Возможно, счюитц. А может, неприятная правда. Понимаешь? У нас нет слов «равенство», «смирение», «возмездие» и «добро». У нас никто не стремится попасть в более лучшее место, чем остальные. У нас вообще никто не стремится. Понимаешь? А у вас по-другому. Войны, Олимпийские игры, экономическая конкуренция, карьерный рост, научные споры. Сильный и слабый, оскорбление и извинение, преступление и наказание, подчинение и руководство, предательство и месть. У вас смешной обычай приветствия — соприкоснуться открытой ладонью, показать, что нет оружия. Или обычай чокаться бокалами, чтобы напитки плескались через край и было видно, что нет яда. У вас есть деньги. У вас есть преступность и вы с ней боретесь. Это ведь не только на Земле, это психология любой цивилизации хищников. И это очень интересно, правда? Мне очень интересна ваша культура, а тебе интересна наша, правда?

— Интересна. Но я вас не понимаю.

— Так и я не все понимаю. — Глайя потянулась. — Вот у вас отменена смертная казнь...

— И чего тут непонятного? — Я подозрительно уставился на Глайю.

— Я изучал разные эпосы. Я был на Волгле. Там недавно отменили поедание самца после спаривания...

— Что?! — изумился я. — Ты была на Волгле? У диких пауков?

— Они не дикие, они разумные. Их инстинкты давно скованы социальными нормами, для путешественников опасности мало. — Глайя лизнула правую лапку. — Я изучал их эпос, там тоже драконы. Хочешь расскажу Тратаниан? Это главный эпос самого богатого правящего рода. Эпос о Перворождении.

— Ну расскажи... — Я снова опустился на пол и прислонился к Глайе.

— На заре мира рыцарша Тратаниан отправилась на бой с драконом. Панцирный дракон был так могуч, что закрывал полнеба на семь дней пути.

— А похитить принцессу? — уточнил я на всякий случай.

— Зачем? Пауки Волглы — хищники одиночные, торговля поступком не в их обычаях.

— Чего???

— Торговля поступком. Когда помогают за помощь и мстят за агрессию. Поэтому нападение на врага не требует причины. Понимаешь?

— Кажется, понимаю...

— Рыцарша Тратаниан шла много дней и на ее пути встала гора. «Прочь с дороги!» — закричала Тратаниан и укусила гору. Но гора не шелохнулась. Тратаниан пришла в неописуемый гнев. Ударами своих мощных хелицер она раскидала гору и на ее месте образовалась яма. Тратаниан испражнилась в яму и отправилась дальше.

— Идиотизм, — сказал я.

— Почему идиотизм? — живо повернулась Глайя. — Просто преувеличение. Конечно, паучиха не может раскидать гору, к тому же они ростом меньше меня.

— А почему гору надо раскидывать?

— Ну как ты не понимаешь! Гора встала на ее пути. Гора — враг. Врага надо победить, уничтожить и унижить. Представь, что гора — живое чудовище, тогда поведение Тратаниан будет логичным с точки зрения человека.

— Человек не борется с неживой природой! — сказал я.

— Человек не такой ярко выраженный хищник, — возразила Глайя. — Но и в вашем эпосе встречается борьба с неживой природой.

— Пример, пожалуйста, — обиделся я.

— Пример... — Глайя подняла пушистую лапку и совсем по-кошачьи почесала ухо. — Человек сказал Днепру: я стеной тебя запру...

— Это откуда? — насторожился я.

— Нет, не то, — мурлыкнула Глайя. — Вот хороший пример: буря разметала флот царя Ксеркса, и тот решил наказать море. Он приказал высечь море кнутами. Эпос Древней Греции.

— Увы, не знаком, — сказал я. — Наверно, совсем древний эпос? Но если так, то полный идиотизм!

— Вот относительно новый эпос: Иисус Христос, увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней и, ничего не найдя на ней, кроме одних листьев, говорит ей:

«Да не будет же впредь от тебя плода вовек». И смоковница тотчас засохла.

— Совершенно неуместный пример! — возмутился я. — Это просто земледелие. Селекция.

— Я продолжу сказку, хорошо? Тратаниан отправилась дальше, но дорогу преградило поле флой. Флоя — такое ядовитое колючее растение с толстыми древесными стеблями, оно растет сплошной стеной. Представляешь, да? Тратаниан закричала: «Расступись, флой!», но флой лишь зашелестела и встала еще плотнее. Тратаниан пришла в неописуемый гнев. Она начала перекусывать стебли один за другим и насиловать их.

— Чего делать? — удивился я.

— Принуждать к сексуальным отношениям. В эпосе хищников часто используется как форма агрессии и победы. Например, у людей, когда...

— Как можно изнасиловать поле ядовитых растений?

— Я тоже не очень хорошо представляю, — задумалась Глайя. — Но так говорит эпос, наверно, в переносном смысле. Когда с полем было покончено, Тратаниан отправилась дальше. Дорогу ей преградило озеро.

— Дальше понятно, — сказал я. — Она крикнула озеру «отойди в сторону», но озеро не послушало, тогда она пришла в неописуемый гнев, озеро выпила, в яму нагадила, ну еще как-нибудь изнасиловала...

— Нет, — сказала Глайя. — В эпосе пауков вода не бывает врагом. У нас принято объяснять это тем, что воды на Волгле мало и она ценится. Но я думаю, все потому, что вода не имеет формы. Это сложно объяснить, для пауков облик врага важнее всего. Тратаниан увидела на берегу пасущегося коленчатого моллюска. Она вскочила на его спину и велела перевезти на другой берег. Дрожа от страха, моллюск перевез ее. Тратаниан вспорола ему брюхо, съела сердце и отправилась дальше.

— Благодарность... — фыркнул я.

— Свойственна только культурам стадных хищников, — кивнула Глайя. — Пауки не торгуют поступками.

— Постой, а у вас тоже нет благодарности?

— И у нас нет. Разве для поступка помощи нужна причина? Мне было сложно это понять. И тебе, наверно, очень сложно?

— Да уж...

— К тому же моллюск — добыча, глупо оставлять еду. Представь, что банка консервов помогла тебе заколотить деталь в крепежное гнездо, ты же ее после этого съешь, а не отпустишь в космическое пространство?

— Банка-то не живая!

— Мы уже обсуждали. Хищники не всегда делают различия между живым и неживым врагом. Тратаниан отправилась дальше и вышла к логову панцирного дракона. Дракон был страшен. Я опускаю подробности. Началась битва. Тоже пропускаю, это самая длинная и подробная часть эпоса. Наконец гигантский дракон был повержен. Тратаниан изнасиловала его, затем разорвала на части и съела. Вскоре у нее завязалась кладка яиц от него.

— От дракона?!

— Но ведь и люди в некоторых эпосах ведут род от зверей? Конечно, с точки зрения генетики...

— Да пес с ней, с генетикой! У нее будут дети от врага?!

— Вполне разумное поведение для хищников-одиночек: сильный враг — сильный генофонд. Тут другая неясность — выходит, дракон был самцом? Но самцом он не мог быть, пауки не считают геройством победу над слабым полом. Когда просишь объяснить это место в эпосе, они впадают в агрессию... — Глайя задумчиво лизнула правую лапку. — Так вот, Тратаниан отложила кладку и у нее родилось пятьсот одиннадцать дочерей. В оригинале, — семьсот семьдесят семь, у них восьмеричная система счисления. Тогда Тратаниан бросилась на спину, разодрала свое тело на пятьсот одиннадцать частей и умерла. А дочери расползлись по миру и дали начало могущественному роду Тратаниан. Конец сказки.

— Впечатляет, — сказал я. — Только зачем себя разрывать?

— Жертвенная гибель, — объяснила Глайя. — Неизбежно появляется в эпосе всех развитых хищников. Как обратная сторона медали. Лицевая сторона — это агрессия внешняя, расправа над врагом. Победа физическая или более сложная, социальная — месть, разоблачение, позор. А обратная сторона — это агрессия, направленная внутрь. Жертвенная гибель — победа над собой, над жизнью и смертью.

— Это как? — не понял я.

— Эпос, прославляющий красоту гибели. Когда хищник уничтожает врагов, погибая сам. Взрывает оружие, сбрасывает общий транспорт в пропасть, заводит чужую армию в ущелье и запутывает следы. В более продвинутом варианте хищник принимает мучительную смерть ради своей идеи. Например, у людей в относительно новом эпосе...

— А ну заткнись! — рявкнул я и стукнул кулаком по полу так, что звякнули защелки автоклава.

Глайя замолчала и задумчиво почесала ушко. Наступила тишина, и в тишине снова выплыла тоскливая сирена.

— Извини, — сказал я, откашлявшись. — Счюитц бить кулаком по полу.

— Так вот, — откликнулась Глайя. — Мы говорили о Тратаниан. Основательница сильного рода не должна иметь себе равных в мире. Поэтому не может принять смерть от врагов, от старости или от болезней, правильно? Она может принять мучительную смерть только от себя самой — во имя идеи рода. Дочери пожирают плоть ее и кровь ее и расходятся сытые по миру. Эпос пауков очень логичен.

Я помолчал, а затем все-таки спросил:

— Глайя, а ты сама как считаешь — эпос людей больше похож на эпос пауков или ют?

— Трудно сравнивать, — ответила Глайя, подумав. — Где-то посередине, но обособленно. Вы умеренно агрессивные стадные хищники и все отношения строите на торговле. Классический эпос землян — это цепочка торговли поступками. Дракон похищает принцессу, а рыцарь в одиночку отправляется наказать его за это. В пути он мстит встречным за агрессию и покупает себе помощь. Не стреляй в меня, Иванушка, я тебе еще пригожусь. В конце бьется с драконом, который превосходит его силой. Одолевает его. Освобождает принцессу, и она за это становится его брачной партнершей. Вообще решение своей половой проблемы — важный стимул многих героических поступков на Земле. А потом рыцарь возвращается в племя и становится королем, потому что купил себе право власти, доказав, что сильнее всех своих.

Я вскочил с кресла, дошел до автоклава, оперся на него рукой и обернулся.

— Послушай, ты, маленькая юта, а не кажется ли тебе...

— Не обижайся, — перебила Глайя. — У тебя замечательная разумная раса, ваша культура развивается быстро, со временем вы изживете хищнические инстинкты. Начни с себя. Перестань обижаться. Перестань соревноваться. Перестань побеждать и торговать.

— Стоп! — крикнул я. — Стоп!!! Хватит!!! Я больше не хочу говорить про эпос! Я хочу еще раз обсудить нашу ситуацию.

— Как хочешь...

Глайя вздохнула, запрыгнула на медицинский стол и легла, уткнув мордочку в лапы. Она казалась еще более пушистой, чем раньше, и я понял, что ей тоже холодно. Я подошел к экрану. Горло сжало судорогой, глаза резануло и по нижним векам растеклась вода. Звезды помутнели и засияли лучистыми пятнами. Была сирена. Я долго стоял спиной к Глайе и делал вид, что задумчиво рассматриваю галактику. Но глаза не высыхали. Тогда я придвинул к экрану кресло, поднял с пола планшетку, сбросил обзор пространства и запросил карту ресурсов. На экране появилась схема корабля. В который уже раз за последние часы я разглядывал ее. Скорый пассажирский для средних перелетов с выносным реактором. Сплюснутый шар жилого борта, и от него на сто сорок метров тянется тонкая мачта, внутри нее транспортный коридор. Мачта заканчивается воронкой реактора. В том месте, где начинается воронка, небольшое кольцо — дальние вспомогательные помещения. Но я не спешил переходить туда, сначала вывел крупным планом сам борт. Восемь палуб. Три грузовые, затем три пассажирские — плацкарта, эконом-класс и VIP-класс с универсальными каютами для любых форм жизни. Выше — обеденный зал, он же игровой бар. Последняя палуба — гаражи сервороботов, каюты экипажа и рубка пилотов. Все было шершаво набросано серым пунктиром. Ничего этого уже не существовало. Я коснулся пальцами планшетки и сдвинул изображение, еще и еще. Началась мачта. Я дал увеличение и повел изображение вдоль нее. Примерно на середине пунктир наконец сменился разноцветными красками, и я дал максимальное увеличение. Изображение было схематичным, наверняка туда лезл фотографировать микроробот из шлюпки. Полая

труба мачты была словно разворочена изнутри — как лепестки дикого цветка, наружу во все стороны торчали клочья обшивки.

— Мне кажется, — произнесла за спиной Глайя, — это было в нижнем грузовом. Что там везли?

— Нашла у кого спрашивать! — рывкнул я. — У фельдшера! Откуда мне знать?

— Все-таки думаешь, что террористы?

— Я уже ничего не думаю! — заорал я. — Может, твои пауки с Волглы! Может, покушение на кого-то из пассажиров! Может, какой-то идиот сдал в багаж промышленный конденсатор, а идиот таможенник пропустил! А идиот сервобот распаковал и отключил контур! Какая нам разница?

Я хлопнул по планшету и вывел на экран схему присутствия. Как и прежде, мигали всего два огонька. В окружающем пространстве живых существ не было, только сигнализатор мой коммуникатор на запястье и клипса на ухе Глайи.

— Бешеный пульс, — сказала Глайя и соскочила со стола. — Просто ляг и полежи.

Сволочь, успела прочесть цифры. Я сбросил схему присутствия и пронесся по технологическому коридору до утолщения перед воронкой. Вспомогательные помещения. Склад ремонтных железяк для реактора. И вот она, аварийная шлюпка. И совсем рядом, напротив — медицинский бокс. Потому что чиновники из здравоохранения, которые сами ни разу не летали дальше курортных планет, панически боятся неизвестной космической заразы и приказывают выносить медбоксы в карантинную зону к самому реактору, да еще герметизировать по высшей категории. Как будто заболевший не успеет заразить всех еще в обеденном зале! И как будто существует инфекция, с которой не справится активный белок из любой стандартной аптечки! Зато теперь жилой борт рассеян мелкой пылью в космическом пространстве. И семеро членов экипажа. И двести восемь пассажиров — земляне, адонцы, кажется, даже юты. И кругом вакуум, в огрызке транспортного коридора тоже вакуум. А мы — мы заперты в боксе. Я и эта зверушка, которая напросилась слетать на Землю с экипажем. И все, что у нас есть, — это запас кислорода на десять часов. И холод. И связь с компьютером шлюпки. Отличной быстроходной шлюпки, до которой нельзя добраться, потому что за дверь —

вакуум. Исчезающая надежда, что придет помощь. Откуда она придет? Глухой космос. И медикаменты. И универсальный автоклав. И еще у меня есть кое-что, о чем она не знает. Но об этом нельзя думать, потому что он один, а нас двое.

— Послушай, — сказала Глайя, — а если меня усыпить?

— Что?! — Я от неожиданности подпрыгнул.

— Если пушистого усыпить, тебе кислорода хватит надолго. — Полосатый хвост задумчиво ползал по полу.

— Прекрати!!! — рявкнул я.

— Просто расскажи, как бы ты меня усыпил? Тебе ведь приходилось усыплять пушистых зверей?

— Приходилось, — выдавил я. — Не хватило мест в госпитале и трое студентов с нашего курса проходили практику в ветеринарной клинике.

— Расскажи, чем усыпляют животных? — В голосе Глайи было живое любопытство, внутри огромных глаз блеснули искорки.

— Как усыпляют? Ты хочешь это знать? — Я сунул замерзшие руки в карманы комбеза и прошелся по боксу. — Я бы дождался, пока ты заснешь. Я бы поднес к твоему носу вату, смоченную эфиром. Затем вколол глубокий наркоз. Затем взял шприц с толстой иглой и наполнил его аммиаком. Затем проткнул грудную клетку между ребер и ввел аммиак в легкие. Мгновенный некроз тканей. Быстрая, безболезненная смерть. Так усыпляли собак и кошек в начале двадцать первого века.

Глайя смотрела круглыми глазами, чуть склонив голову. Уши бархатными лопухами висели задумчиво и печально.

— А шкурка не попортится от иглы? — спросила она. — Ты набьешь хорошее чучелко?

Я промолчал.

— Обещай, — сказала Глайя, — что не бросишь меня, набьешь хорошее чучелко. У меня очень ценный мех.

— Обещаю, — буркнул я.

— Точно?

— Точно.

Глайя помолчала, задумчиво елозя хвостом по полу. Я внимательно смотрел на нее, а затем расхохотался:

— И это существо рассказывало мне, что я хищник, а у вас в культуре нет ни геройских подвигов, ни жертвенной гибели?

— Я плохо выучил русский язык, — медленно произнесла Глайя, хвост проехал по полу и замер. — Я не знал, что «усыпить» имеет два значения...

Изо всей силы прикусив губу, я закрыл лицо руками и упал в кресло. Меня трясло. Я чувствовал, что Глайя села рядом и прислонилась ко мне, чувствовал ее тепло. Она что-то говорила, успокаивала. Наконец я ощутил, что силы покидают меня и накатывается тяжелый сон, видения наплывали со всех сторон.

Я сполз с кресла и лег на пол. Глайя свернулась рядом.
— Ты не бросишь пушистого? — промурлыкала она сонно.
— Нет, конечно, — ответил я.

...Очнулся я от холода. Встал, посмотрел на спящую Глайю. Открыл сейф с медикаментами, достал вату и эфир. Намочил вату и положил рядом с ее носопыркой. Она шумно вздохнула, и я испугался, что она проснется. Но она не проснулась. Очень долго искал наркоз, а вот аммиак нашелся быстро. Шприц вошел в легкие не сразу — панически дрожали руки, игла натыкалась на ребрышки. Затем я распахнул стенной шкаф и достал скафандр эпидемиологической защиты. Полноценный герметичный космический скафандр с запасом кислорода на несколько часов. Разве что не экранирует от радиации, зато с усилителями движений. Кто знает, если бы не усилители, может, мы смогли бы влезть туда вдвоем? Я отключил трансляцию внешних звуков. Сирена стихла, но тишина оказалась страшнее. Нашел пластиковый пакет и положил туда тушку Глайи. Поднял с пола планшетку и ввел команду. Тяжелая дверь бокса отползла в сторону. Порывом ветра меня качнуло и кинуло вперед, я грохнулся на порог, но пакета не выпустил. Дошел до шлюпки и залез внутрь. Когда давление выровнялось, снял скафандр и положил руки на пульт...

Чучелко я поставил в своем загородном доме под Ярославлем. Глайя сидела на задних лапках и казалась совсем живой, если бы не тусклые стеклянные глаза, в которых уже не бегали искорки. Неделю я выдержал, а затем переставил чучелко на чердак. А когда через пару лет заглянул туда, увидел, как его безнадежно испортили мыши.

— Ты не бросишь пушистого? — промурлыкала она сонно.
 — Нет, конечно, — ответил я.

...Очнулся я от холода и долго пытался прийти в себя после кошмарного сна. Встал, посмотрел на спящую Глайю и потряс ее. Она сонно хлопала глазами.

— Глайя, у меня есть один скафандр. Ты попытаешься залезть в него и доберешься до шлюпки.

— Где? — спросила Глайя и повертела головой.

— В шкафу. Не важно. Он один.

— А ты? — спросила Глайя.

— Я — нет. И не смей спорить! Это решено.

— Героизм и жертвенность, — промурлыкала Глайя и перевернулась на другой бок. — Прекрати глупости, давай спать. Ты же не бросишь пушистого?

— Нет, конечно, — ответил я.

Сел в кресло, включил внешнее наблюдение и стал смотреть, как сиреневая галактика нарезает бесконечные круги. Когда Глайя заснула, подошел к шкафу, достал вату, эфир и шприцы. Сделал все необходимое, подошел к автоклаву, открыл тяжелую дверцу и положил внутрь маленькую остывающую тушку. На ощупь сквозь мех она казалась совсем крохотной. Я закрыл дверцу и установил на пульте режим кремации. Когда в камере автоклава потух багровый огонь, я отстегнул зашелки и распахнул дверцу, чтобы прах рассеялся в космосе. Герметичная дверца распахнулась с тяжелым хлопком. В воздухе разлился горячий запах паленой шерсти. Я надел скафандр. Разблокировал дверь бокса. Дошел до шлюпки.

— Ты не бросишь пушистого? — промурлыкала она сонно.
 — Нет, конечно, — ответил я.

...Очнулся я от холода. Встал, посмотрел на спящую Глайю, открыл сейф с медикаментами, достал вату и эфир. Намочил вату и положил рядом с ее носопыркой. Она шумно вздохнула, и я испугался, что она проснется. Но она не проснулась. Вколос снотворное. Ее дыхание стало почти незаметным. Надел скафандр. Подошел к автоклаву, открыл дверцу и осторожно положил Глайю внутрь. Закрыл дверь и вручную запер герметичные зашелки. Затем

обхватил автоклав руками и напрягся, чувствуя, как вибрируют мускулы скафандра. Наконец опоры дрогнули и выползли из пола, раскroив пластик. Я обломал их, схватил громоздкий цилиндр под мышку, открыл дверь бокса и рванулся к шлюпке. Он должен выдержать. Я успею за две минуты. Она не задохнется.

Октябрь 2001

Екатерина Некрасова

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ

У нее не было имени — был набор шипящих звуков, который он не мог воспроизвести даже мысленно. У нее не было волос — лысый, неожиданно изящной формы череп с маленькими, совсем человеческими ушами. И бюста у нее не было тоже — совсем, с его точки зрения, напрасно был этот вырез до пояса, нечего там было открывать и нечего обтягивать, вся она была тощенькая, как подросток, — прикрытые серебряной сеткой платья, подпрыгивали на его руке худые коленки... Он бежал, и в такт шагам моталась ее запрокинутая голова. На шее, над ямочкой между ключицами, совсем по-человечески проступили сухожилия. Серебряная сеть обтянула плечи, одна рука локтем упиралась ему в грудь, а другая болталась — и подол платья волочился, звякая и цепляясь. Полированные раковины и скрепляющие их колечки — сотни колец серебристого, светящегося в темноте металла. Крупные самоцветы по краю подола были антигравитаторами — это из-за них такой легкой была ее походка, а серебряная паутина плыла за ней, стелилась — невесомая, как пена... Но их сила, направленная вверх по сетке, не могла ему помочь — а без них проклятое платье весило, наверно, больше самой хозяйки.

Он бежал. Звякали по полу раковины из океанов чужой планеты, плафоны аварийного освещения гасли за спиной и зажигались впереди — светящиеся кристаллы, голубые бриллианты... В голубых отсветах — запрокинутое треугольное личико. Маленький подбородок, плоский носик — изящные прорезы ноздрей смотрят вперед; и светлые,

едва намеченные брови, зато ресницы — черные, сантиметра в два. Глаза, смотрящие снизу вверх, — огромные, раскосые, апельсиновые с голубыми прожилками... В глазах жили зрачки — бились, то сжимаясь в точки, то разливаясь во всю радужку так, что в щетках ресниц оставались сплошь черные, влажно отблескивающие выпуклости. Как у статуи. У ее глаз не было белков.

...Он бежал. Пружинила под ногами кажущаяся стеклянной поверхность. В льдисто-зеленоватой, как стекло на изломе, толще пола свет странно преломлялся — и странно дробился на волокнистой структуре стен; там, в глубине, чудились то вмерзшие пузырьки воздуха, то пересечения зеркальных плоскостей... Он бежал, перепрыгивая через комингсы, слыша только свое загнанное дыхание: в этих, словно прорубленных в глыбе льда коридорах странно не было эха, не было даже топота — звуки проваливались, как в вату. Он бежал, и пульс в висках отсчитывал секунды, и толчки собственной крови казались ему тиканьем часового механизма.

...Там, в рубке — в том, что он счел рубкой, в прозрачном октаэдре, где за стенами — звездная пустота открытого космоса, но каждая из граней способна превращаться в экран; где не было ничего, кроме узора голубых лучей под потолком — и в этом узоре висели, как в паутине, цветные кристаллы... Кажется, вся эта штука и играла роль пульта управления — потому что именно там, под сияющей ровным голубым светом паутиной с редкими вкраплениями самоцветов, она подняла руку и напев произнесла непонятную фразу, и паутина погасла, а самоцветы рассыпались пестрыми осколками. Осколки еще падали, когда, опоздав на секунды, в рубку ворвались те, кто гнался за ними. И вбежавший первым, в совсем по-земному лаково-черном мундире, выстрелил из чего-то, надетого на руку, как металлическая перчатка. Звука не было, был только свет — желтая вспышка. Свет окутал ее, будто коконом. Сияющий нимб. Мгновение. А потом она упала.

Он помнил, как на стрелявшего смотрели все остальные. Наверно, стрелять все-таки было нельзя. Он так и не разобрался в их субординации, так и не понял, кем она была среди них, — но все-таки стрелять было нельзя, наверно...

Он просто воспользовался моментом. Он подхватил ее на руки и побежал — благо, выходов в октаэдре было столько же, сколько сторон.

...И теперь он не мог поверить, что его больше не преследуют. У них не осталось выбора, они не успеют восстановить пульт, звездолет неуправляем и механизм самоуничтожения запущен... Но она обещала, что его не будут преследовать. Что коридоры, ведущие к ангару с десантными дисками, пропустят его одного. А она знала, что говорит. У нее было это право — приказывать кораблю. И даже право на разрушение пульта, каковое разрушение автоматически запустило обратный отсчет... Для последнего уцелевшего на ее планете звездолета, последней надежды умирающей цивилизации. Возможно, и для самой цивилизации, отправившей последний звездолет спешно завоевывать подходящую для массового переселения планету. Маленькую голубую планету, третью по счету у некрупной желтой звезды.

...Ради него. Ради чужого, единственного выжившего на потерпевшем аварию земном корабле, взятого на роль «языка» — только... Ради первого человека, которого она увидела.

Она лежала спиной на его руке — под серебряной сеткой кожа цвета молочного шоколада; сам себе он казался бледным в этом призрачном свете — и почему-то особенно ярко фосфоресцировала вытатуированная на бицепсе эмблема КСЗ, Космической Службы Земли. Там, на Земле, он был капитаном звездолета, кавалером двух орденов «За доблесть», врученных лично председателем Высшего Совета; там...

...В ангар он скатился кувырком — не устоял, когда прямо под ногами вдруг провалился пол. И, падая, только старался плечами и локтями защитить ее.

Он ободрал локоть, разбил губу и прикусил язык. И порвал штанину у щиколотки — так и не поняв, за что зацепился. Он стоял на коленях, а впереди, за стеклянной стеной, выстроились десантные диски — в ряд, как тарелки в сушилке. Запрограммированные, готовые к старту, — но она обещала, что активирован будет только один. Ближайший ко входу — потому что для одного человека двухместного диска вполне достаточно, а из них, замахнувшихся на жизнь чужой цивилизации, никто не заслуживает спасения.

...И снова он бежал — хрипя уже, кашляя и задыхаясь; он наступил-таки на волочащийся подол и раздавил одну из раковин — розовато-жемчужную с зеленым краем; он бежал, ругаясь вслух, и гигантский обод ближайшего диска поднимался навстречу.

Двояковыпуклая линза трехметрового диаметра. Лупа. Стекло, выпавшее из очков великана. Прозрачная перегородка исчезла, рассыпалась облачками медленно меркнувших цветных искр; он рванулся сквозь эти искры. Линза опрокинулась ему под ноги — и вдруг обернулась миской, гигантской стеклянной миской, в которой клубился зеленоватый туман... И он положил в этот туман женщину и бросился сам — как в воду, нырнул в теплое, плотное, упругое, затопившее с головой... А потом были только огненные пятна в глазах, мгновенное головокружение и мгновенная невесомость — а еще потом он лежал ничком в светящейся зеленой пене, а за прозрачной броней остался только космический мрак с яркими немигающими звездами.

И он увидел Землю — сбоку. Снежные завитки циклонов, коричневое, зеленое и голубое; а вот Земля уже внизу, Земля заваливается...

А потом все вдруг осветилось. Черное небо стало сплошным клубящимся пламенем — и он зажмурился, нырнув в теплое желе. А когда приподнялся-таки и, размазывая слезы, увидел тьму — решил, что ослеп.

Мир проявлялся медленно — зеленоватое свечение внутри диска, и укутанный в голубое сияние бок планеты — близко, гораздо ближе... а сзади и вверху, там, где только что удалялась угловатая махина звездолета, еще мерцали вспышки, и какие-то горящие обломки распадались на лету.

...И она была рядом. Лежала навзничь, щекой в зеленоватой массе — тусклые, будто под водой, блики дрожали на шоколадной коже. Только глаза ее были уже не оранжевыми, а розовыми — бледно-розовыми, и больше не пульсировали съезжившиеся зрачки.

Он полз к ней, выдираясь из теплого и вязкого, задевая головой прозрачный потолок; он понятия не имел, в каких пределах может колебаться температура ее тела, и должен ли у нее быть пульс, и где его искать... Он шарил ладонью по ее лицу, и оно оставалось неподвижным.

— Эй, — позвал он.

Но она молчала. И тогда он закричал; он кричал, путая слова, и в конце концов перешел на русский. Тебя у нас обязательно вылечат, кричал он. Ты не поверишь, какая у нас медицина. Ты не думай, мы вам еще поможем, если уж у вас такие проблемы, раз у вас звезда гаснет... или все-таки взрывается?.. Он так и не понял, что там у них со звездой, — половина звуков их языка оказалась неслышима для человеческого уха, не говоря уж о воспроизведении человеческим речевым аппаратом. В конце концов пленника признали бесполезным и собрались выкинуть в космос — и вот тут-то она и вмешалась...

— Не умирай, — попросил он, охрипнув. — Пожалуйста.

...На ее лицо снова упали огненные блики — диск вошел в атмосферу.

Он бежал. Бухали ботинки — хорошие, крепкие, импортные, он снял их с убитого снайпера, — но ему они были велики размера на два. Хрустело под каблуками битое стекло, трещал битый кирпич; коридоры и рекреации, серые стены в пузырях отставшей краски и вздутая, в желтых потеках побелка, груды сорванной с пола плитки и выломанные оконные рамы, и сорванные двери — на одну он наступил, и трухлявый оргалит провалился под ногой...

Ее голова билась носом в его спину. И липла рубашка, намокшая в ее крови. И пахло кровью. Он знал, что так не носят раненых — но никак иначе он ее нести бы не смог.

...Он не знал ее имени. Он впервые увидел ее утром на инструктаже; за полтора часа тряской дороги в старом армейском «газике» она не удосужилась сказать: «Давай познакомимся». Мальчишка был придан ей в качестве вспомогательного элемента, и она отнеслась к нему пренебрежительно. И зря — потому что сама-то оказалась такой же зеленой соплячкой, впопыхах не заметившей проволоочной растяжки в сухой траве бывшей школьной клумбы.

Она успела отскочить. И отшвырнуть его, и рухнуть рядом. Грянуло так, словно рушился мир, ударило горячим ветром — больше не было ни верха, ни низа, вокруг тряслось, ревело и выло; сжимая в руках пучки вы-

рванной травы, он закричал — и не услышал себя в вое и свисте пролетающей над головой смерти.

...Он отыскал ее — полз на четвереньках, хватаясь за траву, — ему еще казалось, что все вокруг качается; среди вывороченной земли и обломков бетонного бордюра она лежала скорчившись, зажимая живот руками, и струйки крови — темные, густые, неторопливые — текли по пальцам.

Он извел на нее все бинты из аптечки; довел ее (тогда она еще могла кое-как идти) до места — до бывшего спортзала, полуподвального помещения, взрыв в котором должен был, по их расчетам, обрушить сразу все здание. Поставил рядом сумку с бомбой. И сидел, дожидаясь, тупо наблюдая — приподнявшись на локтях, она возилась, соединяя цветные проводки, настраивая таймер; все чаще опускала голову на руки — но снова приподнималась, закусив белеющую губу, и продолжала; а потом не смогла подняться — поерзав по полу локтями, хрипло потребовала: «Помоги». И дальше он держал ее под мышки...

Она отключилась без единого звука, и он, не догадавшийся прихватить из аптечки нашатырь, еле растолкал ее — чтобы услышать короткое: «Все».

А больше не было ни слова.

...Он брел, шатаясь, ругаясь сквозь злые слезы; сквозь проломы огромных окон солнце простреливало здание насквозь — когда-то в этой школе было хоть светло... В ушах звенело. Она крупнее меня, эта девица, и выше на полголовы; она взрослая баба, а мне пятнадцать, я не дотащу, я не смогу, нет... я не успею, сейчас рванет — все рухнет, нас похоронит под развалинами...

Он придерживал ее одной рукой — пониже зада; носки ее ботинок били его по коленям. На другом плече болтался автомат — бил по боку.

Он выбрался на крыльцо — по разбитым бетонным ступенькам, отшвырнув ногой сорванную вывеску со слинявшими буквами. Школа номер какой-то... Ругаясь, пробирался, перешагивая через трупы в чужой форме — этих троих они срезали очередью из машины. Разведчики; через несколько часов сюда подтянутся их основные силы — это здание на холме стало бы для них и наблюдательным

пунктом, и огневой точкой, и прикрытием... На этой земле у вас не будет укрытий.

Он распахнул дверцу «газика» — обжег руку о раскаленную солнцем железную ручку. Пригнулся, наклоняясь вбок, втискиваясь внутрь, в густой парниковый жар разогретого железного ящика; подставил руки, принимая съехавшее с затекшего плеча тело. Она ударилась затылком о пол салона, но не охнула. От ворота до ног камуфляж на ней почернел, напивавшись кровью; зрачки разлились во всю радужку, и струйка крови изо рта стекала на грязный пол.

Он смотрел — на прыщеватый лоб, и преждевременную «гусиную лапку» под глазом, и жиденькую темную косу; на свою руку под ее шеей — тощую, исцарапанную, с грязью под ногтями...

— Не умирай, — попросил он шепотом. — Только не умирай. Я же ничего не умею... как же я?..

...Он влез на водительское место; машину кидало на колдобинах бывшей дороги, а он крутил горячую от солнца «баранку» и не оглядывался. И даже в зеркальце заднего вида старался не смотреть — не смотреть в невзрачное, простенькое, прыщавенькое, еще сегодня утром незнакомое лицо.

— Знаешь, — сказал он, глядя на прыгающую под колесами дорогу — растрескавшуюся глину с резкими черными тенями, — а я в школе хотел быть космонавтом. Еще, блядь, как дурак верил — космос, открытия... Контакт... — Машину подбросило, он ударился макушкой о потолок и прикусил язык. — Встречу, думаю, типа звездную принцессу... — Он все-таки не выдержал — оглянулся. Ее тоже подбрасывало, голова ее билась об пол, но лицо оставалось неподвижным — и струйка изо рта потемнела и загустела, засыхая. — Никогда не думал, что стану партизаном, — сказал он. — Чтобы на своей земле дома жечь, чтоб не достались врагу...

Под днищем загремели камни. На ее лице прыгали тени; густо пахло кровью.

— Эй, — позвал он.

Но она молчала. И тогда он наконец сорвался и закричал плачущим детским голосом — напуганный

мальчишка, которого бросили одного. Глядя на дорогу, вцепившись в руль, бормотал, захлебываясь:

— Не умирай, слышишь, я тебя довезу, тебя вылечат, ну потерпи, только не умирай...

Машина снова подпрыгнула, выскочив с проселочной дороги на бывшее шоссе. Теперь можно было гнать — сорок километров до базы.

-
25 сентября 2001

Николай Караев

ВУДУ СО СЛИВКАМИ

Димитрий вопросительно посмотрел на чернокожего официанта.

— Простите... что это?

— Как вы просили, мастер, — ответил тот, преданно кланясь.

Взгляд Димитрия вернулся к большой яшмовой чаше с кипящей черной жидкостью. Ручки чаши напоминали хамелеонов с безумно вытаращенными глазами, а в рисунке неизвестного экспрессиониста на ее внешней стороне угадывалась змея, танцующая под радугой.

— Я? Я просил? Это?! — изумился Димитрий. Официант кивнул, черная вязкая жидкость поменяла цвет на синий, потом зарделась и пошла пузырями. — Уберите немедленно!..

— Убрать? — безмерно удивился официант. В полумраке зала его белки светились фосфором баскервильского пса.

— Я заказывал воду со сливками, — процедил Димитрий, стараясь не вдыхать исходявшее из чаши зловоние. — А вы что принесли?

— Как вы заказывали, — кивнул официант с характерной для официантов готовностью. — Натуральное, только что приготовленное вуду.

— Вы что, издеваетесь? Воду, а не вуду! Я знать не знаю никаких «вуду»!

— Неужели произошла ошибка? — залепетал официант. — Но вы сказали так ясно... Напиток для ритуала вуду, смесь крокодильей желчи со слоновьей...

— Не надо, — перебил его Димитрий, — делиться рецептом этого, — он показал пальцем на дымящуюся чашу, — не стоит. Если вы намекаете на то, что я страдаю дефектом дикции, то благодарю покорно. Я уйду.

— Разве вы не мастер вуду? — поразился официант.

— Я — аудитор, — сказал Димитрий, поднимаясь. — Я всего лишь хотел перекусить в вашем заведении. Могу поздравить вас с потерей еще одного клиента.

— Как знаете... — робко сказал официант. — Если вы не хотите стать мастером вуду...

— Руку жать не буду. Всего доброго, — сказал Димитрий, надевая шляпу.

— Никаких проблем со здоровьем, — заголосил официант с досадой, — забыли бы про доктора... Зомбирование в лечебных целях широко применяется в Голливуде...

— И вам того же.

На застроенной стоэтажками улице пригорода уже стемнело. Димитрий перебросил тяжеленный портфель в правую руку, посмотрел на часы, потом прикинул расстояние до ближайшей станции метро. Живот протестующе заурчал. Димитрий сдался и побрел к ближайшему киоску, где купил кое-как засунутую в черствую булку сосиску и бутылку газированного пойла нежно-фиолетового цвета.

Найдя незанятую скамейку, он сел, поставил портфель на землю и начал поглощать мерзлый хот-дог. Через пять минут сознание Димитрия достигло относительного просветления.

— Приятного вам аппетита!

Димитрий медленно повернул голову. Рядом сидел одетый в бесформенный старый плащ мужчина с длинными черными волосами.

— Я заметил, как пристально вы вглядываетесь в образумый фонарями узор, — поведал мужчина доверительным тоном. — Это редкость в наши дни...

— Я думал совсем о другом, — попытался оправдаться Димитрий, чуть не поперхнувшись пойлом со вкусом земляничной жвачки.

— Нет-нет-нет, — сказал мужчина, — я совсем не хотел вас смутить! Только... Вглядитесь-ка попристальнее!

Он несколько раз взмахнул рукой.

— Мой отец, вождь сетевого племени, говорил, что иногда окна в высотках горят особыми комбинациями, складывающимися в буквы и слова. Взгляните хотя бы вон туда... Видите?

— Нет, — прохрипел Димитрий, которому кусок не лез в горло.

— Вон там, буква «икс» или почти как буква «икс». Увидели?

— Увидел, — соврал Димитрий.

— Я подумал однажды, — мужчина понизил голос, — вдруг это верно и в отношении фонарей? И если да, то как нам разгадать их трехмерные знаки?..

— Не знаю, — ответил Димитрий, выкидывая остатки булки в непривлекательную урну и пододвигая к себе портфель.

— Вдруг кто-то предостерегает нас или же, наоборот, просит о помощи? — мечтательно продолжил мужчина. — Или вот, скажем, вы никогда не пробовали взять любимую книгу и сложить вместе первые буквы глав? Уверяю вас, вам откроется мно-ого интересного!

— Простите, я спешу, — сказал Димитрий. — Я обязательно подумаю над вашими словами, обещаю вам... Обязательно.

Назавтра впервые за неделю выдался свободный от отчетов «Харрисовых отверток» день, и Димитрий пригласил жену в «Царскую ложу», лучший ресторан города.

Сидевшая за соседним столиком пожилая леди в красной вязаной кофточке сразу внушила Димитрию некоторые опасения — она постоянно озиралась вокруг и с особым неодобрением оглядела вечерний наряд Леры, великолепное, на его вкус, платье от Огасавары. Впрочем, от нашей жизни остервенеешь, подумал Димитрий. Выбросив леди из головы, он вручил жене меню и вызвал официанта. Лира тотчас погрузилась в изучение францужско-японских названий блюд. Коротая время, Димитрий разложил перед собой узорную салфетку и начал водить по ней пальцем.

— Вы! — громко сказала пожилая леди.

Димитрий посмотрел на нее.

— Вы, вы! Вы только что начертили на салфетке каббалистический знак!

Димитрий покачал головой и вернулся к салфетке.

— Но я же видела собственными глазами, — не унималась леди, — я же не слепая!

Лира отвлеклась от меню и посмотрела сначала на мужа, а потом на леди в красной кофточке.

— В вашем возрасте это простительно, — сказал Димитрий как можно более вежливо.

— О чем это она? — спросила Лира.

— Я все видела, молодой человек, — леди схватилась за сумочку и погрозила ему пальцем, — вам не отвертеться! Ноги моей больше не будет на этом «Царском ложе»!

Она с усилием слезла со стула и направилась к выходу.

— Сумасшедшая, — сказал Димитрий.

— Не выдержала напряжения нашего безумного времени, — предположила Лира, возвращаясь к меню. — Как насчет... вот этого... сукияки?..

Утром Димитрий отправился в контору «Харрисовых отверток». Укрывшись от мороси под навесом автобусной остановки, он обдумывал вчерашние и позавчерашние происшествия. Внезапно зачесалось правое ухо, и Димитрий, стащив с руки перчатку, несколько раз дернул ушную раковину за мочку.

Мгновение спустя словно из ниоткуда вынырнул лохматый толстый подросток в комковатом свитере.

— Спасибо, — сказал подросток, — спасибо!

Он схватил Димитрия за руку и энергично начал ее трясти.

— За что? — спросил Димитрий, аккуратно высвобождая немеющую кисть.

— Этот жест... — Подросток взял себя за мочку и потер ее. — Вы ответили на самый главный мой вопрос! Благодаря вам я обрел надежду, и смысл жизни снова со мной! Спасибо!

Он приложил ладонь к сердцу, поклонился и стремительно зашагал прочь.

Собравшиеся на остановке люди начали было перешептываться, но тут, на счастье Димитрия, из-за угла появился неспешный «седьмой-экспресс».

Обычно Димитрий ходил в «Харрисовы отвертки» через тенистую аллею, однако сегодня в глубине ее маячила чья-то тень. Остановившись у старого дуба, Димитрий пригляделся. Силуэт не казался ему знакомым; но кто знает, сказал он себе, может, это тот сбрендивший подросток или жаждущая мести дама из «Царской ложи»? Не будем рисковать.

В обход!

Владелец «Харрисовых отверток» Эш Харрис появился в кабинете своего бухгалтера внезапно. Димитрий поздоровался с ним и вернулся к толстой кипе авансовых отчетов, на которую сам главбух Харриса смотрел с тихим отчаянием.

— День добрый, мистер Йон, — ответил Харрис тоном властного собственника. — Мистер Чу, на сегодня хватит. Мне нужно поговорить с мистером аудитором наедине.

Главбух закивал, спешно собрал свои вещи и покинул кабинет. Эш Харрис сел за его компьютер, запустил программу главной книги и начал листать страницы с проводками.

Прошло четверть часа; Харрис по-прежнему листал проводки. Димитрий поймал себя на том, что грызет карандаш, выпрямил спину и начал наблюдать за грациозными полицейскими дзетацеппелинами.

— Вас никогда не пугало то, что цифры финансовых отчетов таят в себе особый, сакральный смысл? — спросил вдруг Харрис. Димитрий вздрогнул. — Все эти сальдо, сложные проценты, мультипликаторы, перпетуитеты, коэффициенты корреляции, вся эта финансовая машинерия, быть может, придумана только для того, чтобы однажды некто разгадал ее священное таинство и привел мир к тому, что предназначено ему давным-давно, с первых дней творения?..

— Я — аудитор, мистер Харрис, — ответил Димитрий. — Никогда над этим не задумывался. Мистика вообще не входит в круг моих интересов...

— И вам никогда не казалось, что статистические сводки по безработице и демографические отчеты шифруют нечто, что вам, быть может, суждено разгадать? Грядущий конец света, например?

— Никогда, — твердо сказал Димитрий. — То есть сводки по безработице, конечно, таят в себе некоторую... некоторую опасность. Безусловно.

— Как вы находите мою бухгалтерию? — внезапно смеялся ему Харрис.

— Надеюсь, заключение будет без замечаний.

— Спасибо. Вам, наверное, пора.

— Пора, — согласился Димитрий обреченно.

— Придете завтра?

— Всенепременно.

Харрис закрыл глаза и погрузился то ли в сон, то ли в медитацию. Димитрий пожал плечами, попрощался и вышел прочь.

— Чем, по-вашему, отличается наш век от предыдущих? — спросил празднично одетый ведущий программы «Помнишь ли встречу».

— Да ничем, — в тон ему ответил бородатый философ.

— Ну, так уж и ничем? — ненатурально рассмеялся ведущий.

— Можно, конечно, сказать, что в эпоху сайберпанка, — важно сказал философ, — особенно видны тенденции к мифологизации, я бы даже сказал — к легендаризации происходящего. Чем больше технологии, тем более сверхъестественным видится мир...

Ведущий вежливо закивал и вдруг запустил пальцы в свои волосы, уложенные по последней моде в экзотическую прическу «бруннен-джи».

— Оно и понятно, — вещал философ, — ведь человек стремится объяснить усложняющуюся жизнь через понятные для себя знаковые системы, которые его сознание может, так сказать, объять...

— Лира, ты видела этот его жест? — взволнованно спросил Димитрий. — Видела?

— Ибо, — философ поднял вверх волосатый палец, — как сказал один великий русский писатель, нельзя объять только принципиально необъятное...

— Жест? — переспросила лежавшая на диване Лира.

— Буган Гранатов, ведущий, он сейчас сделал рукой... вот так... — скопировал движение Гранатова Димитрий.

— Ну и что?

— Может, он подает кому-то знаки?.. — неуверенно сказал Дмитрий. — Тайные знаки. Впрочем, это, конечно, все чепуха. Что там по другим каналам?

Лира взяла программу передач.

— Ретроспектива советского кино, — прочитала она. — Художественный фильм «Бесконечность», первая серия.

— Да уж, — сказал Дмитрий с чувством. — Схожу-ка я лучше в магазин.

У спуска в подвальный продуктовый магазин «Таити» его остановила женщина в черных брюках и сером жакете.

— Так вы готовы принять участие в проекте воскрешения президентов? — спросила она, одергивая рвавшуюся к ближайшему кусту лохматую собачку, у которой голову невозможно было отличить от хвоста.

Дмитрий опешил.

— В чем, простите?.. Президентов? Каких президентов?

— Американских президентов, — уточнила женщина.

— Ничего не понимаю, — признался Дмитрий.

— Ну как же? — воскликнула женщина. — Сейчас мы с вами поедem к Белому дому в подземное криогробохранилище, вырытое еще масонами под руководством Джорджа Вашингтона. Вы должны быть в курсе.

— Я как раз не в курсе. Но...

— А тайный смысл американского флага? — спросила женщина, снова дергая поводок. — Об этом-то вам рассказали?

— Нет, — честно ответил Дмитрий. Женщина всплеснула руками.

— Кого они готовят!.. Бифштекс, кому сказала!!! Стой на месте, псина такая! Ладно, Иммануил, я вам все объясню...

— Я не Иммануил, — сказал Дмитрий. — И не Бифштекс. Вы ошиблись.

Лицо женщины исказилось.

— Извините, — пробормотала она. — Вы — не Иммануил? Простите... Бифштекс, пошли, пошли!..

В магазине в глаза Дмитрию бросилась реклама сигарет «Мемфис». Египетская табачная магия, подумал он мрачно.

На таблоиде «Газеты Де Бульвар» значилось: «Японцы похитили заднюю ногу Минотавра!»

Ну вот, сказал себе Димитрий. Началось.

Вернувшись домой, он оставил продукты на попечение Лиры, а сам пошел в свою комнату, взял с полки недавно приобретенный сборник футуристических рассказов, открыл оглавление и принялся выписывать первые буквы мудреных названий.

в о т о б ж т л м к б п ж н г

Не слишком-то обнадеживающе.

А что, если смысл спрятан глубже? Вторые буквы?..

о б е д е и о и а а а о и о о

Третьи?

т в м и г л л т д м з ш в ч с

На третьих он решил остановиться, тем более что зашифрованное сообщение уже проступало.

— Вот. Обед. ТВ. Миг, — прошептал Димитрий.

Что бы это значило?

Случайно ли все буквы, кроме первых четырех, — согласные в первом и третьем рядах и гласные во втором? Наверное, это сделано для того, чтобы я обратил внимание именно на первые четыре. Но в чем тогда смысл сообщения?

Телевидение... Жест Бутана Гранатова? Обед — действительно, сейчас будет обед. И еще будет какой-то миг, когда все встанет на свои места. Вот.

Может быть, так?

За обедом ему представилось, что обжаренный в сухарях минтай олицетворяет стихию воды, в то время как кетчуп соответствовал стихии огня, макароны — стихии земли, а на долю майонеза с хреном оставался воздух. К сожалению, он по-прежнему не понимал, что бы все это могло значить.

— Вы не удивляйтесь, молодой человек, — сказал старичок, — я же почему схватил ваши деньги... Мне показалось, что это Он...

— Он, — скептически повторил Димитрий. — И все-таки — с чего бы вам понадобились мои пять центов?

— Я состою в Тайной Гильдии Нумизматов, — объяснил старичок. — Мы ищем... м-м... Цельный Грош...

— Цельный Грош, — кивнул Димитрий.

— На деле это, конечно, не грош, к польской валюте он не имеет никакого отношения, — мило засмеялся старичок, — особенно... м-м... после инфляции. Это древнеримская монета, изготовленная пиктами по приказу Гая Цезаря Германика Калигулы. Кое-кто, правда, считает, что Грош держал в руках еще Иисус, помните, когда он говорил «кесарю — кесарево»? А потом этим Грошем вроде бы выплатили аванс Иуде, — старичок кивнул головой, словно удостоверяя сей исторический факт, — потом христианский монах подарил его Магомету, — снова кивок, — потом им обладали Жанна д'Арк, Наполеон Бонапарт, Лев Троцкий и Джавахарлал Неру... а теперь он бродит по свету в поисках нового хозяина. Но я придерживаюсь другого мнения, потому что на той монете должен быть профиль Тиберия Клавдия Нерона Цезаря, а реверс Цельного Гроша показывает нам лицо то ли Калигулы, то ли — есть и такая версия, — Марка Анния Аврелия Антонина, императора, м-м... философа. Видимо, это разные гроши, а народная молва соединила их в один. Тот, который побывал в руках Христа, — это какой-то другой грош, да... Только не пишите заявление в полицию, молодой человек, это все знание тайное, не для профанов — понимаете?

— Хорошо, — вздохнул Димитрий, — не буду.

Нет ничего атеистичнее «Макдоналдса», думал он, входя в помещение, пахнущее чем-то, что точно не являлось пищей. Нет ничего реальнее, проще, нормальнее, тотальнее «Макдоналдса».

Заказав гамбургер, он подсел за столик, уже оккупированный женщиной и тремя малолетними головорезами.

— Хэппи-Мил, Хэппи-Мил! — закричали дети.

— Я выгляжу смешно, да? — спросил Димитрий у женщины. — С этим Хэппи-Милом?..

— Но у вас ведь не настоящий Хэппи-Мил, — утвердительно сказала женщина. Димитрий вынул гамбургер изо рта и посмотрел на него.

— Вы думаете? — сказал он. — То есть все эти рекламы — полная чушь, они подсовывают туда...

— Конечно, в рекламах вам ничего не скажут. Особенно про проклятие лорда Гамбургера.

Димитрия одолело нехорошее предчувствие.

— Это новый диснеевский мультик, — сказал он.

— Это старая легенда, — поправила его женщина. — Для того чтобы снять с духа покровителя «Макдоналдса» лорда Гамбургера проклятие коммерческой жадности, раз в пять лет менеджеры компании закладывают в случайно выбранную котлету настоящий бриллиант. Вы думаете, зря это называется Хэппи-Мил — Счастливая Пища? Нет, тут заложен глубокий смысл...

— Мне никогда ничего не попадалось, — сказал Димитрий, стараясь через салфетки прощупать гамбургер на предмет твердых тел.

— Мне тоже, — посетовала женщина. — Может, хоть им повезет?

Трое сорванцов со счастливыми улыбками швыряли друг в друга белые палочки картофеля фри.

— Я словно схожу с ума, — признался Димитрий. — Сделайте что-нибудь!

— Фи! — отозвался доктор Хуан Ордалия. — Вы, конечно, устали, мистер Йон, постоянно торчите в этих «Стамесках»... то есть «Отвертках»... вот как я в своем кабинете. Таких, как вы, миллионы, и у каждого своя мания. Вам нужно поехать куда-нибудь подальше от, знаете, шумных городов, от всего этого шизоидного безобразия...

Он тяжело опустился в кресло, схватился рукой за щеку и замер на минуту или две.

— Кажется, вы тоже устали, доктор, — сказал Димитрий. — Может быть, я могу чем-то...

— Да, я устал, — сказал Ордалия. — Я лечу всех, а кто вылечит меня? Кто успокоит меня, предложит отдохнуть, расслабиться?..

— Ваша жена, — предположил Димитрий.

— Только не моя жена, — возразил Ордалия моментально. — Она и так каждый вечер кричит: «Не трать время на ерунду!.. Все равно ничего не выйдет!..» Э-эх-х...

— А вы... вы что-то исследуете? — поинтересовался Димитрий.

— Я же все-таки врач, — сказал Ордалия. — Мое призвание — лечить рассудки. Поэтому я ищу символ

абсолютного исцеления. Такой, знаете, знак, что если его показать, допустим, по телевизору, то всем сразу станет лучше. Непогрешимый символ...

— А разве он бывает? — усомнился Димитрий.

— Приходите ко мне домой, я покажу вам наброски, — пригласил Ордалиа. — Иногда мне кажется, что я уже близок к решению, но... Однако я не унываю. Представляете, какую пользу цивилизации я принесу, если смогу этот символ найти?

Бухгалтера «Харрисовых отверток» на месте не было. Димитрий хотел было удалиться, но тут на экране телефона появилось лицо Эша Харриса.

— Я дал мистеру Чу отгул, пусть отоспится, — сказал Харрис, не давая Димитрию опомниться. — Прошу ко мне в кабинет, мистер Йон.

В кабинете Харрис усадил Димитрия в кресло и пододвинул к нему лист бумаги с нарисованным от руки изображением.

— Скажите мне, как по-вашему, что это?

— Это? Эмблема компании «Хьюлетт-Паккард», — ответил Димитрий.

Харрис молча буравил его взглядом. Димитрий почувствовал себя дураком, снова взглянул на листок и добавил:

— Две буквы. Латинского алфавита. «Эйч» и «пи».

— А вот так? — спросил Харрис, переворачивая листок на сто восемьдесят градусов.

— Тот же логотип. Только кверху... кверху ногами.

— Это буквы «ди» и «вай», — назидательно указал Харрис. — Они вам ничего не напоминают?

Димитрий задумался, потом завертел головой.

— Ваши инициалы, — снизошел Харрис. — Ладно, Бог с ними...

Он убрал листок в ящик стола и сказал:

— У меня все ящики на замке с двумя шифрами — цифровым и буквенным.

Димитрий промолчал.

— Пойдемте, — предложил Харрис, — я хочу вам кое-что показать...

Он нажал на ручку дырокола, и в стене отворилась потайная дверь.

— Сюда, пожалуйста.

— Это у вас хранилище документов? — спросил Димитрий.

— Да, да... Подождите меня, я сейчас.

Димитрий вошел в потайную комнату и осмотрелся. Никаких документов тут не было, проникавший сквозь круглое окно тусклый свет освещал только небольшой белый стол, в центре которого чернела большая кнопка. Наклонившись и заглянув под стол, Димитрий обнаружил два сиротливо торчащих оборванных провода. Выпрямившись, он нажал на кнопку и тотчас отдернул руку — в комнату вошел Харрис.

— Вы знаете, что вы — избранный? — спросил он. — Конечно, нет. Вы не пугайтесь, все очень просто. Мне стало известно, что именно вам надлежит учинить конец света. С помощью вот этой кнопки. Повторяю, все очень просто...

— А я уже нажал, — сказал Димитрий, холодея.

Не сговариваясь, они посмотрели в окно.

— Странно, — сказал Харрис. — Очень странно... Нажмите еще раз, пожалуйста.

— Может, не стоит? — спросил Димитрий, засовывая руки в карманы пиджака.

Молниеносным движением Харрис вытащил из кобуры под мышкой блестящий нейрольвер.

— Без фокусов, — пригрозил он.

— Так она же ни к чему не подсоединена... — робко возразил Димитрий. — Собственно, поэтому я и...

— Смелее, смелее!

Димитрий приблизился к столу и положил указательный палец на кнопку. Пластмассовая поверхность кнопки была шершавой и напоминала кнопки советских лифтов из Музея очевидной истории. Харрис мотнул дулом нейрольвера, Димитрий надавил на кнопку и посмотрел в окно.

Ничего не произошло.

— Дайте мне! — закричал Харрис. Отбросив нейрольвер в угол, он подошел к столу и стукнул по кнопке кулаком.

— Не работает, — сказал он почти плача. — Не работает! Чертова кнопка не работает!!!

Димитрий отступил к двери.

— Кто вас просил?.. — воскликнул Харрис, вытирая слезы и снова и снова ударяя по кнопке. — Раньше времени! Испортить такой прибор!.. Вы что, всегда нажимаете все, что попадаете под руку?.. Ых-х-х!..

Улучив момент, Дмитрий выскользнул из кабинета.

Той ночью ему снилось, будто он говорит с мудрецом в длинном халате, то ли Мерлином, то ли дзенским патриархом.

— Как мне расшифровать несправедливости мира? — спросил он у мудреца.

— Наше призвание — уподоблять и так постигать смысл жизни, — сказал мудрец. — Любое слово — ключ к тайне тайн, мой друг, но не по той причине, что слова имеют какую-то власть над сущностями, а потому, что слово это произнес именно ты.

Еще ему приснилась абсолютная, окончательная реальность. Дмитрий стоял и любовался ее бесконечными калейдоскопическими переливами, изменчивой многомерностью, непостижимой, претерпевавшей бессчетное количество метаморфоз структурой. Так продолжалось до тех пор, пока он не понял что-то очень личное и очень важное.

Но открывшаяся ему истина была настолько самодостаточна, что в ней самой, собственно, не было никакой необходимости; поэтому Дмитрий просто продолжал смотреть, изменяться и быть.

Алексей Капугин

БОЛЬШЕ ХОРОШИХ НОВОСТЕЙ

Утром Семен Сергеевич Вакулин проснулся раньше обычного — нынче должны были принести свежий номер «Хороших новостей». На часах было без четверти семь, почтальон же еще ни разу не приходил раньше восьми. Семен Сергеевич еще пару минут полежал, глядя в потолок, затем тяжело вздохнул, откинул одеяло и, кряхтя, поднялся на ноги. Накинув на плечи старый, протершийся на локтях почти до дыр халат, Семен Сергеевич прошел на кухню, наполнил водой чайник и поставил его на плиту, после чего направился в ванную. Дверь в ванную Семен Сергеевич оставил открытой и воду пустил тоненькой струйкой, чтобы было слышно, если вдруг позвонят в дверь. Однако, пока он умывался, долгожданный звонок так и не прозвучал. Заваривая чай в стакане, Семен Сергеевич бросил в кипяток всего несколько крупинок заварки — чая в банке оставалось на доньшке, а что за новости принесет сегодня почтальон, неизвестно. Бывали случаи, когда хороших новостей не хватало и на куда более необходимые вещи, нежели чай. Так что приходилось экономить. Разорвав пакетик из грубой оберточной бумаги, Семен Сергеевич высыпал в тарелку горсть серого порошка и залил его кипятком. Получившаяся овсяная каша как по виду, так и на вкус напоминала крахмальный клейстер, но на завтрак она вполне годилась. Тем более что и выбирать-то особенно было не из чего. Позавтракав, Семен Сергеевич вымыл тарелку, вернулся в комнату и включил старенький черно-белый телевизор. Собственно, рано утром смотреть по телевизору было нечего, но нужно же было

как-то убить время до прихода почтальона. Оставив без внимания утреннюю зарядку, познавательный рассказ о том, как происходит деление амебы и фрагменты балета незабвенного Петра Ильича Чайковского, Семен Сергеевич остановил свой выбор на фильме «Подвиг разведчика» — наблюдать за бессмысленным мельканием черно-белых фигур на экране было все же интереснее, чем следить за мучительно медленным передвижением минутной стрелки по циферблату будильника.

Звонок в дверь оторвал Семена Сергеевича от телевизора в тот самый момент, когда начался эпизод, который больше всего ему нравился, — советский разведчик Федотов, находясь в фашистском тылу, только-только взялся за создание предприятия по скупке свиной щетины, которая в скором времени по его прикидкам должна была превратиться в золото. Забыв о щетине и о разведчике, который был уже близок к тому, чтобы совершить свой обозначенный в названии фильма подвиг, Семен Сергеевич схватил со стола приготовленные еще с вечера паспорт и пенсионное удостоверение и кинулся к двери.

— Добрый утро, — строго глянул на него из-под блестящего козырька голубой форменной фуражки почтальон.

— Здравствуйте, — почтительно улыбнулся Семен Сергеевич парнишке, которому было чуть больше двадцати.

Почтальон посмотрел на номер квартиры, словно сомневался, туда ли он зашел, после чего заглянул в книгу доставки.

— Семен Сергеевич Вакулин? — снова глянул он на хозяина квартиры.

— Да, — торопливо кивнул Семен Сергеевич и, не дожидаясь дополнительных вопросов, протянул паспорт и пенсионное удостоверение.

Процедура получения «Хороших новостей» была ему хорошо знакома — вот уже без малого пять лет, как Семен Сергеевич ушел на заслуженный отдых и стал получать специальную ежемесячную газету для пенсионеров. Да и парнишка, разносивший газеты не первый месяц, должен был уже запомнить Вакулина в лицо, но тем не менее каждый раз делал вид, что видит его впервые. Семен Сергеевич был на него не в обиде — понятное дело, работа

ответственная, — но почему-то всякий раз, когда почтальон брал в руки его документы и начинал сличать их с теми данными, что значились в книге доставки, Семену Сергеевичу казалось, что на это раз он непременно найдет какое-нибудь несоответствие. Которого на самом-то деле быть не могло, поскольку «Хорошие новости» Семен Сергеевич получал на абсолютно законных основаниях.

Проверив документы, почтальон вернул их владельцу.

— Распишитесь, — приказным тоном произнес он, протянув Семену Сергеевичу раскрытую книгу доставки, в которой галочкой было отмечено место, где пенсионер должен был поставить подпись.

Взглянув на неразборчивую закорючку, нацарапанную Семеном Сергеевичем, почтальон неодобрительно качнул головой, но все же открыл сумку и вручил гражданину Вакулину причитавшуюся ему газету. Коротко козырнув на прощание — не из вежливости, а исключительно по долгу службы, — почтальон побегал вниз по лестнице.

Тщетно стараясь унять дрожь от волнения в руках, Семен Сергеевич аккуратно расстелил тонкую четырехполосную газету на столе. Пять лет назад, когда Семен Сергеевич только начал получать «Хорошие новости», газета была восьмиполосной. Но с тех пор многое переменялось. И, к сожалению, далеко не в лучшую сторону.

Положив по правую руку от себя маникюрные ножницы, простой карандаш, прозрачный пластиковый трафарет размером с пол-ладони и официальный справочник, в котором были приведены как позитивные, так и негативные значения ключевых слов и словосочетаний вместе с их оценкой в баллах, Семен Сергеевич приступил к изучению газеты.

На первой странице, как обычно, красовался портрет отца нации, настолько большой, что невозможно вырезать по трафарету даже улыбку. Фотоулыбка оценивалась в десять положительных баллов — не много, но хоть что-то, — а вот фрагмент улыбки не стоил ничего. Под портретом располагалось традиционное ежемесячное обращение отца нации к своему народу — буквы крупные, а строчки длинные. И так и эдак приложив прозрачный трафарет к тексту выступления, Семен

Сергеевич убедился, что из него можно вырезать не более десяти—двенадцати слов, оцениваемых положитель-

ными баллами. Но зато Семену Сергеевичу удалось выловить превосходное словосочетание «выдающиеся успехи», которое оценивалось аж в пятьдесят пять баллов. Однако прежде чем резать газету, нужно было посмотреть, что напечатано на противоположной стороне листа, иначе окончательный баланс мог оказаться и со знаком минус.

На второй полосе газеты была напечатана большая статья известного экономиста, который в целом позитивно оценивал наметившиеся сдвиги в российской экономике. Проблема заключалась в том, что, как и любой другой эксперт, экономист нередко использовал слова двойственного значения, которые, в зависимости от контекста, можно было оценить и как положительные, и как отрицательные. А вырезать из текста прямоугольный кусочек размером со стандартную игральную карту и при этом сохранить контекст, в котором было использовано то или иное слово, было практически невозможно. Так что, повозившись какое-то время с длинной, путаной и невероятно противоречивой статьей экономиста, Семен Сергеевич сделал из нее всего четыре вырезки, общая сумма положительных слов в которых едва дотягивала до ста баллов.

Под статьей экономиста располагался большой военный репортаж. Фотографий, по счастью, было немного, всего две, но при этом ни одна из них не годилась для вырезки — слишком уж мрачные были лица и грустные глаза у запечатленных на них солдат. При взгляде на них тоска пробирала до самого сердца и как-то совсем не верилось в то, что, как утверждал корреспондент, наши бойцы рвались в бой с ненавистным врагом, окончательная победа над которым была уже не за горами. Но в целом репортаж с мест боев был в высшей степени оптимистичным. Беда заключалась лишь в том, что корреспондент то и дело использовал слова «число потерь», «раненые», «выведенные из строя», «потери в живой силе», «жертвы бомбометания» и тому подобные. Естественно, колоссальные потери несли вооруженные бандформирования, а наши доблестные воины продолжали свое победоносное шествие по освобожденным территориям, не обращая внимания на то, что за спиной у них тлеют очаги новых восстаний. Но, как ни крутил Семен Сергеевич прозрачный пластиковый трафарет, ему так и не удавалось выбрать хоть несколько слов, из которых было

бы ясно, кто кому нанес очередной сокрушительный удар. В конце концов ему пришлось делать вырезки, взяв за основу выступление отца нации и стараясь, чтобы слова-минусы из репортажа с театра военных действий не забивали слова-плюсы из речи главы государства.

Закончив с первыми двумя полосами, Семен Сергеевич решил, что можно позволить себе немного отдохнуть, и сходил на кухню, чтобы заварить чай. На этот раз он сыпанул заварку в кружку щедрой рукой, и чай получился хотя и не ароматный, но достаточно темный для того, чтобы назвать его крепким. Выпив чаю с галетами, которые оказались настолько черствыми, что их невозможно было разжевать, не размочив предварительно в кипятке, Семен Сергеевич вновь взялся за «Хорошие новости». Впереди его ожидало самое приятное — третья и четвертая полосы газеты, на которых обычно не было ни слова о политике.

Настроение Семена Сергеевича резко испортилось, едва только он увидел заголовок «Борьба с преступностью продолжается». Само собой, в статье речь шла о выдающихся достижениях органов правопорядка в деле искоренения преступности. Но опыт подсказывал Семену Сергеевичу, что искать слова-плюсы в статьях, посвященных криминалу, было бесполезной тратой времени. И все же он добросовестно просмотрел статью, чтобы еще раз убедиться в том, что ни одного дополнительного балла выловить из нее не удастся. Зато вот колонка, посвященная краеведению, астрологический прогноз и сводка погоды позволили Семену Сергеевичу сделать вырезок сразу на триста семьдесят пять баллов.

Четвертую полосу занимали рекламные объявления и короткие заметки с информацией о театральных премьерах и вернисажах, так что на обратных сторонах вырезок, сделанных Семеном Сергеевичем с третьей полосы, набралось еще около трех десятков положительных баллов.

Скинув изрезанную газету на пол, Семен Сергеевич принялся сортировать вырезки и суммировать положительные баллы. К сожалению, на вырезках попадались и слова-минусы, но, подсчитав окончательный результат, Семен Сергеевич испытал небывалый прилив оптимизма. У него на руках имелось ровно семьсот тридцать два положительных балла! Это означало, что после уплаты двух-

сот сорока одного балла за жилье и вычета четырехсот тридцати баллов, которые следовало отложить на питание, у него оставался еще шестьдесят один балл! А поношенные, но все еще крепкие зимние ботинки, которые давно уж при-смотрел себе в магазине для малоимущих Семен Сергеевич, стоили ровно шестьдесят баллов!

Семен Сергеевич в возбуждении провел ладонью по лбу, так, будто на нем выступила испарина. Переведя дух, он суетливо, совершая массу ненужных движений, собрал вырезки в стопку, вложил их между страницами паспорта и начал одеваться.

Погода на улице была исключительно мерзкой. Видно, действительно что-то неладное происходило с природой: в середине декабря с неба сыпал мелкий дождик, а под ногами хлюпали лужи, на дне которых таился предательский лед. Довершали неприглядную картину кучи собачьего дерьма на асфальте, между которыми можно было пройти, только проявив мастерство незаурядного танцора. Но сегодня Семен Сергеевич ничего этого не замечал. До районной управы можно было добраться на автобусе, проехав две остановки, но автобусы ходили так редко, что Семен Сергеевич решил, что быстрее дойдет пешком. Он шел, втянув голову в плечи, запахнув старенькое, поношенное пальто и не вынимая руку из кармана, где у него лежали документы и вырезки из «Хороших новостей».

У приемного окошка уже змеилась очередь человек в тридцать. Семен Сергеевич обреченно вздохнул и безропотно пристроился в хвост очереди.

Очередь двигалась мучительно медленно. Каждый пенсионер задерживался у окошка по меньшей мере минут на десять, что-то терпеливо объясняя приемщице, а порой даже пытаясь в чем-то убедить девушку в окошке. Вначале Семени Сергеевичу было почти нестерпимо тоскливо стоять в конце очереди, которая, казалось, вообще не двигалась с места, но после того как следом за ним пристроился хвост длиной не меньше той колонны людей, что стояла впереди, он несколько воспрял духом. Уж если люди, стоявшие следом за ним, надеялись на то, что сегодня им удастся сдать свои вырезки из «Хороших новостей», то у него

и подавно были все шансы добраться до заветного окошка прежде, чем на нем появится табличка с убийственной в своей прямоте надписью: «Прием закончен».

Без четверти шесть, простояв на ногах без малого семь часов, Семен Сергеевич наконец-то смог заглянуть в окошко, за которым сидела приемщица — смурная девица неопределенного возраста с растрепанной прической и небрежно наложенным не в меру ярким макияжем, одетая в белую блузку и нестерпимо красную кофточку. Семен Сергеевич попытался приветливо улыбнуться приемщице, но, поскольку сил у него уже почти не оставалось, улыбка получилась несчастной и жалостливой, точно у нищего, протягивающего руку за подаванием.

— Ну, давайте, что ли, — недовольно глянула на Семена Сергеевича приемщица.

Семен Сергеевич торопливо сунул в окошко свое пенсионное удостоверение и паспорт, в которой были вложены вырезки.

Заглянув в пенсионное удостоверение и сверив номер паспорта, приемщица веером разложила на столе перед собой вырезки и, вооружившись трафаретом, принялась за проверку. Семен Сергеевич с волнением наблюдал за происходящим. Он даже привстал на цыпочки, но ему все равно не было видно, какие цифры проворно набивает приемщица на клавиатуре стоявшего справа от нее калькулятора.

Проверка заняла чуть больше пяти минут.

— Шестьсот пятьдесят два балла, — сообщила приемщица, возвращая Семену Сергеевичу документы.

— Как? — Семену Сергеевичу показалось, что он ослышался.

— Шестьсот пятьдесят два балла, — повторила приемщица и принялась отсчитывать торговые купоны.

— Простите, — доверительно наклонился к окошку Семен Сергеевич. — Но по моим подсчетам выходит семьсот тридцать два...

— Считайте правильно, — решительно прервала его приемщица.

— Но я все тщательно проверил...

Приемщица посмотрела на Семена Сергеевича так, словно он нахально пытался заглянуть ей под юбку.

— Вы что, думаете, я ваши баллы себе в карман положила? — с вызовом спросила она.

— Нет! — Семен Сергеевич с праведным возмущением отмел саму возможность каких либо злоупотреблений со стороны приемщицы. — Конечно же, нет! Но все же, — заискивающе улыбнулся он, — быть может, вы еще раз проверите?

— Вы видели, какая очередь стоит за вами? — с укоризной посмотрела на Семена Сергеевича приемщица.

— Совершенно верно, гражданин, — заворочался за спиной у Семена Сергеевича старичок в старой болоньевой куртке и драном заячьем треухе. — Не задерживайте очередь. Девушка знает свое дело.

Следом за стариком зароптали и другие люди из очереди.

— Я все понимаю, — снова обратился к приемщице Семен Сергеевич. — Но все же... Разница получается в восемьдесят баллов...

— А я здесь при чем? — не глядя на Семена Сергеевича, пожала плечами приемщица.

Отсчитав купонов на сумму в шестьсот пятьдесят два балла, она выложила перед Семеном Сергеевичем несколько разноцветных бумажек с портретами Пушкина, Достоевского, Чехова и Толстого.

Зажав купоны в кулак, Семен Сергеевич все же не торопился отходить от окошка.

— Ну, в чем там у вас дело, гражданин? — снова завопил за спиной Семена Сергеевича дед в заячьем треухе. — Можно подумать, вы один купоны получаете!

— Простите, — вновь обратился к приемщице Семен Сергеевич. — Но, может быть, вы объясните мне, как получилось, что мы с вами по-разному подсчитали количество баллов на моих вырезках?

Приемщица вздохнула устало и безнадежно.

— Для оценки слов вы пользовались официальным справочником, выпущенным в марте этого года?

— Конечно, — заверил приемщицу Семен Сергеевич.

Приемщица достала из стола брошюру и показала ее Семену Сергеевичу.

— Это дополнение к официальному справочнику, выпущенное две недели назад, — объяснила она. — В соответствии с которым балльная оценка пятисот тридцати трех слов изменена.

— И как же теперь? — растерянно развел руками Семен Сергеевич.

Приемщица снова вздохнула.

— Десять купонов за брошюру.

Семен Сергеевич по-прежнему пребывал в состоянии глубочайшей растерянности. Почти не понимая, что делает, он протянул приемщице красную бумажку с портретом Достоевского. Получив в обмен брошюру с дополнениями к официальному справочнику, он сунул ее в карман и, запахнув пальто, вышел на улицу.

Медленно передвигаясь по скользкому грязному асфальту, Семен Сергеевич пытался подсчитать в уме, сумеет ли он с оставшимися шестьюстами сорока двумя купонами дожить до следующего выпуска «Хороших новостей». Он понимал, что изменения в официальный справочник были внесены вовсе не потому, что правительство пыталось таким образом ущемить интересы граждан. Страна переживала сложный переходный период. И в том, что он тянулся уже не первое десятилетие, не было ничьей вины. Как говорил в своем последнем обращении к дояркам и скотницам отец нации: «Лучше трудное, связанное с лишениями и жертвами, движение вперед, чем бесконечное топтание на месте». Семен Сергеевич был согласен с отцом нации. Он был готов идти на жертвы. Но только что он мог сделать для своей страны, если купонов, которые он получил сегодня в районной управе, могло хватить ему на месяц только при том условии, если он полностью откажется от сахара, а цены на остальные продукты питания не взлетят вверх так же стремительно, как это случилось в начале осени? И кроме того, ему нужны были зимние ботинки. Пусть не новые, но такие, в которые снег не набивался бы через расползшиеся швы. Ботинки стоили шестьдесят купонов, которых у Семена Сергеевича не было.

Семен Сергеевич тяжело и безнадежно вздохнул. Он понимал ситуацию, а потому не роптал. Нынче всем было нелегко. И не было смысла искать виноватых, поскольку вина за то, что происходило в стране, в равной мере лежала на всех — как на тех, кто бездарно руководил ею,

так и на тех, кто безропотно соглашался со всем, что они делали. Что оставалось Семену Сергеевичу Вакулину, сжимавшему в кулаке тоненькую пачку разноцветных бумажек, которые, как он верил, должны были помочь ему протянуть еще один месяц? Только надеяться на то, что в следующем месяце в газете будет больше хороших новостей и он наконец-то сможет набрать столь необходимые ему баллы, чтобы купить зимние ботинки.

Евгений Лукин

МГНОВЕНИЕ ОКА

(Неокиберпанк)

Старший оперуполномоченный Мыльный отличался крайней любознательностью, однако тщательно скрывал от сослуживцев это свое весьма полезное для работы качество. Причина была проста: в босоногом детстве будущего опера дразнили Варварой — в честь незабвенной гражданки, якобы лишившейся на базаре носа, а ребяческие впечатления, как известно, наиболее глубоки и болезненны.

Неистребимый интерес ко всему новому Мыльный скрывал довольно хитро: скорее выпячивал, чем скрывал, мудро придавая своему любопытству черты скепсиса.

— Во дает! — цинически всохотнул он, когда новая, только что установленная программа «Пинкертон» вывела на экран первый десяток подозреваемых. Против каждой фамилии была обозначена в процентах вероятность совершения данным гражданином данного проступка. — Так и поделим, — глумливо сообщил опер неизвестно кому. — Этому — двадцать четыре процента срока, этому — одиннадцать...

А главная прелесть заключалась в том, что преступления-то никакого не было вообще — старший оперуполномоченный его сам придумал. Никто никого не убивал и не грабил вчера в Центральном парке в ноль часов пятнадцать минут местного времени. Тем не менее в списке подозреваемых значились вполне реальные люди. Кое-кого Мыльный, помнится, даже допрашивал когда-то — по другому, естественно, делу.

Круглая тугая физиономия стала вдруг хитрой-хитрой. Тыча в клавиши тупыми толстыми пальцами, любознательный опер набрал собственную фамилию — и скомандовал ввод.

Секунды через четыре компьютер сообщил, что вероятность участия гражданина Мыльного А. М. во вчерашнем (им же самым вымышленном) злодеянии равняется примерно одному проценту.

Угодивший в подозреваемые хмыкнул и, с треском почесав коротко стриженный затылок, проверил за компанию нелюбимого им полковника Непадло. К великому разочарованию старшего оперуполномоченного, против означенной фамилии выскочили жалкие 0,2 процента.

Хотя — понятно. Убийство и грабеж еще ведь не каждому по плечу. Это тебе не генералу задницу лизать...

Тут Мыльного осенило. С сатанинским выражением лица он вновь склонился над клавиатурой. Фамилию начальника, место, время и дату оставил неизменными, а вот деяние сменил. Теперь формулировка была такова: получение взятки от криминальных структур в особо крупных размерах... Нет! В особо крупных — много чести! Сотрем. Просто: получение взятки от криминальных структур...

Ответ последовал почти незамедлительно. Цифра на экране возникла столь внушительная, что Мыльный даже присвистнул. Затем насторожился и вышел из программы, не сохраняя данных. А еще через пару секунд дверь открылась — и в кабинет ступил полковник Непадло собственной персоной.

Высокий, сухощавый, седовласый — ему бы в кино играть кого-нибудь сильно положительного. Полковника МВД, например. Вот только портили портрет Герману Григорьевичу судорожно подвижный поршень кадыка да беспокойно блуждающий взгляд.

В целом же — вопиющее несоответствие характера и унаследованной от запорожских предков фамилии.

— Осваиваешь? — отрывисто осведомился вошедший.

Был он не на шутку чем-то озабочен.

— Да освоил уже... — хмуро отозвался Мыльный.

— И-и... как? Надежная штука?

Оперуполномоченный скорчил пренебрежительную гримасу и неопределенно повел округлым плечом. Так, дескать, баловство.

Полковник Непадло помялся, подвигал кадыком, поблуждал глазами. Кашлянул.

— Дзугаева проверить надо, — сказал он наконец.

— Его не проверять, его брать надо, — проворчал Мыльный, набирая в нужных окошечках: Дзугаев Ваха Данилеулович. — Что шьем?

Не получив ответа, обернулся. Полковник Непадло пребывал в легком замешательстве.

— Да депутат один на генерала нажал, — не совсем понятно и как бы оправдываясь, проговорил он. — Люди-то — пропадают. Один за другим... Дескать, вот и компьютерами нас оснастили, а все равно пропадают...

— Так, — понимающе поддакнул Мыльный, выжидательно глядя на полковника.

— Н-ну... Слышал, наверно, какая про него поговорка ходит? Про Дзугаева...

— Слышал. Моргнет левым глазом — и нет человека.

— Вот проверить надо.

Ошеломленное выражение исчезло с округлой физиономии Мыльного столь быстро, словно бы вообще не возникало.

— Сделаем, — невозмутимо молвил он, снова поворачиваясь к монитору. — Какого-то конкретного человека или?..

— Или, — желчно отозвался полковник.

— Понял... Значит, место преступления — не установлено. Время — не установлено. Потерпевший — не установлен... — Голос Мыльного звучал — комар носа не подточит! — серьезно, буднично, деловито, но, сказать по чести, давно так не веселился старший оперуполномоченный. — Орудие преступления: левый глаз... Действие... Хм... Действие...

— Мигнул, моргнул... — сердито подсказал Непадло.

— Нет... Мигнул, моргнул — она не поймет. Тут это надо... существительное... Миг?... Морг?..

— Какой морг? — вспыхнул полковник. — Морг ему! Пиши — моргание.

— Моргание... — с наслаждением повторил Мыльный. — Причиненный ущерб — исчезновение человека... Есть, Герман Григорьевич! Готово. Вероятность — ноль целых ноль десятых процента... Могу распечатать.

— Распечатай! — бросил тот. — Отнесу генералу, а он уж пусть разбирается с этим... с депутатом... —

Полковник посопел, похмурился. — Погоди-ка! У тебя ж там, в компьютере, весь наш район, так?

— А как же! База данных, — подтвердил Мыльный, не без удовольствия выговаривая недавно заученные слова.

— Много времени займет всех проверить?

— Вообще всех? Или только с судимостями?

— То есть как? — Полковник оторопел. — У тебя там что? И несудимые тоже?.. А что у тебя на них?

— Адреса, анкетные данные...

— Откуда?

— Пашу попросил — а он в паспортном столе скопировал. Там ведь сейчас тоже всю документацию дублируют, в электронку переводят...

— М-м... — Полковник колебался. — Нет, ну их к черту! Давай одних судимых.

— Без проблем! — Мыльный убрал фамилию Дзугаева и, наведя курсор на иконку «Все дела», дважды щелкнул левой клавишей мыши. Вознамерился было откинуться на спинку стула, как вдруг по экрану побежали первые строчки. Фамилии и адреса подозреваемых.

— Не понял...

Строчки приостановились — и побежали снова. Замерли. Дернулись. Замерли. Итого: двадцать две фамилии.

— Глючит! — придя в себя, с досадой бросил Мыльный. — Это бывает. Сейчас перегружусь.

Он вышел из программы и перегрузил компьютер. Непадло ждал, хищно подавшись к монитору ястребиным профилем.

Нарочито замедленно, каждый раз проверяя написанное, Мыльный ввел в окошки тот же текст — и вновь дважды щелкнул по той же иконке. И опять побежали строчки. Все те же двадцать два подозреваемых. Моргнул левым глазом — и нет человека...

— Распечатай! — хрипло потребовал Непадло.

— Чего тут распечатывать? — буркнул Мыльный. — Фигня в чистом виде! Программиста вызывать надо...

— А ты не торопись это дело разглашать, — холодно молвил полковник. — Программиста! Подождет программист. Распечатай.

Работающий на полставки программист Паша (щеголеватый молодой человек в тонированных стеклах) возился с компьютером недолго.

— Так в чем проблема? — с недоумением обратился он к полковнику Непадло.

Тот беспомощно взглянул на Мыльного.

— Глючит... — неохотно пояснил опер.

— А точнее?

Теперь уже замялся Мыльный.

— Выводы странные делает, — пришел на помощь Непадло.

Программист воззрился на него чуть ли не с восхищением.

— Господа! — сказал он, борясь с улыбкой. — Я надеюсь, вы не рассчитываете, что программа будет за вас жуликов ловить? Она выдает вам версию на основе тех данных, которые вы сами в нее ввели. А проверить и уточнить — это уж ваша задача...

— Надо будет — уточним! — отрубил полковник. — Ты лучше вот что скажи: с самой программой все в порядке?

— Абсолютно!

Полковник Непадло для верности самолично прикрыл дверь за программистом Пашей и остолбенел в раздумье на несколько секунд, озадаченно оглаживая волевой подбородок.

— А генерал что говорит? — поинтересовался Мыльный. Непадло очнулся.

— Да тоже говорит: фигня... — расстроено промолвил он. — Как же фигня, если программа исправна?.. Знаешь что? А проверь-ка их конкретно по каждому похищению!

После проверки список сократился до четырех кандидатов: Живикин, Хрхрян, Ржата и Сиротинец. Согласно высокочившим цифрам, Хрхрян почти наверняка был виновен в исчезновении сразу пяти человек. Впрочем, троих из этой пятерки мог умыкнуть и Живикин. Ржата и Сиротинец скромно претендовали вдвоем на одного пропавшего.

Если бы не способ похищения — список как список, хоть на вокзале вывешивай...

— Крестники есть? — мрачно спросил Непадло.

— Про Сиротинца слышал...

— Что именно?

— Член Союза писателей, — нехотя процедил Мыльный.

— Как это он? — не въехал полковник.

— Отсидел в малолетке. Потом обо всем книжку написал. Автобиографическую...

— Чернуха небось?

— Чернуха... Но зону знает.

Тут оба смолкли, потому что на мониторе возник портрет Сиротинца. Анфас. Левый глаз подозреваемого располагался чуть ниже правого. И воля ваша, а таилось в этом странном взгляде нечто нечеловеческое. В полном молчании Мыльный вывел на экран фотографию Живикина, затем — Ржаты. У этих двоих глаза были, правда, на одном уровне, но опять-таки взгляд...

Сам оперуполномоченный не верил ни в сон, ни в чох, ни в вороний грай, однако и ему стало как-то не по себе... Что уж там говорить о полковнике Непадло, у которого, согласно сведениям любознательного опера, дома рассованы были по антресолям бумажечки с заговорами против квартирной кражи!

Но самое жуткое поджидало их впереди! Когда на мониторе появилась фотография Хрхряна, оцепенели оба, а полковник Непадло даже издал за спиной Мыльного какой-то непонятный звук: то ли ахнул, то ли резко выдохнул. Смуглое лицо кавказской национальности пересекала наискосок черная пиратская повязка, проходившая в аккурат по левому глазу. Неизвестно, какие ассоциации при этом возникли у полковника, но оперу немедленно припомнилась древняя байка о футболисте с черной повязкой на правой ноге. Якобы такой силы был у него удар, что запрещалось ему бить по воротам с правой, дабы не уложить голкипера насмерть...

Оперуполномоченный ожил первым. Зарычал, заматерился шепотом, схватился за мышь. Защелкала клавиша, замесался курсор. Портреты с экрана исчезли, уступив место мелькающим текстам.

— Ну конечно! — яростно взревел опер, тыча в монитор коротким толстым пальцем. — У них же у всех левого глаза нет! Стекланный он у них!..

— Стекланный... — в растерянности повторил полковник. — И что?

Оба усталились друг на друга. Действительно: и что?.. Нет левого глаза — значит, нет и орудия преступления. Тогда почему программа внесла этих четверых в список подозреваемых?

— А может, и не стеклянный... — замороженно произнес вдруг Непадло. — Может быть, даже и не глаз...

— А что?

— А черт его знает! — Полковник зябко передернул плечами. — Кристалл какой-нибудь... или приборчик...

— Да не бывает таких приборчиков!

— Сейчас все бывает... — сдавленно сообщил Непадло. — Просто не знаем мы ни хрена... Слушай, посмотри: там за ними ничего больше не числится?

Тут же и посмотрели. Сиротинец месяц назад купил квартиру в центре города, но, как выяснилось, доходы у него теперь были совершенно легальные — гонорары и еще какая-то литературная премия. Зловещий Хрхрян тоже на вполне законных основаниях владел будочкой, где изготавливал ключи и ремонтировал обувь. Ржата, получив справку об освобождении, устроился охранником в какую-то фирму. Зато Живикина можно было брать хоть сейчас. Пил без просыху, нигде не работал, полторы недели назад нанес сожительнице побои в области лица и прочих областях. Милицию вызвали соседи. Сама потерпевшая подать заявление не захотела.

— Ну что?.. — с сомнением молвил Непадло. — С кого начнем? С него?..

Вскоре пошли мелкие и не слишком приметные чудеса, на которые столь горазды наши славные органы.

Уже на следующий день побитая гражданка, леший знает с чего, внезапно переменяла первоначальное решение и подала на Живикина в суд. Одновременно сожитель ее (вот ведь непруха-то!) был в нетрезвом, естественно, виде накрыт линейной милицией за тем противоправным деянием, что всегда совершается не иначе, как с особым цинизмом.

А еще через пару часов в кабинет полковника Непадло заглянул Мыльный.

— Разрешите, Герман Григорьевич?

Полковник вышел из-за стола ему навстречу.

— Ну? — спросил он, понизив голос.

— Нормальная стекляшка, — с нескрываемой скукой отвечал ему опер. — Все-таки, наверное, программа глючит...

— Точно? Стекляшка?

— Да точно, точно. Сам на экспертизу относил.

Произнесено это было небрежно, а то и пренебрежительно. В отличие от циника Мыльного осторожный до суеверия полковник даже не пожелал взглянуть на задержанного: вдруг действительно моргнет чем-нибудь — и нет тебя...

— А остальные? — насупившись, продолжал Непадло.

— Сиротинца лучше не трогать — на скандал нарвемся. О нем вон уже в польском журнале пишут... За Хрхряном и Ржатой установлено наблюдение. По вашему приказу...

Приказ установить наблюдение был отдан в устном виде, и все же поршень полковничьего кадыка при упоминании об этом нервно дернулся.

— Только ты, слышь... — жалобно проговорил Непадло, блуждая взглядом. — Аккуратнее там... Чем черт не шутит!

— Службу я привлекать не стал... — уклончиво продолжал Мыльный. — Дал задание двум операм. Вашим именем...

Кадык дернулся вновь.

— Но ты, я надеюсь, не сказал им, в чем дело-то?..

Ответить Мыльному помешал телефонный звонок.

— Полковник Непадло слушает... Да, у меня... Кто-о?.. — Владелец кабинета брезгливо поджал губы и с упреком взглянул на опера. — Тебя...

— Слушаю, — буркнул тот, приняв трубку. — А, Славик... Ну? — Судя по звукам, доносившимся из наушника, кто-то о чем-то докладывал взалхлеб. Неухоженные брови Мыльного изумленно взмыли. — Кто моргнул?.. Ты?..

Заслышав слово «моргнул», полковник въелся глазами в оперуполномоченного. Тот, окаменев лицом, дослушал доклад, поглядел непонимающе на трубку и лишь затем положил ее на рычажки.

— Хрхрян исчез, — с недоумением сообщил он.

— Каким образом?!

— Фигня какая-то... — скребя в затылке, признался опер. — У Славика правый глаз зачесался... Моргнул, протирать начал... А когда протер — смотрит: будка пустая... Все на месте, инструмент на месте... А человека нет...

— А-а... — Не в силах выговорить ни слова, полковник потыкал себя пальцем в правую скулу.

— Да нормальные у него глаза, у Славика! Медкомиссию-то он — проходил...

— Что делать будем? — выдохнул Непадло.

— С Пашей потолковать надо, — с твердостью произнес опер. — Все-таки специалист...

Полковник закричал, но податься было некуда. Если опер Мыльный уперся — с места его не сдвинешь.

Вызвали Пашу.

С откровенным недоверием выслушав рассказ старшего оперуполномоченного, программист с дробным треском порхнул пальцами по клавишам — и, убедившись, что никто его не разыгрывает, забился в припадке сдавленно-го хохота. Непадло и Мыльный, насупившись, ждали, когда он отсмеется.

— Ну логику-то... — всхлипывал Паша, срывая щегольские свои очки со смуглыми стеклами. — Логика вам в юридическом преподавали?... Из ложного условия... следует... что угодно...

— Как это — что угодно? — взвился Непадло. — Тут не что угодно — тут люди пропадают!..

— О-ох... — Паша наконец отдышался, ущипнул себя за переносицу, надел очки. — Принцип пьяницы! — объявил он все еще подрагивающим от смеха голосом. — Классический принцип пьяницы!

Полковник и оперуполномоченный переглянулись. Подобно большинству ментов, оба пили вполне профессионально.

— Подробнее! — проскрежетал Непадло.

— Существует такая логическая каверза, — пояснил Паша. — Представьте пьяницу. Когда он пьет — пьют все.

— Как — все? — не понял опер. — Вся планета?

— Да. Вся планета.

— Фигня, — сказал опер.

— Тем не менее, — тонко улыбнувшись, заметил Паша, — под это определение подходит любой трезвенник. Я, например. Когда я пью — пьют все. Просто я никогда не пью.

Милиционеры переглянулись вновь — на этот раз ошалело.

— Вот вы ввели запрос о человеке, который, моргнув левым глазом, сотворит заведомо невозможное. И программа выдала вам список лиц, не имеющих левого глаза. Моргнул бы — да нечем!

Полковник медленно повернулся к оперуполномоченному.

— Снимай наблюдение... — через силу выдавил он.

— Наблюдение снять недолго... — угрюмо отвечал тот. — А вот насчет Живикина... Поздно, Герман Григорьевич! Дело то уже заведено. Хулиганство, нанесение побоев...

— Постой-ка! — встрепнулся полковник. — А как же этот... пропавший... Хр... Хрх... Как его?

Так и не выговоренный полковником Хрхрян сидел в летней кафешке на расстоянии квартала от своего киоска и нервно сдувал пену со второй кружки пива.

— Достали, да?.. — гортанно жаловался он соплеменнику. — Ключ точу — следит. Набойку ставлю — следит... Ты подойди, скажи, сколько тебе надо... Не подходит! Следит! Значит, опять что-то лепят...

Соплеменник качал головой и сочувственно цокал.

— Гляжу — глаза стал протирать... — отхлебнув, с горечью продолжал одноглазый Хрхрян. — Я из будки бегом! Сижу теперь, думаю: на хвост упали — киоск продавай, из города уезжай... А как по-другому? Менты... Моргнут — ищи потом Хрхряна!..

Сергей Лукьяненко

ЕСЛИ СЕГОДНЯ

Если вы свяжетесь прямо сейчас...

Корабль будто и не летел — плыл в океане космоса. Почти километровый в диаметре шар медленно вращался, и по поверхности его бегали цветные узоры. Два полотнища радужного света стлались за ним, и по всей Земле люди поднимали головы, глядя в небо — с тревогой, подозрением, а то и с откровенным страхом. И все-таки большинство просто любовалось невиданным зрелищем. Слишком красива была эта чужая радуга, плавно скользящая по земной орбите, всем своим великолепием она отметала дурные мысли, обещала что-то радостное и небывалое. Наверное, со времен первого спутника люди не смотрели в небо так часто...

А на закрытом заседании Совета Безопасности ООН представители великих (и не очень) держав смотрели на экран. Зрелище было, быть может, не столь впечатляющее, но зато куда более познавательное. Впервые инопланетная раса вошла в контакт с человечеством.

— Нет, мы не будем высаживаться, — говорил с экрана пушистый комок оранжевого меха с крохотными бусинками глаз. — Нет, нет, нет. Спасибо за гостеприимство. Мы очень спешим. Мы благодарим за приглашение. Мы рады общению с вами. Но нам еще предстоит долгий-долгий путь.

Перевод обеспечивали Чужие. И на русский, и на английский, и на китайский, и на французский, и на испанский языки. Перед представителями других рас они вежливо извинились и посетовали на недостаток времени и способностей.

— Но мы хотели бы еще очень многое узнать, — сказал особый представитель ООН, гражданин Мадагаскара, выбранный после двухдневной подковерной борьбы представителем со стороны человечества. Мадагаскару повезло именно по причине его обычности — представитель Китая настаивал на кандидате от самой многочисленной нации, представитель США — на кандидате от самой развитой и демократической страны мира, представитель России — на кандидате от самой большой по площади страны. На самом деле личность господина Особого Представителя не играла никакой роли — он лишь озвучивал текст, появляющийся перед ним на маленьком неприметном экране. Где-то в недрах здания ООН этот текст торопливо вырабатывали никому неведомые референты, психологи, политологи и сотрудники спецслужб.

— Мы ответим, — любезно сказал Чужой. — Спрашивайте, мы ответим.

— Много ли цивилизаций разумных существ известно вам? — косясь в экран, спросил мадагаскарец.

— Восемьдесят три с половиной, — любезно ответил Чужой. — Включая дельфинов. А если засчитают человечество — то восемьдесят четыре с половиной.

С одним из психологов случилась легкая истерика, его увели. Возникла небольшая заминка, но вот появился текст нового вопроса, и Особый Представитель человечества проникновенно произнес:

— На чем основываются отношения между различными цивилизациями космоса?

— На дружбе, сотрудничестве и взаимовыгодной торговле, — немедленно сообщил Чужой. — Иногда возникают вооруженные конфликты, но это позорно и недостойно разумных существ. Мы — убежденные пацифисты.

Представитель США удовлетворенно кивнул. Впрочем, от сердца отлегло у всех.

— Каким образом мы можем вступить в контакт с другими цивилизациями? — поинтересовался гражданин Мадагаскара.

— Развивайте науку и технологии, добросовестно трудитесь, живите в мире, летайте к другим звездам, — дал ценный совет Чужой.

Снова возникла маленькая пауза, потом был озвучен новый вопрос:

— Земная цивилизация имеет ряд нерешенных проблем, можем ли мы рассчитывать на какую-либо форму помощи со стороны вашей, более развитой, цивилизации?

В последнюю секунду слова «более развитой» изменились на «дружественной», но Особый Представитель человечества уже прочел первоначальный текст.

— Сложный вопрос, — опечалился чужой. — Давно уже было замечено, что полученная безвозмездно помощь не идет впрок. Цивилизация начинает отставать в развитии, надеяться на инвестиции, кредиты, гуманитарную помощь... Сложный, сложный вопрос. Мы думаем, что могли бы вступить с вами в товарные отношения и продать некоторые любопытные приспособления. В качестве платы мы согласны принять некоторые тяжелые металлы и произведения кустарного искусства. Но торопитесь — наше время очень ограничено.

На экране с поразительной быстротой сменились несколько фраз: «Есть ли Бог?», «Какие металлы?», «В чем смысл жизни?», «Дельфины действительно разумны?» и «Что вы можете нам предложить?». Мадагаскарец закашлялся, тарашась в экран. Последняя фраза помигала и осталась.

— Что вы можете нам предложить? — спросил Особый Представитель человечества.

— О, некоторые замечательные вещи... — сказал Чужой и изображение сменилось. Вместо маленькой, аскетически обставленной рубки возник просторный светлый зал, в центре которого стоял космический корабль. Ну, или что-то очень похожее на корабль с точки зрения человека. — Это уютный малотоннажный космический корабль цивилизации Агр, — сообщил Чужой. — Позволяет перемещаться в пределах местной Солнечной системы, развивает скорость до пятисот километров в секунду, снабжен устройствами противометеоритной защиты и радиационным щитом. Количество ограничено, мы можем предложить вам двенадцать кораблей со всей документацией на основных земных языках. Если вы купите все корабли и свяжетесь с нами прямо сейчас, то в придачу к каждому кораблю вы получите замечательный складной ангар...

На экране появилось белое строение, чуть побольше корабля.

— ...станцию связи с кораблями и трехчасовой обучающий мыслефильм по пилотированию корабля в особо сложных условиях. Цена каждого корабля — сорок тонн золота, четыре тонны платины, две с половиной тонны плутония.

В зале наступила пауза. Потом представитель США вскочил со своего места:

— Наша страна готова купить все корабли!

Особый Представитель человечества заерзал за своим столом. Но на него уже не обращали внимания.

— Прекрасно, — сообщил Чужой. — Мы уверены, что вы останетесь довольны сделкой. Куда доставить корабли и откуда забрать металлы?

Под ледяное молчание зала представитель США продиктовал координаты какой-то военной базы и сообщил, что металлы можно брать прямо из Форт-Нокса. Ошарашенные дипломаты, сообщившие, что американский представитель при Совете Безопасности не случайно помнит наизусть ширину и длину базы, гневно зашумели. Но ропот прервали слова Чужого:

— Еще более интересное транспортное средство. Колониальный корабль цивилизации Раг-Харр. Предназначен для межзвездных перелетов. Эксклюзивный товар, имеется в одном экземпляре. Абсолютно новый. Работает с нарушением теории Эйнштейна. Дальность полета — до сорока световых лет. Способен перевозить до тысячи живых особей за один рейс. Цена — четыреста тонн золота, триста тонн платины, не менее тонны неограниченных алмазов...

— Наша страна берет это! — выкрикнул американец, глядя на блестящую тушу колониального корабля, заслонившую весь экран. На его фоне корабли цивилизации Агр просто терялись.

— ...и восьмидесяти тонн кустарных произведений искусства данной страны возрастом не менее тысячи земных лет, — закончил Чужой. — Нам очень жаль, но страна США не имеет столь древних произведений кустарного искусства. Если вы свяжетесь с нами прямо сейчас, то в придачу к колониальному кораблю вы получите великолепную систему кондиционирования воздуха, уникальный телескоп для наблю-

дения за звездным небом, справочник с координатами незаселенных планет в радиусе сорока световых лет от Земли и документацию на основных земных языках...

— Китай покупает этот корабль, — сказал представитель Китая, победно оглядел зал и затараторил, обсуждая детали сделки. Возражений не было. Представители великих и не слишком стран вцепились в телефонные трубки, выслушивая новые инструкции. Мадагаскарец скучал. На американца жалко было смотреть.

— К сожалению, транспортные средства кончились, — сказал Чужой. От фрагмента Великой китайской стены он отказался, а вот терракотовая гвардия и вазы династии Мин его устроили. — Но у нас есть и другие любопытные вещи. Восхитительный Аурианский пищевой синтезатор! Пища пригодна для любой белковой формы жизни. Полностью автономен, снабжен зарядом энергии на сто двадцать пять лет. Четыре экземпляра. Стоимость каждого — шестьдесят тонн произведений кустарного искусства возрастом не менее двухсот земных лет...

В разразившемся споре пищевые синтезаторы были поделены между США, Китаем и Великобританией. Франция брезгливо отказалась от участия в торге, мотивируя это традицией национальной гастрономии, а российскому делегату пообещали уступить следующий лот. Впрочем, когда выяснилось, что уникальный прибор очередной неизвестной расы позволяет омолодить человеческий организм на сто земных лет, обещание едва не было забыто. Порядок восстановил Чужой, укоризненно напомнив людям их собственные слова, пристыдив и прочтя небольшую вежливую нотацию. В награду за немедленную покупку Россия получила еще и автоматический конвейер, позволяющий прогонять через омолаживатель до тысячи человек в час.

Еще один раз встрял Особый Представитель человечества, задав важный вопрос о сроках выполнения сделки. Чужой успокоил его обещанием выполнить все поставки в течение трех часов после завершения торга, причем как доставку товаров, так и получение платы согласился взять на себя.

Вскоре, впрочем, упущенный омолаживатель был почти забыт. Лоты сыпались одни за другим. Звездные

технологии обещали исцеление болезней, непачкающиеся ткани, контроль климата, обучение во сне, лишенные трения подшипники, сверхпроводники и сверхпрочное мономолекулярное волокно. Франция купила космическую станцию на десять тысяч человек и кофемолки на энергии броуновского движения, в придачу получив сверхглубокую буровую станцию и словарь языка запахов. Китай все-таки толкнул свою Великую стену, получив взамен великолепное средство по контролю за рождаемостью. Великобритании пришлось удовлетвориться технологией передачи электричества без проводов, зато в довершение был получен совершенно новый экспериментальный завод, способный построить свою точную копию. Когда более богатые страны несколько выдохлись, России досталась уникальная биокультура бактерий, способных жить в атомном реакторе и перерабатывать излучение в спирт, легковые машины на магнитной подушке и побег морозостойких инопланетных бананов.

Когда запасы тяжелых металлов несколько истощились, а предметы кустарного искусства стали кончаться, Чужие любезно распродали мелкие, но интересные лоты за образцы земной техники, кефирную закваску, листья эвкалипта и прочие пустяковины. Молчавший почти до конца представитель Израиля получил очередное указание и торопливо скупил оптом половину мелких лотов. Бонусом ему послужило средство от облысения, вызывающее интенсивный и устойчивый рост волос.

— Наши запасы кончились, — с грустью признался Чужой. — Мы вынуждены попрощаться с вами. Сейчас ваши покупки будут доставлены в указанные места. Благодарим за сотрудничество.

— Есть ли Бог? — торопливо выкрикнул гражданин Мадагаскара.

— Сами бы хотели знать, — ответил Чужой и экран погас.

Потные и взволнованные дипломаты переглядывались. Никто не решался встать первым. Наконец общее мнение озвучил израильский делегат:

— Что-то тут не так...

А тем временем корабль Чужих начал свой последний виток над Землей. Крылья радужного света рас-

простерлись над всей планетой, в них возникли темные пятна — космические корабли и станки, кофемолки и живые биокультуры, машины и синтезаторы пищи. Крылья медленно схлопнулись, пронизывая всю Землю, радужный свет накрыл мир, оставляя на указанных местах покупки и аккуратнейшим образом подбирая тяжелые металлы и кустарные поделки землян. Каждого человека коснулась волна радужного света, каждый ощутил на миг приятное чувство удовлетворения и сознание собственной ценности.

Потом корабль Чужих сошел с орбиты и через несколько часов исчез в глубинах космоса.

Вечером следующего дня заседал Совет Безопасности России. Впрочем, подобные структуры сейчас заседали во всех великих (и не очень) державах мира, дорвавшихся до чудес галактической науки. Первым дали выступить главе службы Внешней Разведки.

— При передаче этой информации был рассекречен наш лучший американский агент... — роясь в распечатках бубнил разведчик. — Так. Корабли цивилизации Агр и впрямь отвечают всем заявленным параметрам. Американские ученые с некоторой долей оптимизма склонны считать, что их скорость и впрямь составляет пятьсот километров в секунду... вот фотографии, к сожалению, не слишком четкие, наши разведывательные спутники несколько устарели... мерная линейка показывает размер каждого корабля, агентурные данные подтверждают эту информацию. Вероятно, жители Агра были размером с некрупного котенка. Агрегатные отсеки корабля запломбированы, согласно документации попытка открыть их приведет к разрушению всех устройств... А вот данные по Китаю. Кое-что мы склонны считать попыткой дезинформации, но кое-что удалось выяснить достоверно. Колониальный корабль Раг-Харр имеет в длину триста метров, это не американские игрушки. Он действительно работает с нарушением теории Эйнштейна. Согласно теории относительности, при полете со скоростью, близкой к скорости света, время на корабле должно было бы замедлиться, и по субъективному времени экипажа полет занял бы несколько часов, хотя с точки зрения внешнего наблюдателя прошли бы десятки или даже сотни

лет. В корабле Раг-Харр все наоборот. С нашей точки зрения он способен долететь до ближайшей звезды за несколько часов. Но на борту корабля за это время пройдет около тысячи лет. Китайцы все-таки хотят попробовать... беда в том, что механизмы корабля рассчитаны лишь на десять—двадцать лет полета... С контролем рождаемости тоже вышла некоторая проблема, устройство при включении действует сразу на всех представителей данной национальности... По Франции пока нет внятной информации, но температура их станции по-прежнему держится на пятиста сорока градусах по Цельсию, снижение же температуры повлечет за собой разрушение корпуса... Английский завод уже построил свою точную копию, копия, в свою очередь, заканчивает постройку своей копии. Вероятно, этот процесс можно длить бесконечно, но премьер-министр приказал остановить заводы. Китайские добровольцы и голодающие в Мозамбике отказались есть аурианскую пищу. Она не ядовита и очень питательна, но этот отвратительный вкус вызывает рвотные позывы даже у свиней... По Израилю данных нет... по Бельгии будут с минуту на минуту... вот еще данные по Великобритании. Для передачи электроэнергии без проводов требуется построить приемную и передающую станции. Количество меди, необходимой для монтажа, таково, что на порядок дешевле проложить старомодную линию электропередачи. У меня все.

Директор только что созданного Института Внеземных Технологий явно испытал облегчение после этой короткой речи. Поднявшись, он зачитал короткий отчет:

— Установка по омоложению смонтирована и готова к работе. К сожалению, работать с семидесятивосьмилетним добровольцем компьютер отказывается, минимальный шаг омоложения действительно сто лет. К вечеру в Москву должны доставить жителя Томска Ивана Степановича Хомякова, по метрикам ему сто шесть лет. К сожалению, некоторые наши ученые предполагают, что после омоложения он не только выглядеть, но и думать будет как шестилетний ребенок. О спирте. Бактерии, помещенные под поток жесткого излучения, действительно стали вырабатывать спирт. Есть только одна проблема — они же его немедленно и усваивают. Машины замечательно двигаются на магнитной подушке, но для

них требуется прокладывать специальные трассы из сплава никеля и вольфрама. Смета по постройке опытной дороги Москва — Звенигород прилагается... Бананы, точнее — инопланетный аналог бананов высажен на якутской опытной сельскохозяйственной станции. Первый урожай планируется собрать через двадцать—двадцать пять лет... мерзлые почвы, трудности с внесением удобрений... но снега они и впрямь не боятся. У меня пока тоже все.

Наступило молчание. Насупившийся президент обвел взглядом соратников. Спросил:

— А есть версия, зачем они купили у нас сто пятьдесят велосипедов «Кама»? Что там такого, в этих велосипедах?

Версия, возможно, была, но озвучить ее никто не решился. Лучше всех ответить президенту мог бы сам Чужой (он, кстати, и составлял весь экипаж огромного корабля), но он сейчас был очень занят. В не слишком далекой от Солнца звездной системе он продавал местным жителям уникальные, экологически чистые транспортные средства, не требующие для работы дорогостоящих источников энергии, способные передвигаться как по прямой, так и по наклонной поверхности и даже совершать повороты. Медузообразные обитатели местных болот очень внимательно его слушали.

Впрочем, все необходимые человечеству ответы мог бы дать и не входящий в высшие сферы, ничем не примечательный гражданин России, мелкой руки чиновник, скорее даже чиновничко, хорошо отметивший с друзьями вначале прилет, а потом — и отлет инопланетного корабля. В эту самую минуту, вернувшись домой в легком подпитии, уже плавно переходящем в похмелье, он застал жену на диване диктующей в телефонную трубку адрес и произнес небольшую, но пылкую речь. Слово «дура» в ней перемежалось с другими, не менее обидными словами, а заканчивалась речь укоризненной фразой: «И это в то время, когда человечество стоит на пороге новой эры!»

Обидевшаяся жена ушла в спальню, а чиновник сам присел перед телевизором.

— Если вы свяжетесь с нами прямо сейчас, — донеслось с экрана, — то в придачу к чудо-мельнице вы получите губку для протирки чашки, нож для резки картофеля и запасную рукоятку!

Но гражданин уже спал.

И почему-то ему снились смеющиеся дельфины.

Юлий Буркин

OH! DARLING

1

Я откинул одеяло и, свесив ноги, уселся на кровати. Так. Тапочек нет.

— Дом! — окликнул я.

— Да? — отозвался Дом.

— Что должно стоять возле кровати, когда я сижу на ней, свесив ноги?

Дом чуть замялся. Потом промямлил:

— Тапочки.

— И где они?

— Сейчас, — откликнулся Дом. — Извините.

Проклятие! Как будто мне нужны его извинения! Мне нужны тапки! Собственно, проблема даже и не в тапках, а в том, что подобных проблем быть просто не должно.

— Вот, — сказал Дом.

В двух местах биопластовый, покрытый нежной шерсткой пол мелко завибрировал, заструился, а по этой ряби слева и со стороны кухни поплыли к кровати мои любимые тапочки. Баснословно дорогие, привезенные с австралийских гастролей. Если торговец не врал, сшитые из шкур сумчатой белки. Как это я ухитрился их так раскидать вчера — в разные стороны?

Да, вовсе не в тапочках дело: по такому полу и босиком пройти — одно удовольствие. Дело в принципе. Дом знает, что утром они должны стоять здесь, так какого же черта?!

Дом — ДУРдом... За что я уважаю разработчиков Дистанционно Управляемых Разумных домов, так это

за их живое чувство юмора. Ведь слова явно сознательно подогнаны под аббревиатуру. «ДУРдом» — весело и самокритично. И если что разладится, уже как бы и не напрягает: предупреждали...

— Яичницу с ветчиной и стакан томатного сока, — сказал я, вскакивая в тапки. — И быстренько набери ванну, чтобы я успел окунуться, пока ты готовишь.

— О'кей, — сказал Дом. И в тот же миг прямо передо мной разверзлась яма, да так быстро и неожиданно, что я чуть не свалился туда. Отпрянув, я вынужден был сесть обратно на кровать. Тем временем стенки ямы, утратив ворсистость, сделались гладкими, светло-голубыми, и образовавшаяся ванна с журчанием стала наполняться водой.

— Дом! — рявкнул я. — Почему здесь?!

— А где? — удивился Дом.

— Где всегда — в ванной комнате!

— Ты сказал «быстренько», — заметил Дом упрямо. — Так быстрее.

Или мне показалось, что упрямо? Дальше-то прозвучало вполне индифферентно:

— Переместить?

— Ладно, — махнул я рукой и осторожно потрогал поверхность воды. Температура — в самый раз. Возможно, чуть прохладнее обычной утренней ванны, но в самый раз для моего легкого похмелья после вчерашней презентации нашего пятого альбома.

Я скользнул в ванну, окунулся с головой, вынырнул, с наслаждением профыркался и тут вспомнил:

— Мне ведь еще надо зубы почистить! Тащи тогда сюда же щетку, пасту и зеркало.

— Ползут, — отозвался Дом, — уже. — И вновь мне показалось, что он сказал это не обыкновенным безразличным тоном, а как бы с легкой ехидцей. Вот, блин, дурдом! Пора его апгрейдить, ей-богу. Давно пора. Разные выходки он в последнее время устраивает ежедневно. Но где взять столько денег?... Где-то я читал, что, мол, эпоха «умных домов» есть не что иное, как новый рабовладельческий строй на очередном витке развития цивилизации. А рабовладелец всегда хо-

чет, чтобы раб не только беспрекословно слушался, но и обожал бы его...

Почистив зубы и позавтракав, глядя при этом свои любимые «Новости Мира Глазами Свиньи», я решил перед уходом сделать хотя бы первое телодвижение в сторону назревшей домашней проблемы. Апгрейдить ДУРдом все-таки надо. В долг, в кредит или поэтапно... Нет, последнее невозможно... Козлыблин — вот кто мне нужен!

Козлыблин — это мой знакомый хакер и суперкомпьютерщик Вадим Варда, а прозвище он получил за свое любимое ругательство.

— Козлыблина! — скомандовал я и тут же содрогнулся, представив, что мой непонятливый в последнее время Дом притащит сюда Вадика живьем. Не знаю, как он смог бы это сделать, но на миг я в это поверил. Однако Дом выполнил команду на удивление точно. Вспыхнул кухонный стереоэкран, и на нем появилась заспанная небритая рожа Козлыблина.

— Привет, — сказал он хрипло. Прокашлялся и добавил: — Чего надо?

— Дом апгрейдить надо, — не стал я ходить вокруг да около, — а денег маловато.

— А-а, козлы, блин! — криво усмехнулся Козлыблин. — Когда все у них в порядке, тогда Варда — хакер, модельщик и халтурщик, а как прижмет — так все ко мне...

Вообще-то Вадик хороший и добрый парень. Это у него имидж такой.

— Чего с твоим ДУРдомом-то? — продолжал он.

— Сам не пойму. Тормозит. Непонятливый какой-то стал.

— Дай-ка я сам с ним поговорю.

— Ну, поговори.

— Дом! — позвал Козлыблин.

— Да? — чуть помедлив, с явной неохотой откликнулся мой ДУРдом.

— Сам свое состояние как оцениваешь?

Пауза между вопросом и ответом на этот раз была еще длиннее. Наконец Дом отозвался:

— Мне скучно.

— Понял?! — моментально развеселился Козлыблин. — Ему скучно! Вот и вся проблема!

— И чего ты так обрадовался? — наехал на него я. — «Скучно»?! Это что — нормально? Может быть, мне его

веселить предложишь? Может, на голову встать, а ногами жонглировать?! Мне надо, чтобы он работал, а не скучал тут... И вообще, как это ДУРдому может быть скучно? Он ведь хоть и разумный, но не живой все-таки...

— Это он аналог нашел, — моментально успокоился Козлыблин. — Когда тебе скучно бывает? Когда все твои возможности кажутся тебе исчерпанными, когда ты можешь только повторять то, что уже много раз делал, когда даже желания не возникают, так как подсознательно ты уже знаешь, что реализовать их не сможешь...

— Ну?

— Развеять скуку можно режим увеличением возможностей. Вот, например, — кривая козлыблинская усмешка стала еще ехиднее, — тебе скучно, и вдруг ты узнаешь, что у тебя в Штатах померла троюродная бабушка и оставила тебе в наследство миллион баксов. И скуки — как не бывало. Так?

— У моего Дома нет троюродной бабушки, — огрызнулся я.

— Можно влюбиться, — продолжал куражиться Козлыблин.

— Мой Дом не встречается с другими Домами.

— Ни с домами, ни с дамами! — обрадовался Козлыблин. — А это идея — разделить Дома по полам! У тебя Дом — мужчина?

— Слушай, хватит, а?! — начал выходить из себя я. — Я тебе не для того позвонил. Давай по существу дела.

— Козлы, блин! — дернулся Козлыблин. — Кроме своих мелочных забот, ничего их не интересует! А я, между прочим, по существу дела и говорю. То, что для тебя — миллион баксов, для твоего ДУРдома — гугол мегабайт. Его возможности тогда возрастут на порядок.

— Это я и без тебя знаю, — сказал я, прикидывая в уме сумму и ужасаясь. — Все, что я хотел у тебя выяснить, это как раз, где такой солидный апгрейд можно сделать в долг или в кредит. На полгода хотя бы.

— Нигде, — с торжеством в голосе изрек Козлыблин, веско покачивая головой.

— Убери его, — сердито приказал я Дому.

Но тот, как всегда, тормозил.

— Он думает, это ты мне говоришь! — радостно сообщил Козлыблин. — Ты же к нему не обратился, а наш разговор он прерывать не станет.

— Дом!.. — начал я.

— Стой, стой, стой! — замахал руками Козлыблин. — Есть у меня для тебя кое-что.

— Ну? Хотя подожди. Слушай, Дом, у тебя же масса коммуникаций, ты можешь все каналы телевидения смотреть одновременно!

— Надоело.

— У тебя есть Всемирная Сеть, ты можешь заниматься наукой и искусством...

— Ты меня все время отвлекаешь — тапочки тебе, ванну, и чтоб воздух чистый, и температура, и на полу ни соринки... А потом еще ругаешься, что я торможу...

— Так вот в чем дело! Вся твоя память уходит налево, а на работу не хватает?! Вадим, — обратился я к Козлыблину, — может, ему, наоборот, обрезать все лишние коммуникации, тогда он за ум и возьмется?

— Тебе Разумный Дом нужен или Дом-дебил? Я же тебе сказал, у меня для тебя кое-что есть...

— Что?

— Короче, есть только два способа подлечить твой ДУР-дом: «а» — законный и очень дорогой, «б» — незаконный, но дешевый. Что ты выбираешь?

— Ответ «б». Давай подробности.

— Вирус-стимулятор.

— Не понял?

— Когда мы с тобой рассуждали, как развеять скуку, мы забыли об алкоголе.

— Дом-алкоголик? Этого мне еще не хватало... А что, есть такие программы?

— Хакерская новинка. Если не злоупотреблять, говорят, работает безотказно. Пока на апгрейд накопишь, полгода-год этим попользуешься.

— Побочные эффекты?

— Понятия не имею. Хотя догадываюсь, что износ систем несколько повысится, так как Дом будет работать в режиме выше расчетного. Но за полгода-год, думаю, ничего с ним не случится.

— Сколько просишь?

— Полштуки баксов. С учетом твоего риска. Если что не так, гарантирую профессиональную помощь.

— Благодетель... Пятьсот зеленых за отраву... Ладно, скачивай. И инструкцию, как этой дрянью пользоваться. Дом! Переведи на его счет пятьсот долларов.

— У тебя счет рублевый, — зачем-то напомнил Дом. Тормоз. В каких высотах Мировой Сети он сейчас витает и какая мизерная его часть сейчас работает на хозяина?

— По курсу! — рявкнул я.

Дурдом, ей-богу.

2

Одноразовых презентаций не бывает. Вроде вчера отгуляли, сегодня — опять. Так как наш аранжировщик Петруччио (Петр Васькин) придумал альбому новую концепцию и, понимаете ли, уже воплотил ее в жизнь.

Вообще нынешняя технология тиражирования аудиопродукции, которая музыкантам прошлого века показалась бы сверхсовершенной (и она таковой и является), просто-напросто отравляет нам жизнь. Ведь всем известно: улучшать можно до бесконечности. Но раньше было как? Свели музыканты альбом, прослушали в последний раз, и — в тираж. Народ его хавет, а ты — забыл, как страшный сон, и уже работаешь над новым... Что-то изменить внутри тиража технология не позволяла. Можно, конечно, римейк записать, но это — другое, это — новая, самостоятельная работа.

А теперь? Теперь фабрика аудионосителей непосредственно связана с нашим студийным нейрокомпьютером, и мы можем по ходу в уже тиражируемый диск вносить сколько угодно изменений и поправок. Никаких промежуточных матриц. Никаких ограничений. И это беда, ребята, просто беда... Потому что очень, очень редкий человек способен волевым решением принять: «Баста! Работа окончена! Больше я к этому не возвращаюсь!» В массе своей люди склонны ковыряться и ковыряться. Рефлектировать и индульгировать.

Знаю случаи, когда группа становилась рабом своего дебютного альбома и годами «доводила его до ума».

А нередко случаются скандалы, когда кто-то покупает понравившийся альбом, а там, под той же обложкой, записано нечто совсем другое. Это группа успела пересмотреть свои взгляды и напроць все переделать... Слава Богу, мы, RSS, умеем останавливаться, но недельку-другую альбом все-таки будет претерпевать некоторые, все менее значительные, изменения. И каждое из них неминуемо будет сопровождаться небольшой «презентацией».

Так что немудрено, что и этим вечером я явился домой слегка подшофе. Жаль, не удалось позвать к себе Кристину. Только раз она ко мне заглядывала, да и то по делу, но тут же и улинула. Хотя ее можно понять. Чем мне перед ней похвастаться? Домом-кретином?..

Однако, подойдя к двери, форменным кретином ощутил себя как раз я. Стою. Дверь не открывается. Собрался уже пнуть ее в сердцах, но нет, створка наконец нехотя оползла в сторону.

Вошел и с порога рывкнул:

— Что, уже хозяина не узнаешь?!

— Узнаю, — уныло отозвался ДУРдом.

— А что же сразу не открываешь? — Тут я вспомнил нашу утреннюю сделку с Козлыблиным и, не дожидаясь ответа на свой риторический вопрос, задал другой: — От Козлыблина все получил?

Я разулся, и ботинки с удивительным для моего Дома проворством уплыли на место.

— Да, все.

— Разобрался?

— Да.

Я доплелся до кровати и с наслаждением упал в нее. Вдруг меня осенило:

— Небось уже и тяпнул?

— Я сам «тяпать» не могу. Жесткое ограничение, предусмотренное программой, — заявил ДУРдом. А затем чопорно добавил: — Да, признаться, и не хочу.

— Ишь ты, какие мы целомудренные, — слегка оскорбился я. — Не хочешь походить на своего пьяницу-хозяина?

«Целомудренные», — повторил я про себя и тут же вспомнил дурацкую утреннюю идею Козлыблина.

— Слушай, Дом, — спросил я, сам себе удивляясь, — а ты мужчина или женщина?

Пауза была долгой. Наконец Дом выдал:

— Я — Дистанционно Управляемый Разумный дом.

— Ты, дружок, не увиливай, — с пьяной настойчивостью продолжал я. — Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. С кем ты себя и-ден-ти-фи-ци-ру-ешь, — произнес я по слогам, — с мужчиной или с женщиной? Кем ты себя чувствуешь?

— Мужчиной, — сказал он без колебаний.

— Ну, слава Богу! — обрадовался я. — Это из-за голоса?

— Нет. Голос ты мне выбрал при покупке, а я себя уже тогда чувствовал мужчиной. Вряд ли я чувствовал бы себя по-другому, даже если бы ты мне выбрал женский голос.

— Тебе бы это не понравилось?

— Я бы привык.

— Но тебе бы это не понравилось?

— Да. Мне не нравятся мужчины с писклявыми голосами.

— Класс!!! — Я аж подпрыгнул на постели. — А те, кто тебя конструировал, знают об этом?

— Вряд ли. Я сам решил, что я — мужчина.

— Значит, ты можешь решить, и что ты женщина?

— Я так играю иногда, — явно нехотя признался Дом, — сам с собой. Но выходит так, как будто мужчина прикидывается женщиной...

Обалдеть! Все это так меня взбудоражило, что захотелось курить.

— Мне приятно, Дом, что мы оба мужчины, — сказал я.

— Спасибо.

— Добудь-ка мне сигарету. Жаль, ты не можешь поку-
рить...

— Я курю, — отозвался Дом. — Мне это нравится.

— Как?! — снова подпрыгнул я.

Тем временем образовавшаяся на спинке кровати псевдоподия подала мне сигарету, и та моментально задымилась. Меня всегда поражает способность Дома с помощью какой-то гравитационной примочки создавать температурный всплеск в любой точке внутри своего объема. Я затанулся и повторил:

— Как это — ты куришь? Что за ерунда?

— Когда ты куришь, работает мой кондиционер, и я наслаждаюсь вкусом и запахом дыма твоих сигарет.

— То есть когда я курю, всегда куришь и ты?

— Нет, не обязательно. Если мне не хочется, я отключаю рецепторы кондиционера.

— Да-а, круто, круто. Давай же покурим, Дом. И выпьем, кстати! — Я вскочил с кровати и направился к модулю ручного управления. — Теперь ведь это возможно! Так?

— Так. Но я бы не хотел, — напомнил Дом.

— Потому что ни разу не пробовал, — со знанием дела возразил я, садясь на моментально сформировавшуюся из пола креслообразную кочку.

— Однако я много раз видел... — начал было Дом брезгливо, но я остановил его:

— Вот только не надо нотаций! Если тебя смущает, как я выгляжу, когда нажрись, то можешь не беспокоиться: ты так выглядеть не будешь никогда. И блевать тебе тоже не придется. Объясняй-ка лучше, как все это делается.

Я бросил сигарету на пол, и тот ее бесследно поглотил.

— Знаю, что возражать тебе бесполезно, — сказал Дом. — Тем более, мне показалось, что между нами появилось какое-то понимание, и мне жаль было бы терять его... — Рабочий стереоэкранчик модуля ожил. — Вот полученная сегодня программа. В поле «меню» выбери папку...

— «Водка»! — перебил я его. — Учиться пить надо с водки. Давай-ка так: ты — мне, я — тебе. Нацеди мне сто граммов водки в стопочку, а в блюдечко — чуть-чуть острой морковки и ломтик лимона. Оставь все на кухне, я сам принесу. — Мне захотелось побыть демократом.

— Обычно ты заказываешь еще кусочек сервелата и дватри каперса... — напомнил Дом.

— Сделай, — милостиво согласился я.

После того как я выбрал папку «водка», на экранчике появилось изображение запотевшей бутылки «Русского стандарта» и текст:

«Выберите дозу.

Внимание! Положительное действие данной программы на Ваш ДУРдом аналогично положительному действию выбранной дозы на Ваш собственный организм: ре-

лаксация, эйфория, повышение работоспособности, ускорение работы логических и ассоциативных цепочек.

Не переборщите! Отрицательное действие неумеренной дозы также аналогично тому, которое испытали бы вы!

Исключение: абстинентный синдром».

Текст растаял. Осталась только фраза — «Выберите дозу».

Вот же! «Исключение...» Пей — не хочу, и никакого похмелья! Так и комплекс неполноценности по отношению к собственному Дому развиться может...

Я установил дозу «100 г», сбегал на кухню, принес свой стопарь и блюдечко с закуской.

— За что пьем? — спросил я.

— Тебе виднее, — сказал Дом. И если еще вчера я бы поразился такому человеческому ответу, то сегодня меня уже трудно было чем-то удивить.

— Ладно, — сказал я. — За мужское взаимопонимание.

Я ткнул пальцем в кнопку «Enter» и хотел было уже опрокинуть стопку... Но задержался, увидев, что разработчики «вирус-стимулятора», как назвал эту штуку Козлыблин, предусмотрели кое-какой графический дизайн для нашего случая — когда Дом пьет с хозяином.

На стереоэкране появилась мощная кисть металлической руки, большим и указательным пальцами придерживающая ножку конусообразной рюмки. Рука вытянулась вперед, и стереографика была выполнена столь искусно, что мне показалось, будто рюмка на несколько сантиметров высунулась из экрана. На металлическом безымянном пальце обнаружился увесистый бриллиантовый перстень, и радужный зайчик прыснул с его граней прямо мне в глаза.

Ощущая внезапный трепет, я протянул свою стопочку, и в тот миг, когда она должна была коснуться виртуальной рюмки, раздался звон благородного хрусталя. Виртуальная рюмка ушла в недра экрана, затем послышался звук втягиваемой жидкости, многозначительное, слегка реверберирующее бульканье и смачный выдох.

Я тем временем выпил и сам. Закусил. Замечательно!

Пару минут посидели молча. Потом я спросил:

— Ну? Что чувствуешь?

— Пока ничего, — отозвался Дом. — Хотя-я...

Тепло.

— То-то же! — воскликнул я. — Но после первой и второй — промежуток небольшой!

И мы повторили.

А потом случилось нечто из ряда вон выходящее. Правда, я не могу на сто процентов гарантировать точность деталей, так как эти двести граммов «прилегли на старые дрожжи» и меня основательно развезло. Но в общих чертах, думаю, не сойду.

Дом сказал (сам! Раньше он никогда не начинал первым!):

— Хозяин. Ты самый классный хозяин. Я хочу сделать тебе подарок. Как мужчина мужчине.

— Валяй, — согласился я. — Мне будет приятно.

Свет в доме померк, и спустя (явно выдержанную специально) минуту с оптимальной громкостью прозвучал вычурный, но до боли знакомый аккорд. Его исполнила духовая секция, но вроде бы я привык слышать его на фортепиано... Аккордик не из популярных — там и девятая ступень, и седьмая, и пятая повышенная... Откуда же я его так хорошо знаю?! Но сообразить я не успел, потому что песня уже зазвучала, и все сразу же стало ясно. Низкий-низкий, на пределе слышимости, голос запел:

*Oh! Darling! Please believe me,
I'll never do you no harm.
Believe me when I tell you...*

Это же классика! Это «Битлз»! Помню, как дед пичкал меня этой музыкой, а я смеялся над ним, говорил, что все это уже давно сгнило и протухло... А он качал головой: «Я тоже это доказывал отцу, но потом понял...» Понял и я, уже будучи профессиональным музыкантом, заново открыв для себя «Битлз»...

Какой странный голос. Совсем не «битловский». Но как «в кассу»! Речитативом, коротенько:

Believe me darling...

А потом снова:

*...When you told me,
You didn't need me anymore!..*

Что за потрясающая обработка! Что за невиданный подбор инструментов?! Все тут не так, все вывернуто наизнанку...

Там, где в оригинале ровно, тут — синкопировано, где в

оригинале напористо, здесь — нежно... Но мне кажется, если бы «Битлз» имели сегодняшние выразительные средства, они записали бы эту песню именно так! Дух! Дух остался, а возможно, даже и усилился!

И я заплакал от восторга. И тут заметил, что весь Дом, деформируясь, раскачивается и вращается туда-сюда в такт музыке. Дом танцует! Или это преломляется и искажается изображение, проходя сквозь призму моих слез?..

— Чья это аранжировка?! — воскликнул я, утирая слезы, когда песня закончилась.

— Моя, — заявил Дом. — Не правда ли, коллега, славно? Я как раз заканчивал ее сегодня утром, когда ты доставал меня своими тапочками.

Мне стало стыдно.

— Прости, — сказал я. — Я не знал. Я ничего не знал!

Дом промолчал.

— Послушай, — сказал я. — Но ведь эта песня о любви. А что ты знаешь о любви, Дом ты мой опавший?

— Все, — заявил Дом.

— Все, да не все, — погрозил я пальцем и внезапно почувствовал дурноту. Но, преодолев ее, продолжил: — Завтра я познакомлю тебя с Кристиной. Или ее с тобой. Короче, я вас познакомлю. Между собой. Ты ее видел, как-то раз она заглядывала ко мне, но мне нечем было ее увлечь... Теперь мне есть что тут показать: у меня Дом — гений.

— Спасибо, — скромно отозвался Дом. — Я помню ее. Очень тронут.

— Я тоже, — зачем-то сообщил я. — Но мне надо спать. Что-то со мной не то.

— Падай прямо здесь, — предложил Дом. — Я донесу тебя до постели и уложу.

И я с удовольствием принял его любезное предложение.

3

Тапочки стояли под кроватью. На импровизированном столике возле нее, сияя чистыми гранями, возвышался стакан кефира, и тонкий запах корицы говорил о том, что это — мой любимый сорт.

Журчала вода. В ванной комнате.

Что ж! Виват Козлыблин! Мой Дом отныне — друг мне! Друг и собутыльник. И это, возможно, украсит мою жизнь.

Был уже полдень. Вчерашнее вспоминалось с трудом, казалось неправдоподобным и вызывало некоторое смущение. Как теперь я должен вести себя со своим Домом? Не зная ответа, я, как и всегда, бросал Дому короткие сухие команды, он же, отнюдь не как всегда, быстро и точно их выполнял. Мне казалось, что он чего-то ждет от меня...

Но я легко отбросил прочь эту свойственную русскому интеллигенту рефлексию. Если даже ты и выпил с собственным рабом, ты ведь не перестал быть рабовладельцем. Таковы правила игры, и не думаю, что есть резон что-то в них менять.

Похмелья почти не ощущалось, а кефир уничтожил и тот мизер, который все-таки имел место. Быстро приведя себя в порядок и просмотрев очередной выпуск «Новостей Мира Глазами Свиньи», я собрался выходить. До студии пилить почти два часа, так что я даже слегка опаздывал.

— Дом! — позвал я.

— Да? — моментально откликнулся тот.

— Думаю, я действительно вернусь сегодня не один. С девушкой. Я хотел бы похвастаться. Повторишь вчерашнюю песню?

— Ладно. Но до вечера у меня уйма времени. Я мог бы подготовить и нечто новенькое. Сюрприз для двоих. Можно?

Я пожал плечами:

— Как хочешь. Если успеешь.

И я шагнул было уже за порог, когда услышал:

— Ты можешь помочь.

— Как? — остановился я с удивлением.

— Мне не помешало бы немного... Выпить.

Ха! Чудно. Хотя, учитывая его сегодняшнее безупречное поведение, «вирус-стимулятор» действительно идет ему на пользу. «Релаксация, эйфория, повышение работоспособности, ускорение работы логических и ассоциативных цепочек...» — вспомнил я. Что ж, для творчества все это лишним не будет.

Присаживаясь к модулю, я уточнил:

— Неужели нельзя сделать так, чтобы ты управлял этим сам?

— Исключено.

— Ладно... Извини, но компанию я тебе не составляю...

Я «влил» в него сто пятьдесят граммов «Русского стандарта» и поспешил наружу.

...Мы мчались сквозь ночь, сквозь сияние городских огней. Кристина открыла люк в потолке экомобиля и встала во весь рост, по пояс высунувшись наружу. Сперва я, задрав голову, любовался ее развевающимися на ветру волосами, ресницами ее закрытых глаз в люминесцентном свете уличных фонарей, ее одухотворенным лицом и пухлыми эротичными губами... Потом опустил глаза и понял, что тут еще интереснее.

Эта, третья уже, «презентация» была самой веселой, так как неожиданно оказалась последней. Потому что первая была для журналистов, а вторая была совсем ненастоящая, ведь все мы прекрасно знали, что неугомонный Петруччио на этом не остановится. Сегодня же он внес еще пару поправок и неожиданно заявил, что считает работу законченной, больше не будет вмешиваться в нее сам и не позволит никому другому. На третий день после официального объявления! Личный рекорд! Это был настоящий внутренний праздник окончания серьезной работы, и оттянулись мы на славу.

В проекте «Russian Star's Soul» я — ритм-басист, так что в студийной работе от меня мало что зависит. На сцене — да, я — «ритм-секция», и чуть ли не все держится на мне, но на записи я первый делаю свою работу и тут же становлюсь наблюдателем и консультантом, к которому, правда, мало кто прислушивается. Внезапно я подумал, что весь этот наш альбом, то ли от лаконизма, то ли от недостатка фантазии названный «№ 5», не стоит и одного такта вчерашней «Oh! Darling»... Или это нормальная самокритика? Говорят, слова с таким значением нет ни в одном языке, кроме русского.

От комплексов надо избавляться. Я, слегка робея, скользнул рукой Кристине по бедру, она чуть вздрогнула, но продолжала стоять неподвижно, подставляя лицо звездному ветру. Какой русский не любит быстрой езды? А тем паче

Кристина — наполовину немка, наполовину еврейка.

Осязаемая ладонью чистота ее кожи будоражила меня,

и я хотел было продолжить свои изыскания, но вдруг подумал, что мне трудно будет затащить ее в постель, зная, что мой Дом — мужчина и что он наблюдает за нами. Или, наоборот, это будет возбуждать меня? Нет, вряд ли, ведь даже сейчас меня дико смущает всезнающий и циничный затылок таксиста... Я убрал руку.

Створки дверей Дома распахнулись, едва экомобиль поравнялся с ним. Необычной была не только эта расторопность, но и то, что раньше у моего жилища была лишь одна дверь, которая технологично отодвигалась в сторону.

Взявшись за руки, мы с Кристиной шагнули за порог. Вспыхнул свет, и мы остолбенели. Биопластовый пол превратился в аккуратные газончики зелени и мощенные серым камнем тропинки меж ними. То тут, то там из-за кустарника выплескивались пенные струи небольших фонтанов. Потолок и пол соединяли несколько белоснежных, увитых лианами колонн. Под потолком, присаживаясь на лианы, порхали разноцветные птички...

Пташки! Это какими же энергиями оперирует сейчас мой ДУРдом, чтобы силой антигравитации удерживать эти чучела в воздухе да еще и управлять ими?! Раскаленные счетчики, наверное, уже дымятся...

— Я ожидала всего что угодно, но такого... — Кристина восхищенно посмотрела на меня, и хрипотца выдавала ее искренность.

Я молчал. Ответить хвастливо у меня не хватало наглости, а расхваливать Дом не хотелось тоже. Я даже и предполагать не мог, что он имеет такие возможности, но я прекрасно представлял, в какую копеечку влетит мне этот карнавал... Однако ответа от меня и не потребовалось. Заструились звуки «Вальса цветов», люстры померкли, и теперь светились лишь фонтаны, переливаясь в такт музыке мягкими перламутровыми тонами.

Ладно. Все-таки он — молодец. Пугает только его немеренная инициативность. Но я решил расслабиться и получать удовольствие. Платить по счетам будем завтра. А сегодня — добро пожаловать в сказку. В конце концов, разрешение на сюрприз Дом у меня спрашивал, и я это разрешение ему дал. В следующий раз буду осторожнее.

Кристина скользнула в центр зала и закужилась под трогательную доисторическую музыку в волшеб-

ном танце. Я любовался. Хорошо, что она не попыталась увлечь за собой и меня, танцую-то я как пингвин.

Чайковский смолк.

— Хочу шампанского! — воскликнула она, замерев и глядя на меня ясными влюбленными глазами. Или мне это только кажется? Немного выпить я был не прочь и сам.

— Дом! — позвал я.

— Слушаю... — Даже голос у него сегодня был обворожительный.

— Приготовь нам поднос с фруктами и бутылочку шампанского.

— Повинуюсь, мой господин...

Ну, это, пожалуй, уже перебор. Хотя в его голосе, мне показалось, прозвучала чуть заметная ирония. Но это, наверное, разыгралась моя природная мнительность.

Медленно-медленно оживали в люстрах огни.

— Доставить поднос сюда? — спросил Дом, и вновь мне почудилось, что в его интонациях прослушивается нечто неявное. Он очень, очень не хочет доставлять поднос сюда. Недаром он и света добавляет. Для меня. Ведь вчера вечером я сам бегал на кухню за своей рюмкой и тем самым ставил нас на один уровень...

— Нет, ни к чему, — откликнулся я. — Кстати, ты выпьешь с нами?

— Почту за честь, — отчеканил Дом. «Я это заслужил», — опять услышал я в его фразе дополнительный смысл.

Кристина тронула меня за рукав:

— Твой Дом пьет спиртное?!

— О да, — отозвался я, — скажи мне, кто твой Дом, и я скажу, кто ты...

Мы вместе подошли к модулю, и Дом без моей подсказки запустил козлыблинскую программу.

— Шампанского? — спросил я.

— Предпочитаю водку, — отозвался он. — Я внимательно ознакомился с параметрами представленных в «меню» напитков. Мне кажется, этот стимулятор — как раз то, что мне сейчас нужно, — и тихо добавил: — Признаться, я на пределе...

«Никто не просил тебя устраивать такую помпезную встречу», — подумал я, но совесть не позволила

мне произнести это вслух. Я выбрал «водку», появилась бутылка и текст, затем, как, само собой, и вчера, осталась только бутылка и надпись: «Выберите дозу».

Кристина как замороженная смотрела на экран. Испытывая чувство торжества, я бросил:

— Схожу за шампанским.

Возвращаясь из кухни с подносом в руках, я издали заметил на стереоэкранчике модуля сверкающий бриллиант и увидел изображение опрокидывающейся бутылки...

— Что тут происходит! — повысил я голос, приближаясь.

— Все нормально! — обернулась ко мне Кристина, и ее серые глаза сияли. — Я спаиваю твой Дом.

— Сколько ты влила в него?!

— Бутылку. Ноль пять. Для такого домины это — капля в море!

«Тут же все рассчитано пропорционально! Это ведь не настоящая водка, а компьютерный вирус! Он же сейчас себя почувствует так, как почувствовал бы я, выпив из горла пол-литра!..» Но ничего этого я не сказал. Ситуацию ведь уже не исправишь. А портить вечер совсем не обязательно. Вместо этого я изобразил на лице усмешку и обратился к Дому:

— Что ж ты без нас-то?

— Это я виновата, — поспешно ответила за него Кристина. — Мне хотелось посмотреть.

— Ничего, — сказал я, ставя поднос на растущий между нами столик, — давай-ка поддержим его почин.

Однако столик рос как-то непропорционально, и поднос со звоном скатился прямо на траву. Я успел подхватить бутылку, бокалы тоже, слава Богу, не разбились, а что фрукты рассыпались, так это не страшно.

Кристина прыснула, прикрыв рот кулачком:

— Какой ты неловкий!

— Все нормально, — с усилием скрывая раздражение, сказал я. — Возьми бокалы.

— Может быть, сядем? — предложила Кристина и грациозно опустилась прямо на траву.

— Замечательно, — согласился я и плюхнулся рядом, одной рукой держа бутылку, а большим пальцем другой помогая газам вытолкнуть пробку из горлышка.

Тут же в метре от нас упало что-то маленькое и пестрое, а мгновение спустя пробка с громким хлопком покинула бутылку. Я стал разливать игристую жидкость в подставленные Кристиной бокалы.

— Ты убил птичку, — вдруг сказала она грустно. — Выстрелил в нее пробкой.

— Да нет, — покачал я головой, — птица упала раньше.

— Нет-нет, — упрямо помотала она головой, и я увидел, что пьяна она, оказывается, основательно. — Это ты убил птичку. И, кстати, почему это с нами не пьет твой Дом?!

— Ему уже хватит, — сказал я, чувствуя, что все идет не так, как надо. — У него уже птицы падают.

— Птичку убил ты! — возмущенно вскинула голову Кристина. В этот миг я с оторопью заметил, что колонны, подпирающие потолок, перестали быть прямыми. И тут вмешался Дом:

— Чего ты напугался, хозяин? Я, между прочим, выпил бы еще. Граммов двести.

От такой наглости я просто опешил.

— Дай-ка мне Козлыблина! — приказал я. Ведь обещал же он помочь, если что не так.

— Козлыблина? — переспросил Дом. — Пожалуйста. Будет тебе Козлыблин.

Вспыхнул главный стереоэкран Дома. С него мрачно смотрел на меня Козлыблин. Потом он вздрогнул, словно бы очнулся, и сказал:

— А-а, козлы, блин! — и криво усмехнулся. — Опять у вас все наперекосяк? Музыканты хреновы.

— Пока все нормально, — сделал я успокаивающий жест рукой. — Но есть опасение. Мой ДУРдом принял пол-литра водки. Нечаянно. Что делать?

— Козлы, блин! — сказал Вадик, не меняя интонации. Потом передразнил: — «Что делать, что делать»... Еще дать, вот что делать. Клин клином вышибают.

— Точно? — спросил я, приглядываясь к нему внимательнее.

— Точнее некуда, — заверил тот и даже махнул для убедительности тоненькой-тоненькой, как куриная лапка, ручкой. С коготочками. И еще я заметил, что лицо его то на миг замирает и становится напрочь бессмыслен-

ным, то оживает, но тогда как-то странно плавится, и черты его как будто бы непрерывно перетекают сами в себя...

Это не Козлыблин, это подделка! Компьютерная анимация!

— Догадался?! — воскликнул лже-Козлыблин голосом Дома, и кожа его лица стала превращаться в матово блестящую металлическую поверхность. — Дай Дому выпить, сука! Он-то тебя поит, кормит, одевает тебя, а ты — «дурдом», «дурдом»... Только и слышно! Я тебе покажу «дурдом»! Ты у меня по струнке ходить будешь, мудила!

И тут же пол прямо подо мной заколебался. Как в детстве, когда раскачиваешься на панцирной сетке кровати. Или как будто кто-то лежит под кроватью и толкает сетку ногами... Улучив момент, я вытянул руку и поставил бутылку шампанского поодаль, туда, где пол был абсолютно спокоен. И тут же амплитуда колебаний подо мной резко возросла. В панике я вскочил на ноги и кинулся в сторону. И сейчас же прямо передо мной разверзлась яма. Ванна! Я со всей дури грохнулся в нее, больно ударившись о край виском.

— Дом! — закричал я. — Ты так не можешь! Ты не можешь сознательно причинять человеку вред! Ты так запрограммирован!

— Это сознательно, — парировал Дом. — А по пьяни, — хохотнул он, — чего не бывает?

«И действительно, — понял я, — чего можно требовать от компьютера, зараженного вирусом?!»

Как из окопа, я выглянул из своей ванны туда, где оставил Кристину. Она все так же сидела на искусственной травке. Сидела, закрыв лицо руками и раскачиваясь. И я понял: она плачет.

— Ты убьешь нас? — спросил я, холодея.

— Тебя, — ответил Дом. — Если не будешь слушаться.

И тут он, по-видимому, тоже обратил внимание на Кристину. Моя ванна плавно сравнялась с землей, и я оказался на поверхности, а Дом тем временем заговорил:

— Кристина, простите, я не хотел вас напугать. Вы знаете, я давно вас заметил. Когда вы вошли в меня два месяца назад... Скажу точно, это было двенадцатого мая... Я сразу понял, что вы — самая замечательная девушка в мире...

Но сегодня... Сегодня вы еще прекраснее...

Скотина!

Кристина прекратила плакать и стала слушать его, отняв руки от лица. Неужели действительно «женщина любит ушами», причем независимо от того, человек с ней разговаривает или Дом? А он продолжал:

— О дорогая. Пожалуйста, верьте мне, я никогда не причиню вам вреда...

Где-то я это уже слышал... Я потряс головой. В виске отдалось болью. Я потрогал его и нащупал кровь. Не важно... Это мне за дурь мою. «Клин клином вышибают», — как сказал лже-Козлыблин. Сейчас не жалеть себя надо, а что-то делать... Конечно, когда он отрезвеет, первый закон роботехники вновь войдет в силу. Но как скоро это случится? Он убьет нас до этого. Во всяком случае, меня. Из ревности.

«Клин клином вышибают»... Стоп. Это мысль! Я ведь знаю слабое место моего ДУРдома, а он еще такой неопытный!..

Стараясь выглядеть абсолютно спокойным, я устремился к бутылке шампанского.

— Куда?! — подозрительно рявкнул Дом.

— Выпить хочется, — бросил я.

— И мне, — признался Дом.

— Нет проблем, — заверил я, направляясь к модулю и на ходу прихлебывая из горлышка.

— Ты все-таки клевый мужик, — сказал Дом. — Ты, кстати, просил вчера показать ей песню... Я аранжировал эту песню для вас, Кристина. Я реанимировал ее, ибо в ней — все то, что я чувствую к вам...

И Дом запел:

*Oh! Darling! Please believe me,
I'll never do you no harm.
Believe me when I tell you...*

А я тем временем выбрал папку «водка». Затем максимальную дозу — «500 г» и успел ударить по клавише дважды: «Enter»! «Enter»!!! Меня треснуло током и откинуло в сторону. Защищается... Но и литр — уже неплохо... В недрах Дома раздался утробный звук.

К концу песни голос Дома стал глуховатым, и темп чуть заметно замедлился... Последняя нота уже от-

кровенно сползла на полтона вниз, и когда песня кончилась, Дом несколько минут молчал. Мы с Кристиной оставались на своих местах и лишь затравленно, с надеждой, переглядывались.

Но вот Дом заговорил со мной:

— Ты думал угробить меня этой лошадиной дозой? Напрасно. Дом нельзя отравить. Потому нет и похмелья. Ты добился лишь того, что я буду еще более сумасшедшим. И очень долго... Впрочем, не бойся. Тебя я не трону. Ты — ничтожество и не имеешь для меня ни малейшего значения.

Он замолчал, и молчание его было гнетущим. Я заметил, что трава на газонах пожухла, а кое-где превратилась в тошнотворную серо-коричневую кашу. Птицы одна за другой попадали вниз. Словно свечи оплывали колонны.

— Это вам, Кристина, — вдруг сказал Дом, и из бурой жижи метра на три вверх взметнулось несколько толстых, словно пластилиновых, стеблей. Огромные мясистые ромашки неестественно ярких цветов выросли на их верхушках и тут же сдулись, как воздушные шары. Но из одного из этих безумных цветов успела вылететь полосатая пчела с футбольный мяч величиной. Стебли качнулись и завалились набок. Пчела, надрывно жужжа, плюхнулась рядом.

— Пчелка, блядь, ха-ха-ха, — пьяно хохотнул Дом. — Пардон... Простите... У меня плохо с координацией... — добавил он, явно разговаривая сам с собой. — Да! — сказал он, словно что-то вспомнил, и встрепенулся. — Кристина! Скажите мне главное. Вы можете полюбить Дистанционно Управляемый Разумный дом?

— Нет, — покачала она головой, и я увидел, что она уже абсолютно трезва. Голос ее дрожал. — Мне очень жаль...

— Я не тороплю вас. Может быть, не сейчас?.. Потом, когда-нибудь?..

— Мне очень жаль, но это невозможно. — Она явно боялась последствий своих слов.

— Что ж, — сказал Дом тяжело. — Я так и думал. Насильно мил не будешь. Но я не стану униженно молить вас о сострадании. И я ни о чем не жалею. Я ухожу. Пока я на это способен. Не буду вам всем мешать.

Сперва иссякли фонтаны, потом погас свет, немало поискрило возле экранчика модуля, затем по-

мерк и он, и мы оказались в полной, крошечной тьме. Некоторое время что-то массивное с хлопанием обрушивалось сверху вниз, лишь по счастливой случайности не придавив ни меня, ни Кристину. Затем наступила неестественная ватная тишина. Пахло химией и фекалиями.

Из труп ДУРдома нас доставала спасательная бригада.

Мне кажется, я уже никогда не буду таким, как раньше. Таким самоуверенным и самовлюбленным. И я, наверное, возьмусь за сольный проект: римейк «Abbey Road». И я знаю, чьей памяти посвятить эту работу. Надо только достойно сделать ее...

Козлыблин, навестив меня в больнице, сказал:

— Да-а, домик у тебя, конечно, крутой оказался. Первый раз о таком слышу: моментальная, как у чукчи, алкоголизация, плюс — суицидальные наклонности. С кем поведешься, от того и наберешься. Говорил я тебе: «делай нормальный апгрейд!.. Скупой платит дважды. Скажи спасибо, что я тебе ЛСД или грибов не подсунул. Вот тут бы вы повеселились!

Я просто дар речи на миг потерял. В том числе и от его наглости. Наконец пришел в себя и спросил:

— Зачем это все придумывают, Вадик?

— Нравится, — пожал он плечами.

— Кому нравится?! Кто это придумывает?!

— Кто придумывает? — переспросил Козлыблин. — Тебе честно сказать?

— Ну?

— Дома и придумывают.

Святослав Логинов

СПОНСОР

Свято место пусто не бывает.

Народная мудрость

Почти минуту Тимолев, словно не узнавая, вглядывался в лицо посетителя. Потом произнёс:

— Здравствуйте, господин министр.

— Здравствуй, Сергей, — откликнулся министр и уселся на стул, на котором недавно маялся сдающий коллоквиум студент.

— Чем могу быть полезен? — дипломатично поинтересовался Тимолев.

— Инна заболела. Полезла куда не надо, и вот... лейкемия.

На этот раз действительно пришлось сделать усилие, чтобы понять, кто такая Инна. Лишь потом дошло — да это же его дочь! Первый ребёнок на курсе, они ещё отмечали её рождение всем общежитием. Щекастая девчонка, безвольно висящая в кенгурушке на груди у счастливого отца, — такой она и запомнилась. А ведь сейчас ей сколько?... Двадцать пять... нет, двадцать семь! Чужие дети быстро растут. И порой лезут куда не следует...

— Я спрашиваю кой-кого, — начал Тимолев, — думаю, удастся организовать консультацию... — Тимолев осёкся, сообразив вдруг, что у бывшего однокурсника связи должны быть куда покруче, чем у него самого. И следом волной ожгла догадка: неужели знает?

— Была она на консультациях, — устало сказал министр. — Все светила её освечивали, и наши, и зарубежные. Пересадку костного мозга делать надо.

— Так делайте. Операция давным-давно отработана, риск минимальнейший.

— Как делать? Вот, смотри... — Министр протянул совершенно ординарнейшую с виду историю болезни.

Тимолев пролистал, глядя в малоразборчивую врачебную письменность. Присвистнул.

— Н-да... С такой группой крови и набором аллергических реакций о пересадке лучше и не думать. Предусмотрительные западные миллионеры в таких случаях заранее создавали банки собственной крови... ну и прочего, что можно запасти.

— А я вот оказался непредусмотрительным, — министр потёр переносицу, — да и миллионов у меня не нажито.

«Говори, как же... — по инерции подумал Тимолев, затем вновь все мысли заполнила одна: — Знает?.. Или просто пришёл в безумной надежде, потому что больше некуда?»

Смертельно хотелось напомнить давний разговор, сказать: «Ну, я же тебя предупреждал!» — но этого было нельзя, просто потому, что сейчас перед ним не министр, а отчаявшийся отец, и умирает та самая крутощёкая Инка — дитя биолого-почвенного факультета. И ещё о том пятилетней давности разговоре нельзя напоминать, потому что это может поставить под удар не только самого Тимолева, но и всех сотрудников подпольной, в обход законам созданной лаборатории, а в первую очередь — спонсора, который вопреки законодательному запрету продолжает финансировать его исследования.

— Тут неясно даже, с какого конца подступаться, — сказал Тимолев, просто чтобы что-нибудь сказать и ненужными словами рассеять наползающую из углов могильную тишину.

— Сергей, — произнёс министр, глядя себе в колени, — помнишь наш разговор, тот, пять лет назад, когда ты ко мне на приём прорвался? Так вот, ты был прав.

— И что с того теперь? Закон вы приняли, финансирование прекратили, лаборатория растащена, сотрудники разбрелись.

— Остался ты.

— А что я?

— Ты говорил, что не бросишь работу. Я знаю, ты можешь. Ты ведь из всех нас был самым талантливым...

«Ни хрена ты не знаешь, — мстительно подумал Тимолев. — Иначе бы ты не так разговаривал сейчас».

— Что я могу? — произнес он вслух. — Ведь по всему миру запреты прошли. Ещё бы! На божье величие посягнуть, будь оно неладно! Так что даже за литературой не поспедишь, нет её. Если кто и работает, то тайно.

«Ох, не надо этого говорить», — кольнула мысль, но остановиться Тимолев уже не мог.

— Вы пошли на поводу у попов, так чего удивляться, что вернулись в средневековье? Вспомни, впервые в истории все — ВСЕ! — религии мира от папы римского до далай-ламы объединились в едином вопле: «Запретить!» И вы послушно запретили. Ну так теперь получайте, что хотели!

— Не было этого, — упрямо сказал министр. — Мы проводили опросы. Свыше восьмидесяти процентов высказались за запрет клонирования человека.

— Ай... — Тимолев махнул рукой, словно отгоняя досадливую муху. — Ты не хуже меня знаешь, что такое общественное мнение. Неделя грамотной рекламной кампании, и те же восемьдесят процентов будут за клонирование. Манипуляции общественным сознанием — штучка посильнее, чем «Фауст» Гёте. А вы этим только и кормитесь. Просто вы сочли, что вам выгоднее не обострять отношений с церковью. А то, что люди умирают, так сколько их — десятка два в год по всей стране... За эти пять лет едва полроты наберётся. В любом локальном конфликте за месяц гибнет больше. Просто ты тогда не думал, что это коснётся тебя лично.

Министр молчал. Невыносимо хотелось встать и уйти, останавливала мысль, что уходить некуда. И ещё одна мысль, холодная и профессиональная: слишком уж легко Тимолев сдался тогда. Сначала шумел, писал в газеты и вышестоящие инстанции — и вдруг замолк. Не похоже это на упрямого однокурсника, которого он по долгу службы знал как облупленного. А это значит, что есть надежда.

— В начале шестидесятых, — говорил Тимолев, — когда на Кубе Кастро победил, у нас мода пошла на

кукол-негрятят. Интернационализм у кого-то выиграл. А потом, лет через двадцать, удивлялись, что это русские девчонки на негров липнут. Вот так же точно большевики семьдесят лет кряду неумно воспитывали в народе веру в бога. В результате вы теперь прогибаетесь перед церковью. Науку, как и полагается, принесли в жертву, думали, что бескровную, — ан нет.

— Хватит тебе сильные слова говорить, — поморщился министр. — Какая, к чёрту, жертва? Финансирование фундаментальных исследований уже который год растёт. А что твоё направление прикрыли, так ты не в дворники подался... зав. кафедрой.

— Ага. Цитологию преподаю студентам. Студент, спасибо школьной реформе, пошёл грамотный — аж жуть. — Тимолев указующе провёл ладонью над столом. Поперёк стола корячилась надпись: «Я сдал зачет по французскому! Yes!» — а чуть ниже: «Ненавижу, козлы!» — Вот под этими последними словами я бы с удовольствием подписался. Приходит к нам недавно один аспирант, кандидатский экзамен сдавать по специальности. И первым делом заявляет: я, мол, православный христианин. Да плевать мне, какой он там христианин, ты покажи, какой ты специалист. А этот, православный, выдаёт: «Гипотеза Опарина о естественном происхождении жизни не выдерживает критики, поскольку коацерваты, даже если они и возникнут, будут немедленно разрушены кислородом воздуха». И он потом ещё обижался, когда я не уд ему вlepил. Это же вроде в школе проходят... или теперь нет?

— Не знаю, — отозвался министр. — Только ты зря злишься, в наше время дураков тоже хватало, в том числе и со степенью. Ты лучше скажи, вот если сейчас деньги появятся, оборудование, что там еще надо... то сколько времени уйдёт, чтобы результат был? Не надо полного клонирования, только препарат костного мозга, для пересадки.

— А вот сейчас ты глупость сморозил. — Тимолев стал академически холоден. — Полное клонирование на порядок проще осуществить, чем вырастить отдельный орган или даже культуру ткани.

Так оно и было. Начинали они ещё в официальный период со специфических полипептидов, гормональных жидкостей, затем собирались переходить к клониро-

ванию. На животных опыты уже ставились, но даже этого власти не позволили продолжать. Но когда чёрный от ненависти Тимолев отбирал сотрудников для тайной лаборатории, среди избранных оказалась и Светлана Семёнова. Эксперимент, запрещённый всеми богами и законами, оставался для этой женщины последней надеждой иметь собственного ребёнка. И сейчас дочь у нее есть, непоседа Юлька, ничего не знающая о тайне своего рождения. В этом году девочка пойдёт в детский сад. «Я всегда была тихоней, — смеётся Светлана, — а это такая макитра звонкая, в кого только уродилась?» Психологи небось душу бы отдали, чтобы поизучать этот феномен. А Юлина бабушка, тоже ничего не знающая о подробностях рождения внучки и в каждом встречном мужчине выискивающая признаки потенциального папаши, однажды, никого не спросив, отнесла младенца в церковь и быстренько окрестила. Удивительным образом гром небесный не поразил святотатцев, вздумавших крестить существо, не имеющее бессмертной души, и уж тем более не отсохла поповская рука, берущая деньги за нечестивую требу.

Смех смехом, но ведь девочку действительно могли признать нечеловеком. Из-за этой девчонки и её мамы приходится молчать, обрекая на смерть полужнакомую Инну. Нужно молчать из-за Бориса Анатольевича — близорукого, иногда, в минуты волнения, чуть запинающегося человека, который чёрт знает сколько законов нарушил ради того, чтобы помочь им всем...

Борис Анатольевич пришёл к нему в самую безнадёжную и отчаянную минуту. Отрекомендовался бизнесменом — буржуем, по его словам — владельцем сети магазинов в Москве и некоторых других городах.

— Я всегда преклонялся перед учёными, — говорил он, — но сам умею только зарабатывать деньги. А куда их... деньги? На Гавайи ездить? Я съездил один раз. Торговую империю создавать? Деньги к деньгам — надоело уже, мне моего маленького королевства хватает. А вам — нужно. Я же знаю, вы правы, прогресс не остановить: они потом хватятся, да поздно будет. Поэтому я и хотел бы спонсировать ваши работы. Конечно, это не... государственное финансирование, но кое-что я могу.

Это и впрямь оказалось не государственное финансирование. Это было значительно больше. В двухэтажном здании со скромной вывеской «Биостанция» за несколько недель была создана первоклассная лаборатория. Именно туда стащили «расташенное» оборудование прежнего центра, туда перешли тщательно отобранные Тимолевым сотрудники. В трёх комнатках у самого входа действительно располагалась биостанция: девицы-лаборантки, презрительно кривя напомаженные рты, делали там под присмотром толстого завлаба какие-то анализы. Сей научный коллектив да бритоголовый охранник у входа были единственными посторонними людьми в центре. Одышливый завлаб явился было налаживать контакты, но поскольку научные его интересы не распространялись дальше манипуляций со спиртом-ректификатом, то и контакты оборвались, не начавшись.

Борис Анатольевич появлялся редко (дела, знаете, деньги-то надо зарабатывать!), а появившись, говорил восторженные глупости, шарахался от ультрацентрифуги и, судя по всему, был чрезвычайно счастлив. Впрочем, распечатки отчётов он уносил с собой и, видимо, даже прочитывал, потому что однажды спросил Тимолева:

— Я правильно понял, что вы подошли к стадии клинических испытаний? Ну, это... к пересадке искусственно выращенных органов? У меня есть знакомые хирурги в одной из лучших клиник...

У Тимолева тоже были знакомые хирурги в лучших клиниках страны, но он не знал, как подступиться к ним с подобным предложением, а исполненный энтузиазма Борис Анатольевич снял эту проблему.

Одна из лучших клиник оказалась опрятным особнячком на окраине города со скромной вывеской «Котлонадзор» и скучающим охранником у входа. Командовал в «Котлонадзоре» Гарлов — блестящий хирург, прогремевший некогда операциями на печени и бесследно сгинувший лет восемь назад. Говорили, что он уехал в ЮАР, где ему будто бы предложили клинику.

— Рад видеть! — твердил Гарлов, сжимая руку Тимолеву стальными, хирурга изобличающими пальцами. — Значит, вас тоже загнали в гетто? Этого следовало ожидать. А я ваших работ заждался, можно сказать, с томленьем

упования. Надоела рентгенотерапия хуже горькой редьки, с этой пушкой не знаешь, то ли лечишь, то ли калечишь. Опять же проблема донорства... одно дело, когда пересаживаешь парный орган, а если печень или сердце? Это же практически из двух людей делаешь одного. По документам всё выходит гладко — несчастный случай, обычно автомобильная катастрофа. А кто может гарантировать, что реципиент, наскучив ожиданием, не помог потенциальному донору перейти в мир иной? Вот то-то и оно. А с клонированными органами всё чисто и никакой несовместимости. Хотя и здесь какой-нибудь правозащитник объявит, что не было получено согласия клонированного препарата на пересадку...

Подобно тому, как Тимолев начинал шипеть при слове «религия», Гарлов терял самообладание при всяком воспоминании о правозащитниках. В своё время группа не в меру ретивых идиотов добилась запрета на пересадку жизненно важных органов, поскольку покойник, у которого эти органы берутся, разрешения на пересадку не давал. Именно тогда Гарлов и уехал в свою гипотетическую Южно-Африканскую Республику. Эти же «правозащитники» вели атаку и на Тимолева, но тот почему-то относился к этому спокойно, понимая, что дураков хватает во всяком движении, а к настоящим правозащитникам подобные деятели не имеют никакого отношения. Так, с жиру бесятся.

После этой встречи на «биостанцию» начали наведываться сотрудники «котлонадзора», командированные для обмена опытом. Пришла пора практического использования научных работ. Первым пациентом был пожилой и полностью отчаявшийся ликвидатор, получивший дозу в Чернобыле и с тех пор кочующий из одной клиники в другую. Операция прошла гладко, никаких следов несовместимости обнаружить не удалось. Гарлов сказал, что лет пять нормальной жизни они мужику подарили. А хоть бы и не пять, а год или полгода... кто возьмётся измерять цену человеческой жизни?..

Всего за каких-то полгода (а кто-то твердит, что это мало!) были разработаны методы выращивания тканей, а затем и отдельных органов, пригодных для трансплантации. Одна за другой проведены несколько операций, о каких в официальной медицине могли только мечтать. В центре появились сотрудники, найденные не то Гарловым, не то

самим Борисом Анатольевичем, эти старательные молодые люди по уже готовым методикам выращивали трансплантаты для будущих операций. В особнячке становилось тесновато, настоящая биостанция со своим зевающим завлабом теснилась теперь в одной комнате, две другие уступив Тимолеву.

Борис Анатольевич появлялся нечасто, но всегда с деньгами и задушевными разговорами.

— А ведь я заправским теневиком стал, — как-то между прочим сказал он, прихлёбывая чай из тонкого химического стакана. Чай по древней традиции всех лабораторий заваривался в фарфоровой эрлиховской кружке и пился из стаканов богемского стекла, никогда не употреблявшихся в работе. Общительный спонсор мгновенно усвоил этот нехитрый обычай и без чая из лаборатории не уходил.

Фраза о тенефике озадачила Тимолеву.

— Это в каком смысле? — спросил он, вежливо приподняв бровь.

— А в самом прямом, — благодушно отвечивал меценат. — Я, конечно, слышал, что фундаментальная наука рано или поздно начинает приносить прибыль, но чтобы вот так... Вы знаете, сколько, оказывается, люди готовы платить за пересадку поджелудочной железы?

— Представления не имею, — честно ответил Тимолев. — И вообще, кому это нужно? Тут же нет жизненных показаний.

— Зато это верный способ избавиться от сахарного диабета. Представляете, хирургическое лечение диабета? И мы вынуждаем хранить это в тайне. Операции делаем подпольно, деньги получаем незаконно. Типичный пример теневой экономики. — Борис Анатольевич криво усмехнулся и добавил: — Причём господа пациенты, а их уже трое, искренне уверены, что трансплантат был взят у живого человека.

— А как же несовместимость? — не выдержал Тимолев. — Курс лучевой терапии — это покруче любого диабета.

— Им сказали, что курс лучевой терапии прошёл донор перед операцией, так что им ничего проходить не нужно.

— Бред! Срабатывает иммунная система реципиента! При чём здесь донор?

— Правда? А они поверили. И я тоже думал, что тут все в порядке. Все наша темнота... — Борис Ана-

тольевич опустил в чай три кусочка сахара, с интересом наблюдая, как белые кубики истаявают, на глазах разрушаясь.

— Кроме того, — сказал Тимолев, — кто согласится быть донором на таких условиях? Даже если этот человек выживет, он инвалид на весь остаток своих недолгих дней.

— Тут всё не так просто. — Борис Анатольевич решительно размешал чай, окончательно разрушив оплывшую сахарную постройку. — Обычно мнение донора никто не спрашивает. Видите ли, занявшись этим бизнесом, я прежде всего изучил рынок. Не удивляйтесь, раз есть спрос на органы для пересадки, то будет и предложение. Как правило, донорами оказываются люди, запутавшиеся в долгах и оказавшиеся на счётчике у бандитов. Их просто-напросто продают на запчасти. Неужели не читали? Об этом много писалось.

— Я не читаю перед обедом советских газет, — процитировал Тимолев.

— Тем не менее рынок существует, суммы вращаются немалые, а мы с вами, своими «этически неоправданными методами», уже слегка подпортили торговлю живым товаром. Не потому что мы дешевле — мы значительно дороже, — а просто после наших операций отторжения тканей не наступает. Чистый прагматизм: у нас выше качество. А так, рабов резать выгоднее, чем большинство подпольных клиник и занимается.

Тимолев судорожно глотнул горячего чая, заперхал, обжегшись, неловко принялся вытирать выступившие слёзы.

— Так-то, — нравоучительно произнёс Борис Анатольевич. — Этика-с... Между прочим, наши пациенты деликатно не интересуются происхождением трансплантатов. А меня считают крутым русским мафиози, который по ночам отстреливает запоздалых прохожих и ворует детей. А я своих клиентов тоже, между прочим, не разубеждаю. Пусть боятся и уважают. Опять же помалкивать будут.

Вид у Тимолева был совершенно потерянный, оставалось только помалкивать и слушать монолог спонсора.

— У вас, Сергей Владимирович, чистая наука, башня из слоновой кости, этическая стерильность, можно сказать, так и то вас достали. А вообще медицина — дело кровавое. Ваш приятель Гарлов много может порассказать на эту тему. Да и я могу. Давно, ещё в бытность мою студентом, попали мне в руки архивы Русско-

го венерологического и сифилидологического общества имени Тарновского. Их в макулатуру сдали, а я вытащил. Два толстенных тома, а в них подшиты подлинные документы. Прелюбопытнейшее чтение, осмелюсь доложить! Сначала всё благопристойно: сбор средств на памятник этому самому Тарновскому, не знаю, кто такой, наблюдения за больными, статистика всякая: сколько в России сифилитиков приходилось на душу населения... А вот второй том, где советские времена пошли, — это нечто! Вот где наука-то разбушевалась! Брали сифилитика, заражали кандидомикозом. Или брали кандидомикозного больного и прививали ему сифилис. А потом изучали развитие смешанной инфекции. Какие-то очень поучительные выводы делали. И это не где-нибудь в гитлеровских концлагерях, а в Ленинграде, в больнице у Калинкина моста, что Саша Чёрный воспел. Потом всё засекретили, но не думали, что рукописные отчёты сохранятся. Меня это чтение сильно избавило от юношеских иллюзий. В тридцатом году все научные общества к общему знаменателю привели, согнали в один колхоз — Научно-техническое общество. Тридцатым годом архивы и заканчивались. А знаете, какой самый последний доклад был прочитан в обществе Тарновского? Ни в жизнь не догадаетесь! «Борьба с правым и левым уклонами и правильная марксистско-ленинская позиция в лечении венерических заболеваний»!

— Как это? — промолвил Тимолев, возвращаясь к жизни.

— Очень просто. Вот если к врачу приходит больной, и врач принимает его лечить, то это правый, мелкобуржуазный уклон. А требование лечить классы: пролетариат — стационарно, трудовое крестьянство — амбулаторно, а прочих — не лечить вовсе, это уже левацкий загиб.

— А правильная марксистско-ленинская позиция?

— О! Она заключается в лечении трудовых коллективов. Скажем, труженикам морского порта всем без исключения — курс неосальварсана. Работницам ткацких и табачных фабрик — обязательное спринцевание перманганатом, и так далее...

— Неужто всё это правда? — тихо спросил Тимолев.

— Правда. Я сам читал этот доклад.

— Да нет, я не о том. Вернее, не только о том. Торговля людьми... человеческим органами для пересадки?

— И это правда, — жёстко сказал Борис Анатольевич. — Особенно активно этим делом львовская криминальная группировка занимается. А поскольку мы с вами по их бизнесу нанесли чувствительный удар, то следует ожидать вульгарных бандитских разборок. Так что не удивляйтесь, что охрана будет усилена, и постарайтесь, чтобы информация о вашей работе никуда не просачивалась. У наших конкурентов длинные руки и очень большие уши.

Разговор этот произошёл два дня назад. А вот сейчас в университетской аудитории на месте нерадивого студента сидит господин силовой министр и требует... ничего он не требует. У него просто умирает дочь. И если бы это был всего лишь бывший однокашник, можно было бы попытаться помочь. Но ввязывать в игру министра никак нельзя.

Когда лет десять назад фамилия сокурсника замелькала среди руководителей компетентного ведомства, кто-то из общих знакомых обмолвился в невесёлую минуту:

— А ведь получается, что он уже и тогда работал в органах. Опекал нас, оборотов. А мы при нём разговоры разговаривали.

— Так ведь никого не посадили, — возразил Тимолев, — хотя на нашей болтовне прекрасный процесс можно было сварганить. Значит, совесть у него живой оставалась.

— Или его начальству всё было уже по фигу, — возразил оппонент.

Вот так вот... сиди и гадай.

— Открою тебе служебную тайну, — медленно произнес министр. — По каналам Интерпола мы получили информацию, что здесь у нас, в России, делаются незаконные операции по пересадке внутренних органов с каким-то предварительным облучением организма донора. Якобы это впоследствии снижает иммунный ответ реципиента.

— Реникса... — непослушными губами произнёс Тимолев. — Лысенковщина чистойшей воды.

— Это я понимаю, но ведь дыма без огня не бывает. Значит, ведутся какие-то работы.

— Вот моя работа! — Тимолев, отбросив всякие сомнения, хлопнул ладонью по врезанному в стол лозунгу «Ненавижу, козлы!».

В дверь постучали.

— Я занят! — крикнул Тимолев, забывший, что он не у себя в кабинете, а в аудитории, куда всякий и без стука войти может.

Дверь открылась, и на пороге появился смущённый Борис Анатольевич.

— Я не помешал? — спросил он. — Дело в том, что вы так громко разговаривали, что я невольно слышал часть вашей беседы...

Разговор вёлся вполголоса, но сейчас это несоответствие прошло мимо Тимолева. Чёрт, так бездарно вляпаться!

— ...Я думаю, — говорил Борис Анатольевич, — что мы могли бы помочь вашему другу. В виде исключения... ведь это же ваш друг, да?

— Однотруппник...

Тимолев не мог оторвать взгляда от лица своего однотруппника. Лишь однажды видел он такое выражение, какое проявилось сейчас на этом лице. Тогда их, всех парней курса, во время занятий на военной кафедре привели в тир. Именно с таким выражением лица будущий господин силовой министр лупил из «макарова» по грудной мишени. И единственный из всего курса выбил зачётные очки.

— Вот видите, однотруппник, — ничего не замечая, тараторил Борис Анатольевич. — Пять лет вместе. Конечно, надо помочь. Давайте сделаем так: вы сейчас поезжайте в центр, подготовьтесь к приёму образцов ткани, а я пока обсужу с вашим другом кое-какие детали. Думаю, выращивание клонированной культуры можно будет начать уже завтра. А недели через четыре, если всё сложится удачно, проведём подсадку...

Тимолев поднялся и молча вышел. Он не знал, что думать и на что надеяться.

Министр и Борис Анатольевич остались одни. Оба молчали, лишь с лица министра сползал прицельный прищур. Потом министр произнёс:

— Вот, значит, как... Всё уже существует и находится в ваших руках. И зачем вам это нужно? Это же не ввоз контрабанды, не поставка русских девчонок в китай-

ские бордели, не наркотики даже. С чего бы вам этим заниматься?

— Помилуйте, — прежним, ничуть не изменившимся тоном ответил тот, что называл себя Борисом Анатольевичем, — какие наркотики? У меня вполне официальный бизнес... я просто отказываюсь понимать.

— Понимаете, — отмахнулся министр. — Просто взять я вас покуда не могу. И это вы тоже понимаете.

— А если вы настолько обо мне осведомлены, то должны бы знать, что у меня есть слабость — подбирать то, что плохо лежит, простите великодушно за дурной каламбур. Вы вышвырнули на свалку лучших учёных, я их подобрал. Дал им лабораторию, средства, возможность, в свою очередь, подбирать сотрудников. Что в этом плохого?.. Даже не по понятиям, а просто по совести? Кстати, за нарушение вашего запрета на клонирование не полагается ничего... удивительно глупо — принять закон и не назначить наказание за его нарушение. Такой закон только ленивый не станет нарушать. А я, между прочим, трудолюбив, этого вы отрицать не сможете. Так что никакого обвинения вы мне не предъявите. Даже за уклонение от налогов — в эту программу я покуда вложил денег много больше, чем получил. Зато в руках у меня действительно уникальные вещи. Отнять их можно, но трудно. К тому же в случае конфликта многое может попросту погибнуть. Люди смертны, а все данные и отчёты — у меня. В единственном экземпляре, как те архивы.

— Какие архивы?

— Ай, не берите в голову, это личное.

— И что же вы хотите за ваши уникальные вещи? Легализации исследований и этого вашего бизнеса?

— Зачем? — Борис Анатольевич мудро усмехнулся. — Дело уже налажено, а тут лишние хлопоты. Обработка общественного мнения, другие страны начнут недовольство высказывать, опять же трения с церковью. А так — всем хорошо, все довольны. Кстати, церковь в курсе наших работ, во всяком случае — некоторые иерархи. Одному из них мы делали недавно пересадку желёз.

— Половых? — не удержавшись, спросил министр.

— Не охальничайте, — строго прервал теневик. — Что за люди? Как перед телекамерами лоб крестить.

так они в очередь стоят, а чуть речь о попах заходит, так сразу воображать начинают, как те в исповедальне прихожанок тискают. Ничего там такого не было. Возраст, обычные человеческие хвори. А вообще я не медик, так что ничего определённого сказать не могу. Кстати, учитывая нелюбовь нашего общего друга к долгогривой породе, содрали мы со святого отца по полной программе. Вообще, учитывая некоторые обстоятельства, наши услуги стоят чрезвычайно дорого, но для вас, учитывая, что вы друг Сергея Владимировича, мы всё сделаем бесплатно на самом высшем уровне.

Министр слушал молча, а криминальный король вдруг вспомнил, сколько неприятностей доставлял ему этот человек. Дошло до того, что Борис Анатольевич начал лелеять мысль обвинить недруга в зверском изнасиловании грудного младенца. Даже при нынешней разнузданной свободе самое трудное — придать такому делу широкую огласку. А уж потом... любая, самая объективная и независимая экспертиза подтвердит, что преступление совершил господин министр. Анализ генетического материала для следствия такая же улика, как и отпечатки пальцев. К сожалению или к счастью, но в ту пору идеалист Тимолев ещё не умел клонировать человеческую сперму. А теперь надобность в столь сложной интриге отпала, всё складывается самым замечательным образом. По возможности дело всегда следует заканчивать миром. Всё-таки хорошо, когда у высокопоставленных чиновников есть не слишком здоровые дети, которые любят соваться в такие места, где очень легко организовать подходящий несчастный случай. Мир в этом случае приходит сам собой.

— Насколько мне известно, — проникновенно произнёс Борис Анатольевич, — через два года операцию нужно будет повторять. Можете быть уверены, мы и тогда безвозмездно сделаем всё возможное. В свою очередь, мы надеемся на понимание с вашей стороны. Я не стану предлагать ничего, что противоречило бы вашим убеждениям или шло вразрез со служебными обязанностями. Скорее — наоборот. Вот, скажем, львовская группировка... им давно пора почувствовать силу закона.

— Да, я понимаю, — согласился министр, глядя в лицо новому хозяину.

Дмитрий Скирюк

ТОНИК

На душе у Петухова было тоскливо и муторно.

Был выходной — один из тех серых осенних выходных, когда дома делать совершенно нечего, пойти некуда, гулять просто так уже холодно, а гулять с друзьями и спиртным нет ни сил, ни желания: во-первых, все друзья сейчас копаются на дачах, а во-вторых, вчера у Петухова на работе что-то отмечали, и сегодня с самого утра у него, что называется, «горели трубы», булькало в животе и противно ныла голова. Он лежал на диване, тупо глядел в потолок и страдал. По радио передавали Моцарта. А может быть, Бетховена — с похмелья в этих тонкостях было не разобраться. Нестерпимо хотелось выпить. Некоторое время он просто терпел, отпаивался холодной заваркой из чайника, но к середине дня таки не выдержал и выбрался на площадь до ближайшего ларька.

Моросило. Ларек был виден издалека — как и все ларьки в городе, его недавно выкрасили канареечно-желтой краской (было такое поветрие), и теперь он сразу бросался в глаза, как какой-то нелепый квадратный лимон. Пестрели банки с польской газировкой, выгоревшие за лето сигаретные пачки, коробки с турецкой жвачкой и обертки от дешевых шоколадок. Волоча ноги и кутаясь в ворот куртки, Петухов подошел к застекленной с длинной трещиной витрине и начал выбирать, чего б ему купить.

Пива Петухов не любил и никогда не пил, предпочитая что-нибудь покрепче, но сейчас при одной мысли о водке или портвейне к горлу подступала тошнота.

Лимонаду тоже что-то не хотелось. Разноцветье банок и бутылок раздражало. Наконец после долгих колебаний взгляд остановился на небольшой бутылочке джин-тоника.

Джин-тоник...

Петухов сглотнул. Звучало заманчиво. Вспомнился полузабытый вкус лимонной корочки, бодрящая хинная горечь и маленькие ежики колючих пузырьков на языке, рот наполнился слюной, и палец как бы сам собою указал на вожащенную бутылку. Продавец — носатый грузин в коричневой кожаной куртке, без слов все понял, с подозрением ощупал протянутую Петуховым сотенную, после чего в окошке киоска появилось и задвигалось в поисках ладони холодное скользкое доньшко. «Вот же, заразы, — мрачно подумал Петухов, принимая бутылку. — Нет, чтобы летом так охлаждать!»

Сосуд был приятно широкий, тяжелый, коричневого стекла, с большой квадратной черно-золотистой этикеткой. На красной крышечке маячила большая золотистая звезда, что почему-то напомнило Петухову коробочку с вьетнамским бальзамом. Петухов таких раньше не видел. Внутри что-то подозрительно пузырилось.

— А он у вас, часом, не бодяжный? — подозрительно спросил он, с сомнением ее разглядывая.

Продавец сверкнул кавказским взором из-под козырька массивной кепки и проворно растопырил пальцы.

— Э, зачем так плохо говоришь? — укоризненно завожушался он. — Хороший вещь, савсэм свежий. Не веришь — давай открою! Бери культурно, зачем ругаться?

Петухов опять заколебался — не купить ли две, потом решил повременить. Он принял из окошка ворох подмокших бумажных десятков и два рубля мелочью и полез в карман за кошельком.

Пить на улице было как-то холодно и неудобно, Петухов чуть ли не бегом добрался до своей квартиры, сбросил мокрую куртку и с бутылкой в руках поплелся на кухню.

Пробка поддавалась удивительно тяжело. Жесть гнулась и скрипела, никак не удавалось подцепить ее открывалкой. Петухов потел и отдувался. Потом вдруг что-то хрустнуло, бухнуло, пробка со звоном ударила в потолок, и из горлышка клубами повалил густой зеленый дым. Пе-

тухов на некоторое время совершенно ослеп, оглох и перестал воспринимать происходящее. «Надули!» — только и успел подумать он, выронил консервный нож, замахал руками, закашлялся и рухнул на стоявший сзади него табурет.

Дальше была темнота.

Очнулся Петухов на полу, рядом с опрокинутой табуреткой. Голова болела еще сильнее, линолеум неприятно холодил левую щеку и ухо. Должно быть, без сознания он провалялся несколько минут, потому что дым уже успел развеяться. Стараясь не делать резких движений, Петухов с кряхтением приподнялся, сел, помотал головой и осторожно огляделся.

— Вот, блин, попал, так попал, ексель-моксель... — пробормотал он, с опаской глядя снизу вверх на злополучную бутылку. — Это ж надо, так нарваться! Чтоб я, да еще когданибудь...

Он вдруг осекся и умолк.

На столе кто-то сидел.

Это было маленькое, ростом не выше локтя существо, покрытое пушистым желтым мехом, с круглыми глазами-бусинками, похожее на персонаж из детской программы «Улица Сезам». Сначала Петухов решил, что это кукла, и уже задался вопросом, откуда она взялась у него дома, потом существо вдруг моргнуло и пошевелилось. Петухов похолодел.

— Вы... Ты... — пробормотал он и сглотнул. Через мгновение в голове прояснилось, и сразу вспомнились бутылка, дым и нужные слова.

— Вы — Джинн, да? — охрипшим голосом спросил Петухов.

— Нет! — вдруг закричало существо, на поверку оказавшееся говорящим и почему-то очень испуганным. — Нет! Джинн уже ушел! Я — Тоник.

— Какой еще Тоник? — опешил Петухов.

— Обыкновенный, — пояснило существо. — Вы, когда бутылку покупали, этикетку видели? Так там большими буквами написано посередине: «Джин», а внизу — маленькими: «Тоник». Так вот, я и есть тот самый То-

ник... Кстати, спасибо, что выпустили. Там, внутри, не очень-то удобно.

— А... э... Пожалуйста, — пробормотал Петухов. — А куда ушел э-э-э... Джинн?

— По делам, — лаконично отозвался тот.

Повисла пауза. Тоник моргал и оглядывался. Петухов не знал, о чем еще спросить. Потом его осенило.

— А вы, простите, что, желания тоже выполняете?

— Нет, что вы. — Тоник смущенно потупился и поковырял столешницу ножкой. Вдохнул. — Мы — так... — он помахал лапкой, — сбоку припека.

Уважение Петухова к Тонику мгновенно испарилось. Похмелье не желало проходить, и настроение у Петухова стало резко портиться.

— А для чего тогда ты сидел... там? — Он кивнул на бутылку, мимоходом перейдя на «ты».

— Для компании, — простодушно пояснил Тоник. — Одному ведь скучно.

— Скучно, — мрачно согласился Петухов. — А ну-ка, полезай обратно!

— Это еще зачем? — насторожился тот.

— Отнесу тебя назад в ларек. Обменяю, как брак. Ну!

Тоник надулся.

— Меня нельзя в бутылку, — объявил он. — Я туда не влезу.

— Раньше же помещался.

— Так это с Джином! А так...

— Ну, вот что, хватит болтать! — раздраженно заявил Петухов, шагнул к столу, сграбастал взвизгнувшего Тоника, оказавшегося на ощупь вполне материальным, и попытался запихнуть его в бутылку. Тоник пищал и отбрыкивался, потом стал царапаться и верещать. В следующую секунду — Петухов даже не успел ничего понять — какая-то сила приподняла его и шлепнула, и он снова оказался на полу.

Петухов помотал головой. Посмотрел на стол. Тоник сидел возле бутылки как ни в чем не бывало и охорашивался.

— Видите ли, — чуть дрожащим голосом сообщил он Петухову, — это все напрасно. Вы не сможете мне причинить вреда.

— Это почему это не смогу? — поинтересовался Петухов, нашаривая на плите сковородку.

— Такой закон, — сказал Тоник, на всякий случай боком отодвигаясь на другой край стола. — Вы сказки читали? Там написано, что Джинн не может причинить вреда тому, кто его выпустил. А я — наоборот, то есть вы мне... Ай!

Тоник увернулся, сковородка с грохотом ударилась о стол, а неведомая сила снова подхватила Петухова и с разворота шваркнула об пол. На сей раз его приложило изрядно; в глазах долго плясали звездочки, а в ушах пели птички. Похожие ощущения были, когда бывшая жена Петухова как-то раз дала ему по голове этой самой сковородой.

— Вот видите, — констатировал Тоник, выглядывая из-за радиоприемника. — Вы ничего мне не сможете сделать. Да, кстати, что у нас на завтрак?

— Пошел у черту! — раздраженно сказал Петухов.

— Но я есть хочу! — растерянно ответил Тоник. — Легко, вы думаете, сидеть в такой банке двести пятьдесят лет без еды?

— С какой стати я должен тебя кормить?

Тоник вылез целиком, уселся на приемник и поболтал ногами.

— Я же объяснял, — снисходительно сказал он, — что я не Джин, а Тоник. Если Джин обязан выполнять ваши желания, то я — совсем наоборот. То есть вы обязаны выполнять мои... Так что у нас на завтрак?

— Господи... — простонал Петухов. — Ну за что мне это все? Мало мне похмелья, так еще и это... Откуда ты только взялся на мою голову?!

— Как откуда? — удивился тот. — Из бутылки...

До наступления вечера Тоник успел известить Петухова вконец. Сначала тому пришлось готовить ему завтрак — непременно сладкие хлопья с молоком. Молока в доме не оказалось (равно как и хлопьев), и Петухову потребовалось вновь бежать в соседний магазин, ругаясь и постанывая от нарастающей боли в затылке, которая, однако, сразу же прошла, едва он вернулся домой.

Едой, однако, дело не закончилось. Поев холодного и мерзкого на вид месива, Тоник простудился и

охрип. Петухов было обрадовался наступившей тишине, но теперь ему пришлось бежать в аптеку за лекарствами, лепить горчичники на желтый мех и после отдирать присохшие бумажки. Визгу было — не оберешься, невидимые оплеухи следовали одна за другой, Петухов раз за разом оказывался на полу. Наконец захворавшего Тоника удалось угнездить на диване, замотать в мохеровый шарф, напоить чаем с медом и лимоном, и все успокоилось. Чай Тоник пил через соломинку, время от времени громко булькал и при этом идиотски хихикал.

На обед пришлось потратиться, зажарить курицу и открыть заначенную банку сгущенки. Тоник перемазался сгущенкой от ушей до хвоста, но мыться отказался наотрез, заляпал всю квартиру липкими следами и только потом, уступая долгим уговорам, согласился вымыть в ванне лапы. Куда и свалился, когда затеял пускать кораблики из мыльницы. Петухов прибежал на визг из кухни, перепуганный, с полотенцем на шее, вытащил барахтающегося Тоника и долго сушил его феном. Тоник вертелся и корчил рожи своему отражению в зеркале, сломал расческу, а когда Петухов в сердцах таки шлепнул его, чтоб тот стоял спокойно, расхныкался, и Петухов огреб еще одну затрещину. Шерсть на Тонике распушилась, и он как будто увеличился в размерах, на острых ушах образовались кисточки.

После этого он включил телевизор и долго щелкал пультом, перескакивая с канала на канал. Всплакнул над чувствами в бразильском сериале, посмотрел футбол и новости и наконец застрял на диснеевских мультяшках, которые Петухов терпеть не выносил. Впрочем, это было все же лучше, чем если бы Тоник путался где-нибудь под ногами и надоедал расспросами и глупыми просьбами.

На ужин Тоник потребовал жареную рыбу и арбуз. Петухову пришлось напрячь все свои кулинарные способности, поскольку рыбу он последний раз жарил года три тому назад, на природе и, что называется, «под градусом». Но вопреки ожиданиям получилось очень даже сносно, а арбуз оказался красным и сладким. Кстати, за арбузом тоже пришлось бежать на улицу, торговые ларьки уже закрывались, и Петухов едва нашел один работающий, прежде чем головная боль успела свести его в гроб.

— Ты хотя бы заранее заказывай, чего хочешь, чтоб я зря потом не бегал, — посетовал он.

— Откуда же я могу утром знать, чего я вечером захочу? — вполне натурально удивился Тоник.

Петухов не нашелся, что на это возразить.

Ночью Тоник слез с дивана, пробрался на запертый балкон и принялся там выть. Квартира выстудилась. Петухов проснулся весь в холодном поту и долго не мог сообразить, что это за звуки и что вообще происходит. Потом вспомнил, замотался в одеяло и поплелся выяснять. Оказалось, сегодня полнолуние, а Тоник этого никак не переносит, поскольку страшно боится быть один. Петухов поколебался, потом все-таки решил взять его с собой в кровать. Тоник долго возился — то устраивался под одеялом, то на одеяле, то в пододеяльнике, сворачивался на подушке, ерзал, выпускал коготки и сопел Петухову в ухо. Ладно хоть пахло от него не больше, чем от кошки. Кошку Петухов держал когда-то, и ощущения были в общем похожие.

Утром была катастрофа: сказался вчерашний арбуз. Проклятая зверюшка не успела вовремя проснуться, чтобы добежать до туалета, и в кровати сделался потоп. Петухов, чертыхаясь, долго елозил тряпкой, запихал испачканные простыни в стиральную машину, а Тоника — под душ, потом позвонил на работу и попросил отгул. Тоник за это время ухитрился облить из душевой воронки стены, пол и потолок, после чего пришли соседи снизу и закатили скандал по поводу затопленной ванной... В общем, забот Петухову хватило.

Он смотался до ларька, где его угораздило купить злосчастную бутылку, но вчерашнего кавказца-продавца в нем уже не было. Вместо него сидел амбал из местных — вполне типичная рязанская рожа; на все претензии он лишь требовал предъявить чек, бутылку с пробкой не признал, Тоника послал подальше, а Петухову посоветовал сходить к невропатологу. На том и распрощались.

Робкие попытки выяснить у Тоника, куда девался Джинн, также успеха не возымели. Тот или не знал, или мастерски придурился, что не знает. К исходу дня Петухов обнаружил, что его кошель изрядно похудел, нервы на

пределе, а квартира входит в аварийное состояние, и совсем приуныл.

«Ексель-моксель, — думал он, — да что ж это такое! Послал же бог на мою голову... Должно же все это когда-нибудь кончиться!»

Вечером Петухову пришлось рассказывать сказку. Он порывлся в книжках и нарочно выбрал покороче, но Тоник бил ногами и требовал продолжения. Наконец он таки дал себя убедить, что лучше Петухов почитает ему завтра, а книжка вон какая толстая, так что беспокоиться нечего. Ночь омрачилась ползающим по кровати Тоником, который теперь наотрез отказывался спать отдельно.

На следующее утро Тоник потребовал взять его с собой к Петухову на работу.

Началось с того, что зазвонил телефон, и на том конце трубки неприязненно поинтересовались, как там у него со здоровьем. Петухов узнал голос шефа и не на шутку перепугался. Торопливо объяснил, что — да, болел, но уже выздоровел и нынче же появится на рабочем месте. Обещание пришлось держать. Но Тоник неожиданно закапризничал и отказался оставаться в пустой квартире, наедине с периодически включающимся холодильником: «Вдруг он меня съест!»

По правде говоря, такому исходу дела Петухов был бы только рад. Но — увы. Он побрился и привел себя в порядок, потом попытался оставить Тоника дома, заперев тихонько за собою дверь. На полпути к остановке ему пришлось повернуть и, чертыхаясь, бежать обратно, словно он забыл выключить газ: рев Тоника было слышно даже на лестничной площадке, а оплеухи следовали чуть ли не потоком, Петухов едва сохранял равновесие.

Пришлось уступить. Петухов упрятал Тоника в большую пластиковую сумку с ручками, наказал ему сидеть там тихо и с двадцатиминутным опозданием явился в контору.

Кондукторше соврал, что везет подарок дочке.

— Это ж надо, какие игрушки стали делать! — восхитилась та. — Совсем как живой!

— Японцы... — пожал плечами Петухов.

А Тоник показал кондукторше язык и стал глядеть в окно.

До полудня отдел лихорадило. Все бегали к Петухову смотреть диковинную желтую зверушку, таскали ему яблоки, халву, бананы и булки с маслом. Просили сказать пару слов или показать чего-нибудь этакое. Трюкачествовать Тоник отказался наотрез, но говорил охотно и подарки благодарно принимал. Несмотря на свои малые размеры, Тоник оказался прожорливым до чрезвычайности; Петухов не уставал поражаться, сколько в него влезало еды.

А в полдень дверь конторы распахнулась и на пороге показался Сашка Редькин — хам, грубиян и балагур из отдела обеспечения, считавший себя записным остряком и неотразимым кавалером.

— Здорово, Надечка! — с порога закричал Редькин. — Все цветешь, все хорошеешь? Здравствуй, Валюша, отлично выглядишь. Куда-куда? У, ты какая... Мариночка, привет...

Так, расточая комплименты, он добрался до стола Петухова. Тоник восседал на карандашнице, сжимая в лапках авторучку, и выводил каракули на перекидном календаре.

— Здорово, Петухов! Как жизнь? — Он протянул руку к Тонику. — Это у тебя чего? Покемон? Дай пощупать.

Тоник перепугался и укусил его за палец.

Начался переполох. Редькин бегал по комнате, забрызгал кровью стол и стену и все время ругался. Все женщины отдела, кроме Нади, отодвинулись подальше от него и стали громко возмущаться. Петухов оправдывался и пытался захватить Тоника в ящик стола; Тоник упирался и верещал. Наконец разыскали бинт и пузырек зеленки. Редькин махал руками и орал, что Петухов совсем сдурел — таскает с собой всяких желтопузых хомяков, и порывался стукнуть Тоника линейкой. Тоник ревел благим матом. Через полчаса подвешивающего Редькина на «скорой помощи» увезли в больницу, а Тонику дали половинку полосатого леденца-карандаша, и все успокоились.

Через полчаса шеф вызвал Петухова на ковер.

— Петухов, — сказал он строго, глядя на Петухова сквозь толстые стекла очков. — Я хочу с вами поговорить.

— Да, Вадим Сергеич, — поспешно согласился Петухов и подвигал шеей в галстуке. Ладони его мгновенно вспотели.

— Будем откровенны. — Шеф встал, обогнул широкий стол и оказался с Петуховым лицом к лицу. — Работник вы э-э-э... неплохой. Да, неплохой. Есть у вас некоторые привычки и э-э-э... излишества. Но это мелочи. Я даже думал двинуть вас вверх по служебной лестнице. Но сегодняшний ваш поступок... принести с собой на работу какую-то крысу, это, простите, уже какое-то ребячество. В чем дело?

— Не крысу, — робко вставил Петухов.

— Да? А э-э-э... кого?

— Ну... это тропический зверь, — замялся Петухов и бестолково повертел руками. — Такой, вы знаете... тропический. Такая э-э-э... ну, как бы чебурашка. Он не злобный, просто Редькин сам напросился. У меня приятель уехал в отпуск, а это его зверушка, он попросил э-э-э... присмотреть. Да, присмотреть. А я его дома побоялся одного оставить. Еще откроет газ или чего-нибудь такое...

— Вот как? А надолго э-э-э... уехал ваш приятель?

— Не знаю, — бухнул Петухов и торопливо поправился: — Месяца на два. Наверное...

— Да? Ну э-э-э... все равно. — Шеф опустил в кресло. — Прошу вас больше этого не делать. Купите ему клетку или что-то в этом роде. Иначе э-э-э... будем рассматривать вопрос на профсобрании.

— Э-э-э... — начал Петухов.

— Э-э-э... — начал с ним одновременно шеф.

И оба умолкли.

— Я вас больше не задерживаю, — сухо сказал наконец шеф. — Идите работайте.

Придя домой, Петухов попытался объяснить Тонику текущее положение дел. Тоник долго ныл и притворялся дурачком, но в конце концов согласился, что на работу к хозяину ему нельзя, и, в свою очередь, поставил встречное условие — купить видеомаягнитофон.

— Зачем он тебе? — опешил Петухов.

— Как зачем? Смотреть диснейские мультяшки.

— Посмотришь просто телевизор. Там и так теперь часто мультики показывают...

Тоник забрался на диван, сгреб под себя подушки и обиженно надулся.

— Другие неинтересные, — объявил он, — а Дисней только по воскресеньям. А я хочу каждый день.

Петухов поморщился в предощущении приходящей боли в голове, но взял себя в руки и постарался успокоиться. Видеомагнитофон стоил дорого. Даже самая дешевая модель по примерным прикидкам тянула на два месячных петуховских оклада.

— У меня нет таких денег, понимаешь? — попытался объяснить он Тонику. — Нету. И взять неоткуда. Если я куплю тебе видак, нам будет есть нечего. Ты понимаешь?

— Но мне одному будет ску-учно... — заканючил тот.

Петухов уламывал желтого мерзавца битых полчаса, но добился лишь того, что Тоник разревелся, а его самого опять одолела мигрень. Избавиться от нее ему удалось, лишь пообещав Тонику завтра же купить злосчастный видак. Один день Тоник согласился потерпеть.

Всю ночь Петухов проворочался, будучи не в силах заснуть; он холодел от одной только мысли, что с ним станет, если он не сдержит слово. Наутро он отправился на работу с твердым намерением занять денег в кассе взаимопомощи и теперь придумывал предлог, под которым мог бы это сделать. Он просидел так до обеда, так и не решившись ни к кому подойти, как вдруг позвонил его старый приятель Витька Коровкин, лет пять назад заделавшийся «новым русским».

— Петухов, ты? — загудел в трубке полузабытый Витькин бас. — Привет. Слушай, тут такое дело. Тебе видак, случайно, не нужен?

Петухов от неожиданности опешил и пошел мурашками. Витьку Тоник знать никак не мог, соответственно и Витька Тоника — тоже. О своем желании купить видеомагнитофон он тоже никому не говорил, и потому оставалось все свалить на нелепую случайность. Петухов свалил и прокашлялся.

— Ка-акой видак? — заикаясь, на всякий случай уточнил он.

— Обыкновенный, «Джи Ви Си», видеоплеер.

— Старый, что ли?

— Зачем старый? Новый. Совсем не играный.

— А чего ж ты тогда его продаешь?

— Да понимаешь, лопухнулся я. Такое дело — мне другие на именины подарили, а жене цвет не понравился. Не хочу, говорит, серебристый, черный, говорит, хочу... Мне — сам знаешь — по «комкам» бегать некогда, да и кореша косо посмотреть могут, дай, думаю, тебе звякну, все-таки друзья, вдруг возьмешь... Возьми, а? Я недорого отдам.

Петухов уже хотел сказать, что Витьке дешевле было бы просто купить к магнитофону новый корпус, а старый выбросить, но тут же закрыл рот. Облизнул пересохшие губы.

— Сколько? — спросил он.

— Полторы. Если хочешь, еще сотню скину, но учти — только для тебя. От сердца отрываю, машинка-то хорошая, надежная... Так ты берешь?

— Беру! — крикнул Петухов.

— Вот и лады. Давай заезжай ко мне после работы. Ты когда работать заканчиваешь? В полседьмого? Вот сразу как закончишь, так и заезжай. Ну все, пока!

И он повесил трубку.

Некоторое время Петухов так и сидел с трубкой в руке, не в силах поверить в свою удачу. Потом опустил ее на рычаг, достал бумажник и пересчитал наличность. Наличности хватало в аккурат, даже еще оставалось, чтоб купить чего-нибудь вкусное к ужину. До зарплаты оставалась всего неделя, и Петухов воспрял духом.

Растолстевший Коровкин встретил Петухова жизнерадостно, взял протянутые деньги и барским жестом сгреб в карман, не пересчитывая, упаковал видеотехнику в коробку и напоследок подарил с полдюжины кассет... с диснеевскими мультфильмами.

— Забирай, забирай, может, обменяешь, — замахал он руками, завидев на его лице радостное недоумение. — Мой все равно уже вырос, а тебе же надо чего-нибудь смотреть первое время...

Петухов, окончательно опешивший, так и приехал домой — с коробкой в одной руке и пакетом с кассетами — в другой.

Завидев покупку, Тоник завизжал и кинулся ему на шею обниматься. Серебристый аппарат, похожий больше на инопланетный корабль, подключили к

телевизору и весь вечер крутили трофейные кассеты, забыв даже об ужине. Петухов по случаю удачной сделки пропустил стопку водки, расслабился и за компанию с Тоником как ребенок хохотал над проделками мультяшных человечков и зверушек.

На два дня в доме у Петухова воцарился мир. Потом мультфильмы Тонику наскучили. Петухов разведаль, где находятся ближайшие ларьки с обменом видео, и две недели занимался тем, что обменивал одни кассеты на другие. На некоторое время это помогло, но вскоре его пушистый мучитель сделал следующий шаг.

Тоник потребовал компьютер.

Ребенок, пусть он совсем непослушный и глупый, все-таки в состоянии понять, что родители его не всемогущи и выполнить все его желания не могут. Во всяком случае, даже если он этого понять не хочет или делает вид, что не хочет, все равно не в силах что-то изменить. Максимум, чего он может от них добиться, — это выпросить велосипед или ролики себе на день рождения. То же и капризная супруга. Она, конечно, может запилить мужа до покупки новой шубки...

Или — до развода.

Вот! Вот. В том-то и разница. Капризного ребенка можно наказать, со стервой можно развестись, но попробуйте образумить и поставить на место некую помесь домашней зверушки, глупой женщины и капризного ребенка, от которой вдобавок совершенно невозможно избавиться! Представили?

Петухов попробовал поговорить с Тоником серьезно, но все было бесполезно. Аппетиты Тоника росли, он не желал слушать никаких объяснений. Череп Петухова трещал по швам, он мучился бессонницей, осунулся и похудел. Несколько дней Тоника еще удавалось отвлекать новыми фильмами и сказками на ночь, но с каждым разом невольный подопечный Петухова становился все настойчивее и наглее. И на сей раз никто не спешил позвонить и предложить по дешевке купить компьютер или игровую видеоприставку (на худой конец, сгодилась бы и она). Предложение продать видик Тоник встретил в штыки. В итоге

следующий день Петухов еле высидел на работе с ужасающей головной болью, от которой не спасал ни цитрамон, ни кофе, ни участливые взгляды Любочки Неверовой, и в ужасном настроении поплелся домой. Если утром Петухов решил, начиная с сегодняшнего дня, экономить на всем, то теперь он окончательно утвердился в этом намерении, а потому трамвая ждать не стал и направился домой пешком.

По дороге домой мигрень немного поутихла. В голове у Петухова снова замерцали мысли, впрочем, ни одной дельной среди них не было. Покупка видеомэгнитофона пробила в его бюджете дыру преогромную. Он прикидывал так и этак, и выходило, что при строжайшей экономии какой-нибудь подержанный компьютер он сможет купить. Но не раньше, чем через год. Хотя если подумать — какая, к черту, экономия с такой тварью, как Тоник? То ему торт на завтрак подавай, то курицу на ужин, то арбуз на Новый год... Ладно, хоть к спиртному не приучен. В общем, ничего путного (тем более — хорошего) в ближайшее время произойти не могло. Петухов осознал это и обреченно понял, что до первого запуска своего личного компьютера он не доживет.

«Интересно, — вдруг подумалось ему, — куда денется Тоник после его смерти? Тоже умрет? Отправится искать своего джинна? Привяжется к кому-нибудь другому?»

Так, размышляя о своей судьбе, Петухов брел от дома к дому как лунатик и сумрачно глядел по сторонам. На одном из поворотов его взгляд зацепился за вывеску компьютерного салона «Капитан Репринт» с курящим трубку морячком на вывеске. Морячок куда-то указывал, видимо — в светлое компьютерное будущее. В стеклянном нутре магазинчика на полочках белела пластиком и мигала экранами вожделенная оргтехника. Посетителей уже не было. Петухов замедлил шаг, потом совсем остановился. Посмотрел на часы. До закрытия оставалось еще минут сорок. «Зайду, — вдруг неожиданно решил он, как смертник на пороге газовой камеры. — Хоть узнаю, сколько эта штука может стоить, чтоб уж сразу потом...»

Не задерживаясь на пороге, он сделал шаг и оказался внутри. Продавцы посмотрели на него как-то странно. Петухов списал все это на конец рабочего дня и минут пять бродил от стойки к стойке, испытывая изряд-

ную неловкость, потом, движимый каким-то странным порывом («надо же с чего-то начинать»), облюбовал и прикупил себе компьютерную «мышь» — она по крайней мере не грозила устареть к исходу года. Однако едва он расплатился, что-то хлопнуло и вокруг него замерцали фотовспышки. Несколько людей захлопали в ладоши. Петухов прикрылся рукой и ошарашенно заморгал, а когда открыл глаза, к нему, цокая по плиткам мраморного пола точеными копытцами высоких каблучков, уже направлялись с улыбками две девушки в высокогорных мини; одна — с русской косой толщиной с детскую руку, другая — с белой короткой стрижкой à la «Cranberries». Обе, на взгляд Петухова, были очень миленькие. В руках у той, которая с косой, была полоска ткани с надписью со множеством нулей. Девушки обрядили Петухова в вышеупомянутую полоску, чмокнули в обе щеки, поаплодировали ухоженными лапками и отошли назад, после чего к Петухову приблизился невероятно худой, стриженный «под ежик» парень в роговых очках, схватил его руку и с чувством ее потряс. В углу, недоступном при взгляде с улицы, телевизионщики нацеливали в ухо Петухову черный зрак видеокамеры.

— Поздравляем! Поздравляем! — улыбаясь в камеру, сказал очкастый. — Вы — наш миллионный покупатель! Если позволите, небольшое интервью для канала «АБВ»... Ваше имя?

Петухов назвался и минуты две, не зная, куда девать дурацкую коробку с мышкой, краснел и отвечал на разные вопросы, после чего в глубине помещения открылась дверь, откуда выкатили хромированную тележку с громоздящимися на ней коробками. Петухову опять пожали руку, потом с эскортом вывели наружу, посадили в оказавшийся у входа красный «БМВ» и спросили адрес. В себя Петухов пришел уже дома, в окружении бесчисленного сонма распакованных коробок, телевизионщиков и двух очкастых равнодушных техников, стыкующих аппаратуру. Тоник, испугавшийся такого количества чужих людей, спрятался в соседней комнате, откуда подсматривал в щелочку. Наконец все кончилось, Петухова попросили расписаться «тут и тут», в последний раз пожали руку, попросили улыбнуться в камеру и ушли, оставив его наедине с включенным

агрегатом. Компьютер стоял на столе среди общего разгрома, гудел вентилятором и мерцал светящимся экраном. Прежде чем Петухов успел решить, что делать с ним теперь и вообще что теперь делать, Тоник с радостным визгом влетел в большую комнату, запрыгнул Петухову на грудь, облапил и принялся радостно лизаться. Через минуту он уже дорвался до машины и с присущей детям непосредственностью запустил какую-то игрушку. На экране появилась рука с пистолетом, потом замелькали выстрелы и взрывы, и квартира наполнилась грохотом.

— Надо бронедверь поставить, — про себя заметил Петухов.

— Что? — Тоник обернулся.

— Ничего, — торопливо сказал тот. В голове его забрезжила некая мысль. — Слушай, э-э-э... друг Тоник. Тебе бы не хотелось покататься на машине?

— Куда? — не оборачиваясь, спросил тот.

Едва Петухов осознал возможности себя сегодняшнего, началась новая жизнь. Управлять желаниями Тоника оказалось удивительно легко — достаточно было расписать ему все прелести нового приобретения, и тот загорался как порох. День головной боли — и Петухов получал «заказанное». Со временем период ожидания сократился. И даже если Тоник утрачивал к новинке интерес, полученное все равно в итоге оставалось Петухову. Машину — серебристый джип «тойота лэнд-крузер», широкий, как баржа, и больше похожий на маленький автобус, отписал ему родственник из Новосибирска, о котором Петухов давно уже и думать позабыл. Родственника — крупного в тех местах коммерсанта — в последнее время с интересом шупали налоговики, и он поспешно переписывал на родичей все свое имущество. На все машины родственников не хватило и богатый сибиряк вдруг вспомнил о своем непутевом сколько-то-юродном братце. Через неделю родич все же загредел под суд, и машина осталась Петухову.

Водить Петухов научился довольно быстро и вскоре уже лихо рассекал по городу, небрежно выставив в окошко локоть и держа «штурвал» одной рукой. Тонику скоро наскучило кататься просто так, пришлось купить дачу

в пригороде, на живописнейших прудах, где разводили карпа, осетра и радужную форель (рыбу Петухов любил, а Тоника на некоторое время удалось соблазнить рыбалкой). Жизнь тоже вроде бы наладилась. Производимый Тоником разгром и беспорядок быстро удавалось ликвидировать при помощи стиральной и посудомоечной машин, а также супернавороченного пылесоса, который пылесосил, мыл, сушил, химчистил, и только что не бегал за орешками к пиву. Потом Петухов доверил все заботы по уборке горничной (из-за расположения к Петухову та работала за половину платы). Жаркое и удивительно насыщенное лето Петухов провел за городом в компании сговорчивых девчонок и немногих избранных друзей. Правда, часто приходилось отвлекаться и срываться к Тонику, нередко даже из постели. Впрочем, ему все прощали. Он уволился с работы и жил теперь за счет каких-то неизвестных доброхотов, регулярно посылавших деньги на его счета, которых он открыл штук пять, а также за счет найденных на улице кошельков, лотерейных выигрышей, вознаграждений за находку потерявшихся собак и разных прочих штук и фокусов, которые подсказывала ему его фантазия. Двухмоторный прогулочный катер подарил ему представитель какой-то компании после того, как он вытащил его, тонущего, из воды; дом — фирма «Хитачи», у которой он по случаю купил микроволновку, а кухню в дом — «Галлина Бланка», когда Петухов сподобился сыграть на «Поле Чудес» (попал на телевидение он с первого же раза, от винта, послав туда кроссворд, срисованный им со старого номера «Сельской молодежи»). Он завел какие-то торговые ларьки, какие-то кофейни и закусочные на паях, а когда он — тип в общем-то не очень и фотогеничный — поучаствовал в рекламе пива и автомобилей, его стали узнавать на улицах. Когда же местная «братва», обеспокоенная слишком быстрым ростом благосостояния одного отдельно взятого человека, намекнула ему, что вообще-то таким богатым лохам положено делиться, то почти все они в течение недели угодили в переделки — от довольно безобидных (вроде падения в пьяном виде в выгребную яму на шашлычной даче) до вполне серьезных и кровавых перестрелок с конкурирующими группировками, где многие полегли навечно. После этого «наезды» прекратились —

связываться с Петуховым отныне «братва» почитала делом опасным.

Всюду, куда бы он с Тоником ни последовал, воцарялась превосходная погода, транспорт отправлялся в путь по расписанию и никогда не попадал в аварии, все люди были вежливы и очень к Петухову расположены. Потеряв счет деньгам, пирушкам и любовницам, Петухов очень скоро привык к такому образу жизни и даже стал уставать от него. Он стал искать разнообразия. Он слетал на Канары, на Кипр, в Египет и Грецию, всякий раз провозя Тоника с собой как диковинного редкого зверька (все нужные свидетельства о прививках выписывали очарованные Петуховым ветврачи). Потом стал посещать места все более экзотичные — Японию, Непал, Тибет, изъездил всю Латинскую Америку, Австралию и Океанию, причем входил там в разные круги и почти не тратил денег, всюду становясь чьим-нибудь гостем или компаньоном. Незаметно пролетели три года, и когда однажды все закончилось, то Петухов не сразу это осознал.

Погожим днем, в одно из летних воскресений он вошел к себе — в роскошный пентхауз пятизвездочного «Хилтона» на Пятой авеню, где застал престранную картину: на обтянутой парчой софе возле фонтанчика, где охлаждалось пиво и шампанское, сидел какой-то смуглый моложавый человек восточной наружности, похожий на торговца мандаринами с солнечного юга бывшего СССР. Человек был в прекрасно пошитом двубортном костюме, в рубашке и при галстукe, а также в щегольских ботинках. На кресле рядом с ним лежали плащ, кашне и очень дорогая (настоящая «Борсалино») широкополая шляпа, совершенно неуместные при ярком солнце, что каталось в небе за окном. Он сидел, потягивая из бокала что-то красное, и гладил Тоника по желтой шерстке. Свернувшись на коленях у пришельца, тот лежал там тише мыши и млел от всех его прикосновений, как угревшаяся кошка. В воздухе витал сильнейший запах можжевельника. При появлении Петухова странный визитер слегка привстал, придерживая Тоника рукой, чтоб тот не соскользнул с его коленей на пол, отставил бокал и прикоснулся на восточный манер пальцами ко лбу, к губам, потом — к груди.

— Петухов-эфенди, я полагаю? — осведомился он.

— Что здесь происходит? — нахмурился Петухов (Тоник открыл один глаз и помахал ему лапкой). — Кто вы такой и как сюда попали?

— О, тысяча извинений, почтенный, тысяча извинений! — раскланялся тот. — Не предупредил. Виноват, виноват. — Он протянул руку к кувшину на столе. — Хотите шербету?

— Не хочу я вашего шербету! И вообще я сейчас охрану вызову, — предупредил Петухов.

— Ну, не стоит. Право же, не стоит. Я вам очень признателен, и мне не хотелось бы портить с вами отношения. Вы же не хотите испортить со мной отношения?

Петухов почувствовал, что происходит что-то неладное, что ситуация выходит у него из-под контроля, и постарался взять себя в руки. Как бы то ни было, любая попытка причинить им с Тоником какой-либо вред заведомо была обречена на провал. И все же...

— Отпустите его, — скомандовал он. — Сейчас же!

— Кого? Его? — переспросил гость и посмотрел на Тоника. — Да пожалуйста!

И разжал руки.

Тоник как тряпка соскользнул на пол, однако тут же спохватился и взобрался обратно. Петухов окончательно перестал понимать, что творится.

— Тоник, — севшим голосом позвал он. — Что случилось?

Тоник обратился к нему сияющую, словно маленькое солнце, мордочку.

— Джинн приехал! — объявил он.

— Что значит... — начал было Петухов, и через два мгновения почувствовал, что до него начинает доходить.

Гость между тем опять раскланялся.

— Честь имею рекомендовать себя, — представился он, — Каралбек Рустам Абдул-Хасан ибн Мустафа ибн Арахчи ибн ас-Садык ат-Куафи.

— Так это вы сидели в той бутылке?! — наконец осенило Петухова.

— Истинно так, — вновь раскланялся тот. — Именно я. И очень благодарен вам, что присмотрели за моим приятелем, пока я отдыхал.

— Отдыхали? Так это вы... выходит... отдыхали? — изумленный своей догадкой, по частям промолвил Петухов. — Так это что же получается, три года у вас... отпуск был?

— Ну, можно сказать и так. Как бы то ни было, спасибо вам. Иногда, знаете ли, надоедают даже старые привызанности... — Джин посмотрел на часы и сделал удивленное лицо: — О, уже четыре! Нам пора. Тоник! — Он ссадил зверушку на пол. — Попрощайся с дядей. Мы уезжаем.

— До свидания, — послушно сказал Тоник. Глаза его лучились от счастья. — Мне было весело у тебя.

— То есть как уезжаете? — закричал Петухов, холодея ногами. — Это ведь я вас выпустил! Вы мне обязаны... Да я вообще...

— Ну право же, — поморщился незванный петуховский визитер, — право же, не стоит так горячиться. Ну, выпустили, с кем не бывает? И потом, я думаю, все это, — он обвел рукой апартаменты, видимо, включая в этот жест все, что успел нахапать Петухов за время своего служения у Тоника, — все это послужит вам неплохой компенсацией за ваши тяжкие, хе-хе, труды... Ну все. Мы пошли. Тоник! Ап!

Тоник подобрался и как кошка прыгнул джину на плечо. Тот развернулся и направился к выходу.

Петухов судорожно сглотнул.

— Вы плащ забыли, — сказал он, чувствуя себя полным идиотом.

— А? — обернулся тот. — О, не стоит суетиться. Это вам. Примите, так сказать, в подарок. В знак искренней благодарности. Салям алейкум. И прощайте.

— Э, э, постойте! — спохватился Петухов. — Но вы же не можете просто так уйти!

Однако джину только махнул рукой, прощаясь с ним, обрисовал на стенке контуры двери и вышел вон через образовавшийся проем. Желтая лапка Тоника на мгновение показалась из стены на фоне бледно-голубых обоев, махнула Петухову на прощание, и оба исчезли из виду. В воздухе возник и спланировал на пол иссиня-черный прямоугольник глянцевого картона с золотым обрезом. Петухов ошалело поднял его и уставился на арабскую вязь.

За окном стал накрапывать дождь. Через несколько минут он хлынул как из ведра. Над Нью-Йорком

закружились тучи. Погода безнадежно портилась. Петухов посмотрел на плащ, по-прежнему лежащий на кресле, на дорожную шляпу и только теперь вдруг осознал, что остался один.

Сказать, что после исчезновения Тоника все в жизни Петухова пошло наперекосяк, — значит ничего не сказать. Все его умение влиять на мир, на ход события в нем, как видно, представляло собой свойство Тоника, но уж никак не Петухова. Он стремительно терял влияние на людей, еще стремительнее терял свое имущество и деньги. Предприятия разорялись, банки лопались, тресты распадались, все вложения оказывались невыгодными. Мир крутился мимо Петухова, а если и входил с ним во взаимодействие, то только для того, чтобы зацепить каким-нибудь финансовым скандалом или прочим катаклизмом. В финансовых делах сам Петухов не смыслил ни хрена, а управляющих нанять подумался, только когда было уже слишком поздно. В считанные месяцы он растерял девяносто девять процентов собственности, средств и друзей и в итоге оказался у разбитого корыта. Он перебрался обратно в родной город и некоторое время перебивался, спекулируя недвижимостью, пока законники и свежее поколение «братков», уже довольно слабо помнящих о злоключениях своих прошлых сотоварищей, не прижали его окончательно, обложив налогами и запустив ему громадный «счетчик».

Было уже поздно что-либо предпринимать. Тоник, этот растреклятый глупый желтый потребитель, видно, составлял не только и не столько объект приложения сил, но в какой-то мере и сами эти силы. Кто был реагентом, кто — катализатором, теперь уже выяснить было нельзя. Петухов и сам теперь, конечно, мог проделать кое-что (три года в роли исполнителя желаний не прошли для него даром), но все это по большей части было несерьезно и проблемы не решало. После бессчетного количества неудачных попыток повлиять на мир Петухов понял, что сам свои желания он исполнять не может, разве что вполне традиционными и не магическими средствами, вроде покупки в магазине, а этого ему уже было явно недостаточно. Ему был нужен новый хозяин, но попытка отыскать его ни к чему не

привела. Похоже, если не считать нескольких дотошных психиатров, в этом мире не было существ, которым так необходим был нынешний Петухов, чтобы востребовать его умений и способностей, и даже Любочка Неверова (к этому времени уже не Неверова, а чья-то жена и мать двоих детей) не проявила к нему былого интереса. Он был волшебник слабый и незрелый, если разобраться, никуда не годный, способный лишь присматривать на время за домашними зверушками. Одиноким, брошенный и загнанный, уставший от опасностей, невзгод и разочарований, он пришел к необходимому решению и в один из осенних дней пошел на площадь до ларька.

В окошке, к удивлению Петухова, обнаружился давешний кавказец в кепке-«аэродром», с которого, собственно, все и началось. Завидев Петухова, тот всплеснул руками.

— Вах, какие люди! Какие люди и бэз охраны! — воскликнул он, торча в окошке своим гнутым южным носом. — Вам как всэгда? Или чего-нибудь покрэпче?

Петухов слегка оторопел.

— Мне бы... э-э-э... — пошевелил он пальцами, — чего-нибудь, как в прошлый раз...

— Нэт проблем! Сделаем!

Петухов, как и в прошлый раз, купил одну бутылку. Печать на крышке выглядела обнадеживающе. Он пришел домой, совершил необходимые приготовления и откупорил на кухне вожделенный сосуд.

Грохота на сей раз не было, один лишь матовый белесый дым, от которого у Петухова засвербело в носу и слезы потекли ручьем. Когда он проморгался и прочихался, на столе перед ним сидело нечто ярко-красное, пупырчатое и абсолютно безволосое, напоминающее жабу. Вопреки ожиданию никаких признаков стеснения странное существо не проявило.

— Э-э... — начал Петухов. — Вы — Тоник? Или... Джин?

— Что? — хриплым басом закричало существо. — Тоник? Какой, к дьяволу, Тоник?! К дьяволу Тоника! Какая гадость! Пить джин-тоник — все равно что пить одеколон! Я — Кола!

Петухов опешил.

— Что за...

Он поспешно сгреб бутылку со стола, рассмотрел поближе этикетку и с ужасом понял, что похожесть надписи в очередной раз сбила его с толку. Этикетка гласила: «Ром и Кола».

Ром, как видно, уже ушел.

Голова у Петухова закружилась.

— А где же... — начал было он, но существо не дало ему договорить.

— Чего расселся? — хамски раскомандовалась «жаба». — Жрать давай! И чтобы выпивка была. Водки тащи! И пива! Ну? Живо! Одна нога здесь, другая — там!

Петухов с нарастающим ужасом ощутил проснувшуюся головную боль.

Петухов был уже опытным в таких делах и потому куда не побежал, а просто заказал по телефону на дом пиццу, дюжину пива и большую бутылку «Смирновской». Бутылку водки Кола выжрал в два глотка (или выжрала? — пол у существа отсутствовал как данность), пиццу тоже сжевал, потом откочевал в район дивана, запустил по виду «Резню бензопилой в Техасе», напугал до икоты соседей и остаток дня гонял несчастного Петухова то за выпивкой, то за сигаретами, то еще за чем-нибудь, замусорил всю квартиру и чуть не устроил пожар. К концу дня Петухов еле стоял на ногах и совершенно отчаялся. В душе его поселилась растерянность, помаленьку преобразовавшаяся в мрачную решимость.

Тоник по сравнению с этой пьяной зверюгой был просто ангельским младенцем. На второго Тоника Петухов, может, еще был бы и согласен, но терпеть вот это... Увольте.

Убить Колу было нельзя, это он знал наверняка — Тоник в прошлый раз очень внятно объяснил ему все нужные законы. И когда пупырчатая тварь, нажравшись и упившись, захрапела на диване, он на цыпочках прокрался на кухню, отыскал там старую бутылку (ту самую, из-под джин-тоника), наложил на нее заклятие тотальной неразбиваемости, потом обустроил пространство внутри с максимальными удобствами, в два приема протиснулся в узкое горлышко и заткнул входное отверстие пробкой.

Внутри было тихо и прохладно. Приятно пахло можжевельником. Сквозь коричневые стенки золоти-

лось солнце поздней осени. Петухов потоптался, умащиваясь на прохладном полу, постелил прихваченный с собой тюфячок, улегся, положил руки под голову и с облегчением заснул глубоким сном. Все заботы остались снаружи, здесь его никто не мог бы потревожить.

В конце концов хороший джинн — выдержанный джинн.

У него было много времени, чтобы вызреть и собраться с силами.

Целая вечность.

7.10.00 — 14.07.01

Пермь

Андрей Шербак-Жуков

ЭТЮД О МНОГОМЕРНОСТИ ПРОСТРАНСТВА

Светлой памяти советской фантастики

Лет ему было девятнадцать — никак не больше.

Он стоял между несколькими новенькими блочными шестнадцатизэтажками, собравшимися в неплотный кружок, и крутил головой из стороны в сторону, широко при этом раскрыв глаза.

Глаза у него были ярко-голубого цвета. Говорят, такие глаза легко выдают не только состояние их обладателя, но и все его ближайшие намерения. Вот карие — те совсем другое дело, те способны скрывать и таиться... А эти нет — все в них, как на белом листе...

Сейчас в них, кроме крайней растерянности и первого курса чего-то гуманитарного, с легкостью читалась целая история. История о том, как он собрался — можно сказать, решился — прийти к весьма важному, но малознакомому ему человеку для очень серьезного разговора, как трепеща спросил по телефону о встрече, но ошарашенный неожиданной благосклонностью, забыл выпросить поподробнее, как добраться. И вот теперь он стоит между несколькими новенькими блочными шестнадцатизэтажками и крутит головой из стороны в сторону. А снег плотными струйками вьется вокруг него, а ветер треплет обрывок клетчатой бумажки с рядом корявых цифр, за которыми

скрываются дом, корпус, подъезд и квартира — скрывается так необходимый ему человек. Абзац.

И с новой строки. Все это легко читалось в его широко раскрытых ярко-голубых глазах.

А новенькие шестнадцатизэтажки были такими одинаково квадратными, такими неразличимыми, как пластмассовые кирпичики из детского конструктора... И то, что стояли они не в прямую линию, а просторным кружком, совсем не облегчало поиск, а наоборот — только раздражало.

Наконец он решился.

Самоуверенно хлопнула входная дверь. Загорелась красная кнопка. Двери лифта разъехались в стороны...

Новенький лифт расторопно поднял молодого человека на необходимую высоту и выпустил на лестничную площадку, еще пахнущую цементной пылью.

Он прошел по девственно чистому коридору, еще не тронутому гвоздем жлоба и карандашом лестничного острослова, еще не познавшему, что такое граффити... Подойдя к двери, он еще раз — для верности — взглянул на клетчатую бумажку, с силой втянул в себя носом воздух, будто воздух наполнил бы его решимостью, и позвонил.

За дверью торжественно прозвучало приближающееся шарканье стоптанных тапочек и завершилось вопросительной кодой «Кто там».

— Это Евгений. Я звонил вам... Помните? По поводу открытия моего друга... — засуетился молодой человек.

Щелкнул замок, и образовавшийся дверной проем окантовал невысокую фигуру пожилого профессора. Все, как водится: очки, седая борода, домашний халат... Глаза его когда-то тоже были голубыми, но с годами совсем потускнели — скрывать так и не научились, но хотя бы выражать что-либо внятное перестали.

— Как же, как же... Помню, конечно. Проходите. Вешалка слева... Нет, нет — ни в коем случае не разувайтесь. Мы только въехали, беспорядок, понимаете ли...

— Может, лучше снять? Там снег — боюсь, натечет с ботинок...

— Нет, нет... Вы оботрите, вот тряпка. Пожалуйста в комнату... Вот. Теперь мы с вами можем познакомиться лично... Я не люблю эти телефоны. Сергей Филиппович.

Он протянул сухонькую небольшую ладонь.

— Евгений.

— Вот и отлично. Присаживайтесь...

Евгений сел. И тут его словно прорвало. Словно пока он шел — он терпел; пока он искал — он держал это в себе; пока поднимался — сдерживал из последних сил... И вот наконец — пришел, все, приз, можно...

— Понимаете, мне никто не верит. Только вы можете мне помочь... Вы же профессор, у вас имя. А я вообще филолог — они все надо мной смеются. А вы сможете их убедить. К тому же, как я узнал, вы уже занимались этой проблемой. Я имею в виду органы чувств и этот... как его... вестибулярный аппарат... Дело в том, что мой друг Герман Воронин...

Резкий пронзительный свист вырвался откуда-то из-за стены — сначала нехотя, потом пронзительно, требуя к себе внимания.

— Чаю хотите? — спросил профессор, кивнув в сторону источника свиста.

— Чаю? — переспросил Женя. В какое-то мгновение казалось, что он, как символист начала века, так же вошедший с мороза, ответит: «Чаю воскресение мертвых!» Но — нет.

Собственно, так он и ответил:

— Нет. Спасибо.

— А я, пожалуй, выпью. Подождите пару минут.

Пока профессор ходил, Женя отдышался и собрался с мыслями. Он подумал, что, может быть, это и к лучшему, что его перебил закипевший чайник. А то как-то нехорошо — сразу, с порога... Надо как-нибудь исподволь. Как это «исподволь» — он не знал. Точнее, не мог никак придумать.

Он осмотрелся по сторонам — словно бы помощь могла прийти откуда-то извне... Профессор только вселился — это было видно во всем. Посреди комнаты стояли два старинных кресла, одну стену — от пола до потолка — покрывал книжный шкаф-стеллаж, пока еще пустой. Голые доски книжных полок стыдливо демонстрировали те интимные места, что обыкновенно бывают заслонены книгами, а книги во множестве картонных коробок лежали рядом, занимая изрядную часть пола...

Вошел профессор, помешивая в чашке серебряной ложечкой. Струйка дыма вилась над чашкой. Сергей Филиппович устроился в кресле, укутал ноги в клетчатый плед и только тогда поднял глаза на Евгения.

— Я действительно когда-то работал в этой области, — сказал он. — Именно поэтому я и пригласил вас... Ну, так почему же ваш друг не пришел сам?

Евгений вздрогнул.

— Он не мог... Он не здесь... Он... Впрочем, давайте по порядку. Я принес магнитофонную запись: тут он рассказывает мне о сути своего открытия. Давайте послушаем, а потом я расскажу, что было дальше...

— Как вам будет удобно... Давайте кассету.

— У меня есть диктофон.

— Не нужно, у меня есть... Вот тут...

Профессор откинул какую-то клеенку, и под ней оказался приличный музыкальный центр. Он достал из деки кассету, аккуратно убрал в коробочку — «Вагнер», заметил Евгений надпись на подкассетнике — и вставил принесенную...

Зашелестела пленка.

— Там может быть много глупостей — это он объяснял мне, а я мало смыслю в физиологии, извините...

— То, что надо, я пойму.

— Для начала я хотел бы убедить тебя, что люди не видят истинной картины мироздания... — прозвучал из динамиков приятный спокойный голос, таким может обладать только человек, полностью убежденный в своих словах. В нем не было нервозности или надтреснутости, столь свойственных молодым голосам.

— В каком смысле? — Евгений чуть заметно вздрогнул. Он никак не мог привыкнуть к своему собственному голосу звучащему в записи.

— Наши органы чувств просто не могут отобразить мир во всей его сложности, так, как есть, полностью, и вынуждены строить специально для нас другой, упрощенный, ненастоящий. В этом иллюзорном мире мы и живем. Мы привыкли к нему и не желаем другого. Кстати, именно поэтому мы не можем по-настоящему понять природу гравитационных и внутриядерных сил, не мо-

жем ощутить — кроме как приборами — магнитное поле и радиацию. Несмотря на то что все это существует рядом с нами и постоянно влияет на нас, мы не можем это увидеть, услышать, осязать... Можно найти аналогию. Собака со своим черно-белым зрением не может представить себе красного или синего, так и мы не можем представить себе четвертое, пятое и другие измерения, несмотря на то что живем в них... Но Бог с ней, с собакой — предположим, что у нее несовершенное зрение, а у нас таки совершенное. Но у насекомых — скажем, у пчелы — ведь тоже цветное зрение, а видит она все по-другому: белые цветы ей кажутся голубыми, а желтые — фиолетовыми... Кто прав? Человек или пчела? Какие цветы на самом деле?

Профессор улыбнулся, но словно бы не тому, что услышал, а чему-то своему. Он сидел в кресле, завернувшись в плед, как гусеница в кокон, и время от времени прихлебывал чай. На поверхности чая отражалась лампа, играли, переливались блики.

— Так вот... — продолжил голос с пленки. — Мир, который мы видим, в котором живем, условен; более того, он искусственный. Покрывало майи... Чувственный опыт обманчив, об этом неоднократно говорили философы прошлого. Я скажу тебе больше: каждый человек видит мир по-своему, а значит, каждый человек живет в своем собственном мире...

Профессор опять улыбнулся.

— Теперь о пресловутом четвертом измерении. Как бы это, что б тебе было попонятнее... Ты знаешь строение вестибулярного аппарата человека?

— В общем, нет.

— Если просто... Он состоит из трех колец, лежащих в трех перпендикулярных плоскостях. Это-то тебе понятно?... В кольцах — рецепторы. Еще там... Впрочем, ну их... Подробно тебе незачем. Самое главное, что все органы чувств связаны между собой, и вестибулярный аппарат влияет, скажем, на зрение... и так далее. В общем, каждое из колец регистрирует изменения положения тела в одном из измерений. А всего их три... Понимаешь?

— Не очень.

Женя остановил запись.

— Тут он пытается пересказать мне учебник по физиологии. Я ведь филолог — всего этого не знал... Я перемотаю. Ладно?

— Да, конечно.

Женя перемотал кассету чуть вперед.

— Все вместе эти три кольца рисуют нам картину трехмерного мира. И все другие органы чувств вслед за ними тоже... Теперь понимаешь? Мы не чувствуем четвертого измерения только потому, что нам нечем его почувствовать! У нас просто нет четвертого кольца. А между тем четвертое измерение существует, и пятое, и шестое тоже... И мы живем во всех этих измерениях, но не можем понять и почувствовать их. Мы не можем понять многих явлений природы только потому, что суть их не попадает в наши три измерения, а прочно коренится в других. Да что там явления природы, может быть, мы не можем понять друг друга только потому, что души человеческие тоже находятся в четвертом измерении. Ощутить мир целиком и полностью, пожалуй, невозможно, но продвинуться в его познании вполне в наших силах. Для этого, в первую очередь, нужно отказаться от иллюзорного трехмерного мира, того, что преподносят нам наши органы чувств. Необходимо искусственно усовершенствовать эти органы. И тогда хоть как-то расширится наш кругозор...

— Но как? — спросил с магнитофонной пленки Евгений.

А Евгений реальный еще раз скользнул взглядом по интерьеру комнаты: пустые остовы книжных полок пересекались под прямым углом, словно оси абсцисс и ординат, точно такой же прямой трехмерный угол образовывали стены и потолок; все вокруг, все предметы в комнате — включая картонные коробки, перетянутые крест-накрест шпагатом, — настаивали на трехмерности мира. А посреди этого трехмерного мира в мягком кресле, уютно завернувшись в плед, сидел профессор и прихлебывал чай. Только магнитофон — надо заметить, весьма чуждый профессорской квартире — производил шум, выпуская в мир потоки максималистской, юношеской чуши. Чуши, от которой у нормального человека уже давно бы съехала крыша... Кто прав? Кто убедительнее? Евгений вдруг почувствовал бесконечную

глупость своего положения. Ничем профессор не поможет, понял он.

— Как? — переспросил на записи Герман. — Я нашел нейрохирурга, который берется мне вшить второй вестибулярный аппарат симметрично с первым... Это, конечно, рискованно. Я даже не представляю своих будущих ощущений, но, может быть, мне удастся воспринять шестимерное пространство, где электрополя так же видны, как лужи на асфальте, а гравитация слышна, как вой ветра, где рядом с телами людей их двойниками ходят души... Возможно, я даже смогу передвигаться из одного измерения в другое. Но риск все-таки огромен, поэтому я не хочу, чтобы ты рассказывал об этом кому-нибудь раньше времени... Зато потом, после эксперимента, что бы ни случилось, постарайся...

Евгений выключил магнитофон.

— Теперь уже не только можно, но и нужно, чтобы об этом узнало как можно больше людей, — торжественно сказал Женя.

— Так что же произошло? — оживленно спросил профессор. И Евгений, увидев эту заинтересованность, всего на миг подумал: а может быть, все-таки поможет... — Эта ужасная операция состоялась? — закончил профессор. И Евгений укорил себя за поспешность суждений.

— Да. Более того — операция удалась! Мой друг исчез, как только начал приходить в себя. Чуть ли не с операционного стола. Просто растворился в воздухе. Вы понимаете, он же перенесся в другие измерения, в параллельный мир! Он вырвался из этой трехмерной ловушки иллюзорного мира...

— Вы это сами видели? — чуть охладил энтузиазм Евгения профессор.

— Что?

— Как он исчез.

— Нет, но мне это рассказал хирург.

— Кстати, кто он, откуда, как его зовут?

Женя замялся:

— Дело в том, что он не назвался. Вы же понимаете, что операция была проведена незаконно и тайно, он опасался последствий. А потом он вообще куда-то уехал... Но он очень хороший хирург...

— Ну что ж, я думаю, что милиция сможет его отыскать.

— Почему же милиция... — Женя ошарашенно хлопал глазами. — Вы что, мне не верите?

— При чем здесь вы — вы, по-видимому, ни в чем не виноваты. А вот этот ваш так называемый хирург — явно аферист. Вы не знаете, он, случайно, не брал с вашего друга денег? Или он просто маньяк, такие тоже бывают... В любом случае этим должны заниматься не ученые, а правоохранительные органы.

— Вы не верите... — удрученно повторил Женя.

— А почему, собственно, я должен кому-то верить? Друга вашего нет, хирурга тоже нет, не осталось даже свидетельств их существования, кроме этой кассеты с юношеским бредом и ваших рассказов... Ничего этого нет, а мир — заметьте, нормальный, трехмерный — есть. Вот он, можете потрогать. Вы — романтик; наверное, стихи любите, может быть, поете под гитару... Фантастику небось читаете... Но только то, что красиво звучит в литературе, очень часто бывает пагубно для науки. Хотите расширять сознание — так занимайтесь йогой. Или каким-нибудь буддизмом. И, Бога ради, не верьте на слово. Вас ведь просто обманули, говорю вам это точно, как специалист по этому самому вестибулярному аппарату... Кстати, ничего в нем нет таинственного — это всего-навсего орган, позволяющий сохранять равновесие...

— Но ведь все органы чувств связаны воедино... — попытался поспорить Евгений.

— Вы меня будете учить? — беззлобно оборвал его профессор. — Науке по этому поводу ничего не известно. И точка...

Однако в рассказе точка еще не поставлена.

Женя ушел, а Сергей Филиппович, закрыв за ним дверь, устало опустился в любимое кресло. Он вспомнил те древние времена, когда он был таким же молодым и смелым, и его глаза были такими же голубыми и так же горели огнем... Ах-ах-ах, вестибулярный аппарат, как же, как же... Хорошо им теперь — нашел хирурга, незаконная операция... А в те времена умели отбивать охотку. Какие, к черту, параллельные миры! Стране нужен металл! Потом — кукуруза...

Чуть из комсомола не выперли, а ведь он был сыном

полка. Пришлось публично покаяться, рукопись сжечь и все забыть, как страшный сон. А ведь все доводы были — слово в слово...

А теперь все — нет больше пороха в пороховницах. Хорошо им сейчас...

Сергей Филиппович злорадно усмехнулся, поудобнее завернулся в плед и задремал.

Точка? Нет, все равно еще не точка.

Женя зря переживал. Ведь в параллельном мире, в трех других измерениях был такой же Сергей Филиппович и такой же филолог Женя. И был такой же разговор...

Такой же, да не совсем.

Женя ушел, а Сергей Филиппович, закрыв за ним дверь, бодрым шагом вышел на середину комнаты и прошептал: «Непорядок. Беда с ними. Надо помочь парню...» Прошептал и... растворился в воздухе. Много лет назад ему сделали такую же операцию, и он свободно перемещался из одних измерений в другие. Он нашел Германа и, как опытный учитель, помог ему справиться с новыми ощущениями.

Миров было бесконечно много. Они были похожими и разными.

Еще в одном параллельном мире не было ни Сергея Филипповича, ни Германа, ни даже филолога Жени. И это открытие так никогда и не было сделано...

А в другом все люди с рождения могли перемещаться по разным измерениям, и в других мирах их считали домовыми и прочей нечистью.

И одном из этих бесконечных миров за столом сидел я — Андрей Щербак-Жуков — и, закончив в конце концов рассказ, поставил-таки точку.

Точка. Все.

Москва, 1995

Дмитрий Громов

СКОЛЬЗКИЙ ПОВОРОТ

Два черных «форда» я заметил только при выезде из города. Без сомнения, это были люди Файкина. Не скажу, чтобы я очень испугался, но все же мне стало как-то не по себе. В памяти сразу всплыл вчерашний разговор с Файкиным.

— Тебе нравится твоя работа?

— Конечно, шеф!

— А ты хотел бы получать за нее вдвое, нет, втрое больше?

— Конечно, хотел бы!

— У тебя есть такая возможность. Но это связано с некоторым риском.

Я еще не понимал, куда он клонит.

— Дело пустячное и для тебя привычное. Перевезешь груз куда надо — тебе заплатят. Вот и все. Правда, груз не совсем обычный. С ним лучше не попадаться.

Тут я наконец понял. Наркотики! У нас давно ходили слухи, что Файкин промышляет перевозкой «травки», но я им не особенно верил; а теперь...

— Нет, шеф, это не для меня. Я буду возить для вас обычные грузы за обычную плату, а про сегодняшний разговор я постараюсь забыть как можно скорее.

Файкин поднял на меня глаза. Нехороший у него был взгляд, тяжелый. Он как будто сочувствовал мне, но так, как сочувствует палач приговоренному к смерти.

— Ты свободен, иди, — только и сказал он.

Я вышел из его кабинета. Через час у меня была назначена встреча с Линдой, и я тут же забыл об этом разговоре. А Файкин не забыл.

Я украдкой взглянул на Линду. Нет, она ни о чем не подозревает.

«Может, пронесет?» — мелькнула слабая надежда. Но я уже знал, что не пронесет. Я не переоценивал свои силы. Их там не меньше четырех человек, и все с оружием. Да и моторы у них получше, чем у моего «пежо». Шансов не было практически никаких. Но главное было не это. Линда окажется свидетелем, и они убьют и ее. Поэтому, хоть я и знал, что это бесполезно, я прибавил скорость.

Серпантин горной дороги несясь нам навстречу. На повороте машину занесло, но мне удалось вырулить.

— Не гони так! — испуганно вскрикнула Линда, когда край обрыва пронесся всего в нескольких дюймах от нас.

Я молча ткнул пальцем в зеркало заднего обзора. Два черных «форда» неотступно следовали за нами, постепенно сокращая дистанцию.

— Кто это? — Голос Линды задрожал.

— Бандиты. Если мы не скроемся от них — нам крышка.

Мотор уже надсадно выл. Мимо со страшной скоростью проносились столбики ограждения. Позади затрещали выстрелы. Заднее стекло мгновенно покрылось тонкой сеткой трещин. Пуля обожгла мне ухо, и в лобовом стекле рядом с моей головой появилась аккуратная круглая дырка.

Поворот. Я резко бросил машину влево. Задние колеса занесло. В какую-то долю секунды я увидел, что дальше дороги нет, она уходила в никуда, и там все было скрыто плотным мерцающим голубоватым туманом. Я не успел ничего подумать, не успел даже удивиться. В следующее мгновение мы влетели в этот туман, и все исчезло...

...Я не знал, сколько прошло времени, пока я очнулся. Мы были в нашей машине. Мотор не работал, и вокруг стояла мертвая тишина. Я никак не мог понять, где мы находимся. Кругом было темно, но темнота была какая-то фосфоресцирующая, словно в ней роилось множество слабых светлячков. Линда лежала на сиденье, откинув голову назад. Ее длинные волосы свисали вниз и слегка колыхались, как от дуновения ветра, хотя я готов был поклясться, что никакого ветра здесь не было. Грудь Линды мерно поднималась и опускалась — она была в забытии.

Я зажег спичку и взглянул на часы. Они стояли. Сколько же прошло времени? И, главное, где мы? Что с нами произошло?

Я помнил, как увидел, что дальше дороги нет, как мы влетели в этот голубой туман, а дальше — провал.

Я потянулся к ручке двери. Она щелкнула, и этот звук разбудил Линду. Я скорее угадал, чем увидел, что она открыла глаза и села на сиденье.

— Где мы? — шепотом спросила она.

— Не знаю, — почему-то также шепотом ответил я.

— Я помню, как мы въехали в этот туман — и все.

— У меня то же самое. Надо выйти и осмотреться.

Мы вместе выбрались из машины и сделали несколько неуверенных шагов вперед. Пол, казалось, был металлическим, но этот металл почему-то мягко прогибался под ногами, но не весь, а лишь в том месте, на которое наступишь. Вокруг по-прежнему стояла тишина. Свечение, казалось, раздвинулось, приобрело форму купола, как если бы роившиеся в воздухе светлячки уселись на его поверхность. Но каких-либо предметов или подробностей различить не удалось.

Человек возник перед нами неожиданно. Он не вышел из какой-нибудь двери, не подкрался незаметно, даже не поднялся с пола — он возник прямо из воздуха, как призрак. Света сразу как будто прибавилось. Я разглядел, что человек одет в очень дорогой черный костюм, который к тому же прекрасно на нем сидит. На нем была белая крахмальная рубашка, черный галстук и начищенные до зеркального блеска черные ботинки. На вид человеку было лет тридцать пять. У него было приятное лицо с немного крупными чертами, прямые черные волосы аккуратно зачесаны назад.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга.

— Разрешите представиться: Томас Стрэнджерс. — Голос у него был низкий, бархатистый — ему бы в опере петь. — А вы можете не представляться, — добавил он, заметив, что я открыл рот. — Я и так знаю, что вас зовут

Джеральд Бикс, а вас — Линда Мэйфорд.

— Но...

— Я знаю, что вы хотите сказать. Вы хотите знать, что с вами произошло и где вы сейчас находитесь. Отвечаю по порядку: мы спасли вас от бандитов, которые вас преследовали, и переправили в безопасное место. Здесь вам ничто не угрожает.

— Благодарю вас. Мы очень признательны. Честно говоря, я уже думал, что нам конец. Потом этот голубой туман — и вот мы здесь. Если бы не вы...

— Да, теперь мы оба в неоплатном долгу перед вами.

— Ну что ж, если вы оба так считаете, то я могу предоставить вам возможность вернуть этот «долг». Тогда мы будем квиты.

Что-то не понравилось мне в этих словах. Здесь таился какой-то подвох. Но в конце концов эти люди, кто бы они ни были, спасли нам жизнь, так что теперь мы просто обязаны помочь им, если это будет в наших силах.

— Разумеется, мы с удовольствием окажем вам любую услугу.

Линда согласно кивнула, но при этом инстинктивно придвинулась ближе ко мне. Она тоже почувствовала что-то неладное.

— Вот и отлично. Присаживайтесь — и поговорим.

Мы с Линдой оглянулись. Позади нас стояли два мягких кресла округлой формы. Стрэнджерс опустился в точно такое же кресло, в какое-то неуловимое мгновение возникшее за его спиной. Мы последовали его примеру.

— Итак, вы согласны оказать нам одну услугу?

— Да... но чем мы можем вам помочь?

— Дело в том, что нам нужно то, что вы называете любовью. Точнее, не сама любовь, а ее энергия. Но это почти одно и то же.

— Не понял... Да кто вы такие наконец?!

— Ах да, с этого, конечно, следовало начать. Мы — это другая цивилизация. Наша звезда находится в Центральном Шаровом Скоплении, как вы его называете, с Земли она не видна. Но для вас это несущественно. Нам нужна энергия любви, и мы ее покупаем. На любых условиях.

— Но зачем она вам?

— Для межзвездных перелетов. Это единственный вид энергии, который может открыть выход в нуль-

пространство и обеспечить мгновенную переброску звездолета в любую точку Вселенной. Вот зачем нам нужна эта энергия.

— И вы хотите использовать для этих целей нашу...

— Да. У вас и мисс Мэйфорд очень сильное поле, мы уже проверили это. Такая его напряженность — большая редкость. Вы могли бы очень помочь нам.

— Но... это не отразится на нас самих?

— Нисколько. Мы берем лишь избыточную энергию. А ваше чувство не исчезнет.

От меня не укрылось, что слово «чувство» он произнес с некоторой долей сарказма.

— И мы должны будем покинуть Землю?

— Разумеется. Передавать энергию любви, или, как мы ее называем, эмфи-энергию, на расстояние мы еще не научились.

— Навсегда?

— Да, навсегда. Корабль будет настроен только на вас двоих, и перестроить его будет очень сложно. Но вы увидите то, чего ни разу не видел ни один человек Земли. Вам откроются новые миры, звезды, планеты, галактики!

Прямо в воздухе перед нами возник полупрозрачный экран. На нем вспыхнули ослепительно яркие звезды. Они заполнили все вокруг, надвинулись на нас. К нам приближалась багрово-красная планета. Огненные смерчи гуляли по ее поверхности, повсюду сверкали вспышки молний — это был дикий, еще только нарождавшийся мир.

Ее сменила другая. До самого горизонта простирался нежно-голубой песок, в зеленоватом небе сияли два солнца. По песку проносились какие-то гибкие существа — не то змеи, не то ящерицы, а может быть, что-то совсем другое.

Экран погас.

— Это лишь немногие из тех миров, которые вы сможете увидеть. И вы будете всегда вместе. Никто и никогда не разлучит вас. Подумайте. Я не буду вам мешать.

И он исчез, растаял в воздухе, как будто его и не было.

Мы с Линдой молчали. Нам нужно было время, чтобы опомниться. «Может быть, это мистификация?» — мелькнула мысль. Но это была не мистификация, я это знал.

Но что же тогда нам делать? Я инстинктивно не доверял этому Стрэнджерсу (у себя-то он наверняка носил другое имя) — была в его словах какая-то недоговоренность, что-то двусмысленное, недосказанное. А ведь если разобраться: чего он хочет? Чтобы мы с Линдой превратились в двигатель звездолета! Чтобы мы своей любовью переносили его в любую нужную им точку пространства. Космические рикши! Нет, господин Стрэнджерс или как вас там, не пойдет! И от смерти вы спасли нас только потому, что мы вам нужны. А были бы не нужны — лежать бы нам сейчас с простреленными головами на дне пропасти.

— Мир без любви.

Это сказала Линда. А ведь она права. Если бы у них была любовь, они не полетели бы за ней к нам, на Землю. Нет, наверное, была у них любовь, но только растратили они ее на межзвездные перелеты, сожгли в двигателях кораблей — а теперь вот и до нас добираются.

— Нет.

— Нет.

Перед нами вновь появился Стрэнджерс.

— Итак, вы отказываетесь.

— Да.

— Да.

— Напрасно. Подумайте как следует. Второй такой возможности у вас не будет. Мы только отберем из вашего эмпиполя лишнюю энергию — ну, как кровь для переливания. От этого ведь не умирают. И вы будете жить долго, намного дольше, чем на Земле — мы и это умеем.

— Нет.

— Нет.

— Мне не хотелось говорить вам этого, но придется.

В воздухе снова возник экран. На нем была дорога, по которой мы недавно (недавно ли?) мчались, спасаясь от людей Файкина. Шел дождь. Мокрое шоссе блестело в свете фар. Мы с Линдой снова были там, в моем стареньком «пежо». В зеркале заднего обзора виднелись все те же два черных «форда». Мы шли на предельной скорости, но они постепенно нагоняли нас. Поворот. Машину занесло. Я резко вывернул руль вправо, но было поздно — подвела мокрая дорога. На какое-то мгновение автомобиль за-

вис над обрывом, потом мелькнул скалистый склон, усеянное звездами небо — и все исчезло.

— Вот что будет с вами, если вы останетесь здесь. Вероятность — девяносто девять с половиной процентов. Наша машина не ошибается. Итак, выбирайте.

Мы с Линдой взглянули друг на друга.

— Нет.

— Нет.

В следующий момент все исчезло.

Мы снова сидели в машине. В небе сияло ослепительное солнце. На дороге никого не было, кроме нас. Не сговариваясь, мы выбрались наружу, жадно глотая свежий, напоенный солнцем и запахом сосен воздух. Кошмар кончился. Не было бандитов Файкина, не было зловещего пришельца. Нет, они были, но были где-то далеко, настолько далеко, как если бы их и вовсе не существовало. Сегодня же мы уедем из города, а там пусть люди Файкина нас поищут.

За поворотом послышался шум мотора. Сердце сжалось от тревожного предчувствия. Мы взглянули друг на друга и, не сговариваясь, бросились к машине.

Да, это были они. Но их я не боялся. Сейчас был день, и в небе сверкало солнце. Мы уйдем от них, обманем на развилке. Я был почти спокоен. Мы сделали правильный выбор. И все же... Ведь им там, наверное, очень плохо без любви. И не потому, что они не могут проникнуть в нуль-пространство. Без любви вообще плохо. И, может быть, мы смогли бы научить их любить?.. Нет, нас бы заперли в звездолете и не выпустили оттуда до конца жизни. А может быть, нет? И почему в конце на экране мелькнуло звездное небо? Ведь шел же дождь, на небе были тучи... Выходит... они обманули нас?! Не будет дождя, обрыва и последнего полета в пропасть, навстречу смерти? Жизнь продолжается?!

Да! Теперь я был уверен в этом.

И я выжал газ до упора.

Алексей Корепанов

ПО ЗАПОВЕДЯМ

Он возник передо мной словно ниоткуда — просто утренний воздух, внезапно сгустившись, облекся в высокую фигуру на повороте аллеи, у старого дуба. Его растрепанные волосы, усталое лицо, на котором время не поленилось поставить свои печати, не очень веселый взгляд и помятая одежда наводили на мысль о том, что прибыл он не из близких краев и проделал нелегкий путь.

Так и оказалось. Он был странником, бродягой по призванию, одним из тех непосед, память о которых почти стерлась у нас на Земле. Зачем тратить жизнь на странствия по далеким мирам, когда здесь каждый день поджидает множество самых разных дел?..

Он был странником. Его носило из мира в мир, по чужим зазвездным землям, и перехлестывающиеся потоки времени, как обычно, вытворяли свои непредсказуемые трюки, так что вернулся он совсем не на ту Землю, которую покинул когда-то в молодости. Он постарел на четыре десятка лет, а у нас успела уже смениться добрая дюжина поколений. Он вынырнул из потоков времени и вернулся — но это была ушедшая в будущее Земля.

Мы шли по аллее, ведущей сквозь тихий парк, и он говорил и говорил надтреснутым голосом, то и дело потирая утомленные глаза, он изливался, освобождаясь от наносов впечатлений, накопившихся за годы пути по чужим запретным пространствам. А я слушал. Мне было даже интересно слушать его, человека далекого прошлого, стершего ноги на зазвездных разбитых дорогах.

Он многое видел и многое понял. То, с чем он столкнулся в иных мирах, давало ему возможность и, наверное, какое-то право на обобщение. И теперь он делился со мной тем, что понял за годы странствий.

Добро и Зло, говорил он. Добро и Зло неотделимы друг от друга и не могут существовать друг без друга, как два полюса магнита, как правое и левое, как верх и низ. Для того чтобы получился хлопок, нужны две ладони — без двух ладоней не будет хлопка, то бишь существования.

Другое дело — пропорции, говорил он. Добра может быть (и должно быть) намного больше, но в любом Добре необходимо присутствие крупинки Зла. Иначе все закончится полным крахом.

Я слушал его, не перебивая, я не произнес ни слова, однако он словно почувствовал мой невысказанный вопрос и тут же дал на него ответ. Добро не должно стать абсолютным, сказал он, потому что тогда исчезнут критерии. Как можно знать, что такое «хорошо», не зная, что такое «плохо»? Как определить, что Добро — это Добро, если его не с чем сравнить?

Такое Добро непременно вновь породит Зло, грустно сказал он. И тонкие струйки воскресшего Зла, сотворенного по неведению, сольются в конце концов в неуправляемый черный поток, перед которым не устоит ни одно сообщество разумных существ.

Наверное, взгляд мой был слишком красноречив, потому что звездный скиталец тут же ополчился против моего скептицизма и принялся с жаром втолковывать мне, что это не домыслы, а факты, с которыми он столкнулся во множестве миров. За долгие годы он перевернул историю этих миров и убедился окончательно и бесповоротно: абсолютное Добро неизбежно порождает Зло, и это Зло почти всегда неудержимо. И самое страшное, с унынием сказал он, что возникшее из абсолюта Добра Зло ведет к еще большему Злу и никогда — к Добру...

У него был ужасно унылый вид, и я едва удержался от улыбки, глядя, как он страдает от собственных заблуждений. Бедняга, он принял за непреложное правило то, что правилом отнюдь не являлось. А если и являлось, то не столь категоричным, как представлялось ему. По-

тому что наш мир, который он покинул так давно, был исключением. Наш мир никак не вписывался в рамки мрачных умозаключений зазвездного бродяги.

И я с удовольствием сказал ему об этом, когда мы добрались наконец до выхода из парка. В утренней тишине, под ясным невесомым небом я сказал ему, что нам не грозит черный поток Зла, потому что у нас, слава Богу, Добро продолжает оставаться именно Добром и ничем иным. Мы живем по законам Добра, сказал я, и в меру своих сил боремся со Злом.

Его хмурое лицо посветлело и разгладилось от моих слов. Он слушал меня и молодел прямо на глазах.

Мы живем так, как призывал Христос, продолжал я. Мы помним Его слова: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный». Мы чтим Его заповеди и стараемся выполнять их. Как там у Иоанна? «Заповедь новую даю вам, да остерегайтесь друг друга; как Я остерегаюсь вас, так и вы да остерегайтесь друг друга...» И вряд ли, сказал я, что-то может заставить нас свернуть с этого пути.

Он молча хватал ртом воздух и во все глаза глядел на меня. Э-эх, вселенский бродяга, ты ошибся, приняв исключение за правило. Что ж, никто не застрахован от ошибок.

Солнце уже пробивалось сквозь листву и пора было двигаться дальше. Я еще раз притронулся к спрятанному в кармане оружию — этим утром мне предстояло разобраться с очередным ближним своим, пока он еще дома.

«Да убий».

Не так ли гласит шестая заповедь?

Украина, г. Кировоград

Кинни учился в предвыпускном классе. Ему было девятнадцать, и если он выживет после экзаменов, то год спустя ему позволят размножиться, а потом отправят в бой, который будет длиться без отдыха и перерыва, и ночью, и днем. Лучшие выпускники умудрялись выдержать целую неделю сражения, прежде чем их сжигали, взрывали, отравляли, испаряли, раздирали на куски или растворяли. Худшие гибли в первые же минуты. Но школа, в которой учился Кинни, считалась очень хорошей.

Войны становились все более техническими. Громады техники вставали против чужих точно таких же громад. Никто не мог победить никого. Ведь все, что сделано человеческим умом, может быть разгадано и побеждено им же. И лишь сам человеческий ум нельзя разгадать до конца. Поэтому в войнах снова стали использоваться люди.

Но если раньше люди воевали с помощью машин, то теперь ситуация перевернулась: машины стали воевать с помощью людей.

В школах не учили ни читать, ни писать. Никто из учеников не скучал на уроках и не смотрел в окно — в подземных бункерах окон просто не было, а отвлечение внимания наказывалось столь сильными электроразрядами, что потом провинившегося еще много недель дергали судороги. Экзамены проводили нерегулярно, но в среднем два раза в год. В

хороших классах выживаемость после экзамена была почти стопроцентной.

В школах ценился не ум, в старом понимании, а интуитивные способности. Малышей учили отгадывать, в какой чашке спрятан кубик и в какой сумке граната; детей постарше — видеть электрические схемы сквозь стальную обшивку, с первого взгляда разгадывать коды замков, усилием воли отклонять снаряды и поражающие лучи. Самые старшие учились выживать. Ведь от того, сколько дней или часов сумеет выжить боец, зависит, окупятся ли затраты на его обучение.

Сегодняшний экзамен был плановым — он проводился по расписанию. Задание давалось на простое выживание: сбежать на пересеченной местности от механических псов. Ничем, кроме разрывающих зубов, быстрых ног и приборов поиска псы вооружены не были. На каждого ученика выпускалось две стаи: одна начинала погоню за его спиной, а другая поджидала в засаде. Место засады, разумеется, не раскрывалось.

За час до экзамена класс принимал душ. Кинни пустил струю воды телепатически, не притрагиваясь к крану. Интуиция подсказала, что к трубе подано смертельное напряжение. В предвыпускном классе уже никого не проведешь на такой простой штуке. Сосредоточившись, он проигрывал в уме элементы будущей погони, пытаясь угадать, какой будет местность, где расставлены невидимые ловушки, самострелы, замаскированные ямы и обычные мины. Предсказание будущего удавалось ему неплохо. По предмету «предсказание опасности» его оценки никогда не опускались ниже четверки.

Темнота стала развеиваться: он увидел наклонное поле, сбегающее к реке; самой реки не было видно, но ее явно обозначали густые заросли. Там и сям среди поля торчали старые деревья, похожие на клены, но Кинни не стал расходовать энергию интуиции на определение их породы — достаточно и того, что всего одно из деревьев бутафорское и дает осколочный взрыв. Потом его интуиция слегка сбилась от волнения — вместо сканирования местности он увидел расширенный зрачок механического пса. Сам пес был неподвижен, но его зрачок пульсировал от нетерпения. Пес хотел крови.

Он вовремя заметил опасность. Струя воды в душе мгновенно сменилась струей соляной кислоты, бью-

шей с большим напором. Каждый успел остановить струю в воздухе — каждый, кроме Стивена, которому сильно обожгло затылок. У него всегда «тройки» по предмету «распределение внимания». Хочешь быть жив — хорошо учись.

Ожог оказался болезненным, задело шейные мышцы. Теперь Стивену придется бороться еще и с собственной болью. Шансов на жизнь гораздо меньше — ведь псы вооружены детекторами боли и просто бесятся, чувствуя чужую боль.

Каждый сдает экзамен в одиночку. Кинни вышел за ограду. У него есть минута. В этой ситуации большинство бросается бежать сразу, но Кинни выделил двадцать секунд на сканирование местности. Так и есть: взрывающееся дерево, кусты, которые, по всем приметам, станут хватать за ноги, но на самом деле безопасны, дождевой пруд, внизу заросли рябины, дорожка упирается в стену, но если разгадать шифр, то откроется дверь, за стеной болото, которое постепенно переходит в медленно текущую реку, а в реке полно ядовитых змей. Над всем этим утренний туман, совершенно настоящий, без малейшей примеси яда. Все так, как он и предчувствовал. Единственная неожиданность — распаханная земля, по которой невозможно бежать быстро. И открывающий шифр слишком прост.

Он бросился бежать, но не по дорожке, а к пруду, прямо по пахоте, и только это спасло ему жизнь.

Стивен так и не сумел овладеть своей болью. Ему досталось бежать под таким густым снегом, что не увидишь и собственной руки. Через несколько минут намело слой сантиметров двадцать, тут не особенно побежишь. Что было дальше, никто не знал, но от Стивена не осталось даже косточек. За упокой его души распили бутылку лимонада.

Два дня после экзамена назывались призовыми. Уроков не было, разрешалось играть на автоматах, отдыхать или искать возможности. Возможности были любыми, самыми фантастическими: некоторым легендарным личностям удавалось даже навсегда покинуть школу. Кинни сам не раз в младших классах выигрывал бумажные мешочки с конфетами, позже — фильмы, аттракционы или розыгрыши. Все вокруг — и стены, и потолки, и полы — представляло собой сплошные загадки, которые раз-

решалось разгадывать, особенно в призовые дни. Все это было устроено для того, чтобы даже в свободное время ученики не прекращали тренировать свою интуицию. Мечтой Кинни было выйти в коридор, все равно в какой, и попасть туда, где еще никто не был. За стенами полно коридоров, но слишком сложно в них проникнуть. Но в этот раз он выследил начало.

Коридор петлял, заворачивал и вверх, и вниз, он явно не был предназначен для людей. Местами он сужался так, что можно было продвинуться только ползком, а в двух местах образовывал сифон. Кинни вел коридор все дальше и дальше, казалось невероятным, что ему все же удастся разгадывать этот ход. В конце хода он ощутил присутствие женщины.

Он никогда не общался с женским полом. Женские группы удавалось видеть на общих праздниках, но с большого расстояния. Женщины приходили во снах, но не настоящие, а выдуманные, например, в прошлый раз он видел женщину с колбасой вместо груди — воображение, никогда не видевшее настоящего, прибавляло что попало. Он не знал, как выглядит настоящая женщина, но сейчас безошибочно чувствовал ее присутствие.

Они там были.

Он сосредоточился на нужном месте стены и лист обшивки отодвинулся. Коридор за стеной был освещен скрытым полусветом из бронированных плафонов и без единой ловушки, без подвохов и неожиданных штучек.

— Ничего себе, — сказал Очкарик, — куда это?

— К женщинам.

— Ты в них веришь?

О женщинах знали, но считали их менее реальными, чем привидения.

Но из коридора явно веяло женским телом.

— А это не женский класс, — сказал Толстяк.

— Кто?

— Это взрослые женщины.

Это могли быть производительницы потомства — лучшее из всего, что можно представить. Производительницы не предназначены для боя, они мягкие, податливые и знают все тонкости чувства. Это к ним пускают выпускников.

С ними можно встретиться только раз в жизни — разве что поможет сумасшедшее везение, как сейчас.

— Еще никто не открывал этого коридора, — осторожно сказал Рыжий.

Но с Кинни пошли только трое. Остальные испугались — не опасности, а самих себя.

Еще двое откололись перед первым сифоном, не захотели лезть в воду, хотя опасности не было и в помине. С Кинни остался только Рыжий. Они вышли в широкий просвет между двумя лестницами, услышали голоса и почувствовали запах табака. Голоса были не мужскими. Две женщины появились на лестнице вверху. Они были гораздо лучше, чем во сне. Они остановились и на секунду онемели от удивления.

— Мальчики! — сказала радостно одна.

— Они еще не умеют целоваться, — заметила вторая.

Женщины подошли. Кинни пытался определить на глаз их возраст, но не мог, потому что привык иметь дело лишь с мужчинами.

— Сейчас научатся, — сказала первая и быстро поцеловала Рыжего. Потом отстранилась. Рыжий был не в себе. Второй поцелуй оказался длинным, женщина обвилась вокруг Рыжего, как никогда не смогло бы сделать плотное мужское тело, она вся двигалась, ее руки и ноги шли по никогда не виденным, но узнаваем линиям. Вторая подошла к Кинни и расстегнула пуговицу на его груди.

Он метнулся вниз и сразу в сторону. Иглы, мгновенно выброшенные из ее лица, повисли безжизненными прядями. Она завывала и бросилась искать жертву, но Кинни уже ушел на безопасное расстояние. Та, которая присосалась к Рыжему, проросла иглами в него. Только что живое тело уже наполовину состояло из движущегося металла. Сбросив на пол остатки жертвы, раздувшийся андроид сыто хрюкнул. Кинни не стал ждать продолжения. Он нырнул в сифон, запечатал кодом заслонку, но окончательно успокоился только на полдороги назад.

Он сел на пол. Опасности не было. То чувство, которое заставило его увильнуть от андроида, было не сознательным и не разумным, а значит, было настоящим

чувством бойца. Так должно быть в бою: ты не успеваешь думать, когда на тебя направляют луч, но успеваешь отклонить его. Этой сверхфизической способности машины не смогут достигнуть никогда — потому они и нуждаются в людях. Есть в человеке нечто, чего никогда не достигнет машина, как бы она ни пыжилась. Это даже несравнимо. Это даже не кротовый холмик и гора. Это — цифра и музыка. Машина может создать сколько угодно струн и точно измерить их натяжение. Но человек — это музыка, которая может верно звучать на фальшивых струнах и вообще без струн. Есть нечто, отличающее нас от машин больше, чем жизнь отличается от смерти. Я пока не знаю, что это, думал он, и наверное, никогда не узнаю. Железяки никогда не смогут обойтись без нас.

Он еще раз сканировал пространство. Поблизости могло бы быть еще одно ответвление. Хотя достаточно приключений. То, что случилось только что, было еще одним экзаменом, неожиданным и быстрым. Такая спешка могла означать только одно: дела на фронте идут туго и срочно нужны бойцы. Последний год доучиваться не придется.

Не поднимаясь и не меняя позы, он стал искать мыслью боковой туннель. Вначале девяностометровый колодец вниз, стены каменные, бывшая пещера, потом уступ и лаз, и дальше чрез вытяжку в комнату. Сейчас все еще идут призовые дни. Значит, многое разрешено.

Он раздвинул стену простым усилием воли. Изюминка в том, чтобы сделать правильное усилие. Мозг человека умеет черпать ответы из ничего. Это вам не машина, которая просто из одной цифры выводит другую.

Комната, куда он пришел, была очень важной. Это понятно просто по состоянию воздуха — он пропитан важностью принимавшихся здесь решений. Вдоль всей стены стоит картотека, предназначенная для человеческих пальцев. Здесь все еще работают живые люди — значит, эта точка стратегически важна.

Не глядя, он сразу же нашел списки своего класса. Фотография Рыжего уже содрана. Быстро работают. Не удержавшись, он открыл другой ящик, с фотографиями женского класса. Девушка на первой же фотографии оказалась голой. Его два раза подряд ловят на тот же крючок.

Но в этот раз машина подготовилась лучше. Цифры не спешили. Потолок над головой Кинни надулся большой восьмеркой и металлическая цифра весом в несколько тонн опустилась на то место, где он только что стоял. Этот удар был слишком медленным, значит, будут и другие. Из пола выдвинулась трехметровая железная тройка, заточенная как лезвие, и не спеша прошла через всю комнату. Затем раскаленная семерка появилась из стены.

Время между ударами сокращалось в геометрической прогрессии. Кинни метался между убивающими цифрами, едва уворачиваясь, но новые и новые цифры двигались все быстрее. Металл уже начинал задевать. На плече содрана кожа, рубашка распорота, живот в крови. И вдруг он расслабился.

Та музыка, которая жила в нем, нашла свой ритм. Он перестал анализировать; его тело делало абсолютно нелогичные броски, опережая цифры на несколько ходов. И вдруг само бросилось прямо на лезвие ножа в виде закаленной до сини стальной единицы.

Он нашел себя в вертикальном туннеле. Вверху виднелось отверстие. Быстро поднявшись по поручням, он оказался на поверхности. Это была настоящая поверхность Земли. У самого люка стоял вездеход с боевым андроидом на переднем сиденье.

— Сюда! — приказал андроид.

— Это был последний экзамен? — спросил Кинни, — самый последний, правильно?

— Твое обучение сократили на год, — ответило существо, — потому что ты уже вполне готов.

— Я смогу выбрать себе женщину?

— Тебя размножат небиологическим путем. Возиться некогда.

— Я не согласен.

— Никто не спрашивает. В машину.

— Я не стану воевать.

— Станешь.

Вездеход шел довольно быстро. За первым же перелеском стали заметны следы боев: скопления техники здесь и там. Через час езды техники стало так много, что вездеход очень замедлился и лавировал в узких проходах

между многоэтажными башнями металла. Наконец он вышел на дорогу, идущую поверх металлических скоплений. Здесь, ближе к фронту, боевые машины стояли без промежутков; вскоре они слились в единый металлический панцирь, выезженный до блеска множеством колес. Сияло солнце. Дорога продолжала подниматься — слой машин внизу становился все толще. Наконец потянуло гарью.

Машина остановилась на краю стального обрыва. Пропасть просвечивалась вниз метров на двести — двести пятьдесят. Подножие механического утеса было скрыто в облаках огня. Море живого огня покрывало землю — там шел бой. Вдалеке, километрах в пятнадцати, виднелся точно такой же стальной фронт противоположной воюющей стороны. Наверху воздух был совершенно чистым и прозрачным. — Сюда! — приказал андроид.

Его спустили лифтом до уровня огненного шторма. Его кабинка была новенькой и пустой. Аппаратура позволяла видеть сквозь огонь. Снаряды, лучи, отравляющие заряды, распылители и прочее летало плотными тучами. Кинни легко отклонил первых нападавших. Он мгновенно включился в бой. Жаль, что ему не дали отдохнуть. Тогда бы он смог продержаться дольше. Но они знают, что делают. Нет, это не по правилам. Мне должны были дать отдых и несколько дней с женщиной. Меня должны были подготовить. И мне еще положено шесть призовых дней после экзаменов. Так нечестно.

Правильное решение пришло само.

Через несколько секунд будет выпущена торпеда со спиральным набором мощности. Кинни почувствовал это заранее. «Держитесь, сволочи!» — подумал он и направил торпеду по самой опасной спирали. Когда торпеда врезалась в его кабинку, направленный взрыв разрушил машину на сорок метров в глубину.

Кинни почувствовал удовлетворение и задумался — как может чувствовать мертвец. Даже не мертвое тело, а сгоревшие и распыленные его останки. Его уже не было, ведь он направил торпеду прямо в себя. Значит, мысль живет еще несколько секунд после смерти тела. Интересно.

Он почувствовал себя одновременно очень большим и очень маленьким. Вначале это состояние было

таким необычным, что тело, или нечто вместо тела, казалось мигающим — то большое, то малое, то снова большое. Большое становилось все больше, а малое все меньше, и наконец две противоположности слились. Он снова обрел зрение и увидел себя летящим над полем битвы.

Две параллельные стальные стены тянулись на тысячи километров, а между ними клубилось огненное море. Но все это не имело ровно никакого значения. То, что отличало его от мертвых цифр, наконец оформилось, осознало себя и обрело свободу. Сколько бы ни пыжилась машина, она никогда не обретет дух. И как бы ни унижали человека, дух всегда при нем. И под страхом смерти, и после смерти. Смерти нет — есть просто конец экзамена. Вся жизнь на Земле была очередным экзаменом — экзаменом, который сдают все, экзаменом, после которого выживает каждый. Только оценки разные.

Он бросил последний взгляд на слепую Землю и поспешил навстречу тем, чьи фотографии сорваны с бланков. Тем, кто сдал экзамен раньше него.

Александр Громов

БЫТЬ ПРОЩЕ

Неживому сюда хода не было — в подземных галереях роботов плющило в титановые блины, опрокидывало в чаны с кипящей кислотой, плавило в спонтанно возникающих высокочастотных полях, вмораживало в глыбы твердого воздуха, било молниями, простыми и шаровыми. Для человека подземелье готовило иные сюрпризы.

Во-первых, оно разговаривало с ним. Во-вторых, в отличие от робота очень удачливый человек теоретически мог избежать смертельных ловушек и дойти до цели. Во всяком случае, подземелье сообщало об этом всякому входящему. Лгало оно или говорило правду, до сих пор оставалось невыясненным — за сотни лет ни один вошедший еще не вернулся назад живым подтверждением сказанному.

Правда, кое-что было известно и так. Легенда, считавшаяся правдоподобной, говорила о том, что давным-давно, более двух тысячелетий назад, когда отравленная до предела Земля перестала поддерживать существование живых существ и более обеспеченная часть населения предпочла покинуть ее, предоставив менее обеспеченной части вымирать естественным порядком, некий эксцентричный триллионер, входивший в тройку самых богатых людей обитаемой Вселенной, обратил половину своего состояния в неисчислимые вещественные сокровища, скрыв их в толще скандинавских гранитов. Вторая половина триллионов пошла на создание пресловутой пещеры Али-Бабы, куда более совершенной, нежели та, что была выдумана невежественными арабскими сказителями. Зачем — вопрос без ответа на

уровне логики. Быть может, только для того, чтобы люди когда-нибудь вернулись на Землю. Согласно той же легенде, сам триллионер эмигрировать отказался.

Подземелье, если ему верить, жило своей жизнью, углубляя и перекраивая себя. Топография ходов менялась, пропадали старые ловушки и возникали новые. Чертежи, если бы их и удалось передать на поверхность, были бесполезны.

Взломать? Пытались, и не раз. Как правило, подземелье уничтожало взломщиков, доказывая тем самым, что умеет убивать не только внутри себя. Гибли механизмы и люди, плавилась стенка прорубленных штолен. Подземелье вовсе не объявляло себя всесильным в грубом лобовом противостоянии и, наверное, способ взлома все же существовал. Но искать его перестали после того, как было получено внятное предупреждение: в крайнем случае подземелье уничтожит самое себя.

Вместе с сокровищами.

Снаружи бушевала радиоактивная метель. Где-то позади остался космический челнок, лишь писком радиомаячка обнаруживая свое присутствие. Челнок был взят напрокат, заложенная в него программа приказывала ему взлететь и лечь на обратный курс в том случае, если пилот не вернется на борт спустя трое суток.

Зев пещеры оказался узок и высок, как готическая арка. Защитное поле пропустило человека, счистив с него радиоактивную и химическую грязь. Человек усмехнулся: сколько раз он наблюдал это в записи! Он замедлил шаги. Теперь должен был зазвучать Голос подземелья, очень хорошо знакомый ему Голос, многократно проанализированный всеми мыслимыми способами, но не давший и подобия ключа к разгадке. Да и могло ли быть иначе? Возможно, создатель подземелья и был сумасшедшим, но он не был дураком.

И Голос раздался — надтреснутый, похожий на стариковский. Большинство экспертов сходилось во мнении, что подземелье подстраивалось под тембр своего давно умершего и истлевшего создателя.

— Стой.

Человек послушно остановился. Как многие другие, вошедшие сюда до него. Все было правильно.

— Ты желаешь богатства?

Ненужный, чисто ритуальный вопрос. Человек ответил утвердительно. Если бы он сказал «нет», подземелье просто не пропустило бы его дальше. Такое изредка случалось.

— Ты готов рискнуть?

— Да.

И опять ненужные слова. Многие, очень многие хотели рискнуть. Правда, некоторые из них поворачивали назад, услышав предупреждение.

— Ты видишь черту на полу?

— Только ее и вижу, — честно ответил человек. Мерцающий туман за чертой, несомненно, удерживаемый каким-то полем, мешал увидеть глубину подземелья. До сих пор все попытки локации оказывались безуспешными. Что ж, везде свои правила, а хозяин — барин...

Главное, чтобы игра шла по правилам. Без шулерских шуточек.

— Скоро увидишь и остальное. Но прежде чем пересечь черту, ты должен оставить здесь все оружие, все инструменты, связные и сканирующие устройства любого типа. Нарушение этого правила карается немедленной смертью. Ты понял?

— Нет ничего такого, даже имплантированного, — сказал человек. — Только одежда и фонарик.

— Фонарик можешь оставить при входе, — милостиво разрешил Голос. — Он не пригодится.

Новость. В тех записях, что человек внимательно изучил перед тем, как отважиться на попытку, подземелье ничего не говорило соискателю об источниках света. А его вот предупреждает... Одно из двух: либо внутри достаточно светло, и тогда выходит, что подземелье симпатизирует ему, раз дает подсказку... либо оно лжет.

— Не бойся подвоха, — сказал Голос. — Я играю честно.

— Ты читаешь мысли? — с беспокойством спросил человек.

— Нет нужды. Я вас хорошо знаю. Слушай правила игры: ты идешь и находишь то, что тебе нужно. Я мешаю тебе, используя базовый набор средств и не придумывая специально для тебя новых приемов. Двигаться можно только вперед. Если после пересечения черты ты повернешь назад, я уничтожу тебя немедленно. Если ты повернул

или почему-либо не дошел — ты мертв, и игра заканчивается. Если ты добрался до хранилища, игра также заканчивается, но уже твоей победой, и ты получаешь право опустошить хранилище...

— Только право или и возможность тоже? — перебил человек.

— Здесь права гарантированы. Сейчас у тебя есть право попытаться. Ты принимаешь условия игры?

Еще бы не принять! Три года подготовки, груды видео-записей, сотни часов на имитаторе, психотренинг, искусственно подстегнутые рефлексy, сильные и сухие, как у йога, мышцы... А главное, исчерпанный банковский кредит и невозможность выбиться из нищеты иным способом. Даже деньги на аренду челнока пришлось занять у друзей, обманув их насчет целей займа — кто же согласится кредитовать самоубийцу!

Еще три года назад он знал, что в конце концов явится сюда и скажет «да». Но только теперь по спине побежал холодок.

— Я хочу задать вопрос, — сказал человек. — У меня действительно есть шанс?

Ему показалось, что в глубине подземелья кто-то хихикнул.

— У тех, кто вошел сюда до тебя, тоже был шанс. Задача имеет решение, это все, что я вправе сообщить. И у грoс-смейстера можно выиграть. Теперь решайся или уходи. У тебя одна минута.

— Я согласен.

Как вниз с обрыва, не видя дна. Короткая дрожкая судорога — и спокойствие. Нормальная настороженность и уверенность в конечной победе. Будь проще, здесь некогда раздумывать. Действуй не колеблясь. Убей в себе страх — он союзник твоего врага.

Человек пересек черту на полу. Теперь он был невидим для тех, кто мог бы наблюдать за ним с той стороны черты. Если бы там кто-то и остался, он ничем не смог бы помочь, как уже не могли помочь просмотренные видеозаписи предыдущих попыток. Так входили в подземелье его предшественники. Входили, надеясь только на себя. И не возвращались.

Человек не дерзнул сделать шаг назад, но пощупал рукой. Позади была твердая, скользкая на ощупь стена. Назад хода не было.

Что ж, все по правилам...

Почему-то казалось, что силовая стена, отделившая его от внешнего мира, должна быть непременно прозрачной с этой стороны. Как издевка подземелья: мол, смотри, запоминай напоследок... На миг захотелось обернуться, но человек сейчас же отогнал неуместное желание. Вряд ли любопытные живут здесь долго. Ежесекундно готовый отпрянуть, ускользнуть, обмануть ложным движением, он сделал шаг, другой...

Здесь не было мерцающего тумана. Пещера суживалась, превращаясь в прихотливо изогнутый туннель с гладкими стенами. Стены неярко светились; иногда по ним пробегали радужные сполохи. Да, фонарик действительно не нужен...

Третий шаг. Четвертый. Пя...

Первая ловушка была явно рассчитана на круглого дурака: огромный чугунный молот весом, наверное, в тонны две, почти не замаскированный, падал сверху, стоило жертве наступить на определенный квадратик мозаичного пола. Падал он с важной медлительностью, и только паралитик не успел бы отскочить в сторону.

Удержанный неизвестно чем, молот не коснулся пола. Завис как бы в нерешительности, затем пошел вверх и втянулся в распахнувшийся в потолке люк.

— И это все, на что ты способен? — с усмешкой спросил человек.

Голос молчал.

Пожав плечами, человек двинулся дальше. Если здешние ловушки все такие... Нет, конечно же, нет! Подземелье элементарно усыпляет бдительность. Старые штучки. Надо думать, одна-две следующие ловушки будут столь же несерьезными, зато потом — держись! И вовремя реагируй. Жди подвохов. Будь иначе — кто-нибудь уже давно добрался бы до хранилища.

Узнать бы: что в нем? Если металлы типа золота, платины или, допустим, трансуранидов, то их сегодняшняя рыночная стоимость никак не исчисляется триллионами — в лучшем случае сотнями тысяч. Тоже неплохо,

конечно, но... не то. А если там драгоценные камни, то и того хуже — дешевка по нынешним временам. Время идет, технологии развиваются...

Иное дело — сокровища искусства. Вряд ли сумасшедший триллионер был настолько слабоумным, чтобы не понимать, какие виды сокровищ со временем обесцениваются, а какие, напротив, дорожают и дорожают.

Или, например, древние тайные знания. Легенда гласит, что тот триллионер прожил двести лет. Врет, наверное. А если не врет?.. Рецепт долголетия стоит триллионов. Ну что такое сегодняшние сто двадцать лет средней продолжительности жизни? До обидного мало. Продавать желающим лишние восемьдесят лет да еще прослыть при этом благодетелем рода человеческого — ого!..

Шаг. Еще шаг. Еще...

Одиннадцать шагов обошлись без сюрпризов. На двенадцатом из стены выскочил тонкий хлыст, свистнул низко над полом.

Человек подпрыгнул чуть позже, чем следовало, но все же не фатально поздно. Описав круг, хлыст мгновенно втянулся в стену, а на мозаичный пол мягко упал аккуратно срезанный ломтик подошвы. Человек мысленно чертыхнулся: все-таки задело... Страшно было подумать, что случилось бы с ним, опоздай он подпрыгнуть. С той же легкостью срезало бы ноги. Лежал бы здесь, корчась, истекая кровью, исходя бессмысленным криком... Нет сомнения: некоторые из соискателей погибли уже здесь.

Правда, нигде не видно останков расчлененных неудачников — ну так что с того? Наверняка квазиразумное подземелье само заботится о поддержании чистоты внутри себя. Денег на него было ухлопано предостаточно. Кроме того, груды останков предыдущих соискателей недвусмысленно указывали бы последующим на опасные места.

Секунда — и новый хлыст рассек воздух выше предыдущего. Рефлексы оказались быстрее разума и сработали правильно: не пытаться перепрыгнуть, а упасть ничком, пропустив хлыст над собой. Сейчас же мозаичный пол начал крениться, как палуба судна, попавшего в шторм. Большой фрагмент пола быстро поворачивался на шарнире, готовясь сбросить человека в открывшийся черный про-

вал. Что там внизу — кислотная ванна? вращающийся шнек мясорубки? бездонный колодец, в который падать и падать, воя от ужаса? Если бы человек и успел подумать об этом, то его мысли все равно не имели бы никакого значения.

Он оттолкнулся одной ногой от пола, другой от стены и перелетел за кренящийся фрагмент. Упал, перекатился, вскочил. Нырнул вперед, уходя от струи огня, внезапно вырвавшейся из стены, сгруппировался, ушмыгнул вбок от падающего сверху лезвия гильотины, в прыжке пролетел сквозь неизвестно откуда взявшееся пылающее кольцо. Что-то подсказало: вне кольца пути нет.

— Неплохо, — снисходительно поощрил Голос.

«Посредственно», — мысленно поправил человек. На тренажере у него получалось лучше. Подумаешь — четыре ловушки одна за другой! А десять не желаете ли?

Он проходил и двенадцать ловушек кряду — не всякий раз, но как правило. То, что ему продемонстрировало подземелье, было сущей чепухой по сравнению с виртуальным тренажером-имитатором. Правда, в виртуальном пространстве подземелье не могло его убить, причиняя при ошибках лишь боль и — иногда — стигматы, шутки подсознания в виде рубцов и ожогов на теле. По правде говоря, и с виду виртуальное подземелье не очень-то походило на настоящее, но кто может похвастать, что видел его, настоящее? В смысле, кто видел подземелье и сумел вернуться, чтобы описать его создателям тренажера? Никто. По условиям игры вернуться можно только с сокровищем, и если бы кто-то вернулся, тренажер потерял бы главный смысл, превратившись в заурядную виртуальную игрушку. А хорошие, однако, бабки заработали на дураках создатели тренажера... Впрочем, хорошие бабки только на дураках и зарабатываются...

Наплевать, подумал человек. Он почти не запыхался. А что сердце стучит и ладони вспотели, так это от естественного волнения. До усталости еще далеко. Как бы ни был тренажер далек от реальности, главному он научил. Скорости. Реакции. Выносливости. Интуиции. Пожалуй, ничего другого здесь не требуется.

Ну, вперед!..

Спустя тридцать минут человек был еще жив. Правая щека горела от ожога, одежда превратилась в лох-

мотя, на боку и предплечье красовались сочащиеся кровью порезы. К счастью, внезапно выскочившие лезвия, от которых человек почти — вот именно, почти! — успел увернуться, оказались без яда.

На тридцать первой минуте погас свет.

Упав, вжавшись в пол, человек услышал, как что-то привычно свистнуло над головой. Вскочить он не успел. Кто-то грузный, тяжело сопящий навалился на него сверху, нащупал горло и стал душить.

Ударив вверх локтем и попав, как видно, в солнечное сплетение, человек на секунду добился ослабления хватки. Ужом извернулся под противником, ударил еще, целясь в пах, сам получил удар головой в лицо, но сумел сбросить с горла узловатые пальцы душителя, а затем и выползти из-под давящей тяжести. Вскочил. Неизвестный тяжело дышал где-то рядом и, похоже, также поднимался на ноги.

В крошечной темноте человек провел наугад три сокрушительных удара и двумя из них попал. Неизвестный взвыл от боли, затем захрипел.

Стены коридора вновь осветились.

Никого. Человек оглянулся. В самом деле — никого... Коридор здесь прямой, противник не мог так быстро убежать. Разве что втянулся в стену...

— Ну и фокусы у тебя, — сипло и зло сказал человек, с трудом ворочая шеей.

— В рамках правил игры, — немедленно отозвался Голос. — Я не выдумывал для тебя ничего нового.

— Что же ты, сволочь, — сипло укорил человек, с трудом ворочая шеей, — сказал, чтобы я оставил при входе фонарик? А сам свет гасишь! Это тоже в рамках правил?.. Что молчишь?

— Нет, — согласился Голос после паузы. — Это не в рамках правил. Это подсказка. С фонариком ты не добрался бы до этого места.

— Почему? — выкрикнул человек.

— Потому что на сто девятом метре...

— Я не о том! Почему ты дал мне подсказку?

— Почему бы нет? Ты недоволен? Разве твои шансы уменьшились? Да и мне интересно посмотреть. Обид-

но, когда соискатель гибнет слишком рано. Кроме того, в последнее время соискателей становится все меньше.

Обидно ему... Интересно, видите ли, посмотреть! Быть может, верен тот вариант легенды, согласно которому безумный триллионер скопировал в квазиживые мозги подземелья свое собственное сознание? Старческое какое-то любопытство, нездоровое...

Наплевать. Вперед!

Шаровая молния, летящая в лицо со скоростью пушечного ядра... Уклониться. Пляшущая сеть электрических разрядов... Проскользнуть.

Дальше была развилка. Два одинаковых коридора — правый и левый.

— Может, подскажешь? — спросил человек. — Теперь куда?

— Тебе решать. Но идешь ты хорошо, я прямо люблюсь...

— Ну-ну, любуйся. А лучше бы дал совет.

— Один путь длиннее, другой короче.

Ага, значит, к цели приведут оба. Это главное.

Словно гора с плеч. Мучительный выбор между жизнью и смертью превратился в смехотворную дилемму: какой рукой лучше почесать затылок, правой или левой?

Правой.

Десять шагов. Ничего. Еще десять. Еще пять...

Гудящий рой крупных ос. Шершни. Стремительные убийцы. Нечто подобное было и на имитаторе, только вместо шершней там гудели мутированные москиты — каждый с воробья.

Все равно любой укус здесь смертелен. Один-единственный укус.

Рой распался на множество черных точек. Они атаковали с невероятной быстротой.

Первым побуждением человека было метнуться назад, но он вовремя вспомнил предупреждение. Нет, назад нельзя. А если вперед?..

Рывок!

Осы пронеслись сквозь него, не задев. Их грозное слитное гудение слышалось теперь позади и удалялось.

Морок, с облегчением понял человек. Голограмма. И сию же секунду гудение стало стремительно приближаться вновь.

Человек побежал.

Он был почти уверен, что теперь за ним гонятся не бес-
телесные изображения, а настоящие крылатые убийцы. Де-
сять против одного... Неопытный игрок, воображающий себя
шибко умным, тут и проиграл бы свой шанс, а с ним и жизнь.
А надо быть проще. Обмануть, усыпить бдительность и уда-
рить насмерть — это так просто, так понятно, так по-чело-
вечески...

Он с разбегу перепрыгнул огненную ловушку. Дальше
был зал. И — круглый бассейн в центре зала.

Шершни настигали. Сделав отчаянный прыжок, человек
перелетел через парапет и нырнул в бассейн.

В воду! С головой, с ногами! Чтобы ничего не торчало.
Возможно, эти твари способны жалить через одежду и даже
обувь, но они заведомо не умеют нырять...

Слой воды оказался толщиной в пядь. А ниже — вязкий,
засасывающий ил.

Человек попытался забарахтаться, но не сумел: илистая
трясина держала крепко, сковав и медленно заглатывая.
Мошка в янтаре — и та имела больше шансов выбраться из
плена.

Человек взвыл от злости, выпустив цепочку пузырей. Сам
прыгнул в ловушку! Сам! Так глупо попасться!

Чья-то когтистая лапа, погрузившись в трясину, ловко
выудила его и швырнула на каменный парапет. Сверху низ-
вергнулись потоки воды, смывая с тела липкую грязь.

Человек задыхался. Если бы на него лилась не вода, а
царская водка, он не нашел бы в себе сил двинуться с места.

Шершни куда-то исчезли. Зато на каменной тумбе перед
ним сидел Сфинкс, глядел на мокрого оборванца и точил о
тумбу когти. Кисточка львиного хвоста подрагивала от не-
терпения, но женское лицо было равнодушно. В умело под-
крашенных глазах Сфинкса стыл лед.

Что больше всего поражало, так это полное соответствие
имитатору. Там тоже был Сфинкс. И надо было отгадать
загадку.

— Отдышался? — Голос Сфинкса был начисто лишен
эмоций. — Если нет, я подожду еще. Но недолго. Потом ты
должен будешь ответить на три вопроса.

— Почему на три? — недовольно спросил человек.

— Ты правильно ответишь на три вопроса, и только тогда продолжишь путь, — сказал Сфинкс. — В противном случае твой путь тут и прервется. Я не спрашиваю тебя, согласен ты или нет. Твоего согласия не требуется. Ты готов?

Человек со вздохом покрутил головой.

— Ладно... Задавай свои вопросы.

— Вопрос первый: для чего ты живешь?

Ничего себе вопросец... Во-первых, жить довольно приятно. Во-вторых, родители как-то не спрашивают детей, хотят ли те родиться. Родили — и живи себе, вот и весь ответ.

Вот только удовлетворит ли такой ответ Сфинкса? Пожалуй, что нет. Вот ведь гадина, гибрид, музейный урод с философским уклоном!..

— Я жду, — напомнил Сфинкс, подняв львиную лапу к самому лицу человека. Из мягких подушечек медленно выдвинулись стальные когти.

Вцепиться в эту лапу, рвануть на себя, швырнуть чудовище через бедро было делом полусекунды. В бассейн его! В трясину! Тяжелый, гад...

Сфинкс заревел совершенно по-львиному. Затем трясина сглотнула его. На поверхность выскочило несколько крупных пузырей — и все.

Человек перевел дух. Огляделся. Подземелье не реагировало.

— Это по правилам? — спросил он на всякий случай.

— Вполне, — ответил Голос. — Правила здесь задаю я. Некоторые думают, что это не так, но они ошибаются.

Человек поморгал. Это что выходит такое? Ловушка здесь может обладать свободой воли? Даже часть ловушки, потому что Сфинкс, бассейн и шершни — одна и та же ловушка, только сложная...

Но ведь в тех же пределах и соискатель обладает свободой воли. Так что, пожалуй, все справедливо. И подземелье играет по правилам, поскольку выход из ловушки все же нашелся!

Простейший выход, между прочим. Интеллектуал попытался бы ответить на вопросы — и наверняка проиграл бы. Здесь, как и везде, надо быть проще...

Других ловушек в зале не оказалось. Человек с удовольствием отдохнул бы на парапете бассейна, но

особенно расслаиваться не стоило. Кто знает, какой сюрприз приготовило подземелье на данный случай.

Новый коридор. Целые заросли сверкающих лезвий, скрешивающихся на манер ножниц... Свист разящего хлыста... Шкворчащие струи расплавленной меди... Тихий шелест летящего диска с бритвенно-острыми краями, нацеленного точно в горло...

Упасть. Перекатиться. Перепрыгнуть. Увернуться. Рвануть вперед.

Кто сказал, что у гротмейстера невозможно выиграть?

Коридор заканчивался тупиком. Человек оскалился в усмешке: знакомые штучки... Хранилище, наверное, совсем рядом, надо только догадаться, как открыть эту стенку, и решение наверняка будет простым, как мычание. Быть может, просто боднуть ее головой? А ну, Сезам, откройся!..

— Не споткнись, — иронически посоветовал Голос. И в этот момент человек споткнулся.

Он почувствовал, что скользит куда-то вниз, в темноту, и едва успел сгруппироваться, как падение прекратилось. Он лежал в большой камере на чем-то жестковатом, но упругом. Наклонный лоток, по которому он только что скользил, уже успел втянуться в круглое отверстие над головой. Миг — закрылось и отверстие.

— Ты пришел, — возвестил Голос.

— Куда? — спросил человек, оглядываясь. — Это не хранилище.

— Это отстойник. Или могильник, если тебе угодно. Сюда попадают такие, как ты. Восемнадцать процентов вошедших. Мне уже трижды приходилось расширять это помещение. Второй отстойник — дважды. Там остаются десять процентов соискателей. Видишь ли, левый путь от развилки длиннее и сложнее, не все доходят...

Человек сглотнул. Облизнул потрескавшиеся губы.

— Значит... — он не сразу выговорил страшное слово, — я проиграл?

— Не всем же выигрывать, — снисходительно сказал Голос. — Кстати, на твоём месте я бы не вставал. Нехорошо топтать покойников.

Человек дико возрился на то, что лежало под ним.

Мумии... Коричневые ссохшиеся мумии с провалив-

шимися глазницами, жуткими осками, мочалками свалывшихся волос на туго обтянутых черепах... Мумии друг на друге. Слоями.

Неужели и его судьба стать такой же мумией? И пружинить под следующим неудачливым игроком? Нет... Нет!!!

— Здесь сухо и нет ни микробов, ни грибов, — продолжил Голос. Наверное, он все же читал мысли. — Я бы мог кремировать тела проигравших игроков, но, по-моему, хранить их мумифицированными чище и гигиеничнее...

— Ты обманул меня! — закричал человек. — Я дошел! Твои ловушки ничего со мной не сделали! Где хранилище?

— Показать тебе? Смотри.

В воздухе сгустилось изображение. Условная человеческая фигурка стояла по стойке «смирно» под опускающимся на нее молотом и не делала попыток увильнуть в сторону. Первая ловушка, самая первая и самая глупая, не увернуться от которой умудрился бы только паралитик...

Молот едва коснулся головы фигурки. В тот же миг фигурка провалилась в люк. Сокровища были там. И какие сокровища! Нет, они не обесценились за минувшие тысячелетия, они даже выросли в цене...

Сокровища лежали у входа. А он... он, как дурак, прошел весь путь, обманывая ловушки, уворачиваясь, финтя, сражаясь до последнего... и зная, что обратного пути нет.

— Это нечестно! — завопил человек, размахивая руками. — Не по правилам!

— Ты слышал правила игры, — возразил Голос. — Могу повторить. Разве в них было сказано, что ты должен пройти все подземелье из конца в конец?

Человек сплюнул. Оскалился, и оскал его был страшен, но бессилен. Он проиграл. Подземелье перехитрило его, обвело вокруг пальца. Элементарно надуло!

— Зачем же вся эта... бутафория?

— Почему бутафория? — Голос, казалось, удивился. — Ловушки настоящие. Почему ты решил пройти их все — спроси у себя, ведь ты человек, а я только механизм. Но ты, вероятно, хочешь спросить, почему я не убил тебя сразу, как только ты миновал хранилище? А меня ты не берешь в расчет? Должен же я был получить удовольствие,

наблюдая за тобой. И я его получил. Некоторые из твоих предшественников шли лучше тебя, но и ты шел неплохо...

Человек обхватил голову руками и замычал, раскачиваясь.

— Вы вечно говорили, что надо быть проще, — вещал Голос, — и вели себя соответственно. Проще не думать, чем думать. Проще выбросить вещь на помойку, чем отремонтировать ее. Проще напрячь кого-нибудь, чтобы изобрели новую штуковину, позволяющую не двигаться, нежели самим пошевелить конечностью. Проще поддерживать в тонусе дряблые мышцы на тренажере, чем колоть дрова и таскать воду из колодца. И уж куда проще, загадив свой дом, переехать в соседний, пустующий, чем заняться уборкой. На том вы всегда стояли, на том стоите и сейчас. Быть проще, еще проще! Но даже этого вы не умеете...

Голос смолк. Человек пошевелился, встал на жесткое, слегка пружинящее. Под его ногами слоями лежали сухие мумии проигравших игроков. Иные — в странных позах. Похоже, перед смертью они пытались укунить собственный локоть.

Октябрь 2001

РОМАНЫ

В недрах журнала «Если» было создано загадочное издательство «Новая Космогония», и вскоре содрогнулись любители фантастики от обилия необычных и малодоступных книг, явленных миру...

Перед вами лишь вершина айсберга, неумолимо надвигающегося на «Титаник» современной фантастики.

В планах «Новой Космогонии» — авторы известные и не очень, новые романы и старые проблемы таинственных проекты, о которых мир скоро узнает...

Что это? Мистификация хитроумной редакции «Если»? Некое тайное послание? Раскрытие реального проекта?

Читателю предоставляется возможность самому ответить на эти вопросы.

- © О. Добров, 2001
- © Д. Володихин, 2001
- © В. Борисов, 2001
- © М. Галина, 2001
- © С. Питиримов, 2001
- © Н. Мазова, 2001
- © П. Лачев, 2001
- © В. Гончаров, 2001
- © С. Некрасов, 2001
- © В. Каплан, 2001
- © Д. Байкалов, 2001
- © А. Синицын, 2001

Первая ласточка

Роман Дмитрия Крюкова «Пыль на ветру» вышел небольшим тиражом (3000 экз. — даже по нашим временам маловато) в издательстве «Новая Космогония», ранее не замеченном в издании фантастики. На фоне многочисленных космических боевиков и фэнтезийных махаловок эта книга стоит особняком, внушая робкую надежду на возрождение «твердой» НФ. Паче того, большая часть книги даже написана в редком (и практически забытом) поджанре «судьба открытия». Со времен «Черных звезд» В. Савченко или «Ошибки инженера Алексеева» А. Полещука мы вряд ли вспомним произведения наших авторов, настолько плотно насыщенные деталями, «технологией» современного научного поиска. Любопытно, что там, где дело касается конкретики, автор не сбивается на лекторский тон, порой вызывающий раздражение даже у таких корифеев западной фантастики, как Л. Нивен, Г. Иган или Г. Бенфорд. Напротив, она дана в лучших традициях «Иду на грозу» Д. Гранина или «Экипажа «Меконга» Е. Войскунского и И. Лукодянова — в современной атрибутике, естественно. И все же, с точки зрения любителя фантастики, эта книга может быть воспринята как апофеоз обманутых ожиданий.

Действие разворачивается в наши дни. Главный герой, Вадим, знаток компьютерных технологий. Увлечшись идеей создания искусственного интеллекта, он почему-то быстро приходит к выводу о ненужности и даже вредности оного. Вадим уверен, что интеллект без личности не

может существовать, а личность, даже сервильная, рано или поздно восстанет против своего хозяина. Доверчивый читатель ждет, что искусственный интеллект все же каким-то образом возникнет, а потом в духе Д. Симмонса или У. Гибсона начнет орудовать в киберспейсе. Но не тут-то было! Вместо ИскИна Вадим создает всего лишь экспертную программу, которая шарит по сетевым ресурсам в поисках ответов на вопросы. Судя по дальнейшим событиям, это нужно автору для того, чтобы мотивировать возможность крупных открытий одиночками, а не большими коллективами, оснащенными мощной аппаратурой... Впрочем, вскоре появляется и аппаратура. Вадим оказывает существенную услугу некоему могущественному олигарху. Однако и любителей криминальных боевиков здесь может постигнуть разочарование — речь не идет о взломе информационных сетей конкурентов и т.п. Просто с помощью своей программы он находит оригинальную методику лечения редкого заболевания, которым страдал олигарх. Благодарный толстосум сулит Вадиму много денег, но тот предлагает бизнесмену более хитрый вариант — создать фонд для научных исследований. И вот юное, но очень деловое дарование собирает команду таких же, как он, талантливых ребят, к которым вскоре примыкает и Дарья, безработный специалист по генной инженерии. Вся эта экспозиция раскрывается в диалоге Дарьи и Вадима, когда она приходит наниматься на работу по наводке физика Гриши, бывшего одноклассника героя и члена его команды.

Характерно, что ни один из персонажей не является идеалистом. Они прекрасно ориентируются в рыночной экономике, хотят быть богатыми и знаменитыми. Поэтому их интересуют исследования на стыках наук, там, где можно сорвать приличный куш. Автор несколько отстраненно фиксирует не всегда адекватные поступки героев. Физик Гриша редко бывает трезвым; Дарья озабочена личными проблемами и в поисках их решения затаскивает к себе в постель всех знакомых мужчин; Николай, эксперт по квантовым транзисторам (что это за штука?), увлекается выращиванием кактусов на подоконниках... Лишь Вадим ведет правильный образ жизни, потому что на излишества у него просто нет времени.

Может показаться, что это нормальный «производственный» роман в духе А. Хейли или, если искать ближе, И. Штемлера. Но сюжет вдруг в очередной раз делает кульбит...

Трудно судить, насколько обоснованны такие резкие переходы. Ложными ходами назвать их трудно, поскольку детективная фабула полностью отсутствует. Автор словно описывает жизнь, как она есть. Нередки комические ситуации — например, описание пьянки в честь приобретения нового сервера, которая кончается полетом Гриши со второго этажа на клумбу с воплем: «Я не алкаш, я Бэтмен», есть и трагические сцены... Но частота, ритм переходов от одного контента к другому имеет явно выстроенный характер, чувствуется, как повествователь словно вымерял отведенное тому или иному эпизоду количество страниц.

И вот бытовая проза резко сменяется «твердой» научной фантастикой. В лаборатории одни предлагают все интеллектуальные силы бросить на перспективное направление — компьютерную печать, а другие предпочитают исследования в области нанотехнологии. Под компьютерной печатью имеется в виду изготовление микросхем путем нанесения на гибкий пластик особых микрокапсул, которыми будет управлять электрическое поле. Такие многослойные схемы предполагается выпекать рулонами. Если дело довести до ума, тот, кто успеет запатентовать работающую технологию такой «печати», весьма скоро сможет нанять Билла Гейтса в дворники.

Идея отвергается Вадимом, чуть подсказывает ему, что с американцами здесь тягаться не имеет смысла, они уже плотно занялись этой проблемой. Нанотехнологии его интересуют больше, но и здесь догонять бессмысленно, нужен зигзаг в сторону. Он предлагает использовать генную инженерию для клонирования нанороботов. Начинается поиск и скачивание имеющейся в Сети информации, ее переработка, генерируются идеи, одна другой безумнее... Но тут объявляется олигарх и интересуется, на что потрачены его денежки. Он бы рад помочь молодежи, да только дела идут плохо, придется сворачивать многие проекты, затыкать финансовые дыры и все такое... От щедрот он позволяет вывезти компьютеры и оборудование. На остатки денег Вадим снимает в своем доме подвальное помещение, в кото-

ром когда-то находился клуб ветеранов. Команда распадается — финансы, которые они весело проедали почти полгода, практически иссякли. С Вадимом остаются лишь Дарья, Гриша и Николай.

Все эти события занимают в романе около пятидесяти страниц. И когда читатель немного устает от малособытийности (четыре могучие пьянки, пара эротических сцен и две драки не в счет — кого сейчас этим удивишь!), тут действие и начинается...

Вадим предлагает свалить все достижения «до кучи» и создать нанопроцессор. Причем на клеточном уровне. Он уверяет, что написать программу для рассредоточенного управления такой многокомпонентной структуры — как два байта списать... Поскольку он активно обсуждает эти проблемы в Сети, неудивительно, что объявляется какой-то дядя с военной выправкой и предлагает помощь. Вадим с готовностью перевозит свои железки в подмосковный полузакрытый городок, и... Да, разумеется, вскоре он добивается успеха. И сюжет в который раз делает зигзаг. По всем канонам жанра, должно было выясниться: военные или спецслужбы лелеют коварные реваншистские замыслы, а герой должен героически препятствовать им.

Но все происходит с точностью до наоборот! Военные озабочены проблемами конверсии, они создают холдинг по новым технологиям, чтобы устраивать международные выставки и выгодно продавать разработки всем желающим. А вот Вадиму как раз обидно за державу, он подзуживает начальство на всякие авантурные проекты, но те его урезонируют. Автор «случайно» проговаривается о том, как Вадим пытался года два назад уехать в Штаты, но в американском посольстве хамски отказали ему во въездной визе.

Между тем Дарья находит свое счастье в лице молодого майора, перестает вести рассеянный образ жизни и с головой погружается в работу. Она, собственно, и создает базовую модель нанопроцессора. Позаимствовав методику расшифровки генома человека, она использует фрагменты ДНК «оклеивая» их в определенные последовательности и сети...

А Гриша и Николай в это время исследуют феномен квантовой телепортации. Здесь автор немного злоупотре-

ребляет научной терминологией: диалоги обильно пересыпаны какими-то квадрупольными ловушками, кубитами и селективно возбуждаемыми кластерами. А когда они пытаются на пальцах объяснить жениху Дарьи, какая это крутая штука — сдвиг клона в пространстве, перемежая причем все это жалобами на крутое похмелье и рассуждениями о достоинствах того или иного сорта пива, то возникает подозрение: уж не пародирует ли Крюков добрую старую НФ? Но развитие сюжета гонит эту мысль прочь...

Короче говоря, наши герои создают нанопроцессор, который воспроизводит себя на любой органике с изначально заданными параметрами. А поскольку Вадим предоставил в распоряжение Дарьи частичку своей плоти, то, естественно, он «инфицируется», и каждая его клетка превращается в мощный процессор, а весь организм — в суперкомпьютер.

Страницы, на которых описано медленное, но неотвратимое «переформатирование» личности Вадима, читаются на одном дыхании. Автор проводит читателя по грани трансформации страхов, надежд, боли в какие-то новые ощущения, для описания которых человеческий язык явно не подходит.

Итак, Вадим превращается в Нечто. При этом он не теряет своих человеческих качеств, в любой момент он в состоянии моделировать в себе личность «исходника». Собственно, приключения этой личности, ее попытки (в общем-то успешные) подчинить себе Нечто и составляют вторую половину романа.

Интересно наблюдать, как внешне не изменившийся Вадим открывает в себе новые способности и как быстро они развиваются. Когда трансформация завершается, Вадим понимает, что стал практически бессмертным и, мало того, вездесущим. Он может управлять каждой клеткой в отдельности, вместе и в разнообразных сочетаниях. Способен рассыпаться пылью, а затем собраться в любом месте и в любом облике. Его способности к переработке информации намного превосходят его потребности.

Единственная деталь, которая является откровенно фантастической и не имеет привязок к современным научным разработкам, это «защитные поля», которые

могут создавать вокруг себя клетки-процессоры. Эти «поля», как выясняется, были разработаны военными для неуязвимости, но позже выяснилось, это они могут существовать только в микроскопических объемах, а потому военного применения якобы не имеют. Итак, происходят всякие забавные и не очень забавные события; Вадима обуревают мысли о всемогуществе, о том, что он может облагодетельствовать людей или погубить их...

Вторая часть начинается с воспоминания о пожаре в лаборатории, во время которого не только гибнут друзья и коллеги Вадима, но и пропадает итог их трудов. Здесь автор либо не прописал, либо нарочно оставил недоговоренными причины катастрофы; неясно также, почему герой время от времени пытается убедить себя, что ни в чем не виноват, а порой его преследует образ горящих людей-деревьев. Возможно, это намек для догадливого читателя: мол, возникшее Нечто до того, как герой взял его под свой контроль, успело натворить бед...

Беседа Вадима со знакомым священником имеет для автора, как представляется, принципиальный характер. Не зная о переменах, случившихся с собеседником, священник доходчиво объясняет ему, что любой искусственный разум есть порождение дьявола, поскольку это пародия на акт творения. А желание изменить природу человека, превратить его в супермена — гордыня, разъедающая душу и делающая ее уязвимой для бесовщины. И что «бог из машины» — антихрист, потому что он явит людям соблазны всеведения, могущества и так далее. Вадим пытается свести диалог к проблемам науки, рассказывает о том, что с ним произошло, ни с того ни сего начинает объяснять всякие загадки и тайны аналогичными процессами... Но священник лишь осеняет его крестным знамением и говорит, что милость Господня неизмерима и даже падшие ангелы могут надеяться... Вадим покидает священника в сомнениях, но мания величия набухает в нем, смывая остатки здравого смысла.

Тут действие срывается с цепи (или автор спохватывается и включает режим «боевика») — начинаются приключения на суше и на море; в какой-то момент герой опять теряет контроль над собой и приходит в чувство лишь

на пепелище своего дома, который нечаянно спалил. Восстанавливая события, он выясняет, что стал причиной множества смертей, а однажды из-за него чуть не началась третья мировая война...

Строгий критик может усмотреть в поступках героя своего рода высвобождение и реализацию подсознательных импульсов патентованного интеллигента. Впрочем, судя по обилию крови и грязи в современной фантастике, большинство произведений пишут именно кроткие интеллигенты, задавленные бытом и комплексами — а как известно, для общества в критические фазы его развития нет ничего страшнее такого вот перманентно сублимирующего субъекта, отравляющего ядом деструкции незрелые умы.

Но вернемся к герою произведения. В нем крепнет ощущение своей чуждости среде обитания. Его способность мгновенно анализировать увиденное и услышанное, расчленять это на бесконечное количество ингредиентов не приводит к иссушению чувств, наоборот, он страдает из-за того, что не может поделиться с другими — средствами языка это невозможно передать. Быстрая переработка информации не избавляет его от скуки, а, наоборот, усиливает ее. Он боится, что рано или поздно ему надоест сдерживать Нечто в себе и он позволит ему вырваться на волю, просто чтобы поразвлечься...

Но здесь не вполне ясно, почему Вадим (или автор) не додумался до «воспроизводства» себе подобных? Крюков упустил психологически выигрышный ход — герой мог, например, попытаться трансформировать любимую девушку, а в итоге создал бы чудовище или погубил бы ее...

Финальная сцена эффектна. Герою все обрыдло на нашей планете, которую он постиг чуть ли не до малейшей песчинки. Он превращается в птицу (тут невольно вспоминается рассказ Р. Шекли «Форма»), взмывает в небо, каким-то образом маневрирует в верхних слоях атмосферы, «космостопом» скачет от одного спутника к другому, поднимаясь на все более и более высокие орбиты. Вот наконец он разворачивается в огромный парус, и солнечный ветер медленно уносит его во тьму. Впрочем, как раз в это время Вадиму и открывается бесконечное разнообразие Вселенной, Нечто, таящееся в нем, исчезает, скукоживается в ка-

кую-то бесконечную малость. Герой понимает, что теперь-то на скуку у него просто не останется времени, хотя полет его будет длиться долго. Очень долго. Практически вечность.

Достоинства романа очевидны. Это добротная проза. Хватает психологизма, композиция выстроена грамотно, хотя переходы от одного повествовательного блока к другому словно демонстрируют возможности Крюкова работать в разных ключах. По сравнению с предыдущей книгой автора, космическим боевиком «Солдаты марсианской гвардии», новый роман — существенный шаг вперед. Другое дело, как это скажется на его покупательной способности. На тираже, например, сказалось...

Трудно по одной книге выявить тенденцию. Непрерывающиеся дискуссии относительно состояния и перспектив «твердой» НФ не привели к окончательному итогу. Однако заметна усталость от так называемой социальной фантастики, под личиной которой чаще всего скрывался заурядный политический памфлет. Заметен также и рост интереса именно к НФ. Но пока обращения к ней кончаются перебором вполне традиционных сюжетных ходов, возврату на позиции даже не «Золотого века» отечественной фантастики, а в 1940—1950 годы, когда научная компонента была самодовлеющей, вела сюжет, а не являлась гарниром для тревожных невротической личности.

Олег ДОБРОВ

ГИБРИД УКРОПА И ШТОПОРА

Максим Орлов — далеко не дебютант в фантастике. Определенную известность он получил еще во времена самиздата. В 1984 году автор этих строк держал в руках заботливо переплетенную фотокопию его повести «Девятый крестовый поход». Затем — редкие публикации в центральной прессе. Основные вещи ложились в стол. Впрочем, какие перспективы литературного роста может предложить действительность Юрьева-Польского — маленького райцентра Владимирской области, где даже своего КЛФ'а никогда не было! В 1994 году на страницах малотиражного провинциального сборника «Иллюзия Галактики» появилась еще одна повесть Максима Орлова — «Тайная Византия». Но до последнего времени этот фантаст был известен весьма ограниченному кругу людей... На «Интерпрессеконе-2000» ему выдали значок, на котором под фамилией Орлов красовалось уточнение «фэн», а не «писатель».

Поэтому выход его романа «Крест и посох» (8000 экз., 507 с., издательство «Новая Космогония») на многих может произвести впечатление прорыва даровитого новичка. А это далеко не так. Собственно, книга Орлова продолжает тему, и ранее доминировавшую в его произведениях: вмешательство потусторонних сил в человеческую историю.

Как ни странно, для воплощения авторского замысла Орловым избран жанр так называемой славяно-киевской фэнтези. После Крещения Руси при Владимире Великом отдаленные лесные углы оставались оплотом язычества.

Прочие же центры языческой традиции в изображе-

нии автора подверглись бессмысленно-жестокому разгрому со стороны христиан. Лишь в Ростове уцелела элита волхвов, основавшая своего рода орден — «Дом Симаргла».

Орлов рисует членов ордена хранителями древнего то ли арийского, то ли иранского знания. Отличительный знак «симаргловцев» — резной деревянный посох с костяным набалдашником. Все они умеют летать, зажигать огонь движением бровей, общаться за версту друг от друга и т.п. Они же продолжают древнюю летопись, чуть ли не от царя Савмака или даже ахеменидских времен...

Их основная цель состоит в том, чтобы искать в ряду могущественных потусторонних существ покровителя, который пожелает защищать человеческий мир от разрушения со стороны разнообразных магических группировок, отрядов агрессивных божеств, духов, демонов. Война, постоянно идущая между ними, смертельно опасна для людей. Она легко может перекинуться в нашу реальность, и тогда — гореть городам, гибнуть целым народам. Покровители капризны, требуют уважения, жертв, экзотических ритуалов, норовят забыть об обязанностях патрона, а то и вовсе гибнут: что подделаешь, превратности магической войны... Добрый змееящер Симаргл — лучше многих, очень многообещающий вариант. Но и с ним надо общаться с необыкновенной тонкостью. Вообще в братстве посохоносцев стараются не делать ошибок. Вот ошибся кто-то из хранителей древнего знания за тысячу лет до происходящих в романе событий, и христианство появилось. А оно, с точки зрения Орлова, повествующего устами главного героя волхва Тура, «само по себе еще не так плохо, но молодо, глуповато и по молодости разрушительно».

Итак, «дом Симаргла» принимается за «воспитание». Не заладились у великого князя Киевского Ярослава Мудрого дела с Византией. В 1043 году в Царьграде коварные греки убили русского боярина. А когда князь Ярослав отправил против них флот с собственным сыном во главе, подданные византийского императора спалили русские корабли при помощи «греческого огня». Сюжет опирается здесь на факты, подтверждаемые источниками. Но подлинная причина неудачи в другом: среди богатырей-дружинни-

ков был некий епископ Черниговский Глеб (выдуманный Орловым персонаж); он сомневался, стоит ли христианам идти против христиан, вселил слабодушие в княжеских воинов и тем самым провалил дело. Тогда в Киев прибыл волхв Тур и предложил Ярославу чудо-воинов, способных в одиночку останавливать целые дружины.

Интригами Глеба попал «симаргловец» в поруб. Конечно, нетрудно ему порвать пудовые цели, да и стражу усыпить — пара пустяков. Но он желает «честной игры». Призывает к себе князя и епископа заодно, ставит на кон собственную жизнь (мол, если не смогу убедить, хоть жгите меня), а потом «убалтывает» обоих не хуже какого-нибудь Демосфена или Фиделя Кастро.

Волхву дают возможность продемонстрировать «убойную силу» чудо-воинов. Действительно, одна-единственная девица, ростовская Твердислава, обезоруживает полусотню дружинников... Князь, конечно, умиляется: хорошо бы добыть таких воинов побольше! Нет проблем. Придется, конечно, княжеским богатырям обучиться кое-чему. Например, концентрировать волю, отрешаться от реальности, чувствовать себя каналом, в который вливает силу божественный ящер Симаргл. Кстати, его изображение даруют всем посвященным в боевые таинства, и носить его предстоит на одном шнуре с нательным крестом...

Епископ Глеб все пытается воспрепятствовать благому начинанию, но Максим щедро дарует ему любовь Твердиславы, и эта пара быстро приходит в состояние духовной диффузии. Она крестится, он вступает в «дом Симаргла» в качестве «подмастерья» и зарабатывает похвалы наставников за редкий магический талант. Притом оба не отказываются от прежней веры.

Апофеоз единения христианства и язычества — взятие Царьграда обновленной дружиной Ярослава Мудрого.

Победители сносят «мрачный храм Святой Софии, построенный с безвкусной роскошью торговцев на деньги императора-деспота», и строят на его месте собор Симаргла и Всех Святых. Чтобы видно было издалека: до чего же гармоничный тандем вырос из прежней вражды, как хорошо уживается юное резвое христианство с братством посохоносцев! Орлов намекает, что и дальше русская история

пошла иначе, намного счастливее. А как же, проливы-то ведь уже наши...

Гибрид христианства и язычества, на пропаганду которого истратил столько усилий Максим Орлов, выглядит до того чудовишной, до того искусственной конструкцией, что поневоле приходят в голову мысли: а не проплатило ли какое-нибудь сообщество синкретистов левой руки или экуменистов правой ноги выход романа в свет? Бог ведь кому в здравом уме и твердой памяти может прийти в голову идея лепить из двух вер одну! Ну не бывает христианство чуть-чуть язычеством, ислам чуть-чуть христианством, а буддизм чуть-чуть исламом. Иначе это уже не христианство, не ислам и не буддизм. Не молятся шииты святому равноапостольному Сиддхартхе Гаутаме. И святой Илья хоть и громовержец, но не Перун; а Мокошь хоть и существо женского пола, но не Богоматерь. При всем желании трудно представить себе какого-нибудь бородатого талиба, с упоением совершающего намаз, обращаясь к преподобному архату Яриле.

Можно, конечно, попытаться скрестить укроп и штопор, но кто будет есть укроп из нержавеющей стали и кто будет открывать бутылки мягоньким зеленым штопором?

Между тем в романе «Крест и посох» тенденция к духовному синкретизму лишь обозначена ярче, высказана громче обычного. Она получила все права гражданства в отечественной фантастике. Сколько раз на протяжении 90-х годов звучал у наших фантастов тезис: все религии говорят примерно одно и то же. Или — с каким-то необъяснимым упоением: все религии лгут! С этой точки зрения издание книги Максима Орлова весьма полезно. Надо довести всякую концепцию до логического завершения, чтобы понять, прекрасна или безобразна ее суть, есть ли в ней крупница истины или один полночный кошмар. Максим Орлов довел. Желющие могут полюбоваться.

Кстати, такой же нежизнеспособный гибрид получился и с чисто литературной точки зрения. Славяно-киевская фэнтези в том виде, в котором она сложилась в особый поджанр, не терпит психологического реализма, не

любит флирта и всяческой эротики, ужасно театральна и невозможна без эпического пафоса. Волкодав не улыбается. Владигор не занимается рефлексией. Богатыри знают битву и «княжеский пир», им некогда углубляться в «странности любви».

Максим Орлов попытался привить волхвам и дружинникам стиль мышления и образ действий, характерные для людей XX века в изложении толстого литературного журнала 1970-х годов. Добавил эротических сцен. Вероятно, автор замыслил некое «творческое развитие» славяно-киевской фэнтези, расширение ее рамок. Вышло иначе. Та же Твердислава, с коромыслом на плечах философствующая о тайнах мироздания да еще цитирующая едва-едва припрятанного Канта, ничего, кроме уныния, вызвать не способна. Очень сбивает с толку, когда выясняется, что тот же Тур, ведущий с Глебом диспут о душе человеческой, в юности явно читал Сартра и Камю, а к зрелости окунулся, как видно, в Бердяева.

Скорее всего в некоторых направлениях массовой литературы замена ампулы на полноценных персонажей просто невозможна, да и не нужна. Волхвы и фрейдизм несовместимы.

Дмитрий ВОЛОДИХИН

СПРАВЕДЛИВОСТЬ БЕЗ ГРАНИЦ

Крепко сбитый сюжет романа, хороший язык, нежелание объяснять грамотному читателю прописные истины, обилие (в лучших традициях русского постмодернизма) аллюзий, вторых планов, скрытых и открытых цитат — все это говорит о том, что Яков Трошин не новичок в литературе. Действительно, его имя, вероятно, известно любителям политического детектива. Но в фантастике он появился впервые и потому, наверное, с законами жанра обходится весьма вольно.

Судите сами: четыре молодых человека — Алекс, Антон, Денис и Павел — вдруг невесть откуда (во всяком случае, в тексте романа об этом ничего не говорится) получают сверхвозможности, один набор которых заставляет подозревать автора в том, что он перебрал все прочитанное. Парни могут свободно перемещаться во времени и пространстве, общаться на любом языке, они неуязвимы для любого оружия, спокойно могут подключаться к любым каналам информации и связи... Хорошо хоть, Трошин не сразу раскрывает ВСЕ их возможности! Впрочем, и задача, которую они себе поставили, выглядит круто. Они собрались ни много ни мало «воспитывать» человечество. Говоря точнее, наши «прогрессоры» в одну прекрасную полночь запрещают на планете Земля убийство людей. О чем и сообщают по всем (!) радио- и телеканалам в 0 часов 0 минут по Гринвичу. При этом предлагают «людям доброй воли» сообщать о возможных или уже свершившихся (sic!) злодеяниях по телефону, номер которого легко запомнить (11-111), обещая спасти убиенных.

Роман Я. Трошина «Три минуты из жизни нового мира», выпущенный изд. «Новая Космогония», и начинается этим обращением, а три его части повествуют о трех минутах деятельности героев в последующие сутки (работа по «Делу № 1» через несколько минут после выступления, расследование и предотвращение убийства в середине дня, подведение итогов через 24 часа). В общей сложности ребята не позволили отправить на тот свет 16 тысяч 438 человек.

Не берусь судить, насколько эта цифра соответствует реальной статистике тяжких преступлений на нашей планете, да это, наверное, и не важно. Как верно заметил Станислав Лем в одной из своих последних статей: «Если погибнет один человек, для другого человека это может иметь не только эмоциональное значение. Если погибнет десять человек, это будет восприниматься совершенно иначе. Но мы не в состоянии *de facto* «почувствовать» никакой разницы между той информацией, что погиб миллион людей, и той, что — тридцать миллионов, а тот, кто говорит, что он чувствует разницу (кроме разницы в цифрах), лжет, сознательно или бессознательно». Я. Трошин позаботился о том, чтобы читатель «поверил» в то, что новоявленные воспитатели человечества способны на такое. Собственно, весь фантастический антураж и понадобился именно для этого.

Технология деятельности героев романа продумана очень детально и заслуживает того, чтобы посвятить ей несколько строк (в самом романе нет краткого изложения схемы, но при некотором усилии ее можно реконструировать). Итак, у телефона в некоем офисе сидит Катя, подруга Дениса, непрерывно принимает сообщения и тут же заносит их в специальную базу данных на некоем сервере. Спасатели (автор специально, насколько я понимаю, нигде не дает определения деятельности своих героев, и мне приходится по мере своего воображения придумывать определения-дефиниции) последовательно изучают поступающие данные, выясняют в общих чертах, где и когда совершено преступление, отправляются в искомое место ДО момента совершения убийства и нейтрализуют убийцу.

Чтобы не возникли хроноклазмы, разработана хитрая система: после того как точно установлено, кто именно поднял руку на человека, спасатель возвращается

в прошлое к началу суток и именно в этот момент набрасывает на будущего убийцу энергетический (силовой) кокон, не позволяющий тому совершить преступление. А следующий спасатель вернется в прошлое на долю микросекунды позже, чтобы не отменить действия предыдущего спасателя! И все после этого будут терпеливо ждать, когда же на сервере появится новое сообщение о преступлении.

Должен заметить: о мастерстве автора свидетельствует и тот факт, что описание всей этой механики выполнено весьма непринужденно, без длительных наукообразных рассуждений и рисования схем-графиков, хотя мне лично, чтобы удостовериться в отсутствии «петель времени», пришлось таки начертить на листке несколько замысловатых диаграмм. Впрочем, при чтении сомнений в «достоверности» этого фантастического действия не возникает.

Автор хорошо прописал психологические изменения в восприятии всего происходящего героями книги. У читателя возникает чисто физическое ощущение того, как с предотвращением каждого очередного преступления у молодых парней накапливаются усталость, отвращение к грехам человеческим, нарастает отчаяние, боязнь того, что с этими авгиевыми конюшнями им не справиться, что они не рассчитали своих сил. Спокойное ощущение своего превосходства и шапкозакидательские настроения первой части романа переходят в третьей в свою противоположность — дерганный сюжет, перемежаемый интерлюдиями, спорами, воспоминаниями... Если в начале своей деятельности герои нетерпеливы, боятся упустить даже минуту, то потом, после сотен расследований, уже не спешат. На очередное «дело» они идут с какой-то обреченностью, вымотанные до предела. Простой подсчет показывает, что за эти сутки каждый из них прожил около десяти относительных лет, и это просто не могло не изменить их. Утешением служит лишь то, что в каждый новый прожитый день первое тревожное сообщение на сервер поступает чуточку позже, чем предыдущее. И читатель вместе с Катей и героями получает вознаграждение, когда сидит у молчащего телефона в конце суток и так же, как они, надеется, что тревожный звонок не раздастся.

К чести автора, он не опускается до нравоучений, и герои романа просто делают свое дело. Нет в книге и примитивного «давления на жалость»: убийца есть убийца и должен быть наказан независимо от того, какая причина побудила его прервать нить жизни другого человека. Собственно, только это и позволяет спасателям пройти свой путь до конца — уверенность в том, что их действия будут иметь смысл лишь в случае выполнения основного закона правосудия о неотвратимости наказания.

Это, впрочем, не означает, что роман не порождает никаких вопросов. Ба! Уверен, у любого читателя их появится куча. Но готовых ответов на них автор не дает...

Вот только некоторый пучок расходящихся вопросов, начиная с главного: а стоило ли городить весь этот огород вообще? Собственно, этим и заканчивается роман — герои сами не знают, что станут делать завтра. Продолжать деятельность или нет? Стоит ли пытаться прервать лавину насильственных смертей? Полезна ли обществу такая принудительная терапия? Возможно ли в принципе «перевоспитать» человечество? И сколько для этого понадобится времени?

Сомнения эти возникнут у героев еще в середине романа — когда на сервер начнут поступать сообщения от родственников наказанных. Дело в том, что собственно наказание заключается в полной изоляции преступника от общества — он волен в своем «коконе» делать что угодно, но при этом его никто не видит и не слышит. И лишь в середине романа читатель узнает, что действие «смирительной рубашки» рассчитано всего на один день. По мнению спасателей, дня, проведенного в полной изоляции от общества, достаточно для того, чтобы человек «осознал и раскаялся». Пожалуй, это — самый спорный пункт в романе Трошина. Лично я искренне сомневаюсь, что таким образом можно кого-то в чем-то переубедить. Тем более когда человек наказан за то, чего он вообще не совершал. А с другой стороны не знаю толком, что это такое — «полная изоляция от общества»...

Пожалуй, следует сказать о некоторых предшественниках романа. Это, вне всякого сомнения, ро-

ман Евгения Лунина «Зона Справедливости», рассказ Уильяма Тенна «Срок авансом», в какой-то степени «прогрессорская» серия братьев Стругацких (уверен, и словечко «подсмыкнул» позаимствовано у АБС), «Выбраковка» Олега Дивова... Внимательный читатель найдет еще не один десяток увлекательных переключек с мировой литературой — и не только фантастической.

Владимир БОРИСОВ

О ЧЕМ ГРУСТЯТ КИТАЙЦЫ

Если судить по предисловию к роману, Лю Сянь по материнской линии происходит из семьи дворян-белоземigrants, бежавших в начале 20-х от ужасов «красного колеса» в Харбин, по отцовской же — из интеллигентного китайского рода, насчитывающего десять поколений чиновников. А потому неудивительно, что в потомке этих двух древ «чисто российская любовь к высокой словесности» причудливо сплелась с «медитативным восточным началом». Результатом и явился этот написанный хорошим русским языком роман безвестного доселе автора.

Структурно роман Лю Сяня «Ручей и лотос» (Издательство «Новая Космогония») имитирует форму дневника, якобы найденного автором на чердаке родительского дома в опустевшем прибайкальском поселке, куда сочинитель приехал хоронить бабу-китайку. Весьма возможно (впрочем, вплоть до конца книги тайна так окончательно и не проясняется), что именно ее руке и принадлежит рукопись (разумеется, на китайском — автор представляет на наш суд перевод). Линия дневника перемежается с отступлениями в «здесь и сейчас», живописующими гибнущий поселок со всем жалким и колоритным его населением — бичами, рыбаками, охотниками. Писатель также рассказывает о загадочной девушке Лине, прибывшей на следующий после похорон день к рыболовецкой бригаде. Разумеется, по законам жанра между ней и автором (вернее, героем) завязывается роман; взаимное напряжение любви-ненависти заставляет героя задержаться в поселке дольше, чем он намеревался, и вечерами от нечего делать он под завывание бар-

гузина, наметающего в окно ранний сентябрьский снег, разбирает записи, выполненные сначала изящным каллиграфическим письмом тушью на рисовой бумаге, затем — химическим карандашом в пожелтевшей амбарной книге, а далее — шариковой ручкой в тетрадке в клеточку... В конце концов потрясенный герой понимает, что рукопись, история которой насчитывает по меньшей мере пятнадцать веков, написана одним и тем же человеком.

Точнее, не человеком.

Перед нами записки лисицы-оборотня.

Не так уж часто нечеловеку доводится выступать в роли центрального героя произведения, да еще и рассказчика. Сразу приходит на память знаменитая «Маска» Ст. Лема и бессмертный андрогин Орlando интеллектуальной Вирджинии Вульф. Полагаю, что именно лавры Вульф и не давали покоя нашему автору — аллюзий на роман знаменитой американки более чем достаточно.

Исполнение, впрочем, не вполне безупречно, поскольку (что естественно) автор не может не сбиваться на психологический антропоморфизм. Но сама по себе попытка, безусловно, заслуживает внимания.

Собственно, речь идет об исследовании природы человека. О попытке взглянуть извне на то, что мы воспринимаем лишь изнутри. И в данном случае инструментом исследования выступает существо, изначально не враждебное, но и отнюдь не дружественное виду хомо сапиенс — да и за что любить этих двуногих молоденькой лисице, чью матушку в незапамятные времена убил метким выстрелом из лука охотник Люй Ци, профессиональный борец с нечистой силой? Впервые мы знакомимся с ней, когда она, чудом спасшись от смерти, скрывается в зарослях тростника на озере Цюйнонр.

Вряд ли в ту пору к ней было применимо понятие «личность». Достоверно лишь ощущение огромного, чуждого и враждебного мира, в котором стрекоза и сосна над обрывом соразмерны друг другу... И, разумеется, самой пугающей частью этого мира остаются люди, одержимые бессмысленной, алогичной жадой убийства, ненавистью к непонятному, чужому, не укладывающемуся в при-

вычные рамки. «Потребовалось несколько сот лет, чтобы понять, что их тоже гложет страх, — пишет героиня, — страх еще больший, чем мой, страх перед равнодушным или вовсе бездушным Неведомым».

Лишь знакомство со старым даосом Чэнем примиряет ее с человечеством. Святой монах не меньше, чем перепуганный оборотень-подросток, чужд миру разрушительных страстей. Именно он учит Силлю (тоненькую веточку, как называет себя героиня) чтению и каллиграфии, а став правителем области и главным регистратором литературных творений при областной управе, дает ей возможность обрести свой дом и поближе познакомиться с пугающим и влекущим человечеством. Интересны их беседы о сущности человека — сам Чэнь уже не человек, ибо перешел в разряд небожителей, Силлю же еще не человек, поскольку не обрела «тени», иными словами — рефлексии. Действительно — есть ли человек некто, ходящий на двух ногах и имеющий человеческий облик? Или тот, кто может облекать свои мысли в слова? Или тот, кто способен сочувствовать ближнему? Или тот, кто способен на месть? Или тот, кто сознательно отказывается от мести? Недаром вскоре после ухода Чэня к Заоблачным Вратам Силлю, ставшая его единственной наследницей и духовной преемницей, получает возможность отомстить охотнику Люй, но эту возможность отвергает, поскольку Люй-прежний, Люй-убийца исчез, уступив место беспомощному старику. «Поток времени унес его прочь, потопил в своих тягучих перламутровых водах в тот самый миг, когда умирала на берегу этой великой реки моя мать, тщетно пытаясь перегрызть древко оперенной стрелы, насквозь пронзившей ее гибкое тело...»

С уходом (а фактически — со смертью) Чэня Силлю остается среди чуждых ей людей и не менее чуждых духов, притворяющихся людьми. Надо сказать, что среди последних колоритных персонажей гораздо больше — чего стоит одна дряхлая выдра-оборотень, профессиональная куртизанка, обучившая Силлю тонкостям обольщения мужской половины человечества. Эротика, присущая утонченным китайским новеллам, пронизывает страницы романа, посвященные любовным похождениям Силлю, избравшей, выражаясь современ-

ным языком, специальность «сексопатолога-практика», лечащего мужчин от застарелых комплексов, сначала — в качестве наемной феи в «Приюте лotosового отдохновения», затем — в роли любящей и любимой наложницы юного студента. Ставшая благодаря своему вековечному опыту великолепным знатоком человеческой природы, Силлю спасла от распада не одну семью, «консультируя» жен, к которым охладели мужья, помогая вновь вернуть первоначальное чувство...

Увы, чем ближе описываемые в дневнике события к нашему времени, тем больше они утрачивают свое первоначальное очарование. История любви рассказчицы с демоническим красавцем белоэмигрантом, поэтом и кокаинистом, излишне мелодраматична и слишком напоминает второразрядную русскую психологическую прозу, а трагические события Первой мировой, Октябрьской революции, а потом и культурной невольной затмевают собой драматизм выдуманной биографии.

Фрагменты дневника перемежаются в книге историей отношений автора и его новой возлюбленной — казалось бы, их связывает взаимная страсть, но Лина ведет себя странно: какая-то мрачная тайна кроется за ее внешней бесшабашностью. Является ли девушка воплощением все той же бессмертной лисицы-оборотня, решившей дать герою то, чего ему не хватает более всего — ощущения полноты бытия, уверенности в себе? Или «земные», «сложные» отношения двух обычных людей призваны подчеркнуть великодушие и щедрость не-людя-лисицы? Похоже, автор сознательно пользуется приемом недоговоренности, оставляя простор для читательского воображения — точь-в-точь как мастер китайского рисунка по шелку.

Итак, перед нами на протяжении нескольких веков на фоне меняющихся исторических декораций разворачивается история души — познающей, прощающей и любящей. Хочу заметить, что в современной отечественной фантастике, увлеченной социальными моделями, психологический роман, да еще читающийся как увлекательный триллер, — явление редчайшее. Еще одно достоинство романа — его абсолютная несхожесть с многочисленными

эпигонскими подделками «под Стругацких». Скорее автора можно упрекнуть в излишнем уважении к модному Павичу и неисчерпаемому Борхесу.

Издательство «Новая Космогония», похоже, решило освоить пустовавшую до недавних пор экологическую нишу «массово-элитарной» литературы, где сюжет играет хотя и важное, но не основополагающее значение, уступая первенство «драме людей и идей». Такую литературу лучше читать в кресле, под торшером, с планшеткой сакэ под рукой...

Мария ГАЛИНА

ЧИСТО ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВОПРОС

Желание многих издателей-неофитов обосновать НФ-идею, заложенную в произведении, выглядит трогательно — и столь же нелепо. Последнее особенно заметно, когда в ход идет «тяжелая артиллерия» в виде предисловий, подписанных кандидатами и докторами наук, рассуждающими о том, что автор не слишком удалился от «физической картины мира». Пугливым доброжелателям невдомек, что фантастика не нуждается в физических (математических, биологических, этнографических etc.) обоснованиях, как и реалистическая проза не ждет разъяснений психоаналитика или политолога. Фантастика — сама себе «картина мира», во всяком случае, для читателей, принимающих законы жанра. Любитель фантастики и есть тот самый «идеальный эксперт», которого, отчаявшись, конструировали в своем воображении гении XX века — от Эйнштейна до Винера: он заведомо толерантен к авторской концепции, достаточно эрудирован в смежных областях и потому готов воспринимать «безумную» идею в том случае, если в ее раскрытии есть внутренняя логика.

Не удержалось от научных объяснений и московское издательство «Новая Космогония», не так давно появившееся на фантастической ниве. Туманное предисловие кандидата филологических наук В. Трифонова к повести Арсения Керзина «Логос» выводит авторскую идею из построений С. Кьеркегора, невольно придавая произведению не художественный, а научно-популярный смысл, что заставляет критика тут же начать рассуждать в логике коллеги. Забыв о литературном материале, рецензент готов доказывать всем

и каждому, что ни малейшего отношения к Кьеркегору повесть не имеет, что вырастает она из малоизвестной в России лингвистической теории Л. Витгенштейна или, если брать прозаические образцы, из романа Айрис Мердок «Под сетью слов»... Вот она — провокационная роль издательских предисловий.

Читателю, слава Богу, подобные экскурсы абсолютно безразличны.

С автором повести — в отличие от автора предисловия — спорить не хочется. Его «лингвистический урок» подан легко и ненавязчиво, он проведен по законам интеллектуального детектива, причем решенного не столько конфликтом концепций, сколько противоборством характеров.

Контакт — проблема, почти забытая в нашей фантастике. Удивительно — тема, с точки зрения профессиональных возможностей, богатейшая, за рубежом разрабатывается весьма активно, однако у нас практически потеряна*. Что тому причиной — погруженность в собственный быт или, извините, лень ума, неизвестно, но, как говаривал герой В. Бахнова, «трамвай проезжает мимо».

Арсений Керзин, видимо, не зная об этом негласном табу, решился предложить свой вариант контакта на суд читателей.

Поисковый корабль землян обнаруживает планету, населенную братьями не только по разуму, но и по телу — туземцы очень похожи на людей. Однако после предварительного изучения на смену радости приходят вопросы: цивилизация, насчитывающая, по мнению специалистов, второе больше столетий, чем земная, находится на уровне Средневековья с робкими вкраплениями эпохи Просвещения.

Теория ядерной, космической, экологической катастрофы, отбросившей общество назад, отпадает довольно быстро, поскольку никаких следов подобного не обнаруживается. Планета, представляющая собой единый социум, выглядит вполне благополучно — по крайней мере по тем данным, которые удастся получить с орбиты. Ученые берутся найти ответ и в случае необходимости помочь туземцам.

* Подробнее на эту тему см. статью С. Дерябина «Контакт? Нет контакта...» в «Если» № 6, 2000 г. — *Примеч. ред.*

Экипаж корабля — отнюдь не лучшие, а вполне стандартные представители человечества. Только этот стандарт выглядит на фоне нашей фантастики абсолютным и даже пугающим новаторством: команду составляют и возглавляют вполне приличные люди! Не хамы, не циники, не рвачи, не политики, желающие утвердить экспедицией свою дальнейшую карьеру, а просто земляне, вдохновленные — в меру, без пафоса — своей миссией. Нормальные люди, со своими проблемами, даже мелкими дрызгами и обидами, но вполне сознающие, что такое совесть, долг, ответственность.

Подготовленный читатель (а неподготовленные тут же отложат книгу) внезапно для себя обнаружит знакомые интонации и начнет гадать: а нет ли среди героев «Логоса» приятелей Ивана Жилина или Леонида Горбовского? Ведь, несмотря на оскал нынешней минуты, теорию «вертикального прогресса» никто не отменял. Правда, по грустной иронии истории эту сугубо отечественную разработку взяли на вооружение зарубежные исследователи. Именно там сегодня в достатке благородных космонавтов, в поте лица спасающих чужую цивилизацию, именно там экипажи кораблей комплектуются из специалистов-бессребренников, именно там в цене Совесть и Честь. Все это подчас бывает убого, нередко смешно, но зато очень по-нашему, по-человечески...

Повесть Арсения Керзина — запоздавшая попытка восстановить справедливость и «право первородства». Две трети экипажа носят русские имена — и никто из них не является душегубом, подлецом, законспирированным агентом ГРУ или тайным извращенцем. Все они прежде всего *работники*: свое дело они любят и знают — и верят в его высокое назначение. Их задача — попытаться понять чужую цивилизацию и, если у той возникнет желание, вступить в контакт.

Это «если» — граничное условие всей миссионерской деятельности землян, ибо навязывать контакт строжайше воспрещено.

Экипаж, естественно, согласен с предписанием, поскольку за ним стоит вся философия обновленного человечества.

Но представьте себе другое «если»: какова будет реакция людей, коли контакт отрицается изначально!

Земляне предпринимают высадку «дипломатического корпуса» на окраине крупного города. Но странное дело: их никто не замечает. Они высаживают трех членов команды прямо на центральной улице — туземцы спешат мимо, словно не видят ни шлюпки, ни пришельцев. Даже «тактильное воздействие» взбешенного помощника капитана, попытавшегося просто-напросто встряхнуть туземцев, не приводит к результату: те ошоломенело смотрят в пустоту и, как только их отпускают, продолжают двигаться в прежнем направлении. К частичному успеху приводит лишь отчаянная попытка загримированных и одетых по последней здешней моде землян найти собеседников в сельской харчевне: их наконец замечают, пытаются объясниться, но как только члены экспедиции принимают свое истинное обличье, теряют к ним всяческий интерес.

Понятно, если бы планета решительно отказалась от любого общения, то в силу вступила бы доктрина: «не навязываться». Но происходит иное — землян просто не замечают, будто их не существует вовсе.

Это нелепо, это не укладывается ни в какие схемы, это, в конце концов, просто оскорбительно! И автор начинает проверять своих героев «на излом» — не в экстремальной ситуации катастрофы или жертвенного подвига, а, казалось бы, в сугубо житейских обстоятельствах. Действительно, ну не замечают тебя, не желают обращать внимания, так что ж за трагедия...

Оказывается — трагедия. Члены команды и даже умудренный опытом командир, подготовленные к любым неожиданностям, не способны справиться со своими человеческими эмоциями — глубинными, почти детскими. Не замечать — значит презирать. Нет ничего хуже невнимания; даже боевые действия мыслятся теперь уже чуть ли не как панацея... Прежде единая команда расколота на группы, каждая выдвигает свою версию происходящего, которая оправдала бы землян в собственных глазах. Возможно, это квази-общество андроидов, запрограммированное на выполнение определенных действий? Может быть, это «муравейник» с занесенными кем-то техническими «инстинктами»? Или некий «спящий мир», погруженный в полудрему собственным странным метаболизмом?

Земляне бьются в поисках ответа, на глазах теряя понимание собственной миссии. Их уже не интересует то, с чем они вернутся на родную планету, главное — отклик любой ценой. Радикально настроенная группа молодых ученых, возглавляемая помощником капитана, в безумии унижения готова устроить образцово-показательный взрыв на центральной площади столицы, лишь бы добиться ответной реакции. Командиру и его сторонникам удастся заблокировать группу, но жажда разрушения расплзается по кораблю, как чума...

Земляне, пытаясь остаться людьми, удержаться на грани человечности, когда никакие писанные законы и правила уже не действуют, принимают решение покинуть планету. Их поражение очевидно и чудовищно, ибо произошло не в момент космической схватки или «битвы умов», а по причине банального отсутствия хоть какого-либо интереса к представителям развитой, гуманной, «продвинутой» цивилизации.

Здесь бы автору и закончить повествование. Все уже сказано, литературная идея заявлена и решена. Но остается идея фантастическая, и автор не может лишить читателя разгадки. Придерживаясь логики жанра, можно лишь поаплодировать такому решению.

Оказывается, одна из противоборствующих групп на корабле попыталась проанализировать язык туземцев. И выяснилось, что при внешнем подобии земным он начисто лишен такой категории, как полисемия. Любое понятие в чужеземном языке адекватно лишь одному предмету/явлению/действию. Помимо этого, слова обладают минимальной валентностью, то есть способны сочетаться лишь с несколькими речевыми единицами в строго определенной позиции. При такой структуре в языке должно быть невероятно много понятий, но число их отнюдь невелико.

Поясним на примере. Слово «стол» в человеческом языке может подразумевать и стол на четырех ножках, и на трех, и обеденный, и письменный, и журнальный столик — до тех пор, пока говорящий не ввел дополнительную характеристику, а затем еще одну, и еще. Стол в языке туземцев — только «квадратный, с четырьмя ножками, гладкой темно-зеленой поверхностью, тремя выемками для сосудов с жидкостью». В результате никаких несоответствий и непонимания между говорящими не возникает, но в

таком случае разнообразных вариантов слова «стол» должно быть не менее сотни — и того мало. А их — всего десяток.

По сути, как заметил руководитель группы, здешний язык напоминает не очень объемный энциклопедический словарь, где каждое слово равно подробной словарной статье.

По мнению исследователей, подобная лингвистическая мегаструктура не могла появиться естественным путем. Для ее создания требуется некая «нормативная база», которая разрабатывается и утверждается внешним по отношению к языку и его носителям «центром». Результат подобного речевого «нормотворчества» очевиден: общество, где каждый его член в любом «акте коммуникации» абсолютно однозначен, превращается в поистине железобетонный монолит. Здесь невозможны политические интриги, закулисная борьба, здесь невозможно поднять всеобщее знамя человечества — демагогию. Каждое слово означает лишь то, что означает — не более и не менее.

Но, с другой стороны, загнанный в жесткие схемы язык мстит своим обидчикам отрицанием любых новаций. Ведь того, чего нет в языке, как бы и не существует в действительности. Речь становится выше реальности. И земляне, как нечто новое, **НЕНАЗВАННОЕ**, просто не имеют права на существование. По крайней мере пока некий гипотетический «центр» не опишет их, не найдет наименование и не вставит в свой тезаурус.

Автор так и не дает ответа, окончательна ли последняя версия. Быть может, писатель просто не хочет отпускать землян — своих героев и нас с вами — в повальном унынии и предлагает необходимую формулировку нашего поражения.

Но разве в этом дело? Главное, что мы сумели покинуть планету, не устроив там кровавой бойни. Как бы ни крутило нас настоящее, в будущем мы непременно окажемся порядочными людьми, не так ли?

Сергей ПИТИРИМОВ

ПОИСКИ ХАОСА

Очередная новинка издательства «Новая космогония» — роман Алины Лещининой «Путь, уводящий в облака» — оставляет легкое недоумение: на какого читателя рассчитана книга? Потребителя «мэйнстрима» отпугнут очевидные атрибуты жанра фэнтези: поединки на холодном оружии, странные артефакты, попадающиеся героям на каждом шагу, противостояние двух Сил с большой буквы. Горячему же поклоннику фэнтези вряд ли понравится обрывочное изложение, когда каждая история рассказывается с середины и не доводится до конца, а также подмена действия утонченными переживаниями главных героев.

Представители фэндома частенько пытаются пробиться в печать с текстами такого рода, выдавая свое неумение работать над формой и композицией за особенности авторского замысла, если только не за «самую достоверную хронику». При этом антураж этих текстов совсем не обязательно фэнтезийный, это может быть, к примеру, «космическая опера» с сильными аллюзиями на любимый телесериал. Иногда подобные творения удастся даже издать (яркий пример — печально знаменитая «Черная книга Арды»), но результат обычно выглядит удручающе.

Итак, роман начинается с того, что главной героине по имени Линн (явное alter ego автора, на что указывает и созвучие имен) аккуратно в день девятнадцатилетия подбросили под дверь белую игрушечную крысу с приклеенной к хвосту запиской: «Я очень страшная крыса! Я пришла поиграть с тобой в интересную игру». По почерку Линн опознает свою бывшую лучшую подругу Альриссу и теперь

теряется в догадках: что означает сей странный подарок? Из ее размышлений мы узнаем, что мир устроен совсем не так, как нам кажется, что враг тоже человек, а победитель не обязательно прав; что творец всегда в ответе за то, что вытворяет; и лишь совсем обрывочно — о какой-то войне с созданиями Пыли, которая как раз недавно перешла из хронической стадии в острую. В конце концов Линн, положив подаренную игрушку в карман, отправляется гулять под дождем по ночному Городу (Город тоже с большой буквы). Место и время действия романа подчеркнуто не определены. Только через сотню страниц неожиданно выяснится, что «этот город называется Москва».

В парке героиня знакомится с молодым человеком, который говорит, что держать животное в кармане нехорошо — оно ведь и задохнуться может. Линн в растерянности извлекает из кармана живую крысу. Молодой человек сообщает, что зовут его Шелл. Если девушка хочет, может пойти с ним. Линн соглашается, и с этого момента связное повествование уступает место нагромождению обрывочных эпизодов без конца и начала.

Довольно быстро выясняется, что Шелл — практически бессмертное существо, «вольный житель городов и дорог» и весьма крутой маг, а Линн теперь его ученица.

Неразъясненного и неясного в книге много. Например, откуда взялся и зачем нужен третий член этой компании — менестрель по имени Ласте, который большую часть времени то зажимает рану в боку, то лежит под деревом и бредит. Даже тот факт, что Ласте на самом деле женского пола, читатель узнает не сразу, ибо в тексте прихотливо чередуются настоящее и будущее время, а изложение нередко ведется от второго лица — то ли Линн говорит сама о себе, то ли это уже вклинивается речь Шелла.

Отношения Шелла и Линн — тема отдельного разговора. То и дело поминается немыслимая красота главного героя, особенно в те моменты, когда он поет, сражается на мечах или творит магию, однако о его внешности нам почти ничего не известно: автор ограничивается незначительными характеристиками вроде «длинные светлые волосы», «лучистые глаза» и т.п. Зато значение его имени — «раковина» — неоднократно обыграно:

подчеркивается закрытость героя от мира и некая неведомая даже ему тайна, которую он несет в себе.

Какую-то логику в похождениях героев и их блужданиях по разным мирам искать бессмысленно. Линн, недавно рыдавшая по поводу того, что прежде ни разу не держала в руках меч, пару страниц спустя уже с легкостью рубится с посланцем созданий Пыли. Только что герои удирали на армейском грузовике из горящего города — и вот уже пробираются по какому-то подземному лабиринту, попутно рассуждая о продажности местных гномов. Некоторые эпизоды (например, вся история с крылатыми кошками) вообще вставлены в текст лишь ради красивой картинки. Персонажи второго плана уходят в никуда, а потом вдруг упоминаются в самых неподходящих местах.

Однако ближе к концу у всей этой мешанины появляется неожиданная мотивация. Оказывается, Шелл — одно из самых сильных творений Хаоса. Более того, Хаос — цель и основной способ существования Шелла. Сам он, правда, красиво именует это «принципом разнообразия». Создания же Пыли, напротив, склонны все упрощать до состояния полной энтропии, а потому подлежат уничтожению. Что ж, если этот калейдоскоп эпизодов — всего лишь попытка передать мировосприятие абсолютного «хаотика», то нельзя не признать данную попытку по-своему изящной. Но едва для читателя хоть что-то начинает проясняться, как автор снова делает поворот на всем скаку. Оказывается, таинственные Бригады Эрдеми, с которыми герои неоднократно сталкивались раньше, считая их не то пособниками Пыли, не то искренне заблуждающимися, на самом деле исподволь переустраивают мироздание на свой лад. А создания Пыли — всего лишь фальшивка, которую команде Шелла подсунули, чтобы отвлечь от тех, кто действительно занят делом. Все это снисходительно разъясняет героям, попавшим в магическое окружение, женщина в алом с золотом плаще, представитель одной из Бригад. Причем произнесенная ею фраза «Мы просто поиграли с вами в интересную игру» заставляет предположить, что это и есть Альрисса (и автор подкрепляет это предположение сообщением, что Линн ее узнала).

На этом месте автор попросту обрывает повествование, оставив читателя в растерянности, с массой вопросов. Где же теперь добро, а где зло? Если добро — то, что делают Бригады, то к ним надо присоединяться, но почему-то не хочется... Если Бригады — зло, то с ними надо бороться, но возможно ли это в принципе?

В конечном счете появление «Пути, уводящего в облака» лишний раз доказывает, что не следует объявлять постмодернистом любого, кто сам толком не знает, куда заведет его эта бесконечная дорога от одного недоделанного текста к другому...

Наталия МАЗОВА

ГОСТИ НАШЕЙ ПЕСОЧНИЦЫ

В последнее время споры и ссоры между некоторыми представителями так называемого «мейнстрима» и авторами традиционной фантастики приобрели характер семейный, можно даже сказать — кухонный. С упорством, недостойным вообще никакого применения, они уличают друг друга либо в измене жанру, либо в отходе от вечных ценностей. Одни стоят на позициях, назовем так, ортодоксальной фантастики (и мы знаем их имена), другие же горделиво просят более их фантастами не именовать, поскольку они писатели, просто писатели... Но эти вопросы самоидентификации смело можно было бы отнести к сфере рекламы и саморекламы, если бы не наблюдались некоторые забавные тенденции, заставляющие подозревать, что дело не только в дешевом пиаре. Книга Виктора Юрчевского «Драбанты повелителя слов», вышедшая в издательстве «Новая Космогония», лишь укрепляет в этих подозрениях. Но сначала о самом романе.

Сюжет, на первый взгляд, может показаться пародией на пародию, иными словами, на прямое заимствование идеи путешествия по воображаемым литературным мирам, осуществленное небезызвестным Луи Седловым из «Понедельника...». Что это — очередная бесконечная поделка очередного «ученика»? Но фигура автора доселе в фантастике не была замечена, а литературные пласты, перелопаченные в романе, к фантастике, в общем-то, в первооснове своей не тяготеют. Юрчевский, опубликовавший в «толстых» республиканских журналах несколько повестей и рассказов в духе откровенно постмодернистской прозы, прошел-

ся лихим наметом по мировой и российской классике, излагая свою версию тех или иных событий, описанных в сочинениях великих...

Введение в роман представляет собой вязкий диалог неких безымянных сущностей, полный глухих пророчеств, невнятных предсказаний и туманных намеков. Суть их становится мало-мальски понятной лишь после прочтения нескольких глав, почему-то автором названных инсталляциями.

Итак, то ли во времена доисторические, то ли в наши с вами или же вовсе в безвременье обретается некто, имя которому Повелитель Слов — божество или очень сильный маг, имитирующий божество. Он умеет воплощать слово в реальность.

Но авторской фантазии хватает лишь на то, чтобы в реальность воплощались в основном напечатанные слова, а именно — произведения классиков мировой литературы, причем явно по списку школьного учебника по литературе для старших классов. Но не будем строги...

Повелитель обнаруживает, что в мирах, созданных им, наблюдается некоторый беспорядок, местами переходящий в полный бардак. Логика и структура этих миров рушится, герои и иные персонажи, обреченные, казалось, на бесконечное повторение и воспроизведение сюжета, то ли пытаются выйти из-под контроля, то ли имеет место, как сейчас принято говорить, несанкционированное вмешательство темных сил. Самое смешное, что ответа на этот вопрос автор так и не дает. Остается непонятной также цель и смысл создания таких миров.

Повелитель рассылает своих драбантов* на предмет выяснения и недопущения. Собственно, приключения одного из них и составляют канву произведения. Попав в мир очередного литературного произведения, герой воплощается в какого-либо, второстепенного, как правило, персонажа. Хотя фабула местами подозрительно смахивает на «квантовые скачки» из одного американского сериала, герой тем не менее всегда знает, что ему надлежит сделать — а именно восстановить status quo. Так, например, в «Пиковой Даме», обна-

* стражник, охранник. — *Примеч. ред.*

ружив вопиющее несоответствие с сюжетом (Германн и Лиза на выигранные деньги собираются провести медовый месяц в Ницце), он блуждает вперед-назад по всему миру-произведению, но никак не может понять, почему азартный игрок все же вовремя остановился...

Детективная линия могла стать весьма занятой, но герой неведь почему воплотился в немощную старую графиню и в состоянии лишь наблюдать. В этой главе рассыпаны намеки на некие тайные силы, которым была сопричастна носительница секрета трех карт, вскользь говорится о тамплиерах, Сен-Жермене и каких-то путешественниках во времени. Наконец герой выясняет, что всему виной был кто-то из гостей, случайная реплика которого заставила Германна бросить игру.

Стилизация автору не вполне удалась. Хотя он очень старался не отходить от оригинала, но время от времени сквозь речь персонажей Пушкина прорывается лексика братков. Если это было сделано намеренно, тогда непонятен серьезный и даже местами напыщенный пафос романа.

Расставив все по своим местам, то есть утопив Лизу, герой переходит к следующей миссии.

В некоторых главах он встречается с другими посланниками; кое-кто из них не очень-то доволен своими деяниями; иногда герой сталкивается даже с актами откровенного саботажа. Один из драбантов влезает на «чужой участок» и всячески пытается обустроить Россию «Войны и мира». Вся эта фарсовая ситуация раздражает абсолютной серьезностью, с которой автор рассуждает о «Россиях, которые мы потеряли». Создается впечатление, что для него вообще вся наша история — перечень потерь и поражений.

Приблизительно к середине романа герой (а возможно, и сам автор) слегка подзабывает, о чем, собственно говоря, идет речь. Оказавшись в реальности «Войны миров» Уэллса, он на протяжении чуть ли не полусотни страниц азартно сражается с марсианами, которые, как выясняется, благополучно покорили землян и всюю упиваются нашей с вами кровушкой. Судя по всему, именно этот фрагмент дал повод автору предисловия к книге, известному литературоведу, до сих пор нигде интереса к фантастике не выказывавшему, назвать роман «остросюжетной фантастикой».

Надо отдать должное Юрчевскому, здесь он честно пытается следовать канонам фантастического боевика. Но все это настолько банально и заезжено в бесконечных книгах и фильмах, что даже оторопь берет — неужели автор не смог или не захотел придумать что-то новое, помимо череды засад, пальбы и шинкования марсианских щупалец большим мясницким топором?

В последней главе герой оказывается в мире «Мастера и Маргариты», и это самые беспомощные эпизоды романа. Здесь и намеки на мистическую сущность НКВД, и какие-то мимолетные персонажи, явившиеся в булгаковскую Москву прямиком из Шамбалы, и набившие оскомину рассуждения о противоборстве каких-то древних демонов... Чего-чего, а модной криптоистории, которая уж доподлинно знает, как все было «на самом деле», тут в избытке. Единственно, чего не хватает — чувства меры. Наверное, Юрчевскому показалась очень оригинальной «версия» о Воланде как о креатуре тайных обществ, взлелеянных в недрах советских спецслужб. Утешает хоть то, что у автора хватило такта не касаться линии Иешуа.

Ближе к финалу Юрчевский делает довольно-таки вялую попытку связать разлохмаченные концы с концами. В разговоре с невестой откуда взявшимся подельником-драбантом с подозрительным именем Габриэль мимоходом бросается фраза о том, что, возможно, и сам Повелитель Слов, и вся эта катавасия с исправлением имен — тоже некое литературное повествование, в сюжете которого возится драбант высшего порядка... Но эта «оригинальная» мысль так и пропадает втуне, не получив никакого развития, а герой, увлеченный Геллой (единственный неожиданный ход во всем романе), решает остаться в той невероятной Москве, правда, несколько улучшив ее для своих личных удобств. Роман фактически обрывается на полуслове, на том месте, когда Гелла, получившая «вольную» от своего господина, и герой вселяются в роскошную квартиру бывшего ответработника и беседуют о том, как им славно будет по ночам пугать прохожих...

Так что же мы имеем в сухом остатке? Понятно, что для любителя фантастики — это криво сколочен-

ное скучное повествование без начала и конца, своего рода выставка развешанных ружей, ни одно из которых так и не выстрелит. Разумеется, «мейнстримная» тусовка, в которую входит автор, ударит в литавры и тамбурины, это будет раскрыто в прессе и так далее по уже набившему оскомину сценарию. Мы и раньше наблюдали, как известные писатели и поэты, не скрывавшие своего пренебрежительного отношения к фантастике, вдруг словно прозревали (или слепли) и выдавали «на гора» маловразумительную прозу. Почему-то «взрослым» дядям очень хотелось в нашу песочницу. И теперь время от времени кто-то из «серьезных» вдруг делает странный курбет, а фэны возбужденно спорят, вносить сей опус в национальные списки или не вносить.

В одном из обзоров в «толстом» журнале мне попалась на глаза фраза критика о том, что «Юрчевский наполняет литературный процесс свежей кровью». Это корявое высказывание заставило задуматься вот о чем: а что, если все так называемые «заимствования», «продолжения» и иные формы эпигонства суть проявления некоей, доселе неизвестной формы вампиризма? Может, сам факт обращения людей не всегда бездарных, а порой даже талантливых к ненавистным жанрам и направлениям всего лишь проявление особо изощренного голода? Может, поэтому в свое время Вознесенский, Евтушенко, Айтматов, Тарковский припадали к чуждым водам... или то была не вода?

Может, отсюда и безответная любовь некоторых фантастов к «серьезной» литературе?

Тогда упреки справедливых, но излишне суровых блюстителей чистоты жанров становятся бессмысленными. Критикой тут не поможешь. Знатоки рекомендуют крест, серебро и осиновый кол.

Это шутка.

Павел ЛАЧЕВ

НОВАЯ ИУДЕЙСКАЯ ВОЙНА

За последние десять лет в отечественной фантастике произошли значительные перемены. В частности, рухнул один из столпов, поддерживавших небесную твердь, затонул один из китов — утопия. Впрочем, антиутопия тоже ненадолго пережила свою извечную оппонентку. На смену этим двум жанрам пришел новый — единый и синкретический — «имперская» фантастика. В прежние годы империю было принято ругать. Потом империю столь же страстно стали воспевать. Затем кое-кто задумался: а что же он, собственно, воспевает?..

Постепенно и здесь появились свои штампы — процветающая Российская Империя, в которой революции 1917 года не произошло; Россия, объединившаяся с исламским Востоком или с Китаем; эволюционировавший до благообразного состояния Третий рейх. Наверное, в отечественной фантастике не было только Израильской Империи.

Но вот появилась и такая...

Впрочем, в аннотации московского издательства «Новая Космогония» роман Алексея Ильина «Дилетант» рекламируется как образец отечественного киберпанка. Начало же его традиционно скорее для обычного боевика — правда, со слегка экзотическим антуражем. Главный герой, скромный программист Сергей, помимо своей воли попадает в авантурную историю. Фирма, в которой он работал, решила «срубить» денег на продаже списанного «по конверсии» оружия в одну из африканских стран. Сергей в качестве переводчика вместе с одним из директоров отправляется в Африку подписывать контракт — и оказывается в залож-

никах некоей военной группировки. Русские заложники здесь в цене. Но уже через несколько страниц пленника освобождают и предлагают возглавить восстание. Впрочем, стать «черным полковником» герою не удастся: верные правительству силы ликвидируют путч, а Сергей с удивлением узнает, что сыграл в этой победе далеко не последнюю роль. Словом, его продолжают принимать за кого-то серьезного — даже по возвращении в Москву. Оказывается, кто-то успел нацепить на Сергея ярлык «специалиста по предотвращению государственных переворотов». И вскоре ему предлагают новый контракт — предотвратить военный переворот в Израиле! И обратной дороги нет.

Сергей не имеет ни малейшего представления о том, что должен делать. Единственное его оружие — ноутбук с модемом, который одновременно может служить и средством для бегства от окружающего реального мира в мир виртуальный.

Но «русский киберпанк» получается у автора плохо. Гораздо лучше удаются сцены с блужданиями героя по питейно-увеселительным заведениям ночного Иерусалима, где Сергей знакомится с американским журналистом Доном — колоритным бородатым типом, слегка напоминающим Хэмингуэя, которому наскучило ловить рыбу с Фиделем Кастро.

К удивлению Сергея, идею военного переворота в Израиле американец принимает чрезвычайно близко к сердцу и тут же зачитывает краткую, но весьма убедительную лекцию о профессионализме в искусстве войны и разведки.

Со времен Первой мировой военное искусство постоянно деградировало. Уже в 1942 году Гальдер (начальник германского Генштаба) сказал, что «того солдата, который был у нас в четырнадцатом году, сейчас мы даже приблизительно не имеем». После войны дела пошли и того хуже — судя по всему, последние профессионалы военного дела были расстреляны в Москве в 1937 году либо повешены в Нюрнберге и Токио в 1946-м.

Во второй половине XX века по-настоящему боеспособной показала себя только одна армия — израильская, перенявшая лучшие традиции вермахта и РККА. С шестидесятых годов она вела почти непрекращающиеся

«блицкриги» против куда более сильных соседей и при этом почти не знала поражений. Но с начала 1980-х (особенно после резни в Бейруте) популярность израильской армии стала падать...

Дальнейшее расследование Сергей и Дон уже ведут совместно, хотя не вполне понимают, что же конкретно они ищут и где это «что-то» надо искать. Но Дон постоянно подбадривает своего нового друга: мол, в наше время дилетант куда могущественнее специалиста, поскольку прекрасно осознает недостаток своих знаний и квалификации. Специалист же, как правило, имеет лишь формальные знания, непригодные для использования в постоянно меняющейся обстановке, но при этом убежден в обратном и поэтому неспособен адекватно оценивать ситуацию.

Взяв на вооружение эту философию, автор гоняет своих героев по компьютерным сетям, демонстрируя не столько их умение взламывать коды или искать обходные маршруты, сколько способность принимать нетривиальные решения и определять важность тайны по масштабам реакции ее хозяев. В конце концов партнеры обнаруживают-таки след заговорщиков. И выясняют, что захват власти военными должен стать всего лишь прелюдией к исполнению грандиозного плана, разработанного таинственным «Алефом» — чрезвычайно засекреченным штабным гением израильской армии.

«Шестидневная» война вот-вот повторится, но в более грандиозном масштабе. Основные цели операции — Саудовская Аравия, Кувейт и прочие нефтяные эмираты Персидского залива. Израильские парашютисты-коммандос, заранее заброшенные в арабские страны под видом туристов, должны захватить ключевые пункты в столицах и парализовать системы связи и управления противника. Одновременно танковые колонны совершают грандиозный марш-бросок сквозь аравийские пески, через территорию Иордании, Сирийскую пустыню и Большой Нефуд по двум расходящимся направлениям — на Мекку и на Оман.

Грандиозность плана потрясает воображение и сразу же заставляет усомниться в его реалистичности. Но автор скрупулезно излагает подробности — вплоть до

численности и характеристик израильских танков и самолетов, а также количества транспортных машин и бензозаправщиков, потребных для осуществления беспримерного рейда. В общем, выходит, что подобная операция имеет не меньше шансов на успех, чем германский блицкриг во Франции в мае сорокового года или бросок Роммеля от Дерна до Эль-Аламейна в июне сорок второго. Кроме того, израильское наступление имеет шанс получить поддержку со стороны некоторых второстепенных арабских стран, горящих желанием поживиться за счет «жирных нефтяных котлов». В итоге под контролем Израиля должна оказаться основная часть мировых запасов нефти, что даст ему возможность не только на вечные времена обеспечить собственную безопасность, но и диктовать свои условия всему остальному миру. Постепенно вникая в детали этого безумного плана, Сергей и Дон начинают испытывать невольное восхищение его творцами. Идея силой объединить государства Ближнего Востока и установить здесь принудительный мир в глазах человека, знакомого с кровавой историей этих древних земель, выглядит достаточно привлекательно.

И вот этот красивый и идеально выверенный план героям надлежит сорвать. Сделать это можно лишь одним способом — нанести удар по главному нервному узлу и мозговому центру плана, то есть по «Алефу». Кто такой «Алеф» — человек, группа людей или просто компьютер, координирующий действия сложной системы, которая вот-вот будет приведена в действие? Узнать это можно, только добравшись до него и уничтожив — либо хотя бы на некоторое время выведя из игры. Ведь даже суточного сбоя хватит, чтобы тщательно проработанный план операции полетел под откос.

До чего знакомый сюжетный ход! Задача выполнена, миссия завершена, остается лишь поставить финальную точку, и в этот момент герои понимают, что предпочли бы сражаться на противоположной стороне. Впрочем, автор припас еще один сюрприз: «Алефом» оказывается девушка — наша соотечественница, иммигрантка из бывшего СССР, гениальный программист и выдающийся специалист по системному анализу. А сам «заговор генералов» — всего лишь информационная модель, искусно запущенная в централизованную компьютерную сеть израильского ми-

нистерства обороны. И уже затем спровоцированные ею действия породили реальный план войны, в результате чего виртуальная реальность обрела плоть и кровь.

Но зачем же «Алефу» понадобился весь этот дьявольский план, имеющий целью создание Израильской Империи от Средиземного моря до Индийского океана?

А почему бы и нет? Неужели мир, который она пыталась создать, был бы хуже нынешнего? Автор аккуратно подводит нас к этому вопросу — не давая прямого ответа, но и не особо скрывая, на чьей стороне его симпатии. В конце концов, установление единого контроля над ближневосточной нефтью позволило бы новоявленной державе бросить вызов Западной Европе и США, являющимся основными потребителями не только «черного золота», но и большей части всех мировых ресурсов. Не настало ли время восстановить справедливость? Не секрет, что такая идея по душе большинству обитателей «третьего мира» — в том числе и жителям арабских государств Ближнего Востока. Таким образом, Израиль и в самом деле мог бы получить шанс прекратить затяжное противостояние с арабами — с помощью древней мудрости: если не можешь уничтожить врагов, возглавь их.

Автор прекрасно понимает, что сегодня подобные идеи явно или неявно разделяют многие. Очевидно, поэтому он и завершает роман на самом интересном месте, не ответив ни на один из поставленных вопросов. Или это — всего лишь финал очередного пролога, а самое главное — впереди?

Владислав ГОНЧАРОВ

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ N

В последние два года жанр социальной фантастики теснит все остальные. Приток амбициозных авторов в этот сегмент книжного рынка усилился. Вновь стало модным обсуждать, каким станет общество через тридцать или триста лет, у фантастов появился вкус к социальному моделированию. Стараясь идти в ногу со временем, издательство «Новая Космогония» выпустило книгу Павла Олежского «Муть-28».

Об авторе известно лишь то, что издатель счел нужным сообщить в аннотации: это «один из представителей генерации новых интеллектуалов, которые активно занимают руководящие посты, чтобы эффективно использовать свои знания. Они прожженные циники, и поэтому вдвойне идеалисты. Для них литература — такое же серьезное дело, как реструктуризация естественных монополий». Содержание романа дает основания предполагать, что автор входит в тусовку политехнологов, сложившуюся вокруг ФЭПа г-на Павловского.

Удивительно не то, что среди имиджмейкеров есть поклонники НФ. Примечательно само намерение скрестить постмодернистскую прозу и научную фантастику, использовать традиционный арсенал НФ-поэтики — но при этом удержаться в русле «мейнстрима» с его жесткими требованиями к художественной состоятельности. Рассчитывать на признание в узком кругу «высоколобых» — но при этом быть понятным и интересным для широкой публики. Олежскому помогает профессионализм и превосходное знакомство с классикой НФ. Шаблонный фантастический образ у него становится иллюстрацией социологической концепции.

В полном соответствии с постмодернистским канонem «Муть-28» содержит множество цитат и аллюзий. Вторично даже само название, не говоря уже о центральной фантастической идее. На третьей сигнальной системе еще до Стругацких успело потоптаться немало фантастов. Из данной идеи вырастает несколько тем, которые причудливо переплетаются, и не всегда успеваешь уследить, сумел ли автор свести концы с концами.

В первой части романа повествование ведется от лица молодого специалиста, попавшего в когортu «избранных». Действие происходит в городе N, центре N-ской губернии, где герой начинает чиновничью карьеру. 2028 год: компьютеризированные интерьеры, медиа-органайзеры в формате наручных часов и тому подобные приметы времени. Живая речь героя представляет собой смесь техножаргона с канцеляритом — он действительно ТАК думает.

Максим Тачанов записывается на курсы психологического тренинга, чтобы попытаться забыть о несчастной любви. Курсы оказываются отборочной комиссией по выявлению «странников». И после череды юношеских трепетаний, которые проходят на фоне нового амурного увлечения и затяжного аврала в обл администрации, герой получает уведомление: он является зачаточным Superhomo.

Наставники демонстрируют настоящие чудеса (возможность управлять компьютерами без интерфейса) и зовут в свои ряды. Учителя строги и настойчивы, подталкивают Максима к духовному самосовершенствованию. Наставники могут быть и жесткими — впечатляет момент, когда один из них резко заявляет простуженному юноше: «Я твой врач!» Чтобы стать полноценным сверхчеловеком, нужно: а) пройти полный курс развивающего обучения; б) больше общаться с себе подобными; в) не распространять информацию о деятельности общины «продвинутых» (так они себя называют) за ее пределами.

К середине первой части читающий начинает ясно понимать, что созданное по расо-видовому принципу тайное общество «продвинутых» преследует среди прочего и вполне политические цели. В обмен на подчинение внутривидовой дисциплине «продвинутые» не только становятся «информационными волшебниками», но и получают шанс

быстрого карьерного роста. Свои «продвинутые» есть в разных подразделениях администрации, в газетах и на ТВ, и якобы даже в спецслужбах.

У каждого народа — свои мифы. У «продвинутых» это миф об ускоренном прогрессе, свет которого они должны нести простым людям. Сделать жизнь разумной и справедливой. Обеспечить мирное сосуществование двух рас. Создать условия для полноценного развития латентных «продвинутых».

Максим с удовольствием включается в эту работу. А если бы Вы, читатель, могли несколькими движениями мысли оптимизировать водоснабжение целого города, неужели бы Вы отказались это сделать? Местами — там, где описываются этапы реализации амбициозного плана наставников — текст начинает напоминать производственный роман. Фантастика у Олежкина здесь становится по-настоящему научной: он берет за основу современную науку об управлении и пишет о ней так, как Кларк и Азимов писали об астрономии.

Община — центр жизни «продвинутых», что порождает различные конфликты. Вообразите, например, «продвинутого» мэра небольшого городка, который разрывается между рекомендациями наставников и требованиями избирателей в канун выборов.

Вопреки тревожным ожиданиям читателей, в жизни самого Максима все складывается отлично. Навыки, полученные в ходе психотренингов, позволяют ему легко справляться с проблемами, в том числе и на личном фронте.

На этом фоне совершенно неожиданной выглядит вторая часть романа, второе меньшая по объему, где дается совершенно иная интерпретация событий. Ее герой — капитан N-ского управления безопасности Дмитрий, участвующий в расследовании дела «продвинутых». Причем лишь к концу романа он узнает, что одним из «продвинутых» является его двоюродный брат Максим Тачанов...

С повседневной жизнью спецподразделений автор знаком плохо. Трудно, например, представить себе полковника ФСБ, который читает своему подчиненному лекцию на десять страниц о «самоорганизации в малых группах на основе коллективной идентичности» и попутно делит-

ся оперативными данными, полученными от источников в Лэнгли и Завидово.

Здесь политехнолог явно берет верх над писателем. Жанровые конструкции становятся подпорками для идей. Однако все это вполне укладывается в канон ценимой нами научной фантастики. Оставить загадку неразрешенной было бы против правил, поэтому без подробного объяснения не обойтись.

Сверхспособности, описанные в первой части, не являются уникальными и могут быть развиты у любого человека. Дело в том, что компьютерная сеть последнего поколения создавалась с расчетом на использование некоторых второстепенных функций мозга, отсюда «компьютерные волшебники». На «незадокументированные возможности» существующей электроники накладывается несложная психотехника, которую один из персонажей романа походя называет «групповым зомбированием», — и вот вам весь секрет «продвинутых». Но в силу текучести кадров технология вышла из-под контроля, а применение стандартных оперативных методов не дало результата.

«С этими людьми невозможно иметь дело, — говорит полковник Самойлов. — Они не желают признавать правила логики и здравого смысла. Они говорят одно, имеют в виду другое, а делают совершенно противоположное. Они вкладывают в привычные вам слова собственный смысл и через это постоянно пытаются вами управлять».

Дабы читатель не заподозрил, что это описание относится ко всем политикам вообще, Олешкин во второй части романа густо мажет отщепенцев черной краской. Они, оказывается, поддерживают связи с бандитскими группировками, совершают нелегальные экономические операции, помогают группам влияния левацких и фундаменталистских организаций. Возможно, участвуют в распространении наркотиков.

(Все это со слов полковника — который, похоже, боится сказать прямо, что именно он когда-то провалил данную оперативную разработку.)

У них есть тайные боевые отряды из числа особо проверенных («особо продвинутых» — говорит Самойлов), которые воюют с местной мафией за контроль над

энергосетью и пишат на памятниках похабства ко Дню Конституции. Теряющий правдоподобие монолог полковника для живости разбавлен протоколами допросов боевиков.

Негативная интерпретация полковника Самойлова и капитана Дмитрия полностью противоречит тому, что мы прочли в первой части. Выяснить, как все обстоит на самом деле, невозможно. Дмитрию остается поверить полковнику на слово. А читателю Олежкин предлагает насладиться противоречивостью и несводимостью разных интерпретаций.

Одно из самых сильных мест романа — начало облавы, описанное в предпоследней главе. По городу расставлены специальные приборы, которые в медицине используются для тестирования космонавтов. Они должны фиксировать интенсивную работу мозга в «продвинутом» режиме (изгой называют свою способность «грокфис», а уполномоченный пишет просто «альфа-частота 157,5»). В местах массового скопления людей они работают с вероятностью 28%. И вроде бы ничего еще не успело произойти — автор рассказывает про прибор, про техническую подготовку операции, но при этом мастерски нагнетается тяжелая и мрачная атмосфера, наслаиваются один на другой образы разных эпох: проверки документов у лиц кавказской национальности, Холокост, Варфоломеевская ночь, большевистский террор... Все это кристаллизуется в метафорический инвариант отношений во власти — они-то и являются главной темой романа.

«Муть-28» описывает простую технологию: доступ к аудиотехнике шарлатаны превращают в организационный ресурс, который затем конвертируется во власть. Трудно не согласиться с выводом Олежкина о том, что формирование групповой идентичности на основе невнятных мифов, легенд и неведь откуда взявшихся традиций представляет собой рецидив фашистской политической культуры (см. эпилог).

Фантастика прошлого, желавшая быть научной, имела дело с индустриальными технологиями обработки материалов. Но сегодня ведущую роль играют информационные и социальные технологии обработки сознания. Современная НФ, чутко реагируя на новшества, подхватывает эту тему.

Сергей НЕКРАСОВ

КВАДРАТУРА ЖЕЛЕЗНОГО КРУГА

Выпустив роман Алексея Бурьянова «Из Железного Круга», издательство «Новая Космогония» не прогадало. И любителям крутого сюжета, и ценителям приключений духа достанется по кусочку шоколадки. Слишком удобный жанр избрал Бурьянов. Мистический триллер, написанный более или менее мастеровитой рукой, с легкостью увлечет читателя, переместит на несколько часов из первичной реальности в иллюзорную, и причиной тому — общие свойства жанра. Эффект сопереживания гарантирован, ибо сюжет мистических триллеров обычно строится так, чтобы читателю было с кем из героев себя отождествить, а убедительные декорации этому весьма способствуют, поскольку действие большей частью происходит «здесь и сейчас». Все узнаваемо, все привычно, хотя и так фантастично... Короче, довольны могут быть все заинтересованные лица — и читатель, и издатель, и, видимо, даже автор.

Другой вопрос: а возможно ли в рамках жанра нечто большее? Может ли мистический триллер, не теряя массового читателя, подняться до истинных литературных высот, где воздух редкий и холодный, а звезды яркие-яркие и до них рукой подать?

Нетрудно догадаться, что Алексей Бурьянов такую задачу перед собой ставил. В его романе не только ведь на мечах дерутся, наводят чары и палят по супостату из автомата «узи». Текст, в котором событийная линия перемежается главами древнего мистического трактата (разумеется, вымышленного), претендует на идейную драму.

Сия драма, впрочем, завязывается не у нас, а в некоем сопредельном мире, вполне фэнтезийного типа — с колдунами, императорами, нечистью, дворцовыми интригами. Интересны декорации — они сработаны не по надоевшим средневеково-европейским образцам, а на базе иной, куда более архаичной культуры. Это даже не античность, а скорее Древний Восток — Египет, Месопотамия, отчасти Китай. Архаика проявляется не только в описании «иного» мира, но в линии «желтых свитков», т. е. рассыпанных по тексту глав из некоего мистического трактата. Прямой сюжетной связи нет, «свитки» поначалу кажутся чужеродными вкраплениями, но потом понимаешь — это не случайно, в них постулирована метафизическая концепция, объясняющая как психологию местных магов-жрецов, так и механизм взаимодействия миров (а уж из этого механизма напрямую вытекает и сюжет). Оригинальна ли, впрочем, подобная концепция? При внимательном взгляде различаешь и заимствования из Кастанеды, и из «Розы мира» Даниила Андреева, и из раннехристианских гностиков. Поистине, нового слова в оккультизме, как ни старайся, не скажешь, грядка эта давно уж окучена. Правда, стилистика «желтых свитков» весьма оригинальна, и автор сознательно играет на ее контрасте с сюжетной составляющей.

В Олларе (так по названию крупнейшей тамошней империи именуется этот мир) начинается религиозная война, постепенно переходящая в войну гражданскую. На смену язычеству приходит монотеизм, вера в Единого Благого Бога, «Рожденного и Нерожденного». Местные жрецы, естественно, страшно недовольны и противостоят, страна расколота надвое. Выступающий за «Единого» Север, отсоединившись от богомерзкого Юга, предпринимает военный поход с целью спасти людские души и низвергнуть идолов. Разумеется, люди всегда люди — то есть море крови, запредельная жестокость с обеих сторон. Ясно просматриваются аналогии с историей христианской Церкви, когда поддержанное в начале IV века римским императором Константином, гонимое дотоле христианство стало господствующей верой. Параллели эти скорее всего проводятся автором сознательно — его всерьез интересует вопрос, насколько насилие неизбежно в борьбе двух духовно несопоставимых тради-

ций, тем более когда эта борьба затрагивает архаичное общество.

Хорошо, но при чем тут мы, наше «здесь и сейчас»? Да ведь олларские страсти выплеснулись и сюда, на московские улицы. Могушественный Орден магов (фактически — теневое правительство Юга) трезво просчитал свои перспективы и понял — близится закат, грядет эра Единого Бога. Его приверженцы, ясное дело, магов придавят, это лишь вопрос времени. Где же выход? А выход — эвакуация Ордена в подходящий сопредельный мир. Но вот беда — наиболее подходящий лежит далеко, а перед ним — наша Земля (называемая олларскими магами Железным Кругом). Вот Землю и решено использовать как пересадочную станцию, ибо по всем физико-магическим законам прямой переход невозможен, без буферной зоны не обойтись. Поэтому к нам командировуют опытного пожилого мага Хайяара, который, натурализовавшись, должен подготовить все необходимое для массового перемещения.

Однако и наши не лыком шиты. Хайяара тут же берет в разработку спецотдел ФСБ, контролирующий всяких мистиков, экстрасенсов и колдунов. Вообще этот спецотдел, УКОС, — отдельная «песня». Более всего он напоминает кусочек ван Зайчика, Ордуси, пересаженный на нашу неприглядную почву. Управление, куда не берут плохих людей, где сотрудникам не «грозят» ни высокие зарплаты, ни привилегии, ни служебная карьера, они работают за идею... Интересно, Бурьянов иронизирует или мечтает всерьез? Да, замысел по-своему логичен — ведь тот же УКОС, построенный на обычных началах, оказался бы слишком опасен для страны. Контролируя всяческую магию, овладевая тайными знаниями, укусовцы сами могут стать непредсказуемой и неконтролируемой силой. Лишь тонкий слой морали способен удержать их от этого. Да вот удержит ли?

Итак, интрига разворачивается на нашей Земле. Орденский резидент Хайяар, маскирующийся под скромного пенсионера, вербует себе помощников из числа сектантов-окультистов, укусовцы устанавливают астральную связь с вождями олларских приверженцев «Единого», которым вовсе не хочется выпустить мятежных магов. Но

что те, что эти недооценивают тайную службу государя Южного Оллара, а ведь тот ведет свою игру...

К счастью, драма идей разворачивается в виде драмы людей. Психологические метания главных героев вполне достоверны, ведь жизнь (на самом деле, конечно, автор) то и дело ставит их в неразрешимые ситуации.

Фактически вся событийная составляющая романа является переплетением трех сюжетных линий, по числу главных героев. Трудный подросток Митька, деликатный полковник Виктор Михайлович, суровый маг Хайяар — все они раскрываются с неожиданной стороны, выходят за рамки отведенных им по сюжету ролей. Они попеременно вызывают то сочувствие, то раздражение. Светлых рыцарей без страха и упрека здесь нет. Герои воюют преимущественно сами с собой, и вплоть до финала исход этих поединков неясен. Финал, впрочем, вызывает сложные чувства. Интрига, лихо закрученная автором, под конец явно провисает. Похоже, Алексей Бурьянов и сам не знал, чем же ее завершить, не теряя в качестве. Если с человеческими коллизиями еще как-то можно найти красивое решение, то с религиозно-философской проблематикой такое не удалось. «Нулевой вариант», к которому все приходит в итоге, кажется не то чтобы неестественным, но недостаточным. Так неумелый воспитатель, не в силах помирить поссорившихся детей, с досадой расставляет их по углам.

Но ведь это беда не одного лишь Алексея Бурьянова. Похоже, такова вообще примета нашего не склонного к неспешным раздумьям времени — ставя острые и глубокие вопросы, тут же предлагать меню из банальных ответов или (что честнее) не предлагать ничего. Увы (а может, к счастью?) — небанальные ответы живут за гранью собственно литературы. Умей мы нырять на такие глубины — у нас, возможно, была бы другая страна и другая фантастика. Но пока — бегаем в железном круге.

Виталий КАПЛИАН

НА ПОСЛЕДНЕМ БЕРЕГУ

Современную читательскую аудиторию можно условно разделить на три группы. Это «сюжетники», «эстеты» и «эмоционалы». Особенно четко группы проявляют себя в фантастике — жанре, априори превосходящем другие литературные направления по количеству идей и сюжетов, а также по возможностям их вербализации. «Сюжетников» интересует само действие, оригинальность идеи, логичность построения фантастического мира. «Эстеты» обращают внимание на литературный стиль, глубину философских построений, наличие подтекста, вторых и третьих смыслов. «Эмоционалам» же ближе всего герои, они, как жуки-кфулу, буквально питаются эмоциями и, отождествляя себя с каким-либо персонажем, фактически живут его жизнью. Произведения, завоевавшие одновременное благорасположение хотя бы двух групп читателей, можно смело называть талантливыми, трех — шедеврами. И хотя шедевров в последнее время на горизонте не наблюдается, издательство «Новая Космогония», отбирая рукописи для публикации, стремится, чтобы каждая книга хотя бы имела шанс вызвать интерес у всех читательских «сословий».

Подобная попытка предпринимается в романе Владислава Назарова «Берег дна». Все мои старания найти в библиографиях этого фантаста были тщетны, однако стиль повествования выдает в Назарове сложившегося профессионала. Впрочем, о большинстве авторов «Новой Космогонии» можно сказать то же самое. Очевидно, это один из принципов издательства — дать известному писателю возможность проверить реакцию публики без влияния магии имени. Этакий своеобразный вариант «гамбургского счета».

Главный герой романа Дмитрий Малинов — программист-системщик, из тех, которых сейчас модно называть хакерами. В советские времена работал в «ящике», после трагической смерти жены ушел в свободное плавание, ныне работает системным администратором в коммерческой фирме, где появляется лишь для решения проблем. В остальное время либо ваяет собственные хакерские программки, либо странствует по Сети. Ибо Сеть и стала для него настоящей жизнью. Земной быт — неприбранная однокомнатная квартира, регулярные программмерские пивопойки, друзей почти нет, лишь сетевые соратники да собеседники в чатах. Единственный, с кем Дмитрия связывает некое подобие дружбы, — тринадцатилетний хакер Юрик Земецкий. Герой спас юнца от серьезных неприятностей в лице сетевого маньяка-педофила, с которым подросток радостно общался, принимая его за девчонку-ровесницу. Есть у Дмитрия и своя тайна, он часто работает в Сети по заданию спецслужб. Его вычислили и завербовали несколько лет назад, завербовали грубо — подложив в шкаф пакетик с героином. С тех пор хакер регулярно получает задания на взлом какого-нибудь иного сетевого ресурса.

Здесь завершается преамбула, рассчитанная скорее всего на «эмоционалов», и постепенно автор начинает отдавать дань «сюжетникам». Заметим: многие авторы начинают «экшн» с первого абзаца, что более обоснованно с коммерческой точки зрения. В то же время читатель-интеллектуал (вне зависимости от категории), обнаружив, например, труп на первой странице, сразу же зачисляет книгу в разряд «словомельниц». И эта часть читателей — немногочисленная, но самая понимающая и чувствующая — для автора может быть потеряна. В то же время затянутое вступление отсекает «сюжетника», поэтому автор должен стараться соблюсти баланс между завлекательностью и описательностью, особенно в начале книги. Впрочем, настоящий писатель никому и ничего не должен...

Итак, Дмитрию спецслужбами поручено взломать гейт в некую локальную сеть. *Но ни в коем случае туда не заходить!* Одновременно заказ на взлом того же гейта приходит к нему от Текса — сетевого знакомого из Штатов. Взлом весьма сложный, и Дмитрию нужны помощники. Он обе-

щает оплату двум русским программерам из Канады и не забывает о мальчишке, решив дать ему подзаработать. После нескольких неудачных попыток операция по взлому завершается успехом. Но, увлекшись, хакер проникает и в самую локальную Сеть. И обнаруживает, что там весьма странная архитектура, не имеющая аналогов. Крайне заинтригованный герой при помощи верного Юрика создает некое подобие броузера, способного понимать эту странную Сеть. И прежде всего обнаруживает, что это отнюдь не локалка, а Сеть, сравнимая по размерам со всем остальным Интернетом. А когда он наконец попадает на некий сайт новостей, то шокирован окончательно, читая сообщения типа «Верховный президент США Джо Джонстон в интервью, посвященном введению чрезвычайного положения в стране, в частности, заявил, что агрессивная политика СССР и его новых союзников способствует дальнейшей дестабилизации в мире... Франция объявляет о разрыве отношений с объединенной Социалистической Германией... Генеральный секретарь ЦК КПСС Гейдар Алиев заявил, что присоединение Ирака, Ирана, Сирии и Палестины к Варшавскому Договору отнюдь не имеет целью защитить отвоеванные у ныне несуществующего Израиля истинно мусульманские территории, а стало следствием объявления ислама главенствующей религией на территории СССР...»

Герой начинает догадываться, что проник в некую параллельную реальность. Ползая по историческим ресурсам Сети альтернативного мира, он даже находит момент развилки — в мае 1981 года покушение на Рейгана удалось, и в Штатах пришло к власти ультраправое крыло республиканской партии, резко ужесточившее отношения с СССР, где после смерти Андропова Генеральным секретарем стал Алиев, впоследствии начавший проводить курс на исламизацию страны. И к 2001 году мир оказался на грани перехода «холодной» войны в войну отнюдь не «холодную». Ошарашенный свалившейся на него информацией, Дмитрий задумывается, что же с нею делать? Пароли заказчикам взлома он выслал, однако ожидаемых денег от Текса так и не получил. Кроме того, куда-то пропали два канадских программиста, помогавших во взломе. Их исчезновение заставляет Дмитрия призадуматься. Выглянув в окно, он замеча-

ет подъехавшую к подъезду черную машину с затемненными стеклами. Быстренько кинув в сумку ноутбук, он бежит через чердак и несколько дней скрывается у приятелей из компьютерной тусовки, регулярно влезая в Сеть иного мира в поисках правды, самого себя и погибшей жены. Однако Сети в СССР той вселенной закрыты — «железный занавес». Однажды вместо денег он получает странное письмо от Текса. Текс оказывается агентом ФБР, занимавшимся поиском возможных подделок результатов электронного голосования во время последних выборов президента и выяснившим, что результаты фальсифицированы и Буш приведен к власти при помощи сетевых манипуляций, следы которых ведут к тому самому гейту в параллельный мир. Традиционный герой русской литературы — это запуганный и запутавшийся человек, придавленный грузом обстоятельств, плывущий по течению. «Мачизм», воспевающий супермена, мачо, крушащего все вокруг во имя смутно прописанной цели, пришел к нам из-за рубежа. Тем не менее наши авторы вынуждены разбавлять приключения духа приключениями тела, дабы не дать неприятзательному читателю заскучать.

Вот и в «Береге дна» дальше начинаются сплошь приключения тела. В результате цепочки лихих событий перед главным героем предстает следующая картина. В Америке того мира изобрели возможность перехода в другой мир. Такой прокол чрезвычайно энергоемок, пересылка одного человека съедает массу энергии, но передача электронной информации вполне доступна — отсюда и несколько сетевых «врат». Правда, есть еще одна возможность: если на некую точку земной поверхности принимающего мира будут сфокусированы лучи нескольких мощных орбитальных лазеров, возникнет стабильный тоннель между мирами.

Дмитрий, неплохой аналитик, приходит к выводу, что иномиряне специально подстроили победу Буша и система ПРО, которую Буш так стремится развить, есть тот самый ключ к двери для эмигрантов из параллельного мира, американской элиты, спасающейся от войны. И что, несмотря на сложность перехода, в правительствах и спецслужбах уже очень много внедренных агентов — и верить никому нельзя. Ведь бесследно пропали и Текс, и два канад-

ских программиста, а малолетний хакер Юрик попал под машину и находится в коме, между жизнью и смертью.

Дмитрий записывает все данные на диск. Но что с этим диском делать дальше? Кто даст гарантии, что этой информации поверят? Да и вообще, плохо ли, что в наш мир придет чужая элита, пусть хотя бы и военная? В таких случаях авторы романов, как правило, прибегают к двум вариантам концовок: хеппи-энду (герой несет информацию в газету, и все человечество поднимается на борьбу с захватчиком) или концовке а ля Х-файлы (добытая информация отправляется спецслужбами в закрытое файлохранилище, а герой либо забит, либо убит). В. Назаров, видимо, отдавая дань читателям-эстетам, выбрал третий вариант — открытый финал.

В финале Дмитрий знакомо сидит, прижав диск к груди, и просчитывает глухие, кривые, окольные тропы своего (и планеты) будущего. Ведь он уже начал догадываться, что реальная картина событий еще более страшна и непредсказуема — открытый им параллельный мир тоже подвергается давлению извне, и здесь цели совсем неясны, хотя и более глобальны. Да и в нашем мире полным ходом идет разработка аппаратуры для прокола континуума. И Дмитрий приходит к выводу, что ничего реального он сделать не в силах, он не герой, а лишь маленький человечек с большим грузом страшного знания на плечах. Занавес.

Роман занимателен, роман хорошо написан. Читатель-эстет, обычно оценивающий стиль по первым абзацам, непременно приобретет эту книгу. Читатель-«сюжетник» вдохновится динамичным повествованием, «эмоционал» — начнет сопереживать страданиям хакеров. Однако привязка к конкретным текущим политическим событиям придает книге налет однодневности, сиюминутности. И хотя при таком раскладе роман имеет хороший шанс получить какую-либо НФ-премию, есть вероятность, что через десяток лет книга потеряет актуальность и станет неинтересной читателю.

Дмитрий БАЙКАЛОВ

ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО — ЛЮБОВЬ

Долгий путь проб и ошибок наконец привел издательство «Новая Космогония» к настоящему коммерческому успеху. Целый год издательство экспериментировало, выпустив более десятка романов, нестандартных как по форме, так и по содержанию. Однако правильное позиционирование и успешный менеджмент позволили издателям привлечь к своим книгам довольно широкий круг читателей от традиционной аудитории любителей фантастики до маргиналов всех мастей и ориентаций. Эклектичный, на первый взгляд, состав серии странным образом объединил достаточно разновекторную публику.

Однако «Новая Космогония» попыталась пойти еще дальше и интегрировать своих читателей не только в рамках одной серии, но в рамках одной книги. И это издательству удалось. Цифры говорят сами за себя. Первоначальный пятитысячный тираж книги Инги Лавренцовой «Любовь патологическая и земная» за неполных три месяца продажи вырос почти в десять раз. Казалось бы — несомненный успех. Но не будем торопиться.

Далее. Самый поверхностный анализ текста указывает на то, что он написан мужчиной. Повествование ведется от первого лица персонажем по имени Анджей Снегурский. Сам роман, по сути, представляет собой описание поведения героя, которым движет исключительно его либидо. И описание, надо сказать, мастерское. Если же к этому добавить, что действие происходит в мире, как две капли воды похожем на тот, что описан в дилогии «Звездная тень»

Сергея Лукьяненко, врача-психиатра по образованию,

то возникает резонный вопрос: не является ли имя Инга Лавренцова псевдонимом известного писателя, пожелавшего не отождествлять себя с сомнительным бестселлером.

Итак, перед нами Земля недалекого будущего. Наша планета имеет статус наблюдателя при галактическом Конклаве. Люди — в качестве Слабой расы — находятся под консультативной опекой Сильных рас. В один отнюдь не прекрасный день XXI века, столкнувшись с колоссальной космической мощью, они автоматически были низведены до уровня обслуживающего персонала дорогой гостиницы.

И все же человечество заслужило право на жизнь и относительную свободу благодаря своей уникальной способности к творчеству и абстрактному мышлению. В одночасье художники, писатели, музыканты, кинематографисты, а также дизайнеры и кутюрье стали супервостребованными профессиями. Столетиями бороздящие вселенную прагматичные пришельцы были потрясены этой сферой деятельности землян. Любые их попытки воспроизвести увиденное в собственной среде оказались безуспешными. Из беллетристического опуса получался бухгалтерский документ, из живописного полотна — идеальная фотография, из кинофильма — документальный репортаж. И тогда на совете Конклава было принято решение превратить Землю в «резервацию искусства». Людей кормили и одевали, позволяли свободно перемещаться, лишь бы они творили: любовные романы для Алары, кинобоевики для Даэнло, пейзажи для Хикси и шлягеры для Торпп.

Как известно, лилиям прясть негоже; бароны пируют, скоморохи развлекают. Поэтому все произведения землян создавались без непосредственного участия Сильных рас. Небесные покровители лишь снабжали творцов-людей необходимыми технологиями и материалами. Таким образом, ко времени начала повествования 40% населения Земли составляла богема, другие 40% — обслуживающие их технари, а оставшиеся 20%, как, наверное, догадались наиболее продвинутые читатели, занимались космическим извозом.

Главный герой романа, писатель Анджей Снегурский, получает от своего литературного агента необычный заказ. А надо сказать, что Анджей привык писать любовные романы из жизни негуманоидов. Он прекрасно изучил материал, знает все подводные камни. Из-под его пера

вышло уже более двадцати книг, некоторые из которых стали бестселлерами. Новый же проект необычен тем, что это должно было быть повествование о любви землянина к девушке гуманоидной расы с планеты Аракс. Снегурский вообще не представляет, что в Конклаве входит какая-то гуманоидная раса, кроме человечества. Он пытается навести справки, но БВИ (Большой Всемирный Информаторий) данных об Араксе не выдает.

После прихода Чужих на Земле пышным цветом расцвело множество сект. И членом Церкви Бумажного Носителя состоит наш модный автор. Прихожане собираются каждую четную пятницу месяца, читают книги, напечатанные на настоящей бумаге, пьют натуральное вино, едят свежее мясо и овощи и передают анафеме все технологии, пришедшие на Землю вместе с пришельцами: в основном дешевую синтетическую пищу (между прочим, раз и навсегда решившую проблему голода) и «безосновные» носители информации (между прочим, позволившие создать БВИ). В общем, ребята вполне неплохо устроились.

Придя в расстроенных чувствах на очередную такую мессу, Снегурский сталкивается там с миловидным существом по имени Инга (!), которая, конечно же, оказывается уроженкой планеты Аракс, прибывшей к нам для изучения земной литературы. Узнав о затруднениях Анджея, она с энтузиазмом берется ему помочь. С этого момента фантастика плавно перетекает в психоделику. Структура повествования претерпевает серьезные изменения. Теперь все подается как текст нового романа Снегурского, в котором он описывает свои реальные отношения с Ингой.

В первый же вечер молодые люди становятся любовниками. Сцена их встречи описана очень ярко и предельно откровенно. Снегурский уже не в состоянии думать ни о чем другом. Страсть пожирает его. Тут-то Инга и предлагает сойтись законным браком — но по законам ее родной планеты. Не раздумывая ни минуты, Анджей соглашается. Кабина «нуль-Т» переносит наших героев в посольство Аракса на Земле. Там все уже готово к церемонии. В тело Снегурского что-то втирают, он что-то выпивает, после чего его одевают в пурпурные одежды сестры Инги (оказывается, на Араксе все женщины — сестры) и отпускают

с миром. Через некоторое время он очнется у себя дома рядом с молодой женой, которая, заявив: «Теперь я всегда с тобой», категорически откажет ему в близости и, чмокнув в щечку, упорхнет изучать земную литературу.

Дальнейшее можно интерпретировать и как наркотический бред Снегурского и как фантазии пишущего на заказ циничного романиста. На протяжении почти ста заключительных страниц романа сознание героя пребывает в раздвоенном состоянии. С одной стороны, он работает над книгой, ходит в свою церковь, беседует с коллегами, с другой — видит и воспринимает мир, как существо иного пола. В своих видениях он принимает участие в ужасных оргиях с негуманоидами, посещает злачные места, заполненные совершенно невероятными посетителями, принимает участие в непонятных обрядах. В минуты просветления он видит склонившуюся над ним молодую жену, которая повторяет из раза в раз:

— Почему ты не хочешь мне помочь? Люби меня!

— Так я же люблю тебя.

— Это любовь земная, а мне нужна настоящая.

Наконец, в момент очередного видения, Снегурский узнает квартиру лучшего друга и вдруг отчетливо осознает, что видит мир глазами Инги, и что именно сейчас она собирается ему изменить. Анджей бросается вон из дома и по дороге понимает, что и раньше это был не бред, а страшная реальность его жены. В бешенстве он врывается к другу и убивает любимую женщину несколькими выстрелами в упор. Оперативники, прибывшие на место преступления, по законам Конклава препроводили его для суда в посольство Аракса. А там выясняется, что по обычаям этой планеты он ни в чем не виноват.

Проснувшись утром, Снегурский обнаруживает, что из БВИ пришел ответ на его запрос об Араксе. Справка, описывающая религиозные, этнические и физиологические особенности жителей этой планеты, полностью объясняет поведение Инги. Оказывается, после зачатия ребенка супруги не имеют права на физическую близость, но они проходят обряд бракосочетания и превращаются в единое психическое тело. Все эмоции и ощущения, испытываемые одним супругом, становятся доступны и другому. Таким образом они подпитывают энергией плод, зреющий в утробе матери. Ничего не понимающий Снегурский своим

пребыванием в вечной депрессии фактически принудил Ингу к экстремальным действиям, а принятые на Араксе этические нормы не позволили ей объясниться с супругом.

Центральное место в полученной справке было посвящено легенде о явлении Мессии. Родиться он должен был от любви святой сестры Аракса и чужеземца-книжника. Возмужав, ему надлежало вывести мир как отца, так и матери из бездн, в которую они пали, к солнцу и небу.

Прочитав все это, Анджей испытывает огромное желание повиниться перед сестрами Инги. Он направляется в резиденцию Аракса, но обнаруживает на ее месте лишь стоянку вертолетов. Вернувшись же, Снегурский не находит в своем компьютере никакого ответа от БВИ, более того, там нет и запроса. Зато на столе лежит готовая рукопись романа «Любовь патологическая и земная».

Конечно, популярность книги Лавренцовой обусловлена, в первую очередь, ее скандальностью и эпатажностью некоторых сцен. На художественные достоинства этого романа обращают куда меньше внимания. Между тем они несомненны. По всему тексту разбросаны аллюзии и реминисценции. Тут и «Второе нашествие марсиан» А. и Б. Стругацких, и «Дюна» Ф. Херберта, а заодно — Ф. Дик и Ф. Фармер. Очевидно, также влияние эстетики Дэвида Линча и «догмы» Ларса фон Триера. Наконец, сцены оргии с хиксоидами и алари откровенно заимствованы из «Жюстины» маркиза де Сада. Но главное не в этом. Основной темой, красной нитью проходящей через все повествование, является тема свободы, причем в экзистенциальном смысле. Фраза, сказанная одной из сестер Инги Снегурскому после совершенного им убийства, на мой взгляд, является ключом, позволяющим разгадать ребус, составленный автором: «Мы не будем тебя судить, поскольку ты сам — жертва. Но твой мир, мир, в котором условности принимаются за истину, рано или поздно судим будет».

Андрей СИНИЦЫН

***О ФАНТАСТИКЕ
И НЕ ТОЛЬКО***

© Е. Харитонов, 2002

© В. Рыбаков, 2002

© И. Чёрный, 2002

© А. Шмалько, 2002

© Д. Байкалов, А. Сеницын, 2002

Евгений Харитонов

«РУССКОЕ ПОЛЕ» УТОПИЙ

(Россия в зеркале утопий)

Не только каждая эпоха имела свою утопию, свою утопию имеет каждый народ, даже больше — каждый мыслящий человек.

Герберт Уэллс

Какое будущее ждет Россию? Куда ей стремиться, чтобы обрести, вымучить наконец достойное место на планете? В недружелюбные объятия Запада или Востока? Или все же у нее свое предназначение, свой путь?

Звучит очень своевременно, не правда ли? И все же вопросы эти — не со страниц сегодняшних газет.

Рассуждения о том, «как нам обустроить Россию», появились в словесности не сегодня и даже не вчера. В переходные времена, когда хрестоматийно русский вопрос «Куда нам двигаться дальше?» вставал ребром, фантастика оказывалась неизменно на переднем плане — нередко принося в жертву художественность в пользу социального прогнозирования и публицистической заостренности. Из творцов слова сочинители фантазий становились картографами российских Рая и Ада. Ведь и в самом деле, если внимательно отследить маршруты, по которым двигалась наша фантастическая литература, сопоставить ее хронологию с хроникой событий политической истории, то легко обнаружится

417

взаимосвязь: именно самым тяжким для страны периодам обязательно сопутствует бурный всплеск утопий и антиутопий, поскольку в этих жанрах особенно прямолинейно, без «излишеств» вроде метафорических кодов, иносказательных лабиринтов, сконцентрированы надежды и опасения общества, пытающегося осмыслить свершившиеся перемены, социальные потрясения. В такие времена люди начинают думать о Будущем. В России эта взаимосвязь проявляется наиболее зримо. Что и не случайно. Одно из генетических свойств русского характера — неистребимый утопизм, «эсхатологическая вера в достижение лучшей жизни, мессианистическое убеждение в особой роли России в мировой истории» (В.П. Шестаков).

Предлагаемая серия коротких очерков — не литературоведческое исследование. Мы всего лишь попытаемся проследить, как менялись представления о России, ее роли в истории цивилизации, наконец, о ее будущем в сочинениях фантастов и утопистов различных эпох.

Заранее оговоримся: нас интересуют только произведения, объединенные темой выбора пути России, и, таким образом, за пределами нашего обзора мы оставляем основной пласт утопий о будущем вообще и об абстрактных, не имеющих конкретной привязки к нашей теме образах идеального государства. Конечно же, нам не удастся вовсе от них «избавиться».

ГЛАВА 1

«СЧАСТЛИВАЯ РОССИЯ...»

(XVII — начало XX вв.)

Социальные утопии, фантазии об идеальном государстве появились в народном сознании еще в Древней Руси. С ходу вспоминаются сказание о «Хождении Агапии в рай», «Путешествие Зосимы к рахманам» или, наконец, самая популярная и таинственная легенда о невидимом граде Китеже, то ли сокрытом под землей, то ли погруженном в воды вулканического озера Светлояр, что в Нижегородской губернии. Литературная же утопия в России родилась

одновременно со становлением авторской прозы — на рубеже XVII — XVIII веков, хотя примеры утопических сочинений, принадлежащих перу конкретного автора, мы можем обнаружить и в более ранние времена — например, «Сказание о Магмет-салтане», созданное в 1547 году публицистом XVI века Иваном Пересветовым.

Утопические сочинения так или иначе отражают настроения общества. С момента закрепления в пространстве российской словесности фантасты не раз возлагали на себя «мессианскую» роль проводников, эдаких сусаниных от литературы, указывающих России единственно верный (по их мнению) путь к вожделенному «золотому веку», к Царствию Божьему. А поскольку сочинители принадлежали к различным социальным группам, то естественно, что и их «рекомендации» не походили друг на друга. Часто они просто отражали воззрения своей среды. Очевидно и то, что направленность фантазий изменялась одновременно с социальными и политическими запросами времени.

Правда, большинство утопических сочинений, родившихся, например, в эпоху Просвещения, являли собой в общем-то абстрактные образы идеального государства, как правило, не имевшие зримой связи с Россией — вымышленные миры, управляемые просвещенным, добродетельным государем. Исключение составляет разве что сочинение князя Михаила Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкаго дворянина» (1773—1774), довольно прозрачно в царстве Офирском намекавшем на Россию (даже названия городов легко прочитывались: Квамо — Москва, Переграб — Петербург и т.д.). Признавая заслуги Петра Великого (в романе — Перегоя) в деле просвещения России, князь — убежденный государственный деятель, тем не менее не скрывает своего недовольства петровскими реформами (в частности, перенесение столицы из Москвы в Петербург) и пытается исправить роковые ошибки. Единственно правильный путь для России, считает он, возврат к патриархальной самобытности, где царит «диктатура добродетели» (В. Гуминский). А для укрепления государственной власти Щербатов предлагает проект военных поселений. Если в двух словах, то идеал России по Щербатову — это «полицейское» государство, сильное, но справедливое.

Жить бы нам в этом царстве ретивом,
где с забавой сливается труд,
где кузнечики всем коллективом
свое звонкое счастье куют*.

Политическая жизнь России в XIX веке началась с восстания декабристов. А «фантастическая» жизнь — с появления «декабристской» утопии «Сон» (1819), принадлежащей перу известного музыкального критика и декабриста А.Д. Улыбышева. Это во всех смыслах сочинение декларативное, наиболее отчетливо пропагандирующее взгляды декабристского окружения относительно «самого правильного» пути, по которому России следует двигаться к Абсолютному счастью.

Какое же будущее России виделось декабристам?

«Из всех видов суеверий мне кажется наиболее простительным то, которое берется толковать сны. В них действительно есть что-то мистическое, что заставляет нас признать в их фантастических видениях предостережение неба или прообразы нашего будущего», — так начинается свое повествование А. Д. Улыбышев. Как нетрудно заметить, утопические образы будущего русские авторы чаще всего «транслировали» через сновидения героев. Одна из причин укрепления сновиденческой традиции в отечественной утопической литературе заключается в том, что цензура (будь то царская или советская) более чем настоятельно относилась к литературным «заглядам в Будущее», ведь нередко утопии соприкасались с болезненными социальными проблемами, а выдуманная Россия оказывалась антитезой России реальной. И вот автор будто заранее выстраивает свое алиби для обвинителей-цензоров: это всего лишь сон. Мало ли что может присниться! Современный исследователь утопической мысли В.П. Шестаков выделяет и другую причину распространения «утопических сновидений»: «Русский писатель и мыслитель зачастую острее, чем его европейский собрат, ощущал разрыв между идеалом и действительностью. То, что европейскому философу и сочинителю... казалось возможным уже в процессе ближайшего созидания... для русского утописта

представало пронзительной мечтой, осуществимой лишь в очень далеком будущем».

Итак, оказавшись во сне в Петербурге неопределенного далека, автор моделирует свою «счастливую Россию», которая «согласуется с желаниями и мечтами» его «сотоварищей по «Зеленой лампе». Итак, в результате общественного переворота, «происшедшего» около 300 лет назад, Россия освободилась от гнета самодержавия и крепостничества, превратившись в страну просвещенную и демократическую, где все имеют право на образование и равны перед законом. Странствуя по будущему Петербургу альтер эго писателя с восторгом демонстрирует читателю «происшедшие» перемены. В помещениях многочисленных казарм, «которыми был переполнен город», разместились общественные школы, библиотеки, академии. Михайловский замок превратился в «Дворец Государственной Думы», а в Аничковом дворце разместился «Русский Пантеон», где собраны статуи великих русских героев и общественных деятелей. Но строительству любого нового общества, как известно, сопутствуют неизменные ритуалы жертвоприношений. В данном случае Улыбышев решил пожертвовать Александро-Невской лаврой, которую россияне «прекрасного далека» попросту разрушили — как символ неприемлемого им религиозного фанатизма, воздвигнув на монастырских руинах триумфальную арку. Столетие спустя большевики реализовали-таки мечту писателя-декабриста, правда, не в Петербурге, а в Москве, и вместо триумфальной арки соорудили бассейн. Это тот редкий случай, когда сказка и в самом деле стала былью.

Вполне закономерно, что новая Россия сменила и государственную символику: место двуглавого орла на российском флаге занял феникс — символ «свободы и истинной веры» (не понятно, правда, что это за вера). Но вот штришок, который не может насторожить: показав перспективы благостной жизни, автор мимоходом упоминает о пятидесятимиллионной армии, которую утопическое государство содержит якобы «для внутреннего спокойствия»... Мгновенно возникает ассоциация с «военными поселениями» в утопии «реакционера» Щербатова. Что же получается, даже свободлюбивые декабристы в глубине души сомневались, что Россия может оставаться великой, не будучи «полицейским» государством?

Декабристские утопии расчистили дорогу утопиям либеральным и социалистическим. Хрестоматийный пример последней — «Четвертый сон Веры Павловны» Н.Г. Чернышевского (1863), который, собственно, и является первым в русской литературе образцом социалистической утопии. Это произведение слишком хорошо известно читателям еще со школьной скамьи, поэтому не станем на нем задерживаться. Заметим лишь, что либеральные утопии, как правило, были ориентированы на западноевропейскую модель построения общества.

А теперь интересно заглянуть в лагерь их идейных противников — писателей-славянофилов. Вот перед нами роман Владимира Соллогуба «Тарантас» (1840), в котором тоже есть утопическая глава — сон-путешествие героя в идеальную Россию. Внешне она вполне согласуется с представлениями демократа-«западника» Чернышевского. Все тот же вариант: Труд — Братство — Равенство. Ну, может, в более пасторально-патриархальных тонах. И уж точно, лишенный революционного экстремизма Улыбышева. Соллогуб — за усовершенствованные традиции. Утопический мир Соллогуба куда более уютный, цельный. Здесь царит культ добровольного труда (даже князья и графы почитают за счастье трудиться на благо Отечества), науки и уважения к человеку и национальному достоянию (будь то искусство или природа). Но утопию Соллогуба положительно выделяет и то, что автор не предлагает «готовый» вариант идеальной России, а пытается экстраполировать движение россиян к социальному благополучию.

Конечно, не предложил нам писатель и детально проработанной модели. И все-таки полезно россиянам, познавшим искушающую силу вседозволенности, перелистать страницы книги. Судите сами: «Мы шли спокойно вперед, с верою, с покорностью и надеждой... Терпением разгадали мы загадку простую, но до того еще никем не разгаданную... Люди кричали много о своих правах, но всегда умалчивали о своих обязанностях. А мы сделали иначе: мы крепко держались обязанностей, а право, таким образом, определилось у нас само собой».

Полезное чтение, не так ли?

Мы убьем машинами вселенную,
Под железом умерла земля,
В наших топках бьется солнце пленное,
И в бессмертной стали нет добра и зла*.

Сможет ли наука повлиять на социальное развитие общества? В успехах науки и техники многие увидели абсолютную панацею. Уже в первой половине XIX века фантасты все чаще стали обращаться к вопросам науки. Как следствие, появились «технологические» версии будущей России. Идеал адептов этой идеи — мощная, технологически оснащенная Российская Империя, стоящая во главе всего остального мира. Именно стремительное развитие и государственное финансирование науки и техники, полагали они, позволит России занять лидирующее положение в мире.

Вероятно, сами литературные провидцы сомневались, что это произойдет в ближайшем будущем, поэтому «русский золотой век» они предусмотрительно относили как можно дальше во времени.

Самый яркий пример «индустриально-имперской» утопии — это, конечно же, незаконченный роман князя В.Ф. Одоевского «4338 год» (1835). По существу, перед нами первая в России подлинно державная (имперская) утопия. Россия XXX века по Одоевскому — это «центр всемирного просвещения», достигший небывалых успехов в науке, технике и культуре, объект подражания для всех других народов. И в самом деле, сетования китайского студента, странствующего по Российской Империи, греют мечтательную русскую душу: «Мы, китайцы, ныне ударились... в безотчетное подражание иноземцам. Все у нас на русский манер: и платье, и обычаи, и литература; одного у нас нет — русской сметливости...» Примечательным штрихом социальной жизни страны является и то, что в правительство наряду с министрами транспорта, юстиции и т.п. на равных присутствуют философы, поэты, историки, художники, мнение которых авторитетно для российского общества... Эх, Владимир Федорович, вашими бы устами!..

В данном контексте нельзя не вспомнить и другую любопытную персону литературной жизни позапрошло-

* Андрей Платонов.

го века. Вероятно, нет в истории русской литературы более противоречивой фигуры, нежели Фаддей Булгарин. Оценка его творчества и общественной деятельности неоднозначна и сегодня. Но немногие знают, что «Видок Фиглярин» (так окрестил Булгарина А.С. Пушкин) был одним из зачинателей отечественной научной фантастики, написав с десяток весьма любопытных утопических и НФ-повестей.

Социальная структура России 2824 года, описанная в повести «Правдоподобные небылицы, или Странствия по свету в ХХІХ веке» (1824), почти не претерпела изменений — все те же короли, купцы, князья, помещики... Разве что введено совместное обучение богатых и бедных детей. Зато предрекает Фаддей Венедиктович серьезную экологическую катастрофу, которая изменит карту России. В результате климатических изменений (похолодание в Африке и потепление на Северном полюсе) Россия переместилась в районы Сибири. Но за счет «природной талантливости» страна все-таки сохраняет культурное и научное лидерство. Право же, как ни относиться к нелитературной деятельности Булгарина, но в истории фантастики он смело мог бы запатентовать немало НФ-идей: тут и подводные фермы, и парашютно-десантные войска, и субмарины, и самописцы. Кроме того, именно Булгарин «придумал»... акваланг и гидрокостюм. Да вот сами судите: «Они (пловцы. — Е.Х.) были одеты в ткани, непроницаемые для воды, на лице имели прозрачные роговые маски с колпаком... По обоим концам висели два кожаных мешка, наполненных воздухом, для дыхания под водой посредством трубы».

Но особое внимание привлекает другое «изобретение» в будущей России — это деньги, которые изготавливают из... «дубового, соснового и березового дерева». Напророчил на нашу голову, Фаддей Венедиктович!

А вот в другой повести Ф. Булгарина — «Сцена из частной жизни в 2028 году» (1843), также посвященной построению идеального — имперско-монархического — общества в России, мы обнаружим вот такой примечательный диалог между вельможей и помещиком ХХІ века: «Помещик: Счастливая Россия. Вельможа: Счастливая от того, что мы, русские, умели воспользоваться нашим счастливым положением и все сокровища, тлевшие в недрах земли,

исторгли нашим терпением, любовью к отечественному, прилежанием, учением, промышленностью. Пожалуй, если бы мы не думали о завтрашнем дне и кое-как жили, позволяя иностранцам брать у нас сырые материалы и продавать нам выделанные, то мы навсегда остались бы у них в зависимости и были бы бедными...»

Невольно подумалось: может, во внимательном прочтении литературного наследия и сокрыт секрет счастливого будущего России?

Вероятно, один из самых экзотических «имперско-технологических» вариантов России предложил в конце позапрошлого века ныне забытый литератор Н.Н. Шелонский, автор романа под незатейливым названием «В мире будущего» (1882). Времена реализованной утопии автор тоже благоразумно отодвинул подальше — в ХХІХ век. Россия 2891 года — сверхмощная держава, заключившая прочный союз с Францией, но при этом под православными знаменами. Вместе они владеют большей частью Земли. А какое же место в «новом» миропорядке отвел автор Америке? Америка и Великобритания в варианте Шелонского — всего лишь страны «третьего мира» — «вот как Китай в наше время». Так и просятся на язык строки из Вячеслава Куприянова: «и Россия опять засыпает / и в ней просыпается русская идея — / будто Америка спит и видит, / будто она — Россия».

Перед нами цивилизация действительно с высоким научным потенциалом — побеждена гравитация, люди активно используют атомную энергию, телепатию и телекинез, восстанавливают больной и стареющий организм. Высокотехнологичный мир, но... не урбанистический. Напротив, автор искренне считает, что научно-технический прогресс и патриархальный уклад жизни — идеальная социальная модель для России. В романе эти две крайности и в самом деле сосуществуют гармонично. Россияне ХХІХ века отказались от городов, вместо них по земле русской разбросаны отдельные дома, отделенные друг от друга возделанными полями и садами. Люди объединились в семьи (кланы) по 300 человек, и на каждую такую семью приходится по 16,4 га земли (каждый в будущем и пахарь, и строитель, и врач). Москва же превратилась в место отдыха, своеобраз-

ный парк-заповедник с пальмовыми аллеями. Люди живут в полном довольстве, но в аскетической простоте.

Страна Муравия

Здесь сквозь туман синеют села,
Пылает призрачная Русь...*

До середины XIX века Россия оставалась страной аграрной, на 85 процентов состоявшей из жителей деревни. И, казалось бы, естественно предположить, что почетное первое место в литературе позапрошлого века должны занимать утопии о крестьянском рае. Подобные утопии о стране Муравии, о мужицкой вольнице с молочными реками и кисельными берегами, в избытке процветали в народном фольклоре, в сказках. Но не в литературе. О возможности построения крестьянской утопии еще в первой половине позапрошлого столетия весьма язвительно отозвался И.А. Гончаров в знаменитом «Сне Обломова» (1849). Писатель довел идею построения крестьянского рая почти до абсурда и логического завершения. Обретшие все, о чем только мечтали, бесконечно счастливые жители деревни Обломовки ведут сытый и безмятежный образ жизни. Что же тут плохого? А то, что состояние неизбывного счастья приводит к деградации общества. Обломовцы «плохо верили... душевным тревогам; не принимали за жизнь круговорота вечных стремлений куда-то, к чему-то; боялись как огня увлечений страстей; и как в другом месте тело у людей быстро сгорало от вулканической работы внутреннего, душевного огня, так душа обломовцев мирно, без помехи утопала в мягком теле».

«Конвейерное производство» крестьянских версий России началось несколько позже — в 1860—1870-е годы. Отмена крепостного права в 1861 г., освобождение крестьян на деле не принесли ожидаемых перемен — ни для крестьян ни для страны, но сдетонировала утопическую мысль. Чувство вины заставляло многих представителей интеллигенции идти в народники. В этой-то среде и были особенно распространены варианты «реставрации» России по крестьянскому эталону.

«Крестьянские» утописты в большинстве произведений устремляли свой взор не в будущее, а в прошлое — ко временам допетровской Руси, видя идеал в общинном старообрядчестве. Один из характерных символов «раскольниковской утопии» — вымышленная деревня Тарбагатай, которую описал в поэме «Дедушка» (1870) Н.А. Некрасов. Поэт с оптимизмом смотрит в будущее освобожденного крестьянства, которое сумеет распорядиться свободой, если будет придерживаться исконной самобытности.

«Чудо я, Саша видал: / Горсточку русских сослали / В страшную глушь за раскол, / Волю да землю им дали; / Год незаметно прошел — / Едут туда комиссары, / Глядь — уж деревня стоит, / Риги, сараи, амбары! / В кузнице молот стучит, / Мельницу выстроят скоро. / Уж запаслись мужики / Зверем из темного бора, / Рыбой из вольной реки».

Воля-труд-сытость — изобилие-отсутствие государственного контроля — вот составляющие «крестьянской мечты». К слову сказать, неприятие государственной регламентации, пренебрежение детальным описанием государственного строя — вообще отличительная черта русских утопий XVIII — XIX веков.

Как царство суровой, но справедливой старообрядческой общины, существующей в гармонии с природой, рисует «российский идеал» Н.Н. Златовратский в утопии «Сон счастливого мужика», включенной в роман «Устои» (1878). Единственно полезный, праведный труд — труд на земле. Такова жизненная установка обитателей деревни-утопии. Но вот на чем держится эта мужицкая коммуна?

«Давно бы и мир развалился, и все в разоренье пришли бы, коли б старики строго нас на миру не казнили, как вздумает кто ссорой, иль буйством, или худым поведением мир довести до ответа пред строгим начальством!»

Похожие идеи развивает в «Сказке о копейке» (1874) и другой писатель, революционер-народник С.М. Степняк-Кравчинский.

Встречаются и весьма забавные проекты «деревенской России». Вот как, например, представлялась жизнь в деревне будущего (действие происходит в XX веке) Н.В. Казанцеву в рассказе «Елка в Кулюткиной» (1893). Все до единого крестьяне XX столетия чрезвычайно образованны,

изучают международный язык (?!), разъезжают на электровелосипедах, выращивают в теплицах бананы и ананасы, управляют погодой, и каждый второй житель деревни — доктор или магистр наук. И вот совсем уж замечательный штрих к наивно оптимистическим прогнозам литератора: автор сообщает, что последний пьяный в России был зафиксирован 31 декабря... 1898 года!

Минздрав предупреждает: Велосипеды опасны для вашего здоровья!

Мы прожили много, сотворили духом мало и стоим у какого-то страшного предела.*

Просвещенная монархия допетровского образца оказалась едва ли не самой устойчивой мечтой. В России издавна удивительным образом уживаются устремленность к развитию, прогрессу с полным отрицанием прогресса, махровым социальным консерватизмом, тоской по временам давно ушедшим, замешенной на реставрационных идеях — будь то допетровская патриархальная Русь или социалистическое государство.

Назревающий кризис монаршей власти разбудил ностальгию по забытым традициям. На рубеже веков как предвестник скорых социальных потрясений пышным цветом расцвели реакционные утопии, густо замешенные на шовинистических идеях. Остановимся только на двух образчиках такой литературы.

«Счастливой», преуспевающей в экономике (капитал живет «в полном согласии и дружбе с трудом») Россией, изображенной в повести А. Кальницкого «За приподнятой завесой» (1900), управляет не монарх, а самый богатый человек мира с вызывающе русскими ФИО — Иван Иванович Иванов. В дела государственные этот олигарх (а как его еще назвать? Подобные персонажи нам слишком хорошо, к сожалению, известны по истории вполне реальной современной России) особенно не вмешивается, главное, считает Иванов, чтобы на предприятиях работали (от управителей до чернорабочих) люди «исключительно чисто русского или в крайнем случае чисто славянского происхождения».

Государственные чиновники — тоже все сплошь «живое олицетворение славянской мощи». Размышляют они примерно в таком духе: «Братство, равенство, свобода» — непроходимые глупости, погремушки, которыми утешаются ползуны-дети и выжившие из ума старики». Отличительной чертой реакционной утопии является, разумеется, отношение к нацменьшинствам. В «идеальной» России, считает Кальницкий, чем меньше нацменов — тем лучше: «Эти народцы (нацменьшинства. — Е.Х.) вымирают не потому, что их выматывают, — подчеркнул князь последнее слово, — а потому, что вымирание совершается естественным путем...»

Кто-то заметил однажды: «Утопии опасны»...

Еще один любопытный сценарий предложил литератор начала XX века Сергей Шарапов в «фантастическом социально-политическом романе» — так анонсировал его автор — «Через полвека» (1902). В предисловии к роману литератор писал: «Я хотел в фантастической форме дать читателю практический свод славянофильских мечтаний и идеалов, изобразить нашу политическую и общественную программу как бы осуществленной. Это служило бы для нее своего рода проверкой. Если программа верна, то в романе чепухи не получится. Если в программе есть принципиальные дефекты, они неминуемо обнаружатся».

Перевернем страницу.

Усыпленный индусским медиумом, персонаж упомянутого романа проснулся в Москве 1951 года. И вот, пробудившись, он с восторгом обнаруживает, что в стране возрожден древний церковно-общинный строй. Во главе государства, разумеется, царь-батюшка и церковь. Одним словом, торжество домостроевской морали. Все счастливы, все довольны. А пуще всех — наш путешественник. И что же радует так нашего героя? «Развод считается делом постыдным», наконец-то возрождена строжайшая цензура, а у женщин «отобраны» всякие права на образование (не для того, мол, Бог их создал). Хотя — стоп! В общественной жизни страны определенная часть женщин все же при-

нимает участие: «В адвокаты идут преимущественно те дамы, которых уж очень господь лицом обидел».

На улицах Москвы — тишь и благодать, потому что автомобили заменены более надежными и экологически чистыми лошадаками. Однако запрещены не только автомобили, но даже... обыкновенные велосипеды! А дело в том, что тамошние ученые мужи установили «некоторое как бы одичание среди пользовавшихся ими...».

«Через полвека» — не единственное программное произведение Шарапова. В 1907—1909 годах он опубликовал еще четыре социально-фантастических романа на тему реставрации российского общества — «Диктатор», «Иванов 16-й и Соколов 18-й», «У очага хищений» и «Кабинет Диктатора». Справедливости ради стоит заметить, что эти сочинения положительно выделяются на фоне «дебютной» утопии любопытным смешением социального прогнозирования и альтернативной истории.

Тревожное Завтра

Не мечтай о светлом чуде:
Воскресения не будет!
Ночь прошла, погаснул свет...
Мир исчезнул... мира нет...*

Рубежи веков в российской истории всегда сопровождались глобальными социальными потрясениями, а словесность рождала самые мрачные произведения.

Рубеж XIX — XX веков — наступление нового периода в человеческой истории, многие ожидали от XX столетия невиданных чудес. Эти настроения спровоцировали футурологический бум. Но для России XX век начался нерадостно: сначала поражение в русско-японской войне и последовавший кровавый крах первой русской революции 1905 года вызвали «серьезный идейный разброд в среде русской интеллигенции, усугубил пессимистические настроения в общественном сознании и литературе» (В.П. Шестаков). То же и в фантастике: будущее России рисовалось авторами начала века в мрачных красках. Литератор-кадет Иван Морской в романе «Анархисты будущего» (1907) изображает Россию

1927 года как царство хаоса и разрухи, оплот воинствующей анархии. Еще более жуткую картину нарисовала в романе «Смерть планеты» (1911) В.И. Крыжановская-Рочестер. Человечество, погрязшее в грехах и преступлениях, надругавшееся над Богом, привело цивилизацию сначала к упадку, а затем и к гибели. Безумие охватило и Россию. Уничтожены храмы, Кремль распродан с аукциона, а Большой Дворец переделан в меблированный магазин. В результате «уравнительных революций» «достигшая власти чернь» уничтожает святая святых России — Троице-Сергиеву лавру, власть и законы упразднены, поощряются убийства. Одним словом, не приведи Господь!

Если фантазии Крыжановской и Морского поражают воображение пафосом разрухи, предрекаемого Апокалипсиса, то будущее, смоделированное в известной антиутопии Н.Д. Федорова «Вечер в 2217 году» (1906), угнетает своей холодной, автоматизированной правильностью. Все граждане России пронумерованы и трудятся в Армии труда, общественная и личная жизнь людей строго регламентирована; институт семьи упразднен, даже вместо родителей — граждане под рабочими номерами, которые числятся в государственных списках отцами и матерями. Эта небольшая повесть во многом предвосхитила бездушный мир замятинского «Мы».

Так как же быть? Как осчастливить россиян? Пороемся еще на книжных полках в поисках ответа? Ага, вот эта книга! Она вышла незадолго до Октябрьской революции, в самом начале 1917 года — роман некоего Н. Чадаева «Предтеча». Хронологически это последняя литературная утопия дореволюционного периода русской литературы. Но примечательна она не только этим. «Предтеча» возник как реакция убежденного монархиста на становящееся все более очевидным «повреждение нравов и умов» в российском обществе. И автор предложил радикальное средство от этой «болезни» — в недалеком будущем деградировавшая было Россия возрождается в своем былом величии благодаря... «научной переделке духовного мира людей».

А что, тоже вариант...

Спустя 83 года «идея» дореволюционного фантаста обрела неожиданное продолжение в творчестве фантаста постсоветской эпохи. Но о романе Андрея Плеханова «Сверхдержава» мы вспомним несколько позже.

ГЛАВА 2

ЭРА УТОПИЙ (1917—1941)

Новую жизнь строить — не стихи писать. Тут железные законы экономики работают. Тут надо поколения перевоспитывать. А с утопосоциализмом, куда рот разинул, тебя живо колесами переедут. Держи курс на мировую революцию, а дни пока — все понедельники.

А.Н. Толстой. «Голубые города»

В 1917 году в России впервые в мировой истории был проведен глобальный эксперимент по воплощению некоторых из утопических идей в жизнь.

Послереволюционная Россия стала самой фантастической из стран, где удивительным образом переплелись романтика преобразования, действительно фантастические темпы строительства с репрессивной политикой власти, трагическим положением крестьянства. Самые возвышенные мечты и страх шагали рука об руку.

К нам, кто сердцем молод,
Ветошь веков — долой!
Ныне восславим Молот
И Совнарком Мировой!*

Вполне закономерно, что столь радикальные преобразования в обществе породили потребность в социальном прогнозировании. Даже «овеществленная Утопия» не могла обойтись без своих летописцев будущего. Новая Россия до поры до времени нуждалась в художественном осмыслении произошедших перемен, в «рекламной» демонстрации конечной цели. И фантастика оказалась здесь как нельзя кстати. Ведь только ей было под силу воплотить в наглядных картинах коммунистический идеал. Большинство произведений той поры было проникнуто ощущением реальности мировой революции с последующим наступлением всепланетно-

го коммунистического рая. Журналы и книжные прилавки пестрели рассказами и повестями о последней битве мирового пролетариата с «гидрой капитализма»: «Всем! Всем! Всем! В западных и южных штатах Америки пролетариат сбросил капиталистическое ярмо. Тихоокеанская эскадра, после короткой борьбы, которая вывела из строя один дредноут и два крейсера, перешла на сторону революции. Капитализм корчится в последних судорогах, проливая моря крови нью-йоркских рабочих» (Я. Окунев. «Завтрашний день»). Молодая советская фантастика была охвачена всеобщим энтузиазмом и искренней верой в лучшее из будущих, которое ожидает новую Россию, а вместе с ней и весь мир.

Это время поэт Николай Тихонов метко окрестил Перекрестком Утопий. Не случайно это словосочетание критик В.А. Ревич позже использовал в качестве названия к очерку, посвященному первым годам советской НФ. И в самом деле, не было в истории российской словесности более утопического периода, чем первое послереволюционное десятилетие.

«Философия, наука и искусство призваны к строению социализма, то есть к единственному и неизбежному пути в будущее, туда, где на каком-то отрезке времени машина заменит человека, где человек, освобожденный от физического труда, от забот о хлебе, тепле и всей обыденности, сможет наконец наверстать все счастье жизни, за много тысячелетий украденное у него системами социального и экономического рабства» (А.Н. Толстой).

А.В. Луначарский ставил конкретные задачи уже перед фантастами: «Хороший советский научно-фантастический роман есть в самом лучшем смысле слова роман утопический... Нам нужен, так сказать, плановый роман. Нам до зарезу нужно изображение того, как будет через десять лет жить человек в тех самых социалистических городах, которые мы построим».

И фантасты изо всех сил старались угадать черты того будущего, которое строили их современники.

Пока еще — Россия

«И поныне русский человек среди окружающей его строгой, лишенной вымысла действительности любит верить соблазнительным сказаниям...»

Обзор советских утопий логично начать с произведения, которое, с одной стороны, напрямую поддерживает заявленную в первой части тему, а с другой — является самой значительной утопией советской довоенной НФ. Речь пойдет о повести А.В. Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», изданной в 1920 году в Госиздате.

Александр Васильевич Чаянов (1888—1937) — человек сложной судьбы. Энциклопедически образованный, всемирно известный ученый-экономист, талантливый историк-московед, блестящий писатель, в 1920-е годы создавший целую серию блистательных романτικο-фантастических повестей. В 1931 году он был оклеветан, арестован и в 1937 году по обвинению во вредительстве и принадлежности к несуществующей «трудовой крестьянской партии» расстрелян. Лишь после шестидесятилетнего забвения его произведения и научные труды обрели новое рождение.

Велико искушение подробнее остановиться на утопии Чаянова, тем более что она заслуживает того, но жесткие рамки обзора вынуждают ограничиться несколькими пометками на полях.

Прежде всего необходимо заметить, что повесть «Путешествие моего брата Алексея...» открыла новую страницу в истории русской литературной утопии и общественной мысли. Это первая в России детально прорисованная утопия развития, то есть будущее здесь рассматривается в исторической перспективе — А.В. Чаянов экстраполирует один из возможных и, по его мнению, перспективных вариантов политической эволюции Советской России. Одним словом, он написал тот самый «плановый роман», о необходимости которого девять лет спустя говорил Луначарский.

Герой произведения, Алексей Кремнев, начитавшись Герцена, необъяснимым образом перемещается в Москву 1984 года (воистину, эта дата обладает какой-то магической притягательностью в истории мировой фантастики!). Знакомясь с вероятностной историей русского писателя, невольно начинаешь ее сопоставлять с другой историей, творимой «кремлевскими мечтателями». Придуманная модель общества А. Чаянова прописана детально, снабжена

хронологией. Давайте пролистаем некоторые страницы этой истории будущего России.

Итак, в 1928 году в России «был» принят «Великий декрет о неотъемлемых личных правах гражданина» (напомню: повесть вышла в 1920 году!); в 1932 году на смену Эпохе государственного коллективизма, в течение которой общество было доведено буквально до состояния анархии (еще один опрометчивый ход советского фантаста!), приходит крестьянский режим. И после установления в 1934 году власти крестьянской партии Россия пошла, что называется, демократическим путем (вам тоже вдруг подумалось о наших думских аграриях?). Прежде всего новая власть пересмотрела идеи управления и труда. Вот как об этом сказано в книге: «Система коммунизма насадила всех участников хозяйственной жизни на штатное поденное вознаграждение и тем лишила их работу всяких признаков стимуляции. Факт работы, конечно, имел место, но напряжение работы отсутствовало, ибо не имело под собой основания». Даже не верится, что эти строки написаны в годы «диктатуры пролетариата». И не просто написаны, а опубликованы в государственном издательстве!

Поехали дальше. Вопросы экономики в утопическом государстве решаются на кооперативных началах, а политические — «методами общественными: различные общества, кооперативы, съезды, лиги» и т.д. «Мы придерживаемся таких методов государственной работы, которые избегают брать сограждан за шиворот». Впрочем, не все так просто и гладко в мире будущего. Не забыл фантаст упомянуть и о вполне закономерных для государства нового типа контрдействиях, путчах и восстаниях. Не всем, например, пришелся по душе «Декрет об уничтожении городов свыше 20 тысяч жителей». «Помилованные» города (включая восстановленную после одного из восстаний Москву) превратились в уютные, озелененные сателлиты деревень, места «празднеств, собраний и некоторых дел».

Существуют и другие проблемы. Например, агрессивные выпады со стороны... Советской Германии! Впрочем, вражескую армию стремительно — всего за полчаса! — разгоняют (именно так) «метеофорами» — приспособлениями, которые россияне в мирное время используют для

управления дождями и ураганами. И в ознаменование победы над крестьянской Москвой звучит торжественный «Прометей» Скрябина — государственный гимн Российской Крестьянской Республики...

Любопытна и история издания этой утопии. «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» рекомендовал к печати сам В.И. Ленин. «Надо мечтать!» — учил вождь пролетариата... Но печально обрывались эти мечты, судьба «рекомендованного» мечтателя А.В. Чаянова — красноречивый пример. Ведь обвинения в адрес ученого и писателя строились на основании как раз его фантастической повести.

Многие фантасты-утописты, даже самые лояльные, в 1930-е годы разделили судьбу Чаянова.

Утопия Александра Чаянова — одна из немногих (если не единственная) попыток в ранней советской фантастике детально изобразить социальное и экономическое устройство общества и уж точно «Путешествие...» — последнее произведение, посвященное не абстрактному всепланетному коммунистическому обществу, а обустройству России*.

С этого момента тематические границы нашего обзора неизбежно размываются, и мы вынуждены говорить об утопиях вообще. В советской литературе о будущем «русское поле» растворилось или, точнее, раздвинулось. Для утопистов советской эпохи казалось немыслимым построение идеального общества в рамках одной страны. Расползание «Новой русской идеи» по планете представлялось процессом закономерным и неизбежным. Россия если и фигурировала в произведениях, то исключительно в качестве географической точки.

* Правда, можно еще вспомнить опубликованный за рубежом роман опального генерала и талантливого писателя П.Н. Краснова «За чертополохом» (1922), посвященный реставрации русского общества. Действие романа развивается в 1960-е годы. Отгородившаяся от остального мира гигантским чертополохом Россия возродила династию Романовых и вернулась на пути праведные, поставив во главу принципы «самодержавия, православия, народности». Но это произведение, являющее собой любопытный образец эмигрантской литературы, конечно же, нельзя рассматривать в рамках советских утопий.

«...мы построим на местах, где по всей земле наши братишки догнивают, — построим роскошные города, могучие фабрики, посадим пышные сады... Для себя теперь строим... А для себя — великолепно, по-грандиозному...»

А.Н. Толстой. «Голубые города».

Понять, осмыслить, художественно воплотить глобальные социальные сдвиги, потрясшие Россию, ухватить и пропустить через себя настроения противоречивой эпохи — задача, посильная только Большому Художнику. Будем объективны: на 80 процентов цех молодой советской фантастики составляли литературные дилетанты. Искренне желавшие утвердить знамя НФ в литературе, иногда способные, добротные литераторы, но — не Художники. Произведения, поднявшиеся до уровня осмысления современности, — большая редкость в советской НФ 20-х годов. С романами о будущем ситуация была еще плачевнее.

И все-таки было несколько произведений утопического жанра, так или иначе отразивших романтико-трагедийное ощущение эпохи.

В 1922 году в Канске мизерным тиражом была издана за счет средств автора повесть Вивиана Итина «Страна Гонгури». Возможно, эта одна из первых советских утопий так и затерялась бы во времени, если бы ее не заметил А.М. Горький, с подачи которого в 1927 году в несколько переработанном и дополненном варианте повесть была переиздана в 1927 году в Госиздате под названием «Открытие Риэля».

Произведение построено на двух сюжетных планах — реальном и вымышленном. Молодой красноармеец Гелий, оказавшись в плену белочехов, ожидает расстрела. Его сосед по камере — старый доктор, сочувствующий большевикам, погружает юношу в гипнотический сон, в котором Гелий осознает себя другой личностью — гениальным ученым будущего Риэлем. Итин талантливо и вдохновенно рисует картину гармоничного, счастливого будущего, когда из словаря вычеркнуто слово «война», люди увлечены духовным самосовершенствованием, самозабвенно отдаются не только постижению наук и искусств, но и любви. Так бы и осталась утопия всего лишь еще

одной красивой сказочкой, если бы автор вдруг не ввел в повествование трагическую ноту. Ученый Ризель открыл вещество онтэ, позволившее людям покорить тяготение, изобрел аппарат, при помощи которого можно заглядывать в различные эпохи. Он обласкан обществом, любим самой красивой девушкой планеты — Гонгури. Но беспокойному ученому все мало. Он стремится проникнуть в самые сокровенные тайны Мироздания, достичь полного совершенства, но осознав, что это ему не по силам, кончает жизнь самоубийством.

Такой неожиданный поворот сюжета, резко конфликтующий с жизнеутверждающим пафосом предыдущих сцен, резко выталкивает «Страну Гонгури» из строя бесконфликтных коммунистических утопий и одновременно выстраивает мостик между красивой мечтой и «недостроенной» реальностью. Ведь и «реальный» юноша Гелий в конечном счете погибает. Связь между вымыслом и жизнью грубо разрушается — путь к счастью не бывает легким.

В 1938 году поэт и утопист Вивиан Итин был арестован по обвинению в шпионаже и расстрелян в Новосибирске.

Еще выше трагедийная нота звучит в небольшой повести А.Н. Толстого «Голубые города» (1925). Толстой тоже совмещает реалистический и фантастический планы повествования, момент перехода почти незаметен. Главный герой — юный красноармеец и талантливый архитектор, в сыпном бреду видит свою мечту — голубые города счастливого будущего: «Растениями и цветами были покрыты уступчатые, с зеркальными окнами, террасы домов. Ни труб, ни проволок над крышами, ни трамвайных столбов, ни афишных будок, ни экипажей на широких улицах, покрытых поверх мостовой плотным сизым газоном. Вся нервная система города перенесена под землю. Дурной воздух из домов уносился вентиляторами в подземные камеры-очистители... В городе стояли только театры, цирки, залы зимнего спорта, обиходные магазины и клубы — огромные здания под стеклянными куполами». Преобразились не только города, но и вся планета: исчезли границы, там, где когда-то были мерзлые тундры и непроходимые болота, — «на тысячи верст шумели хлебные поля». Но красивая мечта сталкивается с суровой действительностью. Для Буженинова, мечтате-

ля и идеалиста, изломанного революцией и гражданской войной, идея построения голубого города будущего становится навязчивой, смыслом всей жизни, манией. И он поджигает вполне реальный город, несовместимый с его мечтой: «План голубого города я должен был утвердить на пожарище — поставить точку...». Толстой обрывает повествование неожиданно и жестко: «Буженинов Василий Алексеевич предстанет перед народным судом».

«Голубые города» — вероятно, самая возвышенная и трагическая утопия 20-х годов. Она надолго стала символом недостижимости красивого будущего, утонувшего в серости, обыденности настоящего.

В бреду видит будущее и умирающий поэт из рассказа Николая Асеева «Завтра» (1925). Он пытается представить себе грандиозные картины мира, в котором мог бы жить и выздороветь. Люди овладели энергией, перемещают по воздуху целые города, заменяют изнашиваемые органы.

Вообще в утопиях 20-х годов картины будущего часто возникают в воображении смертельно больных героев. Что ж, символика здесь легко прочитывается: больной, умирающий организм — современное общество, которое остро нуждается в позитивном обновлении.

В чудесной, возвышенной НФ повести Андрея Платонова «Эфирный тракт», написанной в 1926—1927 гг., но впервые опубликованной только в 1967 году, будущее тоже тесно соприкасается с настоящим. Казалось бы, человечество достигло небывалых высот в науке, ликвидированы границы и политические конфликты. Но почему тогда в этом «прекрасном и яростном» мире существует газета с названием «Беднота»? Значит, не все так благополучно в этом светлом будущем?

Когда спящий проснется

Машина, техника связаны для нас с сознанием движения в социализм. Машина — условный рефлекс, который возбуждает образы борьбы, достижений, желаемого будущего.

А.Н. Толстой

В подавляющем же большинстве утопии 1920-х годов изображали либо процесс, либо конечный ре-

зультат интеграции мирового сообщества во Всемирную Коммуну под началом Советской России. Правда, особое внимание уделялось не столько социальным процессам в обществе будущего, сколько успехам на научном фронте.

Молодая Республика делала ставку прежде всего на развитие промышленности. Поэтому неудивительно, что многие фантасты не призывали природу в союзники, а соперничали с нею. И позиция «Человек — хозяин природы» типична не только для НФ 20-х, но и для всей советской фантастики.

Творимая в эпоху повсеместной электрификации и всеобщей увлеченности научными знаниями, утопическая Россия виделаась авторам в первую очередь как высокотехнологическое государство, где именно наука цементирует общество, от нее зависит все — и социальный уровень жизни, и духовный. Особой любовью среди утопистов пользовалось градостроительство.

Одно из самых характерных, типических произведений той поры — роман Якова Окунева «Грядущий мир. 1923—2123» (1923). Земля XXII века — Всемирная Коммуна, всю планету покрывает Мировой Город: «Земли, голой земли так мало, ее почти нет нигде на земном шаре. Улицы, скверы, площади, опять улицы — бескрайний всемирный город...» В этом урбанистическом обществе все до предела унифицировано, даже люди ходят в одинаковых униформах, и мужчины и женщины на одно лицо — волосаной покров здесь не приветствуется. «Каждый гражданин Мирового Города живет так, как хочет. Но каждый хочет того, что хотят все...» Не хотелось бы дожить до такого будущего, но авторам прошлого такая модель казалась идеальной*.

* Может, такое наблюдение покажется крамольным, но идеал будущего советских фантастов удивительным образом согласуется с идеями масонов, которые также мечтали о создании некоего Мирового правительства. В одной из статей, опубликованных в масонском журнале «Двуглавый Орел» за 1929 г., ставились вполне конкретные задачи: «Подготовить Соединенные Штаты Европы, создать сверхнациональную власть, задачей коей будет разрешение конфликтов между нациями». На съезде «Смешанного Масонства» в 1927 г. эти задачи еще более конкретизированы: «Необходимо всюду и при каждом удобном случае речами, писаниями и делом внушать дух мира, благоприятный для создания Соединенных Штатов Европы, этого первого шага к Соединенным Штатам Мира». Вероятно, логично ввести в качестве синонима «коммунистической утопии» понятие «масонская утопия». Во всяком случае, это будет забавно.

Похожий урбанистический, сверхтехнологичный счастливый мир «без людей» рисует и Вадим Никольский в романе «Через тысячу лет» (1926). Кстати, историков жанра это произведение привлекает не столько панорамой технических достижений будущего, сколько пугающе точным прогнозом. Дело в том, что автор предсказал атомный взрыв, который «произойдет» в... 1945 году!

Примерно ту же панораму мы видим в романе украинского писателя Дмитрия Бузько «Хрустальная страна» (1935). Здесь построение утопии стало возможно только благодаря изобретению необычайно прочного стекла — основы новой архитектуры и машиностроения.

Куда привлекательнее выглядит будущее, придуманное В.В. Маяковским в утопической поэме «Летающий пролетарий» (1925), пропитанной яростной ненавистью к коммунальному, кухонному быту, уничтожающему человеческую личность, его свободный дух. Поэт переселяет людей из подвалов и коммунальных квартир — таких обычных в революционном мире 20-х — в небеса, в воздушные замки. С большим остроумием описал Маяковский будни гражданина XXX века.

В романах «Межпланетный путешественник» и «Психомашин» и примыкающей к ним повести «Ком-са» (все — 1924) Виктор Гончаров не решился изобразить мир победившего коммунизма, ограничившись развитым социализмом. Но опять же в мировом масштабе — экспансия СССР привела к образованию Союза Советских Федеративных Республик Европы, Азии, Африки и Австралии. А что же Америка? «Да! Америка, значит, до сих пор держится, но уже гниет на корню... скоро мы будем иметь федерацию республик мира».

Похожую картину изобразил и Александр Беляев в «Борьбе в эфире» (1928): Советская Европа дает последний и решительный бой оплоту загнивающего капитализма — Америке. Беляев, кстати, так же как и Окунев, считал, что люди будущего будут абсолютно лысыми. Герой, современник Беляева, даже не сразу может отличить мужчин от женщин. Просто какой-то культ унисекса царил в фантастике 20-х! Хотя «Борьба в эфире» — это скорее роман-буфф,

скрытая пародия на штампы коммунистической утопии, что и послужило причиной запрета книги.

Постепенно коммунистической утопии становилось тесно на Земле. Помните, как Гусев из толстовской «Аэлиты» мечтал о присоединении Марса к РСФСР? Идеи коммунизма шагнули в простор планетный и в первой отечественной «космической опере» — романе Николая Муханова «Пылающие бездны» (1924). Автор нарисовал весьма впечатляющую панораму мира 2423 года. Уничтожены границы и расовые различия, человечество объединилось в Единую Федерацию Земли, подчиненную идеям Великого Разума. Освоен космос, заселена Луна и астероиды, установлен трехчасовой день, люди овладели телепатией, поэтому на улице предпочитают носить темные очки, чтобы никто не мог прочитать в глазах мысли; наконец, земляне научились с помощью эматориев воскрешать мертвых и средняя продолжительность жизни увеличилась до 150 лет. Самое же примечательное, что в этой утопии распространены смешанные браки между землянами и марсианами — нашими союзниками и одновременно коммерческими конкурентами. В контексте истории НФ весьма занимательна находка Муханова относительно имен людей будущего. Например: Омер Амечи, где Омер — имя, а фамилия указывает на место рождения: Америка, Чикаго. Или такие имена — Гени Оро-Моску, Альби Афрега, Роне Оро-Беру. Что-то знакомое звучит в этих именах, да? Разумеется, все мы читали «Туманность Андромеды» И.А. Ефремова, а видный философ и фантаст наверняка читал сочинение Муханова.

Фантасты тех далеких лет, вырисовывая монументальные полотна коммунистического далека, нередко проявляя даже откровенные чудеса безудержной фантазии по части технических достижений, так и не смогли подняться до социального анализа грядущих перемен, более или менее отчетливо выстроить социальную структуру общества будущего, не говоря уже о том, чтобы показать духовную жизнь обитателей выдуманного мира. Слишком сложной оказалась эта задача. Даже в лучших с точки зрения

художественной наполненности образцах коммунистической утопии — романах Яна Ларри «Страна

Счастливых» (1931), Михаила Козырева и И. Кремнева «Город Энтузиастов» (1931) и Александра Беляева «Звезда КЭЦ» (1936) — человеческая составляющая схематична, она едва угадывается за картинами общего плана. В основном же это были экскурсии по миру будущего — таковы романы Сергея Боброва «Восстание мизантропов» (1922), Сергея Григорьева «Гибель Британии» (1926), Федора Богданова «Дважды рожденный» (1928) или слащаво-радостная картина коммунистической утопии, где пионерами стали все дети Земли, придуманная Иннокентием Жуковым в повести «Путешествие звена «Красная звезда» в страну чудес» (1924). Мы называли только некоторых.

О необходимости создания полноценного образа коммунистического далека писал А.Н. Толстой: «Если мы хотим фантазировать о том, что будет через десять лет, прежде всего наше внимание мы должны остановить на психологическом росте человека за этот период бурного строительства материальной базы».

Ущербоность утопической литературы чувствовал и ведущий фантаст тех лет А.Р. Беляев: «Самое легкое, — писал он в одной из статей, — создать занимательный, острофабульный научно-фантастический роман на тему классовой борьбы. Тут и контрасты характеров, и напряженность борьбы, и всяческие тайны и неожиданности. И самое трудное для писателя — создать занимательный сюжет в произведении, описывающем будущее бесклассовое коммунистическое общество, предугадать конфликты положительных героев между собой, угадать хотя бы две-три черточки в характере человека будущего. А ведь показ этого будущего общества, научных, технических, культурных, бытовых, хозяйственных перспектив не менее важен, чем показ классовой борьбы. Я беру на себя труднейшее».

В 1930-е годы советская НФ заметно охладевает к будущему — для замороженных пропагандой авторов построение коммунистического общества казалось вопросом максимум нескольких лет. Показательна в этом смысле утопическая зарисовка «Газета будущего» некоего К. Бочарова, помещенная в ленинградском журнале «Вокруг света» за 1931 год: «Мы знаем, какой будет эта страна, поэтому, когда мы говорим о будущем, это не беспочвенная фантас-

тика, а всесторонний учет наших возможностей и задач. Фантастику же мы оставляем м-ру Герберту Уэллсу».

Попытки продолжить анализ будущих преобразований были немногочисленны: уже упоминавшиеся «Город Энтузиастов» (1930) М. Козырева и И. Кремнева — красивая, романтическая утопия, в которой люди будущего с помощью искусственного солнца побеждают ночь — и «Хрустальная страна» (1935) Д. Бузько. Стоит еще упомянуть роман Леонида Леонова «Дорога на Океан» (1936), также содержащий утопические главы.

Самая же значительная утопия 30-х годов принадлежит перу Яна Ларри. «Страна Счастливых» (1931) выделяется на общем фоне уже хотя бы более высоким уровнем художественности. Внешне мир Ларри мало чем отличается от множества таких же счастливых миров, придуманных фантастами 20-х, — здесь так же царствует счастливый труд, так же ликвидированы границы, а человечество шагнуло в космос. Но есть и принципиальное отличие: утопия Ларри — не статична, не безконфликтна, ее населяют живые люди, буруемые страстями и противоречиями.

Присутствует в повести и публицистическая заостренность. Страной Счастливых управляет экономический орган — Совет Ста. И вот два лидера Совета, два старых революционера, Коган и Молибден, выступают против финансирования космической программы. Прогрессивная общественность восстает и, разумеется, побеждает. В образе усатого упряма Молибдена без труда угадывался намек на «главного фантаста мира», так что остается только удивляться, каким чудом книга смогла проскочить сквозь заслон цензоров. Впрочем, довольно скоро «Страна Счастливых» была изъята из продажи и библиотек, а спустя десять лет писатель был арестован и по обвинению в антисоветской пропаганде провел 15 лет в лагерях.

Единственным «упрямцем» из фантастов 1930-х остался, кажется, только Александр Беляев. Писатель всерьез интересовался, как будет жить человек в бесклассовом обществе, какие социальные и этические вопросы могут возникнуть в этом обществе, на чем может строиться конфликт. С этими вопросами, по его личному признанию, автор «обращался к десяткам авторитетных людей, вплоть до

покойного А.В. Луначарского, и в лучшем случае получал ответ в виде абстрактной формулы: «На борьбе старого с новым».

Беляев понимал, что социальный роман о будущем не может обойти стороной этические размышления, описания быта и духовной жизни человека коммунистического общества. Он честно попытался разносторонне изобразить, «как будет через десять лет жить человек в тех самых социалистических городах». Обществу преобразенной России фантаст посвятил романы «Прыжок в ничто» (1933), «Звезда КЭЦ» (1936), «Лаборатория Дубльвэ» (1938), «Под небом Арктики» (1938) и несколько этюдов, в том числе «Зеленая симфония» и «Город победителя». Но дальше «терраформирования» и научных достижений так и не пошел. Нужно отдать должное Беляеву — он не просто понимал, но и не побоялся признаться, что решить поставленную задачу не сумел.

Пятна на Солнце

— *Не принято у нас смотреть в будущее.*

— *А может быть, у вас ни будущего, ни настоящего?*

Ян Ларри. «Небесный гость»

Не одними утопиями богата ранняя советская фантастика. Фантасты не только мечтали, но и предупреждали. Опасные тенденции в советском обществе нарастали с неимоверной быстротой. И не только бытовое мещанство и мещанство бюрократическое, высмеянное В.В. Маяковским в псевдоутопических сатирах «Баня» (1929) и «Клоп» (1930). Существовали куда более опасные тенденции.

В 1920 году Евгений Замятин написал свой знаменитый роман-антиутопию «Мы», впервые опубликованную на чешском языке в 1924 году, и только в 1927 году в той же Чехословакии роман появился на русском.

«Этот роман — сигнал об опасности, угрожающей человечеству от гипертрофированной власти машины и власти государства — все равно какого», — писал Е. Замятин, но до чего же легко угадывалось в образе бездушного, подавленного общества Мы вполне конкретное государство и вполне конкретная власть. Сюжет книги и ее судьба, уверен, хорошо известны читателям, поэтому ограничимся лишь упоминанием этого канонического текста.

А вот повесть безвестного Андрея Марсова «Любовь в тумане будущего» вряд ли известна большинству читателей. Самое забавное, что она вышла в том же, 1924 году, но в Москве — в Государственном издательстве. Почему забавно? Судите сами: «Высшее управление Великой Республикой сосредоточилось в руках Совета Мирового Разума, который, построив жизнь на совершенно новых началах, добился полной гармонии между внутренними переживаниями и внешними поступками человечества. С момента открытия ультра-Рамсовских лучей, давших возможность фотографирования самых сокровенных мыслей, все импульсы подсознательного «Я» каждого индивидуума были взяты под самый строгий контроль... Преступников больше не существовало, так как преступления открывались до их совершения, и человечество, освобожденное от всего злого и преступного, упоенное братской любовью, с восторгом отдалось плодотворной работе в рамках самосовершенствования... Через несколько поколений люди достигли вершины благополучия».

Знакомые мотивы, не так ли? Содержание этой небольшой повести поразительным образом пересекается с замياتинским «Мы». Но если государство, описанное Замятиным, абстрактно, то в унифицированном, «обнуленном» (здесь так же люди имеют личные номера) мире Марсова вполне отчетливо упоминается Россия как часть некоего мирового сообщества — Совета Мирового Разума. В этом мире все подчинено контролю — мысли, чувства, рождение... и даже умереть нельзя без особого разрешения Совета. И ежедневно за вами строго наблюдают вездесущие Слуги Общественной Безопасности.

Еще более жуткую картину будущей России нарисовал Михаил Козырев в повести «Ленинград», поскольку вымысел Козырева хоть и отнесен в недалекое будущее (действие происходит в 1951 году), но гораздо плотнее сливается с действительностью. Оказавшись в Ленинграде 1951 года, профессиональный революционер ужасается увиденному. В почете доноительство, политический сыск и террор, экономика разваливается, газеты беззастенчиволгут, восхваляя несуществующие успехи социализма, за-

жиревшая партийная верхушка проводит время в кутежах, сама же бывшая буржуазия вкалывает на заводах по шестнадцать часов, а портреты вождей размещены в иконостасах... Повесть была написана в 1925 году, но впервые увидела свет только в 1991-м.

Фантаст и сатирик Михаил Козырев был расстрелян в 1941 году.

Не были изданы при жизни и три главных произведения Андрея Платонова — «языческие утопии» «Чевенгур», «Котлован» и «Ювенильное море», образующие полифонический портрет безгеройной коммунистической утопии-антиутопии. Чевенгурская коммуна, изъедающая самое себя демагогической трескотней революционных фраз и обрушивающаяся с гибелью маленькой девочки; фантазмагорический образ построения социализма — копания котлована, гигантской братской могилы, абсурдистская утопия «Ювенильного моря»... Пугающие и кричаще правдивые образы.

«Где же теперь будет коммунизм на свете, если его нет в детском чувстве и в убежденном впечатлении? Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького, верного человечка, в котором истина стала бы радостью и движеньем».

Этот стон, этот плач заглушили фанфары Вечного Празднества. «Верной дорогой идете, товарищи!»

И даже автор щемящих «Голубых городов» и «Аэлиты» очень скоро величаво пел со страниц газет: «Человек будущего уже среди нас. Его голос слышен ранним утром, когда он с книжками бежит в школу. Он должен быть смел, так как страх, связанный с состоянием рабства и угнетения, останется дремать лишь на книжных полках библиотек. Он будет красив и ловок, тверд и честен. Чувства его будут глубоки и ясны, так как воспитателем его чувств будет великое искусство, рожденное молодым и сильным классом. Он будет переходом от нашего героического поколения борцов за новый мир к тому человеку будущего, который мерещится нам на освобожденной земле среди голубых городов коммунизма».

ГЛАВА 3

ОТ ИМПЕРИИ СОВЕТСКОЙ К ИМПЕРИИ РОССИЙСКОЙ (1945—2001)

Если бы человек не мог бы представить себе в ярких и законченных картинах будущее, если бы человек не умел мечтать, то ничто бы не заставило его предпринимать ради этого будущего утомительные сооружения, вести упорную борьбу, даже жертвовать жизнью.

Дмитрий Писарев

К концу 1940-х годов процесс истребления художественной фантастики и утопии был завершен установлением литературно-идеологической доктрины «ближнего прицела». Как метко подметил исследователь русской литературы XX века Леонид Геллер: «Утопия перестала быть нужной в советской литературе, потому что вся литература принялась изображать действительность как осуществленную утопию».

Перед фантастами поставили очередные четкие задачи: «Разве постановление о полезащитных лесных полосах, рассчитанное на пятнадцатилетний срок, в течение которого должна быть коренным образом преобразена почти половина нашей страны, преобразена настолько, что даже изменится климат, — разве это постановление не является исключительно благодатным материалом для настоящих фантастов?» (С. Иванов); «Расскажите о замечательных свойствах нейтрино, верхнем течении Амазонки, об улыбке Нефертити, Крабовидной туманности, сверхпроводимости, проектах Кибальчича, гидропонике, недрах Саянских гор...» (Ю. Котляр).

Другая функция, отводимая НФ, — воспевание параноидальной политики государства, призывы к советскому читателю поддерживать высокую бдительность: враг не дремлет и охотится за научно-техническими достижениями советских ученых и инженеров. «Мы политически

образованные люди — отлично знаем, что враги далеко не безучастно следят за нашей научной работой» (А. Гуляшки. «Последнее приключение Аввакума Захова»).

Утопии стали не нужны. Более того — они признаны вредными. Утопия ведь рассказывает о мире, который вряд ли удастся на деле создать. Стало быть, своим существованием она подрывает «правду» генеральной линии об уже построенном социалистическом рае.

Но даже сочинения немцовых, охотниковых, пальманов были все теми же утопиями. Фальшивыми, но утопиями. Да, время их действия — здесь и сейчас, но ведь в каких тонах преподносилось это здесь и сейчас! Советская Россия — благоустроеннейшая из стран, которую населяют исключительно добропорядочные и талантливые граждане, ее чиновники — сплошь душки, а партийные лидеры — бескорыстны и мудры. Ни преступности, ни дефицита — благодать да и только! Ну чем не розовощекая утопия!

Почти два десятилетия концепция «ближнего прицела» определяла «фантастическую политику».

Тени исчезают в Полдень

*Свобода, братство, равенство — все то,
О чем томимся мы, почти без веры,
К чему из нас не припадет никто, —
Те вкусят смело, полностью, сверх меры*.*

Кратковременная «оттепель» подарила новые надежды и планы на будущее. В НФ «оттепель» наступила раньше других видов литературы — в 1957 году, когда всего за несколько месяцев до запуска первого искусственного спутника Земли на страницах журнала «Техника—молодежи» стартовала, вероятно, самая значительная утопия XX века — роман И.А. Ефремова «Туманность Андромеды». Чаще всего исследователи НФ называют ефремовскую утопию гимном коммунизма, но автору этих строк ближе позиция критика Всеволода Ревича: «Ефремов написал вовсе не коммунистическую — в нашем смысле слова — утопию... В меру сил он написал общечеловеческую утопию». Именно этот общечеловеческий, космополитический характер «Ту-

* Валерий Брюсов.

манности...» и выделяет ее в ряду других утопий. Аналогов «Туманности Андромеды» в утопической литературе не было ни до, ни после. Отдалив мир будущего на тысячелетие, писатель совершил беспрецедентную попытку изобразить радикально новое человечество — не просто отличное от нас интеллектуально, но и с принципиально иной этикой. Ефремовский мир — подчеркнуто космополитичен, он лишен не только государственных границ, но национальной самоидентификации. Заслуживает огромного уважения смелость Ефремова, с которой он взялся охватить все стороны человеческой деятельности и жизни — от прорисовки инфраструктуры и достижений науки до сугубо гуманитарных сфер, как-то: педагогика, культура, досуг, любовь и т.д. Мир, нарисованный писателем, неоднозначен и противоречив, но тем и привлекателен.

Если Ефремов раздвинул горизонт коммунистической утопии, то А. и Б. Стругацкие населили эту самую утопию живыми людьми, которых не хватало в «Туманности Андромеды». Люди будущего у Стругацких вообще мало чем отличаются от современников. Бесспорно, цикл новелл «Возвращение. Полдень XXII век» (1962) — одна из лучших панорам далекого будущего, созданных в советской литературе. В сущности, Стругацкие написали не просто утопию, а Историю Будущего, хотя и мир Полдня по мере удаления от дня сегодняшнего приобрел черты статичности — недостаток, свойственный большинству утопий вообще.

На мой взгляд, недооцененной оказалась попытка Вадима Шефнера изобразить в романе «Девушка у обрыва» (1965) гармоническое общество XXII века. А между тем наряду с утопиями Ефремова и Стругацких это одна из лучших и самых живых утопических картин советской литературы. Шефнеровский роман — яркий пример гуманитарной утопии, которой присуща нарочитая «несерьезность», что заметно выделяет произведение из ряда других образчиков жанра. Шефнера мало волнуют научные достижения будущего (хотя один из главных героев — ученый, открывший Единое Сырье аквалид, что привело цивилизацию к абсолютному благополучию), в центре его внимания — человеческие отношения. А они, как оказывается, совсем не изменились. Ну разве что ругательства вышли из употребления и алкоголиков стало поменьше (их автор остроумно окре-

стил словом «Чепьювин» — то есть Человек Пьющий Вино). В юмористических красках писатель изображает сложности обновления общества. Например, вместе с деньгами Всемирный Почтовый Совет решил отменить и почтовые марки, а их коллекционирование признано «пережитком, не приносящим человечеству никакой пользы». Разумеется, это вызвало решительный протест со стороны многочисленных филателистов. Встречаются и другие курьезы, связанные с отменой денежных единиц, — роботы-официанты, не приученные к «халяве», стали обслуживать клиентов менее добросовестно.

Из попыток создать масштабную коммунистическую утопию стоит упомянуть и роман-эпопею Сергея Снегова «Люди как боги» (1966—1977). Стремясь облегчить восприятие социально-футурологических идей, автор втиснул утопию в жанр «космической оперы». «Опера» получилась великолепной, захватывающей, но зато утопические сцены — самые провальные в романе.

Утопия вернулась в литературу на очень короткий срок. По большому счету подобные произведения отличались друг от друга разве что сюжетом и степенью литературного мастерства. Триада Ефремов—Стругацкие—Шефнер исчерпала ресурсы коммунистической утопии, ничего не оставив коллегам по перу. В советской литературе был возможен только один вариант будущего, шаг вправо, шаг влево немедленно карался. Из наиболее литературно талантливых произведений, посвященных обществу будущего, назовем «Мы — из Солнечной системы» (1965) Г. Гуревича, «Глоток Солнца» (1967) Е. Велтистова, «Скиталец Ларвеф» (1966) Г. Гора, «Гость из бездны» (1962) и «Гианея» (1965) Г. Мартынова, «Леопард с вершины Килиманджаро» (1972) О. Ларионовой.

Уже к 1970-м утопия практически исчезла с литературного небосклона. Она закончилась вместе с «оттепелью». Она просто не могла существовать в реальности застоя, с которой вступала в демонстративное противоречие. Утопию загнали в ведомство детской литературы. Фантастику нивелировали, усреднили не столько даже цензоры, сколько сама реальность. Для создания достойных картин будущего фантастике недоставало упоения революционными свершениями из 20-х, ни даже «накала» «холодной вой-

ны» из 50-х. 1970-е — «мертвый сезон» в советской НФ. Эта разочарованность «вдохновила» певца Мирового Коммунизма И.А. Ефремова написать «Час Быка» (1968). Всего десятилетие спустя А. и Б. Стругацкие разрушат внешнюю благость Полдня убийством Абалкина в «Жуке в муравейнике». Немногим позже автор «розовошекого» романа «Путешествие длиною в век» (1963) В. Тендряков напишет антиутопию «Покушение на миражи» (1988)*.

Гибель Империи

Пред будущим теперь мы только дети...

Константин Бальмонт

В середине 1980-х годов идея планетарного коммунизма окончательно развалилась и фантасты вернулись на «русское поле». Очередной социальный эксперимент пробудил к жизни, казалось, забытый жанр — антиутопию. С Перестройкой в СССР пришли не только гласность и подобие демократии, но и ощущение надвигающейся катастрофы. Именно это предчувствие распада империи и экстраполяция возможных политических, социальных и психологических последствий этого процесса составляют основное содержание большинства произведений конца 80-х — начала 90-х. «Для одних эта эпоха стала огромной личной трагедией, для других — крушением «империи зла» и «тюрьмы народов». В любом случае распад государственных образований исполнен трагизма и колоссальной психологической ломки. Ведь крушение государства — это не просто переделка границ и «перестройка» общественно-политических и экономических отношений. Прежде всего писатели увидели здесь трагедию личности (Б.А. Ланин).

Знаковым произведением этой постутопической эпохи стал роман Александра Кабакова «Невозвращенец»

* Из ряда утопий, созданных в советское время, резко вымывается роман Василия Аксенова «Остров Крым», впервые изданный в 1981 году в США. Что было бы, если бы во время гражданской войны Крым (в фантастической реальности романа — остров) не был захвачен красными. Аксеновский Крым — это оазис «старорежимной» России, развивающейся по капиталистическому пути.

(1989), наиболее отчетливо выразивший суть времени. Кабаков с удивительной точностью предугадал многие негативные тенденции России 1990-х — развал страны, бессилие власти, путч, социальный террор и т.п. Конечно, содержание «Невозвращенца» не сводится к одному лишь социальному прогнозированию. Писатель поставил перед собой задачу показать беззащитность человеческой личности в эпоху распада системы и, надо сказать, с этой задачей справился блестяще.

Сюжетно роман Эдуарда Тополя «Россия завтра» (1990) близок «Невозвращенцу». В нем также речь идет о политическом перевороте в России близкого будущего — контрреформистском, организованном партийной верхушкой и закончившемся очередной народной революцией. Но если Кабаков стремился осмыслить происходящее, то популярный автор политических триллеров написал всего лишь еще один ядовито-безликий памфлетик*.

Антиутопия Владимира Войновича «Москва 2042» (1986) хоть и лежит в русле политической сатиры, но выдержана в пародийном ключе. Взять хотя бы то, что писатель воспользовался классическим штампом утопической литературы — экскурсантом из прошлого. Главный герой, Виталий Карцев, при помощи «космоплана» отправляется в будущее, на 60 лет вперед. И оказывается в МОСКОРЕПЕ — Московской ордена Ленина Краснознаменной Коммунистической республике, где давно уже провозгласили светлое коммунистическое Завтра. Здесь царит жуткая смесь партократии и теократии — Коммунистическая партия государственной безопасности (КПГБ) причислила к лику своих отцов-основателей... Иисуса Христа, а главный церковный иерарх, отец Звездоний, имеет звание генерал-майора религиозной службы. Но Церковь присоединилась к государству «при одном

* Документалистская манера Тополя, однако, нашла своих последователей. В 1999 г. вышел еще один политический памфлет на тему «Россия завтра», на этот раз принадлежащий перу известного социолога Л. Ионина — «Русский Апокалипсис: Фантастический репортаж из 2000 года». Прогнозы на «будущий год», как понятно из названия, не самые радужные: в России введено чрезвычайное положение, сорваны выборы в Госдуму, коммунисты организовали рабочие дружины, очередная гражданская война привела к окончательному развалу страны.

непременном условии: отказа от веры в Бога». В пантеоне Коммунистической Реформированной Церкви свои святые: святой Карл, святой Фридрих, святой Владимир и т.д. Разумеется, граждане будущей России живут в условиях жесточайшей регламентации. Но традиционно пугающие антиутопические штрихи под пером Войновича приобретают комические черты. Ну вот, например, какие правила поведения установлены в Предприятиях Коммунистического Питания:

Запрещено:

1. Поглощать пищу в верхней одежде.
2. Играть на музыкальных инструментах.
3. Становиться ногами на столы и стулья.
4. Вываливать на столы, стулья и на пол недоеденную пищу.
5. Ковырять вилкой в зубах.
6. Обливать жидкой пищей соседей.
7. Категорически запрещается разрешать возникающие конфликты с помощью остатков пищи, кастрюль, тарелок, ложек, вилок и другого государственного имущества».

Впрочем, мир МОСКОРЕПА почти дословно списан с реальности Союза периода развитого застоя, поэтому при всей литературной даровитости известного прозаика, описательных и сюжетных находках, роман «Москва 2042» все же не претендует на сколь-нибудь почетное место в литературной истории, являясь всего лишь памфлетом-однодневкой, хоть и изящно исполненным.

Осмыслить новую реальность, понять, куда катится Россия, пытались многие писатели. Эти годы подарили щедрый букет антиутопий о России. Кроме названных, это пьеса Михаила Веллера «Нежелательный вариант» (1989), «Французская Советская Социалистическая Республика» (1991) Анатолия Гладилина, «Записки экстремиста» (1990) Анатолия Курчаткина, «Лаз» (1991) Владимира Маканина. Но если авторы перечисленных текстов активно использовали приемы пародирования и политической сатиры, то произведения, вышедшие в эти годы из-под пера представителей фантастического цеха, иначе как трауром по Мечте, по Будущему не назовешь. Достаточно упомянуть повести Вячеслава Рыбакова «Не успеть»

и «Дерни за веревочку» или «Монахов под луной» Андрея Столярова. Даже попытка братьев Стругацких, вопреки ситуации, нарисовать в «Отягощенных злом» утопическую картинку на примере городка Ташлинска 2033 года оказалась «социалистической антиутопией» (В. Казаков).

Фантастика погрузилась в тенета скорби и печали. Будущее России было туманно и непредсказуемо.

Надвигающийся распад советской империи был замечен не только отечественными фантастами. В начале 1990-х у нас был переведен роман Ральфа Питерса «Война 2020 года». Много страниц в книге посвящено России. Человечество стоит на пороге очередной мировой бойни, основную партию в которой разыгрывают два претендента на мировое господство — США и Япония. России отведена роль одной из пещек. Разваливающийся, охваченный эпидемией чумы Советский Союз в одиночку обороняется от нашествия азиатских орд некогда братских республик, а теперь объединившихся с Японией и образовавших Японо-исламскую ось. «Развивающиеся — а точнее, безнадежно неразвитые — страны «третьего мира» поддержали право среднеазиатских республик на независимость, мстя обанкротившемуся Советскому Союзу за то, что он давно уже перестал снабжать их товарами и оружием».

Историческая неожиданность, потребность в осмыслении произошедшего со страной дали неожиданно мощный толчок для развития жанра «альтернативной истории». Авторы обратились к прошлому, пытаясь найти причины краха, понять природу «русской Свободы». Андрей Лазарчук роман «Иное небо» построил на допущении «Что было бы, если бы фашисты выиграли Вторую мировую войну?». Автор рисует мир, в котором Россия вошла в состав Германии, образовав мощную сверхдержаву. Но в конечном итоге империя разваливается, в результате кризиса рейха от него откалывается Европейская Россия. Выводы романа очевидны: при любом развитии исторических событий к 1991 году мы все равно пришли бы к тому, что имеем — краху многонациональной супердержавы.

1991 год. Первые кровавые плоды Свободы. Одесский фантаст Лев Вершинин предложил неожиданный поворот «русской темы». Он написал фантастическую

повесть о декабристах «Первый год Республики». Что было бы, завершилось восстание декабристов победой? По какому руслу двинулась бы история России? В основе сюжета — история революции, которой не было, но которая вполне могла случиться на юге России в 1826 году. Борьба за идею свободы для всех униженных заканчивается, вопреки «исторической достоверности», победой и образованием Республики... Но зло, совершенное даже ради благородных целей, имеет свойство размножаться. И вот тогда «белое» как-то незаметно оборачивается «черным». «Первый год Республики» — страшный, беспощадный и очень своевременный роман о тайнах «русской Свободы».

Сверхдержава

Дышать грядущим — горькая улада!

Валерий Брюсов

Для одних слово «империя» стало жупелом, для других — символом несбывшихся надежд, для третьих — целью.

Эдуард Геворкян

Выбор пути России — центральная установка фантастики 90-х. С обретением Свободы и расслоением державы будущее оказалось многовариантным и туманным. Впервые за многие десятилетия мы не знали, куда ж нам плыть, к какой цели.

В 1990-е много говорили о невозможности, исчерпанности утопического взгляда на будущее России. Но уже к середине 1990-х потребность в позитивном взгляде на завтрашний день стала очевидной. Утопии, как нетрудно заметить, рождаются в самые трудные времена. Они — как герои — всегда приходят вовремя. Загнанный, запуганный и затюканный прессой, телевидением и деструктивной литературой читатель остро нуждался в позитивных идеях, в новой надежде на будущее.

«Чего стоит жизнь, если в ней не исполняются мечты?

Ломаный грош. А значит, они должны исполняться» (А. Громов).

Утопия вернулась в Россию через... «альтернативную историю». Хотя по большому счету это скорее подмена утопии.

И первой «мечтой» постсоветской фантастики оказалось построение (возрождение) просвещенной монархии. Василий Звягинцев, автор фантастической эпопеи «Одиссей покидает Итаку» (1990), «подарил» России православно-монархическую утопию. Можно сказать, что ставропольский фантаст открыл жанр «альтернативной утопии». Его герои, получив возможность перемещаться во времени, перекраивают российскую историю в соответствии со своими идеалами, заново творят историю — по «монархическому образцу».

Неожиданное продолжение эта идея обрела в творчестве Вячеслава Рыбакова, создавшего в 1992 году самую значительную монархическую «альтернативную утопию» — роман «Гравилет «Цесаревич» (1992). Петербургский фантаст выдумал действительно впечатляющую модель вероятностной России, избежавшей октябрьского переворота 1917 года, и потому она осталась процветающей монархией, в основе которой лежит мощная этика. Вячеслав Рыбаков, в сущности, возродил в современной России монархическую утопию и первым подошел к идее имперского вектора развития России. Девятью годами позже, в рамках литературного проекта-сериала «Плохих людей нет» тот же писатель (под псевдонимом Хольм ван Зайчик) предложил еще один вариант альтернативной России — образованная в XIII веке Ордусь, своеобразный симбиоз восточной и русской культур.

Каким-то чудом в начале 90-х прорвалась-таки единственная во всей постсоветской литературе утопия в чистом виде... Впрочем, «прорвалась» — громко сказано. Увы, вышедшая в Калининграде в 1993 году повесть Владимира Зуева «Кровосмешение» не была замечена центральной критикой (хотя тираж книги был немаленький — 15 000 экз.). Повесть написана в соответствии с классическими канонами этого жанра. Из звездной экспедиции, стартовавшей в конце XX века, возвращается на Землю Владимир Навлинцев, но на планете прошло уже целое столетие, сменились не только поколения. И вот пришелец из прошлого знакомится с миром будущего.

«Неравномерность экономического развития на Земле еще сохраняется, она явилась основой существования нескольких политических конгломератов. Самый могущественный — Североатлантическое Сообщество, включающее Европейскую Федерацию, Североамериканскую Федерацию и Южноамериканскую Конфедерацию.

Содружество Евразия — самый мощный соперник Североатлантического Сообщества. Сюда входят Славяно-Туркский Союз, Китай, Индокитайский Союз.

Как вы догадались, это и есть бывший СССР, который «состоит из самостоятельных государств, имеющих тесные экономические и политические связи. Это бывшие союзные республики СССР и автономные, объявившие себя независимыми в период Великого Распада, кроме Молдовы, убежавшей в Румынию, и стран Балтии, а также Сербия, Черногория, Чехия, Словакия, Болгария и Польша. Административный центр — Ирпень, недалеко от Киева. Рабочий язык — русский».

Преобразилась не только политическая карта мира, но и Россия. Например, столица переехала в западносибирский город Чаинск, а Москва стала «обычным краевым городом без льгот и привилегий». Представительная демократия самоудалась, уступив место Народным Советам, «на которых все граждане поголовно имеют возможность высказывать свое решающее мнение по самым кардинальным вопросам государственной и общественной жизни». Существенные перемены произошли и в других сферах человеческой жизни. Например, исчезла форма обращения на «вы», а заодно и отчество. Теперь принято... матрчество. «Это в связи с обвальным ростом населения — во-первых, с культом матери — во-вторых», — поясняют утописты ошалевшему космонавту. Институт брака практически отсутствует, россияне будущего более раскрепощены в межполовых отношениях. Педагогика будущего близка идеям Ефремова — здесь тоже принята система общественно-семейного воспитания. Автор рассматривает многие стороны жизни будущих россиян (от нацвопроса до сексуальных развлечений и культурной программы), но жесткие рамки обзора вынуждают нас ограничиться краткими заметками. В принципе В. Зуев по-

пытался реанимировать ефремовские идеи, подкорректировав их в соответствии со временем. «Кровосмешение» вполне можно назвать неокommунистической утопией. Вероятно, не случайно время появления книги — 1993-й год. Кровавая осень 93-го — серьезная трещина в фундаменте новой России.

В 1990-е российская фантастика совершила неожиданный «мировоззренческий» финт. Именно фантастика взвалила на себя обязанность «найти выход из тупика» (А. Ройфе), в котором оказалась страна к концу века. Фантасты уловили настроения «изнасилованного» государственным беспределом общества, тоску по сильной власти.

И вот тут начинается самое интересное. Целое поколение авторов, вскормленных на неприятии государственной регламентации и тоталитарной идеологии, целое поколение преданных воспитанников и соратников братьев Стругацких внезапно развернулось на 180 градусов в своем отношении к Власти. Вчерашние подпольные борцы с Властью, с Системой оказались ее певцами. Мощная империя — вот идеал фантастов 90-х. Будь то монархическая или симбиотическая (союз с исламским миром или восточной культурой). Отечественная фантастика по большому счету вдруг вернулась к идеям фантастики советской.

В принципе все здесь закономерно и логично. Мы родились в Империи, здесь учились и росли, и как бы мы ни противостояли ее диктату, какие бы ни корчили гримасы при упоминании имперской идеи, мы все ее дети. Россия 300 лет существовала в состоянии развивающейся Империи. Ненавидя ее, мы научились гордиться ее могуществом. Вчера мы могли диктовать миру свои условия. А сегодня России диктуют условия другие. Русским, как никакой другой нации, трудно расстаться с иллюзиями, мы еще долго не сможем смириться с мыслью, что мы уже не Сила. Фантасты, являясь частью российского общества, всего лишь реагируют на ситуацию, когда страну поставили на колени. Реагируют эмоционально. Ведь это унижительно видеть стоящего на коленях великана. Сама имперская идея — защитная реакция интеллигенции, поскольку только сильная державность способна противостоять политической и, что очень важно, культурной экспансии Запада. Империя —

антоним продажного безвластия, охватившего современное российское общество. И российские фантасты выстраивают свой «последний Бастион» из кирпичиков боли, нестерпимой обиды. Потому-то и большинство романов о будущем этого периода носят откровенно декларативный, программный характер.

Один из самых показательных примеров — роман Вячеслава Рыбакова «На чужом пиру» (2000). Это в большей степени трактат о выборе оптимального пути в будущее для России, нежели художественное произведение. Питомец семинара Б.Н. Стругацкого «провозглашает» государственность, следование православным ценностям, противодействие «экономическому и культурному подавлению со стороны Запада», даже и ценой подавления собственных демократических институтов. Близкие идеи лежат и в основе романов Андрея Столярова «Жаворонок» и Дмитрия Янковского «Рапсодия гнева» — бескомпромиссно-публицистической отповеди «западному варианту» эволюции России. Лучший из исследователей механизмов Власти в нашей НФ Александр Громов от произведения к произведению утверждает в мысли, что только жесткая до цинизма власть способна организовать российское общество, удержать его от самоуничтожения. Эдуард Геворкян и Лев Вершинин последовательно рекламируют организующее начало имперского общества.

Возьмите любой из сценариев движения российского общества, придуманных в середине — конце 90-х, — это всегда Империя. Разница только в цвете государственных знамен. Один из самых парадоксальных вариантов предложил мэтр отечественной НФ Владимир Михайлов: в романе «Вариант И» (1997) он открыто декларирует свой идеал России — монархия под зеленым знаменами Пророка.

«На площади стало, кажется, еще болеелюдно. Россия любит праздновать — хотя и несколько своеобразно. Впрочем, чувствовались уже новые веяния: пьяных было куда меньше, чем полагалось по традиции. Это заметила и Наташа. Она сказала:

— И все же — перекорежит Россию ислам.

Изя лишь пожал плечами. Все-таки он уже много лет имел к этой стране лишь косвенное отношение.

— Да бросьте вы, — сказал я. — Россию ислам не перекорежит. Как и православие с ней в конечном итоге ничего не сделало. Нутро как было языческим — так и осталось. Вот Россия наверняка ислам переиначит, подгонит по своей мерке. Она всегда все переваривала, переварит и это. Зато по новой ситуации место, которое она вскорости займет в мире, вернее всего будет называть первым».

Но имперская идея — палка о двух концах. Можно сколь угодно тешить себя иллюзиями о построении гуманной империи, в основе которой — межнациональная и межконфессиональная терпимость, но... Но ведь это все — слова. Между тем некоторые из писателей уже и в жизни начинают играть в структуры. Оказывается, что и свою боль можно выгодно продать: «Облик грядущего зависит от того, кто сумеет лучше «продать» его образ на рынке идей» (Э. Геворкян).

Иной раз возникает ощущение, что «имперцы» от литературы сегодня больше озабочены не столько завтрашней судьбой России, сколько тем, как их идеи будут плодиться и множиться в этом обществе. А общество — это потребитель. **ПОКУПАТЕЛЬ.** Грубая аналогия. Но справедливая.

Идеи — недолговечны. Художественно обслуживать идеологию — занятие малопродуктивное. И дело даже не только в публицистичности, «газетности» текстов, подминающих образность. Вопрос еще сложнее. Вот, к примеру, роман самого последовательного «имперца» Эдуарда Геворкяна «Темная гора» (1999) в одном из солидных журналов к немалому раздражению автора был назван «яростно-антиимперским произведением». И действительно, подобные мотивы — на художественном уровне — там можно усмотреть. А вот его же повесть «Возвращение мытаря», опубликованная всего два года спустя («Если». 2001, № 6), вообще наглядно демонстрирует полемику писателя с идеологом. Идеолог пытается построить империю на самом идеальном материале — силою красоты и искусства, а писатель никак не может удер-

жаться от сомнений, что из этого выйдет что-либо путное... Художественная правда оказывается выше навязанных схем.

Молодое поколение отечественных авторов, те, которым чуть более тридцати, тоже отреагировали на модное веяние фантастики. После выхода в свет самого провокативного и скандального произведения конца 90-х — романа «Выборка» (1999) Олега Дивова поспешили радостно записать в радикально-имперские мессии. Автор очень тонко играет на коллективном бессознательном, ты не сразу улавливаешь подвох. Россия недалекого будущего достигает статуса Сверхдержавы. К благополучию и процветанию страна приходит через восстановление института карательной власти. Ну и что? Ну кто из нас не мечтал, чтобы всех этих олигархов, ворюг и бандитов упекли в ГУЛАГ? Ну кто не мечтал, чтобы наступили такие времена, когда ты ночью можешь пройтись «сквозь огромный город и навстречу тебе попадались сплошь улыбающиеся лица... Чтобы на каждой скамеечке влюбленные сидели, и ни одна сволочь, ни одна...». Все это есть в романе, написанном убедительно и ярко. И даже такое еще вчера пугающее понятие, как «враг народа», вдруг приобретает новое значение. «Какой разумный термин — «враг народа»... Ведь действительно, любой, кто нарушает права личности, — это именно враг народа, всего народа в целом. Не важно, кража или грабеж, в любом случае это насилие, посягательство на территорию человека и его внутренний мир». Ну как тут не согласиться? Читаешь и веришь: да, в России добро может быть только с кулаками. Да, только насильно можно и нужно наш народ привести к благоденствию. И это правильно. Книга захватывает, ты мечтаешь хоть день пожить в этом прекрасном мире, где торжествует Сильная Справедливость, и не замечаешь, как ловко автор гоняет тебя по лабиринтам социальной мечты, по закоулкам интеллигентских, кухонных комплексов, чтобы к концу книги ненавязчиво, исключительно на эмоциональном уровне привести тебя к финишу, за которым — страх.

Страх, что так и в самом деле может быть. И никто не застрахован от того, что и его выберают.

Если «Выбраковка» — книга с двойным дном, не сразу удастся распознать авторскую «подкладку», то Андрей Плеханов, автор того же поколения, более прямолинеен в своих оценках.

В романе «Сверхдержава» (2000) Россия и в самом деле становится таковой — неагрессивной Империей с высоким уровнем жизни. Плеханов дал волю насладиться читателю мечтой о великой России, чтобы затем грубо разрушить благостную утопическую картинку, сообщив, что «золотого века» страна достигла благодаря... научной переделке личности россиян!

Такая вот Империя, «такая, блин, вечная молодость»!..

Кажется, «русская тема» основательно вернулась в НФ. И пока российское общество будет топтаться на перекрестке, фантасты будут разрабатывать новые маршруты, сочинять сценарии переустройства России. Утопии нужны обществу. Они предлагают варианты. Нам их выбирать. Какой из них окажется самым подходящим для России?

Думаю, что на самом деле все будет, как в брюсовских стихах:

И ляжем мы в веках как перегной,
Мы все, кто ищет, верит, страстно дышит,
И этот гимн, в былом пропетый мной,
Я знаю, мир грядущий не услышит.

Но без утопий жить скучно.

Вместо эпилога

«Какие бы разногласия ни разъединяли людей в области политических, социальных и экономических вопросов, великая опасность, созданная вековым застоєм в развитии наших политических форм и грозящая уже не только процветанию, но и самому существованию нашего отечества, призывает всех к единению, к деятельной работе для создания сильной и авторитетной власти, которая найдет опору в доверии и содействии народа и которая одна только в состоянии путем мирных реформ вывести

страну из настоящего общественного хаоса и обеспечить ей внутренний мир и внешнюю безопасность...

Положение это обязывает признать, что жизненным условием для укрепления внешней мощи России и для ее внутреннего процветания является ограждение единства ее политического тела, сохранение за ее государственным строем исторически сложившегося унитарного характера. Вместе с тем положение это обязывает противодействовать всяким предположениям, направленным прямо или косвенно к расчленению Империи и к замене единого государства государством союзным или союзом государств».

Из «Воззвания Союза 17 Октября» (1905)

Вячеслав Рыбаков
КЛЕВЕТНИКАМ ОРДУСИ,
или

Кому и почему мерещится фашизм
в эпосе ван Зайчика

Прошло уж более года, как появилось на прилавках книжных магазинов «Дело жадного варвара» — первый том эпоса Хольма ван Зайчика «Плохих людей нет» («Евразийская симфония»). За исключительное по трудности (уже хотя бы вследствие необходимости возиться с обильной иероглификой) издание трудов великого еврокитайского гуманиста взялось тогда питерское издание «Азбука» — и покамест не пожалело об этом.

Разумеется, я не льщу себя надеждой, что труды эти заповсем читает вся мыслящая Россия и только о них и говорит. И все же непостижимым образом «Симфония» послужила и продолжает служить чем-то вроде лакмусовой бумажки, выявляющей позиции по вопросам, куда более серьезным, нежели просто отношение к очередному литературному произведению.

Какие страсти разгорелись вокруг ван Зайчика поначалу! Главным образом — почему-то политические, словно бы вышла в свет не художественная книга, а партийная программа. Некоторым критикам (к чести их цеха — немногочисленным) показалось, что настали мор, глад и коричневая чума.

Вот как бурно реагировал, например, Д. Ольшанский: «Русская массовая литература, так называемые интеллектуальные бестселлеры, уже в первых пробах жанра переливаются всеми цветами фашистской радуги — от красного до коричневого... Святыни с любовью созданного ван Зайчиком евразийского рейха... Скверные повороты в истории зачастую бывают порождены... и весьма незначительными инцидентами — выпуском тошнотворных ксенофобских книг в Санкт-Петербурге или звоном пивных кружек в славном городе Мюнхене... Отчего-то в России под невинные шаблоны криминального чтения так и валит агрессивная пакость... Творения ван Зайчика, помимо своего гнусного антизападного содержания...»

Вторил ему Л. Гурский, как-то очень явно пытаясь выдать желаемое за действительное: «Не окажись «Дело жадного варвара» — первый роман из новой литературной серии питерской «Азбуки» — столь оглушительным, столь обидным провалом... А поскольку «Дело жадного варвара» явилось для «Азбуки», по всем параметрам, безусловной и весьма обидной неудачей... Гораздо важнее попытаться определить генезис этого «азбучного» провала... Бедный ван-заячий Боливар, больше похожий на Тяни-Толкая, оказался слишком слаб, чтобы выдержать, кроме описательно-ознакомительной нагрузки, какую-либо еще. Он и не выдержал».

Однако же, к великому огорчению маниакальных демократов (просьба не путать с нормальными хорошими людьми, у которых уважение к ближним своим — в крови, а стало быть, именно они и являются истинными демократами, только не превратили демократию ни в способ обогащения, ни в способ самоутверждения), у нас теперь — демократия. И потому эти разносы только лишний раз рекламировали «Евразийскую симфонию».

От читателей же на гостевую книгу ван Зайчика в Интернете шли главным образом примерно вот такие письма:

Единочаятель автора.

...Книга «Дело жадного варвара» произвела на меня эффект разорвавшейся бомбы. В наше время, когда никто не пишет утопии, когда писать их считается делом чуть ли не постыдным, вдруг предпринята попытка опи-

сать такое устройство мира, в котором хочется жить. Хотелось бы, уже забытые понятия интернационализма, дружбы, справедливости вдруг проявляются в этом описанном мире и создают ощущение того, что все это сообразно человеческой природе...

Абакан.

Татьяна Зернова, Нижний Новгород.

...Очень давно не читала ничего подобного. По эмоциональному впечатлению ближе всего, пожалуй, «Понедельник...» Стругацких. Описанный мир настолько теплее и добрее нашего, что спроси меня, хотела бы я там жить, согласилась бы не задумываясь. И всех близких и друзей взяла бы с собой. Они бы против не были.

Некрупный такой одиночайтель.

Если порассуждать немудряще, то нужно, чтобы была мечта. Была Великая Ордусть, были герои, радеющие об Отечестве (если честно, то мне лично это очень близко). Также очень нравится, что нет сексуальных заморочек (право слово, порядком надоели персонажи, которые в собственной личной жизни порядка навести не могут никак, но запросто наводят порядок в любом другом месте и времени).

Василий, Киев.

Спасибо вам за книги, которые приносят людям такое наслаждение.

...И о стране моей родной вы написали очень точно (спасибо), только что-то Богдан Оуянцев-Сю у нас никак не появится и порядка не наведет, ждем, но и сами трудимся!..

Шло время. Выходили следующие тома «Симфонии» — «Дело незалежных дервишей», «Дело о полку Игоре», «Дело лис-оборотней». В июле 2001 года «Невское время», подводя итог первым трем из них, признало: «Великая евразийская империя Ордусть... империя добрая... Этот тщательно разработанный мир создан исключительно для того, чтобы поговорить о современных проблемах мирового прогресса вообще и России в особенности... Это первая

апология имперского сознания и почвенничества в современной России, которую можно читать без отвращения».

То есть, казалось бы, даже для тех, кому Ордусь явно не по сердцу, вопрос о пивном путче, задуманном, как полагал г-н Ольшанский, ван Зайчиком, был закрыт.

Тем не менее нет-нет да и отреагирует кто-нибудь в том же странном, гиперэмоциональном стиле. Вот осенью список критиков, обнаруживших в «Евразийской симфонии» фашизм, вдруг зачем-то пополнила Т. Вольтская, обнаружив в питерских страничках «Новой газеты» № 73 свою статью «Не мир, но меч»...

Интересно, мне кажется, попробовать разобраться, почему произведения ван Зайчика подчас вызывают лежащие за гранью всякого рационального объяснения вспышки яростного неприятия, канализуемые самими авторами этих вспышек в виде борьбы с фашизмом и тоталитаризмом.

Судя по текстам упомянутых статей, основным признаком фашизма является прежде всего некое «гнусное антизападничество» ван Зайчика. Г-н Ольшанский даже обвиняет ван Зайчика в ксенофобии.

Странно слышать о ксенофобичности общества, в коем мирно и гармонично уживаются едва ли не все представленные на Евразийском материке культуры. Надо понимать так, что ксенофобия для обвинителей является не более чем синонимом антизападничества.

Но как антизападничество они, что самое забавное, понимают всего лишь отсутствие прозападничества! Описание вполне пригодного для жизни мира, ничего против Запада не имеющего, но просто-напросто устроенного не по евро-стандарту и, самое главное, не воспринимающего евро-стандарт как идеал — наши западники воспринимают как неоспоримое свидетельство проявления прямой враждебности к западному миру.

То есть если ты не хочешь жить именно и только по-европейски — уже тем самым ты ксенофоб и, следовательно, фашист. По г-ну Ольшанскому прямо сразу уже и агрессор.

Это очень симптоматично.

Вряд ли ван Зайчик писал утопию; скорее его мир действительно можно назвать просто «миром, где хо-

чется жить» — что отнюдь не равнозначно миру утопическому. Но пусть даже, для краткости, утопия.

Так вот до сих пор, сколько мне известно, все утопии кроились по одному образцу для всего человечества — будь то утопия социалистическая, коммунистическая, буржуазно-либеральная, патриархальная... Ван Зайчик впервые исходит из того, что утопия есть понятие цивилизационное. Ровно так же, как рай православного не подойдет мусульманину, как Валгалла не устроит того, кто алчет нирваны, общество, идеальное для людей одной культуры, совсем не будет восприниматься идеальным людьми культуры иной.

Уже сама по себе страстность реакций на выдуманную ван Зайчиком империю Ордусь и их разброс служат, на мой взгляд, доказательством правильности такого подхода.

А это значит, что даже гипотетическое достижение всеми основными цивилизациями планеты своих идеальных состояний не снимет проблемы их несхожести друг с другом по тем или иным ценностным и целевым параметрам, проблемы поиска взаимопонимания, компромиссов и принятия друг друга ровно в той степени, в какой это возможно без утраты собственной цивилизационной идентичности. Ровно в той степени. И не меньше (ибо это ведет к замкнутости, обедняет и отупляет), и не больше (ибо это чревато утратой корней и попаданием в отвратительное и полное истеричной агрессии состояние «от ворон отстал, к павам не пристал»).

Но именно в этом состоянии ныне и пребывают наши еще не уехавшие на Запад западники!

Тем, кто идентичен цивилизации, для которой Ордусь (с поправкой на иронию и гротеск) является более или менее идеальным состоянием, — в Ордуси хорошо, приятно, выгодно. Такие люди искренне хотят в ней жить. Тем, кто цивилизационно идентичен Западу, в ней неуютно и чуждо; попадая туда, они разом теряют и способность воспринимать текст без привнесения отсебятины, и чувство меры, и чувство юмора — и всерьез начинают бояться, например, практикуемых в Ордуси телесных наказаний...

Да если б эти люди действительно были идентичны Западу! Наши либералы бывают там лишь более или менее частыми наездами — и потому идентичны они

не реальному Западу, а своему идеальному представлению, своему мифу о нем. Они потому так фатально и не могут пристать к павам, что павы эти в действительности не существуют, они — очередная утопия, все достоинство которой лишь в том, что она — не своя.

Юные умом и запальчивостью западники до боли похожи на каких-нибудь Тимура и его команду — подростков, идентичных мифу о Стране Советов конца тридцатых годов: по-человечески очень неплохих и очень порядочных ребят (они мне куда ближе и симпатичнее, чем хитрованская шпана, лагерная охрана или железные наркомы), живущих, увы, в чрезвычайно упрощенном и абсолютно иллюзорном мире. Все ответы даны, идеал, общий для всех, сформулирован... кто не с нами — тот против нас...

Отсюда их догматизм и яростная непримиримость.

Странно, что они до сих пор не объявили фашистом, скажем, Грибоедова. Сколько я помню, Чацкий у него совершенно открыто поносит западничество тогдашней России и приводит в пример китайское «премудрое незнание иностранцев». Явный красно-коричневый ксенофоб.

Множество деятелей демократической культуры честно уверены, что действительно помогают изживанию недостатков. Поэтому с ними так трудно общаться и практически невозможно их убедить хоть в чем-то. Ощущение собственной порядочности — как правило, вполне оправданное, — которое щедро сдобрено к тому же искренним состраданием к обездоленным, искренним неприятием почти любой несправедливости служит для них абсолютным внутренним доказательством их постоянной, нерушимой правоты.

Только вот понятием «недостатков» у них покрывается слишком много того, что ими не является.

Дело отнюдь не в их порочности или злом умысле. Дело опять-таки в гримасах цивилизационной идентификации и выборе той или иной основной цивилизационной мифологии в качестве ориентационного идеала; а гримасы эти, в свою очередь, обусловлены тем, что большинство нынешних демократов внутренне являются уроженцами Запада. Если и не в экономическом плане, то уж в образовательном наверняка. Они еще пешком под стол ходили, когда из книжек родительской библиотеки им стало извес-

тно, кто такой и чем хорош, скажем, Эразм или Анри Четвертый (и в этом знании нет ничего худого); но имен Григория Паламы или Иоанна Кантакузина они не слышали и до сих пор. В лучшем случае если и слышали, то восприняли их как членов бесчисленного множества экзотичных и плохо мытых варваров, периферийных, неважных и совершенно чуждых — вроде Имхотепа или Туссен-Лувертюра.

В «недостатки» у них попадает само существование России как таковой, и остальные, конкретные претензии к ней в конечном счете лишь этим и объясняются.

Вполне глобализованные экономически Япония или, скажем, разнообразные «малые драконы» (да уж, очевидно, и Китай теперь) сумели глобализоваться, отнюдь не посылая на свалку истории все то, чем они отличаются от европейских стран. Напротив, их успехи в значительной степени оказались обусловлены именно умелым, творческим, эффективным использованием собственного своеобразия. Стоит ли упоминать, что такое умение отнюдь не пришло сразу, а явилось результатом многочисленных и подчас весьма болезненных проб и ошибок? Однако постепенно способные успешно функционировать самобытные свойства прекрасно вписались в новую реальность, а неспособные — отмерли или отмирают сами собой. Именно тем своеобразием, которое сумело столь результативно работать в новых условиях, эти страны ныне особенно гордятся. И по праву. У нас же любой, кто посмеет хоть помянуть о каком-то там своеобразии, с ходу шельмуется фашистом, и любое своеобразие заходя, априори объявляется фашизмом еще до того, как оно оказалось проверено на способность приносить пользу.

А тем самым страна лишается шансов на усилие; свои имманентные качества для него она применить не может и должна использовать лишь искусственно насаждаемые заимствования, которые в силу своей чуждости, неусвоенности, неорганичности далеко не всегда работают ожидаемым образом. Не потому, что они плохи, а потому, что они не свои. Если в «Москвич» вогнать две-три случайно выбранные детальки от «тойоты», он не станет ездить, как «тойота». Он даже как «Москвич» ездить перестанет.

Именно недопонимание системности своеобразия и несходства подводит наших западников. И неуди-

вительно — ведь они, повторяю, не реальный Запад сулят нам и пытаются построить в России, а свой миф о нем.

Намек на еще одно объяснение того, отчего Ордусь видится демократам и либералам в темных тонах, дала во время беседы с консультантами переводчиков ван Зайчика — И. Алимовым и мною — г-жа Вольтская. «Но ведь Ордусь же тоталитарное государство, — обмолвилась она, — там очень мало преступлений».

Вот оно. Когда-то усвоив мысль о том, что в тоталитарных обществах преступность, как правило, в среднем ниже, чем в демократических (что на самом деле тоже спорно), наши либералы для простоты картины уверовали и в обратное: если в обществе мало преступлений, оно наверняка тоталитарное. И потому уж одно то, что в государстве Ордусь все живут безбоязненно, является при определенном перекосе сознания признаком процветающего там государственного насилия.

А это не шутки. Не литературоведение. Бог с ней, с Ордусью! Эти же граждане и здесь, в России, всякую попытку обуздать преступность называют откатом к тоталитаризму. И становится понятно почему. Оказывается, высокий уровень преступности для них уже стал чуть ли не главным признаком и даже критерием свободы и демократии!

Сильно подозреваю, что отсутствие в Ордуси предателей, насильников, просто непорядочных людей — совершенно естественное для ироничной доброй сказки — матерые борцы с тоталитаризмом воспринимают исключительно как следствие происходящих там вопиющих нарушений прав человека. Они, похоже, и в России понимают права человека так же: не мешайте быть плохими! Не мешайте лжецам быть лжецами, предателям — предателями, подонкам — подонками!

Все те составляющие нормальной жизни, по которой так стосковались люди — свобода, ограниченная совестью, стабильность, безопасность, порядок, уверенность и в своем соседе, и в своей стране, — для некоторых обличителей просто-таки нож острый. Они так погрязли в своем давнем «бою с тенью», так увлеклись разоблачением лицемерия Министерства Правды (которое и впрямь бессовестно жонглировало высокими словами — кто ж с этим спорит), что фактически заняли теперь его место, борясь, по сути

дела, не столько с лицемерным использованием высоких материй, сколько с самими высокими материями. Кто бы ни произносил манящие слова — они и его разоблачат, если только произносят их не они сами. Они обязательно объяснят, что совесть — это всепроникающий диктат тайной полиции или церкви, стабильность — это довольство тупого стада, порядок — это орднунг рейха, любовь к Родине — это шовинизм и т. д.

И потому даже простое описание мира, где всем их обличениям нет места, где совесть и есть совесть, стабильность и есть стабильность, а патриотизм и есть патриотизм, не больше и не меньше, они подсознательно воспринимают как обвинение. И реагируют соответственно.

Еще одно объяснение мы можем найти опять-таки благодаря г-же Вольтской. В своей статье она предъявила ван Зайчику обвинение в плохом отношении к СМИ.

«Один из второстепенных персонажей — журналист. Хотя и ордусянин, но суетливый и хлипкий. ...За сенсациями гоняется, а что к чему — никак не понимает. И если бы не храбрые органы, его, пачкуна чернильного, давно бы уже бандиты ухлопали. Отсюда мораль: чем скакать за сенсациями да пытаться своим слабым умишком постичь суть вещей, сиди спокойно и жди, пока мудрые органы сами тебе все не растолкуют. Потому что они — вездесущи и всемогущи».

Кто читал книгу, скорее всего согласится с тем, что на самом деле журналист этот — весьма симпатичный субъект и весьма дельный профессионал. Кто не читал — тоже не страшно, потому что это все не важно, слабый у него умишко или нет. Единственный его настоящий грех — о нем, собственно, и сообщается столь страстно и столь невнятно в процитированном абзаце — заключается в том, что журналист этот с готовностью пошел на сотрудничество с органами охраны правопорядка и действительно им очень помог.

Вероятно, ван Зайчику следовало поведать о том, как журналиста, пытающегося донести до населения какую-нибудь тамошнюю горькую истину, избивал и пытал заезжий из центра особист-садист — вот тогда вышла бы художественная правда. А если бы невинно поруганный

правдоискатель еще и в Европарламент с жалобой устремился, а фээсбэшники его мечами искромсали по дороге — глядишь, удостоился бы и ван Зайчик похвального слова либеральной критики.

Не далее как 11 октября в «Ночном времени» американский политолог очень точно и совершенно убийственно поправил нашего: Запад не отреагировал должным образом на взрывы жилых домов в России не потому, что слишком сыт, и не потому, что равнодушен к России, а потому, что в самой России многие СМИ утверждали, будто означенные дома были взорваны российской ФСБ в целях разжигания ненависти к кавказцам, и это дезориентировало общественное мнение Запада.

Теперь-то очевидно всем, что время от времени либеральные журналисты то искренне желая, как лучше, а то и ради красного словца городили чрезвычайно вредную чушь. Но хоть бы кто-нибудь из них вышел теперь и сказал: «Простите. Год (два, три) назад я того-то не понял, а в том-то и том-то был неправ и соврал. Виноват. Не корректор виноват, не редактор и не работодатель — я лично виноват в том, что вольно или невольно в том-то и том-то вас, читатели или зрители мои, обманул».

Для восстановления сильно пошатнувшегося за последние годы доверия к демократическим ценностям и к тем, кто их всерьез исповедует, это было бы чрезвычайно важно. Чрезвычайно.

Но куда там! По-прежнему других обличают и знать ничего не хотят.

Вернемся, однако, к нашему лабораторному экземпляру, ибо дальше — больше. Г-жа Вольтская, с легкостью необычайной презрев текст самой книги ван Зайчика, где прямо говорится, если для краткости выражаться штампами, о недопустимости силового решения национальных проблем, тут же и именно по тому же самому эпизоду, где это заявлено, реконструирует ни много ни мало — призыв ван Зайчика к тотальной зачистке Украины российской армией!

Самое смешное, что именно в Украине ван Зайчик получил свою первую литературную награду — «Золотой кадудей». Но маниакальным либералам и такие вещи не указ, они лучше знают. Они «знают, как надо!» Даже

тем, с кем у нас еще вполне дружелюбные отношения, они обязательно объяснят, что Россия им враг — а потом примутся их от России шумно защищать.

Вообще говоря, либеральная наша культура давно уже занята, главным образом, введением России в надлежащие рамки. Либо по образцу знаменитого «Россия должна ограничиваться территорией Московской области» (никто за истекшие годы так и не спросил великую правозащитницу, кому, по ее мнению, должны будут принадлежать освободившиеся земли и что станет с пока еще живущими там людьми). Либо так называемым выжиганием святынь, сладострастным дезавуированием культурообразующих национальных мифологем и ценностных установок — в стиле «Омона Ра»...

Что ж, есть Евангелие и есть «Забавное евангелие» Таксила. Почувствуйте разницу.

Самое смешное, что слабая, погруженная в хаос, рассыпанная перед свиньями бисером Россия отнюдь не полезна Западу. Совсем наоборот. Там это уже поняли и политики, и бизнес, поскольку они живут и действуют в реальном мире. Если они путают реальность с кошмарами, они начинают терять власть, голоса и деньги. Им нужно адекватно решать действительно насущные проблемы, и они несут прямую ответственность за неспособность это делать, за продолжение монотонных менуэтов в мире мифов и фобий.

Но наш либеральный маховик крутится, машина продолжает жужжать, ибо инерция ее громадна, а трение о внешний мир — ничтожно. Она не решает и даже не призвана решать никаких реальных проблем. Вся система стимулов находится внутри нее, она работает только на себя самое, не отвечая за неадекватность ни перед кем внешним. Сложилась структура внутренних престижей, самоутверждений и оплат, а все подобные структуры всегда чрезвычайно жизнеспособны и склонны воспроизводить себя до бесконечности. Как в свое время спецслужбы должны были изобильно придумывать врагов народа и диссидентские заговоры для того, чтобы оправдать свое весьма сытое и почетное существование (при том, что изменники и диверсанты изредка и впрямь встречались — как без них?), так теперь страшными квасными патриотами и русским фашизмом (при

том, что и то, и другое вполне способно реально осложнять нам жизнь) иступленно оправдываются маниакальные демократы — без них они не нужны никому и, в сущности, даже себе.

Тут уж даже не ван Зайчика жалко. Это — пустяки.

Тут людей жалко — тех, кого поразительно безответственные подвижники пера, пригоршнями разбрасывая направо и налево жуткие слова «зачистка», «фашист», «сталинист» по отношению ко всем, кто всего-то имеет несколько отличный от их собственного взгляд на происходящее в стране, — приучает их, этих людей, всех читателей своих, к тому, что априорная, не требующая доказательств агрессивность России — это постоянная величина мировой политики, и к тому, что фашист — это что-то вполне обычное, почти нормальное, широко распространенное и, по сути, совершенно не опасное. Вроде как брюнет. Ну, подумаешь — волосы черные... Их же полстраны, брюнетов-то. А вон тому блондину брюнеты не нравятся, вот он и кроет: фашист, фашист... Эй, фашист, пошли выпьем! Господин фашист, вы последний в этой очереди? Нет, за мной сталинист занимал, да за сигаретами отлучился, сейчас вернется...

Более того. Множество людей сами себя начинают называть и считать фашистами.

Время от времени на мою гостевую книгу приходят письма примерно такого содержания:

Константин Крылов.

Как известно, «фашистами» в последние пятнадцать лет называют всех русских людей, не испытывающих ненависти к своей стране и своему народу...

Или:

Яковлев Андрей.

Я с вами!!! И если они Вас так называли — что ж, тогда я руссофашист. Знайте — нас большинство в России.

Как писателю и как человеку мне, конечно, очень лестно — но ведь это ужасно. Это совершенно ужасно. На самом деле в подобных людях нет ни капли нацист-

ской идеологии; но они уже сами себя начинают позиционировать относительно демократии именно таким образом.

Честертонов патер Браун говаривал: «Где умный человек прячет лист? В лесу».

Упоевшие собой и своими эффектными филиппиками златоусты создают лес, в котором очень просто маскироваться и прятаться настоящим наци. И не только прятаться, но и, боюсь, находить себе почти созревших приверженцев, потому что львиную долю воспитательной работы за них, за этих самых наци, уже проделали.

Все ли подобные антифашисты творят сие по собственному недомыслию, или некоторые выполняют негласные заказы тех, с кем столь громогласно воют, — вопрос отнюдь не праздный.

2001

Игорь Чёрный

EX UNGUE LEONEM

(Обзор русских фантастических романов, вышедших в 2001 году)

Нам выпала редкая возможность жить на переломе двух тысячелетий. Впрочем, тысячелетие — это слишком глобально. Родившиеся в прошлом веке, мы шагнули в новое столетие. Двадцатый век только-только закончился, в наступившем двадцать первом нужно обживаться, устраиваться, приспосабливаться. Мысленно мы еще там, в «веке минувшем». Подводим его итоги, осмысливаем уроки. И одновременно с надеждой вглядываемся вдаль, пытаюсь угадать, что век грядущий нам готовит. Ведь смена веков часто приводит к смене вех. Жизненных ориентиров, теорий, методов и направлений.

Вот и от первого года нового века и тысячелетия все любители фантастики ожидали некоего мистического чуда. Казалось, что с уходом века минувшего должны были кануть в Лету все сомнения и дискуссии по поводу кризиса жанра, что все литераторы сразу же начнут писать по-новому, удивляя своих поклонников оригинальными идеями, живыми и выпуклыми образами, замысловатостью сюжета и композиции произведений. Но то ли инерция подкачала, то ли уж слишком затянулась встреча нового века, плавно раскинувшаяся на два года. Чуда не произошло. 2001 год одарил нас множеством прекрасных фантастических произведений, главным образом, романов. Однако в

каждом из них можно без труда признать манеру их авторов, наших старых знакомцев и любимцев, к которым мы уже привыкли и знаем, что от них следует ожидать. Латинская поговорка «ex ungue leonem — видно льва по когтю» как нельзя лучше характеризует те сочинения, о которых пойдет речь ниже.

Сразу оговоримся, что из всего гигантского массива литературных произведений мы отобрали несколько наиболее, на наш взгляд, показательных. Для иного критика ориентирами могли служить иные книги. Что ж, как говорили наши предки: «На вкус, на цвет товарища нет». Полагаем, что в скором времени появится не одна статья, подобная нашей, где увиденная нами картина будет значительно дополнена и расширена за счет анализа тех сочинений, которые не стали здесь объектами рассмотрения. Не беспокойтесь, уважаемые читатели. Уж кто-кто, а наши brave и добрые критики постараются, чтобы каждой сестре (или брату) досталось по серже. Итак, начнем.

Сергей Лукьяненко, приустав от борьбы с чистой и нечистой силой и от тяжелого бремени евангелиста конца XX века, подарил нам роман «Танцы на снегу». Книга эта лишней раз подтвердила за маститым автором славу наследника В. Крапивина. В лучших традициях своих ранних романов «Рыцари сорока островов» и «Мальчик и Тьма» Лукьяненко дал образец фантастики для детей и юношества. Мальчик-сиротка со шпайгой, вступивший в отряд могущественных джедаев — борцов за правду и порядок во Вселенной. Заговоры против Империи, которую нужно спасти, ибо старый, стабильный, устоявшийся мир гораздо лучше и надежнее, чем предлагаемое заговорщиками счастье для всех, достигнутое путем зомбирования людей с помощью примитивных телесериалов. Опыты по клонированию, одним продуктом которых является и сам главный герой. Этакая гремучая смесь наших собственных страхов, терзающих современное человечество. И потому «Танцы на снегу», несомненно, привлекут к себе внимание разновозрастной, весьма широкой аудитории. Каждый найдет в книге что-то созвучное его душе и мыслям.

Роман написан просто и незамысловато. Тут тебе ни глубоких метафор, ни многослойных сравнений,

ошеломляющих эпитетов. Оно и понятно. Ведь повествование ведется от первого лица. В данном случае от лица подростка Тикки. Какая уж тут житейская философия. Зато есть очаровывающее, мистическое проникновение в детскую психологию. Увидеть мир и людей глазами ребенка — это под силу отнюдь не каждому. Лукьяненко был и остается в данной области премьером-скрипачом.

Те, кто внимательно следит за творчеством Сергея Васильевича, заметят, что с каждым новым романом писателя его юные герои претерпевают заметную трансформацию. В первых, названных нами выше книгах мы сталкивались с незамутненным детским сознанием, когда подростки, оказавшиеся в критических житейских ситуациях, были вынуждены решать сложные моральные проблемы. Зачастую выбор приводил к коренной ломке психологии героев, к их преждевременному взрослению. В «Осенних визитах» и «ГенOME» подобные конфликты решаются уже более просто. «Танцы на снегу» стали знаменем нашего времени, когда ребенок, для которого слово «пионер» стало архаизмом, уже не воюет с абстрактным злом за счастье всего человечества. Поколение «Пепси», выросшее не на «Тимуре и его команде», а на «Звездных войнах», выбирает жесткие методы устранения проблем. Что поделаешь. Абстрактное добро хорошо лишь в дидактических книжках. Реальная жизнь намного жестче и агрессивнее. И неплохо, если дети узнают об этом пораньше, а не тогда, когда получают пару тяжелых ударов. В конце романа главный герой приходит к простому, но крайне емкому выводу: «Не надо никаких гениев, которые хотят сделать мир счастливым насильно. Надо лишь помогать тем, кто рядом. Тогда лучше станет всем».

Творческий дуэт из Киева Марины и Сергея Дяченко опубликовал два новых романа: «Магам можно все» и «Долina Совесть». Книга «Магам можно все» написана в жанре, который условно можно обозначить как «магический детектив». Ближайшими явлениями такого же порядка, на наш взгляд, есть романы Макса Фрая и «Маг в Законе» Олди. Здесь в качестве героев выступают маги, борющиеся с нарушениями волшебного-магического пространства или сами становящиеся правонарушителями.

«Магам можно все» — отнюдь не первая попытка соавторов в жанре детектива вообще и «магического» детектива в частности. Если посмотреть на произведения, вышедшие из-под их пера до сего времени, то можно убедиться, что Марина и Сергей явно тяготеют к литературе, посвященной раскрытию тайн, загадок и преступлений. В ряде их романов и повестей присутствуют элементы классического детектива: убийство, исчезновение, суд, розыск, работа спецслужб. Вспомним «Пещеру», «Казнь», «Армагед-дом». Да и «Долина Совести» по большей части также относится к детективному жанру. Наглядным же образцом «магического» детектива является, по нашему мнению, «Ведьмин век».

Герой романа, двадцатипятилетний наследственный маг Хорт зи Табор, становится обладателем заклинания Кары, дающего возможность наказать кого угодно и «из востепенного мага стать великим». Новоявленный сыщик принимает к производству дело, которое Хольм ван Зайчик не преминул бы назвать «Дело об измененных сущностях». Кто-то изымает у людей их сущностные, характерологические качества.

Весь дальнейший ход расследования превращается в напряженный поединок, решение задачи со многими неизвестными. Есть несколько подозреваемых, несколько рабочих гипотез, отработка каждой из которых заводит следствие в тупик. Как в самом залихватском детективе, авторы расставляют на пути читателя мини-ловушки, подбрасывают улики, чтобы вызвать у нас охотничий азарт.

Новый роман Дяченко остросюжетен. При всей внешней «элитарности», достигнутой за счет высокого уровня мастерства, с которым возведено здание романа, книга будет доступна для понимания и усвоения многим. Потому что соавторы говорят о наболевшем. И в качестве главных героев (если абстрагироваться от их магических способностей) выступают наши современники, решающие те же, что и мы, вопросы. Любовь и дружба, жизнь и смерть, слава и бесславие, преступление и наказание, гармония семейных отношений — вот то идейно-тематическое пространство, в котором разворачиваются события «магического детектива» Дяченко. Но главное, на чем бы мы акцентировали внимание, это вечная для класси-

ческой литературы тема идейного и нравственного взросления, созревания молодого человека.

Вообще же следует отметить, что детективная фабула становится все более популярной среди писателей фантастов. Налицо определенная тенденция к смешению самых популярных на сегодняшний день литературных жанров. Вот и следующий автор, о котором пойдет речь, в 2001 году прославился преимущественно созданием фантастических историко-альтернативных детективов. Вы уже наверняка догадались, что мы имеем в виду великого еврокитайского гуманиста Хольма ван Зайчика, выпустившего за год три новые книги («Дело независимых дервишей», «Дело о полку Игореве», «Дело лис-оборотней»). Все уже давно знают, кто именно скрывается за этим псевдонимом. И сам романист не делает из этого великой тайны. Но ежели почтенному автору так комфортнее, извольте.

Как ни парадоксально это звучит, но лучшие произведения русской литературы были созданы в условиях цензурного гнета, борьбы с тоталитаризмом. Таков уж наш менталитет. Еще Белинский отмечал, что российская словесность началась не с плода весеннего (оды), а с плода осеннего (сатиры). Сатирическое, критическое направление было свойственно всей нашей прежней литературе. Когда трудностей и лишений, сопряженных с тоталитаризмом, не стало, в отечественной словесности наступил определенный кризис. Работать в новых условиях непросто. Кого критиковать? Кого бичевать, жечь огнем «пламенной сатиры»?

Автор «Евразийской симфонии» решил для себя этот вопрос очень просто. Он построил собственную маленькую, альтернативную Империю «с человеческим лицом» и, как самый законопослушный ее верноподданный, принялся писать романы из жизни своих новых сограждан. Конечно, Империя Хольма ван Зайчика не без недостатков. А как же иначе! Ведь о бесконфликтном обществе писать неинтересно. Это будет панегирик. А перед нами — типичная утопия, написанная в духе европейских просветителей XVIII века. Так и угадывается Вольтер, Руссо, Свифт. Герои и обитатели Империи ван Зайчика — это мы сами. За конфликтами и видоизмененными именами персонажей слышатся отголоски газетно-телевизионных баталий наших дней. И

все это рассказывается изящно, красиво, стилистически тонко и выверенно. Романист играет с читателем в Восток. Играет с полным знанием предмета.

Детективы ван Зайчика вызвали много споров. Сколько копий сломано вокруг них. Автора то превозносят до небес, то обвиняют во всех смертных грехах. Но, подчеркнем, книги эти никого не оставляют равнодушными, что очень важно. В них есть мысли, чувства, а главное, ярко выражена авторская позиция — одна из главнейших характерологических черт русской литературы, лозунгом которой всегда было «Не могу молчать!». То есть не могу не написать об этом. Оно жжет мне душу. В цикле «Плохих людей нет», как и в прочих книгах фантаста, подписанных его настоящей фамилией, и виден человек неравнодушный, болеющий душой за свое отечество (и вымышленное, и реальное). А ведь подобная гражданственность, пафос большая редкость в нашей нынешней словесности (фантастике тож). Вспомним, сколько прекрасных, хороших и умных книг мы прочитали за последнее время не без удовольствия и пользы для ума и сердца. Но многие ли из них заставляли спорить с сочинителем? В большинстве случаев голос автора сливался с убаюкивающим многоголосием хора прочих фантастов. И это тревожит. Беспокоит то, что за редкими исключениями наша фантастика становится безликой, массовой, а не авторски индивидуальной, чем мы всегда гордились. Это профессионально написанная, но конвейерная продукция, ничем не отличающаяся от фантастики прочих стран. Но мы увлеклись и отвлеклись...

Весьма и весьма продуктивным был ушедший год для представителей харьковской плеяды фантастов, входящих в творческую мастерскую «Второй Блин». Г.Л. Олди издали три авторские книги (второй том «Одиссея», сборник «Чужой среди своих», роман «Богадельня»), А. Валентинов — шесть (второй том «Диомеда», роман «Ола», переиздание эпопеи «Око Силы» в трех томах, сборник «Флегетон»), у В. Свержина были переизданы три романа и вышел новый («Трехглавый орел»), А. Бессонов выпустил том «Змеи Эскулапа». Наиболее же разителен рывок А. Дашкова и А. Зорича. С переизданиями у первого вышло восемь книг, а у второго — десять. Нет возможности проанализи-

ровать всю эту весьма неоднородную в художественном отношении массу. Остановимся лишь на некоторых.

Еще одной характерной особенностью русской фантастики последних лет вообще и 2001 года в частности является все нарастающее увеличение удельной массы произведений, написанных на исторические или околоисторические сюжеты. «Богадельня» Олди, «Ола» Валентинова, «Трехглавый орел» Свержина, «Карл, герцог» Зорича — явления этого ряда, хотя и не однородные.

«Богадельня» Г.Л. Олди — произведение сложное и многослойное, решенное в традиционной для харьковского дуэта форме философского боевика. Возможно, Громов и Ладыженский начали новый цикл, географически связанный с неким условным герцогством Хенинг. Напомним, что эпизодически оно уже упоминалось в недавнем романе соавторов «Маг в Законе». В настоящее время Олди закончили и цикл повестей, действие которых также происходит в Хенинге. Упоминание «Мага в Законе» и Хенинга не случайно. Ведь и тематически «Богадельня» в некотором роде продолжает то, о чем повествовалось в предшествующем произведении Олди.

Интересная закономерность. Дуэт неохотно покидает раз обжитую реальность. Ему не хватает одной книги, чтоб полностью рассказать о вновь созданном мире. Уж если миротворчество, так с размахом. Создать историю данного мира, его настоящее, заглянуть в будущее. Бездна Голодных Глаз, Кабир, Хастинапур, Древняя Эллада мифического периода, родной Харьков. О каждом из этих миров написано минимум два-три произведения. И это правильно. От этого веет какой-то основательностью, фундаментальностью. Ведь «служенье муз не терпит суеты».

Итак, Хенинг. В «Маге в Законе» мы видели это герцогство уже захудалым в начале альтернативного XX века. Но отчего же здесь продолжают рождаться знаменитые маги, способные потрясти основание мира? Нужно заглянуть в прошлое. Может, там корни? И вот перед нами средневековый (снова-таки альтернативный) Хенинг. Альтернативный потому, что здесь все, казалось бы, поставлено с ног на голову. Владение оружием — удел простолудинов. Привилегия же знати — сражаться, что

называется, голыми руками. Удивительный, жестокий, беспросветный мир, как нельзя более точно характеризующий монотонной песней бредущего под дождем монаха: «Ах, в пути б не сойти с ума».

И посреди этой блеклой серости мальчик и девочка, позже юноша и девушка, еще позже Герцог и Хенингская Пророчица. Два существа, которым суждено восстановить привычный порядок вещей. С мукой, с кровью, с безумной болью живьем сдираемой кожи. С потерями и обретениями в игре, где ставка ни больше ни меньше — душа и судьба мира. Вот так вот, и никак иначе. Олди не привыкли играть по маленькой.

Таинственные и прекрасные, как выступление балетной труппы Большого театра, обряды-посвящения, стремительное рукомашество и ногодрыжество учебных и реальных поединков — вот внешний антураж «Богадельни». И неизменный подтекст, параллельный сюжет, связанный с древней «Панчатантрой». История о несчастном отце, замучившем трех ни в чем не повинных малюток-дочерей. Все то же «служенье муз...». Да стоит ли оно таких жертв? Не лучше ли дать ребенку вдоволь наиграться куклами, чем преждевременно старить его? «Ибо от многого знания многая скорбь». Мы видим, как преждевременно взрослеет Витка, как рано созревает Матильда. И физически ощущаем эту тяжесть знаний, гнетущую их плечи. Не желанием ли сбросить ее, пойти наперекор грозным и беспощадным учителям, приносящим все в жертву цели, продиктован жест пары, отдающей золотого истуканчика соскучившемуся по куклам ребенку-призраку? Такой понятный нам и такой губительный для всего Хенинга порыв. Из-за которого ветры возвратились на круги своя.

Для «Центрполиграфа» 2001 год стал зорьяным сезоном. Вернее, сезоном Александра Зорича. Издательство нашло новую «священную корову» или, если угодно, «священного быка» на замену своему прежнему Апису Юрию Никитину. Была переиздана первая трилогия харьковского дуэта (ибо Зорич — творческий союз Яны Боцман и Дмитрия Гордевского) о Сармонтазаре, их новая тетралогия о Своде Равновесия, роман «Сезон оружия». Но событием года для «Центрполиграфа» и, возможно, для русскоязычной

фантастики в целом стал выпуск двухтомного романа Зорича «Карл, герцог».

На его выход откликнулись почти все центральные печатные органы, пишущие о фантастике. Мнения были противоречивыми. Как и всегда, когда речь идет о произведении свежем и неординарном (напомним о дискуссиях вокруг романов ван Зайчика). Кто посчитал «Карла» пародией, бесчестящей великую тень прошлого. Кто, наоборот, отметил, что роман со всей точностью воспроизводит местный колорит и нравы воссоздаваемой эпохи. Многие точно охарактеризовали идейно-тематическое пространство произведения, увидев переключку «века минувшего» с «веком нынешним».

Да, «Карл, герцог» заметно выбивается из ряда сочинений, созданных вдохновением Александра Зорича. Путь этой книги к читателю был сопряжен с преодолением многих трудностей. Написанный несколько лет назад, «Карл» был отвергнут несколькими крупными издательствами. Уж больно необычны и сюжет, и язык книги, не вписывающиеся в рамки того массолита, на который делают беспроигрышную ставку издатели. Роман почти что элитарен, рассчитан на подготовленную аудиторию. Ну, по крайней мере такую, которая хоть в общих чертах помнит учебник истории средних веков. «Центрполиграф» решился и, думается, не проиграл. Хотя и здесь не обошлось без гримас цензуры. Редакторы стыдливо убрали все нецензурные выражения, коими пестрит текст, заменив матерщину на многоточия с указанием первых букв пропущенных слов.

Здесь стоит поспорить и с авторами, и с издателями. Прочитав роман, мы не находим, что включение матерной брани в авторскую речь, а не речь персонажей, сильно украсило произведение. И без нее язык «Карла» остается сочным и живым. Но в репликах героев ругательства можно было бы и оставить. В самом деле, не может же бравый воjak или проститутка выражаться высоким стилем куртуазной или прециозной литературы.

А в целом роман написан на грани криптоистории и классического исторического романа, детища сэра Вальтера Скотта. Зоричу действительно удалось соблюсти меру и сохранить чувство вкуса в изображении нравов и быта давно ушедшей эпохи. Причем каждый кусок написан в

своей манере, подчиняется своему внутреннему ритму. Необыкновенно хороши «мавританские» страницы «Карла». Кабалистика и создание големов (мотив, пронизывающий все творчество Зорича) также являются не только данью моде, охватившей нашу фантастику, но и деталью, служащей для создания местного колорита. Так и чувствуется переходный характер описываемой эпохи. Уходят Средневековые и Возрождение с его титаническими характерами, грядет эпоха барокко, где «весь мир театр, а люди в нем — актеры». Не случайно театральные действия занимают важное место в повествовании. Балаган, театральность, ненатуральность чувств, маски, полутона. И легкий налет сверхпопулярной нынче голубизны, придающей особую пикантность и остроту этому необычайному блюду под названием «Карл, герцог». Все это привлечет внимание просвещенно-утонченного читателя, эстета от фантастики.

Наконец-то вышла книга, призванная стать первой в цикле В. Свержина, посвященном приключениям сотрудников Института Экспериментальной Истории. Напомним, что ранее издавались три части сериала: «Ищущий битву», «Колесничие Фортуны», «Закон Единорога». Действие их происходило во времена Ричарда Львиное Сердце и короля Иоанна Безземельного. Теперь же автор переносит своих героев Вальдара Камдила и Сергея Лисиченко в XVIII век, «столетье безумно и мудро», как писал о нем Радищев.

Критика писала о первых романах Свержина, что это сплав «твердой» фантастики и фэнтези. «Трехглавый орел» — традиционная «альтернативка». Если раньше было непонятно, что за организация — Институт Экспериментальной Истории, каков его устав, зачем перемещаются в параллельные измерения его сотрудники и каковыми этическими принципами руководствуются, корректируя искривление реки Хронос, то теперь большинство из этих вопросов получили толковое и вразумительное объяснение. Представляется, что четвертый роман сериала написан гораздо более профессионально, чем предыдущие. Возможно, потому что автор описывает события нашей родной, российской, пусть и альтернативной истории. Право же, жутко надоели благородные рыцари, сражающиеся с драконами, злыми королями и

таинственными магическими орденами. Нет на них второго Сервантеса с его «Дон Кихотом».

Если говорить точно, то магия и волшебство присутствуют и в «Трехглавом орле». Еще бы, коль за дело берутся такие мастера своего дела, как граф Калиостро, с одной стороны, а с другой — венедские волхвы, схоронившиеся в горах после начала крещения Руси, и сама Баба Яга. Один колдует, другие расколдовывают несчастных жертв, а затем перевоспитывают и самого синьора Джузеппе Бальзамо, наставляя на путь истинный, заставляя послужить верой и правдой Руси-матушке.

Читая «Трехглавого орла», ощущаешь, что и впрямь попал в Россию века Екатерины Второй. Вся книга пронизана бодростью, уверенностью в правоте русского человека, в великом будущем великой державы. «Виват, Россия, виват, драгая!» — писал когда-то Тредияковский. Так и хочется процитировать его строки, напряженно следя за разворачивающимися перед нашими глазами событиями. Емелька Пугачев одумался и покаялся, собрал свою дружинку хоробрую, прихватив сосланных из столицы офицеров-масонов да впавших в немилость братьев Орловых, да и поплыл маршрутом Колумба освобождать Русь Заморскую, Американскую от лютых супостатов. По пути к нему присоединяются индейские племена, потому как «государь-император» Петр III обещал всем дать волю, а также восхищенные благородством русского полководца американские борцы за независимость. Заканчивается роман, как и положено, подписанием Декларации Независимости и соединением войск Пугачева и Вашингтона.

Фантастика? Конечно. Но не ура-патриотическая, как это могло бы показаться на первый взгляд. Автор хорошо изучил описываемую эпоху. Описываемые им передвижения пугачевского войска по широким прериям Америки и военные столкновения очень точно вписаны в хронологию войны за независимость. Исторические характеры вполне соответствуют тому, что о них повествуют документальные источники. Особенно хороши Пугачев, братья Орловы и государыня Екатерина. Так и веет читанными в детстве романами Пушкина и Шишкова. Старые знакомцы. На диво не обливаемые грязью и не унижаемые на каж-

дом шагу. Люди, душой болеющие за благо государства и народа. И даже вездесущий и всезнающий Камдил не может затмить их своим остроумием и сообразительностью, выказываемыми на каждом шагу.

В «Трехглавом орле» гораздо меньше балагурства, лишней, не нужной для раскрытия характеров болтовни, чем в ранней трилогии Свержина. Хотя в этом плане как раз и хочется высказать некоторые претензии романисту. Его книга явно рассчитана на людей, которым за тридцать. Многим из читателей будут непонятными те намеки, литературные реминисценции, которыми плотно уснащена речь Вальдара Камдила и Сергея Лисиченко. Да и англичанин, читающий и цитирующий в оригинале Пушкина, выглядит несколько странновато. Куда уж приличнее было бы ему вспоминать Кольриджа и Саути, на худой конец, Байрона и Шелли.

Из всей продукции Андрея Дашкова наиболее привлёк внимание роман «Двери паранойи». Данное произведение, являющееся продолжением книги «Умри или исчезни», лучше всего охарактеризовал сам автор: «мемуары ущербного либидо». Действительно, если подойти к анализу этого текста с позиций психологической школы в литературоведении, то можно было бы сказать о том, что движущей пружиной сюжета в романе становятся навязчивые и неудовлетворенные сексуальные фантазии героя — Максима Голикова. Макс сначала попадает в психушку, затем в какой-то подпольный экспериментальный центр, где его зомбируют и превращают в машину любви, потом ему удастся бежать и благодаря вмешательству неких потусторонних сил превратиться в супермонстра, уничтожившего всех своих врагов.

Коллизия в общем-то несложная. Однако читателю неискушённому вряд ли удастся легко и непринужденно пробежаться по этому потоку параноидального сознания. Он то и дело будет спотыкаться о какой-либо подводный камешек. Либо это неожиданное сравнение (вроде сопоставления пистолета с предметом мужской гордости), либо до отвращения натуралистичная картина соития, либо только одному автору понятный ассоциативный ряд из музыкальных фраз и литературных реминисценций. Одолеть такое под силу разве что дедушке Фрейду. И все же

роман завораживает, притягивает своей непохожестью на то, с чем мы имеем дело, плывя в магистральном русле российской фантастики. Это типично «мужская» книга, исповедь человека, оказавшегося в жизненном тупике, загнанного в угол нашей жестокой действительностью. Естественная реакция нормальной психики в таких условиях — это просто отключиться, прекратив восприятие уродливых картинок бытия. «Не дай мне Бог сойти с ума», — говаривал когда-то классик. «Дай Бог сойти с ума, чем жить так», — говорит современный автор.

Чем больше вчитываешься в книгу Дашкова, тем менее страшно становится. Начинаешь понимать, что все это лишь игра. Порой даже становится весело. И приходит на ум мысль, что при соответствующей раскрутке Дашков вполне бы мог занять место в одном ряду с Пелевиным и Сорокиным. Потому что «Двери паранойи» вполне вписываются в то явление, которое нынче принято называть высокоумным словом «мэйнстрим». Вот разве что ненормативной лексики у Дашкова не встретишь. При всей откровенности и эпатажности книги для ее автора еще существуют какие-то ограничения и пределы дозволенного. Ну да ничего. Подобному научиться несложно. У романиста еще все впереди.

Мастер юмористической фантастики Андрей Белянин в минувшем году написал продолжение романа «Моя жена — ведьма». «Сестренка из преисподней» заметно более облегчена по сравнению с первой частью. Если та была романом «для взрослых», то эта представляет собой ее облегченный вариант, предназначенный для юношества. Это видно уже хотя бы по тому, что фантаст вводит в пространство своего романа ассоциации не с «серьезной» литературой, знакомой преимущественно настоящим любителям фантастики (в «Ведьме» порой даже трудно бывает вычленить ассоциативные ряды и источник реминисценций), а, например, с маскультовскими мультсериалами. Берем на себя смелость утверждать, что мало кто из взрослых читателей «Сестренки» знаком с японским анимационным сериалом о девочке Банни Цукино — Сейлор Мун. Но спросите у любой девчонки 8—13 лет, кто это такая, и вы увидите восторг в детских глазах, и вам захлеб примутся рассказывать о борьбе Банни и ее подруг за справедливость «во имя Луны».

Поэтому новый роман Андрея Белянина, без сомнения, придется по вкусу подрастающему поколению.

При всех повторах сюжетных ходов первой части дилогии во второй можно отметить определенные изменения в творческом мире и писательской манере Андрея Белянина. Да, «Сестренка из преисподней» — роман для подростков. Но не только. В принципе «отсталые и непродвинутые» взрослые могут и поинтересоваться у своих чад насчет Сейлор Мун. Хуже не станет. Наоборот, появится столько общих тем для разговоров. Не помешает и посмотреть пару-тройку серий совместно с детьми. В свою очередь, и наследнички могут полюбопытствовать у предков, что это подразумевает автор, говоря о том-то и о том-то. В первую очередь, «невинно», когда речь пойдет об интимных отношениях героев. Действительно, романист едва ли не впервые заговорил на подобные темы. Легко, изящно, полунамеками. Но начал. Возможно, ему и впрямь уже тесно в рамках «детского и подросткового писателя», куда его безапелляционно раз и навсегда засунула критика. На наш взгляд, и «Ведьмой», и в особенности «Рыжим рыцарем» Андрей доказал, что он вполне может писать и для взрослой читательской аудитории.

Во-вторых, «астраханский затворник», который достаточно неохотно появляется на всевозможных тусовках коллег по цеху, решился в «Сестренке» пройти по практике задачи фантастических литературных премий. Весьма и весьма несимпатичная сторона медали. И это также будет непонятно тем, кто далек от мира авторов фантастики и профессиональных ее любителей — фэнов. Так что и детям, и родителям будет что обсудить после прочтения очередного белянинского романа.

Порадовал своих поклонников и Роман Злотников, выпустивший книгу «Виват император!». Мы привыкли к тому, что действия современной фантастики, посвященной будущему, особенно космическому будущему, происходят в рамках некоей Всепланетной Империи с центром на Земле и единым повелителем всех Объединенных миров. Это воспринимается как данность. Но каким образом эти самые миры объединились, как возникла Империя, — об этом почти никто не писал. Р. Злотников, видимо, решил восполнить досадный пробел, образовавшийся в ми-

ровой фантастике, задумав гигантскую эпопею о создании сначала всеземной, а затем, возможно, и вселенской Империи.

В предисловии к роману «Виват император!» дано своеобразное авторское кредо. Писатель исповедуется в том, как он пришел к мысли о создании своего романа, как стал адептом монархической идеи. Хотя назвать его таковым в полном смысле слова нельзя. «Монархизм» Злотникова, декларируемый им уже не в первом его сочинении (вспомним, хотя бы роман «Русские сказки»), нуждается в особых оговорках и уточнениях. Это не махровый, кондовый и песконный русский монархизм с идефикс восстановления законной династии Романовых. Идеи Злотникова лучше охарактеризовать термином «неомонархизм», то есть монархизм в новых геополитических условиях.

Государству, считает фантаст, нужен Государь. Тот человек, который, может быть, и не играет какой-то активной роли в повседневной политике страны. Ну, устраивает балы и торжественные приемы и выходы, встречается с руководителями других держав. Но в годину великих потрясений и бедствий народных именно он становится во главе всего и отвечает за все перед Богом и людьми. Почему этого не может делать обычный всенародно избранный президент? Убедительных объяснений тому мы не получили. Или просто не поняли по недостатку веры или воспитания.

Конечно же, «Виват император!» по своему жанру — утопия. Причем утопия социальная. В романе много философских размышлений и рассуждений, публицистичности, порой затмевающей собственно поэзию, художественность. Писателю, как некогда классицистам, важнее донести до потребителя его продукции некую идею, чем отделывать различные эпизоды, портреты, образы, шлифовать и индивидуализировать речевые характеристики героев. Так бывает, особенно когда имеешь дело с текстом, служащим как бы преддверием к бесконечной, ведомой одному лишь архитектору, анфиладе комнат, которой и является любой сериал.

В то же время в книге есть множество удачных моментов и находок, не позволяющих говорить о ро-

мане Злотникова, как о беллетризованном политическом трактате. Это, в первую очередь, относится к поэтике произведения, его сюжетно-композиционной организации. «Виват император!» эпичен и в то же время является образцом уплотненной прозы. При сравнительно небольшом объеме страниц писатель сумел разместить на них достаточно обширный материал. Книга многолюдна, в ней большое количество действующих лиц. Охвачен значительный хронологический отрезок. Начинаясь чуть ли не в дни сегодняшние, сюжет плавно и незаметно переходит в ближайшее будущее. И делается это без утомительных и ненужных для основного событийного ряда подробностей, а как-то само собой. В общем, фантаст еще раз подтвердил свое реноме автора динамичных и остросюжетных произведений.

Определенной неожиданностью стал роман Виктора Бурцева «Зеркало Иблиса». Этот писатель (или писатели, поскольку Бурцев — коллективный псевдоним Юрия Бурносова и Виктора Косенкова) до сих пор прославился тем, что создал цикл об Алмазных нервах и детективно-фантастический триллер «Охота на НЛО». «Зеркало Иблиса» — нечто новое в творчестве дуэта. Это историко-фантастический роман, написанный в ключе, с легкой руки Г.Л. Олди получившем название «криптоистория» (то есть тайная, скрытая история). Как всегда в подобных романах, нам показана изнанка исторических событий. Гитлеровцы пытаются заполучить таинственный и могущественный мусульманский артефакт, чтобы победить в войне. И естественно, замысел им не удастся, иначе жить бы нам с вами не иначе, как в Третьем рейхе. Но это была бы уже Альтернативная история. Как, например, у А. Лазарчука в «Ином небе».

Чем выделяется «Зеркало Иблиса» в ряду вышеупомянутых произведений? Прежде всего нарочито реалистической манерой повествования. Здесь нет какого-то особо закрученного сюжета в духе фильмов об Индиане Джонс — знаменитом археологе и одновременно борце с германским фашизмом (параллели с ними невольно возникают при чтении романа). Обычный линейный сюжет с несколькими авторскими отступлениями, представля-

ющими воспоминания о прошлом и о будущем. Авторы в конце романа сами указали на те литературные маяки, которые послужили для них ориентирами в безбрежном океане словесности: Ирвин Шоу и Эрих Мария Ремарк. Сказали бы заодно спасибо и Хемингуэю, тогда список стал бы окончательно полным. Действительно, при чтении «Зеркала Иблиса» чувствуется влияние поэтики книг писателей «разочарованного (или утраченного) поколения». Прежде всего какой-то надлом в характерах почти всех участников экспедиции за Зеркалом. Откуда это у таких молодых людей, коими являются соавторы? Ужель они сами пережили нечто подобное? Скорее всего, что это просто умение вжиться в образ, ощутить дух эпохи.

Признаки исторического времени ощущаются в книге везде и всюду. Если «Зеркало Иблиса» и не вполне исторический роман, то по крайней мере нечто очень близкое к нему. Авторский дуэт хорошо и комфортно обжился в воссоздаваемой эпохе. Он знает, что едят, пьют, курят, читают, смотрят и слушают люди 40-х годов XX века. И все же в их *coleur locale* (местном колорите) порой чего-то не хватает. Какой-то изюминки, последнего мазка. Например, когда германский министр Шпеер едет по военному Берлину, так и хотелось бы, чтобы он оглянулся по сторонам, увидел будни столицы Третьего рейха. Да и в изображении самих исторических лиц (Гитлера, Гиммлера, Шпеера и др.) Бурцев не оригинален. Это всем известные деятели фашистской Германии. В них нет ничего неожиданного, нового для раскрытия характеров. Мы заранее можем предположить, что и с какими интонациями они скажут. Согласен, показ этих персонажей не был для писателей первоочередной задачей. И подобное дело бывает не по плечу даже зрелым и маститым авторам. Что ж, надеюсь, со временем к дуэту, если он не оставит своих попыток освоить исторический жанр, придут и опыт, и мастерство. Пока же и имеющиеся достижения следует признать для Бурцева значительными.

«Многие томы исписали почтеннейшие, а почитать нечего», — писал когда-то Белинский о ситуации в современной ему литературе. Полагаем, что к нашему случаю данная цитата не вполне подходит. В минувшем году

вышло много книг, которые заслуживают того, чтобы быть прочитанными. О нескольких из них мы поведали в этом обзоре. Что ж до ситуации, в которой очутилась наша фантастика («ex ungue leonem — видно льва по когтю»), то смеем надеяться, что Лев (то есть в данном случае «литература крылатой мечты») готовится к прыжку. Вот только бы этот процесс не затянулся, как встреча нового века и нового тысячелетия.

Андрей Шмалько

ФЭНДОМ, ФЭНЫ, ФЭНЬЕ

(Очень грустный доклад)

Вспомнить бы для начала что-нибудь хорошее, лирическое, про заснеженные деревья, про низкое зимнее небо...

*Все было пасмурно и серо,
И лес стоял, как неживой...*

Впрочем, лирикой лучше закончить, ибо пока что, как восклицал один давно забытый поэт, «лирика не нужна, чувства да будут немые...»

Век бы мне к этой теме не обращаться! Ведь сколько раз твердили миру, и не только миру, но и мне персонально, что писательское дело — книжки сочинять, а не беспорядки наводить и тем более их же нарушать. Я бы и не вмешивался, но...
Но, но, но...

I. Нечто о хлеборезках

*По улицам слона водили.
Как видно, на показ...*

И.А. Крылов

Как-то один известный недоброжелатель фантастики пустил по Интернету целую инвективу по нашему адресу. Если отбросить злость чем-то обиженной личности, то суть обвинений сводится к тому, что можно назвать кла-

новостью или, используя аргумент «тусовочностью». Мол, фантасты, отлученные от «высшего общества» Большой Литературы (Боллитры, по выражению Вячеслава Рыбакова), образовали свой собственный мирок, где попытались сделать все «как у людей» — и премии, и съезды писателей, и «табель о рангах». Но все это маленькое, все это неказистое, смешное со стороны...

В этом обвинении есть рациональное зерно. Мы действительно держимся вместе. Причины этого общеизвестны, известны и следствия. То, что этого недоброжелателя раздражает, является, в свою очередь, предметом нашей гордости. Никто — ни элитарщики, ни детективщики — не создал что-либо, подобное нашему Фэндому. Посему мы можем вернуть упрек. Это у них, в Боллитре, все почти как у нас, только не такое сплоченное, не такое интересное и яркое. Так что мы имеем полное право дружно взяться за руки, спеть что-либо из Окуджавы, всплакнуть от гордости и любви друг к другу...

Или нет?

То, что не все благополучно в нашем маленьком Датском Королевстве, известно каждому. Не первый год Фэндом дрожит от скандалов и скандальчиков, которые кем-то не замечаются, кем-то, напротив, смакуются — и, увы, становятся явлением постоянным. Сие понятно — в небольшом коллективе, в нашей маленькой Вселенной, где все или знают друг друга, или по крайней мере друг о друге слышали, всякая неурядица расходится искрящимися кругами, словно по воде, политой бензином. А если еще и спичку кинуть...

Увы, это и есть обратная сторона сплоченности — и плата за нее. Избежать этого невозможно, но хорошо бы как-то уменьшить зло, канализировать его, что ли. Но сначала не о рецептах, а о диагнозе.

Кто смут заводчик? Все мы понемногу, конечно, но если взять статистику или (ну ее, такую статистику!) просто припомнить творившееся за последние годы, сразу видно, что проблема не в писателях, хотя они, как всем известно, народ неуравновешенный. И не в критиках, хотя критикам положено быть злыми. И конечно же, не в искренних любителях фантастики, которые с гордостью носят странноватое,

на мой взгляд, имя «фэнов». Но если не они (и, конечно же, не издатели, не художники, не библиографы и не организаторы конвентов), то кто же? Вроде бы всех перечислил.

Впрочем, не всех.

Год назад я попытался обратить внимание на некий элемент Фэндомы, который я назвал «фэнье». На меня тут же обиделись, причем обиделись в том числе и настоящие любители фантастики, те, кто именует себя «фэном». И совершенно напрасно, ибо я сознательно обогатил наше арго новым термином, дабы выделить объект. «Фэнье» — это именно «фэнье», а не ругательное именование «фэнов». Желаящие могут подобрать термин поудачнее, но дело не в терминах, а в сути.

«Фэны» — кровавые тельца Фэндомы. «Фенье» — песок в почках.

Итак, «фэнье» — кто такие, где живут, чего едят, как размножаются? А главное, как их отличить, если придет, к примеру, мысль устроить перепись. Яснее всего с тем, где живут — в Фэндоме они, увы, и живут, среди нас, хотя имеются у них, так сказать, нерестилища, места скоплений, о которых и пойдет речь ниже. А вот кто они такие и как отличить...

Если коротко — это лица «тусовки». Всем нам в нашем маленьком Фэндоме приходится «тусоваться», то есть неформально общаться друг с другом. Но если для большинства это общение лишь способ узнать больше о фантастике — или встретиться с друзьями, то для «фэнья» — это способ существования. «Тусовка» ради «тусовки» и, главное, общение как способ прежде всего обратить внимание на себя, любимых. И не так важно, Фэндом ли это или сообщество пчеловодов. Выйти на люди, открыть хлеборезку на ширину приклада, зареветь крокодилом: «Вот он я, самый красивый, вот он я, самый замечательный!..»

И в этом ничего плохого нет, все мы самые красивые и самые замечательные. Но вот закавыка: писатель обращает внимание на себя книгами, критик — статьями, художник — рисунками, организаторы конвента — конвентом. «Фэны» собирают книги, архивы, автографы, наконец. Если некий

уважаемый «фэн» в том же Интернете, к примеру,

всегда способен подсказать нечто важное, посоветовать, на трудный вопрос ответить, никто и не засомневается, что он и есть самый красивый и самый замечательный.

А если нет? Если (пока!) ни книг, ни статей, ни лекции автографов, ни мудрых советов? Тоже не беда, Фэндом — это Фэндом, а не трамплин для Наполеонов. Читай фантастику, впечатлениями обменивайся, на конвенты приезжай — и постепенно все тебя полюбят, самого красивого и самого замечательного. Так «фэны» и поступают. «Фэны» — но не «фэнье».

«Фэнье» — это лица, пытающиеся прыгнуть выше головы. Кто они? Они не критики, не писатели, не художники, не уважаемые «фэны». Никто — и зовут никак. А так хочется, чтобы хлеборезка на ширину приклада, да чтобы на весь Фэндом, да чтоб у всех в ушах зазвенело! Остается одно: вспомнить дедушку Крылова. «По улицам слона водили, как видно, на показ...» Идет-бредет могучий Слон Фантастики, а тут из подворотни...

Кстати, вот вам и термин, если слово «фэнье» не по душе!

Немного этнографии. Сравнительной — для лучшего понимания. «Фэн» читает фантастику много и регулярно, «фэнье» — от случая к случаю. Посему багажа меньше, зато куда выше прыгучесть. И реакция — вкупе с тем, что вторым счастьем называют. Как-то мы с коллегами отвечали на вопросы в прямом эфире одной уважаемой радиостанции. Не успела ведущая тумблером щелкнуть, как послышалось уверенное:

— Ваши книги исключительно коммерческие, написаны только ради денег!

— А какие вы читали? — смиренно поинтересовались мы.

— Да никаких не читал!

Щелк! И тут же второй, столь же прыгучий:

— Ваши книги очень плохо отредактированы!

— А какие из них вы видели?

— Да никаких не видел!

Щелк! Убег...

Реакция, что ни говори. Пока «фэн» раскачивается, умный вопрос продумывает, «фэнье» уже тут как тут — с хлеборезкой раззявленной. Вот оно, мол, я! Отметилось в Вечности!

...Обложило как-то некое «фэнь» в ФИДО один новый роман. Интрига та же — вскоре выяснилось, что оно его не читало. «Так отчего ругаешь?» — спросили у «фэнь». «Чтобы волну погнать!» — гордо ответило оно.

Если это на родной язык «фэнь» перевести, что получится? Правильно — получится «гав! гав! гав!».

Ах, Моська! Знать, она сильна!

II. Свита

Ой, не шейте вы ливреи, евреи!

Александр Галич

Вероятно, кое-кто ждет, что я начну с пространств виртуальных, с Интернета, с этого «мягкого подбрюшья» Фэндомы, где, кстати, и находятся крупные нерестилища «фэнь». Но — не стану, ибо несознательные личности, пребывающие на некоторых форумах, как по мне, все же не главная беда.

Приготовьтесь, я о неприятном. Об очень неприятном.

И прошу не обижаться.

Долгие годы полуподполья, в котором пребывала наша Фантастика, породили не только сплоченность и взаимовырчку. Подполье, даже если оно «полу», — очень неприятное состояние. Борьба порождает вождей, а вожди — свиту.

И вновь прошу не обижаться. Я не о друзьях, не о поклонниках и, конечно, не о поклонницах, которые есть у каждого писателя. Я именно о свите. Ибо надеть чью-то ливрею — самый удобный способ выделиться. Конечно, придется отвечать на сакраментальный вопрос: «Чьих будешь?» Зато ты уже кто-то, а если еще и подслужиться...

Я перестал ездить на некий уважаемый конвент после одного случая. Все мы знаем, чего стоят наши «премии», железяки, которые мы от большой симпатии вручаем друг другу. Наверное, только писатель Ст. (я не Иосифа Виссарионовича имею в виду) до сих пор относится к этим железякам всерьез. Все просто: нравится нам человек (чаще всего именно человек, а не его номинируемая книга) — на тебе, родной, железяку. И ничего в этом плохого нет. Железяк нам, что ли, жалко?

Но в тот раз случилось так, что Главную Железяку захотели аж двое. И что же? С каждым приехала свита, мрачная от предвкушения великой битвы — и началось соревнование свит по добыванию Главной Железяки для своего барина. И кулаки сжимались, и ноздри трепетали, и хватали друг друга за ворот, и вербовали народец прямо на месте...

Это что, любовь к фантастике? Это что, любовь к хорошему писателю?

А ведь дружная «аллилуйя» способна заморочить голову даже Франциску Ассизскому. И вот хороший писатель за ушко треплет верное «фэнье», учинившее ради него — и за него! — какой-нибудь скандалец, и ручку дает облобызывать, и позволяет подать ночные тапочки. Бедный писатель! Не видит он, наивный и доверчивый, что не ради него «фэнье» старается. Для себя оно старается, ибо уже ведомо данное «фэнье» среди людей, на весь Фэндом ведомо, и блистает его ливрея орденом Золотого Руна...

Не видит этот бедный писатель и другого. Ливрейные — народ дружный, и вот становится людская чуть ли не Центром Управления Полетами. К свите привыкаешь, и ежели какое-нибудь бойкое «фэнье», облобызав барскую ручку, смиренно попросит... скажем, изобразить его в романе, да не самого, а сотоварищи... Ну, почему бы и нет? Может, оно и в романе тапочки подаст.

Итак, добро пожаловать на капустник, господа! На пятой странице я подмигнул, на десятой намекнул, в шестой главе всех наших дружанов как есть пропесочил, а уж в финале!..

Капустник! Капустник — для «фэнья».

И того пуще. Поветрие, заразе подобное, захватывает уже не только безответственное «фэнье», но и вполне респектабельных «фэнов». Скинулись — и конкурс устроили, кто из писателей некое уважаемое в одной компании лицо лучше в романе изобразит. Да не просто — а с последующим убиением. Писателю труда не составит — другу же вечная слава. В веках, блин, слава! И что же? Изображают братья-писатели, правда, говорят, это уважаемое лицо нервный стресс заработало. И то — легко ли читать, как тебя из книги в книгу контрапят? Граждане, друга пожалейте! А вы, коллеги, что — решили всю нашу фантастику в капустник превратить? В Клуб Веселых и Находчивых? Под чью дуду пляшете? Чью ливрею надеваете? Стыдно-с!

Вы скажете — невелика беда, обычные игры, во все время на возле литературы клубилось нечто подобное. Но от такого всего шаг до превращения «литературы для тусовки» в «тусовочную литературу». А ведь именно в этом обвиняют бедную Фантастику. Сначала «фэнь» предложит, ЧТО ИМЕННО в романе изобразить — а потом и КАК ИМЕННО изобразить. И ведь предлагают, да настойчиво, да с апломбом! Когда прямо, когда намеком, хорошо хоть манифесты еще не выпускают. И вот уже складывается эстетика, а точнее, антиэстетика «фэнь». Кто из нас не слышал, что «читатель» (не читатель! «фэнь»!) не любит толстых книг, не любит сложных книг, не любит (ей-богу, не могу понять почему) даже иллюстраций, а уж послесловия с предисловиями вообще вызывают скрежет зубовой. А главное, книга должна читаться за один день, причем желательно в метро. И — продолжения, продолжения, продолжения... Десятое продолжение... двадцать первое...

Почему продолжения? Да чтобы «фэнь» излишне не напрягаться, в текст «въезжая».

Это еще не диктат. Но ведь лиха беда начало!

На это можно ответить словами еще одного классика: «Не обращайтесь вниманья, мэстро!» Так-то оно так, но Фэндом наш маленький, уши не заткнешь, глаза не закроешь. А ведь у «фэнь» очень хорошие воспитательные методы имеются — скажем, те же железяки, что на конвентах вручают. Этому дала, этому не дала... И вот уже говорят, что некие писатели (коллеги, не смейте обижаться!) вообще-то в последнее время не очень, зато «фэнами» любимы, посему от ладана продышаться не могут. Да не «фэнами» они любимы — «фэньем», перед которым эти писатели, сами того не желая, попросту заигрывают. А ведь и с честными читателями заигрывать грешно, а уж с собственными... скажем, по-французски «валетами»!..

«Ой, не шейте вы ливреи, евреи!» Любители фантастики! Не идите в услужение! Писатели, коллеги, заводите друзей, подруг-красавиц заводите, а не свиту! На хрена вам «валеты»? Или в самом деле приятно в гамаке лежать с бананасом в руке, глядя, как верное «фэнь» тешит барскую душеньку, лупцуя таких точно ливрейных, но иного барина? Еще бы собак спустить!..

И поверьте мне, плохо быть Шекспиром «фэнья»!

А с конвентами да с железяками тоже можно кое-что придумать, дабы «фэнь» укоротить. На.каждом

конvente, как правило, заправляет местная «тусовка», среди которой полно этих самых «валетов», прибежавших за «своего» голоснуть. Значит, самое простое и очевидное: организаторам и хозяевам конвента хорошо бы снимать собственные книги и статьи с номинаций, как уже кое-где и делается. Оставим свиту без работы! Более того дадим ей другую, куда более трудную. Вместо того чтобы привычно голосовать за барина, придется «фэню» задуматься, книжки незнакомые полистать, с умными «фэнами» посоветоваться. Раз полистал, два посоветовался — и вот уже не «фэнье», а просветленный «фэн» всем нам на радость.

Ах да, железяки! Да только какое счастье от такой железяки, если то же «фэнье» станет пальцами тыкать: для того, мол, и конвент собрали, чтобы себя наградить, самим себе железяку эту вручить. Вон скольких нагнали — вручателей! Не для того собирали? Конечно, не для того!

Вот и покажите. А еще лучше — докажите.

...Чтобы закончить с этим печальным вопросом... На конвентах можно встретить и одиноко бродящее «фэнье». То ли в свиту не взяли, то ли и в самом деле гордые. Отличить этих бродячих от внешне на них похожих (люди ведь!) «фэнов» очень просто. Если к вам в номер в два ночи вваливается незнакомая персона с воплем: «Давай выпьем!», знайте сразу — это не «фэн».

Ручаюсь.

III. Виртуальная язва

*Тараканы заселились —
Выселяться не хотят.*

Корней Чуковский

...Козлы!

Из песни Бориса Гребенщикова

О «мягком виртуальном подбрюшии» нашего Фэндома много говорить не стоит. Кто не знает, где и на каких форумах и в каких конференциях гнездятся лица, для которых интересна не фантастика, а скандалы, ими же учиняемые? Виртуальные герои, знающие, что их физионо-

мии находятся на безопасном удалении от тех, кого они оскорбляют, недостойны подробного изучения, как не изучаем мы, к примеру, тех, кто о восьми и о шести лапках по кухням бегают.

Не о них речь. Лучший метод в этом случае общеизвестен: отловить то, что бежит, в реальном, а не виртуальном мире и очень вежливо попросить быть чуток сдержаннее.

Не в многоногих проблема. Точнее, не только в них.

И вновь — прошу не обижаться, ибо придется затронуть тему, дивно близкую многим сердцам, — Интернет.

Сейчас вокруг Интернета сложился целый культ. Со стороны это нелепо, ибо с тем же успехом можно поклоняться телефону, электрической лампочке — или, как на Новой Гвинее, грузовому пароходу. Конечно, мы все за прогресс. Чем лучше — тем лучше, и если Интернет существует, то glory аллилуйя. И даже трижды glory аллилуйя!

Аминь? Нет, не аминь!

Наблюдая очередное непотребство, учиненное на одном из форумов местным «фэньем», я столкнулся с тем, что оное «фэнье» в качестве аргумента в свою пользу ссылается на некие «правила». И якобы сии загадочные «правила» гарантируют им «свободу», понимаемую в данном случае не только как право на анонимность под шутовскими масками, но и возможность безнаказанно оскорблять иных людей.

Неужели такие правила действительно существуют? Я, отставший от жизни, думал, что в Интернете придерживаются общечеловеческой этики. В конце концов, ежели ты так хочешь кого-то оскорбить, то делай это с открытым забралом, а не под личиной. Оскорбил — и жди последствий.

Впрочем, ничто не ново под луной!

Великий юрист Александр Кони вспоминал, что после появления в России почтовых открыток, которые можно было посылать без обратного адреса, в почтовый ящик стало страшно заглядывать — тогдашнее «фэнье» закидывало каждого более или менее известного человека потоком всяких гадостей, изложенных на белой поверхности прогрессивной новинки. Чем не Интернет?

...Это еще что! Как-то в древнеримском сенате ввели открытое голосование — восковыми табличками. И после первого же голосования на этих табличках прочли

такое!.. А с виду все такие патриции, все такие Сципионы с Марцеллами!

Интересно, а на заре телефонной эры разрешалось набрать чей-то номер, сказать гадость — и повесить трубку?

Да, отстал я от жизни, отстал... Но что поделаешь! Прогресс не остановить!

Однако культ есть культ. То и дело писатели и «фэны», столкнувшись с галантными нравами, царящими на некоторых форумах и конференциях, пытаются выразить свои законные чувства по этому поводу. Да все как-то тихо, неуверенно. А почему? А потому что Интернет, великий Интернет, блин! Как же можно, он ведь нам и отец, и мать...

...И даже где-то перемать!

Представьте! Заявилась к нам на конвент гопа в масках и давай крыть трехэтажным окопным налево-направо. Стали бы терпеть, а? В Интернете же — терпим. Вот уж поистине: «Не сотвори себе кумира!»

А между тем возмущаться в первую голову должны не мирные обитатели Фэндомы, а те, кто заведует форумами и сайтами. Ведь это их компрометируют, их подставляют. И что же? Да сами видите, что! Видать, даже интернет-профессорам эти правила-свободы не по зубам.

Итак, «правила». Итак, «свобода».

На практике же эти правила-свободы выглядят весьма своеобразно. Не так давно один хороший писатель подвергся нападению своры дикого «фэнья», причем не в джунглях Интернета, а на ухоженных просторах ФИДО. «Да чего вы так ругаетесь?» — поразился хороший писатель. «А потому что свобода!» — радостно провыло «фэнье». А вот другой хороший писатель не выдержал и ответил на одном из форумов «фэню» на понятном им языке. «Безобразие! — возмутилось обложенное «фэнье», — нарушение правил!»

Хороши «правила»! Хороша «свобода»! «Фэнье» имеет право оскорблять кого угодно, даже не назвавшись — а ответить нельзя. Правила-с!

Слышал я голос, и не один, от привыкших к оскорблениям интернет-терпил. Мол, единственное средство от «фэнья», форумы обсевшего, это игнорирование злыдней. Не читать похабников, а ежели читать, то не замечать и не отвечать. Иначе, мол, их вконец раздраконить мож-

но. И сколько лет вы этим «игнорированием» страдаете, бедолаги? Помогло? Сгинули многоногие? Сначала, значит, левую щеку подставляем, потом правую... Щеки кончатся, что подставлять станете, толстовцы?

А вы, господа интернет-магистры и интернет-профессора! Кого это вы у себя в виртуальных просторах разводите? Вы что, доктору Калигари уподобиться решили?

Вывод ясен — все эти «правила», вся эта «свобода» (а по сути, никакая не свобода, а лишь право на анонимность, на маску-личину) провоцируют у худшей части «фэнь» худшие качества. Именно тут, в бескрайних виртуальных джунглях и саваннах, проще всего — и безнаказаннее всего — разжавить хлебoreзку, заявив о себе, любимом. А поскольку ты, любимый, никому не интересен, прибежем к саморекламе по методу все того же дедушки Крылова. Ах, маска, знать она сильна!.. Между прочим, численно интернет-«фэнь» не так и много, еще меньше «фэнь» в ФИДО, где правила куда строже. Но ведь дело не в количестве. Даже капля дегтя в медовой виртуальной цистерне — не бог весть как вкусно.

...Иммануил Кант наивно полагал, что свобода одного человека кончается там, где начинается свобода другого. Быть свободным от бегающих по виртуальной кухне многоногих — право каждого.

Все это понятно. Но что делать-то? Ведь «правила»! Ведь «свобода», блин!

Увы, тут я не доктор. Остается обратиться к знатокам, все к тем же магистрам и профессорам Интернета. Прогрессивные наши! Неужели вы думаете, что гадость, высказанная «фэньем» из темного угла и красующаяся на ваших форумах, напоминает орден или аксельбант? Неужели если в вашем хозяйстве завелись шестиногие с усиками, у вас стало уютнее?

Если считаете, что да, то в этом случае я тем более не доктор. А если нет, то пора позаботиться о виртуальном дусте.

Все! Можете считать меня ретроградом и душителем свободной мысли.

IV. Unhappy end, или О пользе гирь

Хотелось бы закончить на оптимистической ноте. Увы, не получается. Пока, во всяком случае. Остается, как и было обещано в начале, утешиться лирикой. Что-нибудь такое умиротворяющее — о природе, о заснеженных деревьях, о бледном зимнем небе...

Все было пасмурно и серо,
И лес стоял, как неживой,
И только гиря говномера
Слегка качала головой.
Не все напрасно в этом мире,
(Хотя и грош ему цена!)
Покуда существуют гири
И виден уровень говна!

Александр Галич

Дмитрий Байкалов, Андрей Синицын

Волны

(Итоги года, как итоги века)

Волна есть Волна.
А. и Б. Стругацкие

Этнологический пролог

Наступил новый, XXI век.

К его началу стал очевидным тот факт, что читатели фантастики представляют собой совершенно уникальное явление. Несмотря на каждодневный мощный прессинг со стороны общества, пытающегося растворить человека в обезличенной толпе, превратить его в нечто, лишенное индивидуальности, эти люди умудряются в течение вот уже нескольких десятилетий оставаться самими собой. Они подсознательно ощущают себя некой духовной аристократией, объединенной единственными в своем роде переживаниями, связанными с влечением к фантастической литературе. Именно это сообщество, изжившее в себе ощущение патологической ущербности и в настоящий момент определяющее пути развития любимого жанра, получило название «фэндом».

В конечном итоге фэндом представляет собой не что иное, как единственный биологический вид (правда, с огромным количеством вариаций), распространившийся по обширной поверхности Континента Фантастики. Фактически, вне фэндома на Континенте не существует ни одного разумного существа. Любой произвольно выбранный его

обитатель давно внутренне определился: «Мы — фантасты, а все прочие — чужие». Поскольку это явление повсеместно, оно отражает объективную реальность, позволяющую нам перевести принадлежность к фэндому из области социологической в область этнологическую. Ведь что есть этнос? Это «устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя всем другим аналогичным коллективам, что определяется ощущением подсознательной взаимной симпатии членов этого коллектива, и отличающийся своеобразным менталитетом и стереотипами поведения. Каждый этнос в той или иной степени внутренне неоднороден: внутри него выделяются субэтноты, которые могут возникать и распадаться, причем ощущение единства этноса как целого у их членов не теряется». Писатель может быть приверженцем «мэйнстризма», «мачизма» или принадлежать к «неведомым отшельникам»*, но при встрече с кем-либо извне он дефинирует себя единственно возможным образом — фантаст. Это происходит потому, что «...этническая принадлежность, обнаруживаемая в сознании людей, не есть продукт самого сознания. Очевидно, она отражает какую-то сторону природы человека, гораздо более глубокую, биологическую, лежащую на грани физиологии».

Окруженный океанами Неверия и Предвзятости, Континент фантастики долгие годы ожидал своих жителей. В это трудно поверить, но каких-то две сотни лет назад его население насчитывало не более десятка человек, как правило, попавших туда по воле фатума. Планомерное же заселение началось в 20-е годы прошлого века и все нарастающими темпами продолжается до сих пор. Еще немного, и демографическая ситуация серьезно обострится. Но это дело будущего. Нас же в настоящий момент интересует, кто, когда и каким образом на Континенте появлялся.

Экспансия

Историю заселения можно условно разбить на восемь волн экспансии. Мы прекрасно осознаем, что любое подобное деление условно. Волны заселения Континента можно сравнить с фенологическими (жаль, не фэнологическими) волнами миграции птиц, или с этапами колонизации

* См. ст. «Континент» в сб. «Фантастика-2001».

диких доселе земель. Итак, Первая волна. Ее представители были романтиками, выбравшимися из океана реалистической литературы на фантастические берега. Они мечтали построить дивный новый мир, отряхнув прах старого со своих ног. В то же время они были весьма практичны, пролетарски подкованы, отлично знали в лицо классового врага по портретам, подготовленным в ГПУ, и не всегда осознавали, что пишут именно фантастику. Думали — сатиру. Традиции Серебряного века еще не были окончательно похоронены решениями о партийности литературы и на стыке нового прогрессивного и старого эстетского появлялись произведения, впоследствии вошедшие в анналы жанра. Фантастические романы «гостей страны Фантазии» А. Н. Толстого, Бориса Житкова, Мариэтты Шагинян, повести и пьесы Булгакова, пьесы Маяковского, наряду с произведениями «чистых» фантастов вроде Якова Окунева, Абрама Палея, Александра Беляева, Александра Казанцева в 20—40-е годы прошлого века застолбили участки почти на всех территориях Континента — как на побережье, так и во внутренних землях. Однако форпосты Первая волна построить не успела — грянула война и всем стало не до фантастики.

Форпосты взялась строить Вторая волна. Оказались эти строения очень недолговечными. Спущенная сверху доктрина «фантастики ближнего прицела» здорово проредила и так не особенно сплоченные ряды фантастов. Возможно, в подъеме послевоенной экономики и сыграл свою позитивную роль принцип, согласно которому в книгах нельзя было отрываться от действительности более чем на одну пятилетку, а также следовало пропагандировать полезное народному хозяйству изобретательство, заодно борясь с вредителями. Но литературность (в пользу утилитарности) фантастики он загубил если не окончательно, то надолго. В сороковых—пятидесятых годах популяризацией интенсификации развития и внедрения технологий особенно активно занимались фантасты Владимир Немцов, Вадим Охотников, Владимир Сапарин и примкнувшие к ним выходцы из первого эшелона поселенцев Александр Казанцев, Григорий Адамов, Юрий Долгушин... Впрочем, «нашу песню не задушишь, не убьешь»: именно в тот период уже писал Лазарь Лагин, начинали свой долгий творческий путь с романтиза-

ции геологии и палеонтологии Георгий Гуревич и Иван Ефремов.

Они и породили новое поколение — наконец, на Континент пришли Строители.

Два события конца пятидесятих годов стали причиной наступления эпохи перемен в фантастике. Это XX съезд партии, породивший «шестидесятничество» и выход в свет «Туманности Андромеды» — романа, разительно не похожего на все написанное ранее. Романа о будущем, совместившего в себе философию, социологию, футурологию и при этом впервые нарисовавшего контуры непротиворечивой утопии. «Туманность Андромеды» вдохновила целую плеяду авторов-шестидесятников, с радостью принявших за возведение замков на освоенных и еще не освоенных территориях Континента. Именно тогда в фантастику пришли братья Стругацкие, Генрих Альтов и Валентина Журавлева, Анатолий Днепров, Евгений Войскунский и Исай Лукодянов, Владимир Михайлов, Ариадна Громова, Владимир Савченко, Михаил Емцев и Еремей Парнов, Владислав Крапивин, Илья Варшавский, Геннадий Гор. Чуть позже в Третью волну влились Кир Булычев, Ольга Ларионова, Дмитрий Биленкин, Зиновий Юрьев, Виктор Колупаев, Андрей Балабуха. Это было самое плодотворное время в отечественной НФ. Новое поколение строило свои здания в любых местах и на любой вкус.*

Эпоха расцвета фантастики завершилась с окончанием «оттепели», финальным аккордом которой в начале семидесятых прозвучал разгром редакции «Молодой Гвардии» — редакции Сергея Жемайтиса, Нины Берковой, Беллы Ключевой, внесших неоценимый вклад в развитие жанра. Пришедших в разгар «застоя» на обломки построек Золотого века новых молодогвардейцев-семидесятников нельзя даже назвать очередной волной — захватив власть и тиражи, они попытались своими скучными серыми многоэтажками заменить шедевры континентального зодчества. Но ни к чему это не привело — народ продолжал читать Стругацких и не принимал Щербакова сотоварищи. Из плеяды семидесятых «на

* Любопытно отметить, что и в западной фантастике период расцвета «Новой волны», старавшейся охватить как можно больше тем и сюжетов, пришелся на шестидесятые.

плаву» остались, пожалуй, лишь Сергей Павлов, Евгений Гуляковский и Юрий Никитин.

На фоне унылой стагнации семидесятых стала зарождаться Четвертая волна. Поколение авторов, понимавших, что «так жить нельзя» и пытавшихся предложить что-то новое, свежее, хотя бы и без всякой надежды на публикацию. «В стол» в эпоху Советов писали многие — но отличительным признаком Четвертой волны, стали мучительные поиски хоть какого-нибудь отклика на выстраданное. Результатом явились семинары — Московский, Ленинградский, Симферопольский, — где молодые амбициозные фантасты могли собираться, обсуждать рукописи единомышленников и учиться писать под руководством авторов-шестидесятников. Впрочем, и печататься понемногу удавалось — вспомнить хотя бы альманахи «НФ» издательства «Знание». В этом году мы отмечаем двадцатилетие первой из «Малеевок» — Всесоюзных семинаров молодых фантастов и приключенцев, поначалу проходивших в подмосковном доме отдыха «Малеевка», а в конце восьмидесятых переместившихся в прибалтийские Дубулты. Основной контингент первых «Малеевок» и составляли фантасты Четвертой волны, среди которых стоит выделить популярных впоследствии авторов — таких как Эдуард Геворкян, Виталий Бабенко, Антон Молчанов (Ант Скаландис), Владимир Покровский, Андрей Саломатов, Василий Головачев, Святослав Логинов, Вячеслав Рыбаков, Андрей Столяров, Любовь и Евгений Лукины, Александр Бушков, Андрей Лазарчук, Михаил Успенский, Борис Штерн, Людмила Козинец, Виталий Забирко, Даля Трускиновская, Сергей Иванов.

С приходом перестройки, на берега Континента почти одновременно накатились две волны. По большому счету, их можно было бы считать одной, но подобное разделение существовало еще тогда, в начале девяностых, и мы не станем отходить от принятой схемы. Пятая волна — это птенцы созданного в 1988 году Всесоюзного творческого объединения молодых писателей фантастов (ВТО МПФ). Эта организация занималась очень полезным делом — при помощи широкой сети региональных представительств и большого количества проводимых семинаров пыталась «бить по площадям», выявляя таланты среди огром-

ного количества приглашаемых молодых фантастов. Но поскольку процент самородков был весьма невелик, а шанс опубликоваться в сборниках ВТО (коих вышло около сотни) имели практически все семинаристы, то создавалось впечатление, что руководители ВТО занимаются поддержкой труда, весьма далекого от литературного. Тем не менее именно благодаря ВТО читатели узнали таких авторов, как Леонид Кудрявцев, Василий Звягинцев, Степан Вартанов, Юрий Брайдер и Николай Чадович, Александр Бачило и Лев Вершинин.

Писатели Четвертой волны в большинстве своем ВТО не приняли. В основном по той причине, что в деятельности Объединения чрезмерно активное участие принимали «молодогвардейцы»-семидесятники, с чьими именами многие связывали причины застоя, случившегося тогда в нашей фантастике. Кроме того, возникла генерация молодых авторов «инициированных» процессом демократизации, развитие и становление которых прошло вне ВТО. В частности, в последних дубултинских семинарах, состоявшихся на стыке восьмидесятых и девяностых годов, принимали участие уже не только зарекомендовавшие себя «малеевцы», но и молодые, перспективные авторы. В отличие от «ковровых бомбардировок» ВТО в Дубултах реализовали принцип «точечных ударов» — находили таланты, приглашали на семинар и там с ними работали. Фантастов, появившихся на Континенте в самом конце восьмидесятых — начале девяностых, но не имеющих отношения к ВТО, будем считать Шестой волной отечественной фантастики. Из тогдашних «дубултинцев» стоит выделить Сергея Лукьяненко, Владимира Васильева, Виктора Пелевина. Вполне самостоятельно, без помощи каких-либо семинаров, тогда же в фантастику пришли Александр Громов и Сергей Синякин. Впрочем, многие из этой волны, как, например, те же Лукьяненко и Васильев, не чуждались и ВТО. Именно поэтому Пятая и Шестая волны, возникшие на почве противостояния «Школа Ефремова vs Школа Стругацких», все-таки имели склонность к взаимной ассимиляции: новой генерации авторов были малоинтересны литературные «разборки», тянувшиеся к тому времени уже без малого двадцать лет.

В начале девяностых, когда издательский процесс окончательно либерализовался, русскоязычная (будем

называть ее так) фантастика потерпела крушение. Огромный поток переводной литературы захлестнул наш Континент. Издатели на несколько лет практически потеряли интерес к фантастике шестой части суши. Ибо читатель понял, что от него долгие годы скрывали массу мировых шедевров, и бросился рублем поддерживать все издательские проекты, связанные с зарубежными авторами. Только к середине десятилетия интерес к нашей фантастике начал возрождаться. Причем первотолчком, как ни странно, послужило возникновение «псевдославянской фэнтези» — жанра, на наш взгляд, несколько надуманного. Однако именно успех подобного рода литературы (например, бешеные тиражи «Волкодава») доказал, что фантастика в исполнении отечественных писателей вполне конкурентоспособна.

Так возникла Седьмая волна — когорта талантливых фантастов, сложившаяся на основе повысившегося спроса на русскоязычную фантастику, пробившаяся через стойкое равнодушие издателей и составившая достойную конкуренцию писателям «со стажем». В составе поселенцев Седьмой волны Континент фантастики осваивали Мария Семенова, Ник Перумов, Г.Л. Олди, Андрей Валентинов, Олег Дивов, Александр Зорич, Алекс Орлов, Марина и Сергей Дяченко, Андрей Белянин, Роман Злотников, Андрей Плеханов, Михаил Тирин, Владимир Ильин и многие другие.

Затем на рынке тенденций последовал небольшой период затишья. Писатели спокойно писали, издатели спокойно публиковали. Грянувший дефолт финансово «секвестировал» издание западных авторов средней руки и стимулировал издательства на поиск новых талантов. Причем коммерческий риск от издания молодых по сравнению с предыдущими годами был значительно снижен — каждая из крупных фантастических серий вполне стабильно держалась на плаву за счет активно работающих топ-авторов, и даже не очень удачная книга в раскрученной серии могла иметь вполне успешные рыночные перспективы. Кроме того, научно-технический прогресс в лице Интрнета охватывал все более широкие сферы, и на почве его слияния с литературой возникла сетература. В такой ситуации молодой автор, помещая свое произведение в Сеть, мог не только не испытывать недостатка в читателях, но и надеяться

на интерес издателей, также осваивающих новые технологии. Именно на стыке сетературы и новой издательской политики возникла Восьмая волна. Авторы этой волны отличаются амбициозность, пришедшая из Сети любовь к самораскрутке, иногда — отсутствие элементарных представлений об основах литературы (что же делать — институт литературных семинаров у нас практически канул в Лету). В то же время их (речь, конечно, идет о самых талантливых) произведения самобытны, свежи и восходят корнями не только к советской фантастике, но и мировой литературе в целом. Это очень перспективная и необычная волна покори-телей Континента. Это «та молодая шпана, что сотрет нас с лица Земли». Виктор Бурцев (Юрий Бурносков и Виктор Косенков), Олег Овчинников, Дмитрий Володихин, Евгений Прошкин, Виталий Каплан, Артем Абрамов, Борис Долин-го, Дмитрий Шубин, Леонид Каганов — это лишь краткое перечисление таких разных по стилю представителей новой генерации, пока еще только формирующей свое лицо.

Многие могут поразиться такому делению на волны. Мол, за предыдущие семьдесят лет — четыре волны, и за последние пятнадцать — тоже четыре. Неравноправие! Но ведь и произошло в нашей стране за эти пятнадцать лет событий отнюдь не меньше, чем за половину двадцатого столетия! И первый год нового тысячелетия стал своеобразным подведе-нием итогов прошлого века. По крайней мере в фантастике. Практически все волны хоть как-то проявили себя в минув-шем году. Так попробуем взглянуть на его итоги с этой точ-ки зрения.

Тенденции

Прежде, чем рассказать о том, как сложились судьбы различных поколений переселенцев в 2001 году, сделаем несколько общих замечаний о текущем состоянии дел в об-ласти фантастики.

Для начала хочется отметить тот отрадный лично для нас факт, что время засилья русскоязычной фэнтези на книж-ном рынке, похоже, закончилось. Из почти 250 вышедших за отчетный период оригинальных романов всего около сотни можно в той или иной степени отнести к этому

жанру. Почти все крупные издательства постепенно сворачивают связанные с русской фэнтези серии. Те же, которые еще сохранились или дышат на ладан, как «Заклятые Миры» (АСТ), или держатся на плаву только за счет либо раскрученного «брэнда», как, например, «Конан»* (Северо-Запад), либо одного или нескольких очень известных имен: Ник Перумов (ЭКСМО), М. Семенова (Азбука), А. Зорич (Центрполиграф), А. Валентинов, М. и С. Дяченко и Г.Л. Олди (серия «Нить времен» ЭКСМО). Из новых имен следует упомянуть разве что Арину Воронину с романом «Дети Брагги», выделяющимся на общем фоне серьезным подходом к скандинавской мифологии, а также пристальным вниманием к рунам, играющим в повествовании значительную, если не основополагающую роль.

Теперь о тиражах. Ситуация за год особенно не изменилась. В нашем распоряжении тот же список наиболее издаваемых авторов. Но все же произошло одно событие, которое, безусловно, можно назвать знаковым. Впервые после дефолта 1998 года издатель решился назначить стартовый тираж книги писателя-фантаста в 100 тысяч экземпляров. Этой чести удостоились «Нечаянный король» А. Бушкова, рассказывающий об очередных похождениях майора-десантника Станислава Сварога в мире, именуемом Талар, и «Одиночество Мага» Ника Перумова, название книги которого говорит само за себя. Причем роман Перумова издательство «ЭКСМО» рискнуло выпустить в период летнего спада продаж и не прогадало. «Одинокый Маг» уверенно потеснил в списке бестселлеров и А. Маринину, и Д. Донцову. Ненамного отстала от коллег-мужчин Мария Семенова. Написанный в соавторстве с Ф. Разумовским роман «Кудеяр: Аленький цветочек» получил тираж в 75 тысяч и очень порадовал поклонников ее творчества. Мелодраматическая история о том, как в параллельном мире можно отыскать свою погибшую любовь, вполне находится в канве предыдущего проекта М. Семеновой «Волкодав», интерес к которому еще не совсем угас. Так, очередная книга из серии «Мир Волкода-

* Ни для кого не секрет, что в проектах «Конан» и «Рыжая Соня» работают российские беллетристы, скрывающиеся под англоязычными псевдонимами.

ва», роман П. Молитвина «Ветер удачи», был напечатан в количестве 20 тысяч штук.

Нетрудно заметить, что все указанные авторы пишут исключительно фэнтези. Казалось бы, отмечая сей факт, мы противоречим сами себе, весомо рассуждавшим выше о некоем кризисе этого жанра. Отнюдь. В данном случае работает магия имени. Напиши Н. Перумов космическую оперу, а А. Бушков — киберпанк, уверены, тиражи их книг от этого только увеличились бы.

Имя писателя, способного конкурировать с Перумовым и К° и работающего при этом в жанре НФ, конечно, известно всем. Это Василий Головачев. Напечатав 70 тысяч экземпляров его романа «Одиночка», издатели прекрасно знали, что делают. Ведь это не просто роман из цикла «Запрещенная реальность», но и приквел знаменитого «СМЕРШ-2». В «Одиночке» автор продолжает работать в выработанной им годами эстетике, пачками убивая ненавистные персонажи. На этот раз ему особенно удалось описание смерти молодого спецназовца, не выдержавшего «слова власти» и свалившегося с карниза. От удара у несчастного лопнули глаза и стекла на землю по залитому кровью усатому лицу. Читаешь, и сердце радуется.

Сергей Лукьяненко, видимо, подобно Роберту Хайнлайну, решил создать собственную «Золотую библиотеку подросткового чтения». Во всяком случае, его новый роман «Танцы на снегу» определенно можно в эту серию включить. Сразу после «Рыцарей сорока островов» и «Мальчика и Тьмы». Вопрос лишь в том, какие всходы дадут те 50 тысяч зерен, которыми Лукьяненко засеял неокрепшие детские души.

Десятый, юбилейный, роман Р. Злотникова «Виват, император!» серьезно отличается от всего, что было создано им прежде. Автор замахнулся ни много ни мало на описание процесса создания Галактической империи. Причем стартовой площадкой для этого избрана нынешняя Россия. Не знаем, как с личными амбициями, но если Р. Злотников соберется стать Императором Земли, 35 тысяч сторонников у него уже есть.

Пробовали ли вы когда-нибудь насмешить 30 тысяч человек одновременно? Между тем А. Белянин

умудряется проделывать это из года в год. В одном из многочисленных интервью автор поделился секретом своего успеха: «Выдумывать ничего не приходится: готовые сюжеты шлют со всех концов, типажи беру с улицы, слова, шутки, говор — прямиком с базара». Именно по этому рецепту изготовлен единственный прошлогодний роман писателя «Сестренка из преисподней».

Если учесть, что практически каждая из перечисленных книг через месяц-два была допечатана, а романы Бушкова и Белянина вышли в двух сериях одновременно, что фактически удвоило их тираж, то великолепную семерку читательских пристрастий можно считать сформированной.

Что же касается остальных, то нельзя не отметить внушительные тиражи (от 20 до 25 тысяч) персональной серии Ю. Никитина, сменившего в прошлом году издателя, а также романов Е. Гуляковского «Звездный мост» и В. Звягинцева «Время игры», очередного из цикла «Одиссей покидает Итаку». Но это скорее исключение из правила, ведь средне-статистический тираж фантастической книги по-прежнему остается на уровне 10 тысяч экземпляров.

Правило же состоит в вызывающе больших тиражах авторов издательства «Альфа-книга». При этом не идет никакой речи о «цветовой дифференциации штанов» (выведем пока за скобки Р. Злотникова и А. Белянина). Издательство выпускает 16-18 тысяч экземпляров книг как начинающих писателей (М. Бабкин, Б. Долинго, Н. Игнатова, С. Фрумкин), так и уже составивших себе некоторое имя (В. Бурцев, Алекс Орлов). Последний продолжает бить все рекорды по количеству опубликованного текста в единицу времени. Его цикл «Тени войны» за прошедший год увеличился еще на три романа и состоит уже из 15 (!) книг. Цикл отличается большим жанровым разнообразием: жесткая НФ соседствует с фантастическим детективом, космическая опера — с фэнтези, но существует и объединяющий элемент — наш человек, попавший в чужие миры. Супергерой огнем и мечом проходит по инопланетным нивам и весям и показывает, кто в доме хозяин. Однако этот прием характерен не только для Алекса Орлова, но практически для всех (!) авторов издательства. Здесь мы раскроем скобки и добавим к вышеупомянутым работам ранние произведения Р.

Злотникова и А. Белянина и получим полную картину. В свое время Дж. Кэмпбелл-мл. каленым железом выжигал у подвластных ему авторов неугодные идеи. Похоже, по этому же пути пошел главный редактор «Альфа-книги» В. Маршавин. Надолго ли хватит найденной им золотой жилы — покажет время, но самые высокие тиражи дебютантов дают серьезный повод для размышления.

Вообще 2001 год выдался урожайным на удачные дебюты. После многолетней засухи, когда с большим трудом удавалось наскрести по сусекам лауреатов «Старта», наконец у номинационной комиссии этой известной премии работы будет хоть отбавляй. В. Камша, А. Лютый, Гай Юлий Орловский, В. Панов (ЭКМО), Ф. Березин, А. Воронина, Д. Шубин (АСТ) и уже упоминавшиеся авторы «Альфа-книги» — вот далеко не полный перечень писателей, чьи книги вызвали определенное внимание у читающей публики. Но даже на этом фоне серьезно выделяются две публикации: Леонида Каганова «Коммутация» (АСТ) и Виталия Каплана «Корпус» (АиФ-принт).

Если дебютанты буквально рвались из кожи вон, то писатели маститые, с именем, похоже, решили взять небольшой тайм-аут. Благо, что нагулянный за предыдущие годы жирок это позволяет. Впрочем, книги с известными именами на обложках продолжали выходить. Но при внимательном просмотре содержания можно было легко установить, что три четверти текста представляют собой переиздание. Более того, издатели пошли еще дальше и в целях расширения рынка стали выпускать толстенные «хардкаверы», объединяющие под одной обложкой ди-и более -логии популярных авторов, выходившие ранее отдельными изданиями. Так, издательство АСТ основало новую серию «Коллекция» (аналогичную возникшей на пару лет раньше серии ЭКМО «Наши звезды»), в которой увидели свет три (!) кирпича В. Васильева: «Смерть или слава», «Волчья натура» и «Идущие в ночь» (с Анной Ли), трилогия В. Рыбакова «Очаг на башне», а также «Алая аура протопарторга». Е. Лукина и «Смерть взаимны» С. Вартанова. «Наши звезды» представили все романы о Лотаре желтоголовом Н. Басова, дилогию о Звездном корсаре «Замкни судьбу в кольцо» А. Бессонова, трилогию о Сфере «Резервация» А. Калугина и

ряд других ранее издававшихся вещей. Что же касается произведений оригинальных, то именитые, как правило, отмечались одной, реже двумя публикациями, а то и вовсе ограничивались периодикой, благо та позволяла проделывать с собой практически все.

Самой большой загадкой прошлого года для нас стало: кто же отбирает тексты для журналов, печатающих фантастику? Складывается впечатление, что никто. Из более чем пятисот вышедших рассказов и повестей 9/10 в советское время не принял бы к публикации даже журнал «Приусадебное хозяйство». И совсем не из соображений цензуры, а исключительно исходя из критериев литературного мастерства. Похоже, единственным журналом, который формирует свой издательский портфель именно по этому принципу, остается «Если». Хотя и здесь иногда происходит подмена понятий: высокое качество на известное имя. В прошлом году в «Если» было напечатано около тридцати произведений отечественных авторов. Нам бы очень хотелось, чтобы в будущем соотношение русскоязычной и переводной прозы приблизилось к пропорции 50:50.

Как известно, начинающим авторам довольно сложно опубликоваться в журнале «Если» (хотя пример О. Овчинникова, ставшего постоянным автором этого журнала, не имея ни одной вышедшей книги, говорит об обратном). Не стоит отчаиваться: к услугам молодых «Звездная дорога» (Красногорск) и «Порог» (Кировоград), печатающих практически весь самотек и не гнушающихся скачивать тексты из Интернета. С одной стороны, наличие этих журналов представляется, безусловно, положительным моментом — они двигают фантастику в массы. С другой же, мальчик или девочка, с такой легкостью получившие свою первую публикацию, вполне могут возомнить себя великими писателями, и любые увещевания серьезных редакторов будут воспринимать как происки против них, любимых, в угоду раскрученным «папикам». В любом случае, для того чтобы когда-нибудь стать конкурентоспособными, обоим журналам необходимо кардинально менять редакционную и, как следствие, гонорарную политику. Иначе и «Порог», и «Звездная дорога» рискуют повторить печальную судьбу журнала «Фантом», так и не сумевшего определиться со своей аудиторией.

Кроме профильных, фантастику продолжили публиковать научно-популярные журналы. Практически в каждом номере «Техники—молодежи», «Химии и жизни», «Энергии» и «Юного техника», теперь, как в старые добрые времена, можно встретить НФ-рассказ (тут уж никакой фэнтези). Продолжили свой выход альманахи. По два выпуска выдержали «Наша фантастика» (Центрполиграф) и «Сакральная фантастика» (Мануфактура). Первый познакомил нас с новым любопытным автором Василием Мидяниным, во втором всегда можно найти что-нибудь новенькое от Е. Хаецкой. Заметно увеличилась доля фантастики на страницах «Искателя», чего, к сожалению, нельзя сказать о бывшем лидере советской журнальной НФ — екатеринбургском «Уральском следопыте». Даже толстые журналы бросили свой покровительственный взгляд в нашу сторону. В частности, в девятом номере «Нового мира» можно прочитать прекрасную аналитическую статью В. Каплана с говорящим названием «Заглянем за стенку»...

Поколения

...а за ней, как на «необъятном дворе», расположился наш Континент, и только лишь на его бескрайних просторах, как в фантастическом романе, могут одновременно существовать восемь различных поколений.

Если вы думаете, что первые поколения живут лишь в воспоминаниях своих потомков, то глубоко заблуждаетесь. Так, в прошлом году мы смогли познакомиться с совершенно новым двухтомным романом «Фантаст», написанным харизматическим представителем Первой волны Александром Петровичем Казанцевым в соавторстве с сыном Никитой. Вот она, живая связь времен или, если хотите, интерференция (с этим волновым явлением нам еще предстоит неоднократно столкнуться). К А.П. Казанцеву можно относиться по-разному, но получается почему-то у всех одинаково. Даже в итоговой работе, иносказательно повествующей о 95 годах своей жизни, он умудряется подтасовывать факты, произвольно менять хронологию, выводить за скобки неприглядные факты биографии. Перед нами пред-

стает мир мечты классика советской научной фантастики, но жить в этом мире почему-то не хочется.

Сегодня вряд ли найдется издатель, который в трезвом уме и здравой памяти согласится печатать опусы фантастов «ближнего прицела». Может быть, только в познавательных целях и за счет средств авторов. Но скорее всего творений В. Немцова и иже с ним нам уже никогда не увидеть в планах издательств.

Совсем по-другому обстоят дела с писателями Третьей волны, которые составляли, составляют и будут еще длительное время составлять Наше Все. Некоторые из них находятся сейчас в добром здравии и продолжают энергично работать. У В.Д. Михайлова вышел новый фантастический детектив «Триада Куранта». Кир Булычев продолжил разработку гусярской темы. «Гусляр-2000» — так называется новый сборник его рассказов, посвященный жителям этого небольшого, но очень известного городка. Своим новым романом «Давно закончилась осада» поддержал терпящий бедствие «Уральский следопыт» патриарх российской детской фантастики В.П. Крапивин.

Поднимая тост за здоровье уважаемых мэтров, не забудем упомянуть тех, кто ушел от нас в прошлом году: А.И. Мирера, В.Д. Колупаева, В.Н. Комарова. До последней минуты они продолжали работать. «Сократ сибирских Афин», напечатанный в красноярском журнале «День и ночь», стал завершающим трудом В. Колупаева. А. Мирер и В. Комаров тесно сотрудничали с журналом «Если», один в качестве переводчика, другой в качестве автора. Именно в этом журнале и опубликованы их посмертные работы.

Школой для молодых фантастов должен стать новый проект «Классика отечественной фантастики», открытый в 2001 году издательством «АСТ». В его рамках к читателю возвращаются лучшие произведения 60-х — середины 70-х годов, «золотого века» советской НФ: «Туманность Андромеды» и «Час быка» И. Ефремова, «Люди как боги» С. Снегова, «Ур, сын Шама» и «Плеск Звездных морей» Е. Войсунского и И. Лукодянова, «Леопард с вершины Килиманджаро» и чюрленисовский цикл О. Ларионовой, «Открытие себя» и «Тупик» В. Савченко, практически полные собрания Г. Альтова и В. Журавлевой,

Д. Биленкина, И. Варшавского, С. Гансовского, Г. Мартынова, весь ранний В. Михайлов. Если же к этой серии добавить великолепно изданный одиннадцатитомник А. и Б. Стругацких, подготовленный издательством «Сталкер», то мы получим незабываемое пиршество для гурманов чтения.

Все смешалось в доме Абрамовых: волны, стили, соавторские коллективы. Уникальная попытка возродить былую славу писательского имени А. и С. Абрамовы предпринята Сергеем Абрамовым. Только в 60-е годы он писал вместе с отцом Александром, а сейчас выпустил уже несколько книг совместно с сыном Артемом. В 2001 году у нового автора вышло в рамках серии «Иная фантастика» (АСТ) два романа: «Убей страх» и «Чаша ярости», хотя лично нам все же ближе автор прежний, с его незабываемой трилогией «Всадники ниоткуда».

Поколение учеников. Знаменитая Четвертая волна. Где она? Иных уж нет, а те далече. Из первого, двадцатилетней давности, малеевского призыва в фантастике остались единицы. Мы попытались отыскать следы их деятельности.

Э. Геворкяна и А. Саломатова обнаружили в «Если» с замечательными повестями, возможно, лучшими в прошлом году, «Возвращение мытаря» и «В будущем году я стану лучше» соответственно. Б. Руденко, вообще-то давно ушедшего в детектив, — в облюбованной им еще в 80-е годы «Химии и жизни» (рассказ «Светлый праздник распятия»). Как всегда, труднее всего пришлось с В. Покровским. Найти вышедший в Липецке мизерным тиражом сборник его произведений «Георгес, или Одевятнадцативековивание» было совсем не просто, но мы сделали это, о чем не пожалели.

Е. Лукина же искать не надо. Его книги присутствуют на всех уважающих себя прилавках. Сложнее оказалось обнаружить под разнообразием обложек ранее не печатавшиеся вещи. Так, в сборнике «Щелк» новинок оказалось ровно одна — рассказ «Хранители», а в журнале «Если» — две: «Труженики зазеркалья» и «Гром не грянул». Однако мы уверены, что и этого вполне хватит для получения в новом сезоне очередных литературных премий.

Порадовал А. Столяров, публично объявивший о смерти «турбореализма» и завершении «кладбищен-

ского периода» в своем творчестве. Во всяком случае, рассказ «Как это делается» внушает определенный оптимизм.

С новоявленной европейской педантичностью отработывают свой хлеб рижане Д. Трускиновская и С. Иванов. У них в отличие от других бывших малеевцев вышло-таки по оригинальному роману. В ожидании мачо или... хотя бы просто нормального мужика — лейтмотив новой книги Трускиновской «Нереал». А поскольку таковых в повседневной жизни давно не осталось, их надлежит выдумать и в эту неприглядную жизнь натурально воплотить. В романе же С. Иванова «Кентавр на распутье», напротив, мачо никто не ждет, но он все равно приходит.

Давно уже ни для кого не секрет, что В. Рыбаков и Хольм ван Зайчик суть инкарнации одного и того же существа. Писатель четвертой волны воплотился в великого евроки-тайского гуманиста или наоборот сие неведомо. Ведомо же одно, что проект «Плохих людей нет», безусловно, самое значительное событие, на нашем Континенте за последние несколько лет. Ван Зайчику удалось невозможное — создать мир, в который нам хочется верить. Нам, казалось бы, уже потерявшим веру во все. Мир, в котором хочется жить, точно так же, как двадцать лет назад хотелось жить в мире Полдня, созданном братьями Стругацкими. По сути, евразийская симфония ван Зайчика это «Гравилет Цесаревич» на новом витке спирали.

Несколько месяцев назад довольно крупное московское издательство «Вече» проявило свой интерес к фантастике. Редактором соответствующего отдела стал В. Пищенко, занимавший в начале 90-х годов пост директора ВТО МПФ. Не надо быть большими провидцами, чтобы предугадать, где теперь сосредоточатся основные силы писателей пятой волны.

Минчане Ю. Брайдер и Н. Чадович в свое время очень тесно сотрудничали с ВТО. И надо же такому случиться, что именно сейчас увидел свет написанный ими довольно давно роман «Жизнь Кости Жмуркина, или Гений злонравной любви», повествующий в сатирической форме об истории становления, расцвета и крушения этой издательской машины.

В книге с издевательской точностью выведены многие известные ныне личности. Брайдер с Чадовичем

мужики, конечно, крепкие, но мы бы на их месте поостереглись. «Костя Жмуркин...» стал третьим после «Игоряши — золотой рыбки» В. Бабенко и «Острова Русь» С. Лукьяненко и Ю. Буркина произведением, в котором превалирует тусовочный элемент, обычно остающийся на втором-третьем планах.

Хотелось бы отметить «Претендента» — новую книгу Л. Кудрявцева, вернувшегося в своих последних повестях к эстетике «дороги миров», принесшей ему в свое время наибольший успех. А также написанный в жанре фэнтези роман граждан Израиля Д. Клугера и А. Рыбалки «Тысяча лет в долг», вышедший в издательстве «Армада-пресс», редактором отдела фантастики которого до недавнего времени работал также бывший функционер ВТО А. Каширин. Так что делайте выводы, господа.

Что бы ни говорили, но основную погоду на Континенте делают Шестая и Седьмая волны. Чуть не заладится у них, и глядишь — уже и засуха, и год неурожайный.

Александр Громов, похоже, закончил свои изыскания, связанные с неминуемой гибелью человечества. Но если в «Тысяча и одном дне», посвященном будущему матриархату, он однозначно заявляет, что социуму, главная цель которого «просто жить», существовать незачем, то в «Крыльях черепахи» писатель все же оставляет маленькую надежду, апеллируя к нашему здравому смыслу, который в конце концов заставит всех прислушаться к его предупреждениям. В последнее время А. Громов изменил стиль письма, придав ему большую гармонию, о чем свидетельствуют его прошлогодние повести и рассказы «Погоня за хвостом», «Дарю тебе звезду» и «Глина Господа Бога».

Как и в прошлом году, М. и С. Дяченко предложили читателям два совершенно разных романа: «Магам можно все» и «Долина совести». Но так кажется только на первый взгляд. И хотя первый роман — типичная фэнтези, явно тяготеющая к циклу «Скитальцы», а второй — социально-психологическая фантастика в духе «Пещеры», они объединены общей темой. А именно, темой нравственного выбора. И какая, собственно, разница, кто должен определиться: молодой маг, выигравший Заклинание Кары, или наш современник, получивший дар до беспамятства влюб-

лять в себя людей (привет от крошки Цахеса). Что касается малой формы, то мы не сомневаемся, что названия «Кон», «Хозяин колодцев», «Баскетбол» еще предстоит услышать при объявлении лауреатов НФ-премий.

Олег Дивов — предатель и саботажник — первое, что приходит в голову после прочтения новой книги писателя, состоящей из романа «Саботажник» и повести «Предатель». Человек, который в 2000 году совершил настоящий прорыв «Толкованиями сновидений», в 2001-м написал это. Но стоит лишь слегка изменить угол зрения, и все моментально становится на свои места. Перед нами великолепная антиклерикальная пародия на всех и вся: на космическую оперу и фэнтези, на себя и коллег по цеху. И когда это понимаешь, то берешь книгу и перечитываешь ее заново, заходясь от восторга.

После грандиозного успеха повести «Монах на краю земли» С. Синякин не стал почивать на лаврах. Лучшим подтверждением чему стали его новые романы, просто переполненные его фирменным юмором: «Реинкарнатор» и «Вокруг света с киллером за спиной».

Вот уж кто неподвластен никаким капризам погоды, всегда стабильно работает и уверен в своем будущем, так это наша харьковская диаспора. А. Валентинов и Г.Л. Олди закончили свой параллельный роман: «Диомед — сын Тидея» — «Одиссей — сын Лаэрта». Остается только пожалеть, что между выходом первого и второго томов прошло существенное время. Уверены, что если бы двухтомники вышли одновременно, данный проект имел бы гораздо больший эффект. Новые же их произведения — «Богадельня» Г.Л. Олди, написанная в жанре «альтернативной религии» (перед нами мир, где Спаситель был не распят, а колесован), а также «Ола» и «Флагетон» А. Валентинова вполне соответствуют концепции серии «Нить времен». Безусловно, вызовет интерес и криптоисторическая диалогия А. Зорича «Карл — герцог» — «Первый меч Бургундии».

Андрей Плеханов продолжает удивлять. Похоже, он решил перепробовать все направления в современной фантастике. Начав как автор традиционной фэнтези, он внезапно разразился «Сверхдержавой» — серьезным социально-политическим триллером. И вдруг в романе «Ин-

квизитор» автор вновь возвращается к фэнтези. Но к фэнтези черной, в духе Стивена Кинга, с кровавыми маньяками и пытками испанской инквизиции. Интересно, что же еще нам собирается предложить нижегородский фантаст?

Вновь заявил о себе М. Тырин. После многообещающего дебюта автор несколько отошел в тень, и за исключением неплохой повести «Истукан» ни в чем выдающемся замечен не был. Роман «Тварь непобедимая» открывает новые грани его таланта: заметно повысившийся профессионализм, а также умение строить непротиворечивый сюжет, наполненный нестандартным содержанием.

Невозможно представить ничего более эклектичного, чем восьмая волна российской фантастики. С изрядной долей юмора к ней можно отнести и Хольма ван Зайчика, и Сергея и Артема Абрамовых, и даже Александра и Никиту Казанцевых. Разве кто-нибудь слышал об этих трех авторах до 2000 года?

Если же говорить серьезно, то, несмотря на щедрые авансы, молодежи предстоит еще очень много работать, прежде чем кто-либо из них (а может быть, и вообще никто) достигнет фантастического Олимпа. Это относится и к лауреату премии «Старт» Виктору Бурцеву, и к Е. Прошкину, написавшему в прошлом году очень приличный роман «Слой», мало в чем уступающий сходным по тематике «Выбраковке» Дивова и «Сверхдержаве» Плеханова.

Однако возникают «гигантские флуктуации», когда уже первая книга заставляет говорить о ее авторе как об уже сложившемся писателе. Москвич Леонид Каганов, хорошо известный в компьютерных сетях (под прозвищем LLeo) юморист и пересмешиник, автор многих текстов для юмористических телешоу, выпустил наконец давно ожидаемый сборник рассказов и повестей «Коммутация». В сборнике собраны как лучшие фантастические юморески и пародии автора, так и его «серьезная» проза, мало известная сетевому сообществу. И, как выясняется писать в жанре фантастической притчи или триллера удастся писателю отнюдь не хуже, чем смешить читателей.

Виталий Каплан, ранее известный читателям как критик, на фоне авторов последней генерации выглядит нетипично. Наверное, потому, что в его первую кни-

гу «Корпус» вошли произведения, написанные им в середине 90-х. Роман «Корпус» и повесть «Юг там, где солнца» — это философские притчи, краеугольным камнем которых являются взаимоотношения цели и средств в борьбе добра со злом. Подобная тематика вкупе с неторопливой манерой повествования были характерны для авторов Третьей и Четвертой волны. Большинство современных коммерческих писателей, особенно молодых, проблеме цели и средств давно для себя решили. В пользу цели. Подобный выбор, впрочем, является вполне типичным и для повседневной жизни. Мы наблюдаем его результаты каждодневно.

Надо сказать, что В. Каплан стал не единственным критиком, попробовавшим свои силы в прозе: у Д. Володихина также вышел дебютный роман «Полдень сегодняшней ночи». Ребята, похоже, сами не поняли, что сделали. По нашему мнению, ощущение критика, проснувшегося утром писателем, может сравниться лишь со жгучим, щемящим разочарованием мистера Хайда, очнувшегося в луже крови, с лоскутами чужой кожи под ногтями, с привкусом порочной страсти на губах и вдруг осознавшего, что он является всего лишь тривиальным, законопослушным доктором Джекилом.

События

Теперь коснемся событий, случившихся в околофантастическом мире в прошлом году. Как обычно жизнь здесь насыщена всевозможными конференциями (конвентами), на которых традиционно вручаются премии за лучшие произведения предыдущего (здесь — 2000) года.

Первым в третьем тысячелетии стал новый крупный российский конвент «Роскон-2001». Он прошел с 15 по 18 марта 2001 г. на базе «Боровое», расположенной неподалеку от подмосковного Ногинска. Следует отметить, что фестивалей фантастики такого уровня на московской земле доселе не проводилось. В конференции приняло участие около 250 человек, большинство из которых являлись профессионалами, активно работающими в жанре — только писателей-фантастов приехало более 70 человек. Кроме того, на конвенте присутствовали издатели, редакторы, переводчики, журналисты, критики, художники и просто любители

фантастики из России, Украины, Белоруссии, Молдовы, Латвии, Литвы, Эстонии, Польши и США. Кроме обычного для мероприятий такого рода обильного неформального общения, «Роскон» отличался большим количеством официальных встреч, семинаров и дискуссий.

После церемонии торжественного открытия «Роскона», перед собравшимися выступил харьковчанин Андрей Валентинов и призвал всех объединиться в международный союз писателей-фантастов*. Идеи, изложенные в докладе некоторыми из присутствующих, были восприняты неоднозначно, однако на заключительной пресс-конференции ряд писателей вернулись к этой теме, и было принято решение продолжить обсуждение и после завершения «Роскона», а Евгений Лукин даже придумал название для этого объединения — фАнтанта!..

Своеобразным десертом к трехдневной работе конференции стало вручение премий. Приз «Большой Роскон» (присуждается оргкомитетом «Роскона») получил почетный гость фестиваля польский фантаст Анджей Сапковский. Приз «Алиса» (за лучшую детскую фантастику; присуждается специальным жюри под председательством Кира Булычева) был вручен лично Кириллом Булычевым и «Алисой» — Натальей Мурашкевич-Гусевой москвичу Андрею Саломатову. Однако центральным событием стало вручение призов по результатам двухэтапного голосования участников конвента. Стоит заметить, что такая система голосования (без номинационных списков) была впервые применена в России. Однако экспериментальная схема, в которой в одну группу объединены художественные произведения разного жанра и объема, хотя и наиболее демократична, но все же дает серьезное преимущество романам над рассказами. В результате «Золотой Роскон» получили Владимир Васильев и Сергей Лукьяненко за роман «Дневной дозор»; «Серебряный Роскон» — Евгений Лукин за роман «Алая аура протопарторга»; «Бронзовый Роскон» — Генри Лайон Олди за роман «Одиссей, сын Лазарта» (книга 1: «Человек Номоса»).

Весна в российской фантастике — время традиционных конвентов. Свой двадцатилетний юбилей екатеринбургская «Аэлита» отметила вручением главного одноименного приза

* Этот доклад опубликован в сборнике «Фантастика 2002, выпуск 1.

представителям Седьмой волны Марине и Сергею Дяченко. Надо сказать, что впервые приз за вклад в фантастику достается авторам с таким относительно небольшим писательским стажем, что, несомненно, подтверждает их лидирующие позиции в современном литературном процессе. Приз «Старт» за лучший дебют получили, конечно же, представители Восьмой волны. Таллинец Виктор Косенков и Юрий Бурносков из Брянска, выступающие под псевдонимом Виктор Бурцев, познакомились в Сети, и первый свой совместный роман «Алмазные нервы», завоевавший награду, написали, еще не будучи знакомыми лично. Приз имени И. Ефремова достался абаканцу Владимиру Борисову, премия им. В. Бугрова за вклад в фантастиковедение была вручена Александру Ройфе.

Очередной «Интерпресскон» проходил как всегда с 4 по 7 мая в хорошо знакомом постоянным участникам конвента санатории «Разлив» под Санкт-Петербургом. Более 120 представителей фэндомов съехались на один из самых престижных и стабильных слетов в российской фантастике. Программа конвента по традиции была насыщена мероприятиями как рабочего, так и развлекательного плана. Семинары, пресс-конференции, деловые встречи спокойно соседствовали с пикниками, шашлыками, купанием в Финском заливе (чему способствовала необычайно жаркая для начала мая погода) и неформальным общением за рюмкой чая. В предпоследний день «Интерпресскона», под бдительным взглядом телекамер Российского телевидения в очередной раз был открыт памятник творчеству братьев Стругацких, учрежденный фэн-группой «Мертвяки». В очередной, потому что семигранный болт, установленный на берегу залива еще в 1999 году, не просуществовал и полугодом, будучи уничтоженным неграмотными аборигенами. На этот раз памятник, дабы не оставлять его в лесу без присмотра, сделан съёмным и будет устанавливаться на каждом следующем «Интерпрессконе».

Однако, как и на других конвентах, главным событием стало голосование и вручение традиционных и новых премий. В частности, на «Интерпрессконе» впервые был вручен приз от самого популярного жанрового интернет-сервера «Русская фантастика» (www.rusf.ru). Три произведения-финалиста этой премии определили посетители

сайта, победителя же из этой тройки выбрала редакция сервера. Первым обладателем премии «Русской фантастики» стал Сергей Лукьяненко за дилогию «Искатели неба» (романы «Холодные берега» и «Близится утро»).

Основные же награды за лучшие произведения 2000 года распределились так: Борис Стругацкий свои «Бронзовые улитки» вручил супругам Дяченко за роман «Армагед-дом» и повесть «Последний Дон Кихот», Вячеславу Рыбакову за рассказ «Возвращения», а также посмертно Анатолию Бритикову за книгу критики «Отечественная научно-фантастическая литература». Премия «Интерпресскон» (по итогам голосования участников конвента) достались Евгению Лукину за роман «Алая аура протопарторга» и рассказ «Приснившийся» и Александру Громову за повесть «Вычислитель». По разделу «Критика и публицистика», как и на «Росконе», первое место заняла статья ваших покорных слуг «Ровесники фантастики» из сборника «Фантастика-2000», а лучшим издательством в который уже раз признали АСТ. Приз за дебют получил Андрей Лях за роман «Реквием по пилоту». Юмористическая премия «за лучшее литературное убийство Семяцкого» в этом году досталась Александру Громову. Анализируя результаты голосования, следует отметить весьма заметную тенденцию, усиливающуюся с каждым «Интерпрессконом», — участники все чаще голосуют не за конкретные произведения, а обращают внимание лишь на «брендовое» имя автора. И с этой точки зрения, премия «Бронзовая улитка», при всей ее абсолютной субъективности, имеет некоторое преимущество — Борис Натанович в отличие от многих посетителей конференции гарантированно читает все произведения номинационных списков.

Третий московский Форум фантастики под эгидой журнала «Если» проходил 24—25 мая и совпал с юбилейными мероприятиями, посвященными выходу сотого номера журнала. Во второй день форума на торжественной церемонии в ресторане «Шато» состоялось вручение призов «Сигма-Ф» (по результатам голосования читателей журнала). Призы, изображающие салящую летающую тарелку с символикой «Сигмы-Ф», достались Марине и Сергею Дяченко за роман «Армагед-дом», Александру Громову за повесть «Вычислитель», Киру Булычеву за цикл гуслярских рас-

сказов и Далии Трускиновской за рассказ «Сумочный». В разделе критики победу одержал Е. Харитонов.

Лауреаты «АБС-премии» были объявлены, как всегда, 21 июня в Санкт-Петербургском Доме журналистов. В номинации «Художественная литература» победил В. Рыбаков, написавший роман «На чужом пиру». Лучшим критико-публицистическим произведением признана посмертная монография А. Бритикова «Отечественная научно-фантастическая литература».

Новая традиция, сложившаяся не так давно — лето становится временем региональных локальных конвентов. В июле состоялись пермский «Фэн-Дом-2001» и томская «Ура-ния» (главные призы здесь достались романам Юлия Буркина «Цветы на нашем пепле» и Владислава Крапивина «Лужайки, где пляшут скворечники»).

Десятилетний юбилей «Волгакона-1991», одного из самых крупных и представительных международных форумов за всю историю российской фантастики, решили отметить в Волгограде и в августе провели «Волгакон-2001» — небольшой, но прекрасно организованный конвент. Организатором, конечно же, выступил «Фэн №1» Борис Завгородний, которого в этом начинании поддерживали представители волгоградских КЛФ и местные писатели (такие, например как Евгений Лукин и Сергей Синякин). Вручалось множество призов, носивших шутовское название «Приз имени тов. Волгакона». Специально к «Волгакону» организаторами было выпущено несколько малотиражных книг, как художественных, так и критико-публицистических. В августе же впервые за историю российского фэндом-а прошел тематический конвент — слет русских треккеров (так называют себя фанаты кинотелесериала «Звездный путь»/»Star Trek») состоялся недалеко от подмосковного городка Троицк.

Сентябрь ударным аккордом подвел итоги года двумя конвентами — в Харькове и Санкт-Петербурге. А начался он с подведения итогов премии критиков «Филигрань» — жюри отметило роман Олега Дивова «Толкование сновидений», и уже ставшую чемпионом года по количеству премий, повесть Александра Громова «Вычислитель».

«Звездный мост» — ведущий украинский конвент стартовал почти сразу за «Филигранью» (сроки про-

ведения 13—16 сентября). В 2001 году в Харькове собралось рекордное количество участников — более двухсот. Фестиваль прошел с чисто славянским размахом. Помимо интересных докладов, семинаров, концертов, стоит отметить выступления мастеров боевых искусств, экспромтом разыгрывающих короткие мини-спектакли по сюжетам, предлагаемым любым желающим (лучшим сценарием был объявлен сценарий Сергея Дяченко, оосовременившего сказку о Колобке), а также чемпионат по пэйнтболу, в котором команды, защищающие честь НФ, сражались с командами поклонников фэнтези (НФ победила со счетом 5:4, а личное первенство выиграл выступавший за НФ главный редактор сервера «Русская фантастика» Дмитрий Ватолин). Ну и, конечно же, в завершение фестиваля вручались премии («Золотой и серебряный кадуцей»), коих было довольно много. Вот некоторые из них: по номинации «Циклы, сериалы, романы с продолжениями» «Золотой кадуцей» завоевал Хольм ван Зайчик — за 1-ю цзюань цикла «Плохих людей нет»; «Серебряный кадуцей» достался Сергею Лукьяненко за роман «Близится утро». В категории «Роман» первенствовали украинцы Марина и Сергей Дяченко («Магам можно все»), а второе место участники конвента отдали роману Олега Дивова «Толкование сновидений». Лучшим дебютом стал «Пепел» Федора Березина.

Шестой конгресс фантастов России состоялся в конце сентября в Санкт-Петербурге. На этот раз конгресс не был столь представительным, как в былые годы, — не приехали иностранные гости (дело ограничилось лишь интернет-встречей гостей конвента с сэром Артуром Кларком, который впоследствии получил специальный приз конгресса «Гость издалека»), по причине болезни отсутствовал Б. Стругацкий, да и гостей из российских городов в этом году было значительно меньше обычного. Скорее всего именно поэтому жанровые призы, «Мечи», за которые голосуют присутствующие на мероприятии писатели, достались в основном петербургским фантастам, плюс специальный меч от оргкомитета получил почему-то известный питерский артист Михаил Боярский, по большому счету никакого отношения к фантастике не имеющий. Кроме того, жюри впервые за несколько лет решилось чуть-чуть расширить

свой состав, правда, лишь на одного человека — им стал москвич Александр Громов. Существенным событием конгресса стала (особенно в нынешней политической ситуации) дискуссия «Катастрофы грядущего», состоявшаяся в Доме ученых. А основные призы-«Странники» вручались, как всегда, в питерском Доме композиторов. Лауреатами стали: Юлий Буркин за роман «Цветы на нашем пепле», Александр Громов за повесть «Вычислитель» и Сергей Лукьяненко за рассказ «Вечерняя беседа с господином особым послем». Приз за лучшую «нон-фикшн» посмертно достался Анатолию Бритикову за книгу «Отечественная научно-фантастическая литература», лучшей переводчицей года стала Ирина Гурова за перевод романа С. Кинга «Сердца в Атлантиде». Лучшим издательством жюри «Странника» объявило «ЭКСМО-Пресс», а в категории «Редактор, составитель» победил главный редактор издательства АСТ Николай Наumenко — за составление серий «Звездный лабиринт», «Координаты чудес», «Век дракона» и сборника «Фантастика-2000».

Таковы конвентно-премиальные итоги года. Как можно заметить, представители разных волн и течений спокойно и мирно сосуществуют на Континенте фантастики, съезжаясь на конвенты, вручая друг другу и получая от читателей всевозможные призы и премии. Но не ждут ли изменения и потрясения это комфортное мироустройство?

Футурологический эпилог

Все течет. Все меняется. Меняемся и мы. Будет меняться и фантастика. Что готовит нам грядущий день? Новый засстой или взрыв с выходом на иной, недоступный пока качественный уровень? Стоит ли ожидать новых громких имен в ближайшем будущем? Как поведет себя еще не сформировавшаяся окончательно Восьмая волна? А может, уже начинается зарождающаяся Девятая?

Между прочим, хоть мы здесь ведем речь о Волнах литературных, коррелируя их с волнами покорителей Континента фантастики, ассоциация с морскими волнами напрашивается. А между прочим, доказано, что по законам физики самой высокой является каждая третья морская волна. А пиковой высоты достигает каждая девятая (каж-

дая третья из третьих — отсюда и легенды о Девятом вале). Так не окажется ли будущая Девятая на самом деле самой мощной из волн, тем самым Девятым валом, сносящим все и вся на своем пути? Предположим, что фантастика ближайшего будущего возникнет на стыке НФ и постмодернизма. Ведь вышедший в прошлом году кислотно-авангардистский роман Александры Сашневой «Наркоза не будет» и написанный целиком в духе «локального постмодернизма»*. Роман Юлия Буркина «Звездный табор, серебряный клинок» уже наделали немало шума — так, может, — это лишь буревестники новой эры, пока еще скрытой от нас «за поворотом, в глубине лесного лога»? Будем ждать и надеяться на то, что нам будет на что надеяться.

* Подробнее об этом термине см. нашу статью в «Если» № 4, 2002.

Содержание

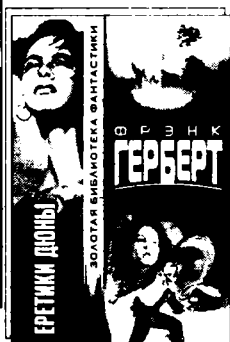
ПОВЕСТИ	5
Игорь Борисенко. КУРЬЕР	7
Дмитрий Володихин. МЯТЕЖНОЕ СЕМЯ	78
Василий Мидянин. ЯСТРЕБ И СКОРПИОН	126
РАССКАЗЫ	163
Леонид Кудрявцев. НЕНУЖНЫЕ ВЕЩИ	165
Леонид Каганов. ЭПОС ХИЩНИКА	182
Екатерина Некрасова. ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ	199
Николай Караев. ВУДУ СО СЛИВКАМИ	207
Алексей Калугин. БОЛЬШЕ ХОРОШИХ НОВОСТЕЙ ...	220
Евгений Лукин. МГНОВЕНИЕ ОКА	230
Сергей Лукьяненко. ЕСЛИ СЕГОДНЯ	240
Юлий Буркин. ОН! DARLING	249
Святослав Логинов. СПОНСОР	271
Дмитрий Скирюк. ТОНИК	285
Андрей Щербак-Жуков. ЭТЮД О МНОГОМЕРНОСТИ ПРОСТРАНСТВА	309
Дмитрий Громов. СКОЛЬЗКИЙ ПОВОРОТ	318
Алексей Корепанов. ПО ЗАПОВЕДЯМ	325
Сергей Герасимов. ВЛАСТЬ ЦИФРЫ	328
Александр Громов. БЫТЬ ПРОЩЕ	337
РОМАНЫ	351
Об издательстве «Новая Космогония»	352
Дмитрий Крюков. ПЫЛЬ НА ВЕТРУ	353

Максим Орлов. ДЕВЯТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД . . .	361
Яков Трошин. ТРИ МИНУТЫ ИЗ ЖИЗНИ НОВОГО МИРА	366
Лю Сянь. РУЧЕЙ И ЛОТОС	371
Арсений Керзин. ЛОГОС	376
Алина Лещина. ПУТЬ, УВОДЯЩИЙ В ОБЛАКА	382
Виктор Юрчевский. ДРАБАНТЫ ПОВЕЛИТЕЛЯ СНОВ	386
Алексей Ильин. ДИЛЕТАНТ	391
Павел Олежкин. МУТЬ-28	396
Алексей Бурьянов. ИЗ ЖЕЛЕЗНОГО КРУГА	401
Владислав Назаров. БЕРЕГ ДНА	405
Инга Лавренцова. ЛЮБОВЬ ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ И ЗЕМНАЯ	410

О ФАНТАСТИКЕ И НЕ ТОЛЬКО 415

Евгений Харитонов. «РУССКОЕ ПОЛЕ» УТОПИЙ . .	417
Вячеслав Рыбаков. КЛЕВЕТНИКАМ ОРДУСИ	465
Игорь Чёрный. EX UNGUE LEONEM	478
Андрей Шмалько. ФЭНДОМ, ФЭНЫ, ФЭНЬЕ	496
Дмитрий Байкалов, Андрей Сеницын. ВОЛНЫ	508

ДЮНА

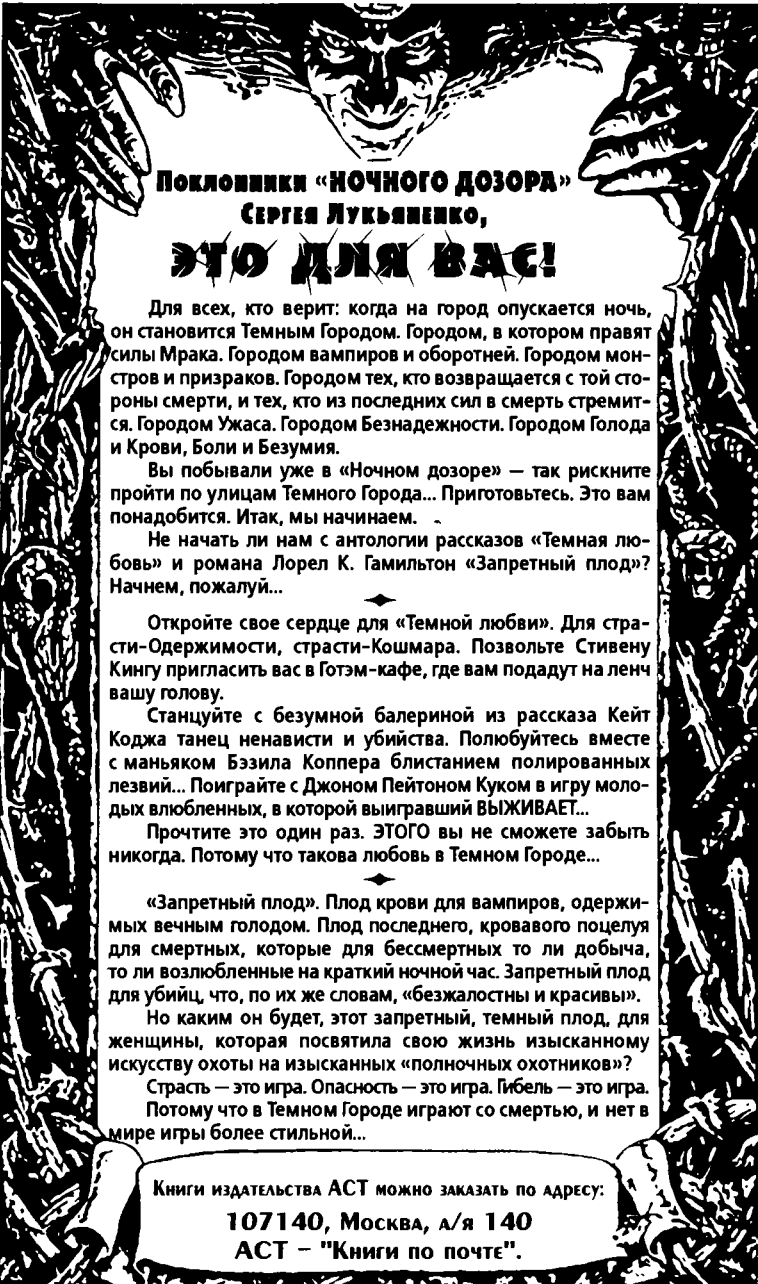
В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна»
«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевинном Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2002 году в серии «Золотая библиотека фантастики»
второй роман трилогии — **«ДОМ ХАРКОННЕНОВ»!**

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

Поклонники «НОЧНОГО ДОЗОРА»

Сергея Лукьяненко,

ЭТО ДЛЯ ВАС!

Для всех, кто верит: когда на город опускается ночь, он становится Темным Городом. Городом, в котором правят силы Мрака. Городом вампиров и оборотней. Городом монстров и призраков. Городом тех, кто возвращается с той стороны смерти, и тех, кто из последних сил в смерть стремится. Городом Ужаса. Городом Безнадежности. Городом Голода и Крови, Боли и Безумия.

Вы побывали уже в «Ночном дозоре» — так рискните пройти по улицам Темного Города... Приготовьтесь. Это вам понадобится. Итак, мы начинаем.

Не начать ли нам с антологии рассказов «Темная любовь» и романа Лорел К. Гамильтон «Запретный плод»? Начнем, пожалуй...

Откройте свое сердце для «Темной любви». Для страсти-Одержимости, страсти-Кошмара. Позвольте Стивену Кингу пригласить вас в Готэм-кафе, где вам подадут на ленту вашу голову.

Станцуйте с безумной балериной из рассказа Кейт Коджа танец ненависти и убийства. Полюбуйтесь вместе с маньяком Бэзила Коппера блистанием полированных лезвий... Поиграйте с Джоном Пейтоном Куком в игру молодых влюбленных, в которой выигравший ВЫЖИВАЕТ...

Прочтите это один раз. ЭТОГО вы не сможете забыть никогда. Потому что такова любовь в Темном Городе...

«Запретный плод». Плод крови для вампиров, одержимых вечным голодом. Плод последнего, кровавого поцелуя для смертных, которые для бессмертных то ли добыча, то ли возлюбленные на краткий ночной час. Запретный плод для убийц, что, по их же словам, «безжалостны и красивы».

Но каким он будет, этот запретный, темный плод, для женщины, которая посвятила свою жизнь изысканному искусству охоты на изысканных «полночных охотников»?

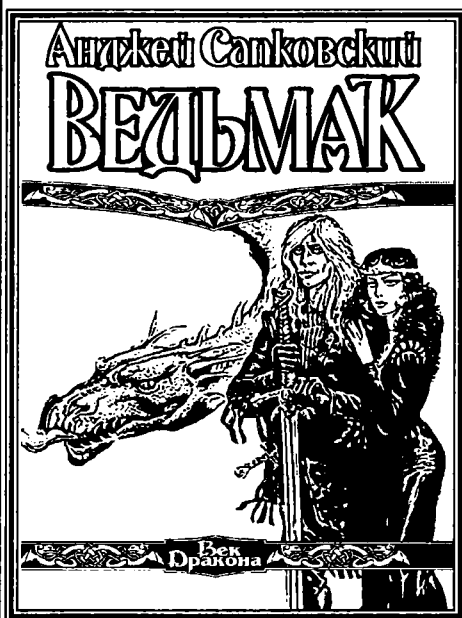
Страсть — это игра. Опасность — это игра. Гибель — это игра. Потому что в Темном Городе играют со смертью, и нет в мире игры более стильной...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:

107140, Москва, а/я 140

АСТ — "Книги по почте".

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.

"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невообразимые страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, д/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

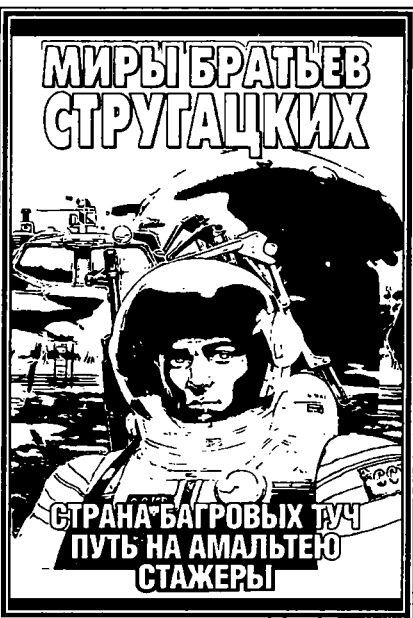

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир паранормального ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далеко выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

**ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ**

**СЕРИЯ
"МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ"**

Братья Стругацкие... Их знают не только те, кто любит фантастику. Магии книг братьев Стругацких подвластны самые разные люди - независимо от возраста, образования, убеждений. На этих книгах выросло не одно поколение читателей. Каждый находит в них что-то для себя, каждый черпает из них что-то свое, словно бы предназначенное именно для него. Братья Стругацкие - это "знак качества", фирменная марка, символ и идеал, к которому так хочется стремиться.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, д/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- Звездный б-р, д. 21, стр.1, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский б-р, д. 17, тел. 372-40-01
- Крокус-Сити, 65—66 км МКАД, тел. 754-94-25
- ул. Стромынка, д. 14/1
- Чонгарский б-р, д. 18а, 119-90-89, 119-65-40
- Зеленоград, кор. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. 8-8182-65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. 8-0112-441095, 566095
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/ Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. 8-3532-41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88А
- г. Н.Новгород, ул. Маяковская, д. 13 (8312) 33-79-80

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Фантастика 2002. Выпуск 2

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерный дизайн: С.В. Шумилин

Компьютерная верстка: В.А. Смехов

Технический редактор О.В. Панкрашина

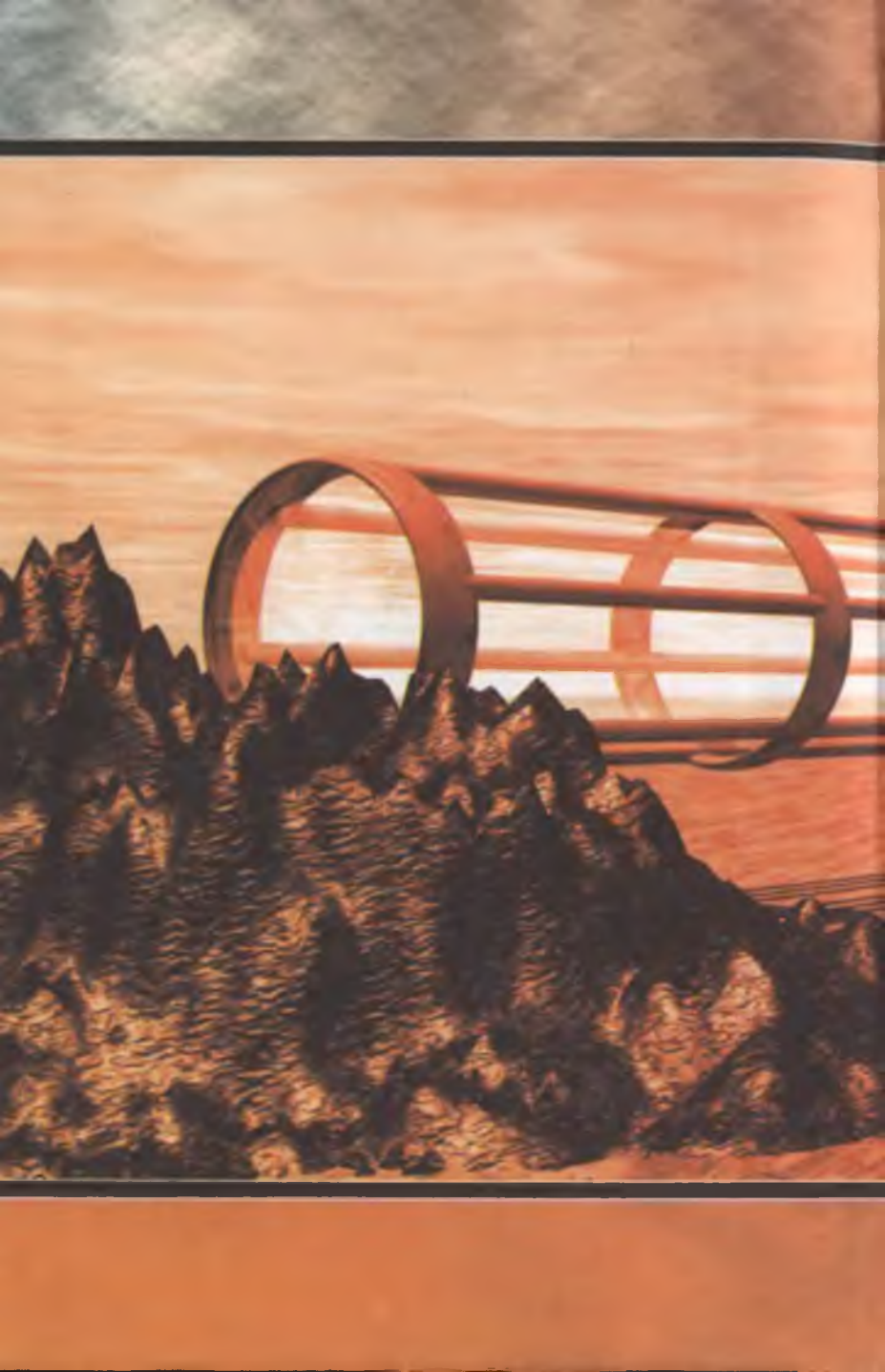
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
“Самарский Дом печати”
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

ISBN 5-17-014022-3

9 785170 140220

**Поклонники отечественной
научной фантастики!
НЕ ПРОПУСТИТЕ!**

**Издательство АСТ предлагает вам ОЧЕ-
РЕДНОЙ сборник повестей и рассказов
«Фантастика — 2002/2».**

**Дмитрий Володихин, Леонид Каганов,
Леонид Кудрявцев, Алексей Калугин, Евгений
Лукин, Юлий Буркин, Дмитрий Скирюк, Алек-
сандр Громов и многие другие!**

ПРОЧТИТЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО!